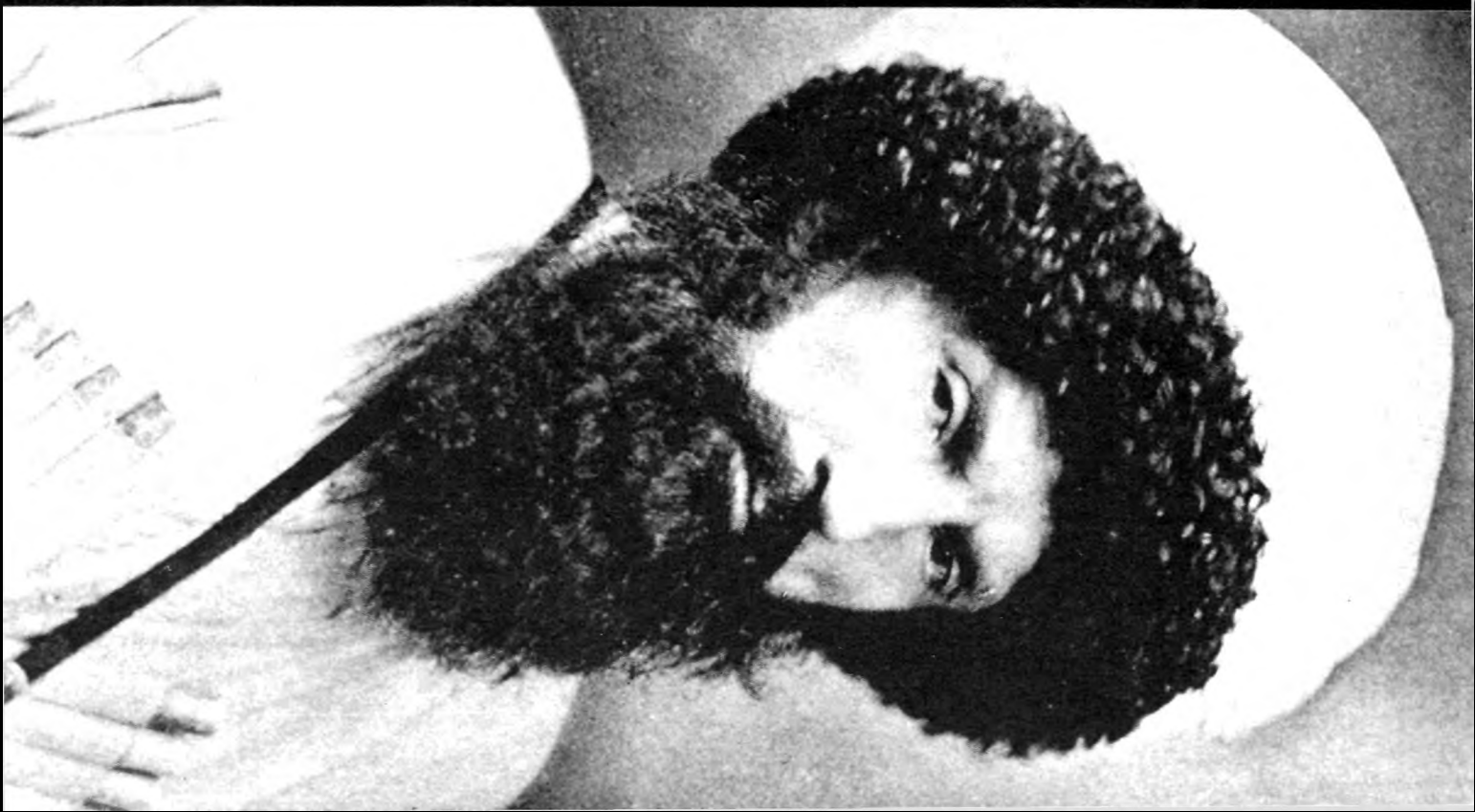
ГОСУДАРСТВО ШАМИЛЯ

Ю.У. ДАДАЕВ



Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского НЦ РАН

instituteofhistory.ru

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ ДНЦ РАН
ДАГЕСТАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
КУЛЬТУРНОЕ-ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО «ФОНД ШАМИЛЯ»

ДАДАЕВ Ю. У.

ГОСУДАРСТВО ШАМИЛЯ

Социально-экономическое положение, политико-правовая и военно-административная система управления

МАХАЧКАЛА 2006

ББК 63.3 (2R-6Д)
Д 14

Редакционная коллегия: Б.Г. Алиев - д.и.н. проф. (ответственный редактор), Э.М.Далгат - д.и.н., Х.М. Доного - к.пед.н., доц., А.М.Магомеддадаев, к.и.н., М.-С.К. Умаханов - д.и.н., проф., А.Р. Шихсаидов - д.и.н., проф.

Рецензенты:

- доктор исторических наук, проф. Б.Б. Булатов.
- доктор исторических наук, проф. З.М. Нахибашев.

Д 14 **Дадаев Ю.У. ГОСУДАРСТВО ШАМИЛЯ. Социально-экономическое положение, политико-правовая и военно-административная система управления.** – Махачкала, 2006. 505 с.

В монографии раскрываются вопросы социально-экономического положения, политико-правовой и военно-административной системы управления в уникальном и многонациональном государстве Имамат, созданного имамом Шамилем и его сподвижниками.

Рассчитана на научных работников, преподавателей, аспирантов, студентов, а также на всех, интересующихся отечественной историей, историей национально-освободительной борьбы Дагестана и Чечни под руководством имама Шамиля.

Рекомендована к изданию решением ученного совета Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН от 28.02.2006г., протокол № 2.

ББК 63.3 (2R-6Д)
УДК 94 (470.67)

© **Дадаев Ю.У.**
© Институт ИАЭ ДНЦ РАН, 2006
Издательство «Ихлас», 2006

Светлой памяти
моих родителей
посвящается

ПРЕДИСЛОВИЕ

Сегодня, говоря о важности рассматриваемого в монографии вопроса, о необходимости устранения многих белых пятен и восстановления забытых страниц нашей истории, следует сказать и о том, что ретроспективная оценка прошлого способна во многом прояснить и современную ситуацию и будущее. Она дает возможность увидеть истоки нынешних проблем, извлечь из опыта прошлого значимые для социальной практики уроки. Ведь известно, что прошлое исследует для того, чтобы поставить его на службу настоящему.

Известно также, что настоящее – это веками накопленный опыт совместной жизни и труда наших народов, когда даже в самые острые, кризисные моменты не зарастала тропа, ведущая народы друг к другу. Это опыт их боевого содружества против общих врагов России и Кавказа. Опыт их дружбы, выдержавшая испытания временем, опыт героической борьбы трудящихся горцев вместе с русским народом за свое социальное и национальное освобождение. Беречь и обогащать этот опыт – наш долг перед нашими потомками, суд которых, как считал еще Цицерон, стоит гораздо выше, чем мнение современников.

Мы, ученые, несем особую ответственность перед потомками за ту историю, которую пишем, за то, чтобы она была правдивой и глубоко научной.

Исторические отношения России и Северного Кавказа неоднозначны, не всегда эти отношения складывались мирно и без конфликтов. И до сих пор (особенно в последние 15-20 лет) к Северному Кавказу уделяется большое внимание Запада и других стран, в том числе соседних государств.

В московском журнале «Плацдарм» в 2001 г. был опубликован документ, подготовленный для президента США Дж. Буша одним из сотрудников постоянно работающего в России американского фонда. В этой справке говорится: «...Именно готовность руководства России уйти с Северного Кавказа должна рассматри-

ваться мировым сообществом в качестве главного доказательства его разрыва с порочной имперской традицией»[1].

Как пишет академик Ю. А. Поляков, «роль Северного Кавказа в истории России явно недооценивалась. Северный Кавказ – один из столпов Российской Федерации. Невозможно представить Россию без Северного Кавказа и Северный Кавказ вне России»[2].

«Дагестан никогда добровольно в Россию не входил и никогда добровольно из нее не выйдет» - эта знаменитая фраза принадлежит дагестанскому поэту Расулу Гамзатову. На наш взгляд, слова эти с полной уверенностью можно отнести ко всему Северному Кавказу.

Наша задача состоит в том, чтобы поставить вопросы и решить их только на научной основе, исходя из анализа и обобщения не отдельных единичных впечатляющих примеров и фактов, а из всей их совокупности; вести дискуссию спокойно, в деловом, научном тоне, помня, что от этого факты не становятся менее убедительными, как и то, что события не останутся нераскрытыми и не получат должной оценки.

Если борьба народов Дагестана и Чечни проходила под религиозным знаменем мюридизма, и в ходе этой борьбы было создано объединение части горцев в единую государственную систему – Имамат во главе с Шамилем, то среди других горцев Северного Кавказа и большинства адыгов[3] мюридизм не пользовался

[1] *Максименко В.* Война и мир в Чечне // Научный альманах высоких гуманитарных технологий. М., 2003. № 2. С. 97.

[2] *Поляков Ю.А.* Слово о Северном Кавказе // Северный Кавказ: геополитика, история, культура. Материалы Всероссийской конференции. Ставрополь, 2001. С. 7.

[3] *Адыги* - общее назв. многочисл. в прошлом родств. племен Сев. Кавказа; в европ. и вост. лит-ре со времен средневековья наз. черкесами. К А. принадлежат совр. адыгейцы, кабардинцы и черкесы // СЭС. М.: Советская энциклопедия, 1984. С. 24.

Как можно заметить, даже советские ученые-энциклопедисты также не удержались от применения термина «племена» (под влиянием царских историков, апологетов самодержавия) в отношении многочисленных этносов и субэтносов, населявших Центральный и Северо-Западный Кавказ. Это абадзехи, шапсуги, бжедуги, егерукаевцы, бесленеевцы, темиргоевцы, баракаевцы, натухаевцы, кабардинцы, абазины и т.д.

Современные кавказоведы применяют этноним «черкесы» не только по отношению ко всем перечисленным этносам, но и к абхазам и убыхам. Этим же термином именуют и всех остальных представителей диаспор других этносов и субэтносов Северного Кавказа, поскольку в количественном отно-

успехом, и их борьба против царизма протекала в других формах, имела свои особенности и была не менее сложной по характеру.

Говоря о жестокости и вопиющем антигуманном акте со стороны царизма, а также о неблаговидной роли Турции и стоявших за ее спиной некоторых западных держав, преследовавших своекорыстные, экспансионистские цели, мы должны всегда помнить, что лучшие умы России и Запада, представители передовой прогрессивной культуры всего мира осуждали Кавказскую войну, глубоко сочувствовали горцам, расценивая их борьбу как борьбу за свою независимость и свободу. Более того, трагическими эти события стали и для русского народа, который был ввергнут в войну царской колониальной политикой. Ни в коем случае мы не должны ставить на одну доску царизм и простой трудовой русский народ, который не меньше страдал от царизма.

Как известно, в рядах Отдельного Кавказского корпуса было немало солдат-декабристов, сочувственное отношение к борющимся кавказским народам которых часто выражалось даже в открытом переходе их на сторону последних. Героические образы горцев Кавказа, боровшихся за свою независимость, запечатлели в бессмертных творениях А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов, Т.Г. Шев-

шении адыгская диаспора несравненно больше, чем диаспоры остальных народов Северного Кавказа.

В досоветской и зарубежной литературе к дагестанцам применяется термин «лезгин», обозначающий по сути одну из национальностей Дагестана, с которыми русские столкнулись после завоевания Азербайджана. В некоторых источниках применительно к дагестанцам употребляется термин «татары». Скорее всего, это произошло в результате сходства татарского языка с языком дагестанского народа кумыков, которые в силу своего географического положения имели больше контактов с русскими, чем горские народы Дагестана, которые проживали преимущественно во внутренних, горных районах Дагестана.

Относительно ногайцев, осетин, ингушей и других народов Северного Кавказа этнонимы и их самоназвания также частично расходятся: чеченцы – «*нохчи*», ингуши – «*галгай*», черкесы – «*адыге*», аварцы – «*маарулал*» и т.д.

В целях устранения разночтений и облегчения восприятия ко всем народам Северного Кавказа независимо от их географического расположения (гористая или равнинная местность), в данной работе применен термин «горцы», или «черкесы», следуя русской традиции. Таким же образом под названием «горцы Дагестана» подразумеваются все народы Дагестана без исключения.

ченко, Л.Н. Толстой. Достаточно напомнить пушкинские строки:

«Кавказа гордые сыны,
Сражались, гибли вы ужасно».

Гневно осуждали войну царской России на Кавказе революционные демократы. Из всех несправедливых войн самодержавия А.И. Герцен считал наиболее реакционными, нанесшими наибольший ущерб русскому народу действия царизма именно на Кавказе и в Польше. «Мрачная эпоха» царствования Николая I, – писал он, – открылась виселицами, шествуя вперед, утопая в крови и слезах Польши и Кавказа».[1] Поэтому добровольное участие в борьбе против кавказских горцев Герцен расценивал либо как заблуждение, либо как результат моральной деградации. Он разъяснял, что ответственность за кровопролитную войну на Кавказе несет только царизм.

Кавказская война по своему характеру была колонизаторской, захватнической со стороны царизма и народной, оборонительной, национально-освободительной со стороны свободолюбивых горцев, которые, говоря стихотворными строками Расула Гамзатова, выше всех вершин Востока ставили свою собственную честь.

Все вышесказанное подтверждает, что тема, рассматриваемая в данном исследовании, имеет непреходящую актуальность и значение.

Проблема борьбы горцев Кавказа в XIX в. изучалась многими как отечественными, так и зарубежными учеными. Но эти исследования проводились в несколько ином аспекте и не в том охвате, в котором эта проблема рассматривается нами.

Исследование поставленной проблемы особенно актуально еще и потому, что наблюдаемый в последнее время определенный всплеск межнациональных конфликтов и усложнившиеся межнациональные отношения делают необходимым осмысление истории взаимоотношений наших народов в прошлом и, в первую очередь, глубокое и всестороннее освещение истории становления, развития и управления государства, созданного Шамилем.

[1] *Герцен А.Н.* Полн. собр. соч. Т.VIII. С. 141-142.

ГЛАВА I.

ИСТОРИОГРАФИЯ ПРОБЛЕМЫ, ИСТОЧНИКОВАЯ БАЗА, МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

I. Источниковая база, архивные документы

В монографии использован обширный корпус документальных материалов, хранящихся в центральных и местных архивах страны: в Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА. Ф.ВУА), в Центральном государственном историческом архиве Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб.), в Архиве внешней политики России (АВПР), в Центральном государственном историческом архиве Республики Грузия (ЦГИА РГ), в Центральном государственном архиве Республики Дагестан (ЦГА РД), в Центральном государственном архиве Кабардино-Балкарской Республики (ЦГА КБР), Государственном архиве Республики Северная Осетия-Алания (ГА РСО-А). Широко использованы архивные и иные материалы, хранящиеся в рукописном фонде Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра Российской академии наук (Рук. фонд ИИАЭ ДНЦ РАН).

В вышеуказанных архивах хранятся уникальные документы не только освещающие кавказскую политику России, но и материалы, содержащие подробные сведения об экономике, социальных отношениях и политическом устройстве Имамата, в том числе и о его административно-правовом управлении. Здесь же хранятся копии документов дипломатического характера, позволяющие судить как о политике западноевропейских стран (Британии, Франции) и ближневосточных стран (Турции, Ирана), так и об отношении политиков указанных держав к государству Шамиля, различным социальным слоям Дагестана, Чечни и т.д.

Наиболее интересными и основными материалами являются документы, хранящиеся в РГВИА, в Ф. ВУА (Военно-ученый архив), Ф. 38 (Департамент Генерального Штаба), Ф. 44 (Статистические, экономические и военно-топографические известия Российской Империи), Ф. 644 (Штаб Командующего войсками Терской области), Ф. 400 (Главный Штаб, Азиатская часть), Ф. 482 (Кавказская война), Ф. 1300 (Штаб Кавказского военного округа) и т.д. В этих документах отражена политика царизма, организация и введение первых систем управления, содержатся богатейшие

собрания рукописных и печатных документов по исследуемой проблеме.

В РГИА СПб., с точки зрения исследуемой нами проблемы, наиболее ценные материалы сосредоточены в Ф. 866 (Ф. князя М.Г. Лорис-Меликова), Ф. 932 (Ф. Дондукова-Корсакова), Ф. 1018 (Ф. И.Ф. Паскевича-Эриванского) и т.д. На основе материалов в вышеперечисленных фондов мы имеем возможность изучить, помимо военно-карательных действий царизма, и деятельность имамов, переписку Кавказского генералитета друг с другом, высокопоставленных чиновников с императором России, историю мюридизма и т.д.

Ценнейшие документы, отражающие военно-административную деятельность Кавказского наместничества, хранятся в ЦГИА РГ. В Ф. 229 (Канцелярия наместника на Кавказе по военно-народному управлению), Ф. 12 (Канцелярия Главноначальствующего гражданской частью на Кавказе) и др.

Нами также использованы документы из АВПР, касающиеся русско-персидских (Ф.77) и русско-турецких отношений (Ф. 89), Ф. 103 (Азиатская часть), Ф. 121 (Кумыкские дела).

Документы, отложившиеся в ЦГА РД и ЦГА РСО-А, раскрывают политику царизма непосредственно на Северо-Восточном Кавказе.

В ЦГА РД, Ф. 2 (Канцелярия военного губернатора Дагестанской области), Ф. 3 (Командующий войсками и управляющий гражданской частью в Прикаспийском крае), Ф. 11 (Коллекция копий документов ЦГВИА и ЦГИА до образования Дагестанской области), Ф. 133 (Коллекция по истории движения горцев под руководством Шамиля) и др. сосредоточены материалы, проливающие свет на деятельность царских властей в Дагестане, о движении под руководством имамов, о государственно-правовом положении в Имамате и т.д.

В ЦГА РСО-А в Ф. 11 (Терское областное управление), Ф. 12 (Канцелярия начальника Терской области) и др. сосредоточены материалы, отражающие деятельность царизма в Терской области.

Большая информация содержится и в материалах, сосредоточенных в Рук. фонд ИИАЭ ДНЦ РАН.

Публикации и опубликованные источники. Среди изданий XIX в. наибольший интерес представляет 12-томная публикация «Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссиею» (АКАК), под редакцией А.П. Берже (Тифлис. 1866-1904 гг.).

Документы, включенные в АКАК, были извлечены из архива Главного управления наместника царя на Кавказе, ныне хранящегося в Центральном государственном историческом архиве Республики Грузия.

Материалы, имеющие прямое отношение к исследуемой нами теме, в АКАК включены начиная с шестого тома, части I (Тифлис, 1874) и II (Тифлис, 1875), где освещен период правления генерала А.П. Ермолова (1816-1827 гг.). Далее, в VII томе АКАК (Тифлис, 1878) сосредоточены документы, относящиеся к периоду правления генерал-фельдмаршала И.Ф. Паскевича-Эриванского (1827-1831 гг.); в VIII томе (Тифлис, 1881) – к периоду управления Кавказом и Закавказьем генерала-от-инфантерии и генерал-адъютанта Г.В. Розена I-го (1831-1837 гг.); в IX томе, Ч. I. (Тифлис, 1884) - к периоду управления Кавказом и Закавказьем генерала-от-инфантерии Е.А. Головина (1838-1842 гг.), в ч. II того же тома – к периоду управления генерала А.И. Нейдгардта (1842-1844 гг.); в X томе (Тифлис, 1885) – к периоду управления князя, генерала-от-инфантерии М.С. Воронцова (1844-1854); в XI томе (Тифлис, 1888) – к периоду управления генерала-от-инфантерии Н.Н. Муравьева (март 1854- сент.1856 гг.); в XII томе (Тифлис, 1904) – к периоду управления Кавказом и Закавказьем генерал-адъютанта, а затем – генерал-фельдмаршала князя А.И. Барятинского (1856-1862 гг.).

В массе своей материалы АКАК представляют официальную документацию, исходившую как из центральных органов Российской империи, так и от Кавказского командования с конца XVIII в. до 60 гг. XIX в. Большой интерес представляют материалы, исходившие от ханов и правителей Северного Кавказа.

АКАК – ценнейший опубликованный источник для изучения политической, социально-экономической и военной истории народов Кавказа и Закавказья, а также сопредельных государств – России, Турции и Ирана в первой половине XIX в.

В АКАК собран, систематизирован и опубликован огромный фактический материал по истории и военной истории России, по истории внешней политики царизма на Кавказе, Ближнем и Среднем Востоке, по истории национально-освободительной борьбы горцев под руководством Шамиля).

Но при всей ценности «Актов» нельзя забывать, что в них включены тенденциозно подобранные материалы, отражающие точку зрения правящих сословий России. Большим недостатком «Актов» является совершенное отсутствие в них документов, характеризующих жестокие колониальные методы управления царс-

кой военной и гражданской администрации на Кавказе в 30-50-е гг. XIX в. Поэтому при пользовании материалами данной публикации требуется критическое отношение к ним.

В «Полном собрании законов Российской империи» (ПСЗРИ) имеются законодательные акты, отражающие политику царизма в формировании российской власти в регионе.

Ряд весьма ценных документов издан в «Кавказском сборнике» (КС), «Военном сборнике» (ВС), «Кавказском календаре» (КК), «Сборнике сведений о кавказских горцах» (ССКГ), «Терском сборнике» (ТС), «Сборнике материалов для описания местностей и племен Кавказа» (СМОМПК) и других периодических изданиях: «Русская старина» (РС), «Военный сборник», «Русский инвалид» и т.д. В сборники включены огромное количество воспоминаний царских генералов и офицеров, воевавших на Кавказе (А. Юров, А. Аноев, Н. Волконский, В. Гейман, И. Линевич и др.). Следует, однако, сказать, что подбор включаемых в сборник материалов отличается определенной тенденциозностью, что неудивительно: авторы этих статей – представители и защитники самодержавия.

Ценным источником для освещения исследуемой нами проблемы являются также «Записки о Шамиле», составленные приставом царского правительства при пленном Шамиле А.И. Руновским и опубликованные в АКАК. Его записки были переизданы [1]. «Записки» А. Руновского являются ценнейшим для нас источником, так как они были написаны беспристрастным представителем царского офицерства, который имел возможность лично беседовать и общаться с плененным Шамилем в течение длительного времени в бытность пребывания Шамиля в Калуге.

Несколько публикаций, соответствующих тематике настоящего исследования, было осуществлено в XX в. Обращают на себя внимание имеющие важное значение для нашего исследования «Письма А.П. Ермолова к А.А. Закревскому»[2].

Письма Ермолова – неисчерпаемый источник сведений о его взглядах и планах. Однако каждая группа писем, ориентированная на соответствующего адресата, имела свое назначение. Ермолов ничего не делал просто так. Письма Закревскому были способом создать нужное представление о намерениях проконсула Кавказа в окружении императора. Письма Воронцову рассчитаны на либеральные генеральские и офицерские круги. Письма к Петру

[1] *Руновский А.* Записки о Шамиле. Махачкала, 1989; его же. Кодекс Шамиля. Махачкала, 1992.

[2] СМОМПК. Махачкала, 1926. Вып. 45.

Алексеевичу Кикину, статс-секретарю, человеку штатскому, покровителю искусств, по тону и содержанию своему предназначались образованному столичному читателю.

Очень ценные для нашего исследования документы помещены в публикации «Материалы по истории Дагестана и Чечни». Под ред. Бушуева С.К., Магомедова Р.М. Махачкала, 1940. (Далее: МИДЧ). Здесь публикуются подлинные материалы, выявленные составителями из РГВИА (ф. «Канцелярии главного штаба» «Канцелярии Совета Военного министра»), «Петербургского исторического архива», «Архива внешней политики России». Документы, вошедшие в публикацию, содержат материалы, характеризующие Кавказскую политику России с 1801 по 1836 гг., а также приказы, донесения и т.д., относящиеся к военным столкновениям, продолжавшимся до 1839 г., т.е. до взятия царскими войсками Ахульго. В МИДЧ сосредоточено огромное количество документов, имеющих прямое отношение к исследуемой нами теме.

К сожалению, осуществить задуманное издание составителям не удалось в связи с началом Великой Отечественной войны. В послевоенное же время подходы к теме движения горцев Дагестана и Чечни в 20-50 гг. XIX в., как известно, кардинально изменились. Именно в эти годы была осуществлена публикация документов из истории происков иностранной агентуры во время Кавказской войны[1]. А через 3 года свет увидело издание, по-настоящему взбудоражившее население нашей страны[2].

Позже это издание было подвергнуто суровой, но справедливой критике[3]. Было признано, что этот сборник составлен в националистическом духе, и он разжигает вражду, а не укрепляет дружбу между народами Кавказа.

Прошедшие в 1956 г. в Махачкале[4] и Москве[5] научные сессии рекомендовали кавказоведам издать сборник архивных документов об истории борьбы горцев в первой половине XIX в. В 1959 г. в Махачкале была издана крупная публикация «Движение

[1] Вопросы истории. 1950. № 11.

[2] Шамиль – ставленник султанской Турции и английских колонизаторов. Тбилиси, 1953.

[3] О движении горцев под руководством Шамиля // Материалы сессии Дагестанского филиала АН СССР. 4-7 октября 1956. Махачкала, 1957.

[4] Движение горцев под руководством Шамиля. Доклады и решения научной сессии Дагестанского филиала АН СССР. 4-7 октября 1956 г. Махачкала, 1956.

[5] Обсуждение вопроса о характере движения горских народов Северного Кавказа в 20-50 годы XIX в. // Вопросы истории. 1956. № 2.

горцев Северо-Восточного Кавказа в 20-50 гг. XIX в.» (составители В.Г. Гаджиев, Х.Х. Рамазанов), сразу же ставшая настольной книгой исследователей занимающихся историей Кавказа.

Архивные документы, помещенные в сборнике, извлечены из архивохранилищ Москвы, Санкт-Петербурга, Владикавказа, Махачкалы, Тбилиси, Нальчика и других городов Кавказа. В публикации содержится целый пласт ценных для нас документов и материалов местного происхождения: письма Шамиля по различным вопросам управления Имамата, переписка имама с Кавказским командованием и иностранными державами - Турцией, Францией и др. Включенные в сборник документы отражают весь круг вопросов, позволяющих осветить различные аспекты Кавказской войны в 20-50 гг. XIX в.

Интересные материалы о распространении ислама на территории Дагестана можно почерпнуть из работ Йакуби, Ал-Куфи Ахмада б.Асама, Аббас-Кули-ага Бакиханова, Гасана ал-Алкадари[1], В.Ф. Минорского и др. Изучение данных работ дает возможность исследователю понять, почему именно на территории Северо-Восточного Кавказа муридизм нашел благодатную почву.

Наиболее ценными источниками, посвященными учению накшбандийского тариката в Дагестане, можно считать сочинения шейхов Магомеда ал-Яраги, Джамал ад-Дина Газикумухского, Абдурахмана-Хаджи ас-Сугури, Шуайб-Афанди ал-Багини, Ильяса-Хаджи б. Махмуд ал-Цудахари, Гасана Кахибского[2] (Хасана Хильмий). Интересные данные о видных представителях ислама и накшбандийского тариката, а также различные аспекты тарикатского образа жизни затрагиваются в работах Хайдарбека Геничут-

[1] *Йакуби.* История / Текст и перевод с араб. П.К. Жузе. Баку, 1927; *Минорский В.Ф.* История Ширвана и Дербента. X-XI вв. М., 1963; *Ал-Куфи А.* Книга завоеваний / Пер. с араб. *З.М. Буниятова.* Баку, 1981; *Бакиханов А.-К.* Гюлистан-и Ирам. Баку, 1991; *Алкадари Гасан-Эфенди.* Асари Дагестан / Вступительная статья, комментарии, примечания и общая редакция проф. *В. Г. Гаджиева.* Махачкала, 1994.

[2] *Ал-Йараги Мухаммад.* Асар аш-шайх ал-Йараги. Темир-Хан-Шура, 1910; См. также: *Пашаева Ш.Ю.* Мухаммад ал-Яраги и кавказский муридизм. Махачкала, 2003; *Ал-Гази-Гумуки Джамалад-Дин.* Ал-адаб ал-мардиййа фи-т-тарикат ан-накшбандиййа. Петровск, 1904; *Ас-Сугури Абдурахман-Хаджи.* Ал-машраб ан-Накшбандийа. (Накшбандийское направление) / Перевод с арабского *А. Наврузова,* комментарии и примечания *Мухаммада Гани ал-Мысри* / В кн.: *Абдуллаев М.А.* Деятельность и воззрения шейха Абдурахмана-Хаджи и его родословная. Махачкала, 1998. *Ал-Багини Шуайб-Афанди б. Идрис.* Ат-табакат ал-хваджаган ан-накшбандиййа ва-ссадат ал-машайих ал-

линского, Сайфуллах-кади Башларова, Назира из Дургели, Али Каяева, Мансура Гайдарбекова[1]. В некоторой степени образу жизни последователей тариката посвящена работа М. Магомедханова[2].

Анализу истоков развития муридизма, становлению имама Шамиля посвящена работа М. Казем-Бека[3].

Нами также широко использованы материалы второго сборника документов, составленного профессором В.Г. Гаджиевым, профессором Х.Х. Рамазановым и автором настоящей книги[4].

В этом сборнике сосредоточены документы, выявленные составителями в центральных и местных архивохранилищах России и частных коллекциях, РГВИА, РГАДА, РГИА СПб., ЦГИА РГ, ЦГА РД, ЦГА РСО-А, ЦГА РКБ, ОИАМ РД, Рук. фонда ИИАЭ ДНЦ РАН, а также материалы, помещенные в АКАК, в «Русском архиве», «Русском инвалиде». Представлены также отдельные документы, опубликованные в выходивших ранее сборниках, но без которых было бы неполным и данное издание.

халидиййа ал-махмудиййа. Дамаск, 1996 (на арабском зыке); *Ац-Цудахари Ильяс-Хаджи б. Махмуд.* Суллам ал-мурид. (Лестница мурида). Казань, 1903 (на араб. яз.); *Он же.* Кифайат ал-мурид фи тарика ат-тавхид. Казань, 1904 (на кумыкск. яз.); *Ал- Кахиби Хасан ал-Хильми б. Мухаммад-'Али ал-Кахи ал-Хидали ан-Накшбанди аш-Шазили.* Танбих ас-саликин ила гурури-л-муташайййихин. Дамаск, 1996; *Он же.* Ал-бурудж ал-мушаййада би-н-нусус ал-му'аййида и др. / Семь из тринадцати научных трудов на арабском языке Хасана ал-Хильми (Гасана Кахибского) изданы в Сирии в 90-х гг. XX в. / См. на русском языке: *Он же.* Суфийская этика. Махачкала, 2000.

[1] *Геничутлинский Х.* Историко-биографические и исторические очерки / Перевод с арабского языка *Т.М. Айтберова* /Под редакцией *М.Р. Мугумаева.* Вступительная статья, комментарии и общая редакция профессора *В.Г. Гаджиева.* Махачкала, 1992; *Мир Халид Сайфуллах б.Хусайн Башлар ан-Ницубкри ал-Гази-Гумуки ан-Накшбанди ал-Кадири аш-Шазили аш-Шафии ад- Дагистани.* Мактубат Халид Сайфуллах ила Фукараи ахл Аллах. Дамаск, 1998 (на араб. яз.); *Назир из Дургели.* Нузхат ал-азхан фи тараджим 'улама'и Дагистан (Услада умов по части биографий ученых Дагестана) // Рук. фонд ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 3. Оп.1. № 108. / Эта работа Назира из Дургели переведена на немецкий язык и издана в Берлине *М. Кемпером и А.Р.Шихсаидовым; Каяев А.* Биографии дагестанских ученых // Рук.фонд ИИАЭ ДНЦ РАН. Д. 1678 (на тур. яз); Гайдарбеков М. Антология дагестанской поэзии // Рук. фонд ИИАЭ ДНЦ РАН. Д. № 129, 162; Д. № 236 (историческая хроника).

[2] *Магомедханов М.* Истинные и ложные последователи тариката // ССКГ. Тифлис, 1870. Вып. IV.

[3] *Казем-Бек М.* Мюридизм и Шамиль. Махачкала, 1990.

[4] Народно-освободительная борьба Дагестана и Чечни под руководством имама Шамиля. Сборник документов / Составители: *Гаджиев В.Г., Дадаев Ю.У., Рамазанов Х.Х.* М.: Эхо Кавказа, 2005.

Материалы сборника в основном составляют официальную переписку Кавказской администрации: отношения, рапорты, донесения, предписания, приказы по войскам, различного рода отчеты, обзоры, письма местным владетелям и другое.

Значительное число документов сборника составляют материалы, местного происхождения. Это письма Шамиля к наибам и жителям Имамата, а также документы касающиеся военных, судебно-правовых, финансовых, социальных и иных вопросов.

Самостоятельный пласт документов раскрывает историю образования и государственное устройство Имамата.

Ценные сведения о начальном этапе борьбы горцев нами почерпнуты из переписки командующего на Кавказе в 1816-1826 гг., освещенной в периодических изданиях страны[1], а также записок Прушановского[2], Н.[3] Ханыкова и других.

Значение этих источников определяется не только ценностью наличием в них фактического материала, но и авторскими оценками фактов и событий. Очень важными и ценными материалами опубликованных источников являются также материалы официального и личного характера, опубликованные в многотомном издании «Кавказский сборник», а также документы, помещенные в приложении к исследованиям А. Зиссермана «Фельдмаршал А.И. Барятинский», А. Щербины «Генерал-фельдмаршал гр. И. Паскевич» (Т. III) и другие.

В дореволюционный период горские народы Северо-Восточного Кавказа были объявлены «неисторическими народами», участников антиколониального и антицарского движения изображали не иначе, как «шайкой разбойников», «изуверами», «хищниками» и т.п. Кавказская же война, по их мнению, возникла в результате постоянной привычки горцев к войне и стремления сохранить «набеговое производство». Исходя из этих положений, любая военная акция горцев объявлялась грабежом и набегом.

Однако эти оценки и подобные им в конце XIX-начале XX столетия несколько изменились.

[1] Русская старина. 1872; СМОМПК. Вып. 45; Записки *А.П. Ермолова* с приложением. М., 1868.

[2] Выписки из путевого журнала ген. штаб-кап. *Прушановского* (Исторические записки о начале и развитии духовной войны или превратного тариката, учение о нравственном элементе человека в Дагестане) с 1823 по 1843 гг. // КС. Тифлис, 1902. Т. 23. С. 1-73.

[3] *Ханыков Н.* О мюридах и мюридизме // Сб. газеты «Кавказ». Тифлис, 1847. Т. 1. С. 136-156; *Лобанов-Ростовский.* Начало мюридизма на Кавказе // Русский архив. М., 1865. № 11. С. 1379-1394.

1

Местные источники

Во второй половине XIX в. были завершены небольшие по объему, но очень важные по своей достоверности, сущности и целевой направленности работы местных дагестанских ученых, вышедших из культурной среды народов Дагестана. Характерной чертой трудов местного происхождения было то, что они были проникнуты мусульманским духом.

Освещая большинство происходивших на их глазах событий, они удовлетворялись тем, что все явления природы и жизни объясняли волей Единого, Всевышнего Аллаха. Хотя работы местных авторов страдают известной однобокостью и в них в примитивной, наивной, религиозной форме идеализируются предводители движения, все же для изучения борьбы кавказских народов они имеют неоценимое значение. Они содержат исключительно важный фактический материл, дополняющий и уточняющий другие официальные источники и показания ученых-кавказоведов по ряду невыясненных аспектов, в частности, установления достоверности фактов, встречающихся в трудах русского и иностранного происхождения. Бесспорно, можно утверждать, что без привлечения местных источников невозможно воссоздать целостную правдивую картину долголетней борьбы кавказских горцев.

Одной из наиболее ранних работ дагестанских авторов, увидевших свет, следует признать сочинение Гаджи-Али Чохского «Сказание очевидца о Шамиле»[1]. В 1839 г. Гаджи-Али перешел на сторону Шамиля и по прошествии 7 лет испытаний, как признавал впоследствии сам автор, имам «стал ко мне доверчив и поручил заведовать во всех 32 наибствах постройками и другими работами. Я был инженером Шамиля, начальником стражи, вел счет его приходу и расходу, числу низама (войска) и иногда исправлял должность казначея и мирзы при нем. Я никогда не разлучался – ни в походах, ни дома – и он, наконец, убедившись в моей преданности, поручил мне следить за поступками и поведением его приближенных и ученых».[2]

Таким образом, Гаджи-Али имел возможность видеть все, что творилось в Имамате, знал состояние войск, казны, управления, положения жителей Имамата. Все это говорит о хорошей осведомленности автора. И тем не менее, «Сказание» не лишено недостатков фактического порядка, неточных, тенденциозных оце-

[1] ССКГ. Тифлис, 1873. Вып. VII. С. 2. (Переиздано в Махачкале в 1995 г.: *Гаджи-Али.* Сказание очевидца о Шамиле. Махачкала, 1995).

[2] Там же. С. 3.

нок. Как указывал переводчик «Сказания», Гаджи-Али допускает неточности «в изложении действий русских войск и не всегда соблюдает истину и бесстрастие при освещении фактов, очевидцем которых был он сам»[1].

Известно также, что ряд представителей правящей верхушки Имамата полагал, что после Шамиля предводителем движения должен был стать Хаджимурад, другие выдвигали на имамство Кибит-Магомеда (Кебед-Мухаммада) Телетлинского. Гаджи-Али, автор «Сказания», не мог быть безучастным к происходящей борьбе, и он действительно не остался в стороне. Он был сторонником Хаджимурада и примыкал к его партии, а может, и сам был не прочь поимамствовать. Пожалуй, этим и объяснялось то, что Гаджи-Али отрицательно относился к сыну имама Газимагомеду. Однако, при всех своих недостатках, «Сказание» представляет собой ценнейший исторический источник. Это сочинение охватывает все этапы долголетней борьбы горцев, написанной, однако, кратко и лаконично. Было бы весьма желательно, если бы обнаружился подлинник «Сказания» на арабском языке: ведь до сих пор не заканчиваются кулуарные споры о подлинности этого труда, о том, что этот труд – продукт деятельности самого царизма.

Для изучения истории борьбы горцев под предводительством Шамиля несомненный интерес представляют труды ученых Дагестана, посвященные освещению тариката. Важнейшим памятником этого рода является «Адабул Марзия» Джемалэдина (Джамал ад-Дина) Казикумухского, муршида и тестя имама Шамиля. Автор «Адабул Марзия» шейх Джамал ад-Дин прошел весь курс мусульманского образования, которое можно было получить в Дагестане в первой половине XIX в. От Магомед-Эфенди Ярагского он принял тарикат и вместе с этим получил и разрешение направлять «желающих вступить на истинный путь».

Он оставил службу у Аслан-хана, вернулся в Кази-Кумух, где и стал заниматься богослужением. Общеизвестно, что Джамал ад-Дин отрицательно относился к вооруженному восстанию, когда узнал о намерении Газимагомеда взяться за оружие, как шейх тариката, потребовал от последнего оставить борьбу, удалиться от мирских сует, заняться молитвами. Но в период, когда имамом стал Шамиль, он переселился к нему и стал одним из его приближенных. Был признан устазом, учителем тариката. И оставался с Шамилем до падения Имамата. Так что вся история борьбы горцев под предводительством Шамиля проходила на его глазах. Однако сочинение свое он посвятил проникновению и развитию мюридизма.

[1] Там же. С. 70.

Первый раздел сочинения посвящен перечню шейхов накшбандийского тариката. Приводимые здесь данные позволяют изучить возникновение в исламе своеобразного течения – мюридизма, изучить проникновение и распространение этого учения в Дагестане. Здесь же раскрывается, как происходило вступление мюридов в тарикат, и правила, которые они должны были соблюдать. Иначе говоря, в анализируемом сочинении изложены наставления тариката. Однако здесь отсутствуют призывы к активной вооруженной борьбе. Все это убеждает читателя, что провозглашаемая тарикатом покорность не могла породить движения горцев.

К этому сочинению близко примыкает труд Мугуддина (Мохи ад-Дина) Магомедханова «Истинные и ложные последователи тариката». Родился он в селении Арчиб, в семье известного алима, видного сподвижника Шамиля. В 1868 г. в связи с Закатальским восстанием он был арестован, некоторое время находился в заточении. При освобождении Кавказское горское управление предложило ему, как человеку опытному и вполне знающему «похождения тарикатистов, написать о сущности тариката»[1]. Естественно, что при таких условиях Мугуддин не мог не учитывать свое положение и быть искренним во всем.

Кстати сказать, на это в свое время обратил внимание еще алим Абдулла Омаров. «К сожалению, – писал он, – Мугуддин написал вторую часть этой темы весьма мало, ограничившись несколькими анекдотическими рассказами». И все же этот труд Магомедханова имеет для изучения сущности тариката определенную ценность. Свое повествование автор начинает с определения мюридов. Последователей тариката он разделяет на два разряда: на мюридов истинных и мюридов ложных. По его утверждению, основное качество истинного мюрида состоит в том, что он должен быть всегда занят молитвами. Во всех своих действиях должен полагаться только на Аллаха. Должен избегать роскоши и излишества, а также ставить «себя ниже всякой твари, так, чтобы самый сильный вельможа и самый несчастный сирота ему были совершенно равными»[2].

[1] *Магомедханов М.* Истинные и ложные последователи тариката // ССКГ. Вып. IV.

[2] Там же. С. 6.

Далее в работе он раскрывает значение шейха и внушения, которое он делает мюриду, вступающему на путь тариката. Затем он кратко характеризует «ложных муридов». Второй особенностью этого раздела является стремление автора уйти от освещения острых проблем. Он старается подогнать и согласовать свои взгляды с требованиями самодержавия. Поэтому второй раздел лишен той научной ценности, на которую мы могли бы рассчитывать, если бы Магомедханов написал его при других обстоятельствах.

Важнейшие сведения, их оценку со времени начала до падения Имамата содержит «Хроника» Мухаммеда Тахира ал-Карахи «Блеск дагестанских шашек в некоторых битвах Шамиля»*, которая, как известно, не прошла, в отличие от вышеуказанных сочинений, через царскую цензуру. Ее автор, известный в Дагестане ученый, в течение 5 лет служил секретарем при Шамиле. Через его руки проходила вся корреспонденция. Мало того, в силу личных отношений с Шамилем он имел возможность знать то, что не входило в круг его служебных функций. Поэтому для Мухаммед Тахира ал-Карахи источником «Хроники» служили не личные впечатления, а устные рассказы самого Шамиля и окружающих лиц. Все услышанное он систематизировал и излагал на арабском языке. В основном работа над «Хроникой» была завершена в1851-1856 гг., но дополнение и уточнения деталей автор вносил до самой смерти в 1882 г. После смерти автора, его сын Хабибулла также вносил свои наблюдения, вплоть до начала XX в.

В Дагестане сочинения Тахира пользовались большой популярностью. В конце XIX в. этот труд стал известен русским историкам-кавказоведам, которые признавали его очень ценным сочинением и сделали даже попытку перевести его на русский язык и издать. Но царская цензура, зачислив сочинение ал-Карахи в разряд «крамольных мусульманских книг», запретила издание ее. Так что «Хроника» Мухаммеда ал-Карахи увидела свет только в советское время. Первое издание в переводе Малачиханова под редакцией А.А. Тахо-Годи под названием «Три имама» было издано в 1926 г. «Переводчик, – пишет А. М. Барабанов, – очевидно, плохо знал арабский язык и свое незнание, как правило, везде заменял пылкой фантазией и изощренными выдумками. Даже общеизвестные факты, сравнительно правильно изложенные Мухаммед Тахиром, при переводе настолько порой извращены, что затрудняешься ответить, откуда их взял переводчик»[1].

В 1938 г. по инициативе академика И.Ю. Крачковского на-

* Далее «Хроника».

[1] Хроника. С. 15.

чата была подготовка к изданию сочинения Мухаммеда Тахира, а в 1941 г. «Хроника» в переводе А.М. Барабанова в издании АН СССР увидела свет. Повторимся, что «Хроника» охватывает период долголетней борьбы горцев Дагестана и Чечни. Автор задался целью, главным образом, осветить военную историю. Со всеми возможными подробностями описывает он почти все бои между царскими войсками. Кратко останавливается он и на причинах успехов и поражения движения горцев.

В сочинении Мухаммад-Тахира ал-Карахи мы находим некоторые моменты, которые освещают такие важные вопросы, как административное устройство Имамата, социальные, финансовые и иные мероприятия Шамиля.

Мухаммед Тахир – последовательный сторонник третьего имама. Он выступает против всех, кто в той или иной степени противоречил или противопоставлял себя Шамилю. Подвергает суровой критике поведение Хаджимурада[1]. Столкновения его с Шамилем Мухаммед Тахир объясняет плохими качествами характера Хаджимурада[2]. В противоположность Гаджи-Али Мухаммед Тахир дает высокую оценку сыновьям Шамиля.

Автор анализируемого сочинения ясно выражает свою ненависть к феодалам. Ханов, беков, чанков и других представителей феодального класса он называет не иначе, как «греховодной и преступной знатью». Антифеодальная направленность взглядов ал-Карахи выдвигает «Хронику» в разряд наиболее ценных источников по истории борьбы горцев. На большом историческом материале и глубокими личными знаниями Мухаммед Тахир освещает тактику и стратегию третьего имама.

Большой интерес для нас представляет и сочинения Абдурахмана, сына Джамал ад-Дина, зятя Шамиля. Известно, что Абдурахман свои записки или, как их еще называют, «Воспоминания», написал по предложению А. Руновского. Причем записки велись без строгого хронологического порядка и подготовки. Часть из них тут же переводилась на русский язык и сейчас же издавалась в Кавказской прессе[3]. Причем выбор их, порядок, известная литературная обработка принадлежит не столько автору, сколько переводчику. Однако сам автор продолжал свою работу и после напечатания перевода, частью меняя литературную форму отдель-

[1] Там же. С. 226.

[2] Там же. С. 227.

[3] «Кавказ». 1859. № 82.

ных отрывков, частью записывая новые и удаляя старые, частью объединяя их в целое произведение по известным ему арабским образцам.

Эта работа по созданию книги была закончена около 1864-65гг.[1] Оценивая работу Абдурахмана, И.Ю. Крачковский писал: «Нужно положить начало опубликованию памятников, и записки Абдурахмана имеют право на одно из первых мест в такой серии»[2]. Начав работу над своими «Воспоминаниями» еще в Калуге, где он, как зять Шамиля, находился вместе с семейством имама, завершил свой труд в Кази-Кумухе, где проживал после отъезда Шамиля в Саудовскую Аравию. И эта работа издана только в наше время[3]. Часть этой работы, особенно ее первая часть, написана, в основном, по сведениям, услышанным им от самого Шамиля и его приближенных.

Большой интерес представляют разделы книги, написанные по личным наблюдениям автора. В них нашли описание столицы Шамиля, быт и нравы жителей Имамата, рассказывается о высшем совете – Диван-Хане, хотя и кратко, но довольно емко характеризуются члены «верховного совета», освещается вопрос ведения дел в Имамате. Кроме того, исследователь приводит ценнейшие сведения о военных силах имама, о снабжении армии, о налаживании производства пушек, пороха и другого снаряжения.

Очень важными для изучения исследуемой проблемы являются показания автора о торгово-экономическом положении Имамата, внешнеполитических связях государства Шамиля. Несомненный интерес представляет освещение автором «калужского периода» жизни семейства Шамиля. Не менее интересной является и вторая книга Абдурахмана[4].

Однако необходимо подчеркнуть, что к сочинениям Абдурахмана читателю следует подходить осторожно. Ни в коем случае не следует забывать, что это воспоминания и что отличитель-

[1] *Крачковский И. Ю.* Арабская рукопись воспоминания о Шамиле // Записки Института востоковедения. 1933. Вып. I-II. С. 14.

[2] *Крачковский Н. Ю.* Избр. соч. М.-Л., 1960. Т. VI. С. 571, 617.

[3] *Абдурахман из Газикумуха.* Книга воспоминаний / Перевод с арабского языка *М.С. Саидова* /Редакция перевода, подготовка факсимильного издания, комментарии, указатели *А.Р. Шихсаидова* и *Х.А. Омарова.* Предисловие *А.Р. Шихсаидова.* Махачкала, 1997.

[4] *Ал-Газигумуки Абдурахман.* Краткое изложение подробного описания дел имама Шамиля. Калуга,1281 г.х. «Хуласат ат-тафсил ан ахвал ал-имам Шамуил»/ Перевод с арабского, введение, комментарии и указатели Н.А.Тагировой. М., 2002.

ной особенностью мемуарной литературы является ее субъективизм. Это выражается как в отборе фактов, так и в оценке их и характеристиках описываемых событий.

Как отмечал Ю.И. Крачковский, «они носят определенный характер, усугубляющийся тем, что автор значительно русифицировался во время долголетнего пребывания в Калуге»[1], но, тем не менее, «их основное преимущество в том, что они являются источниками не со стороны, а возникли в той самой среде, которой посвящены»[2].

Знакомство с сохранившимися историческими сочинениями показывает, что самые крупные описания событий XIX в. принадлежат Мухаммеду Тахиру ал-Карахи и Абдурахману из Газикумуха – сподвижникам и секретарям Шамиля.

Интересующая нас проблема нашла отражение и в известном труде Г.-Э. Алкадари «Асари Дагестан». От всех вышеупомянутых сочинений этот труд отличается тем, что автор сделал первую попытку изложить политическую историю народов Дагестана с раннего средневековья и до конца XIX в.

Но для нас в данном случае особый интерес представляют в «Асари Дагестан» те разделы, которые посвящены описанию борьбы горцев в первой половине XIX в. Следует, однако, отметить, что Алкадари, будучи сосланным в Тамбовскую губернию по подозрению в участии в восстании 1877 г., вынужден был при изложении событий своей эпохи угождать режиму.

Он, по возможности, пытался объективно оценить все положительное, что было при имамате Шамиля. Одновременно ему необходимо было пройти и царскую цензуру. Поэтому он восхваляет царизм, положительно отзывается о царских представителях в Дагестане. Но когда характеризует третьего имама, дает оценку его деятельности, Г-Э. Алкадари не удается остаться на избранных им позициях. Забыв, что утверждал ранее в своей книге, он хвалит Шамиля, дает высокую оценку государственному строю Имамата. «После своего вступления во власть, – пишет он, – Шамиль-Эфенди ввел среди народа очень справедливые порядки, желанный строй и законченное политическое и гражданское управ-

[1] *Крачковский И.Ю.* Новые рукописи истории Шамиля Мухаммеда Тахира ал-Карахи // Избр. соч. М.:-Л., 1960. Т. VI. С. 607.

[2] *Крачковский И.Ю.* Арабская рукопись воспоминаний о Шамиле // *Крачковский И.Ю.* Избр. соч. Т. VI. С. 560.

ление»[1]. Установившееся на время в горах Дагестана положение Г-Э. Алкадари изобразил следующим образом: «Уже, – писал он, – не было таких вещей, как ханские порядки вроде того, чтобы подчиненный перед начальством снимал шапку и все время стоял, а обращением при встрече стало ассаламу-алейкум, и ваалейкум-ассалам»[2]. «В общем, Шамиль-Эфенди, – отмечал он, – не был просто шейхом и ученым муршидом, а еще лучше владел военным искусством и политическими знаниями и был доблестной, исключительной личностью своей эпохи»[3].

В плане освещения внутренней истории и борьбы горцев Дагестана и Чечни большую ценность представляет труд Хайдарбека Геничутлинского[4], в котором помимо двух очерков «История Хунзахских ханов», «Умахан Аварский», помещены три раздела, посвященные освещению деятельности имамов Гази-Магомеда, Гамзат-бека и Шамиля, а в завершение – освещено восстание в Дагестане и Чечне в 1877 г.

Естественно, что особый интерес представляют три очерка, посвященные имамам. По своему мировоззрению Хайдарбек – глубоко религиозный мусульманин, выразитель интересов духовенства – был убежден, как и другие его современники-дагестанцы, в том, что горцы Дагестана мусульманами стали по воле Аллаха. Он считал также, что и само движение, проходившее под флагом мюридизма, возникло здесь по воле Всевышнего. «Аллах захотел, – пишет он, – чтобы над Дагестаном, обитатели которого были людьми заблудшими, несправедливыми, неверными, многобожниками, воссияло солнце Ислама. Аллах пожелал возвысить в Дагестане свое божественное слово. И примерно в 1824/25гг. он послал на землю ученого-новатора, труженика, святого угодника Газимагомеда»[5].

Характерной особенностью сочинения Хайдарбека является то, что оно написано изящным слогом, что свидетельствует о его знаниях и эрудиции. Интересующие нас очерки как по объему,

[1] *Алкадари Г-Э.* Асари Дагестан. Махачкала. 1994. С. 134.

[2] Там же. С. 41.

[3] Там же. С. 136.

[4] *Геничутлинский Х.* Историко-биографические и исторические очерки / Перевод с арабского языка *Т. М. Айтберова* /Под редакцией *М.Р. Мугумаева.* Вступительная статья, комментарии и общая редакция профессора *В.Г. Гаджиева.* Махачкала, 1992.

[5] Там же. С. 7, 57-58 и др.

так и по глубине освещения событий неравнозначны. Наиболее объемистым и удачным представляется очерк «Эпоха имама Шамиля». В свою очередь, этот раздел, начиная с 1834 г., разделен по годам (где описываются наиболее важные, по мнению автора, события).

Первый раздел посвящен рассказу-вступлению «Пользующийся поддержкой Аллаха имама Шамиля». В следующих разделах очень кратко рассказывается о вступлении Шамиля в Гоцатль, Анди, Телетль, где дано освещение происходившего здесь сражения между Шамилем и генералом Фези. Рассказано также о подготовке Шамиля к сражению в Дарго, о поражении и его уходе в Чечню. «В 1840 году в Шатое, – пишет автор, – Шамиль успокоился и вновь приступил к оживлению шариата». И далее излагаются события победного движения горцев Дагестана и Чечни 1841-1843 гг. В двух кратких очерках описаны действия назначенного в 1844 г. главнокомандующим на Кавказе кн. Воронцова, а в следующих разделах дано освещение экспедиции в Дарго и других сражений, вплоть до пленения Шамиля. В этих, как уже отмечалось, довольно кратко описанных событиях, мало материалов, которые отсутствовали бы в других источниках. Но они представляют определенный интерес потому, что их описывает человек, который был близок к самому имаму, являлся современником описываемых событий.

Среди исторических сочинений дагестанских авторов обращает на себя внимание также сочинение Гассанилау Гимринского[1], посвященное описанию борьбы горцев в первой половине XIX в. Основное внимание здесь автором уделено описанию жизни и деятельности первого имама Газимагомеда. Это, пожалуй, наиболее насыщенное фактическим материалом исследование о первом имаме.

Интересным сочинением является и работа Халила из Ангида «Ал-Хабар». Полное название сочинения: «Ал-хабар фи-т-тарих ал-махалли» («Очерк по местной истории»). Арабская рукопись хранилась в коллекции М.-С. Саидова, переданной им в дар Институту истории, археологии и этнографии. Халил был очевидцем описываемых им событий, но не был сподвижником Шамиля, а также не служил в царской администрации. Поэтому «произве-

[1] *Гимринский Г.* Имам Гази-Магомед (перевод с аварского Багадура Малачиханова) // Газимухаммед и начальный этап антифеодальной и антиколониальной борьбы народов Дагестана и Чечни. Махачкала, 1997.

дение Халила ал-Ангиди практически лишено политической окраски и идеологического подтекста»[1], это рассказ о событиях в Дагестане в середине XIX в. прежде всего о деятельности Шамиля и о восстании 1877 г.[2]

II. Историография проблемы. Русская дореволюционная и зарубежная литература

Более двух веков изучают кавказоведы историю многолетней борьбы горцев Дагестана и Чечни в первой половине XIX в.

За это время издано огромное число монографических работ и статей. Наиболее пристальное внимание этой проблеме уделяли отечественные кавказоведы. «Странно, – писал акад. Н. Дубровин, – что ни один уголок нашего Отечества не имеет столь обширной литературы по всем отраслям знаний, какую имеет Кавказ»[3]. При этом необходимо подчеркнуть, что значительная часть имеющейся литературы посвящена освещению многолетней героической и одновременно драматической и трагической борьбы Дагестана и Чечни в 20-50-е гг. XIX в.[4] В трудах отечественных кавказоведов собран, систематизирован и обобщен огромный фактический материал о борьбе горских народов.

Авторы XIX в. оказались беспомощными понять и раскрыть природу изучаемого нами движения и дать ему правильную оценку. И ничего удивительного в этом нет. Историки-кавказоведы являлись рупором идеологии правящих кругов России.

Один из крупных представителей кавказоведения, генерал и академик Н. Дубровин вовсе не скрывал целей, которые он преследовал при написании пятитомного сочинения. «Войскам и администрации, – писал он в предисловии к указанному труду, – нет необходимости в знании, кто был родоначальником их противника и которое по счету поколение живет на месте столкновения, но

[1] *Амиров М.Г.* Исторические сочинения и авторская поэзия (на примере дагестанских исторических хроник XIX в.) // Тезисы докладов республиканской научной конференции молодых ученых Дагестана по проблемам гуманитарных наук. Махачкала, 1993. С. 25.

[2] *Шихсаидов А.Р.* Неопубликованные материалы о Шамиле // Бартольдовские чтения 1993. Тезисы докладов и сообщений. М., 1993. С. 43.

[3] *Дубровин Н.* История войны и владычество русских на Кавказе. СПб., 1888. Т. 1. С. 14.

[4] *Гаджиев В.Г.* Социально-политические корни народно-освободительной борьбы горцев Дагестана и Чечни в первой половине XIXв. // Наука Дагестана сегодня: уровень и масштабы поиска. Махачкала, 1998. С. 185.

войскам необходимо знать, храбр ли его противник или трус, администрации – каковы его силы, в чем заключается источник силы или могущества неприятеля».[1]

Не менее откровенен был в своих признаниях И. П. Козловский. «Восточная политика России, – писал он, – представляется в ее истории и в истории всего мира весьма крупным явлением. Осветить светом культуры полудикие страны, облегчить борьбу их населения с суровой природой, ввести население этих стран в общую судьбу народов, открыть беспрерывные пути мировым отношениям и обеспечить их безопасность – вот задача, стоящая того, чтобы из них образовалось признание народа»[2].

Кавказоведы в XIX в. вслед за генералами кавказской армии полагали, что «в здешнем крае (*т.е. на Кавказе. – Ю.Д.*) добро надо делать насилием»[3]. Вооруженные наступления, которые нередко завершались уничтожением населенных пунктов, изгнанием жителей с насиженных мест, и другие жестокости обычно называли «усмирением» Кавказа и выполнением великой цели цивилизации. Горцев же, оказывающих сопротивление, кавказоведы именовали не иначе, как «бандой необузданных фанатиков», «варварами». Одни исследователи основную причину видели «в извечной вражде полумесяца и креста». Другие происхождение войны объясняли избытком народонаселения, бедностью горских народов и их привычкой жить войной, а Кавказскую же войну в целом определяли как борьбу цивилизации с «самым упорным варварством»[4].

«До появления муридизма, – писал Н. Дубровин, – горцы жили отдельными племенами, имели мало общего между собою, исповедовали часто искаженную религию, не имеющую никакого политического оттенка. Они молились усердно, но вместе с тем пили вино, женщины их ходили без покрывал, молодежь кутила, волочилась и разбойничала напропалую. Русское правительство не вмешивалось во внутренние дела горцев. Борьба, собственно, происходила из-за хищничества, грабежей, доставлявших горцам более легкий способ к существованию и составлявших враждебное чувство молодежи».[5] В другом месте своего труда он пытается убедить читателей, что горцы Кавказа не жили и не могут жить без

[1] *Дубровин Н.* Указ. соч. С. 14.

[2] *Козловский Н. П.* Лекции по новой истории России. Варшава, 1911. Т. II. С. 722.

[3] *Дубровин Н.* Указ. соч. С. 228.

[4] *Романовский Д.А.* Кавказ и кавказская война. СПб., 1860. С. 48.

[5] *Дубровин Н.* Указ. соч. С. 232.

«грабежа», «хищничества» и «разбоев». Мирная жизнь не имеет для них смысла.

Такие оценки исследователей ничем не отличаются от хлестких, но недальновидных характеристик генерала А.П. Ермолова. Напомним, что главнокомандующий на Кавказе, имея в виду чеченцев, писал, что « нет под солнцем ни гнуснее, ни коварнее, ни преступнее сего народа».

Мало чем отличаются оценки и другого знатока Кавказской войны полковника Д.А. Романовского, который долгое время служил на Кавказе, а в 1856-1857 гг. состоял при князе А.И. Барятинском.

Заметное место в кавказоведческой литературе занимают труды военного историка XIX в. генерала Р.А. Фадеева и особенно его монография «Шестьдесят лет Кавказской войны». Он хорошо был знаком с историей, этнографией и географией Кавказа. Однако следует особо подчеркнуть, что научная ценность превосходно выполненных работ Р.А. Фадеева снижается тем, что на их содержание оказало положение, которое генерал занимал в общественно-политической жизни России.

Кстати сказать, автор не скрывает целей, преследуемых им при написании своего труда. «Занятие Кавказа, – писал он в предисловии к своей работе, – не было ни случаем, ни произвольным событием в русской истории. Оно подготовлялось веками, было вызвано великими государственными потребностями и исполнилось само собой»[1]. Труд Р.А. Фадеева удовлетворял потребностям российского генералитета.

Генералы Ермолов, Коцебу, Карцев, Врангель, Бритмер, Бидберг и многие другие в один голос назвали работу Р.А. Фадеева «замечательным, интересным, прекрасным сочинением»[2]. Однако автор был прав, утверждая, что наступательная война против горцев началась действительно только с назначением главнокомандующим Кавказским краем ген. Ермолова в 1816 г.

В вышеуказанной работе Р.А. Фадеев писал, что «кавказская армия держит в своих руках ключ от Востока» и что «с кавказского перешейка Россия может достать всюду, куда ей будет нужно»[3].

---

[1] *Фадеев Р. А.* Шестьдесят лет Кавказской войны. // Соч., СПб., 1889. Т. 1. С. 3.

[2] РГИА СПб. Ф. 1100. Д. 33. Л. 23-40.

[3] *Фадеев Р.А.* Шестьдесят лет ... С. 10, 15.

Р.А. Фадеев писал, что «Европейская торговля с Персией и Внутренней Азией проходит через Кавказский перешеек, подчиненная Русскому государству, обещает государству положительные выгоды; та же самая торговля, прошедшая через Кавказ независимой от нас, создала бы для России нескончаемый ряд утрат и опасностей»[1]. О важности установления одностороннего контроля России за торговлей на Кавказе писали и другие авторы XIX в.[2]

По мнению Р.А. Фадеева, «третий элемент», наряду с казачеством и особой по качеству регулярной армией, воспитанной в войне с горцами, который Россия бесспорно приобрела по ее окончании – это горские войска. «При системе, принятой ныне *(имелась в виду военная реформа 1870 г. – Ю.Д.)*, число их может быть велико, а в качестве нельзя сомневаться. Лучше конно-дагестанского полка и анапского эскадрона не может быть войска, – писал он. – Для кавказских горцев битвы и опасности – такая же необходимость, как для древних скандинавов»[3].

Образование отрядов горской милиции и иррегулярных частей из горцев вело к определенной разрядке политической обстановки на Северном Кавказе, так как в них набирались в основном «молодые беки», а также «хорошие наездники»[4], т.е. наиболее энергичная часть общества.

«Правительство долго поддерживало на Кавказе местную аристократию, для противодействия мюридизму, – писал Р.А. Фадеев, – но там, где мюридизм не опасен, местная аристократия становится положительным препятствием для правительственных целей. Мюридизм вел против нас наступательную войну; аристократия ведет войну оборонительную, ограждая народ от русского влияния целой системой, отделяющей массу, как бы стеною, от русского закона и обычая»[5].

Р.А. Фадеев причины возникновения Кавказской войны видит в известной вражде между мусульманами и христианами. Он повторяет положение, высказанное, как указывалось выше, его

---

[1] Там же. С. 10.

[2] *Ковалевский.* Переписка о Керченском и Таганрогском портах 1820 г. // Сборник исторических материалов. СПб., 1876. Вып. I. С. 340; *Зубов П.* Картина Кавказского края. СПб., 1835. С. 62.

[3] *Фадеев Р.А.* Шестьдесят лет ... С. 145.

[4] *Козубский Е.И.* История Дагестанского конного полка. Петровск, 1909. С. 23.

[5] *Фадеев Р.А.* Шестьдесят лет ... С. 64.

предшественниками. В специальной главе, озаглавленной «Мюридизм», Р.А. Фадеев попытался раскрыть историю проникновения «этой секты» на Кавказ. «Мюридизм, – писал он, – мог родиться на Кавказе, как и теперь рождаются в Азии разные мусульманские толки, от естественной потребности духа, возбужденной на неудовлетворении Кораном, а развился в таких размерах потому, что служил выражением главной страсти и главной черты исламизма – ненависти к неверным в стране, занятой неверными»[1].

Далее автор показывает, что последователи муридизма добивались утверждения «религиозного равенства». С этой целью, продолжал он, «владетели, дворяне, где бы они ни были, наследственные старшины, люди уважаемых родов или просто уважаемые лично, до появления мюридизма были вырезаны один за другим, в горах действительно установилось на время совершенное равенство потому, что не осталось никого, кроме черных людей».[2]

России надо было, по образному выражению Р.А. Фадеева, «охватить» Черное море, «протянувши руки в обе стороны»[3]. Этими сторонами на Западе являлись Балканы, а на Востоке Кавказские горы[4]. Будучи известным военным аналитиком XIX в., этот исследователь, подчеркивая важность развития торговых отношений на Кавказе, писал, что «европейская торговля с Персией и Внутренней Азией проходит через Кавказский перешеек, подчиненная Русскому государству, обещает государству положительные выгоды; та же самая торговля, прошедшая через Кавказ независимой от нас, создала бы для России нескончаемый ряд утрат и опасностей»[5].

Здесь, конечно, допущено явное преувеличение событий, происшедших в Имамате в 30-е гг. XIX в. И все же эти выводы автора заслуживают определенного внимания кавказоведов хотя бы потому, что автор делает попытку разъяснить появление и распространение мюридизма объективными причинами. Далее автор излагает, как с помощью идейного вдохновения мюридизмом имамы Газимагомед, Гамзат-бек и особенно Шамиль сумели поднять горцев на борьбу.

[1] Там же. С. 21.

[2] Там же. С. 12.

[3] *Фадеев Р.А.* Мнение о восточном вопросе.М.2003 г. С.369.

[4] *Смирнов Н.А.* Кабардинский вопрос... С. 73; См. также: *Bennigsen M.* Introduction: Russia and the North Caucasus // The Caucasia barrier. The Russian advance towards the Muslim World. L., 1996.P. 3.

[5] *Фадеев Р.А.* Шестьдесят лет... С. 10.

Известный интерес для нашего исследования представляет фактический материал и отдельные наблюдения автора о формировании этапов развития Имамата до самого падения. Следует, однако, особо подчеркнуть, что в то время, когда писалось исследование, автор не владел значительным конкретно-историческим материалом, который имеется в нашем распоряжении. Естественно, поэтому работа Р.А. Фадеева страдает научной необъективностью и чрезмерным субъективизмом автора. И поэтому ряд положений сочинения нуждается в критическом осмыслении.

О важности установления одностороннего контроля России за торговлей на Кавказе писали и другие авторы XIX в.[1] Критического отношения требуют в целом интересные для своего времени исследования А. Берже, А. Руновского, Н. Волконского, А. Зиссермана, В. Потто, И. Дроздова, В. Солтан, С. Эсадзе, А. Юрова и многих других авторов.

Однако не все отечественные историки освещали односторонне историческое прошлое народов Дагестана, Чечни, Черкесии и др. Еще в начале 30-х гг. XIX в. в русском обществе сформировалась оппозиция, еще непоследовательная, а порой и противоречивая, господствующей историографии в исторической науке. Эти взгляды и концепции связаны с именами великих А.С. Пушкина, А.С. Грибоедова, М.Ю. Лермонтова, декабристами и демократами А.И. Герценом, Н.Г. Чернышевским, Н.А. Добролюбовым, Л.Н. Толстым, Т.Г. Шевченко и др.

Понятно, что прогрессивные деятели России в своих взглядах на исторические события были связаны идеологией и философией своей эпохи, и все же они в большей мере, оставаясь на идейных позициях господствующей историографии, в ряде суждений уже преодолевали ее ограниченность. « Такое преодоление происходило иногда не столько путем пересмотра распространенных теоретических концепций, сколько путем правдивого изображения средствами художественного реализма»[2].

А.С. Грибоедов был одним из первых русских писателей, сумевшим понять, что на Кавказе живут люди, достойные симпатии со стороны порядочных людей русской земли. Признавая историческую необходимость, он осуждал систему управления краем, по-

[1] *Ковалевский.* Переписка о Керченском и Таганрогском портах... С. 62; *Зубов П.* Картина Кавказского края... С. 67.

[2] *Гаджиев В.Г., Пикман А.М.* Российские демократы о борьбе горцев Дагестана и Чечни в 20-50 гг. XIX в. Махачкала, 1998. С. 7.

строенную на насилии, грабежах и изменах. «Боже, какие у нас здесь генералы! – с горечью писал А.С. Грибоедов. – Они точно нарочно созданы для того, чтобы еще более утвердить меня в отвращении, которое я питаю к чинам и отличиям»[1]. В ряде случаев великий писатель высказывал свое восхищение «мужеством, проницательностью и умом А.П. Ермолова». Но при этом еще в 1819 г. он подчеркивал, что «проконсул Кавказа пугает горцев возможными карами», и заключал: « я не оправдываю его самовольных поступков»[2].

В Кавказ, как известно, были влюблены великие поэты А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов и др., которые с пониманием и уважением относились к горским народам Кавказа.

Немалый научный интерес представляют кавказоведческие сочинения декабристов И.Г. Бурцева, А.И. Истрицкого, Е.Е. Лачинова, В.Д. Сухорукова, В.С. Толстого, А.С. Розена и др. Написанные на материале, основанном на реальной жизни горцев Северо-Восточного Кавказа, получают в свое время широкую известность сочинения декабриста А.А. Бестужева-Марлинского «Амалат-Бек», «Рассказы офицера, бывшего в плену у горцев», «Мулла Нур» и др.

Реальные факты с сохранением имен, как справедливо отмечал В. Васильев, «будили в русском читателе жажду свободы и борьбы, независимости личности от социальных и политических пут, побуждали чувство уважения к обитателям Кавказа, сознательное чувство любви к народу, к дому, к яркой счастливой жизни»[3].

С другой стороны, они осуждали Кавказскую политику России. К примеру, декабрист М.Ф. Орлов в письме князю А.Н. Ростовскому откровенно писал, что «А.П. Ермолов с его умом довершить общее успокоение той страны (*т.е. Северного Кавказа. - Ю. Д.*) не в состоянии. Так же трудно поработить чеченцев и другие народы края, как сгладить Кавказ. Это дело исполняется не штыками, а временем и просвещением, которого и у нас несбыточно»[4].

Что же касается довольно большого числа зарубежных трудов и статей по истории многолетней борьбы народов Дагестана

[1] *Грибоедов А.С.* Полн. собр. соч. Петроград, 1917. Т. 3. С. 34.

[2] Там же. С. 36-37.

[3] *Васильев Б.* Бестужев-Марлинский на Кавказе. Краснодар, 1939. С. 42.

[4] *Орлов М. Ф.* Капитуляция Парижа. Политические сочинения. Письма. М., 1863. С. 228.

и Чечни, то они являются свободным дипломатическим откликом различных стран и их различных кругов на события, происходившие в первой половине XIX в. на Кавказе; направляющая линия этих сочинений определяется отношением тех или иных правительств к России. Но более всего зарубежные авторы пытаются представить Российское государство известным претендентом на Кавказ. В политике же своих стран они пытаются всевозможными средствами представить Россию единственным агрессором, стремящимся подчинить своей власти народы Кавказа.

Анализу проблем возникновения и эволюции суфизма, мусульманского права, а также проникновению и особенностям тарикатской идеологии на Северном Кавказе посвящены труды многих отечественных исследователей, среди которых наиболее интересными являются работы А.Б. Крымского, В.В. Бартольда, Е.А. Беляева, А.В. Фадеева, Н.А. Смирнова, Е.Э. Бертельса, Л.И. Лаврова, А.Р. Шихсаидова, М.А. Абдуллаева, Г.М. Керимова, Г.Р. Габуния, А.Д. Яндарова, М.Т. Степанянц, А.В. Авксентьева, А. Беннигсена, К.М. Ханбабаева, А.Г. Агаева, А.Д. Кныш, А.К. Аликберова, Ш.Ю. Пашаевой, Ш.Ш. Шихалиева[1].

[1] *Крымский А.Б.* Очерк развития суфизма. М., 1895; *Бартольд В.В.* Сочинения. М., 1957; *Беляев Е.А.* Мусульманское сектантство. М., 1957; *Фадеев А.В.* Возникновение мюридистского движения на Кавказе и его социальные корни // История СССР. 1960. №5; *Смирнов Н.А.* Мюридизм на Кавказе. М., 1963; *Бертельс Е.Э.* Избранные труды. Суфизм и суфийская литература. М., 1965; *Лавров Л.И.* Эпиграфические памятники Северного Кавказа. М., 1966; *Он же.* Новое о Зирих-Гиране и газикумухских шамхалах // Из истории дореволюционного Дагестана. Махачкала, 1976; *Шихсаидов А.Р.* Ислам в средневековом Дагестане (VII-XV вв.). Махачкала, 1969; *Он же.* Распространение ислама в Дагестане // Ислам и исламская культура в Дагестане. М., 2001. С. 4-32; *Он же.* Ислам в средневековом Дагестане. Ближний Восток и Грузия. Тбилиси, 1991; *Он же.* Эпиграфические памятники Дагестана. М.,1984; *Он же.* О некоторых памятниках средневековой культуры Дагестана // Художественная культура средневекового Дагестана. Махачкала, 1987; *Он же.* Закария ал-Казвини о Дагестане // Источниковедение истории досоветского Дагестана. Махачкала, 1987; *Он же.* Арабский халифат и Северный Кавказ (проблемы исламизации Дагестана – пути, реальные силы, последствия) // Взаимодействие и взаимовлияние цивилизаций на Востоке. Тезисы докладов и сообщений. М., 1988. Т. 2.; *Он же.* Ахмад ал-Йамани // Ислам на территории бывшей Российской империи. М.,1999. Вып.2.; Махмуд из Хиналуга. События в Дагестане и Ширване XIV-XV вв. (Пер. с арабского, составление, предисловие, комментарии, приложения *А.Р.Шихсаидова*). Махачкала, 1997; *Абдуллаев М.А.* Из истории философской и общественно-политической мысли народов Дагестана в XIX в. М., 1968; *Он же.* Важный источник средневекового суфизма // Вопросы философии. 1986. № 7; *Он же.* Али Каяев. Дагестан: время, судьбы. Махачка-

Большой интерес представляют и изыскания иностранных авторов. Американские миссионеры Э. Смит и Х. Дуайт[1], которые

ла, 1993; *Он же.* Суфизм и его разновидности на Северо-Восточном Кавказе. Махачкала, 2000; *Керимов Г.М.* Ал-Газали и суфизм. Баку, 1969; *Габуния Г.Р.* Критика религиозно-философской концепции суфизма: Автореф... канд. филос.наук. Махачкала, 1971; *Яндаров А.Д.* Суфизм и идеология национально-освободительного движения. Алма-Ата, 1975; *Степанянц М.Т.* Мусульманские концепции в философии и политике XIX - XX вв. М., 1982; *Ее* же. Философские аспекты суфизма. М., 1987; *Авксентьев А.В.* Ислам на Северном Кавказе. Ставрополь, 1984; *Беннигсен А.* Народное движение на Кавказе в XVIII в. («Священная война» Шейха Мансура (1785-1791 гг.). Малоизвестный период и соперничество в русско-турецких отношениях) / Вступительная статья, подстрочные примечания и общая редакция проф. В.Г. Гаджиева. Махачкала, 1994; *Ханбабаев К.М.* Муридизм в Дагестане в начале XIX в. // Ислам в Дагестане. Межвузовский научно-тематический сборник статей. Махачкала, 1994. С. 31-35; *Он же.* Суфизм и борьба горцев // Кавказская война: спорные вопросы и новые подходы. Махачкала, 1998. С. 55-58; *Агаев А.Г.* Магомед ал-Ярагский. Мусульманский философ: поборник веры, свободы, нравственности // Философия совести. Махачкала, 1995; *Кныш А.Д.* Шамиль // Новая Энциклопедия Ислама. Лейден,1997. Т. 9. С. 286 (на англ. яз.); *Аликберов А.К.* Эпоха классического ислама на Кавказе. М., 2003; *Пашаева Ш.Ю.* Мухаммад ал-Яраги и кавказский мюридизм. Махачкала, 2003; *Шихалиев Ш.Ш.* Из истории появления в Дагестане последователей накшбандийского и шазилийского тарикатов // Государство и религия в Дагестане. Информационно-аналитический бюллетень. Махачкала, 2003. №1(4). С. 39-57; *Он же.* Сайпула-кади // Ислам на территории бывшей Российской империи. Энциклопедический словарь. М., 2003. С. 72-73.

[1] Здесь и далее ссылки на западные источники и отдельные журнальные статьи царской эпохи даются в основном, по монографиям: *Галлмер М.* Шамиль. Мусульманское сопротивление царизму. Завоевание Чечни и Дагестана. М., 1998; *Покровский Н.И.* Кавказские войны и Имамат Шамиля. М.: Росспэн. 2000; *Дегоев В.В.* Имам Шамиль: пророк, властитель, воин. М.: Русская панорама, 2001; *Бушуев С.К.* Борьба горцев за независимость под руководством Шамиля. М.:-Л., 1939; *Он же.* Из истории внешнеполитических отношений в период присоединения Кавказа к России. М., 1955; *Магомедов Р.М.* Борьба горцев за независимость под руководством Шамиля. Махачкала, 1991; *Он же.* Два столетия с Шамилем. Махачкала, 1997; *Гаджиев В.Г.* Шамиль: Историко-политический портрет // Российский ежегодник. М., 1989.Вып. 1.; *Рамазанов Х.Х., Рамазанов А.Х.* Шамиль. Исторический портрет. Махачкала, 1990; *Гамзатов Г.Г.* К вопросу о мотивах извращения истории Кавказской войны // Вестник ДНЦ РАН. Махачкала, 1998. Т. 1.; *Смирнов Н.А.* Мюридизм на Кавказе. М., 1963; *Даниялов Г.-А.Д.* О движении горцев Дагестана и Чечни под руководством Шамиля. Махачкала, 1966; *Он же:* Имамы Дагестана. Махачкала, 1996; *Он же.* Имам Шамиль. Махачкала, 1996; *Хашаев Х.М.* Движущие силы мюридизма в Дагестане. Махачкала, 1956; *Магомедов М.Б.* Историко-правовые аспекты Кавказской войны 20-50-х годов XIX века. М., 2000;

считали, что «лезгины наводили ужас на соседние народы своей склонностью к хищничеству и кровожадностью», объясняли это «хищническим и неистовым характером обитателей этих краев (т.е. народов Северного Кавказа), которые получали удовольствие от войны и как таковой, и как средства грабежа»[1]. Эти «миссионеры», не побывав даже в Дагестане, со слов религиозных грузинских и армянских официозов, указывали на их «естественную неприязнь к успехам цивилизации» и т.д.

Тем не менее, они вынуждены были признать, что «это воинственное племя прославилось успешным сопротивлением могущественному иранскому шаху Надиру», и назвали горскую общину Дагестана как «изолированную азиатскую демократию»[2]. Так что даже самые обстоятельные исследования, в конце концов, оставляют возможность пересмотра проблемы и её новых интерпретаций.

В некоторых зарубежных работах горцы прямо именуются «дикарями», едва ли не единственное занятие которых – грабеж и убийства. Утверждалось, что «они люто ненавидят друг друга и вообще не знают состояния мира; радости семейной жизни чужды им; к своим женам и детям они равнодушны»[3] и т.д. Английский путешественник Р. Лайелл, называя горцев «разбойничьим народом», писал, что «они нанимались на военную службу к любому, кто платил, и, случалось, брат убивал брата, когда они оказывались купленными враждующими сторонами»[4].

Ханбабаев К.М. Муридизм в Дагестане в начале XIX вв. // Ислам в Дагестане. Межвузовский научно-тематический сборник статей. Махачкала, 1994; *Он же.* Суфизм и борьба горцев// Кавказская война: спорные вопросы и новые подходы. Махачкала, 1998; *Аннемари Шиммель.* Мир исламского мистицизма / Пер. с англ. яз. М., 2000; *Хисматуллин А.А.* Суфизм. СПб., 2001; *Тримингем Дж.* Суфийские ордены в исламе / Пер. с англ. яз. Под ред. и предисл. *О.Ф. Акимушкина.* М., 1989.

[1] *Smith E., Dwight H.G.* Researches in Armenia: including a journey to Asia Minor, and into Georgia and Persia. Boston – N.Y., 1833. V. I. P. 251.

[2] Ibid.

[3] *Reineggs J. and Bieberstein M.*General, Historical, and Topographical Description of Mount Caucasus (Transl. by *Ch. Wilkinson*). L., 1807. V. I. P. 94–95; *Spenser Ed.* Turkey, Russia, the Black and Circassia. L., 1855. P. 360.

[4] *Layall R.* Travels in Russia, the Krimea, the Caucasus, and Georgia. L., 1825. V. 2. P. 75.

В то же время, оценки западных авторов бывали крайне противоречивыми, даже в пределах одной и той же работы. Так, Дон Хуан Ван Хален, с одной стороны, называл горцев разбойниками, с другой, несколькими страницами ниже, отмечал, что «в большинстве своем лезгины отличались трудолюбием и воинственным духом»[1], причем эти качества приводились именно в такой последовательности.

Бросается в глаза любопытная закономерность: чем благосклоннее относился западный автор к России, тем явнее было его стремление низвести противостоящих ей горцев до совершенно примитивного уровня.

Материалы западных авторов довольно разнообразны и имеются в достаточном количестве, но слишком противоречивы. В них отчетливо преломляются различные политические и иные взгляды и умонастроения.

Главная особенность большинства материалов – тенденциозность и локальность описываемых событий, поверхностные, неглубокие познания традиций, менталитета и особенностей северокавказских этносов.

Это неудивительно и простительно для западных (т.е. приезжавших «наездами» на Кавказ) авторов, особенно с учетом того, что «свои», т. е. российские авторы, не уступали, а наоборот, еще больше изощрялись в очернительстве народов Северного Кавказа, называя их «разбойниками», «хищниками», «домашними врагами», призывали к «усмирению не поддающихся покорению народов» и т.д.

Однако как в России, так и на Западе была другая категория исследователей, которые не боялись писать открыто и объективно об истинных причинах народных выступлений северокавказцев, о жизни, обычаях и традициях народов, об их менталитете, культуре. Западноевропейская библиография II половины XIX в., посвященная национально-освободительной войне, которую вели народы Дагестана и Чечни, насчитывает несколько десятков названий. Лесли Бланч называла имама Шамиля не иначе, как «Лев Дагестана и Чечни»[2].

---

[1] *Don Juan Van Halen.* Narrative of Don Juan van Halen's Imprisonment in the Dungeons of the Inguisition at Madrid, and His Escape in 1817 and 1818; to which are added, His journey to Russia, His Campaign with the Arme of the Caucasus, and His Return to Spain in 1821. L., 1827. V. 2. P.184.

[2] *Blanch Lesley.* The sabres of Paradise. London, 1960. Бланч Лесли. Сабли рая. Махачкала, 1991. С. 4.

Французский ученый Пьер Заккон в 1854 г. писал: «Шамиль в какой-то день умрет бесстрашно, но его дело не пропадет, и грядущие поколения будут благословлять его память, может быть, не как пророка и имама, а как героя и освободителя». Его в Европе называли «грозой, героем и пророком Кавказа», в честь него писались стихи, пьесы, ставились спектакли, писали картины[1].

Александр Дюма, путешествуя по территории Дагестана, отмечал: «Шамиль – титан, который воюет против владыки всех русских»[2].

Говоря о борьбе горцев под руководством Шамиля, немецкий историк В. Мориц писал: «Покоритель мира Тимур, прозванный железным, не подчинил дагестанские племена. Надир-шах, завоеватель Индии, напрасно поднял вновь против лезгинов свою руку. В самых храбрейших войсках Европы можно встретить лишь немногих отдельных индивидуумов, воодушевленных подобным мужеством, чтобы по собственному побуждению идти на верную смерть, как делали пламенные мюриды Ахульго, притом покидая жену и ребенка»[3].

Как писала безвременно ушедшая от нас доктор филологических наук Зарема Казбекова, «европейская кавказская литература была «Одой свободе»[4].

Эта литература сочетала в себе черты «научного трактата», художественной историографии, романа путешествий, приключенческого романа и т.д. Она изобиловала острыми сюжетами, яркими характерными образами, той «живой жизнью», где «пряное ощущение анахронизма» создавало особый исторический колорит времен давно минувших.

Естественный интерес здесь представляет европейское восприятие национальной жизни, культурная «вненаходимость» европейца привносила «свой уровень» в создание образа не только в концептуальном, но и в стилистическом его выражении.

В этом европейском «зеркале», обращенном на древние дороги и пути Дагестана, по которым проходили различные миссии на Восток, мы читаем свое далекое прошлое[1].

---

[1] См.: *Хаджи Мурад Доного–Коркмас (М.М. Коркмасов).* Портреты Шамиля в Европе. Махачкала, 1990. С. 5–29.

[2] Цит. по: *Авторханов А.* Кавказ, кавказская война и имам Шамиль // Отечественные записки. М., 1992. Т. I. С. 93.

[3] *Вагнер Мориц.* Кавказ и земля казаков в 1843–1846 гг. Лейпциг-Дрезден, 1848. Т. 2. С. 210, 213. (пер. с нем.) // Цит. по: *Магомеддадаев А.М.* Указ. соч. Кн. 2. С. 36.

[4] Подробнее см.: *Казбекова З.* Грани самопознания. Кавказ и его история в западноевропейской литературе // Наш Дагестан. № I (159). С. 32–38.

Третьи вообще считали невозможным дать однозначную оценку образу жизни горских народов. Так, по сведениям французского историка П.-Ш. Левека, дагестанские общины, слывшие своей воинственностью, необузданностью и жаждой грабежа, существенно отличались друг от друга. Причем, в первую очередь, он упоминает тех, которые «мирно» возделывали свои поля и сады, занимались скотоводством и ремеслом[2].

Английский журнал «Вестминстерское обозрение» («Вестминстерс ревью» – WR) писал, что «население каждого ущелья в лезгинских горах составляло «коммунистическую конфедерацию», где господствовали равенство, братство и коллективная собственность»[3].

Хозяйственную сноровку и усердие населения Дагестана порой признавали даже авторы, стремившиеся свести местную экономическую жизнь до самого примитивного уровня[4]. Но была и другая точка зрения, касавшаяся, в частности, мужской части дагестанского населения. Утверждалось, что плодородная земля избавляла людей от необходимости напрягать излишние усилия для ее возделывания и якобы способствовала развитию такой черты характера, как леность[5].

Конечно, земля в Дагестане разная, состояние почвы тоже разнообразное. В одних местах земля плодородна и не требует больших затрат труда для хорошего урожая. В других каменистое и засушливое нагорье вызывало и вызывает необходимость в очень трудоемком искусственном (террасном) земледелии[6].

Как писал известный дореволюционный историк-кавказовед, действительный статский советник Адольф Петрович Берже, «здесь на скалистых, безлесных горах, каждый клочок земли, способный к обработке, добыт трудами поколений, передается из рода в род и составляет единственное обеспеченное существование семьи. Дагестанец дорожит этим достоянием и местом, в котором родил-

[1] *Казбекова З.* Дагестан в «вояжной» литературе. Из книги «Грани самопознания» // Наш Дагестан. Махачкала, 1992. № 2 (160). С. 23.

[2] *Levesque P.-Ch.* Histoire de differents peuples soumis a la domination des Russes, ou Suite del' Histoire de Russie. P., 1783. T. 2. P. 405.

[3] Schamyl... // WR, 1854. № 10. April. P. 486.

[4] См.: *Reineggs J. and Bieberstein M.*, Op. Cit. V. I. P. 94–95.

[5] *Gamba J. F.* Voyage dans la Russie meridionale, et particulierement dans les province situll au-dela du Caucase, fait depuis 1820 jusquen 1824. Paris, 1826. Vol. 2. P. 104.

[6] См.: *Воронов Н.И.* Из путешествия по Дагестану // ССКГ. Тифлис, 1868. Вып. I. С. 13–35.

ся, более всего на свете»[1]. Английский историк Ф. Мейн писал, что обитатели горных аулов и ущелий «жили благополучно», «пользуясь дарами плодородных долин»[2].

Некоторые авторы, говоря о горцах Северного Кавказа, особенно о чеченцах, утверждали, что главным ремеслом горцев была война и разбой[3]. Еще среди современников Кавказской войны было довольно широко распространено мнение, что набегами горцев заставляла заниматься «положительная невозможность прокормиться средствами своей страны»[4].

То, что В.А. Потто, генерал царской армии и апологет самодержавия, писал такое, нас не должно удивлять. Вопрос о том, были ли и в какой степени набеги «экономическим принуждением», вызванным условиями обитания, остается весьма спорным. Сведения иностранных авторов подтверждают это. С одной стороны, они говорили, что грабеж для горцев (в частности, для чеченцев и дагестанцев) являлся единственным способом добыть средства к существованию[5]. С другой, отмечали, что щедрая природа восполняла ограниченность сельскохозяйственного производства и тем самым слабо стимулировала грабежи чужих территорий[6].

Действительно, нападения на далеко не беззащитных ближних и дальних соседей являлись трудоемким и опасным занятием, чреватым жестоким возмездием и, как следствие, падением демографического уровня общества ниже критической черты выживания. Набеги были слишком рискованным предприятием, чтобы считать их «способом производства» и преувеличивать их значение в жизни горских обществ. Но не следует впадать и в другую край-

[1] *Берже А.П.* Выселение горцев Кавказа // Русская старина. СПб., 1882. Т. 36. С. 7. Цит. по: Эмиграция северокавказских народов в Османскую империю / Составитель *Алибеков С.Ф.* Махачкала, 2000. С. 28.

[2] *Maine F.* The Life of Nicolas I Emperor of Russia; with a short account of Russia and the Russians. L., 1855. P. 112.

[3] *Freygang W.* et Fr. Lettres sur la Georgie Suivies d'une relation d'un Voyage en Perse en 1812. P. 49; *Don Suan Van Halen.* Op. Cit. V. 2. P. 180.

[4] *Потто В.А.* Кавказская война. Ставрополь: Кавказский край, 1994. Т. 5. С. 56; *А.К.* Казикумухские и Кюринские ханы // ССКГ. 1869. Вып. 2. С. 4.

[5] *Reineggs J. and Bieberstein M.* Op. Cit. V. I. P. 213–214; 218–219.

[6] *Don Juan Van Halen.* Op. Cit. V. 2. P. 177–180; LWR, 1837. P. 204.

А по расчетам П.А. Гаврилова, в некоторых горских общинах на каждую душу населения в среднем приходилось по 65 овец и 4 голов крупного рогатого скота. (См.: *Гаврилов П.А.* Устройство поземельного быта горских племен Северного Кавказа // ССКГ. Тифлис, 1869. Вып. 2. С. 14.)

ность – делать вид, будто этого социального института вообще не существовало, кроме как в «клеветнических» сочинениях русских «дворянско-буржуазных», «шовинистических» историков.

Западные авторы рисуют несколько упрощенную картину набега: «легкие и проворные» горцы, превосходящие «неповоротливых тугодумов – русских»[1]. Набеги имели не только «экономическую» мотивацию в виде возможности получить добычу. Они представляли собой своеобразный социально-культурный институт, некую «общественную привычку»[2], – как писал П. Услар. Для горца, собирающегося в набег, соображения престижа и славы зачастую были более важны, чем материальный стимул. Они приводили его в состояние «нравственного возбуждения»[3].

На самом деле, дагестанская и чеченская эпическая поэзия XVIII – начала XIX в. прославляет сначала удаль, храбрость, героизм горских воинов, а уже потом – добычу. В системе духовного воспитания юного горца важное место занимали материнские рассказы о его предках или близких родственниках, которые своими дерзкими деяниями добились широкого общественного признания и служили высоким примером для молодого поколения[4]. Кроме того, военный образ жизни горцев – это не только экспансия, но и оборона собственной общины или союза общин от внешних врагов с целью сохранения территориальной и этнической целостности, экономического благополучия и т.д. Не случайно народное сознание воспринимало «память о доблестной защите отечества как лучшее наследие предков»[5].

Характерный для набега принцип подчинения предводителю полностью прекращал свое действие по завершении предприятия. Поэтому этот мнимый прообраз идеи авторитарной власти даже за долгие века не смог принять подобия институционально-политической нормы, не имел социально-структурных последствий и не вырос в нечто большее, чем обычный прагматический принцип взаимоотношений между людьми в экстремальной ситуации.

Английский историк Ф. Мейн заметил, что ни победы, ни поражения горцев не вносили сколько-нибудь заметных изменений в их внутреннее состояние, ибо в обоих случаях горское войско после боя распадалось[1]. В основе многих поступков горца лежали мотивы нематериального происхождения. Английский историк Дж. Ф. Бэдли писал, что дагестанцы были «намного восприимчивее к моральным, чем к материальным стимулам»[2].

Ценными являются также исследования современных иностранных исследователей: турецкого историка (с дагестанскими корнями) Фахреттина Кирзыоглу, египетского исследователя Кавказской войны Мухаммада Гани ал-Махди, немецкого востоковеда Михаэля Кемпера, израильского ученого Моше Гаммера[3].

Советская и современная историография

В изданных начиная с 1920-х гг. статьях, а также монографиях борьба горцев Дагестана и Чечни под предводительством Шамиля оценивалась как прогрессивное явление, а сам предводитель представлялся демократом и борцом, выдающимся военным и государственным деятелем[4].

В 1939 г. в Москве и в Махачкале были изданы две моногра-

---

[1] *Mackie J.M.* Life of Schamil; and Narrative of the Circassian War of independence against Russia. Boston, 1856. P. 170–173.

[2] См.: *Услар П.* Кое-что о словесных произведениях горцев // ССКГ. Вып. I. С. 37–39;

[3] *Милютин Д.А.* Описание военных действий 1839 года в Северном Дагестане. СПб., 1850. С. 295; *Он же.* Воспоминания. Томск, 1919. Т. 1. С. 115.

[4] *Потто В.А.* Указ. соч. Т. 2. С. 170.

[5] Там же. С.171.

[1] *Maine F.* Op. Cit. P. 110.

[2] *Baddeley J.F.* The Russian Conquest of the Caucasus. L., – N.Y., 1908. P. XXXIV.

[3] *Kirzioglu F.* Tarihte Kars. Ankara, 1985; Ал-*Махди М.Г.* Яркие мгновения из жизни имама Шамиля. (С предисловием д.и.н., профессора *А.Р. Шихсаидова*); *Гаммер М.* Шамиль. Мусульманское сопротивление царизму. Завоевание Чечни и Дагестана. М.: Крон-Пресс, 1998. *Он же.* Победитель Наполеона на Кавказе // Наш Дагестан. № 172–173. С. 51 (пер. с англ.)

[4] *Магомедов Р.М.* О движении Шамиля. Махачкала, 1949; *Он же.* Легенды и факты о Дагестане. Из записных книжек историка. Махачкала, 1969; *Он же.* Борьба горцев за независимость под руководством Шамиля. Махачкала,1991; *Он же.* Два столетия с Шамилем. Махачкала, 1997; *ХашаевХ.М.* Движущие силы мюридизма в Дагестане. Махачкала, 1956; *Даниялов Г.-А.Д.* О движении горцев Дагестана и Чечни под руководством Шамиля. Махачкала. 1966; *Он же.* Имамы Дагестана. Махачкала, 1996; *Он же.* Имам Шамиль. Махачкала, 1996; *Рамазанов Х.Х., Рамазанов А.Х.* Шамиль. Исторический портрет. Махачкала, 1990; *Рамазанов Х.Х.* Колониальная политика царизма в Дагестане в первой половине XIX в. Махачкала, 1996; *Магомедов М.Б.* Историко-правовые аспекты Кавказской войны 20-50-х годов XIX века. М., 2000; *Гасаналиев М.М.* Первая Кавказская война: 1817-1864. Кн. I. Сатрап. 1817-1828. Махачкала, 2001; *Он же.* Первая Кавказская война: 1817-1864. Кн. II. Газават:1829-1839 гг. Махачкала, 2003; *Алиев Б.Г.* Кадии Акушинские // Источниковедение средневекового Дагестана. Махачкала, 1986; Он же. Теократия в Дагестане // Iran & Caucasus:Research Papers from the Caucasian Centre for Iranian Studies. Yerevan.Vol-s III-IY. Millennium Edition. 1999-2000. P.102; Он же. Союзы сельских общин Дагестана в XVIII – перв. пол. XIX в. Махачкала,1999.(Далее- Союзы...,); *Алиев Б.Г. Умаханов М-С.К.* К вопросу об участии даргинцев в на-

фии – С.К. Бушуева[1] и Р.М. Магомедова[2] под одинаковым названием. Но они не только не повторяли фактические сведения, а гармонично дополняли друг друга. Мало того, эти работы сыграли весьма положительную роль в освещении проблемы.

Положительные оценки борьбы горцев за независимость и свободу утвердились в учебной и справочной литературе. В 1940 г. в Ленинграде была защищена диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук известным кавказоведом Н.И. Покровским.

Однако в 1947 г. в Москве, на расширенном заседании сектора истории народов СССР Института истории АН СССР было заслушано выступление Х.Г. Аджемяна «Об исторической сущности кавказского мюридизма»[3], движение горцев характеризовалось как реакционное и антинародное по своему содержанию, направленное против укрепления и развития в XIX в. многонациональной российской государственности.

«Таким образом, исторической науке было предложено отказаться от известного тезиса о Российской империи как «тюрьмы народов» и присоединиться к концепции включения народов Кавказа в состав Российского государства как «наименьшему злу», чем тому, что могло их ожидать в случае завоевания его ближневосточными странами: Ираном или Турцией».[4]

Критического «анализа» Х.Г. Аджемяна не избежали даже основоположники марксизма-ленинизма. Оценки К. Маркса и Ф. Энгельса Кавказской войны и политики царизма на Востоке первой половины XIX в. выставлялись им как неверные, почерпнутые из страниц английской буржуазной прессы.

родно-освободительном движении горцев // Тезисы... 1989. С. 23–26; *Они же.* Абакар-Хаджи Акушинский – сподвижник Шамиля // Вестник ДНЦ. № 12. Махачкала, 2002; *Амирханов М.А.* Мир ислама. Махачкала, 1996; *Бобровников В.О.* Мусульмане Северного Кавказа. Обычай, право, насилие. М., 2002; *Бобровников В.О., Сефербеков Р.И.* Абу-Муслим у мусульман Восточного Кавказа (к историографии и этнографии культов святых) // Подвижники ислама. Культ святых и суфизм в Средней Азии и на Кавказе. М., 2003. С. 154-214;

[1] *Бушуев С.К.* Борьба горцев за независимость под руководством Шамиля. М.:-Л., 1939. С.1-186.

[2] *Магомедов Р.М.* Борьба горцев за независимость под руководством Шамиля. Махачкала, 1939.

[3] *Аджемян Х.Г.* Об исторической сущности кавказского мюридизма. Дискуссия о движении Шамиля // Вопросы истории. 1947. № 1.

[4] *Шигабудинов Д.М.* Россия и Северо-Восточный Кавказ в 20-50 гг.XIX в. Махачкала, 2004. С.25

Движение горцев Северного Кавказа, подчеркивал Х.Г. Аджемян, ослабляло Россию и усиливало антирусскую вооруженную коалицию западноевропейских держав в Европе и на Востоке. Это, в свою очередь, способствовало поражению России в Крымской войне 1853-1856 гг.

Само собой понятно, что эта концепция была подвергнута суровой, но вполне обоснованной критике. Как будто в научном плане вопрос был исчерпан. Однако в июле 1950 г. в журнале «Большевик» появилась статья первого секретаря ЦК КП Азербайджана М.Д. Багирова «К вопросу о характере движения мюридизма и Шамиля»[1]. В конце того же 1950 г. в Махачкале был собран республиканский актив, на котором вынужден был выступить и первый секретарь Дагобкома КПСС А.Д. Даниялов с докладом «Об извращении мюридизма и движения Шамиля». 14 мая 1951 г. было обнародовано Постановление Государственного комитета по сталинским премиям, в котором было объявлено, что движение горцев под предводительством Шамиля являлось борьбой, инспирированной из-за пределов нашей страны.

После этих событий в стране было круто сменено отношение к многолетней борьбе горцев Дагестана и Чечни. В центре и на местах были изданы многочисленные публикации и квалификационные труды, в которых движение горцев представлялось «феодально-реакционным», «религиозно-изуверским», а предводители движения и сам Шамиль объявлялись ставленниками султанской Турции и агентами английских колонизаторов. И как бы в довершение всего этого, тогда же была создана объемистая публикация[2], о которой мы говорили выше.

Высказанная М.Д. Багировым точка зрения стала усиленно внедряться в научных кругах. 22 сентября 1950 г. Президиум АН СССР принял специальное постановление «Об антимарксистской оценке движения мюридизма и Шамиля в трудах научных сотрудников АН СССР»[3]. Тем самым было продемонстрировано, что наука в СССР развивается в точном соответствии с указанием коммунистической партии советского правительства. В сентябрьском постановлении Президиума АН СССР известные советские ученые

---

[1] *Багиров М.Д.* К вопросу о характере движения муридизма и Шамиля // Большевик.1950. № 13; *Он же.* То же. М.: ГИПЛ,1950.

[2] См.: Шамиль – ставленник султанской Турции и английских колонизаторов: Сб. докум-ных мат-в / Под редакцией *Ш.В. Цагарейшвили.* Тбилиси: Издво МВД Грузии, 1953.

[3] Вестник АН СССР. 1950. № 11. С. 104-106.

Н.М. Дружинин, А.М. Панкратова, М.В. Нечкина подверглись обвинению в неверных научных оценках движения Шамиля. Работы С.К. Бушуева, Р.М. Магомедова, Г. Гусейнова и других советских ученых, посвященные движению горцев, были раскритикованы и в духе того времени объявлены «политически вредными»[1].

Как с горечью пишет известный дагестанский историк Х.Х. Рамазанов, после статьи М.Д. Багирова многие советские ученые, «вопреки своим убеждениям в силу сложившейся тяжелой обстановки, взяли грех на душу, поддержали статью»[2].

Так, в начале 50-х гг. вышло несколько статей московских и кавказских авторов, написанных в духе концепции М. Багирова, с бесперспективными в научном и политическом смысле попытками доказать верность тезиса об агентурном характере движения горцев Северного Кавказа[3]. Другая задача, которая была поставлена перед советской историографией того времени, – свести до минимума географию освободительной борьбы горцев Кавказа, показать, что большинство кавказских народов не поддерживало реакционное движение Шамиля и не препятствовало, как заключал акад. Б.Д. Греков, «прогрессивным стремлениям истории, которые вырастали из недр тогдашней (*российской. – Ю. Д.*) государственности»[4].

В подобном духе была, к примеру, написана статья Г.Г. Антоняна «Реакционное движение Шамиля и некоторые вопросы армянской общественной мысли XIX века»[5]. Главной ее задачей являлось стремление показать, что борьба Шамиля против России не имела политической связи с освободительным движением народов Закавказья против царизма. Г.Г. Антонян выступал как ярый

[1] *Шигабудинов Д.М.* Указ. соч. С.26

[2] *Рамазанов Х.Х., Рамазанов А.Х.* Шамиль – исторический портрет. Махачкала, 1990. С. 86-87.

[3] *Даниялов А. Д.* Об извращениях в освещении движения муридизма и Шамиля. Махачкала, 1950; *Адамов Е., Кутаков Л.* Из истории происков иностранной агентуры во время кавказских войн // Вопросы истории. 1950. № 11; *Фадеев А.В.* Мюридизм как орудие агрессивной политики Турции и Англии на Северо-Западном Кавказе в XIX столетии // Вопросы истории. 1951. № 9; *Бурчуладзе Е.Е.* Крушение англо-турецких захватнических планов в Грузии в 1855-1856 годах // Вопросы истории. 1952. № 4; *Смирнов Н.А.* Реакционная сущность движения мюридизма и Шамиля на Кавказе. М., 1952; *Фадеев А.В.* Мюридизм как оружие агрессивной политики Турции, Англии на Северном Кавказе в XIX столетии // Вопросы истории. 1952. № 9; *Бушуев С.К.* Из истории внешнеполитических отношений в период присоединения Кавказа к России (20-70 годы XIX века). М., 1955.

[4] Стенограмма совещания по вопросам истории СССР в ЦК ВКП(б) в 1944 г. // Вопросы истории. 1996. № 9. С. 56.

[5] *Антонян Г.Г.* Реакционное движение Шамиля и некоторые вопросы армянской общественной мысли XIX века. Баку, 1952.

сторонник М.Д. Багирова, утверждая, что тот в докладе «Об очередных задачах интеллигенции Азербайджана», прочитанном на собрании ученой интеллигенции города Баку 14 июня 1950 г., внес «исключительно ценный вклад в дело понимания и научного освещения истории народов Закавказья»[1].

Очевидно, что подобный же «ценный вклад» в науку должен был привнести сборник архивных документов «Шамиль – ставленник Османской Турции и английских колонизаторов»[2], изданный в 1953 г. в Тбилиси по двум причинам.

«С одной стороны, составители сборника должны были на конкретно-историческом материале обосновать тезис об инспирированности движения Шамиля, а с другой – косвенно продемонстрировать, что к движению северокавказских горцев грузинский народ не имел ровным счетом никакого отношения»[3].

В предисловии к сборнику, написанному в очень эмоциональном и тенденциозном духе, его составители заявляли, что «война горских народов с Россией под предводительством Шамиля была реакционной войной, ставившей своей целью насильственное обращение немусульманских народов Кавказа в ислам и полное экономическое, национальное и духовное порабощение всех народов и народностей Кавказа»[4]. В приводимой цитате обращает внимание тезис: «война горских народов с Россией».

Можно подумать, что в нем нет ничего особенного. Но это всего лишь на первый взгляд. Авторы сборника не могли писать в своем предисловии: «война России с горскими народностями», так как в этом случае в корне менялся взгляд на характер Кавказской войны. Тем самым подчеркивалось, что война на Северном Кавказе была развязана горскими народами Северо-Восточного Кавказа, а не царизмом, и была к тому же инспирирована Западом.

К счастью, эта антинаучная версия недолго господствовала в кавказоведении. В начале октября 1956 г. в Махачкале и в ноябре того же года в Москве прошли научные сессии, на которых была широко обсуждена проблема возникновения борьбы горцев, характера и движущей силы и этапов движения под флагом мюридизма. Эти научные форумы, прошедшие под знаком свободной дискуссии, достигли известных успехов, основным из которых было решительное отклонение антинаучной версии Багирова и предос-

[1] Там же. С. 3.

[2] Шамиль – ставленник султанской Турции и английских колонизаторов: Сб. документов. Тбилиси, 1953.

[3] *Шигабудинов Д.М.* указ. соч. С.28

[3] Шамиль – ставленник ... там же.

тавление ученым-кавказоведам возможности правдивого изучения проблемы.

Естественно, что кавказоведы за короткое время сумели создать ряд ценных, основанных на большом фактическом материале исследовательских статей, монографических исследований, обобщающих трудов. Среди них следует, прежде всего, указать на коллективные труды «Очерки истории Дагестана» (Махачкала, 1957 г.), «История Дагестана» (1967-68 гг.), исследования профессоров Н.А. Смирнова, А.В. Фадеева, Х.-М. Хашаева, А.Д. Даниялова и др.[1]

Важнейшее место в освещении отдельных аспектов исследуемой проблемы занимают труды Р.М. Магомедова, Г.-А.Д. Даниялова, Х.Х. Рамазанова, А.Х Рамазанова, Х.М. Хашаева, М.Б. Магомедова, М.М. Гасаналиева, Б.Г. Алиева, М-С.К. Умаханова, Д.М. Шигабудинова, М.Р. Гасанова, М.А. Амирханова, В.О. Бобровникова.

Однако не все кавказоведы придерживаются одинаковых взглядов на движение под предводительством Шамиля. В 1983 г. в журнале «История СССР» появилась статья проф. М.М. Блиева «Кавказская война: социальные истоки, сущность», которая вызвала резко отрицательную реакцию среди значительного большинства кавказоведов. В ней утверждается, что «Кавказская война» выросла из системы экспансии, восходящей к концу XVII в. Иначе говоря, по Блиеву, движение горцев Дагестана и Чечни якобы возникло из «набегового производства». В коллективном труде «История народов Северного Кавказа» (ИНСК) сказано, что, несмотря на различие в уровне социально-экономического развития, феодальные разбои и грабежи никогда не были единственным занятием большинства горцев. В подстрочном примечании указано также, что статья М.М. Блиева вызвала многочисленные протесты кавказских историков[2].

Ввиду довольно бурной реакции институт Истории СССР предпринял попытку организовать публичное обсуждение этой статьи. Мало того, были даже размножены тексты выступлений профессоров Р.М. Магомедова и В.Г. Гаджиева и др. в количестве 100 экземпляров. Но обсуждение не было проведено[3]. Однако это не

[1] *Смирнов Н.А.* Политика России на Кавказе XVI-XIX вв. М.: Наука, 1958; *Он же:* Мюридизм на Кавказе. М.: Наука, 1963; *Фадеев А.В.* Россия и Кавказ в первой трети XIX в. М., 1960; *Он же.* Возникновение мюридского движения на Кавказе и его социальные корни // История СССР. 1960. № 5; *Хашаев Х.М.* Общественный строй Дагестана XIX в. М.: Наука, 1961. С. 36-60 и др.

[2] История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. - 1917 г.). М., 1988. С. 3.

[3] *Гаджиев В.Г.* Actik estantibus // Тарих. Махачкала, 1997. № 5. С. 78.

спасло от массированной критики статью М.М. Блиева. Чуть ли не все историки Северного Кавказа критиковали Блиева в своих сочинениях. Только один пример: «С позиций сомнительных методологических установок нового прочтения народно-освободительного движения горцев Северного Кавказа, – писал акад. РАН Г. Г. Гамзатов, – преподносятся суждения и мнения, выдержанные, как ни странно, в духе трактовок помещичье-дворянской историографии, концепции геополитического деления на равнинных и горных, на мирных и экспансивных, и притом экспансионизм возводится в систему и ремесла горцев»[1].

Между тем, в 1994 г. была издана монография М.М. Блиева и В.В. Дегоева «Кавказская война». Авторы привлекли большое число сведений, рассказывающих о набегах горцев, извлеченных из разнохарактерных источников. Но убедить своих оппонентов, доказать, что Кавказская война выросла из горских набегов, не удалось. Кстати сказать, на это обстоятельство указывает значительное большинство современных кавказоведов, опубликованных в последние годы сочинений, и та критика, которая прозвучала в адрес авторов монографии[2].

По поводу же утверждения представителей официальной дворянско-буржуазной историографии (Н.Ф. Дубровин, В.А. Потто, А. Берже и др.) и некоторых советских исследователей (Цагарейшвили, М.М. Блиев, В.Б. Виноградов, В.В. Дегоев и т.д.) о согласованности боевых операций горцев под руководством Шамиля с наступательными действиями турок, о помощи Турции и Англии Шамилю следует сказать, что в этом отношении, как отмечает Х.М. Ибрагимбейли, «ни один из этих историков не приводит убедительных фактов и аргументированных доводов, которые бы свидетельствовали о взаимодействии горцев с турецкой армией, ограничиваясь лишь голословными утверждениями о переписке между султаном и Шамилем, цитированием бесчисленных фирманов и воззваний султана и его военачальников, адресованных мусульманским народам Кавказа»[3].

В последние годы в связи с 200-летием со дня рождения Шамиля было издано немалое число разнохарактерных сочинений: монография Расула Магомедова «Два столетия с Шамилем» (1997 г.), «Шамиль. Мусульманское сопротивление царизму. Завоевание

[1] *Гамзатов Г.Г.* Преодоление, становление советской литературы. Махачкала, 1986. С. 37-38.

[2] Литературная газета. 30.08.1995г.

[3] *Ибрагимбейли Х.-М.* Кавказ в Крымской войне 1853-1856 гг. и международные отношения. М.: Наука, 1971. С. 354.

Чечни и Дагестана» Моше Гаммера (1998 г.), «Шамиль и Кавказская война» А.М. Халилова (1998 г.), «Знамение судьбы» Рамазана Абдулатипова (1998 г.), фундаментальный труд Н.И. Покровского «Кавказские войны и Имамат Шамиля» (2000 г.); в серии ЖЗЛ «Имам Шамиль» Шапи Казиева (2001 г.), а также «Шамиль, иллюстрированная энциклопедия» под редакцией Ш.М. Казиева; «Эпоха Шамиля» Х.Х. Рамазанова (2003 г.); М.М. Гасаналиев «Первая Кавказская война: 1817-1864. Кн. I. Сатрап. 1817-1828» (Махачкала, 2001 г.); он же. «Первая Кавказская война: 1817-1864. Кн. II. Газават: 1829-1839 гг.» (Махачкала, 2003 г.); «Россия и народы Северо-Восточного Кавказа в 20-50 гг. XIX века» Д.М. Шигабудинова (2004 г.) и многие другие.

С изданием фундаментальных трудов, посвященных освободительной борьбе горцев под предводительством Шамиля, и прежде всего публикацией многострадального труда Н.И. Покровского, «Кавказские войны и Имамат Шамиля», издаются материалы, которые не могут удовлетворить современного читателя, в которых содержится множество непроверенных фактов взаимоисключающиеся суждения. И все же надо признать, что исследования, посвященные борьбе горцев, ежегодно пополняются новыми работами. В 2001 г. была издана крупная по объему и богато оформленная монография В.В. Дегоева «Имам Шамиль: пророк, властитель, воин»[1]. Достоинством работы следует признать преодоление автором тенденциозности своих суждений, присущей его работам. Книга всецело посвящена раскрытию многогранной роли третьего имама в многолетней борьбе горских народов.

Однако преодолеть традицию, «присущую русской литературе изображать имама в черно-белых тонах с нарочитым предпочтением либо одного, либо другого цвета», автору не во всем удалось, хотя он убеждает читателя именно в этом.

В этой связи, как совершенно справедливо отмечает московский исследователь М.Ю. Рощин, «автор выбирает те источники и литературу, которые больше соответствуют его личным пристрастиям . К сожалению, автор *(В.В. Дегоев. – Ю.Д.)* часто необъективен и излишне придирчив к своему герою, обвиняя его в жестокости, авторитаризме и чрезмерном упоении властью. Шамиль жив в памяти потомков, и мы, вероятно, еще не готовы взглянуть на этого героя прошлого объективно и непредвзято»[2].

[1] *Дегоев В.В.* Имам Шамиль: пророк, властитель, воин. М.: Русская панорама, 2001.

[2] *Рощин М.Ю.* Рецензия на монографию *В.В. Дегоева.* Имам Шамиль: пророк, властитель, воин. М.: Русская панорама, 2001. 372 с. // Восток. М.: Наука, 2002. № 5. С. 186, 189.

Более подробный анализ монографии профессора В.В. Дегоева кавказоведами еще предстоит[1].

Здесь же необходимо сказать, что наиболее объективная оценка выдающейся личности Шамиля была дана в материалах, посвященных 200-летию со дня его рождения. «Народно освободительная борьба горских народов является неотъемлемой частью Российской истории, объективный ход исторических событий привел нас в политическую систему Российского государства. На выработку нашего исторического компромисса было затрачено много крови, сил и времени. За эти годы горцы лучше узнали и обжились с русскими и другими народами России, наше сотрудничество и существование с ними стало органичным. Дагестан навсегда связал свою судьбу с Россией, обрел широкую перспективу исторического развития. Этот прежде изолированный островок Кавказа вывелся в орбиту прогрессивных экономических процессов, в духовное поле европейской и мировой цивилизации»[2].

Однако до сего времени в отечественной историографии появляются работы, в которых реанимируются осужденные взгляды и оценки личности Шамиля и народно-освободительной борьбы горцев против царизма и местных феодалов. М.М. Блиев, В.Б. Виноградов, В.В. Дегоев, С.Ц. Умаров, Т.С. Магомадова и другие, образно названные Расулом Гамзатовым «шамилоедами», поливающие грязь не только на Шамиля, но и на народы, которые боролись за свою свободу и независимость от местных феодалов и царских колонизаторов, неоднократно делали попытки выдавать чёрное за белое и наоборот. Но время всё ставило на свои места.

Эти авторы неустанно пишут одно и то же, ничего не добавляя к тому, что было написано задолго до них апологетами самодержавия.

М.М. Блиев в своей статье пытается убедить читателей в том, что борьба народов Северного Кавказа, защищавшихся от огромной царской армии, являлась грабительскими набегами, а планомерные военные и карательные экспедиции царских войск трактуют

[1] В 2003 году впервые в Дагестане *Р.Р. Гашимовым* защищена диссертация: «Борьба горцев Северо-Восточного Кавказа 20-50-х годов XIX века в советской историографии» на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальностям: 07.00.02 – Отечественная история; 07.00.09 – Историография, источниковедение и методы исторического исследования. Будем надеяться, что *Р.Р. Гашимов* не остановится на достигнутом, и мы увидим его научные труды, посвященные современной, а также дореволюционной историографии.

[2] Тарих. Махачкала, 1997. № 5. С. 20.

ет либо как оборонительные, либо как разобщенные, локальные действия, не заслуживающие названия войны. Впоследствии в том же журнале («История СССР» № 4 за 1989 г.) он определяет эту войну как высшую форму организации набеговой системы на Кавказе.

Эту концепцию М.М. Блиева поддержал и В.Б. Виноградов и его ученики Н. Великая, С.Ц. Умаров, Т.С. Магомадова, Ю.Ю. Клычников, К.В. Скиба и другие.

Вместе со своим учеником С.Ц. Умаровым В.Б. Виноградов разрекламировал еще в 1983 г. в своей работе «Вместе к великой цели» «новое прочтение» М.М. Блиевым истории народно-освободительной борьбы горцев Северного Кавказа (на деле исходящее из дореволюционного геоантропологического деления его народов на «равнинных» и «горных», на «мирных» и «экспансивных») и охарактеризовал «новое чтение» Кавказской войны Блиевым как «зоркое» и «новаторское». Свои антиисторические построения В. Виноградов выдает за истину в последней инстанции, что механически перенимают его ученики и последователи.

В подавляющем большинстве научных публикаций справедливо отмечается, что царские власти на Кавказе в первой половине XIX в. интенсивно строили укрепленные линии и крепости, и только в 1860 г., после пленения Шамиля (1859 г.), упразднило Кавказскую укрепленную линию, созданную именно для покорения Кавказа. С построением укреплений Кавказской линии горские народы оказались в положении осажденных. По существу, они были отрезаны от выхода на равнины. За этой линией шла усиленная раздача земель помещикам, создавались новые казачьи станицы и селения из отставных солдат. Земли за Тереком и Кубанью, которые веками использовались в скотоводческом хозяйстве горцев, раздавались царскими властями дворянам и офицерам, в том числе грузинским и армянским. Только в XVIII в. у горцев было отнято более 623306 десятин земли[1].

Борьба народов Северного Кавказа и, в частности, дагестанцев, продолжалась и после пленения Шамиля[2], и после окончания Кавказской войны (21 мая 1864 г.), когда в местечке Губаадва (ныне «Красная поляна») в Черкесии были проведены «торжества»

[1] См.: Вопросы истории. 1990. № 6.

[2] См.: *Магомедов Р.М.* История Дагестана... Махачкала, 1968. С. 313; Краткий отчет начальника Дагестанской области со времени его образования по 1.11.1869 // Рук. фонд ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 150.

с присутствием наместника Кавказа – великого князя Михаила Николаевича, брата императора Александра II. Как известно, в 1860-х гг. по Дагестану, как и по всему Северному Кавказу, прокатилась серия восстаний.

«Если бы царизму не удался маневр поочередного, изолированного завоевания Восточного, а затем и Западного Кавказа, и если бы горцы объединились бы, отбросив взаимные обиды и междоусобицы»[1], «то Российскому самодержавию пришлось бы иметь армию, по крайней мере в 2 раза большую; пришлось бы потратить в несколько раз больше сил и средств»[2], чем это было в действительности: если в 1804 г. на Кавказе было всего 12545 человек (6 генералов, 463 офицера и 12074 нижних чинов), то «в 1859 году, в эпоху крушения Шамиля, Кавказская армия насчитывала в своих рядах 308699 человек»[3], при «постоянной армии у Шамиля – 20 тысяч человек с трофейными пушками и снарядами, отлитыми местными мастерами, русскими пленными и перебежчиками»[4] (для сравнения: вся русская армия в начале Отечественной войны 1812 года составила всего около 240 тыс. человек)[5].

Российский генералитет признавал, что борьба горцев Северного Кавказа против царской России остановила дальнейшую экспансию царизма на Восток. «Исход минувшей войны на долгое время положил для России преграду всяким предприятиям такого рода»[6].

Царская армия, как известно, не могла овладеть Имаматом Шамиля в течение четверти века, хотя в 2 года (1812-1814 гг.) сокрушила могущественную наполеоновскую империю, привела к поражению в русско-турецкой войне 1828-1829 гг. все еще сильную Османскую Империю, вынудив ее просить мира. Если бы движение не носило в себе черты как социальной борьбы, так и народно-освободительной войны, если бы народ не чувствовал справед-

[1] «Русским очень на руку разлад кавказцев относительно происхождения языка и религии, в особенности многочисленные христианские народы Закавказья являются там сильной опорой их мощи...». См.: *Вагнер Мориц.* Кавказ и земля казаков в 1843–1846 гг. Лейпциг: Дрезден,1848. Т. 2. С. 210. (на нем. яз.).

[2] *Гарданов Б.А.* Покорение Черкесии и выселение черкесов в Турцию // Рук. фонд ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 147. Л. 7.

[3] «Русская старина». СПб., 1882, ноябрь. С. 283.

[4] *Шишкевич М.М.* Покорение Кавказа // История русской армии и флота. М., 1911. № 6. С. 98.

[5] СЭС. М., 1984. С. 945.

[6] Из дневника и записной книжки графа *П.Х. Граббе* // Русский архив. СПб., 1889. № 1. С. 661.

ливости своих действий, вряд ли в течение столь длительного времени небольшое население Имамата продержалось бы против 110-миллионной великой державы.

Царское правительство, опираясь на местных феодалов, в лице которых оно нашло надежную социальную опору, приступило к введению колониальных порядков. Горцы, не желавшие подчиниться колониальным порядкам, объявлялись врагами России, и против них применялись суровые меры. Николай I, например, настоятельно требовал от фельдмаршала Паскевича «усмирения навсегда горских народов или истребления непокорных».

В работе «Россия и горцы Большого Кавказа: на пути к цивилизации» (М., 2004 г.) М.М. Блиев отрицает право кавказцев отстаивать свою свободу и независимость родной земли от покушений со стороны хищных соседей, сопротивление народов Северного Кавказа царской агрессии называет экспансией.

«Россия тяготела к территориальному расширению и достижению статуса «сверхдержавы», – пишет он. За счёт каких же земель пыталась она расширить свои пределы, желали ли соседи уступать своё чужому, имели ли они право отстоять своё? На эти вопросы Блиев конкретно не отвечает, а продолжает предыдущую цитату: «а горцы Большого Кавказа обнаруживали устремлённость к совершенствованию военной организации и склонность к вооружённой экспансии».

По М.М. Блиеву, вторжение на чужую территорию не является экспансией, а сопротивление народа, ставшего жертвой, является ею. Эту же теорию М.М. Блиев выдвигал и до этого в работе «Кавказская война: социальные истоки и сущность» (История СССР. 1983. № 2), где научно обоснованные и признанные взгляды известных историков подвергнуты «пересмотру».

«В развязанной ими самими войне с Россией они (черкесы) не справились с преодолением собственной разобщённости и, потеряв исторические ориентиры, были вовлечены в массовую эмиграцию», – пишет он. Однако следом же опровергает эту мысль: «Стоит отметить, что до Адрианопольского договора отношения между Российским Кордоном и горными адыгами были довольно спокойными. По оценке Паскевича, в течение целого года вторжений с той стороны Кубани не было», – пишет он и тут же добавляет: «Адрианопольский мир и его практическая реализация вовлекли Россию в продолжительную войну».

Так что же всё-таки вовлекло Россию в войну? Набеги (война) адыгов или несправедливый, подписанный за спиной черкесов

безо всякого их участия, договор между Россией и Турцией, по которому проигравшая сторона «уступила» победителю чужую территорию, никогда ей не принадлежавшую. Должны ли были адыги безропотно признавать то же самое, если турки «уступили» бы их, к примеру, Англии?

Как видно из вышесказанного, М.М. Блиев начисто отказывает горцам Кавказа в их справедливой борьбе за свою независимость. Но это право признано во всём мире за всеми народами!

Но это ещё не всё. Блиев также пытается доказать, что будто бы дагестанцы совершали набеги из-за своего тяжёлого экономического положения. «2/3 его *(Дагестана. – Ю. Д.)* территории совершенно не пригодно для сельскохозяйственного производства», – пишет он. Получается, что он не признаёт скотоводство как отрасль сельскохозяйственного производства, в которой было занято население на этой 2/3 территории Дагестана.

Однако следом М.М. Блиев опровергает самого себя: «Материальное благополучие горской семьи целиком зависело от эффективности скотоводства. Являясь ведущей областью, оно обеспечивало горца продуктами питания (молоко, масло, мясо и др.), материалом на одежду, обувью, тягловой силой, топливом, удобрением и пр. Излишки скотоводческой продукции обменивались на зерно».

По законам логики, эти два утверждения одновременно верными быть не могут: или 2/3 территории Дагестана не пригодны для сельскохозяйственного производства, и скотоводство не является отраслью его; или наоборот – они пригодны для сельскохозяйственного производства.

«На фоне военно-политических притязаний к Дагестану то со стороны Ирана, то Турции русско-дагестанские связи развивались без видимых конфликтов», - пишет М.М. Блиев.

Почему же тогда не было набегов, не началась война? Более того, многие дагестанские феодалы добровольно приняли подданство России. Что же привело их к конфликту: набеги горцев или угнетение со стороны царской колониальной администрации после победы России над Ираном и Турцией?

На этот вопрос ответил сам М.М. Блиев в 1970 г. в своей работе: «К вопросу о времени присоединения народов Северного Кавказа к России» (Вопросы истории. 1970. № 7.). В ней он писал о двух этапах присоединения народов Кавказа к России. Первый этап был мирный, ибо он сопровождался установлением на местах царского административного аппарата. На втором же этапе ца-

ризм установил на Кавказе свои крепостнические порядки и превратил в колонию. «Последнее вызвало сопротивление местного населения, вылившееся в широкую волну антифеодального протеста», – писал он тогда и был прав.

Если исходить из нынешней набеговой теории М.М. Блиева, получается, что жители Индии терроризировали своими набегами англичан, и тем ничего не оставалось, как завладеть Индией. Жители Средней Азии, надо полагать, совершали набеги на Москву, и Россия вынуждена была покорить её.

Таким образом, сочинения М.М. Блиева, исключая работу 1970 г., предназначены для оправдания колониальных захватов самодержавия. Ради достижения указанной цели М.М. Блиев искажает некоторых авторов, на которых ссылается. На это указывали ещё Б.Х. Ортабаев, Ф.В. Тотоев в работе «Ещё раз о Кавказской войне: о её социальных истоках и сущности» (История СССР. 1988. №4), критикуя работу М.М. Блиева «Кавказская война: социальные истоки, сущность».

М.М. Блиев и в данной работе допускает вышеназванные недостатки, нарушает законы логики, без тщательного анализа и сопоставлений приводит высказывания некоторых историков, подтверждающие его теорию. Но с таким же успехом можно привести другие высказывания, опровергающие выводы М.М. Блиева. И таких неувязок в указанной книге немало.

В.В. Дегоев в очередной своей монографии «Имам Шамиль: пророк, властитель, воин», изданной также в Москве в 2001 г. в издательстве «Русская панорама», несколько изменил свое отношение к набеговой системе. На с. 26 указанной монографии Дегоев, говоря о факторе набега, пишет: «Ни в коей мере не отрицая известной роли данного фактора, нельзя, вместе с тем, игнорировать многочисленные свидетельства в пользу экономической самодостаточности горских обществ.

Нападения на далеко не беззащитных ближних и дальних соседей являлись трудоемким и опасным занятием, чреватым жестоким возмездием и, как следствие, падением демографического уровня общины ниже критической черты выживания. **Набеги были слишком рискованным предприятием, чтобы считать их «способом производства» и преувеличивать их значение в жизни горских обществ.** *(подчеркнуто мною. – Ю. Д.).* Но не следует впадать и в другую крайность – делать вид, будто этого социального института вообще не существовало, кроме как в «клеветнических» сочинениях русских «дворянско-буржуазных», «шовинистических» историков». Никто и не отрицает факта набегов. Более того, имеются работы, где подробнейшим образом описаны набеги горцев Северного Кавказа»[1].

И смешно их за это порицать. Новгородские ушкуйники, творя бесчинства на севере, преступали христианские установления. Горцы действовали в рамках установившейся морали. Набеги – и на соседние народы, и на российские территории – были не только экономической необходимостью, но и нравственным императивом. Набег был главным испытанием личных достоинств горца.

Об указанной монографии В.В. Дегоева и о его книге «Имам Шамиль: пророк, властитель, воин» совершенно справедливо высказались проф. М.Р. Гасанов, Х.Х. Рамазанов, московский исследователь Михаил Рощин[2].

Следует особо отметить, что на горцев Северного Кавказа шел не простой русский народ в целях их покорения, а царизм, выражавший интересы имущих классов, проводивший колонизаторскую политику.

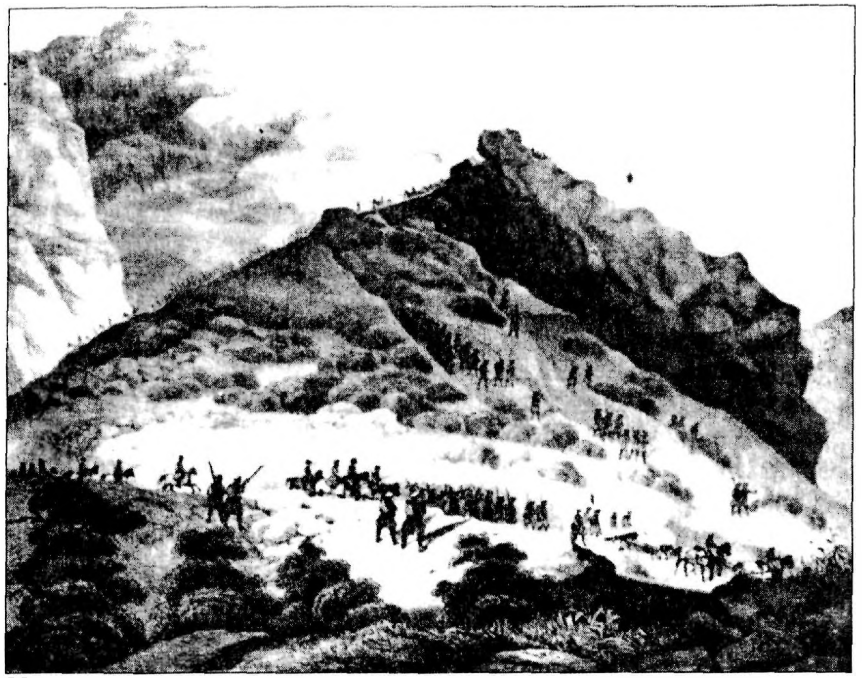
«По счастью, Зимний Дворец – не вся Россия и даже не весь Петербург. Другая Россия, вне Дворца, вне табели о рангах протягивает вам руку», – писал А.И. Герцен.

В современной отечественной историографии возобладало справедливое мнение о том, что вооруженная борьба горцев Северного Кавказа против царизма есть война антиколониальная и антифеодальная, а имам Шамиль – прогрессивный талантливый полководец, государственный и политический деятель, крупный руководитель народных масс, (См. работы Р.М. Магомедова, Г-А.Д. Даниялова, Х.Х. Рамазанова, Б.Х. Ортабаева, Ф.В. Тотоева, А.М. Халилова, Х.-М. Ибрагимбейли, А.Х. Рамазанова, Ю.У. Дадаева, Д.М. Шигабудинова, М.М. Гасаналиева, А.М. Магомеддадаева и др.).

---

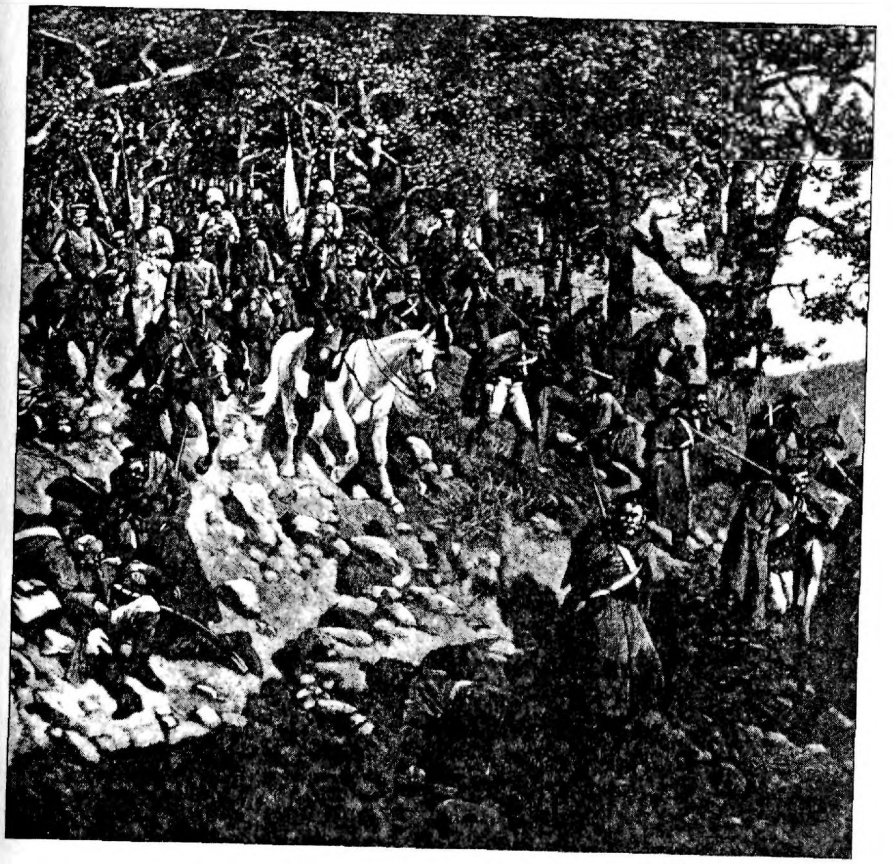
[1] *М.М.Блиев, В.В.Дегоев.* Кавказская война. М., 1994. *Милютин Д.А.* Воспоминания. Томск, 1919. Т.1. С. 287-292; *Алиев Б.Г.* Союзы сельских общин Дагестана в XVIII - первой половине XIX в. Махачкала, 1999. С. 261-266. *Набег* (заимств. из тюрк. яз.): авар.–«чабхъен», дарг.–«чябхъин», лак.– «чапхун», кумык.- «чапгъын», лезг. – «чапхун», табасар. – «чапхун», рутул.– «чапхын» и т.д.

[2] *Гасанов М.Р.* Кавказская война в кривом зеркале (рецензия на книгу *М.М.Блиева* и *В.В. Дегоева* «Кавказская война») // Дагестанская правда, 2 октября 1996г., *Рамазанов Х.Х.* Новая книга о Шамиле: клевета или результат невежества автора? // Дагестанская панорама, 14 марта 2002 г; *Рощин М.Ю.* В.В. Дегоев. Имам Шамиль: пророк, властитель, воин // Восток. 2002. № 5. С. 186-189.



Миатлинская переправа

Эпизод боя на Кавказе



Ф. Рубо. Взятие Дарго. 1845

Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского НЦ РАН

instituteofhistory.ru

Глава II.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ И ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО КАВКАЗА В КОНЦЕ XVIII – НАЧАЛЕ XIX в.

I. Социально-экономическое и политическое положение Дагестана и Чечни на рубеже XVIII-XIX в.

В начале XIX в. Дагестаном называли не только территорию современной Республики Дагестан, но и значительно большую часть Северо-Восточного Кавказа.

Под Дагестаном, писал О. Евецкий, «разумеются провинции Бакинская, Дербентская и Кубинская, к нему примыкают «вольные» лезгинские общества: Ахтыпаринское, Докузпаринское и Алтыпаринское, расположенные в ущельях Кавказских гор, владения Шамхала Тарковского, ханства Дженгутайское и Казикумухское и владения Майсума кадия Табасаранских; наконец, «вольные общества»: Даргинское, Акушинское, Рутульское, Сургинское и Кубачинское» [1]. В коллективном труде, написанном в первой половине XIX в., подчеркивается, что «Дагестан простирается от реки Койсу *(Сулак. - Ю. Д.)* вдоль по западному берегу Каспийского моря на 200 верст до реки Самур; ширина его от берега морского к горам и в самые горы от 50 до 80 верст» [2].

Известный кавказовед первой четверти XIX в. С. Броневский писал, что «с Дагестаном на севере граничат кумыки, на западе аварцы и казикумуки, на юге по р. Самуру – кубинцы» [3].

Мы привели лишь отдельные утверждения, посвященные определению территории Дагестана. Но характеристик, посвященных этой проблеме, в кавказоведении содержится достаточно много. Большинство авторов XIX в. показывает довольно поверхностное знание проблемы. Мы же в данном случае под Дагестаном подразумеваем всю территорию Страны Гор, входящую в состав современной Республики Дагестан. В географическом отношении, как известно, эта территория распадается на плоскостную, или низменную, часть, которая тянется более чем на 500 км вдоль берега Каспийского моря. Предгорная территория - от 20 до 40 км ширины со средней высотой 500-600 м. Горная, или внутренняя, территория представляет собой непрерывные цепи гор высотой от 2000 м. И, наконец, высокогорный Дагестан, который переходит на западе в пояс высоких гор с заостренными гребнями и пиками, достигающими 3500-4000 м высоты [1].

На территории Дагестана издавна обитали аварцы, даргинцы, лезгины, лаки, кумыки, табасаранцы, чеченцы и др. - всего более 30 народностей и этнических групп. В языковом отношении эти этносы относятся к кавказо-иберийской группе; тюркоязычные: кумыки, азербайджанцы, ногайцы и ираноязычные: таты и горские евреи. Тюркоязычные и ираноязычные народы обитали в плоскостной части Дагестана. Горские народы занимали предгорную, горную и высокогорную территории.

Территория расселения аварской группы народностей (собственно аварцы и близко родственные им андо-цезские народности) простиралась широкой полосой от северной низменности от сел. Чирюрт через хасавюртовские и буйнакские предгорья вглубь, во внутреннюю горную и альпийскую зону, и через гребень Кавказского хребта до Алазанской низменности и до пределов Джаро-Белокан (Закатальского и Белоканского районов Республики Азербайджан), где также проживали аварцы. Ширина этой полосы достигает 80 км, а длина составляет более 200 км. С аварцами граничат на севере и на востоке кумыки, на северо-западе – чеченцы, на западе – чеченцы-кистинцы, бацбийцы, грузины, азербайджанцы. На юго-востоке аварцы граничат с даргинцами.

Андийцы занимают южные скаты Андийского хребта и бассейн реки Муидирил-Тлар (левый приток Андийского Койсу). К юго-западу от андийцев, у подножия южного ската того же Андийского хребта, в котловине и в бассейне реки Ансалтадирил-Тлар (левый приток Андийского Койсу) проживают ботлихцы, западнее их – годоберинцы, на правой стороне Андийского Койсу, на западном скате Богосского хребта, располагаются каратинцы. Южнее их, на северном и частично на восточном скатах Богосско-

---

[1] *Евецкий О.* Статистическое описание Закавказского края. СПб., 1835. С. 223.

[2] Обозрение Российских владений за Кавказом в статистическом, этнографическом, топографическом и в финансовом отношении. СПб., 1836. Ч. IV. С. 187.

[3] *Броневский С.* Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. М., 1823. Ч. I. С. 58-59.

[1] *Хашаев Х.М.* Общественный строй Дагестана в XIX веке. М.: Наука, 1961. С. 5-8.

го хребта в верховьях Ахвахской речки (правый приток Андийского Койсу) живут ахвахцы. Вверх, против течения Андийского Койсу на южном скате Андийского хребта, на левом берегу Андийского Койсу – чамалалы; напротив них, на северном скате Богосского хребта, на правом берегу Андийского Койсу – багулалы; выше их, на этой же стороне Андийского Койсу – тиндальцы (богосцы). В верховьях Андийского Койсу живут хваршины.

На самой границе с Грузией, в долинах рек Мотмота-кидирти, Сабаткунисхева живут дидойцы (орицхвали). К юго-востоку от дидойцев, в бассейне реки Хван-ор и Саби-хеве и их притоков, в котловине обитают бежтинцы (капучины), нухцы и гунзебцы.

Непосредственными соседями аварцев на юго-востоке центрального Дагестана являются лакцы. Их граница проходит по восточному склону Турчидага, вверх до пределов Дюльтидага. Лакцы занимают долину Казикумухского Койсу и р. Кули. На востоке лакцы граничат с даргинцами, на юге – рутулами и агулами.

Даргинцы занимают горную и предгорную зону среднего Дагестана, на северо-западе они граничат с аварцами, на юго-западе – с лакцами. На юге ини граничат лезгинами и табасаранцами, на северо-востоке и на востоке – кумыки, и на юго-востоке – дербентские азербайджанцы, таты и горские евреи. Отдельные даргинские села имеются и в смежных районах Дагестана.

Табасаранцы занимают предгорную и горную части и территорию, непосредственно примыкающую к Приморской низменности в районе сел. Мамед-кала, вблизи Дербента. Их села расположены как в долинах рек Рубас и Карагач-су, так и на табасаранских плоскогорьях, покрытых лесными массивами.

Весь Южный Дагестан, от равнинной до альпийской зоны, занимают лезгины, агулы, рутулы и цахуры. Селения их располагались в долинах рек Самура, Гюль-Геричая и Ахтычая, а также на склонах гор Самурского хребта, на юго-востоке главного гребня Кавказского хребта, на склонах Базардюзи и по обоим скатам Шахдага. Агулы занимают восточные отроги Самурского хребта, бассейн р. Чирахчая. Селения агулов расположены в ущельях Агулдере, Хушандере, Курахдере, Хпюкдере. Рутулы и цахуры занимают долину р. Кара Самур и верховья р. Самур, а также ближайшие к ним горы за пределами Главного Кавказского хребта [1].

Сведения, относящиеся к численности народонаселения к концу XVIII в. и первой половине XIX в., дают лишь приближенные

[1] *Хашаев Х.М.* Указ. соч. С. 8-15.

цифры. По данным Д. Тихонова и Ф. Симоновича, относящимся к 1796 г., «в Дагестане без собственно лезгин (жителей Самурских и Кюринских округов) числится 384 тыс. человек»[1]. По сведениям С. Броневского, в Дагестане было 147 тыс. дворов. По подсчетам А. Берже, численность жителей Дагестана составляла 397.761 человек[2]. В 1860 г., по официальным данным, население Дагестана составляло 513. 265 человек [3].

Несмотря на этническую и географическую пестроту, отдельные части Дагестана имели общие черты как в физико-географическом отношении, так и в социально-экономическом развитии. И в этом смысле, территория Дагестана может быть разделена на две части: на равнинную и горную. Но это, конечно, вовсе не означает, что внутри этого в целом условного подразделения не имелось специфических черт, отличающих одну местность от другой [4].

Как указывает дагестанский историк Г.С. Федоров, «Дагестан связывал Северный Кавказ и юго-восток Европейской равнины, с одной стороны, и Закавказье и Переднюю Азию, с другой стороны. Единство и общность дагестанских народностей обнаруживается в близком родстве материальной и духовной культуры, в родстве языков. С древнейших времен это была единая историко-этнографическая область» [5].

Основным занятием дагестанских горцев было земледелие и скотоводство. При общем низком уровне развития экономики, низменные и предгорные районы Дагестана были сравнительно развиты. Наличие плодородных земель и благоприятных климатических условий позволяли населению широко заниматься земледелием. На плоскости господствовала залежная, двух- и трехпольная система земледелия. Наряду с посевами пшеницы, ячменя, население плоскостного и предгорного Дагестана разводило виноградно-фруктовые сады, выращивало бахчевые культуры, занималось мареноводством, шелководством. Причем производимый на равнине и предгорьях хлеб шел не только на внутреннее потребление,

[1] ИГЭД. С. 121.

[2] *Берже А.П.* Краткий обзор горских племен Кавказа // КК на 1858 г. Тифлис, 1857. С. 271.

[3] *Козубский Е.И.* Памятная книжка Дагестанской области. Темир-Хан-Шура, 1895. С. 50

[4] *Гаджиев В.Г.* Роль России в истории Дагестана. М., 1965. С. 12.

[5] *Федоров Г.С.* Все мы из рода Дагестанского. Махачкала, 2005. С. 56.

но и на обмен населению горного Дагестана, и на продажу в Кизляр и казачьи станицы.

Иную картину представлял горный Дагестан. Здесь земель, пригодных для земледелия, было недостаточно. В силу этого, основным занятием горцев нагорного Дагестана было скотоводство. Но в тоже время жители горного Дагестана занимались полеводством и садоводством, как и их сородичи в равнинной части.

Однако жители гор издавна вынуждены были тратить невероятный труд, заниматься террасным земледелием. Источники отмечают, что «нередко случается видеть, как горец при помощи крючьев и веревок подымается на утесную скалу, стараясь отыскать на ней клочок пахотной земли» [1]. И поэтому здесь пахотные земли ценились на вес золота. И обрабатывались они тщательным образом, благодаря чему горцы добивались сносных урожаев пшеницы, ячменя, кукурузы и других зерновых культур, сеяли также лен, коноплю.

Обозреватель Г. Мочульский сообщал, что «в Аварии сеют голый ячмень, просо, овес, лен, коноплю, бобы и чечевицу, что там пахотные поля удобряются и до засева вспахиваются три раза»[2]. Поля свои горцы пахали деревянной сохой с железным лемехом с двумя отвалами, в которую впрягали пару волов. Горянки не давали пахотному участку зарастать сорняком и по нескольку раз в сезон делали прополку, вырывая руками сорную траву с корнями. Жатву производили женщины особыми серпами. При этом стебли хлеба резали у самого корня. Снопы вязали и укладывали в скирды мужчины. Дети собирали колосья. Снопы возили на гумно, находящееся вблизи аула, на ослах. Молотьбу хлеба производили на вычищенном утрамбованном гумне» [3]. Естественно, что малоземелье и примитивные орудия труда сковывали развитие полеводства горцев Дагестана. Однако сложившееся у кавказоведов мнение, что Дагестан якобы не был в состоянии прокормиться своим хлебом, неверно.

В действительности жители равнинной части, как отмечалось выше, сами продавали хлеб как во внутренние части Страны Гор, так и за пределы Дагестана. А целый ряд районов горного Дагестана обеспечивал себя производимым хлебом. Лишь некоторые высокогорные районы выменивали зерно у своих соседей. Можно согласиться с Н. Дубровиным, который после глубокого изучения интересующего нас вопроса подчеркивал, что, «несмотря на все невзгоды, мало едящий горец собирает со своих нив столько хлеба, что за прокормлением семейства уделяет часть его на продажу. Вообще же, при умеренности в пище, земледелие, при обыкновенном урожае, удовлетворяет местные потребности» [1].

Благодаря быстро развивающейся хлопчатобумажной промышленности России, где в качестве красителя, наряду с голландским крапом, употреблялась и кавказская марена, стало расширяться и мареноводство в Дербенте, южной части Табасарана, Кайтаге, Шамхальстве и Засулакской Кумыкии.

Ведущей отраслью экономики Дагестана было также скотоводство. Жители равнинного и предгорного Дагестана занимались разведением преимущественно крупного рогатого скота (быков, коров, буйволов). У населения горного Дагестана было развито овцеводство, разведение же крупного рогатого скота занимало второе место. Однако жители нагорного Дагестана имели летние пастбища, но не имели зимних пастбищ.

В силу этого в Дагестане выработалась и получила довольно широкое развитие отгонная система животноводства, которая выражалась в том, что в конце сентября мелкий рогатый скот (овцы и козы), а иногда и крупный рогатый скот перегонялись с летних пастбищ на зимние пастбища, расположенные на Терско-Сулакской и Приморской низменностях Дагестана и Северного Кавказа: население южной и юго-западной части перегоняло свой скот на равнины Азербайджана и Грузии. А с весны вновь скот перегоняли на летние пастбища. Само собой понятно, что эта система была сопряжена не только с трудностями, но и с опасностью. Эта же система одновременно укрепляла экономические взаимоотношения народов Дагестана.

По сведениям И. Гербера, «акушинцы и тавлинцы в горы пригоняют около 100 тыс. овец Нижнего Кайтага, за что те платят пошлину. А жители Самурской долины и рутульцы перегоняли свой скот на пастбища Северного Азербайджана. Каракайтагцы, акушинцы и дженгутаевцы перегоняли свои стада на пастбища шамхала Тарковского, сюргинцы – на пастбища дербентского ханства и т.д. и т.п.» [2]. Хозяйство горца считалось богатым, если

---

[1] *Берже А.П.* Указ. соч. С. 25.

[2] *Мочульский Г.* Война на Кавказе и в Дагестане // РГВИА. Ф. ВУА. Д. 6528. Ч. II. Л. 70.

[3] Там же.

[1] *Дубровин Н.* Указ. соч. Т. I. С. 511.

[2] РГВИА. Ф. ВУА. Д. 414. Л. 201.

он имел 2-х или 3-х волов, от 6 до 10 коров, свыше 100 овец и коз[1]. По данным вышеупомянутого офицера Г. Мочульского, богатые дворы рутульцев, келебцев, ратлу-ахвахцев имели более 300 овец[2]. Ни конских заводов, ни своей породы лошадей в описываемое время в Дагестане не было. Лошадей горцы использовали преимущественно для верховой езды и относили их к предметам роскоши. Более важное значение в хозяйстве горцев имели ослы и мулы [3].

Хозяйство жителей равнинного и нагорного Дагестана имело натуральный характер. Но это вовсе не значит, что в Дагестане не было простого товарного производства. В рамках натурального хозяйства развивались домашние промыслы. Домашняя обработка всех видов местного сырья была распространена повсеместно [4]. Сами жители Дагестана изготовляли весь необходимый сельскохозяйственный инвентарь.

Из шерсти делали войлоки, паласы, ковры, головные платки, обувь, наплечные бурки, хурджины, мешки и многое другое. Во всех частях края была развита обработка кожи. Из металла изготовляли различного рода оружие, ножи, кинжалы, шашки, пояса, пистолеты, украшения для национальных костюмов и многое другое. Высокохудожественные произведения ювелиров Дагестана были широко известны не только на Кавказе, но и за его пределами. Задолго до XIX в. в Дагестане выделились ремесленные и кустарные центры, где мастера изготовляли разного рода изделия. А. Буцковский в 1812 г. свидетельствовал, что «андийцы имеют множество овец с отличной шерстью, занимаются преимущественно выделыванием бурок, кои по всему Кавказу за лучшие славятся» [5]. В Анди, Гунибе, Карата, Тлондода, а также в Даргинии, Кази-Кумухе, Кайтаге, Табасаране и во многих других местах было развито производство сукна. Ковры, сумахи, паласы, арбабаши, чулки и др. изделия изготовлялись чуть ли не повсюду.

Однако центрами коврового производства были селения Южного Дагестана: Микрах, Тепи-Пиркент, Ахты, Рутул, Гляр, Курах, Капир. Мастера металлообработки, оружейники достигли высоких успехов по изготовлению клинков. Однако лучшие изготовлялись в селах Амузги, Харбук, Лакии, Карахе, Чержи, Араканы, Гидатле. Но лучшими из лучших считались клинки, изготовленные мастером Базылая из селеня Нижний Казанище и его учеником Казахбием. Специализация по аулам особенно была развита в Лакии. Гончарные изделия производились не только в лакском селении Балхар, но и в даргинском Сулевкенте, табасаранском Джули. Небольшая часть населения, живущая на берегу Каспия и вдоль крупных рек, занималась рыболовством и охотой.

Изделия кустарного и ремесленного производства шли, как указывалось выше, как на удовлетворение собственных нужд, так и на обмен. Кубачинцы, по свидетельству автора конца XVIII в. Я. Рейнегса, «известные мастера, которые выделывают оружие, пистолеты, сабли, ножи, панцири. Так как ни Персия, ни Анатолия не имеют таких умелых мастеров, их изделия всюду находят спрос, дорогую оценку. Полеводство у них совершенно в забросе. Они сеют немного и получают немного. Садоводство также не имеет значения. Все, что им нужно для питания, они получают по весьма дешевым ценам от своих соседних племен» [1]. За пределы Дагестана вывозились также ковры, арбабаши, бурки, овчины и др.

Селение Эндирей (аул, расположенный в северном Дагестане) являлось своеобразным центром работорговли, куда приезжали для покупки живого товара купцы из ближневосточных стран и особенно из Турции.

Однако русское правительство вело с этим злом возможную в то время борьбу, и поэтому еще в 1770 г. русские власти распорядились не пускать в Дагестан лиц, приезжающих для покупки рабов. В 1803 г. на пути, ведущем от Северо-Западного Кавказа в Дагестан, были выстроены пикеты. И, тем не менее, ликвидировать работорговлю в первое двадцатилетие XIX в. России не удалось. В целом же Россия поощряла торговлю горцев. Еще Екатерина II в 1762 г. освободила от пошлины товары, привозимые горцами в Кизляр, а в 1765 г. было обнародовано постановление, освобождающее кабардинцев и кумыков от уплаты пошлины при про-

---

[1] Там же. Д. 6528. Ч. I. Л. 114.

[2] Там же. Ч. II. Л. 48.

[3] Там же. Л. 72.

[4] *Маркграф О.В.* Очерки кустарных промыслов Северного Кавказа. М., 1882; *Хашаев Х.-М.* Занятия населения Дагестана в XIX в. Махачкала. 1954. С. 55.

[5] *Буцковский А.М.* Выдержки из описания Кавказской губернии и соседних горских областей.1812 г. // ИГЭД. С. 243; *Хашаев Х.-М.* Занятия населения Дагестана... С. 56.

[1] См.: Дагестан в известиях русских и западно-европейских авторов XIII-XVIII вв. / Состав., введ., вступ. статья к текстам и примеч. проф. *В.Г. Гаджиева.* Махачкала, 1992; *Шиллинг Е.М.* Кубачинцы и их культура: Историко-этнографические этюды. М.:-Л.: Изд-во АН СССР, 1946. С. 24.

даже собственных изделий и скота, при покупке товаров в Кизляре [1]. В начале XIX в. торгово-экономические связи Дагестана значительно укрепились.

В 1807 г. только из одного Дербента было вывезено 6-7 тыс. пудов марены [2]. В 1810 г. Российское правительство приняло специальное положение о развитии торговли с горскими народами, которое предусматривало создание на Северном Кавказе меновых дворов на Кавказской кордонной линии, что было на руку горским народам вообще и, в частности, горцам Дагестана. Тем более что торговые операции проводились меною.

Главными торговыми центрами Дагестана в то время были Дербент, Эндирей, Костек, Тарки, Араканы, Чиркей, Анди, Хунзах, Чох, Согратль, Кази-Кумух, Цудахар, Ахты и другие. За пределы Дагестана – в Нуху, Шемаху, Тифлис и на север – в Кизляр, Астрахань и другие города горцы вывозили свои товары, сушеные фрукты, орехи, сыр, масло и другие продукты животноводства и изделия кустарных промыслов.

В Дагестан ввозили хлеб, рис, нефть, черные и цветные металлы, хлопчатобумажные и шерстяные ткани русского производства, оружие огнестрельное, зеркала, сундуки, посуду, сахар, чай и другие товары. В XIX в. важнейшее место во внешней торговле Дагестана занимала Россия. Горские владетели обращались к кавказским властям с просьбой разрешить им торговые операции в Тифлисе и других городах Закавказья. В 1807 г. Султан-Ахмед-хан Аварский просил у главнокомандующего на Кавказе Гудовича разрешить его людям беспошлинную торговлю. В 1809 г. аварские общества Согратль, Маали, Шодрода, Ботлих и Анди просили разрешить торговлю с Грузией и в пределах Российской империи.

Если русские власти охотно давали вести торговые операции в Кизляре, Астрахани, в меновых центрах Северного Кавказа, а также в казачьих станицах, то в отношении торговли в Грузии кавказское командование вело себя довольно скупо. Так, Гудович отказал Султан-Ахмед-Хану в его просьбе о беспошлинной торговле в столице Грузии. А генерал Ртищев на просьбу Ансалтинского общества о предоставлении им свободной торговли с Грузией ответил, что предоставит «всевозможные выгоды наравне с теми, каковыми пользуются российские подданные» [3]. После подписания в самом начале XIX в. договора о вступлении Аварского

[1] Русско-дагестанские отношения в XVIII – нач. XIX в. М.,1988. (РДО). С. 112.

[2] *Броневский С.* Указ. соч. Ч. II. С. 458.

[3] АКАК. Тифлис, 1869 г. Т. III. С. 376.

владения в подданство России, аварцам Хунзахского владения действительно была предоставлена свободная торговля.

Многоязычный Дагестан был разделен на несколько феодальных владений и более 60 так называемых «вольных» обществ. В Засулакской Кумыкии находились три княжества: Эндиреевское, Костековское, Аксаевское, где правили кумыкские князья. В конце XVIII в. в каждом из них имелись назначаемые кавказским командованием частные приставы.

Тарковское шамхальство, хотя и управлялось владетелем (шамхалом), но уже было зависимо от царских властей.

В 1802 г. кавказская администрация подписала с аварским ханством договор, согласно которому хунзахский хан признавал над собой власть Российского государства [1].

В 1806 г. русские войска, без какого-либо сопротивления, вошли в город Дербент, Шихали-хан вынужден был скрыться в Кубинском ханстве. Территория Дербента была поручена в управление брату предыдущего правителя Гасан-хану. Северная же часть Дербентского ханства за оказанную помощь была передана в управление шамхалу Тарковскому.

В 1812 г. царские войска заняли Кюринское владение Казикумухского ханства которое было отдано под управление Аслан-хану (Аслан-беку). Это владение принадлежало Шихмардану, но после смерти брата Сурхай-хан II присоединил его к своему ханству. В новое ханство вошли общества Курахское, Кошанское, Агульское и Ричинское [2].

Во второе десятилетие аварский правитель Султан-Ахмед-хан и его родной брат Гасан-хан, правитель Мехтулы, пытались организовать совместное антирусское выступление, но были жестоко наказаны генералом Ермоловым. Ханство Мехтулинское было передано в управление шамхала Тарковского. Шамхалу же было поручено управление Койсубулинским[3] союзом сельских общин.

[1] *Гаджиев В.Г.* Роль России... С. 182-183.

[2] *Гасаналиев М.М.* Первая Кавказская война 1817-1864. Кн. I. Сатрап.1817-1828. Махачкала, 2001. С. 17.

[3] «Койсубу» от слов «койсу» - река и «бо» - войско. «Койсуболы», «койсубула», «койсуболу» и т.д. – принятое наименование местностей, где в настоящее время проживают жители Унцукульского района полностью и часть жителей Гергебильского и Гумбетовского районов РД. (Некоторые ученые локализуют Койсуболу (Койсубу) на территории от сел. Гоцатль (начало) и селением Чиркей (конец), т.е. территорией по обеим сторонам реки Аварское Койсу, начиная от Гоцатля и завершая Старым Чиркеем).

В Салатавии был поставлен пристав из русских офицеров. В 1819 г. было включено в состав России Кайтагское уцмийство.

В 1820 г. вблизи лакского селения Хосрех произошло жестокое сражение. Царские войска под командованием генерала Мадатова, совместно с кюринским отрядом, предводительствуемым Аслан-ханом, после продолжительной кровавой битвы наголову разбили объединенные силы Сурхай-хана и заставили его отступить. Жители Кази-Кумуха, будучи недовольными действиями своего хана, не допустили его в свою резиденцию, и он вынужден был бежать в аварское селение Согратль. Кази-Кумухским же ханом кавказским командованием был утвержден кюринский Аслан-хан.

В двадцатые годы соответствующими договорными актами было документально оформлено принятие в подданство союзов сельских общин Самурской долины, основного даргинского объединения Акуша-Дарго и целого ряда аварских «вольных» обществ Центрального Дагестана. В 1811-1819 гг. силой оружия было подавлено так называемое ханское движение в Табасаране и уцмийстве Кайтага.

В 1824 г. были приведены в покорность койсубулинцы [1]. После смерти Султан-Ахмед-хана Аварское владение было разделено на два ханства. В Хунзахе правила дочь погибшего хана Баху-бике, а в Сиухском владении правил Сурхай-хан, внук Ума-хана Справедливого по линии его грузинской жены Марьям (сын Гебека).

В своем рескрипте на имя главнокомандующего на Кавказе Александр I писал: «Мне весьма приятно было видеть из вашего донесения счастливое во всех отношениях окончание предприятия вашего к восстановлению спокойствия, нарушенного в том краю мятежствующими горскими народами; но особенную мою благодарность заслуживают благоразумные меры кротости, принимаемые вами для достижения сей цели. Они совершенно соответствуют намерениям моим. Почитая жителей Дагестана вместе с обитателями части Российской империи, я всегда с крайним сожалением принимал известия об употреблении силы оружия к обузданию их своеволия, тем более остаюсь довольным настоящим укрощением их без всякого кровопролития в действие приведенным...» [2].

В связи с преобразованиями, произведенными царскими властями, политическая карта Дагестана приобрела следующий вид:

[1] РГВИА. Ф. ВУА. Д. 1508. Л. 3.

[2] Там же. Л. 7.

Шамхальство Тарковское занимало территорию к югу от реки Сулак до реки Орасай-Булак в длину 110 верст и в ширину 50-60 верст [1]. Основную массу населения составляли кумыки, но, кроме них, здесь проживали ногайцы, небольшая часть горских евреев, а также другое переданное царским правительством в управление шамхала население. В административном отношении шамхальство было разделено на бийликства (Бойнакское, Эрпелинское, Бамматулинское, Карабудахкентское), которые, в свою очередь, делились на магалы. «Шамхал, - писал П.Г. Бутков, - есть самовластный владелец, и тяжбы своих подданных сам решает деспотически» [2].

Мехтулинское ханство занимало небольшую территорию, состоявшую всего из 18 аулов (Нижний Дженгутай, Верхний Дженгутай, Дургели, Апши, Ахкент и др.). С конца XVIII в. и до 1818 г. владением управлял Гасан-хан Мехтулинский, родной брат аварского нуцала Султан-Ахмед-хана (оба они были племянниками Ума-хана Справедливого).

Обширную территорию по масштабам Дагестана занимало Кайтагское уцмийство. Территория этого владения простиралась от реки Орасай-Булак на юг вдоль Каспия, на 60 верст до реки Дарбах и от Каспийского моря на запад верст на 100, а в окружности 350 верст [3]. Территория владения была разделена на две части: равнинную, называемую Нижний Кайтаг или Кара-Кайтаг («Убях-Хайдак»), и нагорную – Верхний Кайтаг («Чебях-Хайдак»).

В равнинной части обитали кумыки, терекемейцы и горские евреи. Уцмийство Кайтагское было разделено на 13 магалов. Политическое устройство уцмийства мало чем отличалось от вышеуказанных владений. Над обеими частями Кайтага возвышалась власть наследственного уцмия, которая переходила к старшему в роду, но при этом торжественно утверждалась на всенародном собрании, созываемом в сел. Башлы.

От Дербента на запад около 70 верст проживали табасаранцы (табасараны). Табасаран был разделен на два владения: майсумство и владения кадия. В административном отношении оба владения были разделены на магалы. Резиденцией майсума было селение Чегрех, а резиденцией кадия – селение Эрси. В своих владениях беки, как и в других владениях, были полноправными хозяевами, они разбирали тяжбы между подвластным населением, взымали штрафы и при необходимости имели право подвергать жес-

[1] *Броневский С.* Указ. соч. Ч. II. С. 294.

[2] ИГЭД. С. 200.

[3] *Броневский С.* Указ. соч. Ч. II. С. 48; ИГЭД. С. 309.

токим наказаниям. В случае войны майсум и кадий собирали ополчение, которым сами предводительствовали.

В самом центре нагорного Дагестана высокую долину Кази-Кумухского Койсу занимали лакцы (лаки), с юга они граничили с лезгинской группой народностей, с востока – с даргинцами, с северо-запада - аварцами. Эта территория и была ядром Кази-Кумухского владения. В начале 90-х гг. XVIII в., как указывалось выше, к Кази-Кумухскому владению была присоединена Кюринская территория, и обе эти «провинции вновь были объединены в одно ханство. Непосредственными помощниками во владении хана являлись ханские визиры. Функции дворецкого и казначея выполняли назиры. Совещательным органом хана являлся казикумухский кхат («хъат»). Полицейские функции выполняли нукеры, в основном состоящие из лагов хана. На местах для соблюдения правопорядка «выбирались» старшины. Присоединенными к владению территориями управляли родственники хана – беки или выделявшиеся храбростью и умом вассалы хана [1]. Вместе с присоединенными территориями в кюре-казикумухском ханстве имелось 200 населенных пунктов.

Согласно данным, относящимся к 1811 г., численность жителей владения составляла 108 тыс. человек [2].

Во главе Кюре-Казикумухского владения стояли наследственные ханы, передающие власть от отца к сыну. Как отмечалось выше, в начале XIX в. казикумухским ханом был Сурхай-хан II. Он, по сообщению Ф. Симонович, «кроме в натуре получаемого оброка со всех деревень, получает и пошлины с прогоняемых для пастьбы через его владения для наибств скотских табунов до 80000 руб. ханскими деньгами. Кроме того, он имеет в обеих провинциях наследное владение и неопределенную власть над народом» [3]. Такое положение сохранялось до 1812 г., когда Сурхай-хан II нарушил данную кавказскому командованию клятву в подданстве России и у него «была отнята кюринская провинция».

Общеизвестно, что аварская народность была самой многочисленной среди горцев Дагестана. Однако наибольшего могущества Аварское ханство достигло в 80-х гг. XVIII в. при Ума-хане Аварском (Справедливом), которого называли грозой для соседних ханов [1]. При нем Аварское ханство намного расширило свои границы как за счет подчинения близко родственных аварских союзов сельских общин, так и за счет присоединения пограничных с Северным Дагестаном территорий, населенных чеченцами. Хунзахский хан подчинил своей власти «Джаро-Белоканское общество, принудил платить дань грузинского царя Ираклия II, ханов Кубинского, Бакинского, Ширванского, Шекинского и нашу Ахалцыхского» [2]. Своих сестер Ума-хан выдавал замуж владетелям Кавказа в своих политических целях.

В 1801 г., во время очередного набега на Грузию, Ума-хан Аварский (Справедливый) был смертельно ранен близ р. Иори и вскоре в Закаталах скончался. В 1802 г. ханом, как указывалось, стал Султан-Ахмед-хан, сын сестры и зять (муж Баху-бике) Ума-хана Аварского, так как вместе со смертью Ума-хана кончился род аварских ханов по мужской линии. В живых оставался только Гебек, но он был чанка, то есть сыном Ума-хана от грузинской невольницы Марии (Марьям), в связи с чем на ханский престол и был приглашен мехтулинский правитель Султан-Ахмед.

В 1823 г. Султан-Ахмед-хан погиб при загадочных обстоятельствах: он упал в пропасть вместе с лошадью во время подготовительных мероприятий для набега в Грузию. И в связи с этим в политической жизни Аварского ханства большую роль стала играть Баху-бике. Она приложила все усилия, чтобы водворить на ханский престол своего сына (сын погибшего Султан-Ахмед-хана). Но генерал А.П. Ермолов отклонил претензии вдовствующей ханши, и поставил ханом Аварии сына Гебека Сурхай-хана [3].

В 1828 г. при правлении на Кавказе генерала И.Ф. Паскевича Хунзахское ханство было разделено на два владения со столицами Хунзах и Сиух. В Хунзахе после принятия клятвы на верноподданство России был поставлен сын Султан-Ахмед-хана и Баху-бике Абу-Султан-Нуцал-хан, а в Сиухе стал править также давший идентичную присягу Сурхай-хан, сын Гебека (внук Ума-хана по грузинской линии, который не пользовался в народе большим авторитетом, но был лояльным к царизму) [4].

---

[1] *Гаджиев В.Г.* Роль России... С. 36-37.

[2] А.К. Кази-Кумухские и Кюринские ханы. С. 4; ИГЭД. С. 237; *Броневский С.* Указ. соч. Ч. I. С. 59.

[3] ИГЭД. С. 152.

[1] Там же. С. 143.

[2] *Неверовский А. А.* Краткий исторический взгляд на Северный и Средний Дагестан до уничтожения влияния лезгинов на Закавказье. СПб., 1848. С. 34.

[3] *Атаев М.М.* Баху-бике // Тарих. Махачкала, 1997. № 4. С. 21-25; *Гасаналиев М.М.* Первая Кавказская война: 1817-1864. Кн. I. Сатрап. 1817-1828. Махачкала, 2001; *Он же.* Первая Кавказская война:1817-1864. Кн. II. Газават: 1829-1839 гг. Махачкала, 2003.

[4] МИДЧ. С. 121-123.

Им были выданы знамя «с императорским гербом и золотым убором, а также золотая сабля, осыпанная светлыми каменьями с надписью; для ханши Гихили (Кильъилай, бездетная жена Ума-хана Аварского) парчи на 3 полных пары платья и соболиный мех в 2 тыс. руб.; для ханши Баху, ее падчерицы, - то же; для малолетнего брата Нуцал-хана наилучшие золотые часы с цепочкою и пару пистолетов отличной отделки». 24 января 1829 г. «Сурхай и Абу-Султан-Нуцал-хан, утвержденные в достоинстве ханов, пожалованы в полковники, и решено производить каждому по 2000 руб. серебром в год» [1].

В описываемое время в Дагестане существовало несколько десятков союзов сельских общин: аварские - Салатавское, Гумбетовское, Хиндалальское (Койсубулинское), Андалалское, Гидатлинское, Андийское, Ахвахское, Дидойское, Анкратлинское, Хваршинское, Богулальское, Калалалское, Чамалальское, Технуцальское, Тиндальское, Томс, Киль, Мукратль и др.; даргинские: Акушинское, Цудахарское, Усишинское, Урахинское, Мугинское, Мекегинское и др.; лезгинские: Ахтынское, Докузпаринское, Алтыпаринское и др.; Рутульское, Цахурское и др.

Довольно сложным и пестрым были и господствующие в крае социально-экономические отношения. «В начале XIX в., - подчеркивал в свое время известный кавказовед профессор А.В. Фадеев, – народы Северного Кавказа находились на различных ступенях развития феодализма. В то время в Приморском Дагестане, Кабарде, Осетии, а также у некоторых адыгских племен (темиргоевцев, хатухаев, бжедухов) феодальные отношения были более развиты, чем у дагестанских горцев, чеченцев, ингушей. Эти отношения были еще в значительной мере скрыты под покровом патриархально-общинного строя и родовых пережитков» [2]. Эта формулировка, хотя в общем правильно характеризует положение дел в крае, но последние исследования отечественных кавказоведов убеждают нас в том, что это утверждение нуждается в некоторой корректировке. Трудно согласиться, например, что все районы горного Дагестана были на одинаковом уровне социального развития. Не все районы горного Дагестана были на «низком уровне развития феодально-производственных отношений».

Дагестан был краем со сложными и пестрыми общественно-экономическими отношениями. В равнинной и предгорной частях Дагестана земельные угодья находились в основном в собственности феодалов при сохранении незначительной части общественного землевладения [1].

В нагорной части ханы Аварии, Кази-Кумуха и др. владели значительными пахотными землями и особенно пастбищами. Согласно имеющимся данным, в 1828 г. в Аварском ханстве насчитывалось 37 селений с 5895 дворами узденских, т.е. свободными от всяких поборов, и 160 селений с 14843 дворами податных (в это число входило несколько селений крепостных крестьян: Ках, Тлаилух, Хиниб, жители которых были райятами хана) [2]. В начале XIX в. в Аварии существовали следующие виды собственности на землю: ханские земли, бекские и чанкские мюльки, а также мюльки лично свободных узденей, общинные земли и вакуфные земли. Хан как глава владения имел, главным образом, горные пастбища почти во всех частях Аварии. Эти земли находились в пользовании отдельных обществах, которые платили хану подати натурой, продуктами скотоводства, земледелия и садоводства, о чем свидетельствует известный документ «Перечень податей, взимаемых Умаханом с селений Аварского ханства» [3].

Во многих селениях Аварии проживали беки и чанки, которые владели собственными мюльками, превышающими земли общинников, и пользовались податями. По сведениям профессора Х-М. О. Хашаева, в селении Гоцоб (Гоцо)[4] были беки и чанки, которые владели довольно крупными землями. Благодаря покровительству второго имама беки и чанка-беки не были истреблены. Было 19 хозяйств, которые взимали подать с 16 хозяйств односельчан. Они же владели пастбищными горами, называвшимися Арах-меэр. Среди них особо выделился Доного-Магома, отец Нажмутдина Гоцинского. В селении Моксох было 17 привилегированных хозяйств, которые получали подати от 11 хозяйств вольноотступников [5]. По неполным данным комиссии по определению сословных прав, в Аварском, Андийском и Гунибском округах было более 100 человек из ханских фамилий. В селениях Цалкита и Андых было 15 хозяйств беков и чанков. В Андыхе чанки сообща владели территорией под названием Рецутль-Бак, составлявшей около 100 десятин пахотной и покосной земли. Жители Андыха

[1] Там же. С. 125.

[2] *Фадеев А.В.* Россия и Восточный кризис 20-х годов XIX в. М., 1958. С. 111-112.

[1] *Гаджиев В.Г.* Роль России... С. 19.

[2] МИДЧ. С. 184-185, 192-196.

[3] Там же. С. 15-19.

[4] Селение Гоцоб административно входит в Моголхскую сельскую администрацию (сельсовет) Гергебильского района РД.

[5] *Хашаев Х.-М. О.* Указ. соч. С. 150-151.

были обязаны отдавать чанкам трехдневный удой молока от всех овец и три дня в году работать на них. В Андийском округе было 30 чанков.

В Койсубулинском и Гидатлинском союзах жили чанки: в селениях Телетль, Уриб, Зиури, Голотль, Урада, Тидиб, Гинта, Ругуджа и других. Не многие из них пережили «шамилевскую эпоху». Однако после подавления движения Шамиля потомки чанков и беков обратились к русскому правительству с просьбой вернуть им имения, конфискованные имамом [1]. «У нас Шамиль отобрал родовые земли, - писали аварские беки и чанки, - но русское начальство возвратило нам одну треть, а две трети остались в руках сельского общества». «Наши предки, - обращались другие чанки к кавказской администрации, – жили сначала в Голотле в Аварии: три брата оттуда переселились в разные селения (Телетль, Голотль, Гонода), обязав жителей платить им за земли, которые остались в их пользовании. Плату, следовавшую нашему предку, получали мы, потомки, до появления Шамиля, а он лишил нас этой платы» [2].

«Мы, телетлинские и ругуджинские чанки, - писали они, - имеем земли больше узденей» [3]. «Чанки, проживающие в Цалкита, с 6 домов своих односельчан получали по 1 мере пшеницы и с тех, у кого были овцы, по одному барашку» [4]. Проанализировав большое число разнохарактерных источников, профессор Х.-М. О. Хашаев пришел к правильному выводу о том, что феодальная собственность беков и чанков на землю в Аварии «существовала везде, не исключая даже высокогорное общество, как Ункратль. Немногочисленность зависимых крестьян в горах объясняется, с одной стороны, недостаточной зрелостью феодализма, с другой - специфической особенностью феодализма в горах, где земельная собственность феодалов распространялась, главным образом, на горные пастбища, что не требовало приложения труда и закрепощения крестьян» [5].

Как отмечалось выше, мюльками в Аварии, как и в других местах горного Дагестана, на правах неограниченной собственности владели лично свободные крестьяне – уздени. Но основную массу земель составляли летние альпийские пастбища и выгоны, находившиеся в общинном пользовании. По переписи 1886 г. в

[1] МИДЧ. С. 687-710.
[2] Там же.
[3] Там же.
[4] Там же.
[5] *Хашаев Х.-М.* Указ. соч. С. 153.

Аварии было 12433.5 десятин, которые якобы находились в общинном владении.

Однако, как убедительно указал профессор Х.-М. О. Хашаев, эта земля находилась не в общинном владении, а в частном владении. «В общинном же владении, – подчеркивал ученый, – пахотных земель почти не было» [1]. «В частной собственности крестьян, – продолжал он, – во всех трех аварских округах было 68501 десятин пахотных и садовых земель» [2]. Своеобразной была земельная собственность сельских общин. Одна или несколько общин вместе владели выгоном, пастбищными горами, частично сенокосом, лесом, а в ряде мест и оросительными каналами. «Де-юре все члены имели право пользоваться указанной собственностью, но де-факто пользовались ею только члены общины, которые имели скотопоголовье.

Общинная земля могла быть передана в аренду или отчуждена только по решению сельского общества. Характерной особенностью сельских общин в Аварии было и то, что они владели не одинаковым количеством земли; обладающие более крупными земельными угодьями сельские общины сдавали в аренду земли на определенных условиях малоимущим общинам. Поэтому между общинами издавна сложились отношения господства и подчинения.

Богатые и мощные (многочисленные) сельские общины выступали в качестве коллективных феодалов по отношению к слабым, и последние несли им определенные обычаем подати и повинности. Таким образом, сельская община выступала как собственник части земли и на этом основании имела некоторые права по отношению к своим членам [3].

Довольно схожи с этим были земельно-правовые отношения и в других частях горного Дагестана. Во владениях Дагестана ханы и беки владели пахотными землями, горными пастбищами и большим поголовьем скота. Впрочем, как и в Аварии, они владели землями, разбросанными по всему владению. В Кази-Кумухском ханстве, кроме пахотных земель, по данным А. Каяева, за редким исключением некоторых, «горные пастбища являлись собственностью хана». В общей сложности Кази-Кумухские ханы в начале XIX в. владели 41 горными пастбищами» [4].

[1] *Хашаев Х.-М.* Указ. соч. С. 153.
[2] Там же.
[3] Там же. С. 154-155; ЦГИА РГ. Ф. 79. Д. 16. Л. 10; ДГСВК. С. 22-23.
[4] Рук. фонд ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. Оп. 1. Д. 1642. Л. 12.

феодальные отношения с некоторыми пережитками раннефеодальных отношений.

Организация управления в начале XIX в. соответствовала господствующим общественным отношениям. Административными и финансовыми делами в феодальных владениях ведали визиры и нукеры. Для управления отдельными административными единицами назначались наибы. В некоторых населенных пунктах управляли беки, пользовавшиеся также неограниченными правами по отношению к жителям подопечных территорий. Власть феодалов зачастую была наследственной.

В союзах вольных обществ главным административным и духовным главой было выборное лицо – старшина, власть которого зачастую была пожизненной, после кончины которого назначались новые выборы. Но в связи с активизацией аннексионистских действий царских властей с начала XIX в. царское военное командование стало вмешиваться во внутренние дела этого региона. К феодалам и кадиям назначались специальные приставы для контроля за деятельностью местных владетелей, при котором неугодные властям владетели смещались.

Низовой политической организацией в феодальных владениях и союзах вольных обществ являлась сельская община – джамаат. На общем сходе джамаата формировались органы сельского управления. Еще до XIX в. и здесь стали наблюдаться случаи закрепления за богатыми тухумами права наследования должности старейшины или кадия. На сходах обсуждались и решались различного рода вопросы внутренней жизни сельской общины: выбор представителей для решения спорных вопросов между соседними общинами, выбор суда – маслаата, утверждение и регламентация проведения сельскохозяйственных работ, вопросы проведения новых дорог, очистки оросительных каналов, найм общественных пастухов, выборы муллы, старейшин, глашатая.

Регулятором общественной жизни, решений гражданских и уголовных дел в общинах Дагестана выступало обычное право, или адаты. Хотя адаты по форме оставались одинаковыми для всех, за богатыми и высшим духовенством оставалось последнее слово на сборах джамаата. Различное положение людей в джамаате было следствием их неодинакового социального и имущественного положения. Одни сосредоточили в своих руках большое количество скота и земли, другие были лишены этого, поэтому многие хозяйственные и земельные вопросы, рассматриваемые джамаатом, для бедных не имели значения. Эксплуататорская верхушка села не только использовала выгодные ей адаты, но и создавала их, диктуя свою волю джамаату.

Духовенство делало неоднократные попытки распространить среди горцев шариат для поднятия своего общественного положения. Однако общинники отстаивали свои адаты, так как они были больше им понятны и не знали жестоких наказаний шариата. А феодалы отстаивали адаты по той причине, что введение шариата лишило бы их солидных доходов от разрешения уголовных дел, которые с введением шариата перешли бы под ведомство духовенства.

Господствующий в крае со своими характерными чертами общественно-экономический строй и ныне принято называть горским феодализмом, специфической чертой которого является то, что крестьянская частная собственность не была утрачена и поглощена крупным землевладением. Это, пожалуй, обусловило относительные свободы джамаата и его членов. С другой стороны, это являлось также формой и оружием сплочения крестьян и сопротивления их при столкновении со «своими феодалами» [1].

В целом, чтобы представить себе исторические условия возникновения Имамата в 30-х гг. XIX в., необходимо проанализировать устройство дагестанского и чеченского обществ накануне освободительной борьбы горцев, так как любое новое явление вырастает на почве предшествующего развития, а общественно-политическое образование – тем более.

Кавказ, находясь на стыке двух частей света, двух цивилизаций, двух религий, на торговых путях между двух морей, с древних времен постоянно оказывался втянутым в захватнические планы великих держав. В XVIII и начале XIX в. Кавказ стал ареной борьбы, где пересекались захватнические интересы, с одной стороны, царской России, а с другой – шахского Ирана и султанской Турции.

В связи со множеством различий этнического, культурного и бытового характера, географических особенностей местности, частых захватнических войн, единого государства на Кавказе за весь предшествовавший период Кавказкой войны так и не сложилось (как не сложилось ни до, ни после Кавказской войны). Одна-

[1] *Гаджиев В.Г.* Начальный этап в истории народно-освободительной борьбы Дагестана и Чечни как исследовательская проблема // Газимухамад и начальный этап антиколониальной борьбы народов Дагестана и Чечни. Махачкала, 1997. С. 12.

ко, несмотря на исключительную пестроту и отсутствие общего языка, почти одинаковые условия жизни, одинаковую экономику, общие исторические судьбы выработали из различных народностей, можно сказать, общий кавказский тип.

«Необходимость защиты от чужеземных захватчиков приводила к единению народностей Дагестана. Несмотря на их разноязычие и этнические особенности, они представляли собой единый дагестанский народ»[1]. В течение столетий эволюция форм общественного строя народностей Дагестана происходила в условиях борьбы, была подчинена потребностям самообороны. Война с завоевателями приводила к ломке самобытных общественных отношений и в конечном итоге ставила задачи создания централизованного государства.

К началу XIX в. Дагестан представлял собой, своего рода, эфемерный конгломерат, здесь имелись феодальные образования: шамхальство Тарковское, майсумство Табасаранское, уцмийство Кайтагское, Аварское, Кази-Кумухское, Дербентское, Кюринское и Мехтулинское ханства, султанство Елисуйское, кадийство Акушинское, а также мелкие княжества, которые являлись самостоятельными политическими образованиями с особенностями внутреннего устройства. Наряду с феодальными образованиями, в Дагестане сохранились десятки союзов вольных общин – своеобразных политических образований, возглавлявшихся наследственным или выборным лицом – кадием или старшиной. Так, Дагестан дробился на множество частей, между которыми нередко происходили распри и междоусобицы, которые дестабилизировали обстановку, в целом ослабляли Дагестан, отрицательно влияли на экономическое положение крестьян, чем вызывали их недовольство.

Общественные отношения в Чечне находились на стадии развивающихся феодальных отношений. А выделившаяся в имущественном отношении верхушка начала распространять свою власть на общину. Особо усилившиеся экономически и политически тейпы стали захватывать земли у соседних общин и грабить население, они превращались в эксплуататоров, а остальное население – в подданных.

[1] Движение горцев Северо-Восточного Кавказа 20-50 гг. XIX в. под руководством Шамиля // Доклады и решения научной сессии Дагестанского филиала АН СССР 4-7 октября 1956 г. / Под ред. Г.-А. Д. Даниялова. Махачкала, 1956. С.6.

В плоскостной и предгорной зонах земля в основном находилась в собственности феодалов при сохранении в незначительной части общинного земледелия. Здесь возникало еще и казенное землевладение, когда колониальные власти закрепляли за собой земли для строительства укреплений и поселений. Имелись также и вакуфные земли.

Горцы добывали железную и медную руду, уголь, сланец, торф, плавили железо и чугун, производили оружие и боеприпасы, все металлические орудия и предметы хозяйственного и бытового назначения. В некоторых местах даже происходило разделение труда по регионам, когда отдельные общества работали на потребности произведений определенных промыслов в других обществах. Экономика давала продукцию для торговли, в связи с чем складывались товарно-денежные отношения.

Все это свидетельствовало о складывании более развитых отношений в недрах феодального общества. В дальнейшем они сыграли важную роль в развитии общественного строя в целом. Учет этого обстоятельства является ключом к раскрытию сложных общественных отношений и явлений социально-экономического, политического и правового характера в Имамате Шамиля.

II. Колониальная политика России на Северо-Восточном Кавказе в начале XIX века. Возникновение антиколониального, антифеодального, национально-освободительного движения народов Дагестана и Чечни под лозунгами мюридизма.

История многолетней героической и в то же время трагической борьбы за свою свободу и независимость, как отмечалось выше, сложна и своеобразна. Этим, пожалуй, и объясняется непреходящий и неослабевающий научный и читательский интерес к изучаемой проблеме, особенно усилившийся за последние десятилетия. Можно также сказать, что ни одна монография или сколько-нибудь заметная исследовательская статья не проходит без внимания, вокруг них возникают жаркие, порой бескомпромиссные дискуссии.

Поскольку тема нашего исследования посвящена одной из важнейших и четко очерченных проблем, и к тому же учитывая, что материалы данного раздела достаточно глубоко и полно освещены в исторической литературе, мы ограничимся здесь освеще-

нием только необходимого для раскрытия предмета нашего исследования.

Большинство кавказоведов единодушно признают, что народно-освободительное движение возникло на местной социально-экономической и политической почве, хотя некоторое влияние на борьбу горцев оказали и происки эмиссаров зарубежных государств. Причем основные причины, вызвавшие эту бескомпромиссную борьбу, созрели на Северо-Восточном Кавказе в первой четверти XIX в. Это было время, когда, как было сказано выше, в значительной степени изменилась общественно-политическая ситуация.

Проводя довольно тонкую политику, Россия всеми имеющимися у нее средствами делала все, чтобы привязать горскую элиту к себе. И русской администрации в первое время это удавалось. Однако со временем ситуация в крае стала изменяться, о чем остроумно заметил известный знаток борьбы горцев за свою независимость А. Руновский: «Мы способствовали угнетению горцев со стороны их владетелей. После покорения дагестанских племен мы не изменили существенно господствовавшую там вредную систему управления. Установленные там порядки не только не прекратили тиранию владетелей, но и предоставили им власть управлять народами на прежних основаниях, еще укрепили эту власть... Таким образом, горцы, вначале смотревшие на русских как на своих избавителей, увидели себя горько обманутыми» [1]. Это положение «своеобразно попытался выпрямить» генерал А.П. Ермолов.

Однако, как известно, основывавшаяся на насилии однобокая политика не могла принести и не принесла ожидаемых результатов. Мало того, действия главнокомандующего и его последователей не только не в состоянии были решить этот вопрос, но и в значительной степени осложнили положение. Даже сам генерал вынужден был признать, что царские офицеры «самым оскорбительным распутством раздражали народ» [2]. И, преследуя одну-единственную цель, кавказское командование снаряжало в горы не одну экспедицию.

В столице империи не могли не удивиться учащению карательных экспедиций и обратились к главнокомандующему с запросом, на что А. Ермолов не задумываясь ответил: «До приезда моего сюда доносимо было об одних чрезвычайных случаях, при

[1] Военный сборник. 1859. № 42. С. 680

[2] Записки А.П. Ермолова. М., 1864. С. 73.

мне – о всех малейших даже происшествиях, отчего и кажется, что набеги и шалости чаще случаются» [1].

Однако главнокомандующий явно был не прав. Именно в период правления на Кавказе А. П. Ермолова значительно усилились совершаемые царскими войсками «набеги», или «шалости». Этим, пожалуй, объяснялось и то, что офицеры Кавказской армии, а за ними кавказоведы страны называли время правления А.П. Ермолова «началом систематической войны против горцев» [2]. Вместе с тем изменился даже язык в обращении с горцами.

В одном из своих писем к А. А. Закревскому ген. Ермолов писал: «Не могу тебе изобразить, как радует меня делаемое сослуживцами моими поощрение. Нет для меня большего счастья, как уважение трудов храбрых моих товарищей! Посылаю рапорт кн. Волконскому о нападении на Чиргский наш пост, из коего увидишь, что нельзя не восхищаться службою войск наших, что они затмевают славу римских легионов» [3]. В другом письме генерал подчеркивал: «Чеченцы мои любезные – в прижатом положении. Большая часть живет в лесах с семействами. В зимнее время вселилась болезнь наподобие желтой горячки и производит опустошение. От недостатка корма, по отнятию полей, скот падает в большом количестве. Некоторые селения, лежащие в отдалении от Сунжи, приняли уже присягу в первый раз. Теперь наряжается отряд для прорубления дорог по земле Чеченской, которые мало-помалу доводят нас до последних убежищ злодеев» [4].

Возвращаясь к Дагестану, он не без гордости продолжал: всюду, где ни проезжал, «принят был с трепетом, и всем казалось, силы со мною несметные. Два тому года назад я не смел бы его *(набег. – Ю. Д.)* сделать. Выгоды сии доставил мне последний поход мой в горы. Теперь повиновения неимоверные, и везде, где войска проходили, жители – подданные России, чего доселе они не понимали» [5]. И продолжал: «Я не отступаю от предпринятой системы стеснять злодеев всеми способами. Главнейший есть голод, и потому добиваюсь я иметь путь долинами, где могут они обрабатывать

[1] Записки А.П. Ермолова. М., 1864. С. 73.

[2] *Романовский Д. А.* Кавказ и Кавказская война. СПб., 1860. С. 120; *Фадеев Р.А.* Соч. СПб., 1890. Т.1. С. 12.

[3] Говоря о римских легионах, Ермолов, конечно, не провел параллели между движением Шамиля и восстанием Маккавеев.

[4] Записки А.П. Ермолова. М., 1864. С. 73; *Романовский А.* Указ. соч. С. 8.

[5] Там же. С. 73.

землю и пасти свои стада. Досель дерусь для того, чтобы иметь пути сии, потом будут являться войска, когда того совсем не ожидали», и заключал: «Для драки не будет довольно у них сил» [1]. А.П. Ермолов не без гордости признавался: «Надобно признаться, что меня здесь *(т.е. на Кавказе. – Ю.Д.)* очень не любят, но и то правда, что правительство ничего не теряет, ибо столько же боятся»[2] *(имеется в виду, что кавказцы боятся. – Ю.Д.)*.

Главнокомандующий на Кавказе А.П. Ермолов искренен в своих рассуждениях и отчасти прав в суждениях, но в некоторых своих выводах глубоко ошибался. Действительно, с его приездом на Кавказ в 1816 г. карательные походы (а правильнее было бы их назвать набегами), как отмечалось выше, против горских обществ в значительной степени участились. В итоге этих карательных походов были отстранены и изгнаны из своих владений мехтулинский, аварский, казикумухский ханы, кайтагский уцмий и другие владетели, на их места были назначены лица, отличающиеся своей явной прорусской ориентацией. Были проложены и обустроены дороги. В важнейших стратегических местах были построены крепости, пикеты и т.д. Многоязычное население страны гор было до крайности напугано.

Однако жестокая политика А.П. Ермолова не могла достигнуть основной цели. Напротив, именно эта политика создала на Северо-Восточном Кавказе выраженное недоверие и презрение ко всему русскому. Все это вызывало глубочайший протест народных масс, побуждая горцев к новым порывам, новой злобе и новой борьбе.

Жестокая грабительская политика, проводимая феодалами не без поддержки царских властей, бесконечные жестокие карательные походы, в итоге которых гибли массы людей, постоянный страх за свою жизнь и жизнь близких, предопределили народный взрыв. Но поскольку движение проходило под знаменем мюридизма, генералы царской армии, а вслед за ними и услужливые последователи, объявляли мощное выступление широких народных масс Северо-Восточного Кавказа религиозным фанатизмом горцев Дагестана и Чечни, а затем и всю многолетнюю жестокую борьбу представляли чисто религиозной борьбой.

Однако против такой постановки вопроса выступил русский демократ Н.А. Добролюбов. «Обыкновенно, - писал он, - приписывают этому явлению *(мюридизму. - Ю.Д.)* т.е. волнения, которые начались потом в покоренном нами Дагестане, но едва ли это вполне справедливо… Скорее, самые его успехи следует объяснять враждебностью горцев к русскому владычеству» [1]. Любопытно и то, что Н.А. Добролюбов, в отличие от целого ряда авторов, в том числе и современных, утверждает, что для горцев Дагестана «мюридизм вовсе не был новой религией, это было то учение ислама, давно знакомое горцам, но никогда до тех пор не используемое ими» [2].

Однако лишь в первой трети XIX в. мюридизм возродился в Дагестане. Первыми проводниками его были Хаджи Исмаил Ширванский из Курдамира *(Сев. Азербайджан. - Ю.Д.)* и мулла Магомед из селения Яраг *(Юж. Дагестан. – Ю.Д.)*. Они приложили много сил и энергии, чтобы вызвать среди горцев массовый отпор самодержавию. Все их деяния были рассчитаны, говоря словами Боденштедта, «на раздувание в яркое пламя тлеющую в народе ненависть» [3]. Известный историк Кавказской войны Н.А. Волконский не усматривал в накшибандийском тарикате, породившем кавказский мюридизм, воинственных начал, он считал его «учением скорее монахов, а не воинов» [4].

Известный кавказовед Р.А. Фадеев подчеркивал: «Мюридизм овладел всей восточной группой Кавказа и обратил силы ее на газават, войну против неверных. Нельзя было уже надеяться подавить его в горах иначе, как покорив сами горы. Но для этого надобно было изменить всю систему войны. Мы имели теперь дело не с обществами, ничем не связанными между собой, сопротивлявшимися или покорявшимися отдельно, но с государством самым воинственным, фанатическим, покорствующим перед властью, облеченной в непогрешимость, и располагающим несколькими десятками тысяч воинов, окруженным сочувствующими ему племенами, готовыми при каждом успехе единоверцев взяться за оружие и поставить наши войска между двух огней»[5].

Обращает на себя внимание и другой примечательный факт, что народно-освободительное движение дало о себе знать тогда,

[1] Там же. С.16.
[2] Там же. С. 24.

[1] Цит. по: *Гаджиев В.Г., Пикман А.М.* Российские демократы о борьбе горцев Дагестана и Чечни в 20-50 гг. XIX в. Махачкала, 1998. С. 74.
[2] *Алкадари Г.-Э.* Указ. соч. С. 41.
[3] Цит. по: *Бушуев С.К.* Борьба горцев за независимость под руководством Шамиля. М.: Л., 1939. С. 69.
[4] *Волконский Н.А.* Указ. соч. С. 6.
[5] *Фадеев Р.А.* Соч. Т. 1. Ч. I. С. 28-29.

когда исстари боровшийся за овладение Кавказом Иран, по Гюлистанскому (1813 г.) и Туркманчайскому (1828 г.), и султанская Турция - по Бухарестскому (1812 г.) и Адрианопольскому (1829 г.) договорам, по существу, признали Северный Кавказ относящимся к России и, тем самым, оставили единоверных лицом к лицу с могущественной Россией. Причем у народов Дагестана их мнения ни Иран, ни Турция, ни Россия никогда не спрашивали.

Дело в том, что еще в 1746 г. Иран и Турция подписали договор, в котором признали народы Северо-Восточного Кавказа независимыми от этих держав [1]. Именно поэтому ни Турция, ни Иран не имели никакого права распоряжаться и «признавать принадлежащими» кому-либо не принадлежавшие им территории, а Россия – считать Дагестан присоединенной к ней территорией, тем более, что сами царские генералы (например, П.Д. Цицианов) признавали то обстоятельство, что народы Дагестана, как и все остальные народы Северного Кавказа, считали себя ни от кого не зависимыми.

В этой связи можно смело утверждать, что принятие отдельными дагестанскими (и не только) владетелями, в том числе тарковским шамхалом Баммагом, в 1786 г. покровительства России от имени всего дагестанского народа (как вали Дагестана) имеет больше легитимности в русско-дагестанских отношениях, чем Гюлистанский и Эдирнинский (Адрианопольский) договоры, в которых голос и участие народов Северного Кавказа были игнорированы при решении их собственной судьбы.

Неправомерность применения терминов «колониализм», «колонизация» при освещении действий царизма на Северном Кавказе В. Виноградов, С. Умаров, С. Айларова обосновывают тем, что «в России в указанный период развитие капитализма находилось на начальной стадии» [2]. При этом игнорируют высказывание Ленина о том, что «колониальная политика и империализм существовали и до новейшей ступени капитализма и даже до капитализма. Рим, основанный на рабстве, вел колониальную политику и осуществлял империализм»[3], военно-колонизационный характер носили и крестовые походы XI – XIII вв.

Что же касается местного мусульманского духовенства, из известных в Дагестане ученых-алимов Саид Араканский и другие

[1] *Сотавов Н.А.* Крах «Грозы Вселенной». Махачкала, 2000. С.195.

[2] Там же. С. 53.

[3] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 27. С. 379.

оказали сопротивление Газимагомеду и его окружению. Сам алим, не пожелавший подчиниться первому проповеднику, вынужден был спастись бегством [1].

Совершенно справедливо утверждал известный кавказовед, профессор МГУ А.В. Фадеев, что «идеи мюридизма получили здесь распространение и приобрели политическое значение лишь с того времени, когда произошло соединение этих идей с массовым движением горцев Северо-Восточного Кавказа. Это движение, основу которого составляло горское крестьянство с его антиколониальным и антифеодальным устремлением, нарастало давно и независимо от деятельности мюридистских проповедников» [2]. К сказанному следует добавить, что носители и проповедники мюридизма «никогда не составляли большинства горцев-участников движения. Наоборот, они всегда оставались в относительном меньшинстве и были не столько с борющимся народом, сколько над народом»[3]. Поэтому большинство отечественных кавказоведов согласились с проф. Н. А. Смирновым в том, что называть мюридистским движением многолетнюю антицарскую и антифеодальную борьбу горских народов только за то, что её оболочкой был мюридизм, нельзя.

Любопытно, что М.М. Блиев и В.В. Дегоев в своей книге «Кавказская война» утверждают, что «кавказская политика России генерировала идеологию мюридизма, хотя и нельзя рассматривать ее как некую константу в виде, например, только ермоловской системы блокады, не подверженной каким-либо изменениям» [4].

Однако инициатором практического применения требования священной борьбы был первый имам Газимагомед. Он твердил, что одним тарикатом, молитвой и чудесами трудно добиться спасения. «Без газавата, - говорил он, - не быть нам в царстве небесном». И добавил: «Давай, Шамиль, газават делать» [5]. Он вел также долгие беседы со своим учителем-шейхом тариката Джамал ад-Дином Кази-Кумухским, убеждая его в том, что газават должен быть основной задачей мусульман.

Со своей стороны Джамал ад-Дин писал Газимагомеду, что и без него было много ученых, отлично понимающих значение и

[1] Хроника... С. 41.

[2] *Фадеев А.В.* Кавказ в системе международных отношений 20-50 гг. XIX в. М.,1957. С. 19.

[3] *Смирнов Н.А.* Мюридизм на Кавказе. М., 1963. С. 147.

[4] *Блиев М.М., Дегоев В.В.* Кавказская война. М., 1994. С. 185.

[5] Дневник Руповского. Ч. 2. С. 115-117.

необходимость газавата, но они считали это делом невозможным, поскольку Коран запрещает вести войну с неприятелем, имеющим несоизмеримо превосходящие силы. И вообще, ему, как проповеднику тариката, выступать с газаватом не следует. Кроме того, Джамал ад-Дин предлагал даже немедленно прекратить начавшийся газават. По этому поводу Газимагомед обратился за разъяснениями к Магомеду Ярагскому. «Курали Магома *(Магомед Ярагский. – Ю.Д.)*, решив, что газават сможет ослабить тиранию ханов, а главное, проложить дорогу тарикату, как муршид «благословил» Газимагомеда на газават» [1].

Повторимся: не мюридизм, а жестокая внутренняя политика самодержавия, проводимая ген. А.П. Ермоловым, опиравшаяся на местные феодальные элементы, и обострившаяся социальная ситуация породили это движение.

Кстати сказать, именно движущиеся силы предопределили и характер ее борьбы на начальном этапе. Как правильно отмечает Н.А. Смирнов, «с большой силой борьба развернулась в Дагестане, особенно в Аварии, где истребление феодальной верхушки приняло повсеместный характер, в то время как в Чечне на первое место выдвинулась борьба против колониального движения»[2]. Со временем идеи шариата и газавата стали ускоренно распространяться.

Впрочем, не везде распространение идеологии мюридизма шло так блестяще, как склонны считать иные кавказоведы. К примеру, в Анди Газимагомед наткнулся на серьезное сопротивление и вынужден был штурмом брать селение Гагатль. И все же наступающая сила оказалась мощнее, «андийцы были побеждены и подвергнуты унижению, смиренны и покорны всему тому, что Газимагомед им приказывал или запрещал» [3]. Факты, изложенные в сочинении Мухаммад-Тахира ал-Карахи, подтверждаются данными официальных источников и, в частности, донесениями главнокомандующего Отдельного Кавказского корпуса И.Ф. Паскевича управляющему главным штабом ген. Чернышову [4]. И, что особенно важно, в этих материалах обращается внимание на то, что не совсем продуманные деяния центральных владетелей вызывают соответствующую реакцию, вся вина возлагается на местных жи-

[1] *Смирнов Н.А.* Указ. соч. С. 172.
[2] *Смирнов Н.А.* Характерные черты идеологии муридизма. М., 1956. С. 1.
[3] «Хроника...», С. 42.
[4] МИДЧ. С. 202-212.

телей, которые по «своему непостоянству и буйному характеру бунтуют», и, как важное решение, предлагается поставить при феодальных владетелях приставов.

Это предложение ген. Паскевича было императором одобрено и признано основательным. Николай I говорил: «суждения ваши, что удержание горских князей и народов в тишине должно оставлять при нынешних обстоятельствах главную, единственную цель местного управления, все же улучшения, какие оказываются нужным, как равно искоренение беспорядков, между горцами существовать могущих, необходимо отложить до того времени, когда мир между Россией и всеми азиатскими державами дозволит беспрепятственно заниматься улучшениями внутренними» [1]. Откладывание решения насущных вопросов до лучших времен означало, что самодержавие упускает их из своих рук.

Почувствовав некоторую слабину, сын шамхала Абу-Муслим попытался было даже с помощью мюридов занять престол тарковского шамхала. С этой целью Абу-Муслим, представляя себя учеником Газимагомед, сумел было объединить некоторую часть жителей шамхальства, но этого ему не удалось, поскольку уздени владения не доверяли ему, и эта затея наследника владетеля была ликвидирована [2].

Говоря о борьбе горцев под флагом мюридизма, чуть ли не все кавказоведы указывают на его народный характер. Первоначально движение было направлено против аварского и других ханов, беков, султанов и т.д.

Современник событий Мухаммад-Тахир ал-Карахи свидетельствует: «Вследствие того, что Хунзах был источником всяких междоусобиц и пороков и прибежищем для каждого злоумышленника, Газимагомед выступил против них с войсками» [3]. Аналогичные суждения высказывает и Мирза-Гасан-эфенди Алкадари. «Газимагомед, – пишет он, – убедившись, что проживающий в Аварии род ханов будет препятствовать ему осуществлять решения *(введение шариата. – Ю.Д)*, прежде всего задумал всячески этот род истребить там совершенно» [4].

Уже одно то, что первое же наступление повстанцев было направленно против господствующего рода аварских ханов, гово-

[1] Имелись в виду русско-иранские и русско-турецкие войны.
[2] РГВИА. Ф. ВУА. Д. 6244. Л. 81; *Покровский Н.И.* Указ. соч. С. 192.
[3] Хроника... С.42.
[4] *Алкадари Г.-Э.* Указ. соч. С. 120.

рит о ярко выраженной социальной направленности движения. Нам известно также, что в этом наступлении участвовали 6-8 тыс. человек горского крестьянства. Все это свидетельствует также о том, что основной массой участников движения был народ.

Нам известно также, что в многолетней борьбе под предводительством трех имамов принимали участие все сословия тогдашнего горского общества. Но основной силой движения все же были крестьянские массы. Вместе с ней активное участие принимали зажиточные уздени феодальных владений и старшины, сельская верхушка: знать и богатеи союзов сельских общин. При этом каждый из участников движения преследовал собственные цели.

Широкие крестьянские массы надеялись в итоге борьбы добиться равенства, о котором, как известно, громогласно объявили. Феодальная верхушка – беки, чанки мечтали укрепить свое пошатнувшееся экономическое положение, возглавить горские общества и по-прежнему править и командовать ими.

Однако предводители повстанцев не были последовательны. Даже после хунзахской битвы 1830 г. они не обратили должного внимания на требования крестьянских масс. Когда Газимагомед вступил в шамхальство Тарковское и его поддержали кумыкские крестьяне, первый имам не оказал должного внимания народу и предпочел блокироваться с беками.

Особенно широко наблюдается сплочение мюридов с местной верхушкой в августе 1831 г. во время восстания в Южном Дагестане. Ряд сведений, собранных дербентским комендантом, свидетельствует о том, что Газимагомед, «собираясь придать движению широкий размах, сблокировался с повстанцами. Цель его состояла в том, чтобы не только свергнуть русскую власть и сделать независимым под своей властью весь Дагестан, но, овладев Дербентом, соединиться вслед затем с Аслан-ханом Кази-Кумухским, изгнать нас *(русских. - Ю.Д.)* из мусульманских провинций, захватить бывшие ханства Ширванское, Кубинское, Талышинское и создать одно общее царство ислама, возвратив ханов или их наследников, в особенности, сына Ших-Али, к прежнему владычеству» [1].

Все это показывает, что основной силой движения были широкие народные массы. И эта крестьянская масса, участвовавшая в освободительном движении, поддерживала тарикатистов. Вершин тарикатского учения, как известно, достигали немногие. И

[1] *Покровский Н. И.* Указ. соч. С. 220.

они имели своих учеников-мюридов, которые все свободное время отдавали изучению Корана и шариата. Их численность была довольно ограничена. И они не были воинами и были далеки от борьбы.

Однако, кроме наибов тарикатского учения, в описываемое время были и так называемые «наибские мюриды». Численность тарикатских мюридов по сравнению с численностью наибских мюридов-участников была совершенно ничтожна. И поэтому, на наш взгляд, совершенно правы те ученые, которые считают, что термин «мюридизм» отражает не столько суть движения, сколько внешнюю форму, религиозную оболочку.

Кроме того, в народно-освободительной борьбе 40-50 гг. XIX в. приняла участие небольшая часть выходцев из ханско-бекского сословия. Однако, хотя они и занимали в иерархии Имамата высокие должности, все же не оказали какое-то заметное влияние на имама и, более того, когда наступили тяжелые времена, перебежали на сторону самодержавия.

Движение горцев Дагестана и Чечни прошло несколько этапов своего развития. Начальный этап движения охватывает так называемый «ханский период» – 1817 – середина 1829 г., затем – десятилетний период «мюридизации» – с конца 1829 по 1839 г. В это время произошло соединение идей мюридизма с нарастающими в недрах общества антифеодальными устремлениями народных масс.

Быстрому успеху движения содействовали лозунги, взятые на вооружение предводителями борьбы: «Равенство между мусульманами», «Мусульманин не должен никому платить», «Земля принадлежит тому, кто ее обрабатывает», «Освобождение мусульман из-под власти неверных» и др.

Привлекало горские массы к решительной борьбе и то, что предводители движения – выходцы из узденской верхушки – были ближе всего к народу и с самого начала были против феодальной деспотии.

В начальный период повстанцы добились ряда успехов на поле брани, угрожали Кизляру, Дербенту и заняли столицу аварских ханов Хунзах. Однако недолговечным было предводительство борьбой горцев первых двух имамов.

instituteofhistory.ru

III. Начальный этап становления Имамата и национально-освободительной борьбы. Роль шариата в объединении народов Северо-Восточного Кавказа в борьбе против царских колонизаторов и местных феодалов.

Имамат – новое в истории народов Дагестана государственное образование возникло не в одночасье. Хотя сама идея формирования самостоятельного, независимого государства была заложена в борьбе горцев за свою свободу и независимость, все же становление Имамата происходило в чрезвычайно сложной социально-экономической, духовной, геополитической обстановке, сложившейся в первой четверти XIX в. на Северо-Восточном Кавказе.

Газимагомед первоначально выступал как проповедник и советник, направляющий сограждан на праведный путь в рамках существующего политического строя. Однако, если местные правители не следовали установлениям Корана, шариату, вообще ислама, предводитель горцев считал необходимым заменить их лицами, приверженными исламу и послушными ему[1]. Но реально добиться этого было неосуществимой мечтой. Вскоре Газимагомед и сам понял это. Существовавшая объективная обстановка принудила его изменить свое первоначальное намерение [2], он придал направленный и организованный характер энергии трудовых масс, выступающих против местных феодальных верхов и их покровителей, царской администрации.

Формирование государства Имамат, возведение его отдельных структур при Газимагомеде началось по всем направлениям: с первых шагов создания регулярных вооруженных сил, определения идеологии и социальной политики государства, формирования управленческих структур, аппарата принуждения и управления, образования государственной собственности казны («байтулмал»), подбора кадров и т.д. Газимагомед руководствовался четкой политической линией, которая отвечала интересам «независимости родной земли и свободе каждого человека».

Вся разъяснительная работа среди масс по внедрению шариата и мобилизации их на вооруженную борьбу проводилась Газимагомедом и его сторонниками под девизом: «Мусульманин не может быть ничьим рабом или подданным и никому не должен платить налоги, даже мусульманину. Кто мусульманин, тот должен быть свободный человек, и между всеми мусульманами должно быть равенство»[1]. Составной частью этой идеологии были организационные формы, свободные от сословных, национальных, языковых и т.п. традиционных и структурных ограничений.

Это как нельзя лучше подходило для задачи национальной консолидации мозаичного общества Дагестана и Чечни начала XIX в.[2] Газимагомед и его последователи, одновременно ведя борьбу за чистоту ислама, придавали важнейшее значение объединению горских народов, провозгласив главными задачами объединение народов Северо-Восточного Кавказа, сохранение их социальной независимости и достоинства; борьбу с царским военно-административным режимом правым, богоугодным делом. Газимагомед хорошо понимал, что, с внедрением шариата среди горцев, организация борьбы против царского командования требует изменения политической системы. Они жестоко эксплуатировали и притесняли народные массы. Поэтому Газимагомед, не ограничиваясь проповедями, выступлениями перед жителями многочисленных аулов, во время своих речей перед джамаатом принимал разносторонние практические шаги для расширения своей деятельности. И не случайно по этому поводу Г. Алкадари отмечал, «что за проповедью Газимагомеда скрывалось вполне определенное политическое требование создать и сохранить некоторое самостоятельное управление в Дагестане» [3].

«Следует также особо подчеркнуть, что его политическим идеалом было государство, в котором бы господствовали мусульманские идеи. Такой формой, по его мнению, могла быть только теократия. Необходимость ее утверждения Газимагомед видел не только в том, что теократическая форма правления имеет в мусульманском мире глубокие корни, но и в том, что, по его убежде-

[1] АКАК. Тифлис, 1881. Т. VIII. С. 543-544.

[2] *Гаммер М.* Шамиль. Мусульманское сопротивление царизму. Завоевание Чечни и Дагестана. М., 1998. С. 30.

[1] См.: Выписки из путевого журнала генерального штаба капитана Прушановского с 1823 по 1843 годы // Кавказский сборник. Тифлис, 1902. Т. XXIII.

[2] *Магомедов Р.М.* У истоков Имамата // Гази-Мухаммад и начальный этап антифеодальной и антиколониальной борьбы народов Дагестана и Чечни. Махачкала, 1997. С. 23.

[3] *Алкадари Г.-Э.* Асари-Дагестан. Махачкала, 1994. С. 67.

нию, только теократия способна воплотить политические идеалы горцев» [1].

С этой целью он составил довольно всеохватывающее послание, адресованное всем джамаатам и жителям гор под названием «Установление очевидности сотрудничества аксакалов Дагестана», в котором настоятельно рекомендовалось склонить население гор в сторону шариатского судопроизводства вместо существующего порядка решения тяжбенных дел обычаем.

Сам факт письменного обращения к окружающим горским народам, оказавшимся в кабале местных феодалов и самодержавной власти, свидетельствует о далеко идущих намерениях Газимагомеда. Высоко отзываясь о самом сочинении первого имама, ал-Карахи писал: «Газимагомед написал послание и разослал в различные края и области, в котором подчеркивалось дружелюбие по отношению к правоверным и угрозы бунтовщикам, высокомерно отказывающимся от истинного пути» [2].

Известно также, что задолго до указанного послания оно легло в основу сочинения первого имама «Предложения по установлению шариата». В нее были включены «доводы» и «обоснования» Корана, хадисов и других священных книг, гласящих о недопустимости руководства адатно-правовыми нормами (обычное право), и равносильности их богоотступничеству».

Позже первый имам вновь вернулся к этой же работе. Современники свидетельствуют, что некоторое время, находясь в уединении, он доработал свою книгу, которую назвал «Стихи радости (истины) для судей аула Гимры». Гасанилав из Гимры сообщает одну немаловажную деталь о том, что «книга эта постоянно находилась» при имаме, как бы исполняя роль основного закона. «Провинившегося человека наказывали согласно тому, что определял шариат, такой порядок стал существовать» [3].

Все это говорит о том, что современники называли первого имама и не без основания, алимом-ученым. «Сей алим, - писал ал-

[1] *Гаджиев В.Г.* Начальный этап в истории народно-освободительной борьбы Дагестана и Чечни как исследовательская проблема // Гази-Мухаммад и начальный этап антифеодальной и антиколониальной борьбы народов Дагестана и Чечни. Махачкала, 1997. С. 16.

[2] *Ал-Карахи М.-Т.* Блеск дагестанских сабель... Махачкала, 1990. Ч. I. С. 22.

[3] *Гимринский Г.* Указ. соч. // Газимагомед и начальный этап антифеодальной и антиколониальной борьбы народов Дагестана и Чечни. Махачкала, 1997. С. 199-200.

Карахи, – собрал вокруг себя народ и стал просвещать его в богоугодных делах. Он потребовал изъять из жизненного обихода адаты и заменить шариатом» [1]. Сам шамхал Тарковский признавал его ученым богословом, называя не иначе, как алимом. Однако имам Газимагомед не обращал внимания на льстивые обращения шамхала. На приглашение шамхала имам со свойственной ему принципиальностью ответил: «Удивительнее всего в вашем письме фраза «люблю ученых и приглашаю их. Ты не знал цены науки. Коли бы знал, то ты не вызывал бы ученых к себе, а сам бы посещал их, потому что науку посещают, а не наука посещает. Я не пойду к султанам, а если у них ко мне имеется дело, пусть они сами приходят. Пусть посещают мечети или приедут ко мне домой» [2].

Газимагомед был незаурядной личностью, которой волей или неволей покорялись люди, народные массы шли за ним. История свидетельствует: однажды Газимагомед в одиночку явился к шамхалу Тарковскому и сказал ему: «Вводи шариат в своем вилаяте». У шамхала изменился цвет лица, он размяк и сказал: «Я сделаю это, я сделаю» [3]. В то же время, Газимагомед был трудолюбив, принципиален и никогда не отходил от однажды принятого решения.

Об этом красноречиво свидетельствует его неустанная деятельность по укреплению шариата, ради достижения которой он не останавливался ни перед чем. По мере укрепления своей власти он постепенно стал устанавливать институты новой власти. Было заложено основание вооруженных сил, государственной казны. Постепенно стали формироваться общие идеалы, связанные с народно-освободительной войной и стремлением создать независимое государственное устройство. Само собой понятно, что эти и другие начинания встретили категорическое невосприятие со стороны власть предержащих: шамхалов, ханов, беков, да и всей феодальной знати Страны Гор.

Тем не менее, Газимагомеду удалось сплотить вокруг себя значительную часть населения Дагестана и Чечни. На это обстоятельство указывают современники. «Люди, – подчеркивает Абдурахман Кази-Кумухский, – стали приходить к Газимагомеду целыми группами со всех сторон. Когда же дело его окрепло, он открыто стал на путь борьбы за освобождение народа» [1]. Однако,

[1] *Ал-Карахи.* Указ. соч. С. 40.

[2] ДГСВК. С. 56.

[3] *Ал-Карахи.* Указ. соч. С. 21.

как и следовало ожидать, не все население склонно было поддерживать первого имама. Более того, феодальные сословия всеми доступными средствами ему противодействовали.

Эту ситуацию следующим образом описал Абдурахман: «Часть людей подчинились Газимагомеду и последовали за ним, другие не согласились с ним, считая это слишком суровым...» Причем среди последних были и ученые-алимы. Гимринский алим Давудилав – выходец из знатного тухума - и делом и словом доставлял словом Газимагомеду одни неприятности [2]. Он, вместе с Уллубием Эрпелинским и шамхалом Тарковским, препятствовал Газимагомеду в насаждении шариата.

Ярыми противниками имама выступали правители Хунзаха. И не случайно Газимагомед считал аварских ханов реальными врагами ислама и виновниками разложения народных нравов. Это и было причиной нападения на Хунзах, на правящую в это время в Хунзахе Баху-бике. Согласно Гасанилаву из Гимры, она являлась «матерью всех адатов. Она – начало родника всего худого, всех раздоров и расстройств». И он хорошо себе представлял, что, не подчинив ее своей власти «словом или принуждением», вести дальнейшую борьбу бессмысленно. Гази-Магомед отправил Гасанилава к Баху-бике. При этом имам сказал: «Ты смягчи ей сердце, прочитай ей Коран и хадис и сделай так, чтобы шариат сделался ей сладок. Скажи ей, что за жизнь по адату и отказ от шариата нас ввергнут в ад. Нет разницы между последователями адата и последователями неверия. Скажи, что при таком образе жизни нет никакой пользы от исполнения намазов и поста. Скажи ей, что, ввиду ее происхождения из рода пророка, она обязана проявить старание к установлению шариата, скажи, что и предки ее погибли в борьбе за шариат. Скажи ей, если она обратится к шариату и проявит в нем рвение, то и она, и дети ее, и Нуцал останутся на царствовании, более того, возвысится еще на большее, высшее положение и поднимется авторитет»[3].

Как видно, имам еще раз попытался уговорить Баху-бике. Однако и эта мера не привела к положительному результату. И лишь после проведенной подготовки Гази-Магомед во главе довольно значительных сил в феврале 1830 г. предпринял поход на Хунзах.

[1] *Абдурахман из Газикумуха.* Книга воспоминаний. Махачкала, 1997. С. 34.

[2] Там же. С. 33.

[3] *Гимринский Г.* Имам Газимагомед. Махачкала, 1997. С. 215.

Любопытно и то, что в своем словесном послании имам ни словом не обмолвился о России и ее позициях. Несомненно, он прекрасно понимал, что хунзахские ханы, как и другие владетели Дагестана, сомкнулись с самодержавием. Более того, свое благополучие они строили только в союзе с Россией.

И для того, чтобы разомкнуть этот порочный круг, по мнению имама, без применения силы не обойтись, и никаких нововведений в жизни горцев не добиться. «Политическая свобода, – говоря словами английского историка Дж. Ф. Бэдли, – очевидно, была непременным условием религиозной реформы, и освобождение мусульман от рабства – высшим оправданием священной войны» [1]. К газавату Газимагомед обратился одним из первых в Дагестане.

Известно ведь, что даже его учителя и друзья, в том числе и сам Шамиль, отговаривали имама отказаться от газавата, однако ничего из этого не вышло. «Что бы там ни говорили Курали Магома (Магомед Ярагский) с Джемалетдином (Казикумухским) о тарикате, на какой бы манер мы с тобой ни молились и каких бы чудес ни делали, а одним тарикатом мы не сумеем: без газавата не быть нам в царстве небесном. Давай, Шамиль, газават делать»[2]. Как позже вспоминал Шамиль, он первоначально был против газавата, и его просьбы уговорить имама оказались тщетными. Гази-Магомед остался непреклонным, и его последнее слово было «газават».

Между тем произошло удивительное соединение идей мюридизма с массовым недовольством широких народных масс. Естественно, этого бы не случилось, если бы замыслы инициаторов вооруженной борьбы не удовлетворяли чаяниям тех, кто согласился поддержать их.

Притягательными оказались и исламские лозунги, взятые на вооружение мюридами: равенство между мусульманами, мусульманин не должен никому платить подати, земля принадлежит тому, кто ее обрабатывает, освобождение магометан из-под власти неверных и др.

Быстрому успеху движения содействовало и то, что предводители движения – выходцы из узденской верхушки – были ближе всего к народу и выступали с самого начала против феодальных

[1] *Baddeley J.F.* The rusian conquest of the Caucasus. London, 1908. P. 239.

[2] *Гаджиев В.Г.* Шамиль (историко-политический портрет) // Российский ежегодник. М., 1989. Вып. 1. С.139.

правителей. Борьба широких народных масс, которая нарастала давно и независимо от мюридизма, являлась основой движения под ареалом мюридизма[1].

Особо следует подчеркнуть, что Гази-Магомед с ближайшим другом Шамилем «изменили содержание неопределенной до сего времени, колеблющейся проповеди гариката»[2] на стройное и всем понятное требование лозунга, призывающего к борьбе со всеми угнетателями, независимо от их религиозной принадлежности.

Кавказская военная администрация, может быть, даже не сразу поняла и почувствовала мощь и силу поднимающегося движения под предводительством Гази-Магомеда, но как только предводители от проповедей перешли к политическим действиям, стало ясно, что борьба будет вестись не только против «своих» местных правителей, ханов, беков, но и с царскими властями, а исламская религия, шариат и тарикат лишь являются знаменем этой бескомпромиссной вооруженной борьбы, целью которой ставится создание нового политического объединения, которое впоследствии получило название Имамат.

Официальная царская администрация крайне была удивлена и не менее того обеспокоена действиями Гази-Магомеда. Это состояние русских властей хорошо отразил в своем сочинении один из кавказских офицеров: «С 1824 года, – писал А. Окольничий, – окончательно воцарилось спокойствие в Юго-Восточном Дагестане . Однако религиозные проповеди Газимагомеда, впервые отозвавшиеся в Гимрах, охватили впоследствии весь Дагестан и Чечню. Мелкие племена его, до сего времени ничтожные своей разделенностью, полудикие, не имевшие даже точных религиозных (?!) понятий, связались в одно целое и, возбуждаемые проповедями фанатика, при недоступности местности, ими обитаемой, сделались опасными врагами. До Газимагомеда мы имели дело с отдельными владельцами, которые, будучи привлекаемые на нашу сторону выгодами, давали нам средство господствовать над народом. Новое учение, известное под названием мюридизм, истребило ханскую власть именно там, где она наиболее была необходима – в Аварии, и, заменив собой, стало угрожать прекрасным областям Закавказья. Первоначально наше противодействие возникшему злу, не задушив его окончательно, только остановило временно; действительно оно являлось впоследствии с большой силой, и вперв-

[1] Там же. С.139.

[2] *Покровский Н.И.* Кавказские войны и Имамат Шамиля. М., 2000. С. 188.

вые наше значительное столкновение с ним повлекло целый ряд неудач»[1].

Эта оценка практически ничем не отличалась от мнения самого императора Николая: «Различные племена, населяющие Кавказ, не знали единой власти, доколь не явился среди них изувер, который хитростью, коварством, зверской жестокостью не принудил их признать, ежели не волею, то страхом, его единое над собою начальие и которому, ныне слепо повинуясь, почти все племена составили единое сильное, враждебное против нас целое, с которым бороться прежних ни сил, ни способов не стало»[2].

В 1830 г. Кавказское командование заметило и цели, которые преследовал Гази-Магомед. В сообщении управляющего главным штабом гр. А. Чернышова Главнокомандующему Кавказским корпусом И.Ф. Паскевичу от 21 марта 1830 г. подчеркивалось, что он «разделяет мнение генерала о том, что распространение шариата служит только предлогом к возбуждению мусульман наших провинций для восстания»[3] и что Гази-Магомед преследует цель «отложить все дагестанские племена от повиновения российскому правительству соединением всех горцев под одно общее теократическое правление»[4].

Действительно, влияние Гази-Магомеда не только в Дагестане и Чечне, но и во всем Северном Кавказе росло с каждым днем. В конце марта 1832 г. он объявился в районе Владикавказа и попытался атаковать Назрань[5]. Здесь имам, не сумев осуществить задуманное по обеспечению взаимодействия с его войском ингушей, осетин, кабардинцев и не имея возможности перекрыть Военно-Грузинскую дорогу, вынужден был отступить через Чечню в Дагестан.

После этого похода Гази-Магомед, как заметил современник, «остановившись под Грозным и не понеся никаких потерь, посеял панику в ближайших аулах и вдоль всей линии, а также видел, как русские стали поспешно запираться в своих крепостях.

[1] *Окольничий А.* Перечень последних военных событий в Дагестане (1843 год) // ВС. 1859. № 1. С. 122.

[2] Собственноручное письмо Николая I гр. М.С. Воронцову от 17/XI-1844 г. // Архив РАН. Ф.100. Оп.1. Д. 130. Л.1

[3] МИДЧ. С. 207-208.

[4] Там же.

[5] Там же. С. 259-261.

Одними этими маневрами и без всякого риска он добивался послушания чеченцев, приучил их быстро собираться и совершать марши, упрочил их связи с имамом и получал обширный материал для обдумывания на будущее»[1].

До своего похода Гази-Магомед обратился с воззванием к народам Северо-Западного Кавказа, отправил своих посланников к абадзехам. Дошедшие до нас сведения свидетельствуют о том, что обращение первого имама было встречено адресатом с восторгом.

По этому поводу ген. Эммануэль писал: «15 августа его посланники – четыре чеченца – явились в Закубанье с прокламациями от возмутителя, коим он приглашает всех горцев к соединению для вторжения в наши границы. Они принимают с восторгом его воззвание, вооружаются и составляют значительное сборище за Кубанью против центра Кавказской линии, абадзехи составляют главную часть оного, но к ним начинают присоединяться и прочие народы»[2].

Царское командование понимало, что такое объединение является очень опасным для владычества России над Кавказом и что этого ни в коем случае нельзя допускать. Через несколько дней после указанного письма Эммануэль повторил вновь эту же мысль также в донесении генералу Вельяминову. Отметив неблагоприятную для царизма обстановку и в Кабарде, он писал, что «при появлении Газимагомеда к нему готовы были присоединиться почти все кабардинцы и все закубанские народы, с которыми находился он в почти бесперебойных отношениях».

Освобождение этой территории Гази-Магомедом стало бы катастрофой для царизма на всем Кавказе: главная артерия, связывающая Закавказье с Северным Кавказом и Россией, – Военно-Грузинская дорога – находилась бы под угрозой нападения кабардинцев. К ним могли присоединиться и ингуши, поддерживающие имама. Командующий на Кавказе Розен известил ген. Вельяминова о том, что «ингуши, живущие в большом числе вокруг назранского укрепления, принимают участие в замыслах Кази-муллы»[3]. Однако плану Гази-Магомеда не суждено было осуществиться.

Изучение имеющихся в нашем распоряжении нарративных источников и официальных архивных документальных материалов русского происхождения не оставляет сомнения в том, что Гази-Магомед положил начало будущему государственному образованию. Были заложены будущие контуры Имамата, которые, как мы знаем, стал так называться значительно позже. Еще в 1830 г., согласно Мухаммад-Тахиру ал-Карахи, вошел в обиход и термин наиб[1]. Гази-Магомед внес ряд изменений в формирование ополчения. А ближайшее окружение имама стали называть муртазиками[2].

В отличие от ханского времени при нем руководящие посты в народном ополчении стали занимать отличившиеся храбростью, преданные делу борьбы горцы из числа узденей. Причем замену одних лиц другими имам проводил исходя из сложившейся обстановки и с учетом специфики того или иного региона, но в обязательном порядке на руководящие посты назначались верные имаму лица.

Во время правления Гази-Магомеда было положено начало организации государственной казны Имамата. Любопытно, что казна была образована из пожертвований всех участников борьбы и в том числе и самим Гази-Магомедом. Со временем казна стала пополняться собственностью добытого в ходе военных походов: всякое имущество, выкуп за пленных, скот и пахотные земельные участки, сады и другая недвижимость, конфискованная у ханов, беков и других лиц, а также у тех, которые сопротивлялись введению шариата.

Мухаммад-Тахир ал-Карахи приводит пример, как все это происходило: «Газимагомед напал на селение Параул, где находились сокровища и драгоценности шамхала и остальных вельмож. Он взял все, что было там, и доставил это в крепость Агач»[3].

В том же году после осады крепости Внезапной и сражения в Акташ-ауле Гази-Магомед купил за 50 туманов, взятых из казны (байтул-мал), местность для организации там поселения для эндиреевцев, которых перевез туда первый имам. Кстати сказать, те, кто находился около эндиреевцев, также перебрались туда[4], а Гази-Магомед вернулся в свою ставку.

---

[1] АКАК. Т.VIII. С. 675; МИДЧ. С. 456-457.

[2] ЦГВИА. Ф. ВУА. Д. 6259.

[3] Там же. Л. 181.

[1] Ал-Карахи. С. 35.

[2] «Муртазикуна» – араб.: «получающие паек, наемники». Един. число – «муртазик». В литературе встречаются варианты: «муртазеки», «муртазигеты» и т. д.

[3] Ал-Карахи. Указ. соч. Ч.1. С. 27.

[4] Там же. С. 28.

В следующем году во время вторжения в Кизляр Гази-Магомед занял часть города «и взял оттуда огромные богатства и многих пленил» и тем самым пополнил казну[1]. В 1832 г. Гази-Магомед вступил в Чечню и занял ряд селений. В районе Гудермеса мюридов встретил кавалерийский отряд в 500 человек. Горцы сумели наголову разбить этот отряд, взяли все их имущество, в том числе и одежду. Им достались также и две пушки, которые доставили в селение Беной[2]. Само собой понятно, что все имущество, доставшееся на поле брани, первоначально делилось поровну между всеми участвовавшими в сражении. И ничего удивительного в этом нет. При отсутствии налаженной системы налогообложения, когда даже поземельный налог (харадж) и пожертвования (закят) в основном поступали в казну мечетей, военная добыча оставалась у участников борьбы.

Со временем в Имамате было взята на вооружение установившаяся на мусульманском востоке традиция, сводившаяся к тому, что пятая часть (хумс) военной добычи поступала в ведение самого имама, а остальная часть распределялась между участниками событий. К чести Гази-Магомеда, он в относительно короткое время сумел организовать довольно простую и легко воспринимаемую горцами систему охраны и расходные статьи общественной казны.

Основными статьями были расходы на организацию вооруженной борьбы, приобретение оружия, боеприпасов, расходы на содержание вооруженной охраны, а также начавшие свое становление отряды муртазиков. Расходы из казны осуществлялись очень строго. При всем этом необходимо подчеркнуть, что в казне Имамата предусматривались специальные средства для раздачи бедным, сиротам (садака) и, что особенно важно, на обучение детей.

При очень расчетливых расходах общественных средств исключались непродуманные и непредусмотренные расходы, не говоря о частном присвоении. Сам Гази-Магомед, у которого в доме и хранилась казна, неукоснительно следил за сохранностью общественных средств.

Об этом свидетельствует следующее сообщение ал-Карахи. Когда некоторые участники из окружения первого имама самым серьезным образом попытались было сшить ему вместо исхудалой рубашки новую из материала, оказавшегося у них, Гази-Магомед

[1] Там же. С. 29.

[2] Там же. С. 30.

объявил: «Это имущество не является моим. Оно предназначено на благо всех и для бедных»[1]. Однако, как известно, имамство Гази-Магомеда продолжалось недолго. В 1832 г., при защите родного селения Гимры, он погиб, а его ближайший сподвижник Шамиль был тяжело ранен. Кавказские власти торжествовали. Казалось, что после смерти первого имама обескровленное движение затухнет. На самом деле с мюридизмом не было покончено.

Со слов царского офицера Якова Костенецкого, участвовавшего в военных действиях против Гази-Магомед, и издавшего об этом в 1851 г. в Санкт-Петербурге свои мемуары[2], «имам был одним из тех людей, которые увлекают умы народа не на одно только мгновение, а посевают в них понятия и правила, поддерживающие волнения и после смерти внушителя»[3].

Владимир Дегоев, говоря о последнем сражении Гази-Магомеда, где он пал смертью праведных, пишет о царских солдатах, что, «хотя штурмовые операции часто были заведомо самоубийственны, всегда находились добровольцы. Они брали дом за домом, квартал за кварталом, пока не окружили башню, где укрылись последние защитники Гимр во главе с Кази-муллой. До конца кровавой драмы оставалось всего одно усилие, но оно требовало, быть может, большего мужества и самопожертвования, чем все предыдущие». Далее он признает: «Особый трагизм ситуации придавали странные для русского уха звуки, доносившиеся из башни. Осаждавшие были готовы услышать оттуда что угодно – выстрелы, проклятия, угрозы, предсмертные стоны раненых – только не то, что они услышали: громко распеваемые суры из Корана, звучавшие в данных обстоятельствах жутковато. Они пробирали холодком души простых русских солдат не меньше, чем все ужасы штурма или реальная перспектива погибнуть, когда победа так близка»[4].

Вторым имамом стал Гамзат-бек. По некоторым данным, Гамзат-бек был рекомендован на имамство Магомедом ал-Яраги, несмотря на охлаждение, возникшее между ними накануне сражения

[1] Ал-Карахи. Указ. соч. Ч.1. С. 33.

[2] *Костенецкий Я.* Записки об аварской экспедиции на Кавказ 1837 года. СПб.,1851.

[3] *Исаев А.А.* «Дагъиста имамтачила ва наибтачила даргантала далуйти» («Даргинские песни об имамах и наибах Дагестана»). Махачкала, 2002. С.10.

[4] *Дегоев В.В.* Имам Шамиль: пророк, властитель, воин. М.: Русская панорама, 2001. С. 71.

в Гимрах[1]. Мухаммед Тахир ал-Карахи сообщает, что, «когда Газимухаммад пал мучеником за веру, ученые, а также видные люди назначили на его место халифом Хамзата».

В мечети аула Корода[2] Гамзат-бек выступил перед представителями ряда соседних селений с такой речью: «Мудрые сподвижники тариката, почтенные муллы и старшины храбрых обществ! Кази-мулла молится за вас на небе. Будем ли к нему непризнательны? Уменьшим ли ревность в исполнении тариката, ослабеем ли духом после смерти Кази-муллы, святого, который во всяком деле будет помогать нам, оставляя во время битв наших с неверными, гурий и рай из любви к нам? Идите в свои места, собирайте народ, внушайте ему наставления Кази-муллы; скажите, что если они не будут ревностно содействовать великому делу освобождения родины, то наши мечети превратятся в церкви христианские, а христиане поработят нас всех»[3].

В 1833 г., после того, как Гамзат-бек был признан имамом, мать Гази-Магомеда поздравила его и, пожелав ему успеха, уведомила о том, что ее сын распорядился в случае своей смерти казну (байтул-мал) со всеми хранящимися там ценностями передать его преемнику. Исполняя желания первого имама, она передала ценности помощнику Гамзат-бека Маклачу, вся казна состояла из золотых и серебряных вещей стоимостью в 16 тыс. рублей серебром[4]. К сожалению, точно неизвестна дальнейшая судьба казны, где хранилось также различное имущество (оружие, военное снаряжение, продукты питания, скот и другое), находящееся в различных горских селах. Предположительно можно сказать, что и это имущество, в конце концов, оказалось в руках второго имама.

Происходил Гамзат-бек, как известно, из бекского сословия, родом из селения Верхний Гоцатль. Был, как указывалось выше, довольно близок к правящему хунзахскому дому. Большинство кавказоведов подчеркивают, что первым же действием нового имама были походы с целью подчинить себе аулы, не признававшие его власти. После осады им были взяты Ирганай, затем под селом Араканы он нанес чувствительный удар шамхалу Тарковскому и мехтулинскому хану. Вскоре после этого власть второго имама принял Гергебиль. Затем он двинулся на Унцукуль и принудил признать свою власть другие селения.

[1] *Прушановский К.И.* Указ. соч. С. 22.

[2] Селение Корода ныне входит в Гунибский район Республики Дагестан.

[3] *Прушановский К.И.* Указ. соч. С. 22–23.

[4] *Даниялов Г.-А.Д.* Имамы Дагестана. Махачкала, 1996. С. 125-126.

В описываемое время между Гамзат-беком и правящим домом Аварии все более обострялись отношения, и, как подчеркивает современник тех событий, действия имама берут верх: он начал подчинять одну деревню за другой, жителей, которые не хотели покориться ему, принуждал силой, другие деревни, опасаясь той же участи, добровольно смирились, с которых имам взял в залог их верности 12 старшин в аманаты.

«Подвластные деревни, хотя еще явно не перешли на сторону Гамзат-бека, но жители не повинуются более своему хану и решительно объявили, что они не будут действовать против Гамзат-бека; койсуболинцы и гумбетовцы почти все предались на его сторону»[1].

Весной 1834 г. Гамзат-бек начал концентрировать свои войска в ауле Гоцатль, в 18 верстах к востоку от Хунзаха. Вскоре у него собралось до 12 тысяч человек, после чего развернулось наступление на столицу Аварского ханства. Но брать ее Гамзат-бек не спешил. Взятая Гамзат-беком пауза можно объяснить осторожностью имама, хорошо помнившего, чем закончился поход Гази-Магомеда на столицу Аварского ханства.

Оказавшаяся в сложной ситуации, ханша решилась внести в лагерь восставших разлад. Но это ей не удалось. После неудачной попытки отразить наступление Гамзат-бека Баху-бике предложила начать переговоры с предводителем наступающих горцев. Имам послал своих эмиссаров к Баху-бике с требованием, чтобы «она со своими подданными приняла шариат, прервала связи с русскими и заставила своих сыновей действовать против них»[2]. Гамзат-бек потребовал к себе для переговоров сыновей ханши. На этот раз ханша предпочла вступить в переговоры и с этой целью отправила своих старших сыновей – Омар-хана (Ума-хана) и Абу-Нуцала – в ставку Гамзат-бека. Когда они прибыли в ставку второго имама, то они были убиты во время переговоров. Оставался в живых лишь малолетний Булач-хан. Одновременно был убит и Сурхай-хан, сын Гебека. Гамзат-бек овладел Хунзахом, участь двух старших сыновей постигла и ханшу Баху-бике.

Извещая об этих событиях, Аслан-хан Казикумухский и Кюринский писал генералу Вольховскому: «Гамзат сделал предложение мне и акушинцам ему содействовать, угрожая в противном случае обратиться на нас. Извещаю вас, что Гамзат имеет намере-

[1] ДГСВК. С. 132.

[2] КС. Т. XXI. С. 112.

ния первоначально покорить нас, дабы потом сделать нападение на русских, имея на своей стороне дагестанцев. Он требует от ханов с десяти человек, им подвластных, по одному, а также припасов всякого рода и денег. Гамзат требует также и от чеченцев припасов и людей. Смею вас заверить, что еще никогда подобного ему в Дагестане не происходило». С еще большей тревогой Аслан-хан известил главнокомандующего Кавказским корпусом барона В.Г. Розена, подчеркивая, что «большая половина дагестанских народов приняла сторону Гамзат-бека, и у него сейчас войско в 30 тыс. человек»[1]. И действительно, Гамзат-бек наметил широкие планы борьбы с Россией. Думая об этом, он велел заготовить большое количество пороха и свинца, а между тем послал главных мюридов своих Али-бека, Ахверди-Магому, Минандура в общества Койсубулинское, Ахвахское, Анцухское, Анкратльское (Антльратльское), Тлейсерухское, Гидатлинское, Капучинское, Цунта и другие, требуя, «чтобы они шли поголовно в Хунзах»[2].

Гамзат-бек во главе 15-тысячного отряда занял село Куппа и потребовал от акушинцев и цудахарцев, чтобы они присоединились к нему. Однако это предложение было отвергнуто. Произошла кровавая битва, в итоге которой Гамзат-бек вынужден был отступить[3].

Общая картина деятельности Гамзат-бека выглядит следующим образом. Первый год из двух лет правления он провел в политических и военных приготовлениях. Судя по всему, Гамзат-бека крайне беспокоила проблема борьбы с оппозицией и укрепления собственного положения. Имам столкнулся с сопротивлением различных влиятельных лиц. По мнению британских наблюдателей того времени, Гамзат-бек воевал не столько против России, сколько против равнодушных или враждебных к его делу соотечественников[4]. Обстановка выдвигала на передний план внутренние проблемы. Гамзат-бек понимал, что для того чтобы вернуть народу уверенность и веру в освободительные идеи, нужны успехи. И по этой причине имам Гамзат-бек «сразу же после избрания начал бурную деятельность и, позвав к себе тех, кто еще не пал духом, начал газават против сторонников царского режима»[5].

[1] МИДЧ. С. 288..

[2] Там же.

[3] См.: *Гимринский Г.* Указ. соч.

[4] Schamil… // WR. 1854. № 10. April. P. 499.

[5] *Гасаналиев М.М.* Первая Кавказская война:1817-1864. Кн. II. Газават:1829-1839 гг. Махачкала, 2003. С. 90.

Факты свидетельствуют об активных поисках Гамзат-беком надежного и действенного военного инструмента осуществления своих политических планов. Возможно, имея основания не доверять своему окружению, имам создал личную гвардию из русских дезертиров – солдат и офицеров, которых он расположил к себе хорошим обращением и на которых он полностью полагался[1]. По мнению американского автора Дж. М. Макки, это было «нечто новое в анналах Кавказской войны»[2]. В горских одеждах, с подстриженными бородами, они внешне ничем не отличались от горцев и преданно служили имаму, «на их религиозные и национальные чувства никто не посягал»[3].

Обстоятельства подсказали Гамзат-беку путь, многократно опробованный авторитарными правителями – формировать непосредственную политическую и силовую опору из людей, не имеющих социальных корней в обществе и зависимых только от вождя. Эта попытка уже говорит о достаточно высоком творческом потенциале Гамзат-бека как политика.

То, что было пределом мечтаний для Гази-Магомеда, осталось таковым и для его преемника. Отсюда постоянная нацеленность Гамзат-бека на захват Аварии. Он, отмечал Дж. М. Макки, стремился «заменить собственным духовным авторитетом имама то почтение, которым пользовались наследственные ханы»[4].

Таким образом, Гамзат-бек расправился со всеми представителями аварской правящей династии. Гамзат-бек демонстративно преступил некое табу – идею о неприкосновенности личности человека из ханской фамилии, тем более женщины. Некоторые авторы расценивали действия Гамзат-бека как выражение коварства и варварской жестокости[5].

Бросив открытый вызов одной священной традиции, имам, вдобавок, поставил себя под угрозу наказания с другой стороны –

[1] Советником при Гамзат-беке состоял беглый разжалованный офицер Брановский / См.: *Прушановский К.И.* Указ. соч. С. 22–23

[2] *Mackie J.M.* Op. Cit. P. 157.

[3] *Гасаналиев М.М.* Указ. соч. С. 90.

[4] *Mackie J.M.* Op. cit. P. 158. Ср.: Schamil… / WR. 1854. № 10. April. P. 500

[5] *Исаев А.А.*: «Дагъиста имамтачила ва нанбуначила даргантала далуйти» («Даргинские песни об имамах и наибах Дагестана»). Махачкала, 2002; *Mackie J.M.* Op. cit. P. 158-159; *Wagner Fr.* Op. cit. P. 3.

кровной мести[1]. Братья Осман и Хаджимурад воспитывались у Баху-бике и доводились молочными братьями убитым Омар-хану (Ума-хану) и Абу-Нуцал-хану. Отец Османа и Хаджимурада, лицо уважаемое и влиятельное, отвергал мюридизм. Он побудил своих сыновей расквитаться с Гамзат-беком, заявив, что закон кровной мести выше верности имаму. К Осману и Хаджимураду примкнула группа их родственников и друзей в количестве 40 человек. Заговорщики поклялись на Коране убить Гамзат-бека. На следующий день он был убит в мечети перед молитвой. 19 сентября 1834 г. «жители аварские, – говоря словами русского офицера, - подражая акушинцам, восстали против Гамзат-бека и убили его в Хунзахской мечети»[2].

Опыт Гамзат-бека еще раз показал, какое мощное сопротивление исходит от общества, подвергающегося принудительному преобразованию. Можно усмотреть глубокую символику в том, что он погиб от рук тех, кто выполнял свой долг, предписанный обычаем кровной мести[3]. Патриархальные устои как бы отомстили Гамзат-беку за жестокую попытку ниспровергнуть их. И в этом смысле он пал жертвой не людей, а системы, которая защищала себя от разрушения.

В подтексте приводимых сведений о Гамзат-беке чувствуется моральное осуждение его поступков, особенно убийства малолетних хунзахских принцев с их матерью Баху-бике. Однако это не означает, что он был лишен способностей вождя, а его имамство - смысла и результатов.

Во-первых, логично предположить, что без соответствующих качеств Гамзат-бек едва ли стал бы имамом.

Во-вторых, помимо логики, есть конкретные доказательства его известной незаурядности. В частности, он, пожалуй, впервые почувствовал, каким именно должен быть силовой инструмент достижения авторитарной власти и создал его в виде личной гвардии.

---

[1] *Исаев А.А.*: Указ. соч.; *Романовский Д.И.* Указ. соч. С. 332–333; *Зиссерман А.* История... Т. 2. С. 32–36; *Прушановский К.И.* Указ. соч. С. 25.

[2] РГВИА. Ф. ВУА. Д. 6296. Л. 20; АКАК. Т.VIII. С. 581.

[3] «Хамзат сказал: «Если я пойду ради пятничной молитвы в селение Геничутль, то не поспею к ней /в полдень/, и моя пятничная молитва пропадет. Если же я пойду на пятничную молитву в Хунзах, то буду подло убит. Если же просижу дома и пропущу пятничную молитву, то я буду убит / Аллахом/ в наказание за пропуск пятничной молитвы. Какое же из двух убийств я должен предпочесть для себя?» Затем он сказал: «Я предпочитаю быть подло убитым /людьми/». (См.: *Ал-Карахи.* Указ. соч. Ч.1. С. 45.).

В пользу проницательности ума Гамзат-бека говорит и другое. В отличие от Гази-Магомеда, он сосредоточился на проблеме утверждения своей власти, не желая отвлекаться на военные вылазки против России. Более того, в интересах главной цели он даже делал попытки найти с ней общий язык.

Ошибка Гамзат-бека была в том, что политический утилитаризм подавил в нем упреждающее мышление. Он был достаточно умен, чтобы поставить перед собой серьезную задачу и решить ее. Но ему не хватало способности и желания увидеть, что за ней, и идти дальше.

Есть какая-то фатальная логика в трагическом завершении короткого века имама. Он выполнил свою историческую миссию в той мере, в какой позволяли его дарования, объективные условия и судьба. Следующий шаг предстояло сделать другому человеку, который соединял бы достоинства своих предшественников, будучи свободным от их недостатков. Впрочем, чтобы не повторять участь первых двух имамов, ему, сверх всего, необходимо было и то, что можно назвать благорасположением Истории.

Требовалось найти и адекватную политику – умную, виртуозную, нестандартную. Естественно, убийство второго имама не остановило движение. «Мюридизм, – говоря словами Д. Романовского, – ожидал только главы, чтобы воспрянуть с новой силой. Этим главой явился Шамиль»[1].

IV. Шамиль - имам Дагестана и Чечни. Начало «блистательной эпохи» Шамиля.

1. Имам Шамиль – ученый, правовед.

По утверждению Магомеда Ярагского и его учеников, первой заповедью для наших отцов была свобода, независимость. Не только мыслями об этом, но и каждым поступком своей жизни Шамиль и его сподвижники проявляли себя одаренными мыслителями, проповедниками, учеными. Дух свободы, извечная жажда познания наук как бы цементировали их духовное начало, их внутренний мир.

Сама эпоха, тесное переплетение исторических событий, экономическое и политическое положение горцев не только Дагеста-

---

[1] *Романовский Д.А.* Кавказ и Кавказская война. СПб., 1860. С. 48.

на и Чечни, но и всего Северного Кавказа. захватническая политика царизма объективно способствовали появлению на общественно-политической сцене такой замечательной и одаренной личности, как Шамиль. Он удивлял современников своей всесторонней развитостью.

Впоследствии, как мы знаем, Шамиль стал крупным ученым, одним из образованнейших людей своего времени. О Шамиле – всемирно известном предводителе горцев в борьбе за свободу и независимость, талантливом полководце, крупнейшем государственном деятеле, реформаторе – хорошо всем известно. О Шамиле как о крупнейшем мыслителе, страстном ораторе и ученом-арабисте написано мало. Эта сторона его личности недостаточно изучена, и, надеемся, что в дальнейшем наши ученые возьмутся и за это «белое пятно».

В условиях жестоких законов войны Шамиль и другие руководители Имамата не забывали о приобретении знаний, «они убеждали людей в том, что неосведомленность грешна, а обретение знаний является достойным делом»[1]. Они сумели привить простому горскому народу любовь к знаниям, всячески способствовали образовательному процессу, поддерживали и помогали ученым-алимам, а также их ученикам. «В наших глазах поиск знаний лучше дополнительной молитвы, более джихада»[2].

Вследствие такой политики были достигнуты положительные результаты за поразительно короткие сроки. Система образования в Имамате имела 3 ступени: начальную, постначальную и высшую. В каждом ауле была начальная школа (мактаб) при мечети, где могли обучаться мальчики и девочки. Начальные школы открывали и частные лица. В школах обоих типов дети учились писать и читать на арабском языке. Большое внимание уделялось ознакомлению с Кораном и основам нравственного и духовного воспитания.

Шамиль и сам прошел нелегкий путь «мутаалима» – так называли юношей, которые переходили из одного дагестанского села в другое в поисках новых наставников, для приобретения знаний в различных областях наук. Идейная и нравственная убежденность в правильности выбранного пути в борьбе за свободу горцев кристаллизировалась в Шамиле и его соратниках с ранних лет. Детство и юношество Шамиля прошли в постоянных поисках знаний в

[1] *Рамазанов Х.Х.* Эпоха Шамиля. Махачкала, 2004. С. 201-202.

[2] *Абдурахман из Газикумуха.* Книга воспоминаний. Махачкала, 1997. С. 92.

пеших походах от одного учителя к другому, из одного аула в другой.

Когда достиг совершеннолетия, он подружился с будущим первым имамом Гази-Магомедом и учился у него. В поисках знаний ходил с ним по селениям Дагестана. Они были закадычными друзьями, более того, они были как дети одних родителей, иногда между ними бывали дискуссии по вопросам науки и других духовных занятий. Шамиль, хотя и был младше Гази-Магомеда, в большинстве случаев выходил победителем, но и бывал побежден также в ряде случаев. Как близкий друг Гази-Магомеда во время мутаалимства, Шамиль не разлучался с ним и во время имаматства[1].

Все учителя и те, кто соприкасался с Шамилем, были единодушны во мнении, что он по своим природным данным, складу ума, успехам в учебе и усердию должен быть ученым. У него была искренняя любовь к науке, и он решил посвятить себя ей. Хотя судьба повернула его жизнь иначе, но уважение к науке осталось на всю жизнь. Шамилю принадлежат слова: «умом люблю ученых», «ученые – наследники пророка и его толки, которые освещают путь народам»[2]. Крупный востоковед, всемирно известный ученый дагестанец Казем-бек писал: «Меня более всего поразила в нем любовь к разговору о науках . Почти все время пребывания Шамиля у меня было проведено в чтении и в ученом разговоре»[3].

Есть сведения, что уже в 6 лет Шамиль изучил арабскую азбуку под руководством своего дяди по матери Хазура настолько, что мог уже читать Коран. После этого первоначального курса обучения у того же дяди Шамиль изучил еще две небольшие книжки «Мухтасаруль-минхадж» («Сокращенные пути») «Маршруатуль-ислам» («Познание ислама»), т.е. самые начальные правила мусульманской веры[4], и много других различных книг по фикху (мусульманское право), мантику (логика), хадисам (жизнеописание Пророка), философии, математике и т.д.

В течение 14 лет Шамиль обучался у известных алимов того времени, закончил усвоение знаний и мусульманских наук и стал авторитетным ученым. Но вначале он был мутаалимом (учеником) и прожил, хотя и нелегкую (как каждый мутаалим), но интересную жизнь в поисках знаний.

[1] Там же. С. 43.

[2] *Рамазанов Х.Х.* Указ. соч. С. 69.

[3] *Казем-бек.* Мюридизм и Шамиль // Русское слово. 1859. №12. С. 225.

[4] Дагестанская правда. 1997. 15 января.

В молодости, в разные годы Шамиль учился в таких аулах, как Гимры, Аргвани, Чиркей, Аракани, Чирката Игали, Зубутли, Ирганай, Ашильта, Унцукуль. В детстве и юношестве, а также в молодости его учителями и наставниками были такие известные ученые, как Саид Араканский, Абдула Дибир из Ашильта, Таймасхан-Кади из Чиркея, Гази-Магомед и Батырхан из Гимры, Магомед Ярагский, Джамалутдин Казикумухский, Саид из Игали, Абдурахман-хаджи из Согратля и другие. Он был одним из лучших и талантливых учеников среди сверстников. В медресе он был лучшим учеником, проявлял усердие в учении, старался глубоко постичь не только ислам, но и передовые науки того времени. Где бы ни учился, какую бы науку ни постигал, он на лету схватывал все: астрономию, математику, риторику, юриспруденцию и другие науки. К 20-ти годам он изучил комментарии (тафсир) к Корану по книге «Джалалейн» и после этого приступил к штудированию «Ибну-Хаджар» и «Джавами» – книг, излагавших основы мусульманского законодательства[1]. Затем он изучил науку о единстве Аллаха. И последняя книга – «Акаид», изучение которой считалось полезным для мусульманина. Она доказывала с философской точки зрения сотворение мира, существование Аллаха, единство Его и то, как человек обязан исполнять молитвы. Эта книга заканчивала высший курс мусульманской учебы[2], характерный для дагестанского региона, который мутаалим проходил в течение 10-15 лет и который прошел Шамиль.

К концу своего обучения он в совершенстве владел грамматикой арабского языка, риторикой, логикой, глубоко изучил мистику, фундаментальные основы философии, мусульманского права, свободно излагал комментарии к Корану, постоянно изучал и очень любил историю пророка Мухаммеда, читал книги о греческих, римских и арабских полководцах на арабском языке. «Знаменитые греки и римляне будоражили его воображение».

По словам Казем-Бека, Шамиль владел, кроме родного аварского, арабским, турецким, чеченским и несколькими языками народов Дагестана, в частности, кумыкским и лакским. С Казем-Беком Шамиль объяснялся и переписывался преимущественно на арабском языке. По мнению ученого, Шамиль неплохо знал арабо-мусульманскую культуру. Шамиль сочинял стихи на арабском и аварском языках.

До нас дошли стихотворения Шамиля, свидетельствующие

[1] Дагестанская правда. 1997. 15 января.

[2] Там же.

также о его поэтическом даровании. Одно из них посвящено гибели первого имама Гази-Магомеда и его воинов в 1832 г. у аула Гимры в неравном бою против царских войск во главе с генералом Розеном. Вот несколько строк из этой поэмы в переводе М. Ахмедовой с аварского языка:

«Рассказ мой о людях, не знающих страха,
запекшейся кровью застыл на клинке.
Себя не щадя, по дороге к Аллаху,
они погибли с кинжалом в руке.
Тем ведомы прелести рая,
в ком корни пророка навек проросли.
Тем, кто за веру в бою умирая,
ни разу не предал родимой земли.
Сплотившись с имамом Гази-Магомедом,
в борьбе проводили и ночи, и дни.
Ислам возрождая и веря в победу, с неверными доблестью бились они»[1].

Очевидцы свидетельствуют, что избрание Шамиля происходило без той борьбы, которая сопровождала избрание второго имама. Это объяснялось тем, что к этому времени «аварские бекские группы совершенно отошли от муридизма и поэтому кандидатура была встречена всеобщим сочувствием»[2]. Родился третий имам в 1797 г. в селении Гимры, в семье аварского узденя. Его родители: отец Денгау-Магомед (Денгав-Мухамад), мать – дочь Пирбудаг-бека из селения Ашильта. При рождении ему дали имя Али, но, будучи ребенком, он сильно заболел. Поскольку безуспешным оказалось использование имеющихся в горах средств, было решено переименовать его. Ему дали новое имя – Шамиль. Вскоре он не только поправился, но и вырос физически сильным крепышом. Как и все дети горцев того времени, он обучался в местной школе. Занимался он охотно и усердно.

Уже тогда в нем просматривался лидер. Совершенствовался в знаниях у видных алимов того времени Гаджи-Магомеда, Лачинилава, у муршида Джамал ад-Дина и др. Любопытно, что он не сразу стал сторонником священной войны. На этой почве позиция Шамиля разошлась с позицией первого имама. Размолвку с Гази-Магомедом он глубоко переживал. Однако недолговечной была размолвка между друзьями. Вскоре Шамиль включился в дви-

[1] *Дадаев Ю.У.* По тропам шамилевских сражений. Махачкала, 1997. С. 26.

[2] *Покровский Н.И.* Указ. соч. С. 250.

жение горцев, где очень скоро занял подобающее ему место в народно-освободительной борьбе. Не исключено было, что он сразу станет преемником первого имама, но в битве при селении Гимры, где погиб сам имам, был ранен и Шамиль, иные даже считали, что он не выживет. Но могучий организм победил, и он сразу же включился в борьбу и стал одним из предводителей борьбы горцев.

В 37-летнем возрасте он уже прославился как выдающийся предводитель движения, стал имамом. В отличие от своего предшественника Шамиль всецело опирался на широкие народные массы и отчасти на мусульманское духовенство, которое раньше всех восприняло толкования муридизма.

С именем имама Шамиля связана целая эпоха не только в истории народов Северного Кавказа. Осенью 1834 г. предводительствуемые Шамилем горцы нанесли отряду царских войск под командованием генерала Ланского сокрушительный удар в бою за селение Гимры и принудили генерала вернуться в Темир-Хан-Шуру. «Это, – подчеркивает один из царских офицеров, – был первый успех Шамиля как главного предводителя тарикатистов, который возвысил его в глазах дагестанских народов»[1].

В ответ на свое поражение кавказское командование направило специальную экспедицию под командованием фон Клюгенау. Преодолев серьезные трудности, он вторгся в Аварию, дошел до самого селения Гоцатль, разорив ряд селений, занял столицу аварских ханов, поставил правителем владения сына казикумухского правителя Магомед-Мирза-хана[2]. Затем экспедиция направила свои усилия на покорение койсубулинцев, которые вновь были взяты под «покровительство шамхала. Некоторые же общества внутреннего Дагестана (как Гумбет) изъявили готовность признать власть в горном Дагестане Аслан-хана»[3].

Однако и Шамиль не сидел сложа руки. Вскоре к Шамилю присоединились эндиреевский Ташев-Хаджи, Кибит-Магома (Кебед-Магомед) и значительная часть населения Нагорного Дагестана[4], заняли селения Орота, Харахи, Унцукуль[5] и другие.

Кавказское командование весной 1837 г. снарядило во главе с ген. Фези специальную экспедицию в направлении Хунзаха. Без

[1] РГВИА. Ф. ВУА. Д. 6512. Л. 31.
[2] МИДЧ. С. 328-329.
[3] *Покровский Н.И.* Указ. соч. С. 253.
[4] РГВИА. Ф. ВУА. Д. 6478. Л. 4.
[5] *Ал-Карахи.* Указ. соч. Ч. 1. С. 56-57.

особого труда войска заняли Гоцатль и вступили в Хунзах. К лету 1837 г. было завершено строительство Хунзахского укрепления. Оставив здесь гарнизон, царские войска двинулись к селению. Ашильта. Сломив упорное сопротивление горцев, генерал Фези занял селение и подверг жителей безжалостному наказанию.

Тем временем Шамиль, Кибит-Магома и Ташев-Хаджи, находящиеся в Телетле, готовились встретиться с неприятелем. Вскоре здесь произошла кровавая битва. Генералу Фези с большим трудом удалось занять лишь часть села Телетль. Но завершить битву в свою пользу он не смог. «Провианта у нас уже почти не было, а зарядов и того менее, – писал один из участников сражения, – взять же в один день Телетль не было никакой возможности. Быть может, его можно было штурмовать еще неделю или дня три, а мы уже потеряли до 200 человек убитыми, и, верно, пришлось бы потерять еще столько, что при малочисленности отряда было бы для нас очень значительно»[1]. Тогда было решено добиться с горцами примирения. На это предложение Шамиль, и сам находящийся в довольно критическом положении, согласился.

Между борющимися сторонами было заключено перемирие, с выдачей аманатов, в числе которых находился и племянник Шамиля. Причем условия договора были подписаны между Магомед-Мирза-ханом и Шамилем на следующих условиях: «Выдавая аманаты Магомед-Мирза-хану, мы заключили мир с Российским государством, которого никто из нас не нарушит, с тем, однако, условием, чтобы ни с какой стороны не было оказано ни малейшей обиды против другой. Если же какая-либо сторона нарушит данное ею обещание, то она будет считаться изменницей, а изменник почитается проклятым перед Богом и перед народом»[2].

Довольный результатом перемирия, Шамиль обратился к горцам с воззванием: «Мусульмане! Вы видели, что я разбил царское войско под Ашильтой, но они еще даже не познали силы моей; неверные вновь появились в земле нашей, они хитростью разбили наших и взяли Ахульго, как Богу было угодно. Но в то же время я с горстью храбрецов уничтожил царское войско под Телетлем, заставил их все силы свои обратить против меня; видя это, я двинул все дагестанские народы . И когда неверные готовы были восторжествовать свою победу надо мною, – невидимая сила заставила

[1] *Костенецкий Я.И.* Записки об аварской экспедиции на Кавказе. СПб., 1851. С. 96.
[2] Рук. фонд ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 103. Л. 21.

их в слепоте бежать с гор на спасение домов своих и имущества, награбленного у нас. Мусульмане! Будьте тверды в нашей вере, строго исполняйте шариат, пророком от Бога данный, не унывайте при величайших несчастьях, молитесь, плачьте о грехах наших и чаще повторяйте: «Нет Бога, кроме единого Бога и Магомета, его пророка»[1].

Кстати сказать, решение Фези заключить с имамом мирный договор оценивали как поражение не только горцы, но и современники – русские офицеры. Оценивая результаты похода вышеуказанного генерала Фези, К. Прушановский подчеркивал: «Экспедиция генерала Фези без всяких существенных последствий только утвердила уверенность наших противников, что Шамиль в состоянии бороться с огромными силами России и разрушить все успехи наши, и с этих пор Шамиль признан имамом, а Ташев-Хаджи, домогающийся этого звания, сам подчинился ему»[2].

Здесь точнее было бы сказать, что Ташев-Хаджи признал Шамиля имамом раньше. А произошло все это при следующих обстоятельствах. Как известно, Шамиль с самого начала своего избрания особое внимание уделял образованию дееспособной государственной системы управления. И лишь в начале 1836 г. ему удалось собрать в селении Чирката влиятельных предводителей, ученых алимов, руководителей различных горских обществ. Среди собравшихся были и некогда претендовавшие занять пост имама Ташев-Хаджи из селения Эндирей, Кибит-Магома из селения Телетль. Можно сказать, что это был первый акт объединения разрозненных сил горцев. На этом собрании Шамилю удалось наладить отношения с указанными предводителями и добиться их согласия впредь действовать согласованно.

Пожалуй, с этого значимого факта и началось действительное превращение отдельных разрозненных сил в одно государственное устройство. Объединившиеся военачальники, подчинявшиеся имаму, довольно скоро будут именоваться визирями или наибами Шамиля.

Осенью 1837 г. ожидалось прибытие на Кавказ самого Николая I. Кавказское командование, не способное нанести сокрушительный удар по борющимся горцам, решило к приезду императора привлечь Шамиля на свою сторону. С этой целью была задумана личная встреча генерал-майора Клюки фон Клюгенау с Шамилем. И действительно, такая встреча состоялась. Генерал предложил имаму прекратить вооруженную борьбу, явиться к императору, за что Шамилю обещали большое вознаграждение и достойную имама политическую карьеру. При встрече Шамиль, как опытный дипломат, открыто не высказывался и, более того, делал вид, что он готов принять царское предложение и прибыть в Тифлис. Но, в конце концов, сославшись на то, что вопрос требует коллегиального обсуждения с Ташев-Хаджи, Кибит-Магомой и другими, прервал переговоры, уехал и более не вернулся на переговоры.

Генерал Клюки фон Клюгенау, как это видно из подробных его донесений, возлагал еще большие надежды на положительный исход переговоров. Имам же в то время думал совершенно о другом. И лишь на повторные обращения главнокомандующего ответил прямым отказом. Мало того, в начале 1838 г. командующий Кавказским корпусом докладывал военному министру России о подготовке горцев к борьбе с царскими войсками[1]. К тому времени на вооруженную борьбу поднялись союзы сельских общин Южного Дагестана[2]. Кавказский корпус никак не мог наладить нормальное наступление и поставить горцев хотя бы в затруднительное положение. Естественно, что в столице не были довольны командованием корпуса[3].

Тем временем третий имам, обосновавшийся в селении Чирката, развернул энергичную деятельность по объединению сил восставших горцев. Этому благоприятствовала сложившаяся в регионе обстановка, связанная с кубинским восстанием и занятостью Кавказского корпуса его подавлением в течение всего 1838 г.[4] Создавшуюся обстановку использовали борющиеся горцы. Восстание распространилось на Койсубулу, Салатавию, Гумбет, Андию и соседние территории Чечни.

Характеризуя сложившуюся реальную обстановку, генерал П.Х. Граббе отмечал: «В последнее трехлетие от разных причин это учение *(мюридизм. – Ю. Д.)*, прельщавшее особенно горцев признаком независимости и безначалия и согласное с чувством их ненависти к русским, получило необыкновенно обширное развитие и самое опасное для спокойствия в крае направление. Нет ни

[1] РГВИА. Ф. ВУА. Д. 6512. Л. 91.

[2] Там же.

[1] ДГСВК. С. 176-177.

[2] Там же. С. 181-183.

[3] Поэтому генерал-адъютанта Розена пришлось заменить генералом Головиным.

[4] ИНСК. Кн. 2. С. 147.

одного общества, ни одного аула в Нагорном Дагестане, в котором бы оно не нашло поборников, зародыш оного уже замечен стал и в Чечне, среди жителей Аргунского ущелья, у ичкерийцев, ауховцев и в других селах»[1].

Известно, что император Николай I имел собственное мнение о северокавказских горцах. Вскоре после победоносной войны России с Ираном и Турцией (1828 и 1829 гг.) он откровенно указал командующему на Кавказе Паскевичу-Эриванскому: «Кончив, таким образом, одно славное дело, представит Вам другое, в моих глазах столь же славное, а в рассуждении прямых польз гораздо важнейшее – усмирение навсегда горских народов или истребление непокорных»[2]. Пребывание на Кавказе еще более укрепило мнение его о Кавказе и о характере происходивших там военных действий. Пройденный путь и особенно месячное знакомство вызвало в императоре подлинное негодование тем, что «усилия и затраты, понесенные Россией по успокоению населения громадны, но результаты вместе с тем ничтожны»[3].

Все это привело к замене руководства краем. Как уже отмечалось, главнокомандующим кавказским корпусом был назначен генерал Головин. Однако будучи занятым подавлением восстания в Кубинском ханстве, кавказское командование не могло свои основные силы бросить против третьего имама. И даже при этом значительная часть Кавказской армии была направлена против борющихся горцев Северо-Восточного Кавказа.

Назначенному командующим войсками в Чечне ген. Фези в марте 1837 г. удалось привести к покорности ичкерийские и андийские аулы, в центральном Дагестане успехи были бесспорны, о чем со всей очевидностью свидетельствовали события, связанные с так называемой «аварской» экспедицией, возглавляемой генералом Фези. Все это не оставляло сомнений в том, что кавказское командование непременно нанесет сокрушительный удар по основным силам Шамиля.

Предводитель горцев правильно оценивал сложившуюся обстановку и стал заранее готовиться к решительной схватке. В скалистых горах, окаймленных реками, Шамиль устроил обширные пещеры, соединенные ходами, и построил искусственные сооружения. Вся эта укрепленная скала называлась «Новое Ахульго». Кав-

[1] МИДЧ. С. 420.

[2] АКАК. Т. VIII. С. 9.

[3] АКАК. Т. VIII. С. 9.

казское командование знало об этом, но предпринять что-либо существенное было не в силах.

В 1839 г., как только представилась возможность, царские войска начали наступать с двух сторон, блокировав крепость Шамиля в течение трех месяцев. При кровавом штурме Ахульго силы окруженных горцев истощились до предела. Шамиль предложил перемирие, выдав заложником восьмилетнего сына Джамал ад-Дина. Однако генерал Граббе потребовал безоговорочной капитуляции. Очутившись в безвыходном положении, Шамиль долго колебался, не зная, что предпринять. И, наконец, решился: темной южной ночью, сделав необходимые распоряжения, захватив с собой раненого сына Газимагомеда и других оставшихся в живых членов семьи (его жена Джавгарат с двухлетним сыном Саидом, сестра, дядя по линии отца Бартихан и тетя по матери погибли), Шамиль и его ближайшие соратники спустились с края горы по веревке, ушли из природной крепости Ахульго и в течение нескольких дней скрывались в узком ущелье. А затем, преодолев неимоверные трудности, беглецы добрались до Чечни.

Командующий войсками на Кавказской линии и Черном море генерал П.Х. Граббе из лагеря при Ашильте донес военному министру Чернышеву, что «партия Шамиля истреблена до основания. Ахульго взят. Хотя имама не удалось пленить, теперь он, скитаясь одиноким в горах, должен только думать о своем пропитании и о спасении собственной жизни»[1].

На донесении генерала П.Х. Граббе Николай I начертал следующую резолюцию: «Прекрасно, но жаль очень, что Шамиль ушел. И признаюсь, что опасаюсь новых его козней. Посмотрим, что дальше будет»[2]. Генерал П.Х. Граббе был награжден Георгиевским крестом, а все участники этой битвы удостоены медали «За взятие Ахульго штурмом 22.VIII. 1839»[3].

После своей победы и взятия Ахульго кавказское командование стало вводить в Чечне и Дагестане полицейскую систему управления. «Введение нового порядка управления усиливало всеобщее недовольство», – писал С. Эсадзе [4].

[1] МИДЧ... С. 422.

[2] Там же. С. 423.

[3] *Гаджиев В.Г.* История народов Кавказа в русской медалистике // Тарих. Махачкала, 1996. № 2-3. С. 47.

[4] *Эсадзе С.* Штурм Гуниба и пленение Шамиля. Тифлис, 1902. С. 109.

2. *Начало «блистательной эпохи» Шамиля. (1840 -1853 гг.)*

После Ахульгинской трагедии Шамиль и его спутники добрались в Чечню не без труда. В первое время они здесь находились на нелегальном положении, испытывая постоянную опасность, скрываясь и терпя муки, невзгоды кочевой жизни. И все это имам и его окружение переносили с достоинством, никогда никому ни разу не пожаловались. Глубоко маскируя свои планы и ведя жизнь настоящего отшельника, Шамиль продолжал, хотя и скрытно, выполнять функции религиозного главы Дагестана и Чечни и дождался своего часа.

К началу 1840 г. чеченцы, трудовые слои многострадальной Чечни, были доведены до крайности произволом и лихоимством генерала Пулло и ближайшим его окружением. Сам генерал Пулло, хвастаясь своими «подвигами», цинично признавался: «Набеги производил я преимущественно осенью и зимой, когда леса с опалыми листьями представляют менее препятствия для войск. Собирая более или менее значительные отряды, скрытно, на том или другом пункте, быстрым ночным переходом делая по 50 и более верст в сутки, являлся я неожиданно перед изумленным населением самых отдаленных аулов и по степени вины населения или истреблял оное, или довольствовался наложением пени, взиманием аманатов или арестовыванием наиболее виновных лиц»[1].

Кроме того, власти обязывали платить неучтенные поборы. Только на содержание приставской службы чеченцы вынуждены были платить свыше 20 тыс. рублей серебром. Население края было доведено до крайности.

Современник событий, французский консул в Тифлисе Г. Кастильон свидетельствует о том, что действия генерала Пулло довели горское население края до обнищания. «Лихоимство генерала Пулло, которому было поручено командование войсками в Чечне и неполитичная мера – разоружение десятой части населения – вызвали всеобщее восстание. К тому времени относится и переселение чеченцев, живущих между Тереком и Сунжей. С тех пор, за исключением трех селений, оставшихся верными, находясь под обстрелом русских орудий у устья реки Сунжи, вся Чечня вооружилась, и власть Шамиля царствует там безраздельно»[2]. И действительно, имам Дагестана и Чечни мастерски воспользовался обращением к нему повстанцев с просьбой возглавить борьбу.

[1] РГВИА. Ф. ВУА. Д 6438. Л. 48.

[2] *Кастильон Г.* Письма к Гизо // Историк-марксист. 1936. № 5. С. 115.

Важнейшим шагом Шамиля в этом направлении было осуществленное с первых же дней своей деятельности объединение разрозненных сил повстанцев и возобновление борьбы против царизма. В условиях нарождающейся бескомпромиссной борьбы влияние имама стало быстро расти. Вскоре в распоряжении его было около 10 тысяч повстанцев.

Многие чеченцы приходили к имаму с заявлением о своем желании находиться при нем в качестве телохранителей; являлись они и по одиночке, и партиями с предложением своих услуг в его ратных делах[1]. Дальновидный имам не принимал в свое войско лиц без разбора. Он хорошо знал, что кавказские власти подкупали отдельных горцев для ведения подрывной работы и доноса секретных сведений. Хотя желающих влиться в воинство Шамиля было много, производимый имамом отбор не оказывал влияния на увеличение рядов повстанцев.

Имея целью подбодрить горцев и привлечь их на свою сторону, Шамиль предпринял инспекционную поездку по чеченской территории. При этом, по свидетельству Мухаммад-Тахира ал-Карахи, Шамиль везде и всюду вводил шариат, просвещал население сведениями о законах и делах Аллаха. И где бы ни проезжал имам, всюду его принимали радушно и оказывали всевозможные почести и знаки уважения. К нему являлись даже горцы, которые были обласканы и облагодетельствованы царскими властями[2].

Много сил и энергии в это время он тратил, наставляя местное население. Он неустанно призывал горцев мужаться и быть готовыми ко всякого рода трудностям и советовал расположенным в открытых местах переселиться с семействами и имуществом в леса. Пограничному с русскими войсками населению был дан строжайший приказ держаться мужественно и быть готовыми к самоотверженной борьбе с неприятелями.

Благодаря неутомимой деятельности Шамилю удалось организовать из чеченских повстанцев три отряда, и тем самым было положено начало новой военной организации в Имамате. Предводителями войск имама были назначены прославленные к тому времени борцы за свободу и независимость Ахверды Магома с

[1] *Ал-Карахи.* Указ. соч. Ч.1. С. 89-92.

[2] Там же.

штаб-квартирой в ауле Гехи, Шуаиб – руководителем войск чеченцев бассейна реки Мичик (Мичиг) и Джават-хан – в регион Шали (Шела) – Герменчик (Гермичига). Подготовив, таким образом, вооруженное ополчение и население края, Шамиль в том же 1840 г. двинулся в поход в селение Ишкарты (Ишкаталиб), где вместе с русскими войсками были сосредоточены и отряды дагестанских феодальных владетелей.

Разбив без особого труда эти объединенные силы, имам двинулся в аул Эрпели. Жители этого населенного пункта не оказали никакого сопротивления. Шамиль взял аул и «сжег дом владетельного бека Уллубия (родственник хунзахских ханов), который после трагедии в Ахульго русскими властями был назначен наибом Койсубулинского союза сельских общин; он, как известно, питал «закостенелую вражду к шариату» и обещал дать целую мерку (кайл) серебра тому, кто доставит ему голову Шамиля или отравит его» [1].

После победы, одержанной под Ишкартами и Эрпели, на сторону Шамиля перешел пользовавшийся еще тогда большим авторитетом в горах Хаджимурад. К восставшим присоединяется и значительная часть Аварии.

С этого времени и началась, по определению революционных демократов, «блистательная эпоха Шамиля» [2]. С ростом авторитета движения горцев к мюридам перешла часть сильных родов Чечни. В 1841 г. известных успехов имам достигает в Верхнем Дагестане, в частности, в сельских общинах Андийского и Аварского Койсу [3]. Очаги восстания в это время стали возникать в Центральном и Южном Дагестане. Возникла угроза и в Кази-Кумухском ханстве, жители которого через перешедшего к Шамилю чанка Хаджи-Яхъю высказались о своем намерении «отложиться от власти».

С 1840 по 1842 гг., по данным исследователей, территория, подвластная имаму, увеличилась почти в три раза [4].

В «Обзоре о бедственном положении дел на Северном Кавказе» 31 декабря 1841 г. подчеркивалось: «Андалал, Акуша, Цудахар, Кази-Кумух, вольный верхний Табасаран и горные магалы Кара-Кайтага угрожают упорной и продолжительной борьбой. Особенно когда весной для покорения пространства между Аварским Койсу и Кара-Койсу не будет брошено нами значительных сил». И далее заключалось: «Одним словом, нравственно мы не владеем уже горами; мы утратили все плоды семилетних трудов. После всех усилий удержать за собою до весны дух покорности в народе; сохранить за собою до весны сердце дагестанских гор – Аварию до самого Хунзаха – несмотря на то, если бы последние аулы отложились от власти русских и мятеж сделался всеобщим» [1]. Однако эта надежда не оправдалась. Более того, 1843 г. суждено было оказаться годом наибольших успехов горцев.

Первая половина 1843 г. прошла под знаком тщательной подготовки имама к наступательным операциям. Обо всем об этом было довольно хорошо осведомлено кавказское командование. «Еще в начале года, – писал полковник А. Юров, – корпусной командир получил сведения, что везде носились слухи об усилении Шамилем больших приготовлений, что он приказал объявить по всем подвластным ему селениям, чтобы каждый житель, имевший малейшую возможность, завел себе хорошую лошадь, исправное оружие и запасы огнестрельных припасов и продовольствия» [2]. Стало также известно, что имам распорядился, чтобы «каждый горец, имевший корову и пару быков *(т.е. состоятельный по горским меркам. – Ю.Д.)*, непременно обзавелся бы лошадью» [3]. Это означало, что имам намеревался создать значительное число кавалерийских войск.

Хотя Кавказское командование под начальством генерала Головина знало о подготовке Шамиля к военным действиям, как увидим ниже, оно оказалось беспомощным и не сумело подготовиться не только к наступательным, но и активным оборонительным боям.

Свои наступательные военные действия Шамиль предпринял в конце августа движением на Унцукуль, где к этому времени было русское укрепление. И тем не менее, довольно вяло действующие царские власти не могли противостоять напору рвущихся в бой горцев. К тому же большая часть жителей Унцукуля стала нас-

---

[1] *Ал-Карахи.* Указ. соч. Ч.1. С.96

[2] *Гаджиев В.Г.* Роль России... С. 219; *Гаджиев В.Г., Пикман А.М.* Российский демократы о борьбе горцев Дагестана и Чечни в 20-50 гг. XIX в. Махачкала, 1998. С. 65-83.

[3] *Покровский Н.И.* Указ. соч. С. 289.

[4] *Бушуев С.К.* Указ. соч. С. 94.

[1] ДГСВК. С. 320-321.

[2] *Юров А.* 1843 год на Кавказе // КС. Тифлис, 1882. Т. 6. С. 49.

[3] Там же. С. 131.

тоятельно требовать сдачи селения. Здесь же со своими приверженцами находился изменивший имаму еще в 1841 г. Кибит-Магома (Кебед-Магомед), который на третий день осады сдался на милость победителей, при этом выговорив себе пощаду от предводителя горцев.

Оказавшись в тяжелейшем положении, гарнизон крепости вынужден был сложить оружие. Получив сведения о падении Унцукуля, начальник ближайшего укрепления Харачи предпочел с подчиненными солдатами оставить укрепление, которое мюриды заняли тотчас же. Правда, генерал Клюки фон Клюгенау сделал попытку восстановить пошатнувшее положение, но успеха не имел. После этого горцы, занимая одно укрепление за другим, устремились в Хунзах. 3 сентября войска Шамиля взяли Балахани, 5 сентября Моксохскую башню и обложили важное укрепление Цатаних, куда еще в 1842 г. был переведен весь артиллерийский парк дагестанского отряда и где было большое количество снаряжения. Этот важный пункт мюриды заняли после отчаянного штурма. 8 сентября было обложено Гоцатлинское укрепление, и 11-го числа оно пало.

Под Хунзахом произошло крупное сражение, в итоге которого имам вынужден был отступить. Отряд, которым командовал Аргутинский-Долгоруков, соединился с отрядом Клюки фон Клюгенау[1]. Отряд последнего, носивший название Аварский, был освобожден из крайне тяжелого положения. Шамиль, по существу, овладел всей Аварией, кроме Хунзаха.

В августовско-сентябрьских боях русская армия вынуждена была отдать шесть укреплений. В руки Шамиля попали 12 орудий, 4000 оружейных зарядов, 250 тыс. патронов. Из строя были выбиты 1 генерал, 65 офицеров, 2000 солдат. Эти события, как справедливо утверждал профессор Н.И. Покровский, следовало оценить «более чем поражение, это был полный разгром русских войск Северного Дагестана. Только энергичные действия Самурского отряда силой 6000 штыков и сабель дали возможность спасти остатки войск в Аварии»[2]. Победное шествие отрядов Шамиля продолжалось. В конце мая 1842 г. имам занял Кази-Кумух. Высоко оценивая эту победу в своем письме, адресованном чеченцам, Шамиль 12 мая 1842 г. писал: «Город Кази-Кумух – мать всех селений – я взял с помощью Божьей без большого труда. 500 пленных неверных и наших отступников. Казна ханская и несметные сокровища достались в качестве трофея»[1].

[1] *Юров А.* 1843 год на Кавказе // КС. 1882. Т. 6. С. 131.

[2] *Покровский Н.И.* Указ. соч. С. 316-317.

Однако недолго сохранял за собой имам столицу Кази-Кумухского ханства. Вскоре высланное на помощь русским войскам соединение, возглавляемое генералом Аргутинским-Долгоруковым, одержало победу близ селения Шовкра, а затем заняло Кази-Кумух. Родственник кази-кумухских ханов Хаджи-Яхъя, назначенный Шамилем наибом, бежал из Кази-Кумуха. Но этот успех Аргутинского-Долгорукого не в состоянии был восстановить критическое положение, в котором оказались русские войска. С надеждой на стабилизацию своей позиции в Дагестане император Николай I вынужден был отправить в отставку генерала Головина, и на его место главнокомандующим Кавказским корпусом был назначен генерал-адъютант Нейдгардт.

Крупных успехов имам Шамиль достиг в игалинском и ичкерийских походах. Все эти успехи позволили Шамилю объединить многоязычных горцев Северо-Восточного Кавказа в единое целое, в состав которого уже входила значительная часть Дагестана и Чечни. В это же время он попытался вмешаться в борьбу горцев Центрального и Северо-Западного Кавказа[2].

Наивысших военных успехов Шамиль достиг во второй половине 1842 г. и в 1843 г. Именно в это время он дважды нанес поражение генералу П.Х. Граббе. Шамиль отбил 13 крепостей, подчинил своей власти почти всю Чечню и Аварию, предпринял ряд экспедиций в Кази-Кумух, Акуша, Табасаран и другие места Дагестана. Своими победами, говоря словами Ф. Энгельса, горцы «были обязаны наступательной тактике и внезапным нападениям»[3].

Успехи Шамиля оказали большое военное, политическое и моральное воздействие на Кавказскую армию. Эта лучшая, по общему признанию историков, армия страны вынуждена была считаться с модернизированными, если так можно сказать, военными силами Шамиля. А успехи имама в описываемое время были по-настоящему разительны. Достаточно сказать, что только с 27 августа по 22 декабря Кавказский корпус потерял 76 офицеров (в том числе взято в плен 10), 2308 солдат (в том числе взято в плен 312). Мюридам, кроме того, достались значительные трофеи – 27 орудий, 8 крепостных ружей, 2152 ружья, 13816 зарядов, 350 000

[1] РГВИА. Ф. ВУА. Д. 6468. Л. 6.

[2] Там же. Д. 6512. Л. 37.

[3] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 12. С. 119.

патронов, 50 пудов пороха. И, наконец, имам разрушил до основания 12 укрепленных пунктов[1].

Не принес успеха Кавказскому командованию и 1844 г. Напротив, осенью того же 1844 г. муриды Шамиля достигли крупных успехов на юге Дагестана. Наибы Шамиля, по существу, установили правление Шамиля в Табасаране. Владетельный бек Джамав кайтагский спасся бегством к царским властям. На сторону Шамиля перешел и Даниял-Султан (Даниел-Султан, Даниял-бек, Даниел-бек) Элисуйский. До этого остававшийся верным России, теперь он стал активным участником «против вероотступников». Сам имам продолжал умело варьировать и направился в равнинную Чечню, имея целью поднять их против царского правительства. И в этом деле имам достиг значительных успехов.

В 1844 г. государство Шамиля имело под своим влиянием наибольшую территорию[2]. В Дагестане в Имамат входили территория Аварского ханства, вольные общества и отдельные села: Тлурутли, Гумбет, Хиндалал, Анди, Салатау, Бактлулал, Таш, Андалал, Тум, Унцукуль, Тлох, Гунада, Анцросо, Кос, Аух, Анцух, Дидо-Шуратль, Дидо-Шиитль, Карата, Ункратль, Карах, Багулал, Технуцал, Тинди, Хварши, Чамалал, Ахвах, Бугнада, Тлебель, Ухнода, Кель, Тлен, Гид, Кунал, Тлейсерух, Мукратль. Под влиянием имама находились также и Джаро-Белоканские союзы сельских общин.

Обеспокоенная успехами горцев, Россия срочно выработала план, согласно которому предполагалось «решительным ударом» захватить центр могущества Шамиля столицу Имамата и начать подавление движения горцев[3].

Для исполнения этого плана в 1845 г. главнокомандующим Кавказской армией был назначен генерал М.С. Воронцов. Одновременно на Кавказ была двинута новая 40-тысячная армия[4]. Понятно, что к жестокой борьбе готовился и имам Шамиль.

Генерал М.С. Воронцов сделал предложение Шамилю о мире, на что имам ответил категорично, что «он не думает вести с ним

---

[1] АКАК. Тифлис, 1884. Т. IX. С. 13.

[2] РГИА СПб. Ф. 1268 Оп. 1. Д. 545; РГВИА. Ф. ВУА. Д. 6528. Ч. 1. Л.1.

[3] Воспоминания гр. *Бенкендорфа К. К.* о Кавказской летней экспедиции 1845 г. // Даргинская трагедия 1845 г. Воспоминания участников Кавказской войны XIX в. СПб., 2001. С.110. *(«Даргинская»: имеется в виду разгром под Дарго. – Ю.Д.).*

[4] ЦГИА РГ. Ф. 416. Оп. 4. Д. 256. Л. 1-18.

переговоры иными средствами, как при посредстве шашки»[1]. После тщательной подготовки экспедиционный корпус в составе 21-го батальона пехоты, 4-х рот саперов, 3-х рот стрелков, 16-ти сотен казаков и милиции, 2-х грузинских дружин и 46-ти орудий двинулся в Дагестан. При этом главнокомандующему император назидательно указал: «Разбить скопище Шамиля, проникнуть в центр его владычества и в нем утвердиться». В главной квартире, вспоминал участник похода гр. Бенкендорф, убаюкивали себя надеждой, что «жители *(Дагестана. – Ю. Д.)* с благодарностью примут тут же предложенную им нами помощь и поддержку, надеялись, что разосланные прокламации разорвут узы подчинения различных народностей Шамилю»[2]. Но кавказское командование глубоко просчиталось.

Путь экспедиции проходил из Чечни от крепости Воздвиженской в Андию, а вспомогательного отряда – из Темир-Хан-Шуры туда же. Продвигаясь не без труда, но и без особых потерь, громоздкая экспедиция дошла до самого селения Анди, затем, преодолев крутой, в несколько километров спуск, вступила в предгорья и после кровавой схватки заняла резиденцию Шамиля. Как будто поставленная Николаем I задача была выполнена. Однако радоваться было нечему. Громоздкий отряд главнокомандующего вынужден был стоять на месте в течение целого месяца. Фуража не было, запасы провианта ежедневно сокращались. Попытка достать провиант в окружающих селах Анди не имела успеха. Отряд, отправленный с этой целью, по существу, был уничтожен. Огнестрельные запасы истощились.

Оказавшись в тяжелейшем положении, командование экспедиционным корпусом поняло, что необходимо отступать. Колоссальный ущерб нанесли отступающим войскам постоянные нападения мюридов. «Кто видел труды и недостатки, войсками нашими на Кавказе переносимые, кто участвовал в отважных, храбрых предприятиях воинов наших, – писал Г. Мочульский, – тот должен ужаснуться при виде многочисленности жертв для укрощения горцев»[3].

И действительно, особенно разительны были потери царских войск в этой, получившей название «сухарной», экспедиции. Достаточно сказать, что потери Воронцова за эту экспедицию со-

---

[1] *Бушуев С.К.* Указ. соч. С. 97.

[2] Воспоминания гр. *Бенкендорфа* К.К... С. 89.

[3] *Мочульский Г.* Война на Кавказе и в Дагестане //РГВИА. Ф. ВУА. Д. 6528. Ч. II. Л. 71; Д. 49741. Ч. II. Л. 112.

ставили 3510 нижних чинов, 3 генерала, 28 штабс-офицеров, 158 обер-офицеров. Эти потери были бы еще более значительны, если бы не прибывшее подкрепление под командованием генерала Фрейтага, которое спасло отряд и самого М.С. Воронцова от неминуемой гибели. В свою очередь, этот отряд потерял 9 офицеров, 112 нижних чинов. По данным Н. Дубровина, общие потери составили 3631 человек[1]. И, тем не менее, царское правительство официально объявило эту экспедицию успехом царского воинства, а сам командующий был удостоен княжеского титула.

Позже Шамиль вторично заставил наместника Кавказа отступить от аула Гергебиль, а вслед за этим предпринял усилия расширить базу восстания под флагом мюридизма привлечением жителей Центрального и Северо-Западного Кавказа. С этой целью в 1846 г. во главе 10-тысячного отряда имам вторгся в Кабарду, но успеха не имел. Позже трехкратная попытка Шамиля поднять на вооруженную борьбу адыгов Северо-Западного Кавказа и, объединив эти части региона в единый государственный организм, начать мощное наступление против кавказского командования оказалась сложнейшей задачей. Сполна осуществить этот далеко идущий план Шамилю так и не удалось. Лишь наибу Магомед-Амину (третьему посланнику третьего имама) удалось объединить, в основном, абадзехов и организовать наибство. Магомед-Амин под официальным званием наиба Шамиля осуществлял власть на указанной территории[2].

V. Деятельность Шамиля как имама и создание государства Имамат

Борьба горцев неоднократно подавлялась царизмом вплоть до полного их усмирения. В ходе боевых действий борьба два раза оказывалась обезглавленной, но неизменно каждый раз борьба вспыхивала заново и под религиозным знаменем получала еще боль-

[1] *Дубровин Н.* Обзор войн России от Петра Великого до наших дней. СПб., 1892. Т. II. С. 221.

[2] *Магомеддадаев А.М.* Мухаммад-Амин и народно-освободительное движение народов Северо-Западного Кавказа в 40-60 гг. XIX века. (Сборник документов и материалов). Махачкала, 1998; *Он же.* Магомед-Амин – наиб Шамиля в Черкесии и предводитель освободительной борьбы народов Западного Кавказа в середине XIX века // Вестник ДНЦ РАН. Махачкала, 1999. № 3. С. 112-115.

шее распространение.

Вместо погибшего руководителя в имамы выдвигался наиболее последовательный, верный и способный исполнитель воли народа из числа духовенства. Причем никаких ограничений сословного либо другого характера при избрании имама не было, избирался наиболее соответствующий требованию времени и авторитетный среди руководителей борьбы. А так как политическая борьба была облечена в религиозную оболочку, то и носители этой идеологии – прослойка мусульманского духовенства – оказались руководителями освободительной борьбы, а при образовании Имамата стали проводниками всей государственной политики.

Потребности ведения изнурительной освободительной борьбы в Имамате требовали максимальной централизации власти, консолидации всех антиколониальных сил в обществе, мобилизации и сосредоточения в одних руках всех ресурсов страны, т.е. все нити управления страной должны были находиться в одних руках, а объекты управления – оперативно реагировать на требование единого центра.

Крестьянская масса ставила перед Имаматом задачу успешного окончания начатой борьбы за независимость, а вместе с тем и задачу ликвидации феодальной эксплуатации[1]. Поэтому в руках имама – вождя борьбы – были сосредоточены все бразды правления общественно-политической жизнью страны.

Отсюда, при анализе деятельности Шамиля как имама, необходимо исходить из того, что он был крупным государственным деятелем, талантливым военачальником и мудрым предводителем борьбы, сумевшим провести в стране необходимые государственные преобразования и успешно отстоять свободу своего края, объединив воедино разрозненные силы горцев.

Если Гази-Магомед для руководства на местах назначал своих уполномоченных от случая к случаю, а Гамзат-бек имел постоянных заместителей, которые несли полную ответственность за свою территорию, то уже закаленный и получивший немало ран в боях за свободу родного края, Шамиль хорошо понимал, что для успешного ведения войны против сильного противника необходимо коренным образом перестроить систему ведения войны, создать сильную социальную и материальную базу, сделать освободительную войну поистине общенародной.

Для этого требовалось объединить воедино разрозненные

[1] *Покровский Н.И.* Указ. соч. С. 335.

дагестанские общества, установить над ними строго централизованное единообразное управление, дать им общие законы. Только таким образом созданная государственная система могла противостоять экспансионистской политике царизма.

В ходе освободительной борьбы, и особенно в 1840-1843 гг., когда были одержаны важные для горцев победы, позволившие освободить от царских колонизаторов значительную часть территории Дагестана и Чечни, Шамиль все чаще задумывался над внутренним устройством подвластной ему территории. Шамиль прекрасно понимал, что успехи 1840-1843 гг. еще не являются окончательной победой восставших горцев и что царизм не откажется от намерений установить свое безраздельное господство над всей территорией Кавказа.

Поэтому он неустанно трудился над созданием на подвластной ему территории определенной государственной системы. При этом Шамиль понимал, что в данных сложных условиях государственное управление должно быть приспособлено к потребностям обороны и нуждам горцев, а также стать прочным основанием для дальнейших политических и социальных преобразований.

Следует отметить, что Шамиль никогда не планировал и тем более не осуществлял создание национального государства. Теократический Имамат Шамиля был основан не на национальной, а на религиозно-теократической базе, идейной основой которого был, в первую очередь, воинствующий мюридизм, а не национальные идеалы.

В административно-территориальном отношении Имамат был разделен на мудирства и наибства. Часть территории, населенной кумыками, даргинцами, лезгинами, лакцами и табасарнцами, не входила в состав Имамата. Но представители этих народов активно участвовали в строительстве государства Шамиля, в том числе и в качестве руководителей. Наибами в разное время являлись более 200 человек, представлявших разные национальности и социальные слои населения. Профессор Х.Х. Рамазанов правильно отмечает, что наибами могли быть люди, «преданные делу борьбы против местных феодалов и царских колонизаторов, а также обладающие незаурядными качествами вне зависимости от национальной принадлежности и тухумных привилегий»[1].

Незаурядный талант Шамиля вынуждены были признать

[1] *Рамазанов А.Х.* Реформаторская деятельность великого имама Шамиля. Махачкала, 1996. С. 16.

даже современники имама, апологеты самодержавия: «Военные хитрости и удальство Шамиля более всего выигрывают вследствие той организованности и того порядка, которые он сумел завести в своем народе»[1] - писал Фон Ганстгаузен.

В основу созданного Шамилем государства Имамат были положены демократические принципы управления горцами. Между тем о сущности и природе созданного Шамилем государства в исторической литературе существуют противоречивые мнения. Так, по мнению Н.А. Смирнова, низамы Шамиля *(следовательно, и Имамат. – Ю.Д.)* «защищали интересы эксплуататоров, нарождавшихся в горском обществе в лице узденей»[2].

Французский консул в Грузии в 40-х гг. XIX в. Г. Кастильон в донесении министру иностранных дел Франции писал об Имамате и Шамиле: «Нам придется различать две личности, объединенные сейчас Шамилем. С одной стороны, это – политический вождь, диктатор, которому событиями была предоставлена безграничная власть при демократическом строе, основанном на принципе абсолютного равенства; в то же время, это - религиозный вождь, которому звание великого имама, верховного главы правоверных, придает священный характер. Имея это двойное звание, он – единственный судья в вопросе принесения жертв, требуемых войной»[3].

Российский историк А.А. Каспари признает, что «администратор Шамиль был одной из гениальных личностей XIX века и действительно внес законность и порядок там, где искони царило лишь кулачное право...»[4].

В связи с этим обращает на себя внимание точка зрения некоторых исследователей, в частности М.М.Блиева, о деятельности Имамата. Исходя из своей собственной концепции «о стремлении горцев к грабежу», он считает, что главной целью Имамата было ведение войны ради получения добычи, что Имамат и его руководители – наибы – занимались только или почти всегда военными экспедициями ради этой добычи.

Такие утверждения не что иное, как полное извращение целей и задач Имамата как государства и его руководителей. Под

[1] *Фон Ганстгаузен А.* Закавказский край. СПб., 1857. С. 208.

[2] *Смирнов Н.А.* Указ. соч. С.116.

[3] *Кастильон Г. де Виконт.* Письмо к Гизо // Историк-марксист. 1936. № 5 С. 118.

[4] *Каспари А.А.* Покоренный Кавказ. СПб., 1904. С. 440.

черкивая неограниченность власти Шамиля в Имамате, М.М. Бликов и его сторонники упускают из виду то, во имя чего все это делалось, а именно: для защиты свободы горцев и успешной борьбы против посягателей на национальную независимость народов Северо-Восточного Кавказа.

Объективную оценку сущности государства Имамат дали в своих исследованиях дагестанские историки А. Тахо-Годи, Р.М. Магомедов, Х.Х. Рамазанов, А.Х. Рамазанов, А.Д. Даниялов, В.Г. Гаджиев, А.М. Халилов и другие. Все они сходятся во мнении, что назначение Имамата состояло в том, чтобы подавлять сопротивление местных феодалов, организовывать борьбу горцев с царскими колонизаторами, решать задачи по укреплению внутреннего устройства государства.

Для осуществления задуманных мероприятий исторического масштаба Шамилю мешали, прежде всего, бытовавшие среди горцев адаты, различные в каждом обществе и служившие препятствием для объединения горцев в единое государство, и местная феодальная знать, эксплуатировавшая при поддержке царизма своих подданных и противостоящая освободительной борьбе горцев.

Универсальным средством решения этих проблем служило последовательное распространение шариата среди горцев. Народ во многих случаях приветствовал шариат, так как его идеи отвечали их классовым интересам. Шариат провозглашал равенство всех людей перед Аллахом, признавал противоестественной эксплуатацию человека человеком, чем облагораживал борьбу горцев за свое социальное освобождение. Противостояли ему сословие эксплуататорских классов и часть людей, не понимавших сути его идей.

Переметнувшийся на сторону царя Сулейман-Эфенди отмечал, что Шамиль «принадлежал к последователям тариката, потом принялся за оружие и сделался светским человеком»[1]. Шамиль развернул активную деятельность, пытаясь ликвидировать класс феодалов и создать для освободительной борьбы прочную социальную базу, придав ей всенародный характер. Устраняя представителей феодальной и вообще всякой наследственной власти, «Шамиль объявил, безусловно, свободными»[2] во всех отношениях тех, кто ранее находился в какой-либо зависимости от феодальной знати. Они освобождались от всех податей и повинностей в пользу феодала, на них были распространены правила Имамата. «Шамиль ввел среди народа справедливые порядки, железный строй и законное политическое и гражданское управление. В Имамате уже не было таких вещей, как ханские порядки, а обращением стало только ас-салам»[1].

Решение проблем в области земельно-правовых вопросов Шамиль видел в продолжении социальной политики. В этой связи хочется отметить один недостаток – проблему малоземелья. В предшествующий Имамату период земля делилась на шесть видов: джаматская, тухумная, мюльковая (частнокрестьянская и феодальная), феодальная, вакуфная и казенная. В связи с образованием имамата произошли существенные изменения в области форм землевладения. Были ликвидированы феодальные и казенные формы землевладения, их место заняла байтулмальская (имаматская) земля. Источником этой формы землевладения были «земли наказанных крестьян или аулов, умерших людей, не оставивших наследников, бежавших или пропавших без вести, изгнанных, казненных предводителей и т.п.»[2].

Имаматские земли могли быть отданы в аренду остронуждающимся аулам или семьям. В качестве арендной платы предусматривались барщина и оброк. Официальные источники подтверждают, что имаматские земли отдавались в аренду и без платы. Лица, которые могли быть освобождены от оплаты, это - мухаджиры, наиболее отличившиеся воины, хозяева, чьи земли попадали под военную фортификацию, и добровольно переселившиеся в Имамат, будь то мусульмане или представители другой религии. Этот процесс распределения земель значительно исправлял положение нуждающихся.

Земельные споры могли решаться по основам шариатского права. Решение этих проблем возлагалось на местных властей под непосредственным руководством Шамиля, если в этом была необходимость[3]. Имам считал, что так можно предотвратить земельные конфликты. Причину нерешенности своих проблем Шамиль видел еще в сохранившейся дифференциации[4]. Это и есть причина того, что земельно-правовая политика в Имамате не была совершенной.

[1] Шамиль – ставленник... С. 281.

[2] ВС. Т. 27. С. 392.

[1] *Алкадари Г.-Э.* Указ. соч. С. 13.

[2] *Рамазанов А.Х.* Указ. соч. С. 38-39.

[3] См.: ДГСВК. С.527, 591; *Шарафутдинова Р.* Арабоязычные документы эпохи Шамиля. М., 2001. С. 53-54.

[4] *Рамазанов А.Х.* Указ. соч. С. 42.

Нам представляется, что Имамат был органом выражения воли и интересов трудового крестьянства, которая была независима от феодалов. При этом следует иметь в виду, что узденство составляло большую часть населения Дагестана. Так, в Дагестанской области, по данным на 1861 г., «из 599990 жителей 559226 составляли уздени, а остальные – помещики, феодалы, духовенство, торговцы, крепостные и т.д.»[1].

Как и любое государство, Имамат представлял собой классовую, политическую организацию для подавления определенных классов, а также решения дел, касающихся всего общества. Но классовая дифференциация не была достаточно четкой в тех исторических условиях. Существовали различные слои крестьянства, в том числе: уздени, догерек-уздени, азат-уздени, чагары, раяты.

В большинстве исторических материалов об освободительной борьбе горцев говорится, что, несмотря на положения шариата, рабы, имевшиеся в хозяйствах узденей, освобождения не получили. Шамиль только вменял в обязанность хозяев снабжать своих людей всем необходимым и обращаться с ними по-человечески. Такой парадокс с положениями шариата объясняется тем, что институт рабства в Дагестане не был развит, рабы обычно занимались домашним если они таковыми назывались, «были освобождены, которые были переселены целыми селениями *(и которые. – Ю.Д.)* принадлежали ханам и бекам»[2]. Более того, экспроприации подлежали преимущественно те, кто сотрудничал с колонизаторами, а что касается экономических устоев участников освободительной борьбы, то это не отвечало требованиям времени. Так, например, небезызвестный Мухаммед-Тахир защищал следующие действия Шамиля:

1. «Отбирание имущества зажиточных на нужды войны и своих подчиненных;
2. Разрушение вражеских аулов и ограбление их имущества в целях наведения страха;
3. Обращения в казну имущества лиц, отошедших от ислама, с разрешением их женам разводиться с ними;
4. Наказывать лицемеров (мунафиков) вплоть до убийства»[3].

Электронная библиотека Института истории, археологии и этнографии Дагестанского НЦ РАН

[1] *Халилов А.М.* Указ. соч. С. 81.
[2] ВС. 1862. № 7. С. 393.
[3] ЦГА РД. Ф.133. Оп. 2. Д. 4. Л.14-15.

instituteofhistory.ru

А. Ермолов

Ф. Клюки фон Клюгенау

Б. Барятинский

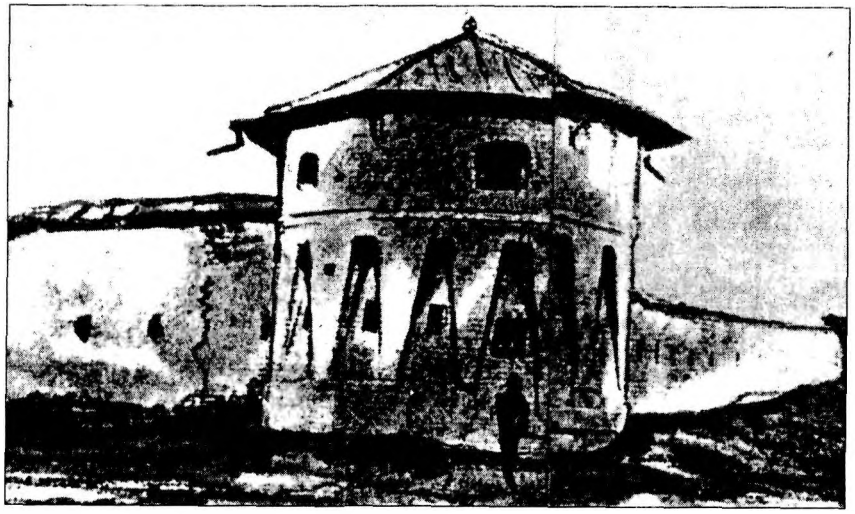
П. Граббе

М. Воронцов

М. Аргутинский-Долгоруков

Н. Евдокимов

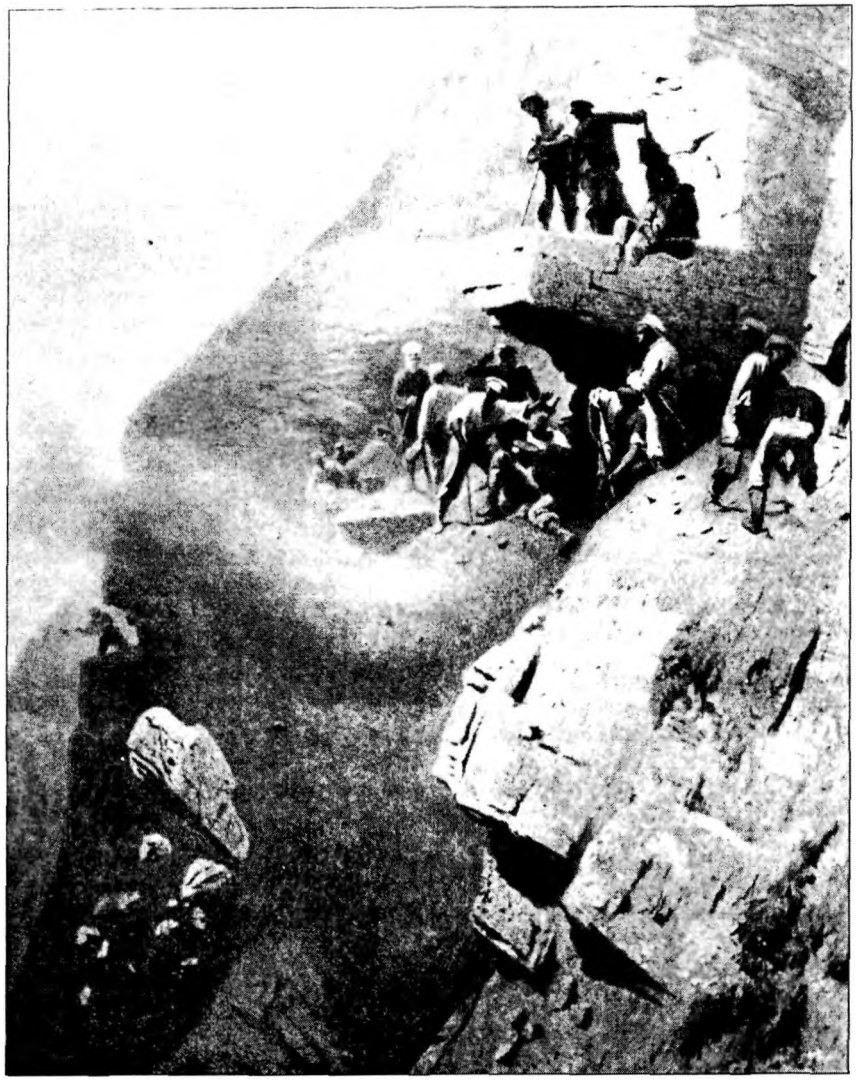
Д. Пассек



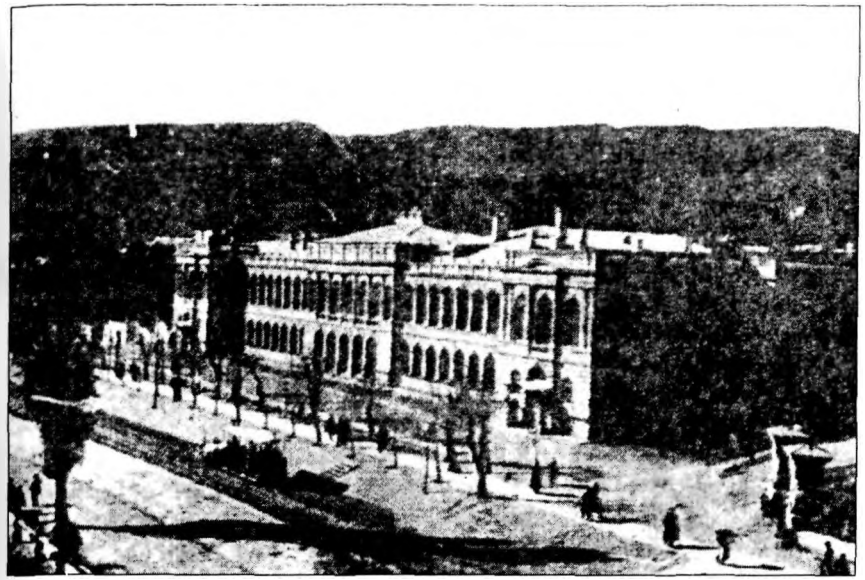
Е. Лансере. **Крепость Воздвиженская**

Г.Гагарин. **Зимняя экспедиция в Чечне**

Г.Гагарин. **Засада у аула Телетль**



Г. Горшельт. **Прокладка дорог в Дагестане**



Г. Горшельт. **Дворец наместника Кавказа в Тифлисе**

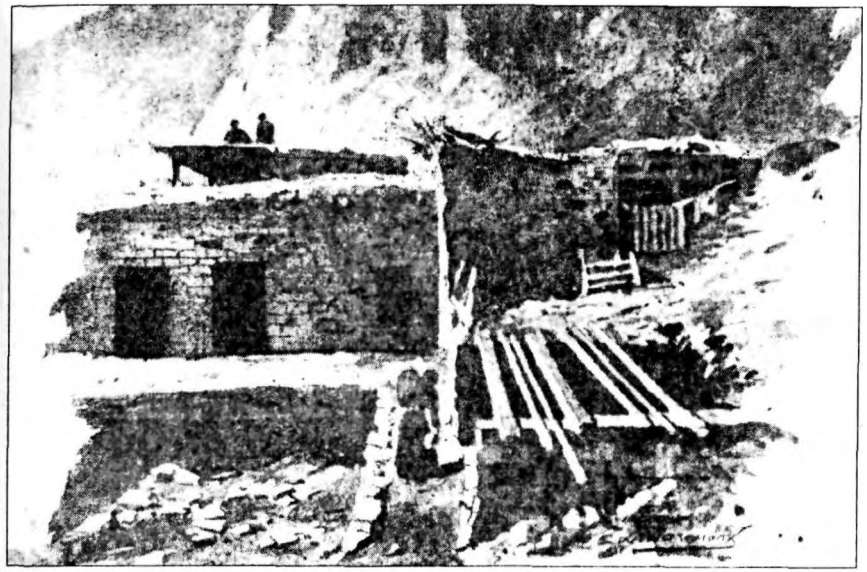
В. Тимм. **Подъем на Турчидаг**

В. Тимм. **Солдат Кавказского корпуса**

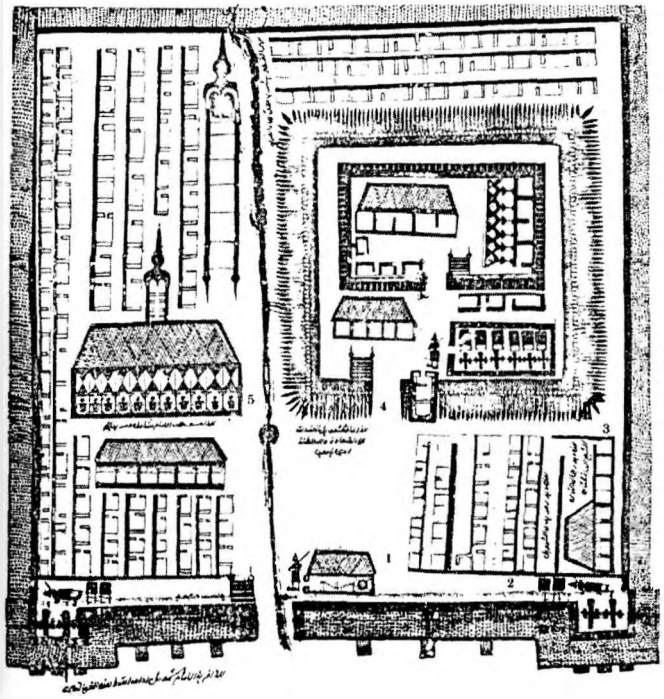
Ф.Рубо. **Штурм Гимры**

Схватка на Кавказе

Ф.Рубо. **Штурм Ахульго**

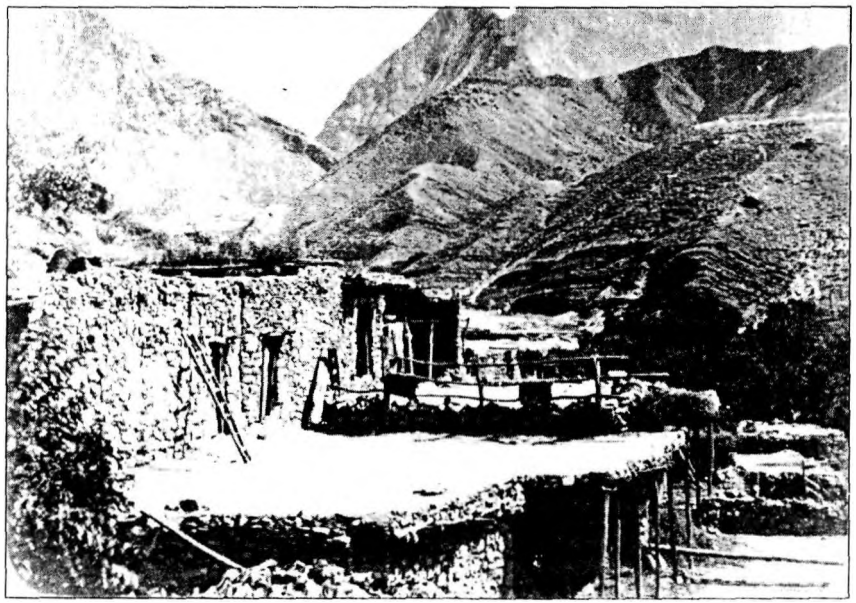


Дом Шамиля в Гимрах

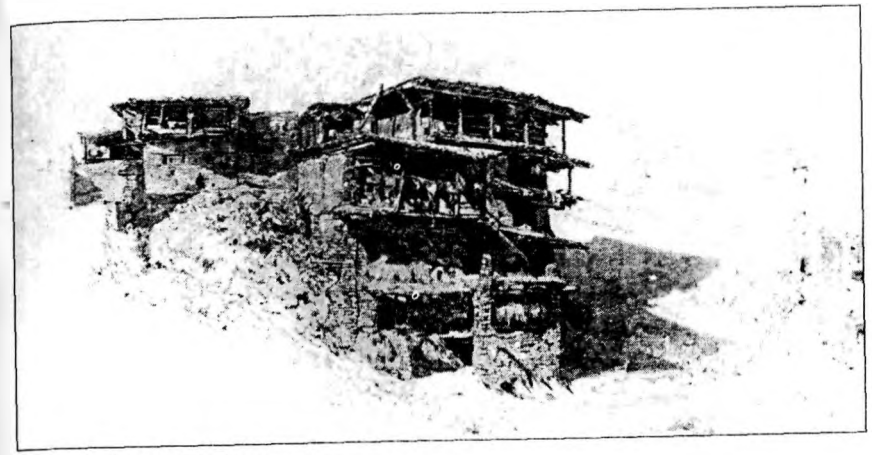


Карта Шамиля

Шамиль.
Фото 1859



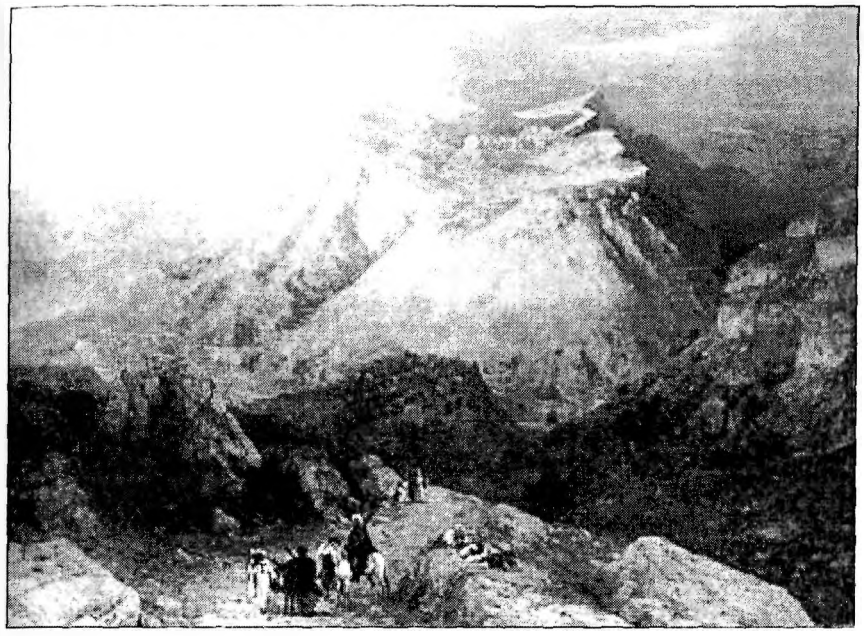
Гимры. Фото. Конец XIX в.



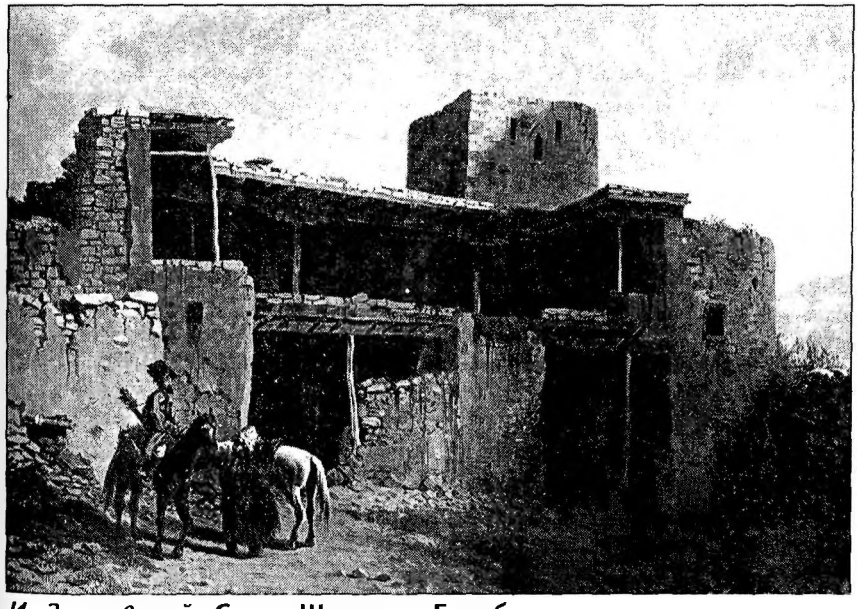
Горный аул Т. Горшельт

С. Васильковский. Шамиль в Ахтах

П. Грузинский. **Штурм Гуниба**



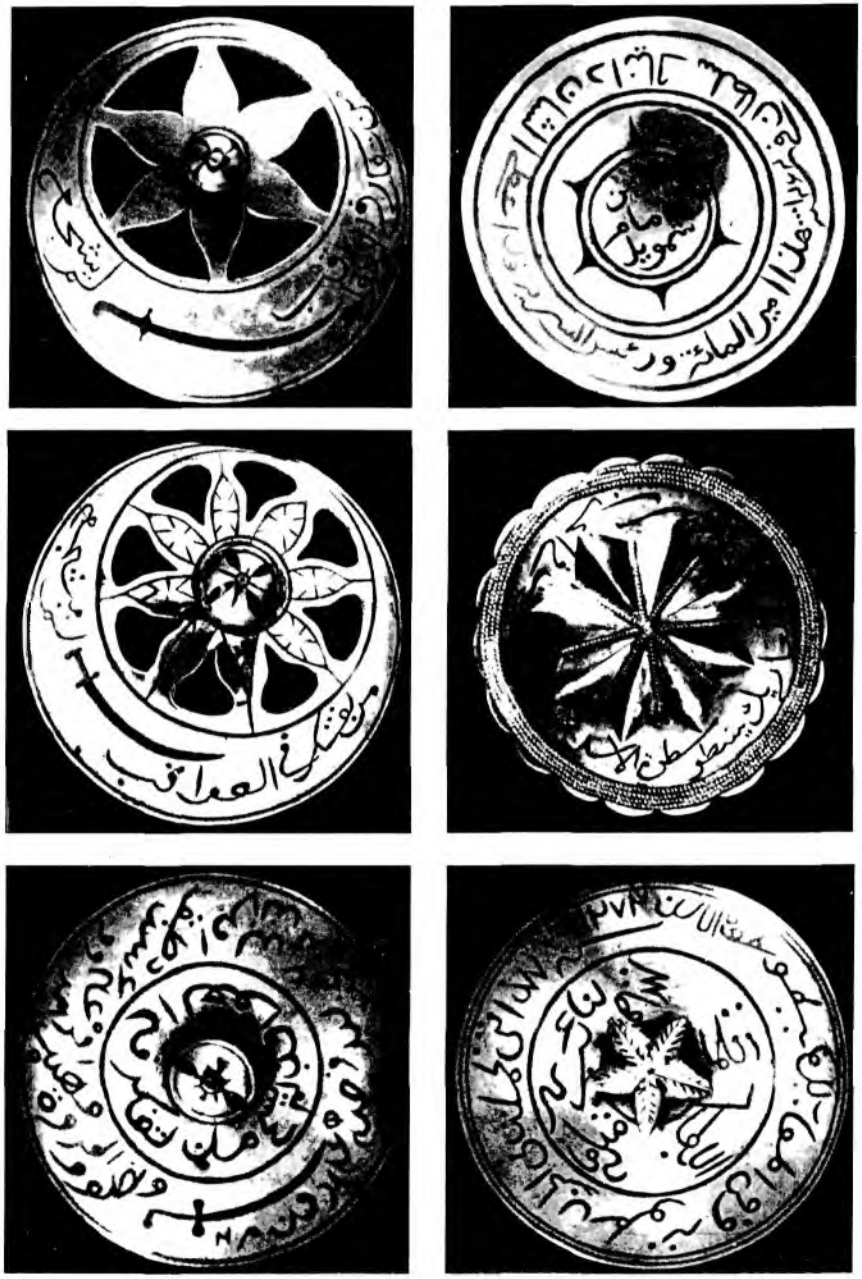
И. Айвазовский. **Гуниб**



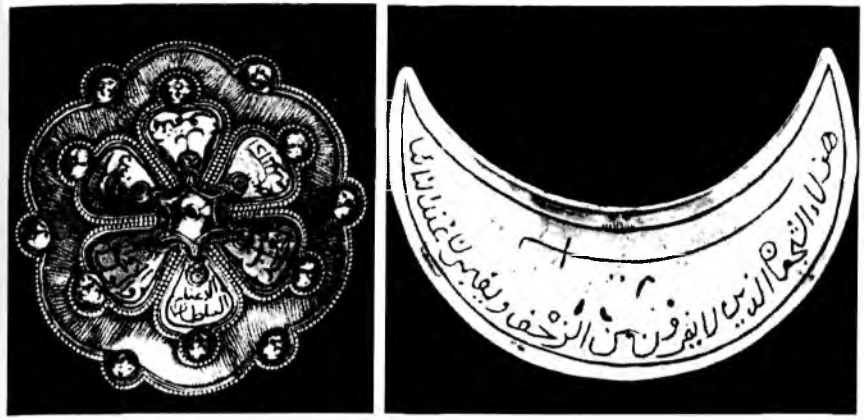
И. Занковский. **Сакля Шамиля в Гунибе**

Т. Горшельт.
Мюрид со знаменем

Калуга. 1861 г.
Слева направо: Хаджияв, Мухаммад, Шефи (сын Шамиля), Абдурахим, Абдурахман



Ордена в имамате Шамиля



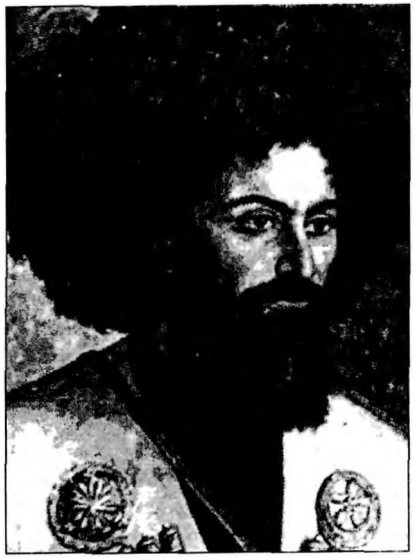
Ордена в имамате Шамиля

Артиллерия наиба Талгика

Наиб Инквачилав

Наиб Дуба

Наиб Батуко



Наиб Эски

Наиб Мухаммад Амин

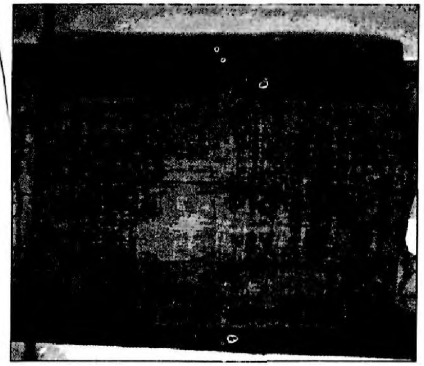
Наиб Хаджи-Мурат

Наиб Даниял-бек,
султан Элисуйский

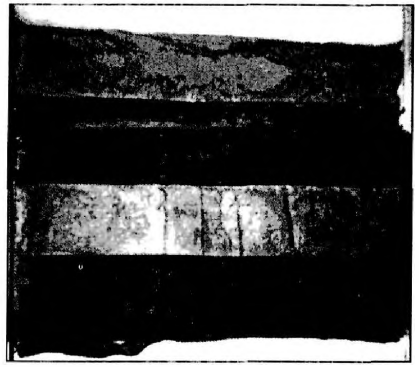
Наиб Идиль

Наибы

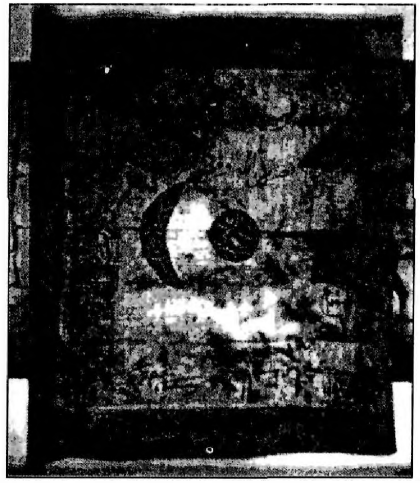
instituteofhistory.ru



Знамя Бук Мухаммада

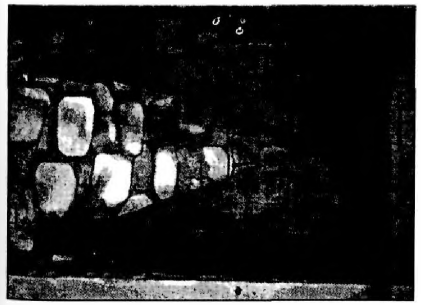


Знамя горцев

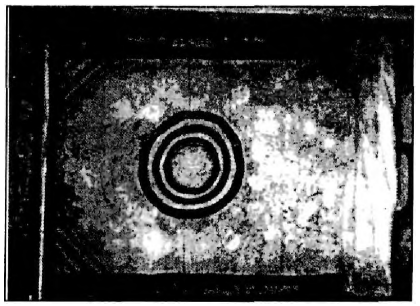


Знамя Даниял-бека

Знамя аула Чох



Знамя Амалат-бека

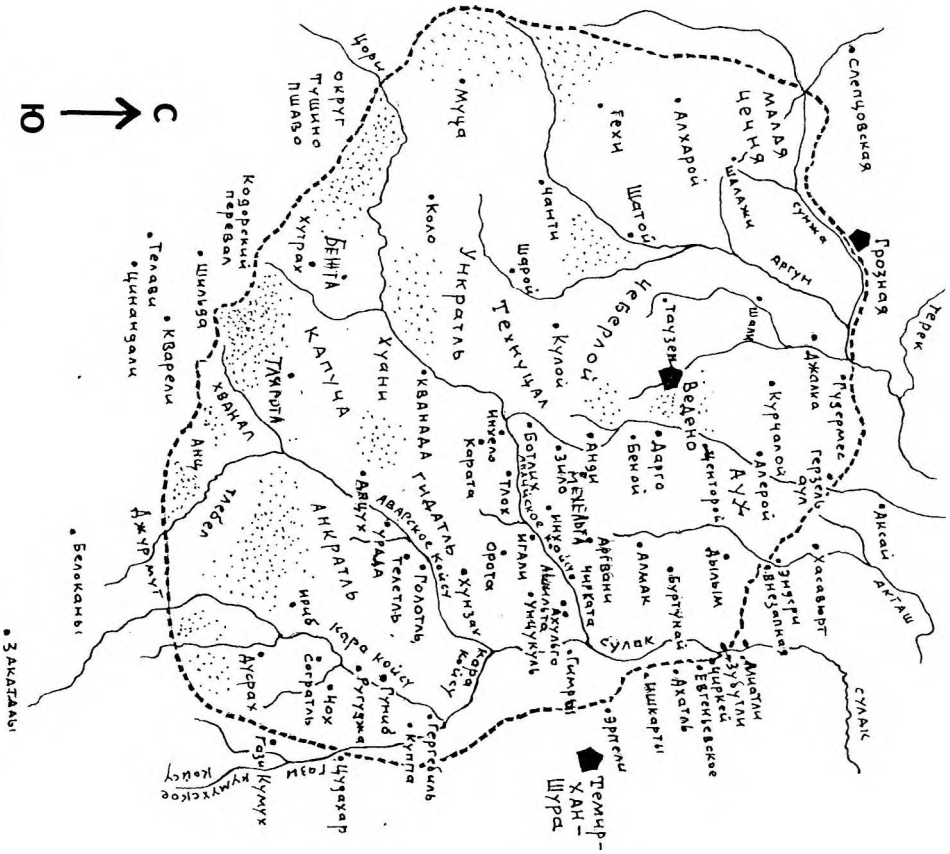


Знамя Хаджи-Мурата

Ф. Рубо. **Штурм Салта**

Ф. Рубо. **Бой на Кавказе**

Юнус из Чиркея



Территория Имамата

АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ УСТРОЙСТВО ИМАМАТА
в пору наивысшего расцвета (1841-1849 гг.)

В структуре между наибами и старшинами в селах, аулах, существовал и функционировал институт заместителей наибов (ма'зуны, дебиры).

Как правило в одно мудирство входило 4 наибства. В ряде случаев в зависимости от военно-политической обстановки в государстве Имамат количество наибств в составе мудирств могло быть большим или меньшим.

СТРУКТУРА ГОСУДАРСТВЕННОГО СОВЕТА ИМАМАТА

ЗАКОНОДАТЕЛЬНАЯ ВЛАСТЬ В ИМАМАТЕ

СУДЕБНАЯ ВЛАСТЬ В ИМАМАТЕ

Карта имамата принадлежащая Шамилю
Оригинал на арабском языке
(Дагестанский республиканский краеведческий музей)

СТРУКТУРА КОМАНДОВАНИЯ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ ИМАМАТА

ГЛАВА III

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА ИМАМАТА

I. Территория, границы расселения народов, вошедших в государство Имамат

Поднявшись на гребне нарастающей борьбы крестьянских масс, имам Шамиль и его сподвижники создали военно-административную систему, которая со временем изменила свое содержание, превратилась в военно-теократическое государство Имамат. В многовековой истории народов Северного Кавказа не было аналога, сходного с этим явлением. Это государство, объединявшее несколько северо-восточных кавказских народов, не имело резко очерченных границ.

Известно, что в годы наибольших успехов Имамат, по данным крупного историка дореволюционной России Р.А. Фадеева, «охватывал территорию около 900 верст или 961 км»[1]. В зависимости от успехов и неудач территория Имамата в разное время приобретала разные формы. Но в основном территория Имамата размещалась в следующих рамках. На севере границы государства Шамиля доходили до Северной Осетии. На юго-западе его границы проходили по территории, занимаемой Джаро-Белоканским союзом сельских общин. В Дагестане соседями Имамата были Кази-Кумухское ханство, Акуша-Дарго, Мехтула, Кайтаг, Табасаран, Кюре, шамхальство Тарковское.

В состав Имамата входила почти вся Чечня, по северной границе которой проходила, начиная с 1817 г., кордонная линия крепостей, укреплений, постов. Главными здесь были крепость Грозная и укрепление Герзель-аул. Далее, по радиусу Хасавюрта, укрепление Миатли, затем граница проходила по предгорьям Салатавского хребта: село Чиркей (укрепление Евгеньевское), крепость Бурная на горе Тарки-тау и крепость Темир-Хан-Шура (где был расположен штаб царских войск в Дагестане).

[1] *Фадеев Р.А.* Соч. Т. 1. С. 21.

По свидетельству самого главнокомандующего генерала Барятинского, русским войскам «было трудно переступать за существующую оборонительную линию, которая установилась здесь постепенно, которая проходила: Шура-Дженгутай-Охли-Кутиша-Хаджалмахи-Цудахар-Кумух-Чираг-Карах»[1]. Остальные границы Имамата проходили через труднодоступные территории Дагестана и Чечни вдоль Главного Кавказского хребта.

Не приходится сомневаться в том, что без определенной экономической, военно-политической и моральной поддержки жителей равнинного Дагестана вряд ли могло успешно развиваться государство Шамиля. Не секрет, какую важную роль в обыденной жизни горцев играла территория предгорной части Дагестана и особенно Чечни.

Именно с этой территории жители Имамата получали продукты питания и съестные припасы, известно также, что в период многолетней борьбы больше всех страдали жители предгорных районов Дагестана и Чечни. Они потеряли 1/3 своих жителей. Их села сжигались и уничтожались; сжигались также поля, сады и леса. Они первыми принимали удары на себя со стороны борющихся сил. Пышная растительность, плодородная почва отличают Чечню. В долинах и на плоскогорье превосходно растут все виды злаков. Виноградные лозы достигают необычайного роста и толщины. И поэтому неслучайно, что земледелием чеченцы занимались усердно. Ведущей отраслью являлось также скотоводство. В физико-географическом отношении Чечня довольно разнообразна. Более 80% территории занимает низменность, равнина (высотой до 300 метров) и предгорные массивы (высотой от 300 до 1200 метров). Остальная часть территории (около 20%) – средневысотные и высокогорные массивы. На севере Чечни территория охватывается Терско-Кумской низменностью, к югу от реки Терек протянулась Терско-Сунженская возвышенность, и вся южная часть расположена на северном склоне Большого Кавказского хребта, где четыре параллельных хребта пересечены во многих местах разветвленной системой горных рек. Самый северный из низких хребтов – Черные Горы. Вершины имеют округленные очертания, а склоны покрыты густым лесом. Особо следует сказать о лесных массивах Чечни.

[1] *Магомедов Р.М.* Даргинцы в дагестанском историческом процессе. Махачкала, 1999. Т. 1. С. 484.

В период, когда развертывалась Кавказская война, чеченская равнина вся была покрыта густыми лесами с дикими плодами, богатыми разнообразной дичью. Богатство чеченских лесов - бук и другие деревья, которые во все времена очень широко использовались в хозяйстве. В социальном отношении в Чечне имелось большое число союзов сельских общин, напоминающих «вольные» общества Дагестана. И вот Шамилю удалось «слить» воедино эти разнообразные общества и объединить их в единый союз с единой военной и гражданской системой.

На этой довольно пестрой в социально-экономическом отношении территории Дагестана и Чечни создано было довольно крупное по масштабам Северного Кавказа государство, которое в исторической литературе получило название Имамат. Следует также отметить, что с самого начала и до своего конца в государстве Шамиля объединялись в единое целое представители чуть ли не всех народов Северного Кавказа. И, что особенно важно подчеркнуть, все они были равны между собой. Имамат объединял более 3000 населенных пунктов (селений, аулов), более 90% из них активно участвовали в военных сражениях и походах.

В боевых действиях особенно отличились села Ашильта, Аргвани, Чиркей, Согратль, Салта, Карата, Чирката, Буртунай, Дылым, Гимры, Кенхи, Ириб, Годобери, Агвали, Аракани, Балахани, Орота, Тлох, Коло, Игали, Ругуджа, Гуниб, Гоцатль, Гергебиль, Телетль, Ансалта, Гигатль, Хварши, Тинди, Сиух, Харикало, Буцра, Могох, Гонода, Тлярош, Корода, Кудали, Харахи, Цельмес, Коло, Голотль, Цулда, Анцух, Бежта, Тлондода в Дагестане; Шали, Дарго, Центорой, Шубут, Ведено, Кешен-Аух, Гехи, Белготой, Беной, Зандак, Гендерген, Даттах, Симсир, Арсеной, Рошни-чу, Дачу-Барзой, Аллерой, Харсеной, Белты, Шалажи, Гой, Гойти, Саясан, Бамут, Харочой, Атаги, Дуба-юрт, Мескети, Ачхой-Мартан и другие в Чечне.

В период многолетней борьбы горцев Дагестана и Чечни под предводительством Шамиля в Имамат перебежало большое количество представителей самых различных национальностей Северного Кавказа, готовых с оружием в руках бороться против царского наступления. Можно сказать, что отличительной чертой Имамата был приток людей, представителей разных народов, и не только из разных мест Дагестана и Чечни, но и славян – русских, украинцев, поляков и др. Со временем в Имамате собралось значительное число беженцев, которых здесь называли мухаджирами[1]. И надо сказать, что предводители движения и в первую очередь сам имам с признательностью встречали мухаджиров. На территории Имамата им и их семьям создавались условия. На первых порах им помогали всем: выделяли продукты питания, устраивали им жилье, выделяли скот, обеспечивали оружием, необходимым инвентарем. Окружали их заботой и вниманием. Со временем руководство Имамата им стало выделять земли для строительства домов вблизи определенных селений, им организовывали целые селения.

Особенно много мухаджиров жило в столице Имамата Дарго-Ведено, проживали они в древних аулах и вновь основанных селениях. Значительное число мухаджиров проживало в селениях Согратль, Чох, Игали, Салта Ашильта, Чирката, Тинди, Карата, Балахани, Хварши, Могох, Дылым, Ирганай, Алмак, Тануси, Гоцатль, Харахи, Корода, Орота, Аргвани, Телетль и других селах Дагестана; Дарго-Ведено, Беной, Белготой, Хатуни, Тевзани, Ножай-юрт, Гехи, Урус-Мартан, Зандак, Шатой, Элистанжи, Эрсеной, Дуба-юрт, Гушкерт, Гендерген, Саясан и других селах в Чечне.

Мухаджирами были основаны такие населенные пункты, как Ириб, Улиб, Цуриб. Современник свидетельствует, что большинство из них жило в крепости Ириб у Даниял-Султана Илисуйского и в крепости Улиб (известной под названием крепость Гергебиля), в селениях Согратль и вышеупомянутых Чохе, Цурибе, общества Карах. Что же касается специальных селений, построенных для них, – это селения на поляне Цуриба и в лесу Бец-ора (БецIгIора), на участке близ селения Мушули и выше селения Игали[2].

---

[1] «Мухаджир» – «эмигрант», «переселенец», от причастия действительного залога арабского глагола III породы «хаджара» - «эмигрировать», «переселяться». Хотя термин «мухаджиры» применялся по отношению к тем мусульманам, которые эмигрировали с пророком Мухаммадом из Мекки в Медину, но термин «мухаджиры» получали и переселенцы из «мирных» селений в Имамат Шамиля, и эмигранты из Дагестана в Османскую империю после пленения Шамиля. Потомки эмигрантов из Дагестана и всего Северного Кавказа, проживающие на бывших территориях Османской империи, также называют себя мухаджирами. Особенно этот термин утвердился в советском и современном кавказоведении после выхода в свет монографии *Г.А. Дзидзария* «Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия». Сухуми: Издательство «Алашара», 1982 г., хотя следует отметить, что Г. Дзидзария перевел это слово с французского как «махаджирство», правильно – «мухаджирство».

[2] *Абдурахман из Гази-Кумуха.* Книга воспоминаний. Махачкала, 1997. С. 96.

Однако мухаджиры оседали в Имамате и в последующее время. Как писал современник тех событий, мухаджиры в Имамат прибывали из Ахтов, Казикумуха, Закатала, Эндирея, Аксая, Казанищ, Костека, Ногая, Кабарды, Куры, Шеки, Ширвана, Губдена, союзов Акуша-Дарго, Таргу (Тарки) и других мест[1].

Так, в 1846 г. чуть ли не все жители селения Куппа, входившего в состав крупного Цудахарского союза, перешли на территорию Имамата. Шамиль поселил их в аварских селениях Гитикета и Салалда в нынешнем Цунтинском районе, расположенных в верховьях реки Андийское Койсу на границе с нынешним Цумадинским районом (впоследствии многие из них переселились оттуда в селение Аксай и в чеченские села Дарго, Ведено, Хатуни и Тевзани (Таузень).

Говоря об успехах имама, невозможно не отметить положительное влияние, которое оказывали с самого начала на Имамат ближние и дальние народы Кавказа. В вооруженном выступлении первому имаму оказывали значительную помощь кумыки и другие жители плоскостных районов, и не только северных, но и каракайтагцы[2]. «Джаро-белоканцы, – писал генерал Стрекалов, – совершенно отложились, а когда туда прибыл Гамзат-бек, присоединились к нему»[3]. Даже подвластные России владения Шамхальское, Мехтулинское, Табасаранское и Сургинский союз сельских общин имели тайные сношения с повстанцами. О поддержке восставших под флагом мюридизма горцев свидетельствуют генерал Граббе[4], Мухаммед-Тахир ал-Карахи и др.

Восстание, начавшееся в Гумбете и Анди, говорится в источнике, распространилось в Аварии, Андалале и других обществах, разлилось в Кази-Кумухском и Кюринском ханствах, Акуша, Кайтаге, Табасаране и даже в самурских сельских обществах[5]. «Когда в Дагестане и в Чечне, – писал Н.А. Волконский, – зашевелилось против нас мусульманское население, сношения кабардинцев с чеченцами сделались постоянными и многочисленными, возмущенные, с одной стороны, своими беглыми соплеменниками, а с другой - соседями чеченцами, кабардинцы все чаще стали делить с последними их разбойничьи похождения»[6].

В 1840 г. командующий на Кавказе генерал Головин в своем

[1] Там же.
[2] АКАК. Тифлис, Т.14 Т. IX. С. 10
[3] РГВИА. Ф. ВУА. Ч. 1. Д. 6237. Л. 34-35.
[4] Там же. Д. 6462. Л. 2.
[5] Хроника. С. 44.
[6] РГВИА. Ф. ВУА. Д. 6238. Л. 13.

очередном донесении подчеркивал, что «предводители мятежных шаек в Чечне не перестают распространять свое влияние на покорные нам *(самодержавию. – Ю. Д.)* племена, и некоторые из них стали предаваться Шамилю»[1]. Аналогичные сведения содержатся в рапорте начальника левого фланга Кавказской линии. «Мятеж, – писал он, – распространился между племенами, владикавказскому коменданту подвластными»[2].

Говоря о ситуации в центре Северного Кавказа, генерал Головин откровенно писал: «заметны начавшиеся волнения. Если бы возмутитель *(Шамиль. – Ю.Д.)* явился со своими полчищами на военно-грузинской дороге, то не только не встретил бы сопротивление кабардинцев, но, вероятно, большая часть из них присоединилась бы к нему»[3]. Хорошо известный с делами на Северном Кавказе военный министр страны Чернышев вынужден был в 1841 г. признать, что «общее восстание горских народов от Черного моря до берегов Каспийского продолжается и поныне»[4]. Движение горцев Дагестана и Чечни под предводительством Шамиля, по свидетельству многочисленных документальных материалов, имело сильное влияние и на народы Закавказья.

В период всеобщего восстания горцев Дагестана и Чечни ближайшие народы Грузии поднялись на открытую войну. Именно в это время грузино-имеретинский губернатор с тревогой писал: «Покоренные нами кистинцы все предались Шамилю»[5]. Сочувственно к восставшим горцам относилась значительная часть грузинского народа и особенно расположенные по соседству с Дагестаном и Чечено-Ингушетией. «Грузины, – сообщал обозреватель Г. Мочульский, – кроме торговых операций, отдавали горцам в аренду пастбища, нанимали их на сельскохозяйственные работы. По сим частным выгодам они всеми мерами старались ограждать неприятелей *(горцев. – Ю. Д.)* от преследования и тем затрудняли распространение русского влияния в горах[6]. Однако опасность, нависшая над Восточной Грузией, была более реальная. И неслучайно, хорошо знакомый с кавказскими делами, генерал Головин в письме к князю Бутову с тревогой и не без основания отмечал: «Лишь

[1] *Волконский Н.* Война на Восточном Кавказе с 1824 по 1834 г. в связи с мюридизмом // КС. Тифлис. 1886. Т. X. С. 145.
[2] РГВИА. Ф. ВУА. Д. 6388. Л. 128-127.
[3] Там же. Д. 6402. Л. 13-16.
[4] Там же. Д. 6399. Оп. 1. Д. 6418. Л. 1.
[5] ЦГИА РГ. Ф. 2. Оп.1. Д. 6418. Л. 1.
[6] РГВИА. Ф. ВУА. Д. 6528. Ч. I. Л. 70.

бы Шамиль не вторгся в Кахетию; его проводником будет Элисуйский изменник *(Даниял-Султан. – Ю.Д.)*. А там наделать суматохи возможно»[1]. Особенно беспокоились царские генералы за соседний с Дагестаном Азербайджан. Здесь, как отмечалось выше, обитали жители аварского Джаро-Белоканского союза сельских общин, цахуры и лезгины, а также чеченцы-кистинцы, бацбийцы и др. Да и сами азербайджанцы не были лояльны к существующему порядку вещей, поэтому кавказское командование с тревогой смотрело на них[2]. В 1844 г., как уже отмечалось, Элисуйский Даниял-Султан восстал и перешел на сторону Шамиля[3].

Азербайджанцы, как известно, не выступали с оружием в руках на стороне Шамиля, но это не значит, что они оставались сторонними наблюдателями. Имеющиеся в нашем распоряжении конкретно-исторические материалы не оставляют никакого сомнения в том, что они относились к борьбе горцев сочувственно и при малейшей возможности оказывали помощь. Этим, пожалуй, и объяснялось, что «всякая весть о военных наших *(царских войск. – Ю. Д.)* неудачах, по свидетельству полковника Викторова, мусульманами принимается с приметным удовольствием»[4]. А вообще, по признанию самого генерала Ермолова, «горские народы примером независимости своей в самих подданных русского императора порождают дух мятежный и любовь к независимости»[5]. Из сказанного явствует, что, наряду с аварцами и родственными им андоцезскими народами и чеченцами, в борьбе горцев Дагестана и Чечни в 20-50-е гг. посильное участие принимали и все народы Дагестана[6].

Нет надобности специально доказывать, что основной движущей силой многолетней борьбы под предводительством Шамиля были широкие народные массы региона. Эта проблема основательно и обстоятельно изучена отечественными кавказоведами. И поэтому мы ограничимся следующими самыми необходимыми замечаниями

Если бы в этом движении решающую роль играли не широкие народные массы, пользовавшиеся материальной и духовной поддержкой почти всех народов, а лишь только мусульманское духовенство и феодалы, то вряд ли ожесточенная борьба с сильнейшей армией мира могла бы продержаться столь продолжительное время.

Кстати сказать, на это обстоятельство указывали офицеры Кавказской армии. «Во всем Нагорном Дагестане, – утверждал генерал Фези, – существует две партии, из коих одна желает иметь с нами сношения и найти через нас защиту от ига мюридов; другая партия, более сильная, одерживает над первой верх и по наущению Шамиля действует против намерений людей, готовых покориться»[1]. Такого же мнения придерживался главнокомандующий Кавказским корпусом генерал Головин. В «деревнях Кубинских магалов *(Южный Дагестан. – Ю.Д.)*, - писал он, - жители разделены на две партии: одна, из людей зажиточных и благоразумных, составляет партию, преданную нашему правительству, а другая из черни и молодых людей, желающих сопротивляться нашим войскам»[2].

Не лишены интереса и показания капитана генерального штаба Вранкена о причинах участия народных масс в движении горцев первой половины XIX в. «Бедные люди, – писал он, – не имеющие в своей деревне никакого голоса и даже пропитания, приобретают через покровительство его *(Шамиля. — Ю. Д.)* некоторый вес в народе. За то они, в свою очередь, стараются поддержать Шамиля и служат ему в военное время оружием, а в мирное время следят за поведением сограждан, так что теперь в каждом из подвластных Шамилю селений образовались две партии, одна состо-

---

[1] Там же.

[2] Русская старина. 1872. Т. V. С. 438.

[3] *Иваненко А.* Гражданское управление Закавказьем. Тифлис, 1901. С. 228-230.

[4] РГВИА. Ф. ВУА. Д. 6551. Л. 5.

[5] Там же. Д. 6209. Л. 15-16.

[6] *Алиев Б.Г., Умаханов М.С.* К. Участие даргинцев в народно-освободительном движении горцев Дагестана и Чечни 20-50 гг. XIX в. // Народно-освободительное движение горцев Дагестана и Чечни в 20-50 гг. XIX в. Махачкала, 1994. С. 222-227.; *Маршаев Р.Г.* Лакцы в народно-освободительном движении горцев в 20-50 гг. XIX в.// Там же. С. 229-232; *Мусаев Г. М.-С.* Участие рутульцев в Кавказской войне // Там же. С. 233-235; *Ибрагимов Г.Х.* Участие цахурцев в Кавказской войне // Там же. С. 235-236; *Хашигулгов Б.М.* Ингушетия в период борьбы северокавказских горцев против насаждения российской административной системы //Там же. С. 237-238; *Кидирниязов Д.С.* Отношение ногайцев к народно-освободительному движению //Там же. С. 238-240; *Гасанов М.Р.* К вопросу о влиянии движения горцев Дагестана и Чечни в 20-30 гг. XIX в. на борьбу народов Закавказья (Азербайджан, Грузия) //Там же. С. 240-243; *Оразаев Г. М-Р.* Историческая литература кумыков о событиях и деятелях периода Кавказской войны //Там же. С. 258-260; *Исмаилов М.С.* Движение горцев под руководством Шамиля и польской эмиграции //Там же. С. 249-251 и др.

[1] РГВИА Ф. ВУА. Д. 6325. Л. 292.

[2] НОБДЧ. М. 2005 г. С.176-177.

ящая из бедных или молодых людей, для которых новое учение есть средство к обогащению, возвышению, и другая – из людей зажиточных»[1].

Нехотя признавая народный характер движения, вышеупомянутый обозреватель Г. Мочульский писал: «Шамиль является уже не как начальник разбойной шайки, а как предводитель значительных сил, имея обширные народные связи»[2].

Поддерживала движение и значительная часть местного мусульманского духовенства, и особенно выходцы из простых сословий общества.

Что же касается феодалов, за исключением небольшой части, перешедших на сторону повстанцев представителей владетельного дома казикумухского и ряда других, то они, в основном, выступали против движения и его предводителя Шамиля.

Аварские нуцалы, тарковские шамхалы, мехтулинские и казикумухские ханы, табасаранские майсумы, акушинские кадии (во всяком случае, часть из них) и другие владетельные люди Дагестана были ярыми противниками восставших горцев и со своими отрядами принимали самое активное участие в борьбе против Шамиля и его последователей.

Приведенная здесь лишь небольшая часть неопровержимых фактов убедительно показывает, что борьба горцев Дагестана и Чечни, хотя и была довольно сложным и своеобразным движением, велась преимущественно народными массами, которые и несли на себе все тяготы многолетней и жестокой борьбы.

II. Вольные общества аварцев и чеченцев – ведущие социально-экономические и политические силы государства Имамат

Вольные общества – это особые политические образования в Нагорном Дагестане, изучению которых посвящен большой объем работ отечественных и зарубежных исследователей. Интерес вызывают многие аспекты: их уровень общественно-политического развития дагестанского общества, конкретная история и этнография отдельных обществ и союзов, время их возникновения и социально-политический строй.

Современные исследователи задаются вопросом о причинах

[1] Там же. Д. 6325. Л. 292.

[2] Там же. Д: 6528. Ч. 1. Л. 17-18.

возникновения государственного образования Имамат и столь прочной его структуры. Они справедливо указывают на политический характер движения горцев – демократизм и антифеодальная направленность и на идеологический фактор, каковыми, безусловно, были мюридизм и стремление к независимости. В добавление к этим фундаментальным положениям можно указать на фактор, возможно более мощный – социальную и политическую организацию горских обществ. Прочность государства действительно основывалась на союзах джамаатов, известных в литературе как «вольные» общества.

В старой русской литературе и административной номенклатуре джамааты назывались сельскими обществами. Союзы таких сельских обществ, основанных на так называемом в исторической литературе «внутреннем праве», до 40-х гг. XIX в. именовались *республиками* или *федеративными республиками*. Тем самым подчеркивался равноправный характер входящих в союз сельских джамаатов. Со временем, после поражения декабризма и начала николаевской реакции[1], эти названия видоизменились как «вольные общества», а в наше время - как «союзы сельских общин». Однако историки, когда речь идет о XVII - XVIII вв., все чаще возвращаются к понятию «республика» как термину, соответствующему и объясняющему природу таких союзных образований.

Некоторые из общин, не вступив в союз с другими на основе внутреннего права, составляли отдельные микрополитические образования, имеющие юридическую связь с другими союзами на основе договоров, т.е. на внешнем праве.

В этой связи следует кратко рассмотреть структуру «вольных обществ», основу которых составляли известные «сельские общества» или джамааты. Джамааты представляли собой высшую, т.е. *гражданскую форму общины*[2]. Эта форма, как устанавливают

[1] *Агларов М.А.* Русская историография периода декабризма об общественном строе народов Кавказа // Краткое содержание доклада среднеазиатско-кавказских чтений. Л., 1985. С. 37-38.

[2] Гражданская община как универсальная форма социальной и политической организации горских обществ в Дагестане до формирования Имамата и последующий кризис этой формы обоснованно доказывается в работах *Агларова М.А.* См.: *Агларов М.А.* Общественный строй народов Дагестана // РФ ИИАЭ. Ф. 3. Оп. 3. Д. №208. Л. 34-36; Он же. Les Avars du Caucase, quelques aspects de leur histoire ethnique et politique // «Les Questions fondamentales du penplement du bassin des Carpates du VIIIe au Xe siecle» Conference internationel 1971 a Szeged-Budapest, 1972. – p.p. 151-152; *Он же.* Сельская община в Нагорном Дагестане в XVII- XIX вв. М., 1988. С. 207, 208-209 и др.; *Он же:* Авары. Ранние формы самоуправления // Возрождение. Махачкала, 1995. № 2. С. 16.

исследователи союзов сельских общин, имели четыре базовых элемента (наиболее академичными работами по сельским общинам мы считаем труды М.А. Агларова и Б.Г. Алиева).

Базой этих общин (их союзов, суперсоюзов и т.д.) послужила полная в юридическом смысле собственность джамаата на окрестную территорию[1]. Например, джамаат Куяда состоял из 60 хуторов; джамаат Анцросо («десять селений») – из 10 поселений, что и отразилось в его названии. Позиция частного собственника своей земли и совладельца территории джамаата превращала члена общины в полноправного гражданина, а саму общину - джамаат – автоматически в самоуправляемую систему гражданского уровня [2].

Плотно заселенные джамааты по размеру и устройству были похожи на средневековые города (людность, крепостная стена, входные ворота, деление на кварталы и т.д.). Каждый джамаат в Дагестане разделялся на несколько (от 3 до 10-12) социумов или коллективы фамильного типа, строго ведущих счет только по отцовской линии [3].

В некоторых случаях тухум занимали отдельные кварталы, но в большинстве тухумы заселяли аулы смешанно. Помимо родственников в тухумы включались и посторонние по специальным решениям джамаатов. Сами тухумы также делились на меньшие социумы или фамилии, что также служило для внутренней внутриобщинной регуляции хозяйственной, общественной и политической[4] жизни. Родственные деления перекрещивались с квартальным делением, что уравновешивал электорат джамаата. Тухумы были отнюдь не равны между собой. «Тухумы считаются равными, но среды них одни признаются «лучшими», другие «худшими» (по родовым преданиям, численности и т.д.)» [5].

---

[1] Структурную схему джамаата я даю по *М.А. Агларову*. По признанию отечественных и зарубежных авторов «наилучшим исследованием сельской общины горцев Дагестана» является цитируемый труд *Агларова М.А.* «Сельская община...» /*Moshe Gammer.* Elements of Democracy in Dagestan on the Eve of the Russia Conquest // Democracy and Pluralism in, Muslim Eurasia. London- New York. P. 37.

[2] *Агларов М.А.* Сельская община в Нагорном Дагестане в XVII- XIX вв. М., 1988. С. 208.

[3] *Константинов И.О.* Джаро-белоканцы до XIX столетия // Кавказ. 1846. № 2. С. 8

[4] См. *Агларов М.А.* Этногенез в свете политантропологии этнонимии в Дагестане. Махачкала, 1998. С. 74-77.

[5] *Гордлевский В.А.* Дагестанлы Сейид Ахмед // Избранные сочинения. М., 1962. Т. III. С. 137.

Совершенно очевидно юридическое равенство, фиксированное здесь. Для понимания общественной структуры и ее устойчивости важно именно юридическое равноправие тухумов в общине и каждого отдельного члена в тухуме, как и в общине. Лица, не имевшие равных прав, – это сословие лагов (за них отвечали их хозяева), а также пришлое население в поисках работы и проживания; апараги и арендаторы оставались вне закона («в число жителей не должен быть включен пришлый, на него не должно распространяться ни добро ни зло, если даже чужой придет с быком и лошадью для жителей селения»[1]). В Имамате все они были уравнены не только в правах в общине. Они, как и все уздени, стали гражданами государства. Это было, по общему признанию, самое выдающееся деяние Шамиля, имевшее основополагающее значение для укрепления его государства.

Верховным законодательным органом было Народное Собрание, которое созывалось ежегодно для выборов и в чрезвычайно наиболее важных случаях. На собрания джамаата допускались все полноправные члены общины, каковой считалась только мужская часть населения, откуда исключались пришельцы, гости, зависимые и другие. Они могли только присутствовать на них. На собрание полагалось являться без оружия, вели собрание авторитетные из старейшин. Решение принимали большинством голосов. Принятые адаты или иные решения записывались, но не всегда. Голосовали открыто поднятием указательного пальца правой руки. В некоторых местах несогласные просто уходили с собрания. На собрании ценили красноречие, ясность, четкость и убедительность речи, иначе оратору не удавалось совладать аудиторией. Поэтому те или иные предложения, подготовленные заранее, для публичного выступления поручали известным лицам.

Народное собрание должно было утверждать заранее решенные дела на совете старейшин и собраниях представителей тухумов и старшин. В преамбуле гидатлинских адатов сказано: «старейшины Гидатлинского общества согласились ради торжества справедливости принять следующее...»[2].

Собрания отличались дисциплиной; ведущий собрание всегда мог остановить дебаты и руководить ходом обсуждения. Дис-

---

[1] Адаты селения Урада // Рук. фонд ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф.5. Оп.1. Д. 57. Л. 3.

[2] Гидатлинские адаты. Махачкала, 1957. С. 15.

циплина на собраниях была замечена еще Н. Вороновым, который неоднократно наблюдал эти собрания и заключил, что «эта дисциплина есть плод стародавности дагестанского склада жизни»[1].

Народное Собрание, как высший законодательный орган, играл свою роль до окончательного присоединения Дагестана к России, и во второй половине XIX в. их роль низводится до совещательной сходки, вся власть переходит в руки назначаемых властью старшин. Народные Собрания были местом творения адатного права и формирования публичной власти в общине. В Имамате они были ликвидированы.

Совет старейшин. Совет старейшин в аварских обществах являлся представительным органом Народного Собрания и действовал от имени Народного Собрания. Совет старейшин формировался из определенного круга представителей мужчин со всех тухумов и их подразделений. В аварских селениях они назывались *джамаатчи*, а сам орган назывался *джамаат*, т.е. так же, как называлось и сельское общество, которое они представляли[2].

Никто из джамаатчи не мог быть моложе 40-50 лет. В этом возрасте отдельные лица с каждого тухума или его подразделений призывались в круг старейшин. Выход из круга осуществлялся формальным самоотречением (неявка на место заседания). Обычные мотивы выхода из совета: достижение слишком преклонного возраста или снижение по старости умственных возможностей, здоровье, религиозное отречение от мирских дел, наличие в составе старейшин близких, более подходящих родственников. Но этот «самоотсев» был еще направляем. Не допускались в число членов старейшин люди зависимого сословия до уравнения последних в правах (XIX в.); люди, опороченные каким-либо личным поступком или неадекватной реакцией на поступки в поведенческом плане; обструкционисты, малокоммуникабельные и неспособные к общественной деятельности в силу умственной отсталости или иной, чем принято в обществе, ценностной ориентации; чужаки (не граждане данной общины). Отбор этих лиц происходил естественно: внутри состава старейшин царила такая атмосфера, что любой, кто не соответствовал ей, самоустранялся от состава, случалось и так, что им указывали на свое место, т.е. на дверь.

Таким образом, число старейшин было совершенно неопределено и целиком имело представительный характер. Этот представительный совет или нечто вроде сената на один год назначал группу правителей *чухби* (у аварцев) и судей *диван* – два независимых друг от друга органа. Самостоятельно выдвигался предводитель, ведающий военными делами. Это были основные «ведомства». Совет же назначал и казначея. Совет старейшин имел практически все верховные полномочия и заменял собой народное собрание, которое созывалось для решения особо важных дел.

Безусловно, что Совет старейшин вырос из древних потестарных форм, известных в общей этнографии как геронтократия (например, сенат в античной гражданской общине)[1].

Суд. Второй ветвью верховной власти был суд. Суд творили представители из состава правителей и джамаата, которые составляли *диван* – орган суда. Например, в обществах, входящих в политическое образование, с большей централизацией власти, например, Джаро-Белоканское и Салатавское союзы обществ, сельских судей назначали старейшины всего политического образования. Старейшины всего союза назначали сельских судей на один год, подвергали намеченных на должность сельских судей присяге.

Сохранился замечательный текст присяги, записанный в кодекс. Там говорится, что суды обязательно будут взыскивать штрафы с тех людей, которые провинились, что не будут подвергать штрафу невиновных, не отступят от написанного на этой бумаге закона. Если кто из сельских судей не захочет дать присяги, то его из списка следует вычеркнуть и взыскать с него одну овцу, а на его место назначить другого. Если остальные члены сельского суда допустят в свою среду человека, не давшего присягу, то с них надлежит взыскать одну овцу. Приведение судей, как и правителей, к присяге – примечательный порядок, свидетельство об исключительном значении, которое придавалось судопроизводству[2].

Каждый джамаат, каждый союз джамаатов или союз союзов имел своего кадия, которого выбирали на народном собрании. Их выбирали как судей по шариату в некоторых местах, в Андалальском вольном обществе, например, из одного и того же села и даже тухума; в Акушах кадий уже несколько веков стоял во главе всего союза Акуша-Дарго не только как духовный, но и светский правитель. Политическое образование здесь модифицировалось как те-

[1] *Воронов Н.* Из путешествия по Дагестану // ССКГ. Тифлис, 1870. Вып. III. С. 20.

[2] *Агларов М.А.* Указ. соч.

[1] См.: Там же.

[2] См.: Там же.

ократическое государство. Однако усиление кадиев было неповсеместно. Кадии в основном ограничивали свои функции шариатским судом. В отдельных аулах эту роль на себя брали мечетские муллы, о чем свидетельствует ряд записей в адатах. Пластичная взаимодополняемость (взаимопревращаемость) органов правления и суда, хотя и четко разграниченных в функциях, – одна из характерных черт упрощенных форм правления, свойственных самоуправляемым общинам с раздельной собственностью его членов.

Исполнительная власть. Следующий постоянно действующий, но уже исполнительный орган – это правитель, который избирается народными собраниями или назначается Советом старейшин.

Управление общиной, как и вольными обществами, осуществлялось выборными на год правителями, называемых в Аварии *росдал бетIер*, *чIухIби*, у даргинцев: акушинцев, урахинцев – *шилахалати*, цудахарцев – *хулалтэ*, мугинцев -*катанти*, кайтагцев - табасаранцев и джаробелоканцев - *кевхи,* городские правители Дербента *раисы*, у андийцев – *гьилатаб*, *хан*, у багулальцев – *адилал*[1] и т.д.

В джамаатах Салатавского союза, согласно источнику, выбранный старейшина оставался в этой должности, пока пожелает сам или общество само заменит его другим, если он окажется неспособным, исключая Чиркея и Чирюрта, в которых старшины избирались ежегодно по одному из каждого тухума и приводились к клятве на Коране в том, что они беспристрастно будут исполнять свои обязанности. И, хотя большая часть их оставалась в этой обязанности в продолжение нескольких лет подряд, но не иначе как по ежегодным выборам общества.

В Чохе, было шесть приводимых к присяге и переизбираемых ежегодно правителя, соответственно шести кварталам аула. Чохцы в 1810 г. писали в Тифлис к генералу Тормасову следующее: «...этот Муххамед-кази, который прибудет к вашему двору с намерением оказывать вам услуги, есть один из шести наших почетных старшин»[2]. Численный состав *чIухIби* определялся, однако, не только количеством кварталов; сюда могли войти и по одному представителю от тухума.

Обилие заимствованных тюркских и семитских терминов не

[1] См.: *Агларов М.А.* Указ. соч.

[2] Там же.

означает, что заимствована сама политическая культура, которая на Восточном Кавказе и в Дагестане имела свою социо-политическую базу, как гражданская община и «византийская форма» феодализма. Вместе с тем, обилие тюркско-хазарских обозначений должностей является свидетельством о близких контактах между народами и влияния степного мира на горы.

Мангуш. Весьма интересной фигурой в политической культуре народов Дагестана являлся мангуш – глашатай, вестник (тюрк.). Мангуш объявлял решения правителей и Совета старейшин народу, предупреждал наступление сроков сельхозработ и обязанностей сельчан в этой связи, созывал народные собрания и старейшин и т.д. Относительно Кайтагского уцмийства в источнике говорится, что Башлы и Кубачи (наиболее автономные общины городского типа) «имели у себя особых мангушей, обязанностью мангушей было созывать народ на общественные места, взыскивать штрафы и исполнять приказания старшин; в случае надобности они объезжали по деревням магала и объявляли народу, чтобы он собрался в такой-то день и на такое-то место»[1]. Мангуш распоряжался исполнителями. Мангушу люди в первую очередь выказывали свое отношение к тому или иному решению, он больше всего был информирован об общественном мнении, которое высказывал правителям и старейшинам. Эта посредническая роль и большая связь с народом делали мангуша заметной фигурой в дагестанском обществе.

Посредническая роль мангуша между народом и властью видна в описании Акушинского союза вольных обществ: «мангуш, – говорится здесь, – выбирался так же, как кадий или карты» (исполнители назначались Советом старейшин), что уже ставит его в ранг избранника и обеспечивает неприкосновенность как таковому». О нем говорится: «...в Акуше был один мангуш, он один имел право передавать все распоряжения картов и кадия народу, а также если карты задумывали что-нибудь новое или решали важный вопрос и хотели знать мнение народа на их решение или же отмену такового. При взыскивании с кого-нибудь большого штрафа вместе с несколькими исполнителями посылался непременно мангуш (соблюдение законности правила взимания штрафов, недопущение насилия и т.д.)»[2].

[1] *Агларов М.А.* Указ. соч. ПОПД. С.14.

[2] Там же С.15

Исполнители. Исполнители именовались: *гIел, тулгуки, чилъми, барлусес, доргъахъол, чауш*[1] (русские источники называют их полицаями, есаулами, инспекторами, исполнителями, рассыльными и т.д.).

Исполнители, имея лишь ограниченную актовую функцию, были единственным специализированным органом такого более могущественного «аппарата», как общественное мнение, изгнание и объявление человека вне закона. Вся, так сказать, черная работа осуществлялась исполнителями. Количество исполнителей в различных джамаатах и обществах было различно и соответствовало народонаселению и традиции. В распоряжении Джаро-Белоканских старшин было 60 конных есаулов, т. е. исполнителей.

Исполнителям, как и всем другим представителям власти, был обеспечен иммунитет, но в известных пределах. Исполнители, например, не были ограждены, как старшины и мангуши, от ишкиля[2].

Органы власти в вольных обществах. Управление союзом обществ особо не отличалось от общинной. Политическим центром союза джамаатов чаще всего становилось наиболее крупное село, которое в устной и старой письменной традиции именовалось городом (Ахты, Анди, Тинди, Унцукуль и др.) и имело право на большее количество мест на выборном совете. Местом постоянного функционирования администрации был аул, но для выборов или

[1] Там же.

[2] *Ишкиль* как элемент обычного права был широко распространён в Дагестане во все времена. Адаты часто менялись с течением времени или упразднялись вовсе, но ишкиль оставался неизменным явлением. «Без всякого суда кредитор захватывал имущество односельчанина-должника, заставляя тем самым его родных возвратить долги, в противном случае имущество могло не возвращаться. Нередко в аулах Дагестана ишкиль был причиной убийств, споров и кровопролитных столкновений. Исполнители получали вознаграждение от штрафов, ими взимаемых, но в твердом порядке, присвоение штрафного имущества, как исполнителями, так и старшинами преследовалось: «если старейшины присвоили штрафное имущество, то с каждого, кто присвоил, взыскивается штраф в размере одной овцы», - говорится в своде законов. Ишкиль - обычай, по которому кредитор имел право задержать любого человека из местности, откуда происходил должник, и наложить арест на его имущество до тех пор, пока не добьётся уплаты долга от должника или общества, к которому принадлежит должник XVII-XIX вв. // Памятники обычного права Дагестана / Сост. предисл. и примеч. *Х.-М.О. Хашаева*. М., 1965. С. 277.

для решения важных дел представители от джамаатов съезжались на традиционное нейтральное место съезда. Например, местом съезда делегатов (100 чел.) от Салатавского союза была поляна *Миккиласулицц, Шумала* – для андийских джамаатов, *Анада-майдан* – для андаляльцев, *Бухната* – для гоцатлинцев и т.д.

В некоторых из союзов более видную роль играл кадий, должность выборная, но с тенденцией к наследственному правлению. Акуша-Дарго и Верхний Табасаран – единственный в Дагестане тип политического правления, где кадий одновременно имел светские и духовные полномочия. В Аварии же кадий имел прямое назначение шариатского судьи.

Следующей ступенью политических образований, основанных на «внутреннем праве», являлись союзы союзов, или, как иногда их называют, «суперсоюзы», одним из которых было Акуша-Дарго, куда входили как собственно Акушинский, так и Мекегинский, Цудахарский, Мугинский и Усишинский союзы.

Причем управление вольными обществами в Джаро-Белоканах, например, приняло наследственный характер, что дало возможность отдельным исследователям, в том числе таким известным, как И.П. Петрушевский, называть эти союзы обществ Джаро-Белоканскими аристократическими республиками. При этом И.П. Петрушевский показал картину нарушения принципов федерации внутри вольных обществ, где отдельные из них (Джарское) выдвигались на первое место, и их союзы обретали конфедеративный характер, отношения между шестью джамаатами поддерживались созывавшимся иногда собранием старейшин разных союзов сельских обществ.

В собрании принимали участие главные *кевхи* вольных обществ, кадии и старшины тухумов, обсуждавшие дела всех обществ, преимущественно вопросы сношений, а также споры, тяжбы между тухумами, входившими в состав разных обществ, или членами разных джамаатов. Формально в этих собраниях можно видеть совет федерации, своего рода союзный сейм, однако равноправие Джаро-Белоканской федерации было нарушено усилением джарского общества. В период своего могущества и позднее в 30-х гг. XIX в. Джар стал господствующим, навязывал свою волю другим союзам, Белокану, Илисуйскому султанству.

При этом соблюдались только внешние формы равноправного союза. В самих Джарах правила аристократия. В Дидо управление также было концентрировано в союзе общин, нежели конкретно в общинах, последние управлялись более от органов

союза общин. В центральной Аварии, где господствовал урбанизированный тип поселения, управление вольным обществом выглядело простым, «механическим» сведением конкретных джамаатских управлений к решению военно-политических вопросов, решаемых на этом уровне общего характера, нежели в общинах первого типа, которые соответствовали так называемым «тухумным» поселениям.

Правовой строй вольных обществ выразился в составлении кодексов для каждого джамаата отдельно, для союзов джамаатов отдельно и для федераций и конфедераций отдельно, при этом не дублировали в кодексах союзов постановления входивших сюда отдельных джамаатов. Кодексы союзов составлялись из общих и обязательных для всех входящих в союз сел адатов. В преамбуле свода решений Андалальского союза сказано: «Здесь приводятся соглашения, состоящиеся между жителями всех селений Андалялского округа *(союза - Ю.Д.)*, договорившихся между собой с помощью Аллаха на единство и справедливость»[1]. Что же касается входящих в Андалаль сел, кратко заявлено: «Каждое селение будет руководствоваться своими адатами»[2].

Юрисдикция каждого кодекса распространялась на территорию, оговоренную в преамбулах. Там, где сложились федерации и конфедерации, т.е. союзы союзов как в Акуша-Дарго, правовой строй, как и административный, имел, как подчеркивает М. Агларов, «трехступенчатую» структуру. Правовой строй, таким образом, точно повторял административный строй.

Обрисованная здесь гражданская природа союзов сельских общин являлась их силой и основой их устойчивости, выдержавшей испытание сорокалетней Кавказской войной. Слабой стороной был их сепаратизм, стремление к партикулярности, чем резонно воспользовались стратеги завоевания Кавказа. Им удалась отколоть, не говоря о других политических образованиях Дагестана, известное и крупное политическое образование Акуша-Дарго. Объединение вольных обществ в единое государство было возможно только на основе правовой и политической унификации нового государства, каковым оно и было создано Шамилем.

[1] Памятники... С. 62

[2] Там же. С. 65.

III. Экономическое положение в Имамате

Земледелие, скотоводство, ремесленно-кустарное производство, формы собственности и методы управления ими, налоговая система и ее совершенствование, финансово-кредитная и денежная политика, мероприятия по развитию торговли промыслов, рациональному использованию недр, земельных, водных, лесных ресурсов, строительству дорог, защитных сооружений, развитию почтовой связи.

В кавказоведении прочно укрепилось мнение о том, что в течение многих лет в Имамате не происходили никакие экономические сдвиги, а, напротив, шло повальное разрушение производительных сил.

И действительно, долголетняя и жестокая кровавая борьба горцев Северо-Восточного Кавказа с мощной Российской империей не могла не иметь крайне отрицательных последствий. Не секрет, что в этой бескомпромиссной борьбе истреблялись посевы, угонялся скот, уничтожались населенные пункты, разрушались пути сообщения – происходило, говоря словами известного русского писателя середины XIX века Е. Вердеревского, уничтожение «цвета юношества и вообще мужского пола»[1]. Много жизней эта война унесла и со стороны России. По далеко неполным данным Н.Г. Чернышевского, в Кавказской войне ежегодно потери со стороны России составляли 25 тысяч солдат[2]. Сколько же ежегодно погибало горцев, до сих пор осталось неизвестным. Но можно догадываться, что и со стороны горцев урон в живой силе был достаточно велик.

И все же, признавая несомненно пагубное влияние войны на экономическое развитие края, было бы, однако, неверно не видеть и перемен, происходивших в годы правления Шамиля в Имамате. Оказавшись в тисках блокадного режима и непреодолимых трудностей, руководство Имамата и, прежде всего, сам Шамиль, делали все от них зависящее, чтобы укрепить экономическую базу, наладить хозяйственную жизнь, поднять сельскохозяйственное, кустарное и ремесленное производство, расширить и углубить внутреннюю и внешнюю торговлю.

Еще раз напомним, что жители Страны Гор с древних вре-

[1] *Вердеревский Е.* Плен у Шамиля. СПб., 1856. С. 64.

[2] *Чернышевский Н.Г.* Полн. собр. соч. Т. XIV. С. 381.

мен занимались земледелием, животноводством и разнообразными промыслами. При общем низком уровне экономика равнинной и предгорной частей Дагестана была сравнительно развита. Наличие плодородных земель и благополучные климатические условия позволяли населению заниматься земледелием. Здесь, как отмечалось выше, возделывались озимая пшеница, кукуруза, ячмень и другие злаковые культуры. Развито было, садоводство. В Нагорном Дагестане, где площади пахотных земель были крайне ограничены, население вынуждено было заниматься террасным земледелием.

В 1830-1834 гг., как указывалось выше, значительное число феодалов вместе с владетельными ханами было истреблено, «ханские, бекские и чанкские земли были переданы в пользование сельских обществ»[1]. Это означало, что в Имамате эти земли перешли в «байтул-мал», т.е. в государственную казну, стали общественной собственностью и как бы приобрели статус государственных земель. Впоследствии именно из этих земель Шамиль отдавал отдельные участки в пользование некоторым особенно отличившимся участникам борьбы или мухаджирам, потомкам мюридов, оставшимся без кормильца[2]. «Землями, принадлежащими моим предкам во времена аварских ханов, – говорится в жалобе Кудиева Магомеда Хваршинского, – в период шариата *(Имамата. – Ю.Д.)* распоряжался Шамиль. После падения Шамиля указанные участки перешли в казну»[3].

Потомки «эмиров Киды» писали в своем обращении к царским властям, что Шамиль истребил их предков, «отобрал наше движимое и недвижимое имущество. Но несмотря на то, что мы избавились от этого гнета и с божьей помощью вернулись в свои дома и стали хозяевами наших земель, все же наши пастбищные горы до сих пор нам не возвращены. И никто нам не платит подать с них»[4].

Поручик милиции Фатаали-бек, сын полковника Сурхай-хана Аварского, просил о возвращении принадлежащих его роду деревень, отобранных мюридами.

Житель сел. Гоцоб Аварского округа обратился с просьбой: «До утверждения владычества Шамиля нам принадлежало несколько

[1] *Хашаев Х.-М.О.* Общественный строй... С. 143

[2] *Гаджиев В.Г.* К вопросу... С. 115.

[3] ДГСВК. С. 702.

[4] Там же. С. 701.

домов с пахотными и сенокосными местами и зимними пастбищами у горы Арак-тау. Во время Шамиля имения эти были конфискованы и по распоряжению бывших в то время наибов распроданы и розданы разным лицам»[1].

Другим источником пополнения фонда казенных земель была конфискация имений изменников, перебежчиков на сторону царизма или передача в «байтул-мал» движимого и недвижимого имущества, в том числе и земель, оставшихся после смерти владельца без прямого наследника. В «байтул-мал» собирались и земли осужденных, в том числе и наибов, за какие-либо проступки[2]. Так, после перехода на сторону царизма Хаджимурада все его имущество было взято в «байтул-мал».

Жители Имамата, оказавшись в трудных условиях, еще интенсивнее стали заниматься земледелием. Тщательно обрабатывался каждый участок. В основном нивы, засеваемые ежегодно, вспахивали до посевов 3 раза. Вознаграждались женщины - горянки, которые не давали пахотным участкам зарастать сорняками и по нескольку раз делали прополку. На низинах сеяли кукурузу, на том же участке сажали фасоль, тыкву и другие бахчевые культуры, в большом количестве сажали бобы.

Садоводством же жители Имамата занимались там, где только позволяли климатические условия. Возглавлявший в 1839 г. поход в Ахульго генерал П.Х. Граббе был поражен садами аула Чирката. «Их сады, – писал он, – не что иное, как бесчисленное множество узких террас, обложенных каменными стенами и расположенных таким образом, чтобы удобно было их орошать посредством водопроводов из ближайших речек. Террасы эти обрабатываются весьма тщательно: по бокам они усажены фруктовыми деревьями и виноградными лозами, а в середине засевают кукурузой, которая у них заменяет другие хлебные растения, так что сад здешнего лезгина дает ему достаточно хлеба и прекрасные плоды, и поэтому составляет главное его богатство. Нельзя не изумляться этими вековыми работами многих поколений, которые трудами своими превратили голые скалы в пашни и сады»[3].

Удивили генерала и сады Чиркея. Он писал, что не «видел пользу в разрушении богатейшего, населеннейшего и самого промышленного аула Дагестана, где находится до 7 тыс. жителей, ко-

[1] Там же. С. 704-706.

[2] ИНСК. Кн. 2. С. 706.

[3] *Хашаев Х.-М.О.* Указ. соч. С. 84.

торые разрабатывают виноградные сады, занимающие до 10 кв. верст»[1].

Мало чем от этого отличается земледелие всей Салатавии. «На полях видны, – свидетельствует А. Берже, – большие засевы пшеницы, кукурузы, ячменя, проса, овса, бобов, фасоли. Огородничество у салатавцев не в обычае. От Чиркаты до Унцукуля встречались пахотные поля, засеянные овсом и льном. В самом Унцукуле было много садов»[2].

Несколько иным представлялось современникам положение жителей, населявших левый берег Андийского Койсу. Земли здесь большей частью бесплодны, а у гумбетовцев почти вся территория состоит из голых скал, разрезанных глубочайшими балками. Но трудолюбие жителей и изумительные усилия нескольких поколений сумели победить природу. Узкие долины рек покрыты обширными виноградными садами, простирающимися на 30 верст и больше.

Экономическое состояние близкородственных аварцам андоцезских народов было значительно скуднее. В Дидо, например, по мнению А. Берже, земледелие находилось «не в завидном состоянии». Они испытывали большой недостаток в хлебе, который прежде они вывозили из Кахетии, но когда царскими войсками был закрыт путь туда, они приспособились получать недостающий хлеб из внутреннего Дагестана. В высокогорном Антльратле *(«Семиземелье». – Ю. Д.)*, где природные условия не благоприятствовали, жители «занимались весьма мало земледелием, в значительно лучшем положении находилось население в глубоких ущельях Анцуха. В нагорной зоне Имамата ведущей отраслью сельского хозяйства являлось также скотоводство. Особенно большое значение оно имело для жителей Цунты, Ботлиха, Анди, Тляраты, Рис-Ора, Анди, Гумбета и др. Согласно имеющимся в нашем распоряжении данным, в 40-х гг. XIX в. богатые хозяйства Антльратля имели 8-10 коров, 3-4 лошади и значительное число овец, которые в зимнее время перегонялись в Кахетию. «Главное богатство Антльратля, – писал А. Берже, – составляют обширные стада баранов, крупного рогатого скота и лошадей в небольшом количестве, лошаков и ослов встречается тоже мало»[3].

[1] Там же. С. 84.

[2] *Берже А.П.* Материалы для описания Нагорного Дагестана // КК на 1859 год. Тифлис, 1858. С. 253.

[3] *Берже А.П.* Указ. соч. С. 282-283.

По данным местных источников, богатые телетлинцы имели по 10 голов крупного рогатого скота и 300 овец, а Тлейсерух и Мукратль насчитывали 4 тысячи человек, которые имели 112 тыс. овец. У гумбетовцев, андийцев и других, свидетельствует П.Х. Граббе, «овцеводство в весьма хорошем состоянии»[1].

В намного лучшем экономическом положении находились чеченцы. «Весьма многие, – писал русский исследователь в 1834 г., – ошибочно полагают, что горская часть Чечни совершенно бесплодна и мало обитаема, тогда как это, напротив, прекрасная страна. В горной части Чечни, или так называемых Черных горах, менее сеют кукурузы и риса, а более пшеницы и ячменя, а в самых высоких горах и пшеница родится дурно, там сеют один ячмень. В Черных горах растут фруктовые деревья, в некоторых местах даже и грецкий орех. Деревня Беной под высоким хребтом, отделяющим от андийцев и других аварских общин, имеет прекрасные сады. В ичкерийских горах большие горские селения, ни в чем не уступающие населенным пунктам равнинной Чечни»[2]. В нагорной части Чечни, особенно западнее реки Шара-Аргун, как и в соседнем Дагестане, было развито террасное земледелие, которое, по свидетельству очевидцев, явилось спасением для населения в период наступления царских войск.

Что же касается равнинной и предгорной Чечни, то современники характеризовали этот район «богатым и щедро наделенным всеми дарами природы». И неслучайно ряд исследователей воспринимали Чечню чуть ли не кормилицей Имамата. У селения Гехи в 1832 г. И. Норденстам видел кукурузное поле, «на котором кукуруза была такой величины, что при проходе отряда нашего часть конницы въехала в оную, и всадника не видать было. В Имеретии, Мингрелии и Абхазии, где кукуруза составляет главный предмет сельского хозяйства и где она также родится очень хорошо, едва ли она бывает такой величины»[3]. Не является секретом, что в Чечне получали «более хлеба, чем нужно для прокормления самих жителей ее, почти всегда променивают избытки оного соседям своим кистинцам и лезгинам на шерсть, бурки, грубое сукно и другие произведения»[4]. Распространено было в Чечне и огородничество. По словам вышеупомянутого И. Норденстама, в своих

[1] *Граббе П.Х.* Указ. соч. С. 48.

[2] РГВИА. Ф. ВУА. Д. 497. Ч. II. Л. 48.

[3] МИДЧ. С. 426.

[4] Там же. С. 303.

огородах «чеченцы разводили арбузы, дыни, тыкву, лук, огурцы, чеснок, черемшу»[1].

Генерал П.Х. Граббе писал, что у жителей Чечни, проживавших вблизи русских обитаний, укреплений и крепостей, «хлебопашество и некоторые другие отрасли получили весьма удовлетворительное развитие». В отличие от Дагестана, продолжал он, чеченцы большей частью на период сельскохозяйственных работ признавали свою зависимость от кавказских властей и в течение небольшого времени возрождали ранее сожженные села и леса, и как только хлеб оказывался снятым с полей, «чеченцы удаляются с семействами и имуществом в свои лесные ущелья и, тем самым, лишают кавказское командование возможности нанести им какой-либо существенный вред»[2]. В основном же довольно частые военные столкновения наносили колоссальный и ничем не измеримый вред народному хозяйству жителей Имамата.

Говоря о трудолюбии горцев Дагестана, известный кавказовед А.П. Берже писал: «здесь, на скалистых безлесных горах каждый клочок земли, способный к обработке, добыт трудами поколений, передается из рода в род и составляет единственное обеспеченное существование семьи. Дагестанец дорожит этим достоянием и местом, в котором родился, более всего на свете»[3].

Как видно из приведенных отрывочных данных, трудолюбивые жители гор, находясь в жесткой блокаде, получали от земледелия убогие плоды, и это достигалось только невероятным повседневным трудом. Кстати, даже в официальной переписке кавказского командования довольно часто встречаются характеристики такого рода, «что горцы на своих полях трудятся с изумительным усердием, тщательно обрабатывают свои земли» и т.д.

В свете всего сказанного выглядят кощунственно попытки отдельных апологетов самодержавия представить горцев праздно живущими, удовлетворяющими свои потребности одними лишь набегами и грабежами, как это делают и некоторые отечественные исследователи в наши дни.

Большое число архивных материалов буквально пестрит сведениями о задержании, арестах, угоне захваченных у горцев отар овец. Если бы эти сведения за более чем четверть века истории

[1] Там же.

[2] АКАК. Тифлис, 1888. Т. XI. С. 856.

[3] *Берже А. П.* Выселение горцев с Кавказа // Русская старина. СПб., 1882. Т. XXXVI. С. 7.

свести, воедино, получилась бы внушительная цифра конфискованного у горцев скота. Со всей очевидностью можно сказать, что кавказские власти захватили немало скота. И, несмотря на все это, жители Имамата поддерживали свое животноводческое хозяйство благодаря невероятным усилиям горских скотоводов.

Общеизвестно, что на Северо-Восточном Кавказе, еще до возникновения Имамата, в рамках натурального хозяйства развивались ремесленные промыслы. На территории, входившей в Имамат, обрабатывались почти все виды местного сырья: шерсть, кость, дерево, глина, металл и многое другое. По существу, здесь изготовляли почти все, что было необходимо для жизни нетребовательного горца: одежду из домотканого сукна и приобретенного на стороне холста и шелка, овчины, головные уборы, обувь, наплечные бурки, паласы, арбабаши, ковры. Здесь производили все необходимое для сельскохозяйственного труда, инвентарь и предметы домашнего обихода из дерева, металла, кости, художественные изделия из цветных металлов, воинское снаряжение, холодное и огнестрельное оружие и многое другое.

Начавшаяся еще в предшествующие времена специализация аулов по отдельным отраслям кустарных промыслов в Имамате еще более углубилась. Изделия кустарно-ремесленного производства селений Анди, Ансалта, Рахата, Согратль, Чох, Карата, Тинди и других шли не только на удовлетворение собственных нужд, но и на внутренний и внешний рынок. О степени развития бурочного производства в Анди и его округе можно судить по факту: здесь производилось более 50 тыс. бурок ежегодно. Суконным производством занимались жители селений Карата, Кванада, Тлондода и других.

Обработкой кожи занимались жители селений Корода, Салта и других. Обработкой камня занимались согратлинцы, телетлинцы. Металлообработкой занимались и жители селений Чиркей, Аргвани, Согратль, Карата, Гидатля.

Ювелиры Имамата производили высокохудожественные изделия из меди, серебра и золота. Необыкновенной красотой и изяществом отделки отличались золотые и серебряные изделия мастеров аула Согратль.

В период правления Шамиля появились и новые специальности (часовщик), изменились некоторые способы выделки тканей. По свидетельству сына Шамиля Магомед-Шафи, в Имамате была открыта мастерская такая же, как увиденная им в Калуге, но значительно меньших размеров. Но зато станок и сама изготов-

ленная ткань были такие же. Такое предприятие было, как подчеркивал свидетель, «во всем немирном крае» одно.

Естественно, что в Имамате значительно большая часть населения занималась изготовлением оружия. Позже Шамиль говорил: «Выучите горцев чему хотите, они все сделают, и при том так хорошо, как не сделает никто. Доказательством тому служит много оружейников, которые делают оружие, быть может, лучшее в свете»[1].

Известное развитие получила металлообработка в Чечне. Здесь изготовляли серпы, косы, топоры, мотыги, подковы, ножи, щипцы и многое другое. С полной отдачей работали мастера по производству холодного и огнестрельного оружия. И не только в старых оружейных центрах, но и в Чечне. «В каждом почти ауле Чечни, – свидетельствует К. Саймонов, – есть оружейники и серебряники»[2]. Ему вторит другой современник: «Здесь целые селения, промышляющие оружейным мастерством»[3].

Добротные пистолеты и штуцерные пистоны изготовляли жители Согратля, Гидатля. Причем, по свидетельству Шамиля, оружейники уже в то время кооперировались. «Один мастер обработает ствол, другой – замок, третий – шомпол и т.д., точно также и кинжальный мастер не возьмется за шпагу, пистолетное ружье. От этого, – заключал имам, – ни в каком оружии нет такой прочности и чистоты отделки в частях его, как в нашем»[4].

Известно также, что горцы Дагестана задолго до возникновения движения под флагом мюридизма изготовляли порох. Однако это не идет ни в какое сравнение с тем, что было сделано Шамилем для организации изготовления своего пороха. В Ведено, Унцукуле, Могохе, Гунибе и других селах были организованы мастерские по изготовлению пороха.

Характерно и то, что как на литейных, так и на пороховых «заводах» трудились «одни туземцы». Ни поляков, ни каких других иностранцев не было. И не было беглых русских солдат. Повторимся, что в 1849-1850 гг. «был устроен завод для изготовления пороха, который толкли при помощи воды, и был установлен порядок сбора и покупки сырья для изготовления пороха». Порядок этот выражался в том, что Шамиль обязал жителей селений

[1] АКАК. Тифлис, 1904. Т. XII. С. 1435.
[2] *Саймонов К.* Заметки о Чечне // Пантеон. СПб., 1855. Т. 23. № 9. С. 14.
[3] ЦГИА ГР. Ф. 1086. Оп. 1. Д. 345. Л. 1.
[4] АКАК.Тифлис, 1904. Т. XII. С. 1452.

Тлох, Муни, Могох, Гуниб, Хоточ и Хиндах «выделывать и доставлять на пороховые заводы селитру в определенных им размерах, за что освободил их от военной и от всякой другой повинности, но и установил им плату по полтора рубля серебром в год на каждую семью».

В случае же недостатка селитры, получаемой по упомянутому договору, имам приобретал ее покупкою в тех же деревнях за ту же цену[1]. Имеются также известия о том, что в 1841 г. жители сел. Хоточ производили порох на продажу. Необходимая для изготовления пороха сера в Имамате добывалась в окрестностях сел. Чирката, Шубут, Могох и других местах. В горах Антльратля, в местности, называемой Хокотль, были обнаружены серебристо-свинцовые руды. Когда кусок такой руды, вспоминал впоследствии Шамиль, принесли к нему, он велел «привести несколько вьюков».

Удовлетворившись через выплавку серебра в действительном существовании этого металла, имам запретил добычу руды, мотивируя тем, что в горах не было мастеров, а главным образом чтобы народ не употребил во зло дозволение свободно разрабатывать руду и, занявшись этим делом, не оставил бы для него защиту края и хлебопашество. Кроме того, предводитель горцев рассуждал, что, если бы горцам удалось наладить разработку серебряной руды, он имел бы возможность чеканить монеты, но ее, очевидно, не принимали бы русские, и оно в таком случае оставалась бы почти мертвым капиталом.

С другой стороны, если бы даже чеканенная в Имамате монета «имела бы обращение на подвластной России территории, то непременно послужила бы поводом водворения между горцами роскоши, а, следовательно, и развращению нравов. Чтобы избежать этого, было даже запрещено брать свинец на военные нужды[2]. Был оставлен в силе прежний способ добычи необходимого свинца, а именно: «добывание пуль, выпускаемых русскими в сражениях, и покупка свинца тайным образом у мирных горцев и у самих русских»[3].

В Имамате так же, как и в любом государстве, имело место и фальшивомонетничество. Шамиль считал это тяжким преступлением и требовал от своих наибов любыми путями прекратить дея-

[1] Там же.
[2] Там же. С. 1452.
[3] Там же. С. 1400.

тельность фальшивомонетчиков, поскольку фальшивая монета стала настолько распространенной, что люди «даже выучились узнавать ее по звуку», однако со временем «народ, распознав негодную монету, спокойно возвращал ее владельцу, точно так же, как возвращается купцу товар, оказавшийся недоброкачественным»[1]. В связи с этим в Имамате фальшивая монета сбывалась в «самом небольшом количестве», а в основном ее сбыт происходил «в мирных аулах», жители которых, в свою очередь, «сбывали ее в русских крепостях, и это был единственный выпуск ее в обращение»[2].

Когда до Шамиля дошли слухи, что один из мюридов, входивший в почетную свиту, выходец из села Чох Гаджилау (Хаджилав), проживающий в Ведено, в свободное время занимается изготовлением фальшивых монет, имам, естественно, потребовал доказательств. На поверку монета оказалась превосходной, так что ее с большим трудом можно было отличить от настоящей монеты. Хорошо понимая, что эта «отрасль производства» принесет вред государству, Шамиль распорядился конфисковать произведенные монеты и ограничился лишь строгим предупреждением более не заниматься этим. Сам же виновник был лишен звания мюрида и отослан в свое родное селение. Однако эта мера не имела действенного воздействия. Изготовлением фальшивых монет занимались Давудилав и другие. Один из них «чеканил» полуимпериалы, или голландские червонцы, серебряные рубли, большей частью екатерининского чекана, другие – мелкую серебряную монету от пятачка до четвертака[3].

Изготовляли фальшивые монеты Талха, Аби-Хасан, Гази-Чали и другие. Шамиль вел с ними непримиримую борьбу. В письме к наибу Омару имам писал: «Посмотри на эти монеты, фальшивые монеты, отчеканенные в твоем вилаяте. Это монеты, которые приведут к плохим последствиям и отразятся на тебе. Тебе необходимо уничтожить все инструменты и формы. Прекратить деятельность фальшивомонетчиков, хотя бы отрубив им руки и выколов глаза. Аллах не любит мятежников»[4].

Несмотря на военные действия и чинимые в связи с этим царскими властями препятствия, торговля в Имамате под покровительством Шамиля, вопреки всем утверждениям, хотя и медленными темпами, с трудом, но все же неуклонно развивалась. В связи с этим и товарно-денежные отношения углублялись.

Как рассказывал имам Шамиль А. Руновскому, в Имамате в обращении были только русские серебряные монеты, не было даже распространенных в Закавказье 20 и 40-копеечных монет. Русские полуимпериалы и голландские червонцы, хотя в горах не было в них недостатка, большого хождения не имели, составляя в большей части украшение женских нарядов. Депозиты и ассигнации, также имевшиеся в горах в достаточном количестве, не имели особой ценности, и они сбывались в русских крепостях или «мирным» дагестанцам. В одно время Шамилю пришлось издать указ о приеме 40-копеечной грузинской монеты из-за большого их наплыва в Имамат. Однако эти монеты принимались по указу имама за 30 копеек. Это решение имама жители приветствовали, и с этого момента грузинский двухабазник (40 коп.) принимался везде.

Как известно, горцы «не уважали» бумажные деньги. Тем не менее, отдельные торговцы разменивали серебряные монеты на кредитные билеты, «имея при этом в виду как удобства при закупке в русских крепостях товаров, так и значительную уступку, которую они получали от владельцев бумажных денег»[1].

Особую заботу имама вызывала крайне необходимая в тех условиях, в которых находились блокированные горцы, добыча соли. Добыча ее в Имамате была налажена близ селений Инхело и Конхидатль. Соледобытчиков этих сел Шамиль освободил от военной повинности, обязав доставлять к нему в Ведено ежегодно 5000 кайлов соли. Этой солью довольствовались жители Ведено, расположенное здесь же войско и прибывающее к имаму довольно большое число пилигримов[2]. Другая, возможно даже более значительная часть добытой соли, «шла на снабжение жителей всего Имамата. За исключением частных случаев тайной покупки соли немирными горцами в мирных аулах, преимущественно в Казикумухском ханстве, – говорится в источнике, – весь немирный Дагестан и большая часть Чечни довольствовались этою солью, приобретая ее покупкою»[3].

Проанализированные конкретные исторические материалы свидетельствуют о том, что жители Имамата, находясь в крайне стесненных и даже труднейших условиях блокады и постоянных военных действий, благодаря неустанному самоотверженному тру-

[1] Там же. С. 1415.
[2] Там же. С. 1466.
[3] Там же. С. 1138.
[4] ДГСВК. С. 665.

instituteofhistory.ru

[1] Там же. С. 665.
[2] АКАК. Т. XII. С. 1899.
[3] РГВИА. Ф. 38. Оп. 30. Д. 58. Л. 3-4.

ду, сумели сохранить и быть может, даже преумножить жизненно необходимое производство сельскохозяйственной продукции и изделий кустарно-ремесленных промыслов. И что особенно важно подчеркнуть, горцы сумели освоить ранее неизвестные или малоразвитые промыслы, а также горное дело.

Определенное развитие в описываемое время получили и товарно-денежные отношения в Имамате. Известно, что, как и другие государственные образования Дагестана, государство Шамиля не имело своих денежных знаков, правда, когда-то в Дагестане имели хождение так называемые ханские монеты, чеканившиеся в Дербенте. В XVII-начале XIX в. здесь имели хождение иранские, турецкие денежные знаки и даже голландские гульдены. Но наиболее предпочтительной была русская серебряная монета, особенно чеканенная при Екатерине II.

Кроме основного бича – военных действий и блокады, крайне отрицательно сказывались на развитии торгово-денежных отношений отсутствие удобных дорог, все еще существовавшие феодальные пошлины и опасность при перевозке товаров. Специфика естественно-географического и общественного труда (равнина – горы) не затрагивала основ натурального хозяйства, превращала торгово-экономические связи в жизненно необходимые условия для населения горного Дагестана. Однако эту естественно сложившуюся связь в своих корыстных целях нарушало кавказское командование. Имея целью принудительно подчинить горцев, царские войска не раз блокировали Нагорный Дагестан, задерживали торговых людей, а их товары безнаказанно конфисковывали. Даже армянским, еврейским и другим купцам, ведущим торговлю с горцами Дагестана, «под опасением строжайшей ответственности запрещалось отвозить в блокированные районы товары»[1].

В 1819 г. А.П. Ермолов закрыл дороги из Дагестана в Грузию и Азербайджан. По его приказу аварцам и другим народам Нагорного Дагестана запрещалось вести торговлю с Закавказьем. В случае нарушения этого правила разрешалось арестовать прибывших горцев и конфисковать привезенные товары. Позже аварцам и андийцам было запрещено вести торговлю с кумыкской плоскостью. В 1822 г. приказано было командующим отрядами в пограничных районах не допускать аварцев, андийцев в закавказские территории. И такие меры кавказское командование предпринимало не раз. «Аварцы, – писал главнокомандующий на Кавказе

[1] АКАК. Т. XII. С. 1398.

И. Паскевич, – будучи народом бедным, терпящим нужду в самых первых потребностях жизни и будучи окружены, подобно им, бедными соседями, не могут доставлять необходимейших для себя вещей иначе, как обменивая «некоторые собственные произведения» с жителями равнины. Без такого обмена, и без торговли, – заключал он, – аварцы существовать не могут»[1].

И тем не менее, кавказское командование проводило эту линию. Так, по указанию генерала П.Х. Граббе были задержаны казикумухцы, владения которых не входили в состав Имамата, с андийскими бурками. В Чечне генерал Пулло и в Дагестане генерал Клюки фон Клюгенау, комендант Владикавказа генерал Галафеев были строго предупреждены «о том, чтобы они задерживали все бурки», которые вывозились из селений, входивших в Имамат, если даже их провозят другие лица. Так, выполняя приказы старших начальников, были арестованы 13 акушинцев с 20-ю лошадиными вьюками с 540 купленными ими в Анди бурками[2]. И таких фактов было очень много.

В ноябре 1843 г. главнокомандующий на Кавказе в своем донесении центральным властям писал: «Чеченцы не так богаты теперь, как прежде. Через прекращение торговых сношений с ними *(с дагестанцами. – Ю.Д.)* они лишились многих префектов, более или менее необходимых к жизни»[3]. Естественно, нечеловеческие, можно сказать, действия кавказского командования крайне отрицательно сказывались на развитии внутренней и особенно внешней торговли. Однако кавказскому командованию, как бы оно ни старалось, так и не удалось полностью изолировать жителей Имамата от внешнего мира.

Изучавший еще в 40-е гг. XIX в. политическое и географическое положение государства Шамиля, обозреватель Г. Мочульский писал: «Так называемые мирные горцы не что иное, как привилегированные шпионы и покрыватели всех тех, кои от нас удалились в горы»[4]. «В селении Анди, – писал Н. Дубровин, – производится знаменитый торг лошадьми и оружием. На бурки андийцы ведут свою меновую торговлю, ежегодно съезжаются туда торговцы, которые, закупая гуртом андийские бурки, отправляют их на Линию и в Тифлис, а андийцам взамен их продают товар: желе-

[1] АКАК. Тифлис, 1875. Т. VI. С. 20, 26; ДГСВК. С. 29, 37-39.
[2] Там же. С. 20, 26, 30; ДГСВК. С. 29, 37-39.
[3] ЦГИА РГ. Ф. 1083. Оп. 6. Д. 345. Л. 14.
[4] РГВИА. Ф. ВУА Д. 4974. Ч. I. Л. 70.

зо, оружие, соль, кукурузу»[1]. Через андийцев сбывали «свой мед, воск, шерсть» и другие товары жители Ансалта, Ботлиха и других селений[2].

Известно также, что жители Нагорного Дагестана обменивали за пределы Дагестана крупный и мелкий рогатый скот, продукты скотоводства, а также изделия кустарных промыслов, которые обменивали на хлеб и необходимые им продукты и изделия русской промышленности: ткани, железо, цветные металлы и другое. Эту традицию продолжали и жители Имамата. Государство Шамиля поддерживало торговые связи с Грузией, Азербайджаном, армянскими купцами и народами Северного Кавказа.

Проницательный Г. Мочульский писал: «Торговцы этим обращали в нашу невыгоду, потому что сребролюбивые торговцы доставляли горцам, несмотря на всю строгость местного надзора, порох, свинец за большие деньги. Кубинские[3] евреи имели в горах лавки, которые они переносили из селения в селение. От них-то дагестанцы преимущественно получали медь, свинец и олово»[4].

Учитывая, что прекратить торговлю жителей Имамата со своими соседями не удается, командование применяло различного рода меры. В одно время Кавказская администрация разрешила продавать горцам железо. Сообщая об этом, управляющий военным министерством генерал-адъютант В.Ф. Адлерберг писал главнокомандующему на Кавказе И.Ф. Паскевичу: «Комитет, устроенный для рассмотрения предложений об устройстве Кавказской области при обсуждении вопроса: можно ли дозволить торговцам свободную продажу горцам кизлярской водки, крепких иностранных напитков и всех других товаров, кроме огнестрельного оружия и принадлежащих к ним военных снарядов, – нашел, что нет препятствия к дозволению продавать им или променивать горцам на их произведения все товары, за исключением только предметов тех, которые определены правилами таможенного надзора, в том числе железо и сталь»[5]. В свое время генерал Паскевич, предлагая вести в горах торговлю русскими ассигнациями, писал, что «одной из главнейших выгод для Кавказского края в выпуске наших

[1] *Дубровин Н.* История войн... Т. I. С. 123.

[2] РГВИА. Ф. 18502. Л. 15-17.

[3] Куба – ныне город в Азербайджане.

[4] РГВИА. Ф. ВУА. Д. 4974. Ч. 1. Л. 70.

[5] РГВИА. Ф. ВУА. Д. 1145. Л. 2-3.

ассигнаций горцам (не говоря о многих других) будет сближение их с нами; ибо сей неприязненный народ, постепенно освоясь с нашими бумажными деньгами и получив уверенность в приобретении посредством их всех нужных для себя потребностей, необходимо будет обращаться к нам же и, войдя в ближайшие и частые с нами сношения, будет в то время в наших руках и в некоторой от нас зависимости». И, завершая свой «прожект», генерал закончил: «Таковы действия сближения горцев с нами через ассигнации. Я основываюсь на системе англичан, которые посредством своих денежных векселей стараются достигнуть в подобных обстоятельствах своей цели сближения со всеми своими соседями»[1].

Однако эта затея, как и следовало ожидать, не имела никакого успеха. Немало лиц, ознакомившихся с предложением бравого генерала, принимали его за авантюру. Значение внешней торговли для Имамата хорошо понимал имам Шамиль и делал все возможное, чтобы как можно более ее развивать. Он искал пути к сближению торгово-экономических связей горцев с ближними и дальними соседями. С этой целью Шамиль, как свидетельствует не раз нами упомянутый Абдурахман, предоставил ряду торговых центров льготы, возвышающие их значение[2]. К сожалению, зять имама не конкретизирует, какие именно центры имам имел в виду. Известно лишь, что по приказу Шамиля в 1843 г. в селении Корода был учрежден «базар, бывающий там еженедельно по пятницам для мены товаров»[3].

В 1846 г. Шамиль пишет согратлинскому наибу Магомеду письмо: «До меня дошли сведения о том, что вы запрещаете людям торговать, ссылаясь на то, что число прибываемых для торговых дел умножается. Но я не поверил этому. Если дело обстоит так, как мне передали, то Вам необходимо отказаться от этого. Не мешайте беднякам в удовлетворении их потребностей». Согласно косвенным данным, меры, предпринятые имамом, способствовали увеличению размеров товарооборота Хунзаха, Салты, Унцукуля, Согратля, Чоха и других торговых центров Дагестана, а также некоторых центров Чечни, которые превратились в крупные торгово-экономические центры Имамата. Вместе с тем в ряде аулов образовались и новые рынки.

[1] Там же. Д. 130. Л. 6-7.

[2] Газ. «Кавказ». 1862. № 7.

[3] *Покровский Н.И.* Кавказские войны и Имамат Шамиля. М.: РОССПЭН, 2000. С. 367.

Об этом же свидетельствует следующий документ – письмо жителей селения Чох к обществу Анди: «Вы прислали письмо, в котором сообщается о торговцах, прибывших к вам, что со стороны Шамиля им не оказывается ни малейшего препятствия. Мы всегда хотим иметь с вами торговлю»[1]. О заботе Шамиля о развитии торговли в Имамате свидетельствует и следующее письмо. В марте 1852 г. согратлинскому джамаату он писал: «Когда зорко рассмотрел и глубоко обдумал, мы не нашли для торговли лучшего места, чем ваше селение. Оно является местом, куда сходятся дороги из различных мест. Пусть с вашей стороны не будет препятствия в этом. Что касается неприятностей, то их устранит наиб, алимы и мухтасибы»[2].

Первостепенное значение для развития внутренней и внешней торговли Имамата имело благоустройство имеющихся в крае старых и строительство новых дорог. Имам хорошо представлял значение их и провел в этом направлении значительную работу. С 1842 по 1848 г. и особенно весной 1845 г. «было устроено повозочное сообщение от селения Анди как центрального пункта через Нагорный Дагестан вверх по Андийскому и Аварскому Койсу до главного хребта, пограничного с Кахетией, а с другой стороны через Гумбет и Койсубо с Аварией, через Дарго и Маиртуп и через земли чеберлоев в Аргунское ущелье»[3].

Учитывая, что в Имамате не образовалось еще купеческое сословие, а торговые люди занимались товарообменом в незначительных размерах, с годовым оборотом от 30 до 150 руб. серебром, Шамиль всеми возможными средствами пытался привлечь внимание горцев к торговле и оказывал торговым людям всяческую помощь и поддержку, покровительствовал им.

Так, более 80 купцам Имамата были выданы охранные грамоты Шамиля. Когда же имаму стало известно, что 15 казикумухских жителей, отправившихся по торговым делам в Андию, в пути близ Гумбета были ограблены, Шамиль тотчас же строго приказал, чтобы злоумышленники были задержаны, а изъятое у горцев возвращено их хозяевам. Само собой понятно, что эта покровительственная политика дала положительные результаты. В Имамате сформировалась, если так можно сказать, целая группа купцов, ежегодный торговый оборот которых достигал до тысячи

[1] ДГСВК. С. 532.
[2] Там же. С. 610-611.
[3] *Юров А.* 1843 год на Кавказе // КС. 1882. Т. VI. С. 52.

рублей серебром. Они, как свидетельствует А. Руновский, «в Имамате считались миллионерами и были известны всюду»[1]. Отдельным купцам Шамиль помогал даже материально, так как эти купцы доставляли в имамат товары, крайне необходимые для государства Шамиля и запрещенные царским правительством для продажи горцам.

В довершение всего Шамиль учредил в Имамате имеющий важные последствия для развития торговли специальный низам по обеспечению взаимных обязательств между сторонами. Необходимость этой нормы была продиктована беспрестанными нарушениями договоров в области коммерческих и кредитных отношений, что причиняло длительные хлопоты властям государства и порождало в Имамате беспорядки, которые подрывали взаимное доверие частных лиц.

Спор состоял в том, что «кредиторам, заметившим, что должники получили возможность возвратить заимствованные деньги, отвечают, что находящиеся в их руках имущество им не принадлежит, а давно уже отдано такому-то, в чем и представляли нужное свидетельство»[2]. Низам же признавал все «движимое и недвижимое имущество, находящееся в доме горца или в его руках, неотъемлемой собственностью» должника до тех пор, пока он не удовлетворит своего кредитора.

Несомненно, что эта норма шамилевского низама проявляла заботу в отношении расплаты по сделкам. Но это же постановление, как заметил профессор Н.И. Покровский, «указывает на более интересный момент, а именно – на обеспечение взысканий по ростовщическим займам»[3]. Нормы же шариата, как известно, запрещали взимание процентов по долгам. Но этот запрет, как известно, обходили во всех странах, исповедовавших ислам, а во время правления Шамиля и в Имамате.

Как уже указывалось, имам уделял самое пристальное внимание обеспечению безопасности на дорогах государства и спокойному продвижению торговых людей со своими товарами. Причем соблюдение безопасности на дорогах в Имамате входило в обязанность местных наибов. И чуть ли не по каждому случаю грабежа, узнав об этом, Шамиль принимал особое решение. Характерным в этом плане является следующий документ. В своем письме,

[1] АКАК. Т. XII. С. 1404.
[2] *Руновский А.* Указ. соч. // Русская старина. 1876. Т. XV. № 1. С. 162.
[3] *Покровский Н.И.* Указ. соч. С. 55.

адресованном наибу Галбацу в 1845 г., после обычного в таких случаях обращения он писал: «А затем. Позорно, что вы, будучи направляющими людей на правильный путь, допускаете грабежи. Если даже вызывает опасение, надобно, чтобы путникам была обеспечена безопасность. Бог возместит вам принесенную им неприятность». В другом своем послании, направленном в Андалал, он подчеркивал: «О, мои братья! Не будьте такими, которые на словах говорят «слушали», на деле же не слушаются советов...»[1].

Кроме всего прочего, в Имамате были также осуществлены и некоторые нововведения, относящиеся к товарообороту и денежному обращению. В Имамате, как и во всем Дагестане, нередко бывали случаи, когда нуждающаяся семья должна была совершить вынужденный обмен, заплатив за несколько гарнцев пшеницы или кукурузы своей живностью. Но через несколько лет, поправив свое положение, горец, возвращая то же самое количество хлеба, начинал тяжбу за возвращение ему отданной за это скотины.

Чтобы урегулировать такого рода споры, Шамиль постановил, чтобы обмененная таким образом скотина оставалась в собственности нового хозяина. Не разрешался также возврат лошади, у которой позже был обнаружен какой-нибудь порок. И чтобы такого рода факты «не превращались в предмет спора, низам определил срок для предъявления прошения за проданное, купленное или выменянное – в течение 3 дней. По истечении этого срока претенденты теряли свое право и могли приобретать его за новую цену, установленную по взаимному соглашению»[2]. Имея целью привлечь к торговле в Имамате, Шамиль, как уже отмечалось выше, и разрешил прием «тифлисского серебра в пределах своего государства»[3].

Особую заботу имам проявлял в отношении укрепления торгово-экономических отношений с Чечней и всей территорией Северного Кавказа. Торговые связи Дагестана с Чечней осуществлялись по двум издавна установленным дорогам: первая - «из северной части Дагестана, через Салатау и Ичкерию в Ведено».

Однако эта дорога представляла определенную трудность, поэтому ею пользовались любители прямых сообщений, в зимнее же время эта дорога становилась непроходимой. И торговые люди со своими товарами шли по дороге, которая проходила несколько

[1] См.: *Омаров Х.А.* Указ. соч.
[2] АКАК. Т. XII. С. 1404.
[3] *Бушуев С.К.* Указ. соч. С. 132.

южнее указанной дороги, крайний пункт которой находился в селе Анди. Отсюда караваны переваливали через Черный хребет и шли в Ведено. Эта дорога в основном была безопасной. Опасность представляли только жители села Харочой. С целью обезопасить этот караванный путь, Шамиль, по определению которого харочоевцы – «неисправимые разбойники», решился «принять последнюю меру» и выселил жителей селения в разные места Дагестана.

И с тех пор, по свидетельству самого имама, разбои на дороге совсем прекратились[1]. Однако возникло другое затруднение для торговцев. По выселении харочоевцев, на протяжении всего пути из Дагестана в Чечню, не оказалось ни одного обжитого места, необходимого проезжающим для остановки. В связи с этим участились обращения к имаму заселить вновь этот аул его выходцами и выходцами из других аулов. Шамиль вынужден был дать разрешение, и Харочой «опять заселился». Но это случилось уже накануне падения самого Имамата.

Между тем торговля между Нагорным Дагестаном и Чечней все более и более развивалась и уже к концу первой половины XIX в. приобрела значительные размеры. В официальном документе, относящемся к середине XIX в., читаем: «Чеченцы ведут торговлю с андийцами и за завозимый туда хлеб получают одежду, красный товар и железо; но количество этих товаров недостаточно для того, чтобы удовлетворить потребности, которые у них имеются по всей Чечне, и вывозимый из Андии товар расходится по одной Ичкерии, откуда прочим чеченцам распродается за весьма дорогую цену. Кроме «красного товара и железа чеченцы имеют нужду в соли»[2]. Эти недостающие товары в Чечню доставлялись окольными путями, как бы сейчас сказали – контрабандой. В связи с этим заметное развитие получили рынки селений Инхело и Конхидатль. Именно эти села, как отмечалось выше, снабжали Аварию и в значительной степени и Чечню дефицитной в то время в крае солью. По словам Шамиля, «каждое семейство имело не менее 1000 руб. серебром, что составляло в горах великое богатство»[3].

Кроме того, горские торговые люди приобретали товары непосредственно в горах Северо-Восточного Кавказа. «Жители Кизляра, – говорится в документе, – не только продают товары в Андию непокорную, но и получают из оной взамен бурки. Если непокорные нам горские народы будут получать все им нужное, –

[1] АКАК. Т. XII. С. 1445.
[2] Там же. Т. VIII. С. 257.
[3] Там же. Т. XII. С. 1396.

указывал министр финансов России, – и беспрепятственно сбывать свои изделия и избытки, то не будет надобности покоряться нам. Жители шамхальства Тарковского, – говорится далее в документе, – покупая плоское железо на судах, приходивших к дагестанским берегам из Астрахани, перепродают оное непокорным горским племенам»[1].

Активное участие в торговле с Имаматом принимало и староверческое население, терско-гребенские казаки. «Чтобы не показалось странным, – писал И. Попко, – как могут происходить на одном и том же рубеже и война и торговля, довольно сказать, что у горцев *(т.е. чеченцев, ингушей. – Ю.Д.)* нет соли, а у казаков леса... Так вот, вследствие обоюдного лишения в предметах первейшей потребности для существования, между казаками и горцами завязывались торговые связи»[2].

Чеченцы и кумыки занимаются торговлей лесом, сообщал Норденстам. Он писал, что «занимаются сим промыслом чеченцы, на Сунже и Тереке живущие: зимою они приготавливают плоты, из строевого и дровяного леса, которые они в половодье сплавляют по Сунже и далее по Тереку до самого Кизляра. Сюда сплавляются ежедневно до 800 плотов строевого леса, за каждый таковой платится от 30-ти до 50-ти рублей серебром, что составляет круглым числом около 25 тыс. руб. серебром. Не менее важную отрасль промышленности кумыков и мирных чеченцев составляет доставка в Кизляр для садов таркалов (колья, коими поддерживаются виноградные лозы); ежегодно привозят от 5 тыс. до 6 тыс. арб таркалов; за каждую арбу платится с доставкой в Кизляр от 3-х до 5-ти руб. серебром, они также получают хороший доход от продажи обручей и бочарных досок; за каждую тысячу таковых досок платится около 30 рублей»[3].

Кроме того, горцы Дагестана, в том числе и обитающие в пределах Имамата койсубулинцы, гумбетовцы и др., как писал И. Норденстам прибывают в Кизляр и «нанимаются для работы в садах» и пребывают здесь с половины сентября до уборки винограда и остаются здесь до конца марта или апреля. Таких горцев, ежегодно зимующих в Кизляре, бывало от 6 до 7 тыс., и получают они за свой труд от 10 до 15 руб. серебром на хозяйских харчах»[4].

[1] Там же.

[2] *Попко И.* Терские казаки со стародавних времен. СПб., 1880. С. 122.

[3] МИДЧ. С. 318.

[4] Там же. С. 319.

Горцы же, занимающиеся меновой торговлей, были многочисленны. Торговля представляла определенное подспорье для их хозяйства[1]. В свою очередь, горцы, живущие за Тереком, по утверждению генерала Галафеева, покупали «зерновой хлеб» и перепродавали его приверженцам Шамиля, обеспечивая тем самым продовольствием его «скопище». Эти сложившиеся взаимоотношения между горцами и казачьим населением Терека удивляли каждого побывавшего на Северном Кавказе в то время. Побывав на Северо-Восточном Кавказе, как говорится, в самый разгар Кавказской войны, гениальный русский писатель Лев Толстой свидетельствовал о том, что «казаки уважают своего врага – горцев и стремятся наладить с ним добрососедские отношения»[2].

В преобразовательной деятельности Шамиля определенное место занимало и образование в Имамате почтовой связи. С этой целью в 1842 г. Шамилем была образована так называемая «летучая почта», при помощи которой к имаму поступали все известия о происходящем в Имамате. Курьеры Имама были снабжены особым документом, по предъявлении которого владельцу его немедленно предоставлялся свежий конь и проводник, а для ночлега – квартира и продовольствие. Если же курьер по каким-то причинам был не в состоянии продолжить путь, «аульчане оказывали ему посильную врачебную помощь и безотлагательно заменяли потерпевшего новым гонцом»[3].

Во внутренней политике имамата земельный вопрос занимал едва ли не центральное место. В формах землевладения и землепользования произошли довольно значительные изменения: если в доимаматскую эпоху на территории края было четыре формы земельной собственности: 1) общинная (джамаатская), 2) индивидуально-крестьянская (мюльковая), 3) мечетская (вакуфная), 4) ханско-бекская (феодальная), то на территориях, подвластных Шамилю, две последние формы собственности на землю исчезли, а вместо них появилась земля «байтул-мала». Вакуфные и феодальные земли были превращены в «байтулмаловские», т.е. в земли казенные, государственные.

Также в «байтул-мал» превращали земли предателей, беглых мюридов, умерших, не имеющих наследников. Таким образом, в Имамате существовало три формы земельной собственности: байтулмальская (казенная), общинная (джамаатская) и мюльковая (частнособственническая).

[1] Там же.

[2] *Толстой Л.Н.* Собр. художеств. произв. М., 1948. С. 250-251.

[3] *Бушуев С.К.* Указ. соч. С. 118.

Значительная часть байтулмальских земель сдавалась в аренду нуждающимся аулам и отдельным лицам за плату, размер которой определялся в каждом конкретном случае. Из байтулмальских земель представляли также земли особо отличившимся в боях воинам, а также часть казенных земель использовалась для строительства военных объектов.

Из этих же земель выделялись участки мухаджирам (воинам и мюридам, переселившимся к Шамилю из подвластных царизму земель). Отдельные части байтулмальских земель были объявлены заповедными, где категорически запрещалось пахать, сеять, рубить лес и т.д. Часть казенных земель была отведена для русских перебежчиков. В Имамате была сохранена общинная собственность на пастбищные и лесные земли. Вопросы, связанные с их пользованием, продажей, куплей, арендой, как и раньше, решали собрания (сходы) джамаатов данного населенного пункта[1].

Было прервано также развитие царско-казенной формы земельной собственности[2]. Более подробно о земельных отношениях в Имамате можно почитать в работах профессоров М.А. Агларова, Р.М. Магомедова, Х.Х. Рамазанова и др.

В работах Х.А. Омарова имеется новый документальный материал, проливающий свет на земельные отношения в Имамате. Так, например, в апреле 1850 г. наиб Шамиля в Салатавии Хаджияв, сын Шахмандара Чиркеевского, просит имама от имени всех салатаевцев оставить в ведении салатаевцев участки байтул-мала, используемые наибами и мухаджирами-кунаками Шамиля, чтобы салатавцы «распоряжались ими в откорме твоих коней в зимнее время сеном и фуражом. Это ведь в интересах религии. Поистине, в этих землях наша выгода неисчислимая в этом и другом мире». В ответном письме Шамиля, датируемом 1 мая 1850 г., содержится полное согласие имама со всеми просьбами Хаджиява[3].

Следует, однако, подчеркнуть, что население Имамата испытывало нужду в предметах первой необходимости. Ввоз хлеба из Чечни все более и более затруднялся. Лишившись зимних пастбищ на равнинных территориях Восточного Кавказа и в пределах Грузии и Азербайджана, население имамата оказалось вынужденным сократить поголовье скота[4].

[1] *Рамазанов Х.Х.* Указ.соч. С. 196.

[2] Там же. С. 194.

[3] *Омаров Х.А.* Образцы арабоязычных писем Дагестана XIX в. (хрестоматия по чтению, переводу и комментированию). Махачкала, 2002. С. 53-54, 213-214.

[4] *Хашаев Х.-М.О.* Общественный строй Дагестана… С. 58.

IV. Социальные реформы в Имамате

Освобождение феодально-зависимых крестьян.

Возникшая на рубеже 30-х гг. XIX в. в сложнейших социальных и национальных противоречиях борьба «с большей силой развернулась в Дагестане в Аварии, где истребление феодальной верхушки приняло повсеместный характер, в то время как, например, в Чечне на первое место выдвинулась борьба против колониального режима»[1]. И, действительно, еще Гази-Магомед, действуя против «власти князей и дворянства», более 30 влиятельных беков лишил жизни[2]. В 1834 г. Гамзат-бек, овладев столицей Аварии, как уже отмечалось выше, уничтожил почти всю ханскую семью, оставив в живых только малолетнего Булач-хана[3]. Тогда же было истреблено около 50 феодалов Султаналиевых в селении Ругуджа[4], уничтожены беки селений Гоцатля и Эрпели, а также феодалы сел Кидиб, Телетль и других. Только наиб Шамиля Кибит Магома, встав во главе духовно-демократической партии своего общества, по свидетельству полковника Рыдловского, «…истребил всех беков в Гидатле и в части Андалала». Была уничтожена и «преступная знать» других селений[5].

Оценивая создавшееся в Имамате положение после истребления хунзахских ханов, А. Руновский писал: «Шамиль, отняв у них *(у ханов, беков. – Ю.Д.)* все права и оттеснив самих в общую массу, стер с лица земли рабство на целые 25 лет»[6]. Известный исследователь Кавказской войны Р.А. Фадеев подчеркивал, что «владетельные дворяне, где бы они ни были, наследственные старшины, люди уважаемых родов или прочие уважаемые лично до появления муридизма были вырезаны один за другим, и в горах установилось совершенное равенство»[7].

Повторяясь, скажем, что установившийся на время в Имамате порядок Г. Алкадари описал следующим образом: «Уже не было таких вещей, как ханские порядки, чтобы подчиненный пе-

[1] *Смирнов Н.А.* Характерные черты муридизма. М., 1956. С. 1.

[2] РГВИА. Ф. ВУА. Д. 6550, Л. 10.

[3] *Неверовский А.* Истребление аварских ханов в 1834 г. СПб., 1848. С. 12.

[4] *Рамазанов Х.Х.* Эпоха Шамиля. Махачкала, 2004. С. 186.

[5] *Гаджиев В.Г.* К вопросу об освобождении… С. 151.

[6] АКАК. Т. XII. С. 271-272.

[7] *Фадеев Р.А.* Указ. соч. С. 21.

ред начальством снимал шапку и все время стоял, а обращением при встрече стало только ассаламу-алейкум и алейкум-салам»[1].

Впервые об освобождении зависимых сословий, как известно, писал А. Руновский: «Шамиль, – утверждал он, – объявил, безусловно, свободными тех принадлежащих им *(феодалам. – Ю.Д.)* крестьян, которые составляли исключительное население какой-либо местности. Таким образом, жители четырех деревень: Ках, Хиниб, Куаниб и Тлайлюх первые получили свободу и тот час же были подчинены общим правилам, действовавшим во всем крае. Вместо прежних условий крепостного быта, по которым весь труд крестьянина принадлежал феодалу, распоряжавшемуся в его доме, как в своем собственном, освобожденные рабы были обложены такой же точно податью в пользу общественной казны, какую платило население целого края»[2]. Только владельцам рабов имам «вменил в обязанность снабжать людей всем необходимым и обращаться с ними человеколюбиво»[3]. Офицер А. Юров в своей работе «1843-й год на Кавказе» пишет, что при Шамиле «зажиточные горцы страдали более всех, они обыкновенно считались людьми подозрительными, и на них налагались штрафы, а часть их имений подвергались секвестру»[4]. Об этом же пишут и другие : как русские историки, так и горские ученые[5].

Как отмечалось выше, в 1834 г. и в последующих годах был истреблен древний род аварских ханов, после чего, естественно, были прекращены все подати и повинности, «отбывавшиеся жителями Аварии членам этого рода»[6]. Внимательное изучение имеющихся в нашем распоряжении сведений убедительно показывает, что факт об освобождении жителей 164 сел Аварского ханства от повинностей и податей должен быть признан несомненным. Беки и чанки селениий Телетля, Гонода, Ругуджа, Ури, Зиури, Голотль, признавая свое происхождение из Казикумухского ханского дома, свидетельствовали, что во время многолетней борьбы предводители борьбы горцев отобрали у беков и чанков их родовые земли, а оставшихся в живых приравняли к остальному узденскому насе-

[1] *Алкадари Г.* Указ. соч. С. 135.

[2] Военный сборник. 1862. Т. XXVII. С. 392.

[3] АКАК. Т. XII. С. 1487.

[4] *Юров А.* 1843-й год на Кавказе // КС. Т. VI. С. 43.

[5] *Фадеев Р.А.* Указ. соч. С. 43; *Руновский А.* Записки // АКАК. Т. XII. С. 1487; *Ал-Карахи.* Указ. соч. С. 68; *Алкадари Г.* Указ. соч. С. 134-135.

[6] ЦГА РД. Ф. 90. Оп. 2. Д. 30. Л. 19.

лению. Точно в таком же положении оказались беки и чанки сел Ингердах, Тлох, Тинди, Орота, Кидиб, Моксох, Шотода, Зибирхали и многих других[1]. В ходе борьбы горцев под предводительством Шамиля освобождены были крестьяне, зависимые от кумыкских и кази-кумухских феодалов. Известно, что жители 10 селений Салатавии находились в зависимости от кумыкских князей.

Известно также, что салатавцы неоднократно поднимались на вооруженную борьбу за свою независимость. Так было в 1821 г., когда жители селения Костала отказались платить ясак князьям Хасаю и Муртазали Аджиевым. В 1824-1825 гг. салатавцы восстали вместе с чеченцами. Но над ними «была учинена расправа» генералом А.П. Ермоловым. В 1831 г. салатавцы принимали активное участие в борьбе горцев под предводительством первого имама, но после поражения горцев под Чир-Юртом их вновь принудили платить ясак. Лишь в 1840 г., в период всеобщего восстания в Чечне и Дагестане, «все салатавцы, кроме жителей селений Бавтугай, Зубутли и Миатли», отложились, и таким образом зависимость от князей кумыкских прекратилась под влиянием мюридизма, а князья лишились ясака и доходов»[2]. Тогда же от кумыкских князей освободились чеченские селения «Карабулак, Качкалык, и от Ауха кумыкские князья перестали получать ясак»[3]. Известно также, что в первой трети XIX в. жители селений Арчиб, Кугур, Шалиб, Мухар, Ури, Камахи, Бухты и др. были зависимы от Кази-Кумухских ханов и беков.

Они платили подати и отбывали повинности. Жители селения Арчиб, например, обязаны были ежегодно отдавать 130 овец Абдулла-беку; 60 овец и 1 быка братьям Аслан-хана Казикумухского Тагиру и Омару, бекам – 3 и чанкам – 2 коровы; жители селения Кучур – около одного пуда зерна хану. Кроме того, они выставляли 50 ослов для перевозки зерна; жители селения Шалиб за пользование пастбищами бекам Тагиру и Омару – с дома по 3 кайла зерна, 3 ратала *(около 2,5 кг.),* 10 баранов; жители сел Чита, Чукна, Мутра, Кусруда, Чада – по кайлу зерна; жители сел Куар, Мулар, Ури, Камахи, Бухты – по 16 телег дров. Кроме того, некоторые хозяйства аула Бухты обязаны были платить по 30 овец, из них 20 отдавали Пата-Али-Магомеду и 10 Ашала-мир-Магомеду[4].

[1] *Гаджиев В.Г.* К вопросу... С. 154.

[2] ЦГА РД. Ф. 105. оп. 1. Д. 4. Л. 20-22.

[3] Там же. Л. 40-45.

[4] *Гаджиев В.Г.* К вопросу... С. 156-157.

В 1842 г. Шамиль занял магалы Дурарат и Мукрарат и столицу Кази-Кумухского ханства. С этого времени, как утверждал известный знаток истории лаков Али Каяев, вышеупомянутые селения были освобождены от уплаты податей и повинностей ханам и бекам. Такое право взимать подати с селения Арчиб имам передал на 1 год бежавшему к нему Абдул-Варису, сыну Абдулла-пачи (Абдулла-бека)[1].

К сожалению, у кавказоведов нет точной цифры о крестьянах, освободившихся от феодальной зависимости во время движения горцев Дагестана и Чечни. Но если даже судить по вышеприведенным сведениям, число освободившихся было весьма значительным. Однако эти факты освобождения зависимых крестьян не были результатом единовременного акта, а происходили по мере включения районов в борьбу горцев под предводительством Шамиля.

Так, Шамиль и его воины забрали у бека трех рабов и двух рабынь и увели их в имамат[2]. В 1846 г. Шамиль освободил всех рабов кабардинских князей, бежавших в Имамат, и приравнял их в правах к узденьскому населению[3].

Все сказанное, однако, не означает, что в военно-теократическом государстве было осуществлено всеобщее равенство. В тех конкретно-исторических условиях не могло быть и речи об установлении социального равенства. Мало того, с формированием Имамата его жители должны были выполнять целый ряд обязанностей, такие, как закят, харадж и т.п.

Но, тем не менее, ликвидация рабства в истории Имамата был важным прогрессивным шагом. Как пишет известный дагестанский историк Х.Х. Рамазанов, «это редчайший случай в мировой истории XIX в., когда освобождение рабов произошло по инициативе государственной власти. А царское правительство России официально не обсудило ни одного вопроса, касающегося рабства в Дагестане, до 60-х годов XIX века включительно».[4]

Вместе с тем, в связи с изнурительной войной, кроме определенных обложений, в Имамате применялись и другие административно-принудительные мероприятия. Если первоначально Шамиль, как уже отмечалось, покупал хлеб по вольной цене, со временем

[1] Рук. фонд Института ИАЭ. ДНЦ РАН. Ф. 1. Д. 1642. Л. 157.
[2] *Рамазанов Х.Х.* Эпоха Шамиля. Махачкала, 2004. С.193.
[3] Там же.
[4] Там же.

стал назначать таксу, невыгодную для продавцов и, наконец, стал забирать хлеб с каждого двора в виде подати[1].

Со становлением и укреплением Имамата происходили и другие процессы, которые ставили в зависимое от власти положение простых жителей. Ставшая у кормила власти сельская верхушка, прибрав к своим рукам административный аппарат, умело пользуясь властью, использовала в своих корыстных целях и налоговую систему и такие меры, как подношения и взятки.

Особо следует сказать, что происшедшее освобождение, даже после подавления борьбы царской властью, не всюду вернуло она в Дагестане старые порядки. Претензии эндиреевских и аксаевских князей, обратившихся с просьбами о восстановлении прежних отношений, кавказская администрация отклонила на том основании, что «прежде права князей над Салатавией приобретены были оружием и точно таким же образом утрачены. Новое же покорение племен, плативших ясак князьям кумыкским, было делом правительства русского, а не князей кумыкских, которые остались владетелями плоскости, и то этим обязаны своевременному занятию плоскости нашими войсками»[2]. Не восстановлены были также и прежние отношения князей над чеченцами-ауховцами[3]. Отказано было в притязаниях на былые отношения и Казикумухскому владетельному дому[4].

Социальная политика и правовое положение личности по законам Имамата.

Вступление Шамиля в права имама знаменуется ликвидацией ханских порядков и борьбой против принесенных сюда порядков на штыках солдат царской армии, которые не отвечали психологическим особенностям края. Предвзятость Шамиля в отношении уцелевших представителей бывшего привилегированного класса подчеркивается тем фактом, что «Шамиль собрал уцелевших беков в одно место возле аула Урада и, как ссыльных, заставил там жить специальным поселением»[5] и считал их людей подозрительными. Следовательно, Шамиль начал последовательно проводить

[1] Кавказский сборник. Тифлис, 1882. Ч. VI. С. 409.
[2] ЦГА РД. Ф. 105. Оп.1. Д. 34. Л. 2002; *Гаджиев В.Г.* К вопросу… С. 159-160.
[3] Там же. Л. 44-45.
[4] РГВИА. Ф. 40. Оп.1. Д. 45. Л. 2-4.
[5] *Рамазанов А.Х.* Указ. соч. С. 35.

ликвидацию феодальных привилегий, выполняя основное требование крестьянской массы Дагестана.

Реформы Шамиля в социальной сфере коснулись и такой категории, как чанка-беки. Дети и внуки чанка от простолюдинки не подлежали секвестру. Секвестру подлежали представители «высшего слоя» доимаматского периода, попадавшие по пути следования Шамиля[1], а уцелевшие вынуждены были бежать под защиту царских властей.

Преобразования, которые имели место в социальной сфере, привели к тому, что все феодально зависимые крестьяне получили свободу, феодальные подати и повинности, которых насчитывалось до трех десятков, тоже были ликвидированы. Так, например, по сведениям Х.Х. Рамазанова, в самом имамате и за его пределами общая численность освобожденных от феодальной зависимости крестьян составляла 130000 человек[2].

В Имамате был полностью ликвидирован институт рабства. Наблюдались случаи добровольного перехода зависимых крестьян с сопредельных территорий в Имамат в виду того, что их, вероятнее всего, устраивала перспектива стать свободными людьми. Уравнение в правах узденей с ханами и беками и послужило причиной сообщений о введенном Шамилем всеобщем равенстве, о демократичности общественного строя Имамата. Однако неоднократные попытки Шамиля освободить рабов, принадлежавших некоторым представителям узденской верхушки, не принесли желаемых результатов[3]. Официальные источники дают некоторые сведения о том, что Шамиль ликвидировал на подвластной себе территории постыдную форму по продаже «живым товаром»[4].

Правовые нововведения Шамиля повлияли на правовое положение личности в Имамате. Во-первых, он значительно уравнял в правовом отношении привилегированные слои и крестьян-горцев.

Во-вторых, как уже говорилось выше, в ходе освободительной борьбы он старался переложить все экономические тяготы на плечи более состоятельных членов горского общества, взимая с них дифференцированный, в зависимости от уровня состояния, налог, а беднейшим слоям населения оказывал помощь из фондов байтул-мала.

[1] ДГСВК.С. 333; История Дагестана. М.,1968. Т. 2. С. 91; *Рамазанов А.Х.* Указ. соч. С. 33-38.

[2] *Рамазанов Х.Х.* Указ. соч. С. 190.

[3] АКАК. Т. XII. С. 1481-1487.

[4] ЦГВИА. Ф. ВУА. Д. 4974. Л. 138.

В-третьих, при издании своих низамов Шамиль в полной мере учитывал волю и чаяния народа, стремился к прогрессу в правовом положении личности и улучшению бытовых условий горцев, «вникая во все нужды горцев и делая все, чтобы облегчить их положение»[1].

Заботясь о материальном обеспечении неспособных к самостоятельному проживанию горцев и претворяя в практику демократический принцип ответственности личности только за свои поступки, Шамиль запретил конфискацию имущества казненных преступников, если после них остались сироты. Имам лично особую помощь оказывал «беспомощным сиротам»[2].

Идеями о социальном равенстве всех членов общества пронизан и низам «О наследстве». До образования Имамата в этом вопросе была путаница из-за социального неравенства граждан и практиковавшегося среди горцев многоженства. Законодатель уравнял права на наследство абсолютно всех детей мужского пола. Те, кто получал наследство, должны были обеспечивать детей женского пола до совершеннолетия, затем выдать их замуж, а если они оставались на их иждивении – заботиться об их благополучии. Завещания, составленные в противоречии с этими положениями, признавались недействительными.

Много внимания Шамиль уделял и вопросам улучшения положения женщин в обществе. Особенно тяжелым было положение пленницы, которая становилась рабыней владельца в предшествовавший Имамату период. Даже если владелец вступал с ней в брак, она не получала прав, равных с другими женами. Для нее вообще не существовало развода. Муж-владелец мог продать, подарить и даже убить свою жену, если от нее не было детей. Дети пленницы также были лишены тех прав, которые имели другие дети. После смерти мужа-владельца положение пленницы еще более усугублялось.

Если муж перед смертью не давал ей свободу или не оставлял завещание на этот счет, пленница поступала в полное распоряжение его родственников, которые могли продать ее как простую рабыню. Видя это социальное неравенство, Шамиль внес некоторые коррективы в этой области. Учитывая, что женщины по своему общественному положению не имели собственности, Шамиль запретил взимать с них какие бы то ни было денежные штрафы.

Но более детальному регулированию он подверг брачные и бракоразводные отношения, издав «правила, защищающие иму-

[1] *Магомедов Р.М.* Указ. соч. С. 105.

[2] *Омаров Х.А.* 100 писем Шамиля. С. 124.

щественные права разведенной женщины»[1], имевшие большое значение в правовом положении женщины в обществе. Эта проблема привлекла столь пристальное внимание Шамиля потому, что женщина в горском обществе играла весьма заметную роль как в общественной жизни, так и в освободительной борьбе, вместе с мужчинами принимая участие в защите родного края. Беспокойство Шамиля вызывали также и социальные вопросы в Имамате: обеспечение крепкой семьи – основы духовного здоровья общества, регулирование нормального прироста народонаселения Имамата и т.д.

В Имамате, особенно в чеченских наибствах, остро стояла проблема бракосочетания из-за высокого выкупа за женщин – калыма. Порою люди до старости лет не могли создать семью, молодые убегали из дома, порождая кровную вражду между родами. Поэтому Шамиль ввел твердый размер калыма в пределах 10 - 20 рублей, а по соглашению сторон его можно было сокращать бесконечно[2]. При нарушении низама сумма выкупа сверх установленной нормы изымалась в доход казны. Запрещались также побеги из дома молодых, а муллам заключать браки между беглыми под страхом строгих наказаний. В лучшем случае эти муллы могли рассчитывать на тюремное заключение[3].

Заботясь о нравственном здоровье общества, Шамиль предписывал поскорее выдавать замуж веселых девиц «во избежание блудства», а также обязывал родителей выдавать замуж своих дочерей по указанию наибов, в случае отказа они подлежали аресту и заключению в тюрьму.

Судя по официальным источникам, Шамиль был «ожесточен против женщины»[4] и именно в ней видел причину частых разводов в Дагестане. По мнению Шамиля, характер горской женщины вследствие «фактических и моральных ее несовершенств сложился так дурно, что очень часто делает ее неспособной угодить своему мужу»[1]. Объясняя причины того, почему в Дагестане женщин не учили писать, Шамиль подчеркивал, что умение писать способствовало бы росту женского распутства. Запретив им учиться письму, Шамиль, по его мнению, «отнял у женщин возможности нарушать целомудрие»[2].

[1] *Халилов А.М.* Восстанавливая правду истории: Круглый стол // Дагестанская правда. Махачкала,1988. 6 ноября. С. 3.

[2] *Халилов А.М.* Национально-освободительное движение горцев Северо-Восточного Кавказа под предводительством Шамиля. Махачкала, 1991. С. 101-102.

[3] *Омаров Х.А.* Указ. соч. С. 78.

[4] АКАК. Т. XII. С. 1456.

[1] Там же. С. 1455.

[2] Там же. С. 1416.

В делах, которые могли бы пойти на пользу обществу, Шамиль проявлял решительность и пренебрежение к догмам и стереотипам общественного мнения. Так, когда в Имамате из-за больших потерь мужчин в боях увеличилось число вдов, Шамиль, усматривая вредные последствия в социальном плане, ввел в практику собирать время от времени в одно помещение мужчин, которых можно было женить. Имам и его сторонники вынуждены были немного отступить от исламских догм в брачно-семейных отношениях. Низам допускал браки между лицами разной национальности и вероисповедания при формальном принятии ислама.

Поощрялось многоженство, запрещалось умыкание девушек, муллам запрещалось оформлять брак между похитителем и похищенной. Низамы закрепляли положение горянки в Имамате. Вдов обязывали выбирать себе мужей, причем выбранные мужчины обязательно должны были жениться на вдовах, которые их выбрали. С целью сократить возможные разводы, Шамиль приказывал мужу, который хочет развестись, выплачивать всю сумму, оговоренную при заключении брака, если даже была оговорена сумма в двадцать туманов[1].

Детально имам отрегулировал и бракоразводные дела для того, чтобы укрепить положение женщины в обществе и семейные устои. Инициатива при заключении брака и разводе в горах принадлежала в основном мужчинам, которые зачастую обращались с этим правом очень легкомысленно. В противовес этому Шамиль обязал горцев при разводе возвращать женам их калым и все то, что они принесли с собой из дома. Положение Шамиля гласило, что муж, пробывший наедине с женой несколько минут, обязан выдать ей при разводе весь калым сполна. А если с женой были дети или она была в положении, то муж обязан был давать содержание детям до их совершеннолетия, а жене – до выхода замуж или до окончания беременности.

В отношении тех женщин, которые вели себя непристойно или выступали в качестве посредниц при распутных действиях других лиц, имам предписывал подвергать их «позорному наказанию: провести ее по всему селению, посадив верхом на осла и вымазав ей лицо сажей, бить без пощады ногами, а затем прогнать из села, как подлую собаку – без всякого снисхождения»[2].

Интересны в законотворческой деятельности Шамиля положения низамов, в которых вводятся всякого рода запреты и пред-

[1] См.: *Омаров Х.А.* Указ. соч. С. 86.

[2] Там же. С. 108; ДГСВК. С. 652.

писываются правила здорового образа жизни и поведения в быту. Запреты вводились на продажу винограда производителям вина, на употребление алкоголя и курение. Запрещались танцы и другие увеселительные мероприятия. Наказания за нарушение запретов низама были установлены весьма внушительные, вплоть до применения смертной казни.

Характеристику восстаний средневековья с религиозной окраской вполне можно применить для объяснения строгих правовых мер Шамиля к нарушителям низама об искоренении вредных привычек и увеселительных мероприятий из бытовой жизни горцев[1].

Необходимо отметить, что Шамиль личным поведением, своей обыденной жизнью и соблюдением им же введенных низамов подавал пример остальному населению. Он сам придерживался установленных им правил поведения потому, что понимал, насколько трудно населению Имамата жить в таких напряженных и суровых условиях осажденной противником страны. Но поскольку жесточайшая война с царизмом вынуждала горцев стоять насмерть за свою свободу, надо было поддерживать в них общественный тонус, держать их в напряжении, хотя и строгими, но необходимыми мерами. Впоследствии Шамиль признался в этом, отметив: «Правду сказать, я употреблял против горцев жестокие меры, но я бил их не за преданность русским, они ее не выказывали, а за их скверную натуру, склонность к грабежу и разбоям. Потому я не стыжусь своих дел и не боюсь дать за них ответ Аллаху»[2].

Основной целью реформ Шамиля было создать в Имамате максимум возможностей для успешной дальнейшей борьбы горцев Дагестана и Чечни против местных феодалов и царских колонизаторов, за социальную и национальную независимость.

Сочетая проведение преобразований с успешной борьбой с царскими войсками, Шамиль на практике убедился в их своевременности и правомерности в тех конкретных исторических условиях. Выход имама за рамки шариатских норм был вынужденным, продиктованным тогдашними условиями и традициями регулирования взаимоотношений между горцами.

[1] *Острогорский М.* Завоевание Кавказа: Рассказ из отечественной истории (1801-1864).СПб., 1880. С. 27; *Глиноецкий Н.* Поездка в Дагестан // ВС. 1862. Т. XVIII. С. 396-397; АКАК. Т. XII. С. 1478; *Массэ А.* Ислам. М., 1963. С. 137; *Дурманов Н.Д.* Понятие преступления. М: Л., 1948. С. 230.

[2] *Руновский А.И.* Кодекс Шамиля // ВС. 1862. Т. XXIII. С. 385.

ГЛАВА IV.

АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ УСТРОЙСТВО И ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОЕ УПРАВЛЕНИЕ В ИМАМАТЕ

I. Формирование и становление важнейших атрибутов государственного устройства Имамата. Коллективные органы управления в Имамате.

Общеимаматские съезды ученых, предводителей, наибов, представителей сельских общин и джамаатов. Государственный Совет – Диван-Хана, мудирства и мудиры, наибы и наибства. Управление на уровне сельских общин и союзов сельских общин.

Одним из первых государственных учреждений, как отмечалось выше, был совет алимов, возникший еще при Гази-Магомеде. Именно этот совет и обратился в 1832 г. к шамхалу Тарковскому Сулейман-Мирзе с призывом соединиться с повстанцами для борьбы против царизма[1]. Пожалуй, впервые этот совет был охарактеризован Н.А. Волконским. Он писал: «Кази-Муллою впервые были установлены шариаты, или совещательное собрание»[2].

Однако свое логическое завершение этот орган получил при третьем имаме Шамиле в 1841 г. Некоторые подробности об интересующем нас органе мы находим в других материалах. «Совет ученых, – писал Руновский, – это не постоянно действующее учреждение. Он собирался от случая к случаю. В составе его – виднейшие представители мусульманского духовенства, мусульманские ученые»[3].

Здесь мы встречаем имена Джамал ад-Дина, Загалава и других. Трудно сказать с уверенностью, включал ли совет ученых также представителей отдельных чеченских и дагестанских аулов или обществ, но некоторые данные в пользу такого предположения в источниках встречаются. Так, например, Гаджи-Али, говоря об избрании Шамиля, писал: «Народ и ученые из некоторых дере-

[1] ДГСВК С. 106.

[2] *Волконский Н. А.* Указ. соч. С. 123.

[3] Кавказский календарь на 1861 год. Тифлис, 1860. С. 59.

вень Хиндалала (Койсубо) собрались в Ашильта, избрали его имамом»[1].

Это же событие Мухаммад-Тахир ал-Карахи описывает следующим образом: «...Собрание благородных ученых возложило халифатство на Шамиля. Шамиль принял его на себя только лишь после упорного отказа, дошедшего до того, что ученые чуть было даже не разошлись без принятия решения»[2].

Возможно, это был один из немногих случаев, когда в «совете» решался вопрос чрезвычайной важности – об избрании третьего имама. Бесспорно одно: основная роль в совете Имамата принадлежала алимам. Иначе и не могло быть, ибо он и был организован для управления государством. Для решения важнейших дел, относящихся к управлению страной, Шамиль учредил в 1841 г. верховный совет, состоящий из лиц, пользующихся его доверением, из заслуженных наибов и старших лиц духовного звания[3].

Решением важнейших вопросов, по словам Абдурахмана, «имам занимался в общем собрании членов своего совета ежедневно, кроме пятницы. В экстренных случаях он собирал свой совет несколько раз в день.

Постоянными членами Диван-Хана были Мухаммед-Эфенди Казикумухский, Раджабиль Магома, Магомед Чиркеевский, Яхья Хаджио-артиллерист, муршид Джамал ад-Дин Казикумухский, Хаджио-Дибир Каранайский, Миттлик-Муртазали, начальник муридов – телохранитель. Раджабиль Магома (Раджабилав) «был главным мужем Совета. Он бесстрашно высказывал имаму всякого рода истины, подчас не совсем приятные, за что он пользовался особым расположением Шамиля»[4].

Во время совещаний решения имама не встречали возражений только в тех делах, которые касались собственно жалоб на притеснения и вообще на неправильные действия наибов. Здесь голос его был вполне самостоятелен. Все же прочие дела частных людей между собой решались в совете по шариату. И решения эти, определяемые одним из присутствовавших, исправляющим должность кадия, утверждались прочими членами совета и имамом.

Говоря о высшем органе управления Имамата, необходимо

[1] *Гаджи-Али.* Сказание о Шамиле. С. 71.

[2] *Ал-Карахи.* Указ. соч. Ч. 1. С. 46

[3] Шамиль и Чечня // ВС. 1859. № 9. С. 136.

[4] Выдержки из записок *Абдурахмана сына Джамал-Эдинова* о пребывании Шамиля в Ведено.Тифлис, 1862. С. 9.

особо подчеркнуть, что деятельность руководителей с мест Шамиль заслушивал в определенной очередности, строго придерживаясь постоянно действующего регламента. Их обычно заслушивали в определенные дни недели: близких к резиденции Шамиля – в понедельник и вторник, отдаленных – в среду-четверг[1].

Таким образом, «все управление подчиненными имаму народами сосредоточено было в специально созданном учреждении, состоящем из нескольких видных деятелей Имамата. Как видно, здесь разделение функций членов Диван-Хана по отраслям управления еще нет. Нам известно только о наличии казначея Хаджио, но он не состоял в числе постоянных членов совета: всеми делами совета занимался сам имам и весь совет в целом»[2].

Со временем, однако, роль Шамиля в решении важнейших вопросов значительно возросла. На это обстоятельство указывали современники событий. В этой связи мы еще раз приводим вышеуказанную цитату французского консула в Тифлис виконта Г. Кастильона, который утверждал, например, что Шамиль соединяет в себе «две личности: с одной стороны, это политический вождь, диктатор, которому событиями была представлена безграничная власть; в то же время это религиозный вождь, которому звание великого имама, верховного главы правоверных придает священный характер. Имея это звание, (он) единственный судья в вопросе принесения жертв, требуемых войной»[3].

По мнению проф. Н.И. Покровского, с укреплением власти имама значение совета несколько принижалась. На одном из общих совещаний Шамиль предлагал ряд мероприятий, заявляя участникам: «Те из вас, которые одобрят этот низам и согласятся поступать по нему, пусть подпишут свои имена и приложат печати свои на этом журнале... Если же между вами такой, который не в состоянии будет перенести его трудностей и привести его в исполнение, тот пусть оставит свою должность и сойдет в число простонародья»[4].

Для решения вопросов чрезвычайной важности в Имамате периодически созывались съезды наибов, видных и других лиц управления страной. Такие съезды были созваны в Дарго в 1841 г., в

[1] Там же. С. 9.

[2] *Покровский Н.И.* Указ. соч. С. 349.

[3] Донесение *Г. Кастильона* Французскому министру иностранных дел Гизо // Историк-марксист. М., 1936. № 5. С. 118.

[4] Низамы Шамиля // ССКГ. 1870. Вып. 3. С. 13-14.

Алмаке – в 1845 г., в Анди – в 1847 г., в Ругудже – в 1851 г., в Шали – в 1858 г. и в Хунзахе в 1859 г.[1] На первом съезде детальному обсуждению был подвергнут вопрос о мерах борьбы с самодержавием. И голос Шамиля приобрел первостепенное положение. На Андийском съезде, собравшемся в сел. Анди в 1847 г., Шамиль, «вопреки нежеланиям таких известных в Имамате лиц, как Хаджимурад, Кебет-Магома, Даниял-Султан и других, утвердил своим преемником сына своего Газимагомеда.

Этот случай дал основание некоторым кавказоведам охарактеризовать государственный строй Имамата монархическим и даже называть «Монархия Шамиля»[2]. Нет никакого основания представлять Имамат в таком свете. В этом плане несомненный интерес представляет мнение профессора Н.А. Покровского. Возникнув как государство, верховную власть в котором сумели сосредоточить в своих руках выходцы из узденской верхушки с духовным саном, Имамат постоянно двигался «к формам монархической власти имама», но «дойти целиком до последней Имамату не пришлось, этому помешала катастрофа 1859 года»[3]. Однако от съезда к съезду власть Шамиля в Имамате приобретала значительно большую независимость. И, наконец, на Хунзахском съезде 1859 г. Шамиль уже прямо отдает распоряжения. Все сказанное говорит, что «широкие съезды «ученых» совместно с виднейшими муридами, съезды, избиравшие имамов и руководившие политикой Имамата, во время мюридизма сменяются совещаниями наибов, выслушивающими и подписывающими распоряжения имама»[4].

В Имамате, как известно, гражданская деятельность определялась нормами шариата и низамами – законодательными установлениями, выработанными на основе шариата, с главным участием самого имама Шамиля[5]. «Управление страной вообще,– свидетельствовал зять имама Абдурахман, – осуществлялось Высшим Советом, присутствующими с Общего Совета *(общего собрания*

[1] ДГСВК. С. 492. *Гаджи-Али.* Указ. соч. С. 56; *Бушуев С.К.* Указ. соч. С. 120; *Покровский Н.И.* По поводу одной даты //Исторические записки. Т. 10. С. 300-301; *Гаджиев В.Г.* Роль России... С. 221,; ИНСК. С. 152.

[2] *Гаджиев В.Г.* К вопросу о социально-экономической базе государства Шамиля // Товарно-денежные отношения в дореволюционном Дагестане. Махачкала, 1991. С. 104.

[3] *Покровский Н.И.* Муридизм у власти // Историк-марксист. 1936. № 5. С. 118.

[4] *Покровский Н.И.* Кавказские войны и Имамат Шамиля. М.: РОССПЭН, 2000. С. 350.

[5] *Смирнов Н.А.* Муридизм на Кавказе. М., 1963. С. 115.

представителей из сельских обществ – джамаатов. – Ю.Д.), и голос имама не имел здесь особенного значения. Имам излагал только суть дела и высказывал свое мнение. Члены же совета могли одобрить или отвергнуть его, настойчивость имама могла иметь место в отношении только военных предприятий.

Впрочем, нередко случалось, что и в других делах он видел необходимость поступать вопреки не всегда дальновидным мнениям своих советников»[1].

В итоге скажем, что для выработки общенациональной объединительной политики и стратегии сплочения в одно централизованное государство разных народов, этнических групп Северного Кавказа в борьбе против захватнической, колониальной политики Российской империи, сохранения своей независимости, свободы, формирования демократических основ, принципов социальной справедливости, создаваемого государства, принципиально важную роль играли общеимаматские или общенациональные съезды народов Дагестана, Чечни и других регионов Северного Кавказа.

Общеимаматские съезды сыграли важную роль в возникновении, становлении политического, экономического, социально-духовного и административного государственного устройства Имамата. На этих съездах в качестве делегатов участвовали известные ученые, предводители вооруженной борьбы за независимость и свободу, известные и авторитетные предводители, и представители сельских общин, джамаатов, вольных обществ, крупных аулов, видных тухумов, авторитетные духовные лица.

Участники съезда обсуждали сложившуюся политическую и социально-экономическую ситуацию в стране в связи с усилением наступательных действий колониальных войск, сотрудничества с ними местных ханов и беков, решали важные вопросы государственного устройства, экономические, правовые и другие проблемы.

Источники показывают, что первые собрания, совещания, проводившиеся в первой трети XIX в., носили еще стихийный, консультативный и просветительский характер, но постепенно начали приобретать четко направленный политический и идеологический оттенок, можно сказать, фундамент государственности. В дальнейшем, еще при имаме Гази-Магомеде, на этих собраниях не только обсуждались актуальные проблемы, но и вырабатывались конкретные цели и задачи государства, пути и средства их реализа-

[1] Выдержки из записок *Абдурахмана* // Кавказ. 1862. № 72.

ции, определялась стратегия и тактика борьбы с колониальными войсками, перспективы развития и становления многонационального централизованного государства на территории Северного Кавказа.

С формированием и становлением государства Имамат, на разных этапах его развития и укрепления, возрастало и трансформировалось значение этих съездов. Так, например, на первом этапе возникновения и становления государства Имамат, который охватывает период с 1829-1834 гг. (период правления имамов Гази-Магомеда и Гамзат-бека)[1], общеимаматские съезды возникли из совещаний представителей народа, посвященных выборам имамов. На этих собраниях или съездах обсуждались цели и задачи общенационального масштаба по организации борьбы против колонизаторов, местных феодалов - беков, ханов и меры по повсеместному установлению шариата.

По нашему мнению, первые камни фундамента высшего органа государственной власти, вполне демократического и социально справедливого по сравнению с существовавшими в Дагестане и другими государственными образованиями, включая Российскую Империю, были заложены на этих собраниях, совещаниях, впоследствии превратившихся в общенародные, общегосударственные съезды. Съезды начали впоследствии играть роль высшего органа государственной власти Имамата.

Зарождение общегосударственных съездов мы наблюдаем и на первом этапе становления Имамата в общедагестанских совещаниях представителей народов, совещаниях, посвященных обсуждению обращений имама Гази-Магомеда с призывом подняться на борьбу против царских войск и местных владетелей, противостоящих созданию нового государства. Гази-Магомед, провозглашенный имамом Дагестана и Чечни в январе 1830 г., руководствовался четкой политической линией, которая отвечала интересам «независимости родной земли и свободе каждого человека».

[1] Среди историков существует несколько мнений об этапах становления Имамата. Например, Рамазанов А.Х. первый этап называет дошамилевским, когда «Имаматство в лице Газимухаммеда и Гамзат-бека существовало без строгой организации, когда стихийное восстание горцев против угнетения только было возглавлено. Вторым этапом можно считать 1834-1839 гг., когда Шамиль воззвел государственный каркас, третий этап – это 1840-1856 гг., когда государство по настоящему заработало и развивалось. И четвертый этап, примерно четыре года, в течение которых Шамиль отчаянно пытался сохранить созданное, но ему это не удалось, царизм разрушил Имамат». (См.: *Рамазанов А.Х.* Реформаторская деятельность великого имама Шамиля. Махачкала, 1996. С. 13.).

Вся разъяснительная работа среди масс по внедрению шариата и мобилизации их на вооруженную борьбу проводилась Гази-Магомедом и его сторонниками под руководством своего учителя Магомеда Ярагского, провозгласившего главный тезис борьбы: «Мусульманин не может быть ничьим рабом или подданным и никому не должен платить налоги, даже мусульманину. Кто мусульманин, тот должен быть свободный человек, и между всеми мусульманами должно быть равенство». «Составной частью этой идеологии были организационные формы, свободные от сословных, национальных, языковых и т.п. традиционных и структурных ограничений».

Это как нельзя лучше походило для задачи национальной консолидации мозаичного общества Дагестана и Чечни начала XIX в.[1]. Гази-Магомед и его последователи, одновременно ведя борьбу за чистоту ислама, придавали важнейшее значение объединению горских народов. Они провозгласили главными задачами объединение народов Северо-Восточного Кавказа, сохранение социальной независимости, достоинства и борьбу с царским военно-административным режимом правым богоугодным делом.

Здесь необходимо отметить, что вопрос о первом съезде или совещании ученых и известных личностей Дагестана и Чечни относится к периоду начала деятельности первого имама Гази-Магомеда.

Анализ источников показывает, что из слияния и трансформации собраний алимов, представителей обществ, джамаатов, предводителей различного уровня, созывавшихся для выбора имама, определения общей политики и «совета ученых» постепенно возникли общеимаматские совещания, съезды. На первоначальном этапе становления государства они еще не были окончательно сформировавшимися высшими органами государственной власти. Постепенно в период расцвета Имамата эти собрания становятся общеимаматскими съездами, на них обсуждаются самые важные вопросы стратегии и политики государства, вырабатываются основные вопросы государственного строительства.

В период расцвета Имамата общегосударственные съезды

[1] *Магомедов Р.М.* У истоков Имамата // Материалы научной конференции 12-14 октября 1993 г.: «Газимухаммад и начальный этап антифеодальной и антиколониальной борьбы народов Дагестана и Чечни». Махачкала, 1997. С. 23.

выступают в роли высшего органа государственной власти, однако, постепенно, особенно начиная с 50-х гг., с начала ослабления и распада Имамата, роль и место этих съездов начинает видоизменяться. Они постепенно превращаются в съезды наибов, алимов и представителей различных обществ Дагестана и Чечни, где обсуждаются только наиболее важные вопросы развития национально-освободительного движения, укрепления государства, а часть полномочий переходит к Государственному Совету, созданному по решению съезда, и подотчетному съезду.

В дальнейшем же съезды замыкаются на решении узкого круга военных вопросов, приобретают в определенной степени даже, можно сказать, частично черты органа совещательного характера. Тем не менее, необходимо сказать, что с момента становления, особенно в период расцвета и до падения Имамата, съезды были высшим органом государственной власти Имамата.

По нашему мнению, съезд алимов, предводителей вооруженных отрядов, известных духовных лиц, представителей разных обществ и джамаатов, наибов, собравшихся для избрания второго имама в селении Корода в 1833 г., является вторым общеимаматским съездом. Если общенациональные воззвания к народам Дагестана, Чечни и всего Северного Кавказа, первого имама Газимагомеда еще не были четко сложившимися формами государственной власти в форме съезда, то уже выборы второго имама Гамзат-бека приобретают формы общегосударственного масштаба.

Второй этап формирования и основания государства Имамат, по нашему мнению, охватывает период с 1834 по 1839 г. В этот период, состоялось два общеимаматских съезда-совещания. Третий общеимаматский съезд избрал в 1834 г. третьим имамом Шамиля. 19 сентября 1834 г. предводители представителей сельских общин, джамаатов, ученые в селении Ашильта единогласно избрали третьим имамом Шамиля. В работе съезда приняли участие представители обществ Гумбет, Анди, Хунзах, Технуцал, салатавцы, Чамалал, Багулал, Тиндал и Каралал. Среди них были такие известные ученые, предводители и делегаты как: Хириясул Алибек из Хунзаха, предводитель и имам Хунзахского общества Абдула из Ашильта, предводитель Нагорного Дагестана Абдулла-дибир из Кванада, предводитель общества Бактулал имам Али из Дануха (Доноха), Нурали из Арадериха, Газияв из Анди, Магомед-Амин из Харахи, Абакар из Аргвани, Гаджи из Ботлиха, Галбац-Дибир из Карата, Рамазан из Анди, Ходжодибир из Гигатля, Аличул Магомед из Тинди, Босланил Магомед из Гигатля, Саид из Игали, Загалав из Хварши и многие другие[1].

Среди собравшихся было трое желающих стать имамом: Абдулла-дибир из Кванада, Абдулла из Ашильта, имам Али из Дануха. Каждый из них имел своих товарищей-помощников. Один из участников собрания обратился к Шамилю: «Мой сын Шамиль, у тебя были большие неприятности и несчастные случаи. Мы уполномочиваем тебя. Мы выбираем тебя имамом, чтобы ликвидировать недостатки, которые имеются в нашей стране. При этом, только с нашего согласия ты должен решать важные вопросы *(подчеркнуто мною. - Ю.Д.)*. Ты не должен проливать кровь мусульман. Если ты выполнишь эти условия, ты станешь лучшим из лучших. А если не сможешь, то ты свернешь с правильного пути». После этого выступления все единогласно поддержали кандидатуру Шамиля[2].

Необходимо отметить, что Шамиль до этого упорно отказывался, отводил свою кандидатуру на пост имама, предлагал делегатам съезда избрать имама из своей среды, среди которых было много достойных ученых, руководителей движений, предводителей обществ.

Съезд решил, что Шамиль является самым лучшим и талантливым организатором, мужественным воином, подготовленным ученым, предводителем в этом трудном деле.

В своей речи «Шамиль призвал народ на борьбу за достойное существование, обрушился на изменников и отступников, просил забыть взаимные обиды и сплотиться перед опасностью полного порабощения. Но главной целью его была отнюдь не война. Он объявил о необходимости объединения всех народов гор в независимое государство – Имамат, основанное на равенстве и свободе, вере и справедливости. Он вдохновенно убеждал горцев, что только единое государство свободных горцев сможет себя защитить, что только так простые горцы избавятся от нужды и притеснений, и с ними станут всерьез считаться великие державы, и что лишь так можно обрести мир и покончить с войнами»[3].

---

[1] *Дашаялов Г.-А. Д.* Имам Шамиль. Махачкала, 1996. С. 26-28.
[2] Там же. С. 27.
[3] *Казиев Ш.* Имам Шамиль. М., 2001. С. 70.

Постепенно собрания, или совещания, ученых, известных предводителей, духовных лиц, представителей джамаатов, наибов становятся более широкими, представительными и демократичными государственными органами управления как по числу принимающих в них участие людей, так и по значимости обсуждаемых и решаемых на них проблем.

Советы ученых, народные собрания, возникшие при имамах Гази-Магомеде и Гамзат-беке на первом этапе формирования и возникновения государства Имамат, получают дальнейшее развитие и совершенствование при третьем имаме Шамиле. В первые же годы своего руководства Имаматом ему удается расширить границы государства, объединить разрозненные вооруженные отряды под предводительством таких личностей, как Ташев-Хаджи, Кебед-Мухаммад и других, под своим началом, охватить своим влиянием многие народы, общества и общины Дагестана, Чечни и других регионов Северного Кавказа.

Шамиль с самого начала своего избрания особое внимание уделял образованию дееспособной государственной системы управления. В начале 1836 г. ему удалось собрать в селении Чирката влиятельных предводителей, ученых алимов, руководителей различных горских обществ. Среди собравшихся были и некогда претендовавшие занять пост имама Ташев-Хаджи из селения Эндирей, Кебед-Мухаммад из Телетля. Можно сказать, что это был первый акт объединения разрозненных сил горцев. На этом собрании Шамилю удалось наладить отношения с указанными предводителями и добиться их согласия впредь действовать согласованно. Пожалуй, с этого значимого факта и началось действительное превращение отдельных разрозненных сил в одно государственное устройство. Объединившиеся военачальники, подчинившиеся имаму, довольно скоро стала именоваться визирями или наибами Шамиля[1].

Четвертый съезд ученых, предводителей обществ, наибов и известных лиц, прошедший в начале 1836 г. в селении Чирката, имеет принципиально важное значение в деле формирования единого централизованного демократического государства, в конструировании потом всех надстроечных институтов государства Имамат. После этого съезда началось широкомасштабное формирование государственного каркаса, – т.е. объединение всех сил,

[1] *Гаммер М.* Шамиль. Мусульманское сопротивление царизму. Завоевание Дагестана и Чечни. М., 1998. С. 122.

борющихся против царизма и местных владетелей, повсеместное назначение наибов, образование наибств, формирование регулярных вооруженных отрядов, совершенствование их структуры, формирование экономической, политической, военной и административной власти на местах, появились первые признаки вертикальной власти, разделения исполнительной, законодательной и судебной власти. Началось формирование не только центральной власти во главе с имамом, но и административно-военной, исполнительской и судебной власти на уровне наибств, сельских общин и джамаатов.

Создание административной, военной, духовной и судебной власти на местах начало принимать необратимый характер, стало одним из важных направлений работы государства во главе с Шамилем. Решения съездов приобретают на этом этапе всеобщий и обязательный статус для всех военно-политических и административно-территориальных органов власти в центре и на местах, выполнение их становится обязательным не только для Шамиля, его ближайших сподвижников, но и для всех слоев народных масс, общин и джамаатов, вошедших в состав Имамата.

Описывая, например, подчинение унцукульцев Шамилем в 1835 г., Мухаммед Тахир ал-Карахи отмечает: «Затем они, то есть воины Шамиля и он сам, подойдя со стороны харахинцев, остановились в садах унцукульцев с топорами в руках. Шамиль пригрозил унцукульцам порубить их деревья, и тогда они сдались ему. Шамиль назначил над ними наибом и одновременно кадием ученого Сурхая из Коло»[1].

Пятый многолюдный съезд был созван 26 сентября 1841 г. в столице Имамата Дарго, где обсуждался вопрос о мерах борьбы с русским царизмом. Это было время, когда началась блистательная эпоха Шамиля, в состав Имамата вошли земли ликвидированного Аварского ханства, множество союзов сельских общин горного и предгорного Дагестана, почти вся Чечня, Ингушетия, отдельные аулы Хевсуретии и Тушетии.

К сожалению, мы до сих пор не знаем подробно, о чем говорилось на этом съезде. Из доступных источников на сегодня известно, что съезд обсудил не только вопросы усиления борьбы с царизмом и меры по устройству государственных органов в центре и на местах, введения норм шариата в государственном управле-

[1] *Ал-Карахи.* Указ. соч. С. 57.

нии, но и определил функциональные обязанности наибов, муфтиев и кадиев, разграничил полномочия и обязанности военных и административных структур в государстве.

По нашему мнению, на этом съезде было принято решение о создании Государственного Совета (Диван-Хана) во главе с Шамилем[1]. Этой точки зрения придерживаются такие видные историки, как Н.И. Покровский, Р.М. Магомедов, С.К. Бушуев, Г.Д. Даниялов, В.Г. Гаджиев, Х.Х. Рамазанов и другие.

Вопросы выработки главных направлений политики, усиления борьбы с царизмом, освобождения захваченной царскими войсками территории Дагестана и Чечни рассматривались на шестом съезде в столице Имамата Дарго в 1842 г. перед наступлением Шамиля в Аварию.

К этому времени Имамат включал в свои границы большие территории Дагестана и Чечни, функционировал Государственный Совет, было назначено более 20 наибов, налаживаются связи с народами Северо-Западного Кавказа, успешно действовала постоянная армия, повсеместно развернулось организованное производство оружия, пороха, боеприпасов, начали устанавливаться в жизни граждан государства нормы и принципы шариата и т.д.

На этом съезде как бы подводятся итоги сделанного после предыдущего съезда, состоявшегося год назад. Становление государства Имамат шло такими быстрыми темпами и успешно, что приходилось принимать важнейшие реформаторские решения экономического, политического и правового характера буквально ежегодно и с размахом: «Шамиль собрал в Дарго всех ученых законников для составления нового уложения. Он находит, что с некоторого времени правоверные мусульмане не с прежним усердием и ревностью исполняют приказания как его, так и наибов и приписывает это тому, что по шариату меры наказания слишком слабы. Он решился на неслыханное дело: изменить наказания, определяемые шариатом, и заменить их казнью»[2].

В 1844 г. Шамиль предпринимает энергичные меры по дальнейшему расширению территории своего государства за счет присоединения к ней феодально-ханских владений, вольных обществ, находящихся к востоку и юго-востоку от границ Имамата. К тому времени надо отнести свидетельство Гаджи-Али о прибытии Шамиля в Акуша с 4 тыс. конницей и 10 наибами из Гимры через

[1] См.: Шамиль и Чечня // ВС. 1859. № 9. С. 136.

[2] РГВИА. ВУА. Д. 6471. Л.74 об. / Журнал военных происшествий на левом фланге Кавказской линии с 25/X – по 1/X1 – 1842г.

Аркас и Кутишу. Имам остановился в доме Магомед-Кади. «Вслед за ними прибыли койсубулинские наибы: Ибрахим Гимринский, Муса Балаханский и Саид Инхелойский с тремя орудиями, глухой Хаджимурад Чохский, Согратлинский кадий Мухаммад. Здесь собрались все наибы Дагестана, исключая Киялал (высокогорная полоса Чечни от верховьев Аргуни до Ингушетии), Ункратль, Чамалал, Тиндалал, Багулал и их войска». В Акуша в доме Магомед-Кади в июне 1844 г. состоялся съезд наибов Дагестана. Обсуждался вопрос о движении войск генералов Лидерса и Аргутинского к Акуша-Дарго. Мухаммед-Тахир добавляет многозначительную фразу: «Русские также достигли равнины, принадлежавшей жителям Акуши» – видимо, имеется в виду плато и предгорье по рекам Халогерку и Джанге[1].

Съезд в Акуша (седьмой по счету с возникновения государства Имамат) не был таким представительным, как последующие. Мы точно не знаем, сколько всего в ней участвовало человек, в том числе ученых, предводителей сельских общин, джамаатов, духовных лиц. Не знаем также, готовился ли он заранее с рассылкой писем-извещений от имени Шамиля. Таких документов пока нам обнаружить не удалось.

Но с военной, политической стороны Акушинский общеимаматский съезд имеет принципиально важное значение. Оно заключается в том, что съезд проходил впервые на территории крупнейшего вольного общества Дагестана, ранее никогда не входившего в состав Имамата, имевшего важное значение в Северо-Восточном Кавказе и Дагестане. Во-вторых, в работе съезда принимали участие уже в качестве наибов Шамиля предводители не только союзов Акуша-Дарго, но и Сирха, других даргинских обществ, сопредельных Имамату джамаатов и общин.

В-третьих, на съезде рассматривались вопросы усиления совместной борьбы с царскими войсками, вхождения этих территорий, вольных обществ в состав Имамата, освобождения Дагестана от царских войск.

На этих съездах всесторонне рассматривались вопросы стратегии и тактики, ведения борьбы с колонизаторами, политического, экономического и социального развития государства Имамат, совершенствования форм и методов управления государством, укрепления обороноспособности и производства оружия, ведения

[1] *Магомедов Р.М.* Даргинцы в дагестанском историческом процессе. Махачкала, 1999. С. 425.

внешней политики и укрепления границ государства, регулярно анализировалось положение внутри страны, на местах и в наибствах, заслушивались отчеты наибов, членов государственного совета и других должностных лиц[1].

Проведение съездов начинает приобретать планомерный, заранее подготовленный характер. Этого требовали возросшие масштабы задач, возникающих в государстве, демократичный характер проводимых реформ и мероприятий под руководством Шамиля.

Съезды проводились втайне от царской разведки, принимались меры безопасности, характерные для того времени. Об этом свидетельствует письмо Шамиля Галбац-дибиру от 10 октября 1845 г. с приглашением на восьмой съезд, где не указано место проведения. «10 октября 1845 года. От эмира правоверных Шамиля к славному муриду Галбацу. Вечный привет.

А затем.

Мы решили созвать в Аварии съезд наибов, алимов, лучших и благочестивых людей для решения важных вопросов. Тебе следует привезти с собой наибов и ученых своего вилайета. Если будет угодно Богу, в будущий четверг мы приедем туда. Все»[2].

В октябре 1845 г. в Алмаке три дня проходил восьмой общеимаматский съезд наибов, алимов, кадиев, муфтиев, почетных и авторитетных людей, известных полководцев, командиров боевых отрядов Дагестана и Чечни. Это был съезд победителей, разгромивших многотысячную армию самого Воронцова, а также своего рода дань уважения героизму и мужеству погибших в этих боях. На съезде подвели итоги боевых действий, обсудили тактику проведения дальнейших военных операций, осуществили некоторые административно-территориальные изменения в связи с расширением границ Имамата, назначили новых наибов вместо погибших, приняли ряд важнейших законов, в том числе и об организации работы с пленными солдатами и офицерами (которых тогда было на территории Имамата несколько тысяч), их обустройстве[3].

С расширением границ государства, усилением государства Имамат, особенно после 1840-1845 гг., возникла настоятельная необходимость регулярного созыва съездов. Возникающие новые внутренние и внешние задачи экономического, политического и

[1] *Дашилов Г.-А. Д.* Имам Шамиль. Махачкала, 1996. С. 79.

[2] ДГСВК. С. 492.

[3] *Дадаев Ю.У.* По тропам Шамилевских сражений. Махачкала, 1997. С. 277.

социального характера в новом государственном механизме объективно требовали поиска новых, качественных, нестандартных путей, форм и методов их решения на демократических принципах. Поэтому при Шамиле прочно и быстро утвердилась практика созыва съездов представителей народов, общин, сел для выработки единой политики по важнейшим государственным делам.

Анализ многих источников, прежде всего дагестанских авторов, введенных в научный оборот за последние годы, подтверждает мнение о том, что на общегосударственных съездах решаются все более важные вопросы обороны государства, строительства и реформирования экономической, политической и социальной жизни граждан, укрепление дисциплины и порядка в Имамате, усиление борьбы с врагами Имамата и многое другое[1].

Особенно важное место источники уделяют наиболее представительному съезду, который состоялся летом 1847 г. в селении Анди. На этом девятом общеимаматском съезде присутствовало около 800 представителей[2] народов Дагестана, Чечни, Ингушетии, Черкесии. Он вошел в историю как один из самых переломных в осуществлении новых организационных и реформаторских идей Шамиля и его соратников.

С большой речью перед собравшимися в первый же день работы съезда (он шел 3 дня)[3] выступил Шамиль. А. Руновский в предисловии к «Низаму Шамиля» писал: «Тут он объявил собравшимся, что прошло более десяти лет, как он признан имамом, что во все продолжение этого времени он по мере своих сил старался служить народу и защищать его от врагов мусульманства». Далее Шамиль просил сложить с него звание имама и избрать вместо

[1] См.: *Шарафутдинова Р.* Арабоязычные документы эпохи Шамиля. М., 2001; *Омаров Х.А.* 100 писем Шамиля. Махачкала, 1997; *Он же.* Образцы...; *Магомеддадаев А.М,* Мухаммад-Амин и народно-освободительное движение народов Северо-Западного Кавказа в 40-60 гг. XIX века. Махачкала, 1998; *Рамазанов А.Х.* Реформаторская деятельность великого имама Шамиля. Махачкала, 1996; *Рамазанов Х.Х., Рамазанов А.Х.* Военное искусство Шамиля. Махачкала, 1999; *Магомедов М.Б.* Историко-правовые аспекты Кавказской войны 20-50 годов X1X века. М., 2000; *Покровский Н.И.* Кавказские войны и Имамат Шамиля. М., 2000; *Халилов А.М.* Шамиль и Кавказская война. Махачкала, 1998; *Магомедов Р.М.* Два столетия с Шамилем. Махачкала, 1997; *Казиев Ш.* Имам Шамиль. М., 2003; *Дадаев Ю.У.* По тропам шамилевских сражений. Махачкала, 1997; *Он же.* Ахульго – боль моя. Махачкала, 1998 (на аварском языке); *Рамазанов Х.Х.* Эпоха Шамиля. Махачкала, 2004.

[2] Такие данные мы обнаружили в ходе полевых экспедиций 1991-1997 гг. в дагестанских и чеченских аулах.

[3] Из личного архива автора.

него способного и достойного и предлагал «служить избраннику народа в числе других помощников». Собрание единогласно ответило, что никто другой не может руководить делом народа лучше Шамиля, просило его не отказываться от Имаматства, обещая исполнять беспрекословно его волю, и выразило свою готовность поддерживать все мероприятия, какие он найдет нужным и для защиты ислама. После такого ответа Шамиль заявил, что подчиняется воле народа, и дал письменный наказ, в котором определил «общие и постоянные обязанности всех, а также ответственность за нарушение их»[1].

Съезд, прежде всего, определил пути и средства осуществления новых преобразований в государственном устройстве с учетом прошедшего этапа, допущенных ошибок, достигнутых успехов.

На этом съезде решались важнейшие вопросы внутренней и внешней политики, вызванной усиливающейся с каждым днем борьбой народов за свое освобождение от колониального ига, разрабатывались предложения по преодолению возникших социальных противоречий внутри государства, когда политика, проводимая некоторыми наибами, не отвечала интересам простого народа, реформам, проводимым в государстве, нормам демократического общества, социального равенства. Вызывали беспокойство нарастающие факты имущественного неравенства, случаи взяточничества, коррупции, предательства интересов государства Имамат. Главным итогом съезда было всеобщее одобрение деятельности Государственного Совета во главе с Шамилем, готовность народов Дагестана и Чечни продолжить дальше борьбу за свободу и независимость.

Об этом свидетельствует принятый съездом «Низам Шамиля», в котором в частности отмечается: 1. Назначить муфтиев к каждому наибу для разбора тяжб, удержания народа от дурных поступков и поучения его к исполнению долга; 2. Указания муфтию и наибу, по каким делам они должны обращаться к имаму; 3. Совещания о средствах содержать солдат, которые нам так необходимы, и о содержании бедных мухаджиров; 4. Соглашение насчет того, чтобы не брать имения казненного, в особенности когда остаются после него сироты; 5. Чтобы не копить доходов с байтул-мала, но расходовать на нужное, например: на оружие, лошадей, на пользу религии, и чтобы не покупать на эти деньги дорогих имений; 6. Чтобы нам не сходить с пути добродетельного; 7.

[1] Низамы Шамиля // ССКГ. Тифлис, 1870. Вып. 3. С. 4.

Чтобы оставить взаимную зависть, притеснения и быть рукою (помощью) один другого; 8. Чтобы второй не портил того, что сделал первый, и чтобы преемник был с предместником в тех отношениях, в коих был до смены его; 9. Чтобы взвешивать все поступки свои на весах шариата и не идти путем эмиров-тиранов, дабы еще более не сбиться с прежнего пути как всей, так и в будущей жизни (нужно бояться изречения Божьего: «так мы подчиняем одних притеснителей другим за прежние их поступки»); 10. Чтобы смещенные наиб и кадий не были вторично назначаемы на те же должности в том же месте; 11. Чтобы обязать всех наибов приказать всем, кто находится в их ведомстве, запасаться известным количеством пороха; 12. Чтобы, когда кто получит предписание от имама об удовлетворении подателя и когда предписание будет согласоваться с сущностью дела, немедленно исполнить оное, в противном же случае доносить о настоящем положении дела; 13. Чтобы принимать тифлисское серебро в пределах нашего шариатского государства для облегчения обращения в народе денежных знаков, уклоняющихся же наказывать; 14. Чтобы обязать, отправляя богослужение, молиться об укреплении имама и его наибов и об успешном ходе дел мусульманских; 15. Чтобы оставить в пятницу прием жалоб и посвятить одному богослужению; 16. Чтобы указать частям войска для защиты определенную сторону границы государства; 17. Чтобы назначить по одному мудиру на каждые четырех наибов[1].

Приведенна выдержка из документа свидетельствует о том, какие важнейшие вопросы государственного строительства решались на восьмом андийском съезде. В каждом пункте этого обширного постановления видно, какие сложные экономические и социальные процессы происходили в государстве Шамиля, как трудно происходило вытеснение из жизни людей стремления к наживе, обогащению за счет других, искоренение имущественного неравенства, коррупции и поборов, установление и внедрение демократических норм, принципов социального равенства, отказ от веками сложившегося феодально-бекской психологии.

Этот документ является показателем того, что идеи и нормы, провозглашенные Шамилем и его сторонниками, не всегда находили поддержку у всех наибов и должностных лиц в государстве. Чем сильнее разворачивалась борьба с царизмом, тем сильнее царизм усиливал давление на должностных лиц серебром и зо-

[1] Низам Шамиля // ССКГ. Вып. III. С. 13-14.

лотом; подкупом и другими мерами способствовал имущественной дифференциации узденской массы Имамата. Как отмечает С.К. Бушуев, «и чем сильнее был натиск русского царизма оружием, и особенно подкупом, тем явственнее ускорялась дифференциация сил внутри муридов на именитых узденей, представителей духовенства и «простонародье», которое колебалось между молотом русского царизма и наковальней наибов, концентрировавших в своих руках дорогие имения»[1].

Съезды состоялись также в 1851 г. в Ругудже, в 1858 г. в Шали, в 1859 г. в Хунзахе, на них всесторонне рассматривались вопросы административного и политического характера, налоговые и земельные вопросы, заслушивались сообщения о положении дел на местах.

17 июня 1851 г. в селении Ругуджа начал свою работу десятый (по нашему счету) общеимаматский съезд. На съезде были рассмотрены вопросы об усилении борьбы с царизмом, реформировании вооруженных сил, производстве оружия и боеприпасов, укреплении и охраны границ Имамата, повышении ответственности наибов, муфтиев и других должностных лиц за порученное дело в государстве.

До сих пор, однако, не обнаружены документы, отражающие подробно все решения ругуджинского общеимаматского съезда. Мы полагаем, что на съезде особое внимание было уделено обстановке, сложившейся к тому времени в наибствах Чечни в связи с усилением наступательных действий царских войск. Осенью 1858 г. в Чечне, в ауле Шали на площади около укрепления состоялся одиннадцатый общеимаматский съезд наибов, ученых, предводителей и представителей различных общин и джамаатов.

Необходимость созыва съезда была связана со сложившимся крайне трудным положением в государстве, уменьшением размеров государства и влияния Имамата прежде всего на чеченские общества, ускорившимся не по дням, а по часам процессом распада Имамата, перехода значительных территорий Чечни и предгорного Дагестана под контроль царских войск, истощением экономического, военного и людского потенциала Имамата, большой усталостью народа от многолетней изнурительной и тяжелой войны с сильным противником. На съезде рассматривались вопросы обороны Чечни, противодействия дальнейшему продвижению царских войск на территорию имамата.

[1] *Бушуев С.К.* Борьба горцев за независимость под руководством Шамиля. М., 1939. С. 122.

Имам Шамиль прекрасно понимал, что приближается конец созданному им невероятным трудом государству, это же чувствовали его соратники, ученые и предводители, его друзья, открытые и тайные враги. Тяжелое положение народа, изменившееся моральное настроение общества, отсутствие единства в вопросе по борьбе с царизмом, как это было в период становления и расцвета Имамата, приводило Шамиля к мысли о необходимости поиска пути мирного решения затянувшегося военного противостояния. То, что удержать в руках государство, свое правление уже невозможно, Шамиль чувствовал явно.

В каких трудных условиях был созван Шалинский общеимаматский съезд, свидетельствуют признания самого Шамиля. Однако он старался скрыть свои размышления, печальные думы перед народом; он воодушевлял и призывал на борьбу с противником. Обращаясь к участникам съезда, Шамиль сказал: «Не пугайтесь русских. Я из Ахульго вышел с 7 человеками, а теперь вот каким сделался с помощью Вас. Не думайте, что я Вас оставлю без всякой помощи и уеду в горы, нет, я умру здесь, на земле вашей. Вы такие смелые и храбрые. Будьте покойны и ничего не бойтесь»[1].

На съезде Шамиль, все его соратники, ученые, наибы, командиры вооруженных отрядов и представители обществ и джамаатов поклялись в том, что они будут всеми силами защищать чеченскую землю, не щадя своей жизни бороться с противником. После принесения клятвы и перед завершением работы съезда в своем обращении к участникам съезда, народам Дагестана и Чечни, Шамиль сказал: «О народы и общества Дагестана и Чечни! Знайте, что я вам говорю истину. Я не требую от Вас денег, нет! Желание мое, чтобы вы сражались с русскими и не имели бы с ними никаких сношений, и, ей-богу, они не имеют никакой другой цели от этих бедных жителей Чечни и Дагестана, расточая столько денег и погубляя солдат, как только чтобы брать Вас в солдаты, а жен ваших в матушки (русская женщина), они отберут у вас оружие и даже не позволят иметь ножа, всех почетных ваших сошлют в Сибирь, и вы будете после этого, как мужики. Вы подождите немного и увидите, что будет после, и вы будете раскаиваться и грызть себе пальцы, но ничего вам тогда не поможет»[2].

Подробных сведений о шалинском общеимаматском съезде в местных источниках (у Мухаммеда Тахира ал-Карахи, Абдурахмана Казикумухского, Хайдарбека Геничутлинского и др.), кроме

[1] *Гаджи-Али.* Сказание очевидца о Шамиле. Махачкала, 1990. С. 56

[2] *Гаджи-Али.* Указ. соч. С. 56.

как у Гаджи-Али[1], нет. На наш взгляд, существуют еще не введенные в научный оборот документы эпохи Шамиля, которые позволят глубже изучить проблемы, которые рассматривались на этом съезде.

Мухаммад-Тахир ал-Карахи ничего не говорит об этом съезде, о его делегатах, об итогах, но, с другой стороны, точно передает состояние духа Шамиля, его настроение в этот период времени, о чем свидетельствуют его следующая запись: «Имам собирал неоднократно свою семью и домочадцев и поучал их, (говоря) следующее: «Истинно, это государствование продлилось для нас так долго, как оно не длилось для тех, кто нам предшествовал. Так не превозноситесь же в одежде и пище. Будьте благонамеренными, может быть, оно (государствование) близко от того, чтобы уйти от нас и повернуться к нам спиной»[2].

Последний двенадцатый общегосударственный съезд Имамата состоялся в июле 1859 г. в селении Хунзах. О созыве этого съезда хорошо было известно Кавказской администрации. Шамиль должен был иметь, как доносил генерал Меликов генералу Евдокимову, «в Хунзахе совещание в начале июля с наибами и духовными лицами о том, как противодействовать в 1859 г. наступающим царским войскам»[3].

«Шамиль, услышав, что главнокомандующий кн. Барятинский выступил с отрядом, предписал наибам, ученым и почетным собраться на совет в Хунзах в 1275 / 1859 году. Шамиль остановился в селении Геничутль в доме аварского наиба Дебира. Наибы, ученые и другие собрались на возвышенности около Геничутля. Шамиль, замечая, что наибы и народ хотят изменить ему и предаться русским, приказал всем наибам, ученым и сотенным начальникам и другим почетным лицам поклясться, что они не изменят ему и будут сражаться с русскими и никогда не примирятся с ними. Все поклялись, что если они изменят, то пусть жены бросят их. Однако же все изменили ему потом»[4].

Таким образом, в течение всего периода становления, расцвета и падения государства Имамат высший законодательный и исполнительный орган государства (съезды), возникший на самом первом этапе в форме собраний представителей народных масс,

[1] Там же.

[2] *Ал-Карахи...* Махачкала, 1990. Ч. II. С. 68.

[3] АКАК. Т. XII. С. 1145.

[4] *Гаджи-Али.* Указ. соч. С. 59-60.

«совета ученых», «совещаний и собраний ученых, наибов, представителей», переросший в период наивысшего расцвета государства во влиятельный высший орган государства и видоизменяющийся в сторону усиления теократии, сыграл конкретную позитивную роль в механизме существования государства Имамат.

Определяя роль и значение общеимаматских съездов в строительстве государства Имамат, следует выделить несколько направлений:

1. Собрания, совещания ученых и предводителей, совета ученых, съезды наибов, ученых предводителей являлись высшей формой осуществления на практике демократии, обеспечения равенства и справедливости в государстве.
2. Они в разной степени на каждом этапе развития государства выполняли функции высшего законодательного и исполнительного органов государства.
3. Определяли цели и задачи защиты государства, усиления борьбы с царизмом, формы и методы их претворения в жизнь.
4. На съездах вырабатывались основные направления военной, экономической, социальной политики государства, формы и методы осуществления военно-политических и административных реформ.
5. На съезде избиралось высшее должностное лицо, которое было подотчетно съезду.
6. Съезд принимал решение о создании, функционировании высших исполнительных, законодательных и судебных органов Имамата, в том числе о создании Государственного Совета (Диван-Хана), образовании мудиратов и другие.

Отдельные положения и результаты опыта Имамата в создании и использовании такого механизма, как съезды, и сегодня можно использовать в деятельности государства, общественных организаций, народных масс по формированию основ гражданского общества в России.

При этом необходимо иметь в виду и то обстоятельство, что царские власти после пленения Шамиля оставили в основном в целости и сохранности все те механизмы управления, которые вводил Шамиль. Более того, в течение длительного времени бывшие наибы Шамиля оставались на своих местах, управляя джамаатами уже от имени царского правительства.

Мудиры и мудирства, наибы и наибства.

Имамат, как уже отмечалось, занимал, по масштабам Северного Кавказа, обширную территорию, и без всякого преувеличения можно сказать, что она была больше, чем площадь, занимаемая каким-либо политическим объединением на Северном Кавказе. Для удобства управления Имамат был разделен на отдельные наибства. За время правления Шамиля было образовано 50 наибств, но более или менее постоянных из них было 30[1]. Всего за время существования государства Шамиля наибами были свыше 200 человек (см. приложение в конце настоящей работы).

В период наивысших успехов движения, согласно архивным документам и иным материалам, в Имамате было 100-150 тысяч дворов, покорных Шамилю и разделенных на наибства.

Однако к 1843 г. для надзора за наибами и скорейшего исполнения распоряжений, особенно в местах, соседствующих с русскими владениями, несколько наибств были объединены в округа или области с особым начальником (мудиром) /мудир от арабского глагола «адара» – «управлять, «руководить»/. Мудиры, наблюдая за действиями наибов и замечая что-либо противозаконное шариату, наказывали по своему усмотрению или докладывали Шамилю[2].

В мудирства входили три-четыре наибства, граничащих с друг другом, в состав которых входили, в свою очередь, сельские общины, отдельные вольные общества, джамааты нескольких сел или аулов, связанных между собой тесными экономическими, политическими, духовно-этнографическими нитями. Бывали случаи, когда у мудира было в подчинении более пяти наибов (в конце сороковых годов в подчинении наиба Кебед-Мухамеда Телетлинского было 7 наибств)[3]. В период расцвета Имамата в подчинении мудира Абакар-дибира из Аргвани было четыре наибства (Салатавское, Гумбетовское, Ауховское, Андийское), а в одно время только два наибства (Гумбетовское и Салатавское).

В письме мудира Абакар-дибира мудиру Мухаммадмирзе Анзорову (не ранее марта 1849 г. и не позднее июня 1851 г.) отмечается: «...тебе необходимо явиться ко мне с двумя своими наибами, Саадулой и Дубой, и верными сподвижниками рано поутру в будущую среду»[1].

Во время подготовки и сбора войск мудир осуществлял руководство организаторской и военно-административной работой наибов подчиненных им маъзунов, командиров воинских отрядов. Во время военных операций мудиру подчинялись подвластные ему наибы и их войско, и они действовали под единым командованием мудира. Мудиры, в свою очередь, действовали под руководством главнокомандующего вооруженными силами Имамата.

Мудир осуществлял, кроме того, руководство действиями наибов по охране границ государства, строительству защитных укреплений, крепостей, дорог общегосударственного значения и осуществлял контроль за повседневной деятельностью наибов на местах. «Кроме того, мудир выполнял функции наиба в месте проживания, точно так же, как сам имам – в районе своей резиденции»[2]. Как пишет Абдурахман, в России «ему как бы соответствует чин начальника дивизии. В распоряжении мудира находилось несколько наибов, которые обращались к нему по важным вопросам. А тот давал советы, следуя законам и решениям имама»[3].

Проведенное нами детальное изучение известных ныне документов и источников показывает, что за все время существования Имамата мудирами стали свыше двадцати человек. Среди них были представители почти всех народов Северного Кавказа. Многие из них проявили себя как талантливые военачальники, прекрасные администраторы, ученые, верные сподвижники Шамиля. Многие погибли как герои на поле боя, другие пережили самого Шамиля, умерли своей смертью, одних убили свои же земляки, кое-кто предал Шамиля и перешел на сторону царских войск.

К настоящему времени нет ни одной работы, где была бы раскрыта роль мудиров и мудирств в Имамате Шамиля, нет даже полного перечня мудирств, имен тех, кто удостоился в государстве

---

[1] РГВИА. Ф. ВУА. Д. 6512. Л. 367; ДГСВК. С. 412-413; *Гаджиев В.Г.* Роль России... С. 221.

[2] ДГСВК. С. 413.

[3] Все зависело от положения дел в конкретном регионе, от размеров и численности войск в конкретном наибстве, от военных успехов и неудач. Во все времена в Имамате не было твердо установленного правила о том, что в составе мудирства должно быть, как минимум, четыре наибства. Их количество менялось в зависимости от положения самого Имамата.

[1] *Шарафутдинова Р.* Арабоязычные документы... С. 49.

[2] *Гаммер М.* Шамиль. Мусульманское сопротивление царизму. Завоевание Чечни и Дагестана. М., 1998. С. 307.

[3] *Абдурахман из Газикумуха.* Книга воспоминаний. Махачкала, 1997. С. 199.

Шамиля этого высокого звания. Абдурахман называет имена всего лишь трех мудиров: Даниял-Султана, Кебед-Мухаммеда, Газимухамада[1]. Мухаммед-Тахир ал-Карахи называет четырех мудиров[2]. В русскоязычных документах, прежде всего в рапортах царских генералов, разведчиков, также, называются отдельные имена даются им характеристики, но нет описаний мудирств, полного списка мудиров, анализа их деятельности и причин их упразднения[3]. В проанализированных мною документах встречаются в качестве мудиров, начиная с 1840 г., следующие лица:

1. Ахбердил-Мухамед из Хунзаха был назначен мудиром в конце 1840 г. в Чечне. Был убит в бою в июне 1843 г.;

2. Шуаиб-мулла Центороевский был назначен мудиром Мичиковской волости в конце 1840 г., был убит кровниками в начале марта 1844 г. в селении Центорой;

3. Джавадхан из Дарго был назначен мудиром в конце 1840 г. Шалинско-Герменчукской области[4];

4. Ташев-Хаджи Эндиреевский, выходец из общества Аух, в других документах он упоминается как выходец из селения Эндирей, был там раньше муллой, был назначен мудиром в конце 1840 г. в Ауховскую область. Последнее упоминание о нем в русских источниках относится к 1843 г.[5] Есть данные, что погиб в 1842 г., по другим, более точным данным, умер своей смертью и похоронен в селении Саясан (ЧР).

5. Атабай-наиб, мудир, преемник наиба Иссы с 12 декабря 1845 г. До августа 1846 г. стоял во главе мудирства и наибства Гехинский провинции, затем его сменил Мухаммадмирза Анзоров[6]. Участвовал в подготовке вторжения Шамиля в апреле 1846 г. в Кабарду, которое окончилось неудачей.

6. Талхик, мудир Большой Чечни. На его дочери Шамиль женил своего старшего сына Джамалутдина, возвращенного из России, где тот провел многие годы заложником (1839-1854).

[1] *Там же*. С. 78.

[2] *Ал-Карахи.* Блеск дагестанских сабель в некоторых шамилевских битвах. Махачкала, 1990. Ч. I. С. 91.

[3] ДГСВК. С. 382-384.

[4] *Ал-Карахи.* Указ. соч. С. 91.

[5] ДГСВК. С. 226.

[6] *Шарафутдинова Р.* Указ. соч. С. 20.

7. Абдулла Цахкар из Казикумуха был мудиром в Шали-Герменчукской области (1842 г.)[1].

8. Абдурагим – сын Баширбека из Газикумуха. Абдурахман пишет: «Даниял-султан из Илису был мудиром, затем его сменили и назначили наибом, впоследствии (он опять) был смещен, и на его место был назначен его зять Абдурагим, сын Баширбека Газикумухского»[2].

9. Мухаммадмирза Анзоров. Кабардинец из влиятельного рода, примкнувший к движению. С августа 1846 г. наиб общества Гехи, с марта 1849 г. мудир. Умер 19 июня 1851 г. от раны, полученной в сражении. По другим данным, уже в мае-июне 1846 г. Мухаммадмирза Анзоров был мудиром и одновременно исполнял обязанности мухтасиба[3]. В марте 1849 г. Мухаммадмирза был назначен мудиром под новыми землями[4]. О том, что Мухаммадмирза Анзоров был мудиром до 1849 г., свидетельствует письмо, адресованное ему от мудира, военачальника, помощника Шамиля Абакара Аргванинского 29 июня 1848 г., где он обращается к нему со словами: «От нуждающегося в милости Аллаха всевышнего Абакара к своему любимому брату и проницательному другу – мудиру имама, благородному наибу Мухаммад-Мирзе»[5].

Об этом же свидетельствует письмо мудира Мухаммад-Амина, написанное не ранее октября 1848 г. жителям Колая и Арашди, которых он называет великодушными братьями и славными друзьями, доблестными, храбрыми, ревностными жителями и напоминает им, что «повиновение имаму – долг каждого человека и помощь исламу – обязанность мужчин. Вам надлежит повиноваться тому, кто поставлен над вами, а он – наш верный брат Мухаммад-Мирза. И если вы послушны имаму, повинуйтесь ему, подчиняйтесь и не отворачивайтесь от него и выдайте ему аманатов»[6].

10. Мухаммад-Амин (1818-1899) из селения Гонода, наиб, мудир Шамиля с 1848 по 1859 гг., руководитель движения горцев Западного Кавказа, который действовал среди абадзехов и других адыго-черкесских народностей, реализуя стратегические планы

[1] См.: Показания прапорщика Орбелиани //ДГСВК. С. 380.

[2] *Абдурахман из Газикумуха.* Книга воспоминаний. Махачкала, 1997. С. 78.

[3] *Шарафутдинова Р.* Указ. соч. С. 26.

[4] Там же.

[5] Там же. С. 42.

[6] Там же. С. 48.

Шамиля. Мухаммад-Амина называли в Имамате и за пределами его столпом просвещенности, великим мудиром[1]. Он был крупным ученым, талантливым организатором. Эмигрировав в Турцию, умер в 1899 г. Похоронен близ г. Бурса в селении Армут-кёй.

11. Даниял-Султан (Даниял-бек), мудир Шамиля. Будучи в чине генерал-майора на русской службе, изменил русским и в 1844 г. перешел на сторону Шамиля. В 1845 г. был назначен мудиром четырех наибств: Аварского, Андалальского, Тлейсерухского, Карахского, потом снят с должности мудира, оставался наибом. В 1859 г. предал Шамиля, перешел на сторону царских войск. Умер в 1870 г.

12. Кебед-Мухаммад, мудир[2]. Кебед-Мухаммад был назначен наибом в 1840 г. над мелкими селениями общества Телетль. До этого же в 1837 г. он был наибом[3]. С 1845 г. он был мудиром над семью наибствами (может быть, раньше –необходимо уточнение). Как мудир, он уже упоминается в рапортах царских генералов в начале 1845 г.[4] В 1856 г. он был уличен в тайных сношениях с русскими через Казикумухского правителя Агалар-хана.

13. Галбац-Дибир из Карата[5]. О том, что Галбац был мудиром, говорит письмо Данияла (Даниял-Султана Элисуйского) к нему от 19 мая 1846 г., где он обращается со словами: «От просящего помощи у владыки всевышнего, опечаленного наиба переселенца Данияла дорогому, славному и чистосердечному мудиру имама, вождю простого народа, благочестивому, рассудительному, ученому мужу, брату, кади Галбацу и его семье приветствия многократные и молитвы всеобщие...»[6].

14. Саид из Инхо[7], мудир Шамиля в Хиндалальских обществах.

15. Абакар-дибир из Аргвани[8]. Был наибом Гумбета, в одно время был мудиром над наибствами Гумбета, Салатавии, Ауха и Анди. Он считался крупнейшим военачальником («амир ал-джайш»)

[1] Там же. С. 64: Письмо Ибрагима-хаджи Мухаммад-Амину от 28сентября. 1848 г.// Омаров Х.А. Указ. соч. 66

[2] *Шарафутдинова Р.* Указ. соч. С. 152.

[3] См.: *Ал-Карахи.* Указ. соч.

[4] ДГСВК. С. 382.

[5] *Абдурахман из Газикумуха.* Книга... С. 192.

[6] *Омаров Х.А.* Указ. соч. С. 23, 91-92, 94.

[7] *Абдурахман из Газикумуха.* Книга... С. 192.

[8] ДГВСК. С. 382.

instituteofhistory.ru

и маъзуном (помощником) имама Шамиля[1]. Был мудиром с 1843 г.

16. Абакар-хаджи из Акуша[2].

17. Газимухаммад, сын Шамиля.

18. Хаджияв из Орота[3].

19. Хаджимурад из Аварии. Был мудиром Аварской области (мудирата). Ему были подчинены наибства Тлохское, Технуцальское, Ахвахское, Каратинское, Койсубулинское.

20. Уллубий-Мулла из Ауха[4].

У некоторых специалистов есть разногласия о дате возникновения должности мудиров. По нашему мнению, эта должность была введена в конце 1840 г., когда еще были живы Ахбердил-Мухаммад и Шуаиб.

Эта же версия подтверждается в работах некоторых ученых, посвятивших свои исследования изучению проблем возникновения и становления государства Имамат. «Мудиры были введены в конце 1840 г. и упразднены в 1852 г.», - отмечают Ахмед Рамазанов и Умукусум Набиева[5].

В пользу такого времени появления должности мудиров в Имамате говорят и официальные рапорты царских генералов. Так, например, в рапорте генерал-майора Клюки фон Клюгенау генерал-адъютанту Нейдгардту об управлении, введенном Шамилем на подвластной ему территории, датированной 22 марта 1843 г., отмечается: «В первых числах прошедшего **января месяца** *(подчеркнуто мною. – Ю.Д.)* я поручил ген. штаба капитану Неверовскому осмотреть все укрепления в Северном и Нагорном Дагестане, находящиеся в них гарнизоны, а также собрать сведения относительно мер, принимаемых Шамилем к учреждению внутреннего управления в землях повинующихся ему горцев»[6].

В своем донесении капитан Неверовский, описывая введенное Шамилем управление, отмечает: «Пятисотенными начальниками назначены везде наибы. Они называются генералами, пол-

[1] *Шарафутдинова Р.* Указ. соч. С. 36-37.

[2] *Абдурахман из Газикумуха.* Книга... С. 192.

[3] Там же.

[4] ДГВСК. С. 82.

[5] Государство Имамат 1828-1852. Научно-справочный иллюстративно-картографический буклет. Автор-составитель: *Умукусум Набиева.* Соавтор текста *Ахмед Рамазанов.* Махачкала, 1997. С. 11.

[6] ДГСВК. С. 381.

ковниками и капитанами. Генералы – Ахберды-Магома, Шуаиб-Мулла, Уллубий-Мулла, Абакар-хаджи и Кибит-Магомет. Полковники – Абдурахман-дибир и Омар Анкратльский. Капитанами называются остальные младшие наибы»[1]. Из этого документа видно, что уже в 1841-1842 гг. существовал институт мудирств и наибств, было четкое разграничение между мудирами и наибами. Выше названные пять генералов были мудирами Шамиля, они отвечали за отдельные области государства, и в их подчинении находилось по 4-5 наибств во главе с наибами.

В пользу возникновения института мудиров в конце 1840 г. говорят прямые и косвенные факты, приведенные в работах Мухаммад-Тахира ал-Карахи, Хайдарбека Геничутлинского, Хаджи-Али Чохского и многочисленные арабоязычные документы, введенные в научный оборот за последние десять лет[2].

На наш взгляд, неверными являются утверждения некоторых ученых о том, что «в начале мая 1843 г. на общем собрании всех наибов, старшин и мулл Шамиль объявил о создании института мудиров, которым подчинялись несколько наибств»[3], и также утверждения о том, что «должность мудира была введена в 1845 г. на съезде должностных лиц и затем в 1849 г. упразднена, исходя из того, что она неэффективна»[4]. Можно спорить о названии должности, о времени упразднения мудирств. Однако, на наш взгляд, остается, без сомнения, верным то, что уже в конце 1840 г. на подъеме Имамата Шамиль ввел институт ответственных за все дела в больших областях, или провинциях (или мудирствах), территории Имамата. Первыми мудирами были Ахбердил-Мухаммад, Шуаиб-Мулла, Джават-Хан, Ташев-Хаджи Эндиреевский.

Утверждения Мухаммад-Тахира ал-Карахи подтверждает и Хайдарбек Геничутлинский. В главе, посвященной 1840 г., он пишет: «Шамиль назначил своим наместником (амир) в одной из областей аварца (ал-авари), являвшегося для тех мест мухаджиром, Мухаммада, сына Ахберди, набожного ученого, активного

[1] Там же. С. 382-383.

[2] *Шарафутдинова Р.Ш.* Указ. соч.

[3] *Ходжаев Д.* Военно-политическая и административная деятельность наиба Шоаипа-муллы Центароевского // Материалы всесоюзной научной конференции 20-22 июля 1989 г.: «Народно-освободительное движение горцев Дагестана и Чечни в 20-50-х годах XIX в.». Махачкала, 1994. С. 137.

[4] *Абдурахман из Газикумуха.* Книга... С. 192,199.

борца за веру, помощника делу религии, сокрушителя неверных и мунафиков, опору имама, верного слугу ислама. В другой области Шамиль назначил своим наместником известного храбреца, дерзкого, как лев, Шуаиба Центароевского. Над Шалинской областью повелитель правоверных назначил тогда своим наместником испытанного в деле героя Джавадхана из Дарго»[1].

В источниках встречаются такие понятия, как «начальник области», «начальник провинции», «генерал», начиная с конца 1840 г. Разделение Имамата на наибства началось еще при Гази-Магомеде, более четкую функциональную расшифровку мы видим при Гамзат-беке и Шамиле, и уже к 1837-1838 гг. Имамат имел в своем составе более двадцати наибств. Однако, в источниках, посвященных Имамату Шамиля до 1840 г., включая битву за Ахульго 1839 г., мы находим только название «наиб», нет никаких упоминаний о начальниках провинции, области, вилаята, о генералах, мудирах, назначаемых имамом Шамилем.

Эти названия во всех почти источниках на русском, арабском, дагестанских и других языках появляются, начиная с 1840 г., и не раньше. Самыми важными документами являются письма самого Шамиля о назначении того или иного человека мудиром. Идея создания мудирств (или мудиратов) связана с попыткой усовершенствовать систему управления наибствами и, вместе с тем, упрочить контроль над ними. Со стороны имама мудиры выступали в качестве полномочных представителей высшего органа государственной власти – «Диван-Хана» (Государственный совет) – Шамиля как руководителя государства и главнокомандующего вооруженными силами Имамата. Они осуществляли на местах (вилаятах, областях, мудиратах) практическое претворение в жизнь светской, духовной и военной политики государства.

Как писал Боденштедт, «пять наибств, из которых каждое управлялось мудиром, образуют провинцию. Во главе каждой провинции стоит главнокомандующий, объединяющий в себе светскую и духовную власть»[2].

Система мудиров просуществовала недолго, и «они были отстранены от управления в связи с ростом трений между подчи-

[1] *Геничутлинский Хайдарбек.* Историко-биографические исторические очерки. Махачкала, 1992. С. 84-85.

[2] *Бушуев С.К.* Борьба горцев за независимость под руководством Шамиля. М.-Л., 1949. С.172.

ненными и из военных соображений, так как эта система не отвечала запросам населения»[1].

Устные сведения о составе территории, подчиненной мудирам, дает военный разведчик штабс-капитан Прушановский в «Выписках из путевого журнала генерального штаба капитана Прушановского с 1823 по 1843 годы»: «Кехинское, Горменчикское, Чемарское, Шубузское вместе с Чарбахчи и Рошни обществами подчинялись руководителю «области» (т.е. мудиру) Ахбердил-Мухаммаду; Мичикское, Ауховское, Салатавское, Гумбетовское, Андийское – Шуайб-мулле; Хиндалальское, Каратинское, Технуцал, Багулал и Чамалал – Хаджимураду; Гидатлинское, Андалалское, Карахское, Тлейсерухское – Кебедмухаммаду».

В пользу того, что институт мудиров был введен Шамилем еще до 1845 г. свидетельствуют не только наблюдения военного разведчика Прушановского, охватывающие период с 1823 по 1843 гг., но и показания прапорщика Орбелиани, находившегося в 1842 г. в плену у Шамиля[2].

В показаниях Орбелиани Имамат делится на три области (на три мудирства) и на наибства, управляемые отдельными наибами и не входящие в состав этих областей. В его описаниях административная структура Имамата выглядит следующим образом:

Областей всего три:

I. Чеченской областью управлял мудир Абдулла Цахкар – выходец из Кази-Кумуха. Он проживал в чеченском селе Шали, пользовался большим почетом. В его управлении были следующие наибства: 1) Шубут и Джеберла, наиб Суаиб мулла занял место умершего Джават-хана; 2) Большая Чечня – наиб Ахверди Магомет, уроженец селения Хунзах[3]; 3) Ичкерия – наиб Шуаиб Цуматура, чеченец; 4) Аух – наиб Уллу-бей, чеченец.

II. Аварская область – начальник Хаджи-Мурад. Ему были подчинены общества: Тлохское, Технуцальское, Ахвахское, Каратинское и койсубулинские деревни, которые поступили в состав этой области после Игалинской победы.

III. Андалальская область – начальник Кибит-Магомет Телетлинский; 1) Гидатль; 2) Андалал – наиб Магомед-Кадий; 3) Карах и Тлейсерух – наиб Абдурахман Дибир Карахский; 4) Боголаль, Киялал, Джамалал *(Чамалал. - Ю.Д.)*, Ункратль управляются двумя наибами, но не составляют области. Андийское общество управлялось особым наибом – андийским кадием. Салатау и Гумбет находились в ведении Гумбетовского наиба Абакар-дибира. Дидо, Анцух, Хванал и прочие, лежащие на восточной плоскости гор, нейтральны[1].

На наш взгляд, в показаниях Орбелиани допущена неточность, так как всю Чечню он показывает как одно мудирство во главе с Абдулла Цакхаром. С 1840 г. вся Чечня вместе с обществом Аух была разделена на четыре мудирства во главе с мудирами Ахбердил-Мухаммадом, Шуаиб-муллой, Джаватханом, Ташев-Хаджи Эндиреевским.

К тому времени, когда Орбелиани был освобожден из плена, погиб мудир Джавадхан, в подчинении которого был Шуаиб мулла. Шуаиб мулла остался наибом, а мудиром в Шалинско-Герменчукскую область был, скорее всего, назначен Абдулла Цахкар из Кази-Кумуха. Мы думаем, что к 1842 г. Чечня делилась на четыре мудирства – области, во главе которых стояли вышеуказанные мудиры. Мухаммед-Тахир ал-Карахи, который больше, чем кто-нибудь, объективен и точен, пишет: «В Чеченском вилаяте Шамиль создал четыре волости (кура). В Гехинскую (Кихи) волость Шамиль назначил правителем Ахбердил Мухаммада, в Мичиковскую (Мишки) волость – известного Шуаиба, в Шалинско-Герменчукскую (Чали-Кирминчик) волость – Джавадхана, а в «Ауховскую волость – следующего по верному пути мухаджира Хаджи-Ташава Эндиреевского»[2]. При этом необходимо учесть, что назначение состоялось в 1840 г., а до этого, в конце 1839 г., Шуаиб-мулла и Джавадхан были наибами Шамиля.

Обратимся к хронике Мухаммед-Тахира ал-Карахи (1839 г.), который писал: «Когда Шамиль прибыл в Беной и Ведено, к нему присоединились знаменитый храбрец Шуаиб Центароевский (Цамутари) и Джавадхан Даргоевский. Последний, будучи опечален из-за той беды, которая поразила Шамиля, во время той встречи сказал ему: «Ты не грусти по поводу пропажи и рассеяния твоих старых товарищей. Здесь у тебя появятся новые, равные прежним, постоянные товарищи, числом более трех тысяч. Я буду тебе как

[1] *Магомедов Р.М.* Борьба горцев за независимость под руководством Шамиля. Махачкала, 1991. С. 95.

[2] ДГСВК. С. 413-141.

[3] Там же. С. 413.

[1] Там же. С. 414.

[2] *Ал-Карахи Мухаммед-Тахир.* Указ. соч. С. 91.

бы рабом-мамлюком, которому ты будешь приказывать то, что ты желаешь. Я буду повиноваться тебе так, как ты желаешь». Да воздаст ему добром Всевышний Аллах! Шамиль назначил Шуаиба и Джаватхана наибами в тех двух краях»[1]. Как мы видим, назначение наибами Шуайба и Джаватхана произошло в конце 1839 г., в то же время верными наибами Шамиля в Чечне были Ахбердил Мухаммад и Ташев-Хаджи Эндиреевский.

По нашему мнению, когда почти вся Чечня была под властью Шамиля, к концу 1840 г. произошло разделение территории Имамата на четыре провинции во главе с правителями, то есть разделение на четыре мудирства, и назначение мудирами Ахбердилав Мухаммада, Шуайба, Джаватхана, Ташев-Хаджи Эндиреевского. Следует сказать, что к этому времени на территории Дагестана не было мудирств. Они появятся сразу же в том же 1840 г., или, самое позднее, в 1841-1842 гг. Это подтверждают многие источники, в том числе на русском, арабском языках[2], с одной стороны, а с другой стороны, переход на сторону таких известных людей, как Хаджи-Мурад, Даниял-Султан и Кебед-Мухаммад (последний – сначала в 1837, затем – в 1841 г.), время гибели таких мудиров, как Ахбердил-Мухаммад, Шуайб мулла, Ташев-Хаджи Эндиреевский, Джавадхан, Атабай, Мухаммадмирза Анзоров и других.

Шамилю было небезразлично, кто продолжит начатое им дело, если его самого убьют или умрет естественной смертью. «С давних пор, – сообщает Хаджи-Мурат, – Шамиль, чувствуя свою старость, предпринимает все меры для предоставления старшему сыну своему наследственной власти в горах. Даниел-бек и беглый *(мухаджир. – Ю. Д.)* цудахарец Аслан-кади, сильные при Шамиле, желая навредить мне, уверяли имама, что для предоставления наследственной власти сыну своему ему надобно принизить меня как человека, который сам станет властвовать после Шамиля»[3]. Однако имам Шамиль пошел на этот шаг для того, чтобы предупредить возможные поползновения слишком тщеславных своих наибов (Хаджи-Мурада, Кебед-Магомеда, возможно, Гаджи-Али и др.) на имамство и связанные с этим предательства со стороны своих подчиненных.

В целом, в заключение данного параграфа можно сказать,

[1] Там же. С. 88.

[2] *Шарафутдинова Р.Ш.* Арабоязычные документы эпохи Шамиля. М., 2001.

[3] АКАК Т. X. С. 527.

что залог своего успеха в борьбе с царизмом Шамиль видел в преданности горских масс освободительной борьбе. Однако он понимал, что враг силен и впредь будет стараться укрепить свое господство на земле горцев. Поэтому Шамиль упорно трудился над созданием и укреплением в горах определенной государственной системы. Он считал, что лишь хорошо приспособленное к народным нуждам управление может служить прочным основанием для дальнейших политических преобразований и успехов в борьбе с завоевателями.

Исходя из этого, Шамиль с самого начала старался во всех горских обществах установить государственную власть на демократических началах, насколько это возможно в военных условиях жизни Имамата.

Вся полнота власти в Имамате юридически принадлежала постоянно действующему высшему органу государственной власти, так называемому Диван-Хана. Непосредственно в руках имама была сосредоточена высшая военная, судебная, административная и духовная власть. Имам был политическим и религиозным вождем, обладавшим безграничной властью при демократическом строе, который был основан на принципе абсолютного равенства. Как верховный глава правоверных, он приобрел статус священного. При этом он выступал как единственный судья в вопросах принесения жертв, требуемых войной против неверных, и распоряжался имуществом и жизнью населения. Власть имама была четко организована, и он «являлся силой во всех отношениях, соответствующей своему назначению»[1] в налаживании государственного строительства в Дагестане и объединении горцев в борьбе с царизмом.

Диван-Хана Шамиль, по предложению Джамал-Эддина, учредил в 1841 г. Моше Гаммер утверждает, что Диван был учрежден в 1837 г.[2] По свидетельству официальных источников, Диван-Хана был учрежден «для решения важнейших дел, относящихся к главному управлению страной, состоящий из лиц, пользующихся его доверенностью, из заслуженных наибов и старших лиц духовного звания»[3]. Кроме самого Шамиля и лиц, особо к нему приближенных, постоянными членами имамского совета были Мухам-

[1] *Алферов П.* Кази-Мулла и муридизм в истории покорения Кавказа. Популярное чтение. Казань, 1909. С. 41.

[2] *Гаммер М.* Шамиль – правитель государства и его дипломатия. Махачкала, 1997. С. 11.

[3] ВС. 1859. № 9. С. 136.

мед-Эфенди Казикумухский, Раджабиль Магома Чиркеевский, Яхья Хаджи, Джемал ад-Дин, Хаджи-дибир Каранайский и Митлик-Муртазали[1]. Кроме того, в состав этого органа входили еще 32 человека из числа заслуженных наибов и других идеологов освободительной борьбы. Трудно с уверенностью сказать, включал ли Диван-Хана представителей отдельных дагестанских и чеченских аулов и обществ, но некоторые предположения в пользу этого в источниках встречаются. Однако основная роль в таких советах принадлежала представителям мусульманского духовенства.

На заседаниях Диван-Ханы решались важнейшие вопросы управления страной, военной организации, хозяйственные и социальные мероприятия. Решением Диван-Ханы были учреждены ревизоры, отделы по налоговым делам, военного и общественного порядка, по надзору за соблюдением шариата и судебным делам, по покровительству науке и ученым, по делам христиан, покровительству им и веротерпимости.

При решении вопросов военного и религиозного характера Шамиль имел на Диване решающий голос, а по всем остальным вопросам дела решались общим советом и утверждались по большинству голосов. Но при всем этом Шамиль был обязан полностью повиноваться своему муршиду Джамал ад-Дину.

Несмотря на свое влияние, муршид был далек от того, чтобы чинить препятствия имаму. Поддержка Джамал ад-Дина очень сильно повысила престиж Шамиля. Не без помощи своего муршида имам сумел упорядочить распорядок работы и функции Диван-Ханы, где было четко определено: «понедельник – четверг посвящались вопросам управления страны. В эти же дни выслушивались письменные донесения наибов и их устные доклады. Суббота и воскресенье были предназначены для приема отдельных посетителей и для разбора их жалоб и претензий, пятница назначалась исключительно для молитв и отдыха. О распределении занятий в Диване все население в государстве оповещалось через летучую почту»[2].

В функции Диван-Ханы входило и разрешение судебных вопросов. На суде разбирались все спорные вопросы и жалобы, поступавшие от наибов или от населения. Заседания Дивана и суда проходили под председательством Шамиля в присутствии секретаря и всех членов Дивана или суда и приглашенных лиц. «Шамиль лично принимал жалобы от трудящихся и давал по ним удовлетворения. Однако он не спешил с приговором, он любил повторять, что правитель должен все знать, быть очень осторожным при определении наказания, дабы не обидеть невинного. Вот почему, если дело было сложным, он через наибов предварительно наводил справки»[1].

Шамиль ввел на подвластной себе территории строгую систему управления, разделенную на духовную и военно-административную сферы. Всю территорию Имамата он разделил на наибства, границы которых определял, исходя из стратегических соображений, и считал, что «укрепление границ – наиважнейшая из задач»[2]. Число наибств зависело от успехов борьбы горцев и колебалось от 30 до 50. Связь между имамом и всеми наибствами осуществлялась срочной специальной почтовой службой.

Во главе каждого наибства стоял назначенный имамом наиб, наделенный широкими административными, военными и судебными полномочиями. Силы, власть, престиж и законность власти некоторых наибов не зависели от Шамиля. Одна из групп наибов принадлежала к могущественной фамилии. В стране, где не было ни политического и этнического единства, у имама не было иного выхода, как назначать наибов из их числа. Другая группа состояла из людей, которые достигли могущества благодаря своим качествам, организаторским и военным способностям. Первая категория наибов могла ограничить реальную власть имама и его свободу выбора.

Несмотря на некоторые выходки отдельных наибов, они относились лояльно к правлению Шамиля, что объясняется более сильной позицией имама. У него имелся набор средств для оказания давления на каждого из наибов, какой бы властью на месте он ни обладал. Однако Шамиль воздерживался от применения своей силы и ограничивался смещением наибов, что, в свою очередь, производило устрашающий эффект.

Наиб, являясь начальником всех вооруженных сил своего наибства, руководил пятисотенными, сотенными и десятинными командирами, которые осуществляли административную власть соответственно в обществах, аулах и назывались маъзунами и старшинами. Этот аппарат власти помогал наибу следить за соблюдением норм шариата, прекращать раздоры среди населения, прово-

[1] *Покровский Н.И.* Указ. соч. С. 349.

[2] См.: Записки *Абдурахмана* // Кавказ. 1862. № 73.

[1] См.: Низамы Шамиля. ССКГ. Тифлис, 1870. Вып. III.

[2] *Омаров Х.А.* 100 Писем Шамиля. С. 138.

дить мобилизацию средств и сил в наибстве в случае похода и т.д.

Доходы наибов состояли в помощи рук вверенного ему края[1]. По сведениям официальных источников, Шамиль «предоставил наибам два источника:

1. добровольные приношения, имевшие в основании своем твердую уверенность;
2. с конфискованных имуществ, часть которых должна была идти в общественную казну»[2] без определенных ограничений. Шамиль не жаловал наибов, а порой резко высказывался в их адрес.

Такое отношение объясняется не классовыми мотивами, а нежеланием некоторых наибов следовать законам шариата. Поскольку Шамиль являлся носителем последнего, ему была подчинена и духовная власть.

В предписании наибам Шамиль писал: «уничтожайте ханскую власть, держите беков в черном теле. После этого делайте, что хотите, горцы во всем будут вам послушны»[3], и тогда ваша власть будет сильна. Низовое звено аппарата управления – старшины аулов – были выборными лицами и в основном выполняли управленческие функции, непосредственно касавшиеся населения.

Наибства делились на участки, во главе каждого из которых стоял начальник – маъзун. Наибу подчинялся и духовный аппарат власти на местах во главе с им же назначенным муфтием, в ведении которого находились вопросы религиозного и социального характера, а также производство по гражданским делам. Муфтии с согласия населения назначали кадиев в аулах, в обязанности которых входило исполнение религиозных обязанностей, заведование мечетями и вынесение решений по гражданским делам[4]. При злоупотреблении кадием служебным положением муфтий мог освободить его от занимаемой должности. В своей деятельности муфтии и кадии были ограничены инструкциями Шамиля и его толкованиями шариата[5]. Муфтии и наибы были независимы друг от друга, и эта тонкая психологическая линия и позволяла Шамилю держать контроль над теми и другими.

[1] См.: Шамиль – ставленник... С. 217.

[2] ЦГВИА. Ф.ВУА. Д. 1293. Ч. 2. Л. 30; ВС. 1862. № 2. С. 369-370.

[3] АКАК. Т. XII. С. 1500; *Абдурахман из Газикумуха.* Книга воспоминаний. С. 52.

[4] См.: *Абдурахман из Газикумуха.* Указ. соч. С. 86-87, 89-91; *Гаммер М.* Указ. соч. С. 12-13.

[5] См.: ДГСВК. С. 498-503.

Для обеспечения слаженной работы созданной им государственной системы и исключения злоупотреблений служебным положением Шамиль издавал законы, в которых закреплял права и обязанности должностных лиц, вводил наказания за совершение противоправных деяний, регулировал различные стороны политики государства и общественной жизни горцев. Законы регулировали все стороны военной, административной и экономической деятельности государства.

Характеризуя государство Шамиля по критериям правовой науки, можно выявить следующую картину. Во-первых, государство Имамат по своей классовой сущности выражало интересы, прежде всего, свободной узденской массы, следовательно – самых широких народных масс. Класс феодалов в горах на волне освободительной борьбы был ликвидирован. Обогатившаяся верхушка свободного узденства в условиях развивающихся феодальных отношений была прообразом будущих носителей буржуазных отношений.

Население Имамата в период наивысшего подъема освободительной борьбы почти уравнялось по своему социальному положению. Но по ходу этой борьбы некоторые наибы и часть узденства обогатились, и у них стали выявляться интересы, отличные от интересов основной массы узденства.

Поэтому намерение Шамиля волевым воздействием правовых и государственных институтов создать правовое государство на основе социального равенства и справедливости, добиться благополучия и защиты прав и интересов всего населения в тех исторических условиях не могло быть претворено в жизнь.

Во-вторых, горские общества, борющиеся за право развиваться самостоятельно, должны были сначала испытать на себе феодальные отношения, а затем трудности буржуазного развития, чтобы в полной мере раскрыть для себя все то положительное, что несли мероприятия Шамиля государственно-правового характера в социально-экономическое развитие региона. Очевидно, так и могло быть, не будь внешних факторов, препятствовавших ходу исторического развития Кавказа.

В-третьих, анализ правовых и государственных институтов, введенных Шамилем в Имамате, дает возможность сделать заключение, что это было государство, построенное на демократических началах. Естественно, демократии в современном понимании этого слова в Имамате не было, но была такая демократия, которая действовала в интересах большинства населения и выражала

их волю и чаяния. Это была демократия большинства, направленная на подавление сопротивления свергнутых эксплуататорских классов, на отстаивание национальной независимости, на максимальное выражение интересов основных масс населения горских обществ.

Кратковременный срок существования и военная обстановка тормозили развитие государственно-правовых институтов Имамата, однако изучение закономерностей развития общественных явлений позволяет предположить, что дальнейшее развитие этих институтов привело бы к буржуазно-демократическим основам государства.

Чрезвычайная военная обстановка требовала абсолютной централизации власти и всех ресурсов страны в руках главы государства в лице имама. Это не значит, что власть была узурпирована в руках диктатора. В условиях Имамата сохранились и успешно действовали такие институты демократического правления, как выборность низовых органов управления, начиная с управления села и кончая главой государства; созыв по мере необходимости съезда народных представителей для совместной выработки решений по ключевым вопросам развития страны и т.д.

Даже имам с его неограниченной властью, который волен был принимать любые решения по своему усмотрению, несколько раз предлагал замену себе, исходя из того, что принимаемые им жесткие меры правления могут быть неприемлемы для народа, а последний вправе определять свою судьбу. Народ одобрил его меры и выразил ему признательность.

Таким образом, по сути своей военно-теократическое государство оказалось монархией с сильными задатками демократической республики.

В-четвертых, все введенные Шамилем меры государственно-правового характера соответствовали духу и потребностям основной массы населения, отвечали требованиям военного времени. Шамиль отнюдь не настаивал на раз принятых мерах, если видел, что интересы дела требуют другого, и никогда не забывал, что конечным мерилом всей его государственной политики, в конечном счете, является счастье и благополучие народа.

Учитывая значение должности наиба, Шамиль при назначениях советовал им «ни в коем случае не прибегать к насилию и не прислоняться к насильникам, ты смотри на своих людей глазами сострадания и заботливости, как смотрит милосердный отец на своих детей, проведи между ними справедливость и правосудие и

не приближай к себе кого-либо ради дружбы, и не удаляй другого ради вражды и неприязни, будь для старшего как сын, для ровесника братом, а для младшего отцом. Если ты будешь вести себя противоположно этому или не соблюдать среди своего народа справедливость, то наступит на тебя божий гнев, затем мой гнев и гнев народа»[1]. Хотя Шамиль и стремился к уравниловке, однако допускал и некоторый популизм. Сам имам старался быть ближе к народу и держать его в курсе важных дел.

Мы не согласны с С.М. Гаджиевым, который считал, что «Шамиль вовсе не стремился освобождать народы от всякого гнета. Он обещал горцам свободу, но свободу от царизма, от «неверных», но не от эксплуататоров вообще»[2], особенно в последнем. Хотя, дорвавшись до власти, многие наибы допускали злоупотребления на службе, но и в этом случае для усиления контроля над наибами Шамиль образовал высшую административную должность в Имамате – мудиров, которые осуществляли контроль над четырьмя наибствами или же самостоятельно управляли отдельными большими округами или несколькими наибствами.

Несмотря на наличие Диван-Хана, многие вопросы решал сам имам, хотя и для рассмотрения особо важных из них созывались съезды наибов, алимов и других руководящих деятелей. На съезде народных представителей в 1847 г. был принят новый закон – «Положение о наибах». Для непосредственного контроля за выполнением его предписаний имам ввел службу мухтасибов, круг обязанностей которых был похож на прокурорские. Однако злоупотребления наибов не прекращались.

Вероятнее всего, исходя из своего горького опыта назначения наибов, Шамиль впоследствии сказал Руновскому: «Когда вы вместе с народом будете выбирать предводителя, то выбирайте, кого хотите, но не хана, бека или чанку»[3]. Шамиль их жестоко наказывал и смещал с должностей. Интересы обогатившейся в освободительной борьбе части населения шли вразрез с интересами основной массы населения и задачами освободительной борьбы.

С назначением своего сына Газимагомеда своим официальным преемником Шамиль мог бы стать, благодаря только одному

---

[1] Записки *Абдурахмана* // Кавказ.1856. № 94.

[2] О движении горцев под руководством Шамиля // Материалы сессии Дагестанского филиала АН СССР 4-7 октября 1956. Махачкала, 1957. С.170.

[3] ЦГВИА. Ф. ВУА. Д. 1293.Ч. II. Л. 139.

этому обстоятельству, родоначальником правящей наследственной династии, и власть его была бы безграничной. Однако шариат в известной степени ограничивал власть Шамиля. Необходимость соблюдения внутреннего баланса в Имамате с наибами и с полномочными лицами также ограничивала его стремление выступить в роли деспота.

Анализируя всю многогранную деятельность Шамиля по созданию государства, можно сделать вывод, что он с самого начала стремился построить истинно правовое государство. В своих начинаниях он не придерживался какой-либо заданной схемы, не переносил механически исторические аналоги под основы своего государства, а старался творчески подойти к известной практике государственно-правового строительства и с помощью своих ближайших лиц приспосабливал лучшие образцы к своей модели Имамата.

При этом он всегда учитывал социально-экономические условия развития общественной жизни горцев, переживаемый страной исторический период и условия военного положения региона. Построенный с учетом всех этих факторов Имамат был исключительно своеобразным политическим образованием, аналогов которому трудно найти в истории государства и права.

II. Право в Имамате. Судебно-правовая структура Имамата. Борьба с коррупцией. Наказания. Низамы Шамиля

Судебно-правовая структура Имамата. Борьба с коррупцией. Наказания.

Со временем в Имамате были введены и другие административные органы управления[1]. Для наблюдения за должностными лицами в Имамате был создан специальный институт мухтасибов (контролеров). Не оставались неизменными и функции наибов. В начале правления Имамата в руках наиба была сосредоточена вся власть на подведомственной ему территории. Он осуществлял управление наибством, организовывал военные отряды и руководил ими, в его руках были сосредоточены судебная и исполнительная власть. Правда, при этом наибы руководствовались указаниями имама. Со временем, однако, с усилением злоупотреблений со

[1] См. приложения в конце настоящей работы.

стороны наибов, центральная власть вынуждена была внести некоторые изменения в деятельность наибов.

Судебные функции были переданы в компетенцию специально назначаемых судей. Это новшество было введено Андийским съездом в 1847 г. «Наибы, – говорилось в принятом документе, – должны оставить решение дел по шариату муфтиям и кадиям и не входить в разбирательство тяжб хотя бы и были алимами *(учеными. - Ю. Д)*. Сим низамом запрещается вручать одному лицу две должности для того, чтобы устранить всякое сомнение народа относительно наиба и пресечь всякие дурные и подозрительные помышления о нем»[1]. Однако, как увидим ниже, имаму так и не удалось «пресечь» злоупотребления наибов.

В свою очередь, наибства разделялись на участки, которые возглавляли маъзуны. Однако и здесь судебную власть осуществляли кадии, подчиненные муфтию[2]. Значительных изменений при третьем имаме претерпело и финансово-экономическое положение государства. Выше мы писали о попытках Гази-Магомеда создать казну Имамата. Однако позже сам Шамиль уверял своего пристава А. Руновского, что при первых имамах не существовало общей казны государства, не было точно установленных податей, «за исключением поборов более или менее насильственных, взимаемых ради военных надобностей, но без всякой системы и порядка»[3].

И далее это положение имам разъяснял следующим образом: «Разорили Кизляр, разорили непокорные аулы, разграбили аварских ханов - вот и добыча. Разделили ее между участниками, имаму досталось больше всех – вот и общественная казна»[4]. Можно согласиться с кавказоведами, которые предупреждали исследователей, изучающих дневник А. Руновского, который записывал сведения, сообщенные имамом «в привычной ему манере, с употреблением широко распространенной в то время в среде пишущей братии терминологии»[5]. С учетом всего этого можно не сомневаться в том, что именно при Шамиле была создана единая государственная казна - «байтул-мал». Она, в основном, пополнялась различ-

[1] Низам Шамиля // ССКГ. Тифлис, 1870. Вып. III. С. 10. / Репринтное издание: М.: МНТПО «АДИР», 1992.

[2] Там же. С. 11.

[3] АКАК. Т. XII С. 1476.

[4] Там же.

[5] *Гаджиев В.Г.* К вопросу о социально-экономической базе... С. 132.

ными налогами «на общее дело борьбы», размеры которых постоянно видоизменялись.

«Шамиль, – писал в своем донесении граф Чернышев в 1835г., – собрал в Койсуболинское общество Игали своих старшин и обязал жителей для содержания одного воина собирать с каждого 10-го двора по одному рублю»[1]. Однако, как нам представляется, это событие произошло несколько ранее, и связано оно было с организацией специальных воинских подразделений – «муртазиков». Как бы то ни было, эта мера сбора налогов практически слабо исполнялась с 1836 г.

В казну поступало все движимое и недвижимое имущество феодальных владетелей после расправы с ними. Когда же возникла необходимость содержать значительную армию, Шамиль в своем государстве ввел довольно стройную налоговую систему.

По словам бывшего в плену у Шамиля царского прапорщика князя Орбелиани, основными источниками доходов были следующие: 1) *закят*, или десятая часть со всех произведений земли; от скотоводов по 1 барану с 50, а у кого меньше стада, тот ничего не платит; от денежного имущества по 50 коп. сер. с 10 руб. сер. 2) *хумс* – пятая часть со всей добычи, пятая часть пленных или вырученных за них денег; 3) *байтул-мал* - т.е. штрафные деньги, взыскиваемые за разные преступления, и оставшееся имущество казненного преступника.

По сведениям Гаджи-Али, все жители Имамата, в соответствии с шариатом и фикхом (мусульманское право), в государственную казну вносили:

- *Закят* (указанный шариатом сбор): а) хлеб в зерне (имеющий 50 и более мер вносил с каждых 50 мер по 6); б) овец (со ста овец одну овцу); в) деньги (имеющий 40 рублей и более с каждых 10 рублей по 20 коп.).

- *Харадж* – подать с горных (пастбищ) и некоторых селений, которые таковую прежде платили ханам...»[2].

Закят – предписываемый шариатом налог на имущество, который, по идее, должен был идти на нужды общины и распределяется бедным неимущим его членам.

Многие мусульманские идеологи рассматривают закят как способ «перераспределения доходов в обществе, построенном на

[1] АКАК. Т. VIII. С. 607.

[2] ДГСВК. С. 415-416.

принципах исламской социальной справедливости»[1]. Но, по существу, в большинстве государств закят превращен в обычный государственный налог.

В Имамате закят вносили «деньгами или натурой», т.е. хлебом или скотом. Деньгами платили только богатые, вроде добровольного пожертвования, сумма не была определена, а предоставлялась по степени богатства и личного отношения всякого мусульманина. Богатый, уклоняющийся от закята, брал на свою душу тяжелый грех. Согласно имеющимся данным, государство Шамиля получало доход, который поступал в виде «байтул-мал» в следующих размерах: хлеба поступало не менее 523102 мер, овец 3200 голов и не менее 2300 рублей[2].

Очевидно, часть поступлений в казну отвозилась в столицу государства, а другая часть оставалась на месте под охраной наиба и по указанию самого имама распределялась ими. При этом имам письменно извещал наиба о формах использования закята.

До нас дошла немалая часть писем имама, адресованных тому или другому наибу. В ряде своих писем к наибам Нур-Магомеду, Муртазали, Абдулле и другим имам требовал «доставить закят, который находится у вас»[3], кадию и обществу Анди; он предлагал послать в селение Ириб 30 мерок из закята[4]. Нередко имам распоряжался выдать из закята определенное пособие. В письме к кадию Мухаммеду он распоряжается «выдать Курбану и подобным ему бедным и нуждающимся переселенцам пособия из закята».[5] В другом письме Шамиль писал согратлинскому наибу Магомеду выдать двум нуждающимся «20 мерок пшеницы, что имеется у вас. Ибо они нуждаются в том, а нам положено помогать таким»[6].

Харадж – поземельная подать, установленная почти во всех мусульманских странах, начиная с раннесредневекового периода[7].

[1] *Гаджи-Али.* Указ. соч. С. 74.

[2] Одна горская мера равна 5/6 пуда (примеч. Гаджи-Али) / См.: *Гаджи-Али.* Указ. соч.

[3] ДГСВК. С. 588.

[4] Там же. С. 604.

[5] Там же. С. 494.

[6] Там же. С. 502.

[7] Хрестоматия по истории Халифата / Сост. и пер. *Л. Надирадзе.* М., 1968. С. 33-52; Ислам. Энциклопедический словарь. М.: Наука, 1991. С. 273-274.

И неслучайно Гаджи-Али писал, что в Имамате стали собирать такие же налоги, «которые прежде платили ханам».

Сам Шамиль, по словам А. Руновского, полагал, что в Имамате были введены такие же повинности, «какие были установлены еще при Абу-Муслиме *(личность, которому приписывается исламизация Аварии. - Ю. Д.)* для аварских ханов». «Разница была та, что Шамиль строго приказал сборщикам податей не вынуждать платить податей тех, кто не в состоянии отбыть свою повинность».

По свидетельству А. Руновского, подати вносились «деньгами и натурой, смотря по удобству для жителей»[1]. По данным Гаджи-Али, от хараджа казна получала ежегодно не менее 4500 руб. серебром[2].

Хумс – пятая часть[3], т.е. та часть, которая составляет от всего того, что удалось захватить у неприятеля. Однако, как нетрудно догадаться, этот источник не был постоянным. По данным того же Гаджи-Али, в 1850 г. эти сборы составили 1000 руб. ; в 1851-м – 1613 руб., в 1852-м. – 15230 руб.[4] В 1853 г. отряд горцев под предводительством сына имама Газимагомеда, как известно, занял грузинские селения Шильды и Цинандали[5], где были пленены грузинские княгини, которые были обменены на старшего сына имама Джамалутдина и вдобавок 6 тыс. золотом и 35 тыс. серебром в мелкой монете[6].

Казна хранилась в доме Шамиля «под надзором его казначея Хаджио, который вел строгий учет»[7]. Сам же Шамиль особо беспокоился за пополнение своей казны и, по существу, не пользовался в своих личных интересах средствами «байтул-мала». Для личных нужд имам использовал другой источник – с 1843 г. население тушинского участка платило по 2 рубля серебром за обеспечение безопасности[8].

Казна Имамата с 1850 г. пополнялась также за счет отчисления сумм, взимаемых с лиц, не способных по какой-либо причине

[1] АКАК. Т. XII. С. 1423.

[2] *Гаджи-Али.* Указ. соч. С. 74.

[3] См.: Ислам. Энциклопедический словарь. М.: Наука, 1991. С. 283.

[4] *Гаджи-Али.* Указ. соч. С. 74.

[5] *Зиссерман А.Л.* История 80-го пехотного Кабардинского полка (1726-1880). СПб., 1881. Т. III. С. 171-172.

[6] АКАК. Т. XII. Док. № 49.

[7] Там же. С. 1488-1489.

[8] АКАК. Т. XII. Док. № 49. С. 1488-1489.

участвовать в боевых действиях. При этом с богатых взимали 2 рубля, а с бедных всего полтинник. Однако местные власти не всегда исполняли указание самого имама выступать в поход: наибы после дачи взяток позволяли дезертирам себя «ослушаться». С начала 50-х гг. в Имамате были введены в практику и денежные штрафы за недостойное поведение жителей. Согласно принятому Советом документу, штрафу подлежали все лица, осмелившиеся оскорблять словом или действием (прикосновением) чужих жен, а также те, кто без причин не выходили на фронт[1].

Следует, однако, сказать, что не все нововведения в Имамате, как и в любом государстве, получали признание жителей. Особенно это происходило потому, что часть наибов истолковывала по-своему каждое нововведение Шамиля, направленное на усиление обороноспособности и укрепление Имамата. В таких случаях имам обращался к народу лично, без посредничества наибов.

В этом плане большой интерес представляет документ, называемый «Обращение Совета Шамиля к населению Имамата», датированный 1850 г. Это Обращение состоит из 8 пунктов, которые охватывают чуть ли не весь спектр внутреннего управления Имамата. В частности, в нем говорилось:

1. Имам приказал штрафовать лиц, осмелившихся оскорблять словом или действием (прикосновением) чужих жен, а также лиц, которые избегали участия в военных действиях; лиц, занимающихся нарушением общественного порядка; занимающихся кражами, и чтобы в обязательном порядке все имущество, взятое в качестве штрафов, передавалось бы в распоряжение общества. Однако, наибы в этом ослушались. Наибы и муфтии, творя беззаконие, «натравливают сотников на общество и отдельных лиц». Они их пугают тайными и открытыми действиями. Поэтому вся политика (сиясат) перешла в их руки. Ведь все это «считается в религии большой бедой», что нужно предоотвратить.
2. Имам требовал разбирать все дела по шариату. Они наибы «нарушали шариат очень часто, оправдываясь тем, что все это исходит от самого имама».
3. Имам приказал всем тем, кто в состоянии работать, выступать на войну, не различая наибов, алимов, а также командиров. Такие выступления имам сделал обязательными. Однако наибы и их приближенные ослушались указания има-

[1] ДГСВК. С. 602.

ма, «тайно давали и брали взятки и поступали так, как они желают».

4. Имам приказал с состоятельных людей пожилого возраста, которые и не могут выступать на войну, взимать 2 руб., а с бедных – полтинник. Однако наибы и старейшины «не исполняли и этот приказ». С богатых они взыскивали не более полтинника, взимая таким образом «с богатых и с бедных одинаково, а также с тех, которые могли бы пойти на войну».
5. В общественном имуществе есть доля тех, которые находятся на войне, но наибы, муфтии, кадии, старейшины им эту долю не давали, не взирая на то, какие бы бедные они не были. Наоборот, под предлогом разных штрафов отбирали имущество у них.
6. Имам запретил наибам принуждать подвластных людей заготавливать для личного пользования дрова и сено, а также «вводить повинность» выставлять для своих нужд лошадей и ослов, а также налагать на сельское население то, что для него является тяжелым. Но эти «явления распространялись в аулах. Занимались этими делами, согласно наставлению наибов, сотники. Этим самым они ослушались имама и нарушили шариат».
7. Наибы и их окружение «заставляют некоторых людей служить лично им самим так же, как это делали ханы. Они этих людей освобождают от общественных дел за то, что обслуживают их».
8. «Зла много. От злодеяний, которые совершали они *(наибы. - Ю. Д.)* я чист. Я не враждебен по отношению к населению. Я не участник тех, которые совершают насилие», – так вынужден был обратиться имам Шамиль прямо к народу из-за коррумпированности отдельных его наибов[1].

Ослушание исполнителей от требований имама впоследствии признавал и сам Шамиль. Обложение фиксированными налогами и штрафами подвластного населения, говорил он А. Руновскому, было «не чем иным, как стремлением прекратить произвол наибов, обращавших эти деньги в свою собственность, но рисковавших вместе с тем поплатиться за свое корыстолюбие местом, а подчас и головой»[2].

[1] ДГСВК. С. 601-602.
[2] АКАК. Т. XII. С. 1459.

Денежный штраф за воровство был введен Шамилем, чтобы «избежать необходимости подвергать виновных наказаниям по правилам шариата», которые предусматривали отсечение конечности. А на уклоняющихся от военной службы Шамиль налагал денежный штраф, принимая во внимание полюбившуюся некоторым пословицу «Лучше просидеть год в яме, чем пробыть месяц в походе». Как предполагалось, положение денежного штрафа или тюремного заключения за прикосновение к женщине «порядком расстроило блудливых байгушей и вместе с тем до некоторой степени оградило женщин»[1].

Важно указать, что денежные штрафы, «сопровождаемые тюремным заключением, рассчитывались не днями, а ночами, полагая за каждую ночь, проведенную в тюрьме, точнее в яме, по 20 коп. серебром». Следует также указать, что по закону штрафы налагались только на мужчин как владельцев собственности, а женщины же освобождались от штрафа. Однако бывали случаи, когда и на женщин налагались денежные штрафы.

Еще в 1844 г. Хаджи-Мурад, вернувшись с очередного сражения, «начал отнимать у хунзахских женщин все вещи и украшения из ханского дома, но, не удовлетворяясь и этим, выдумал некоторых безвинных жителей подозревать в утайке ханского имущества, под сим предлогом сажал их в яму, взыскивал с каждого арестанта за каждую ночь по 50 копеек серебром и не раньше их освобождал, как через 20 или 30 дней, т.е. когда штрафные деньги доходили до 10 - 15 рублей»[2]. Беженка из Хунзаха Залму Гаджибекова показала: «Хаджи-Мурат приказал сломать мой дом за то, что в нем находились больные русские солдаты, а меня посадил в яму на 10 дней и взыскал 5 рублей серебром»[3]. Надо полагать, что это был не единственный случай произвола.

Известно, что первоначально, согласно сообщению А. Руновского, Шамиль покупал в Чечне хлеб по «вольной» цене, затем назначил таксу, невыгодную для чеченцев, и, наконец, стал собирать без платы с каждого двора в виде подати[4].

В 1841-1842 гг. Шамиль стал собирать с каждого двора подвластных ему территорий по 2, а иногда и по 3 сабы пшеницы [5].

[1] ДГСВК. С. 451.
[2] Там же. С. 451.
[3] Там же. С. 452.
[4] АКАК. Т. XII. С. 1459.
[5] *Юров А.* Указ. соч. // КС. Тифлис, 1888. Т. XII. С. 331.

А со временем с каждого двора Большой и Малой Чечни стали собирать по 20 фунтов хлеба, собрав таким образом до 5000 мерок. Нечего и говорить, что эти чрезвычайные военные сборы очень тяжело отзывались на горском хозяйстве[1].

Говоря о налоговой системе Имамата, нельзя не сказать и о том, что, кроме выше указанных постоянных доходов в «байтулмал», население Имамата определенные налоги вносило и в местную администрацию: наибам, маъзунам, муфтиям и др. Как известно, наибы в Имамате не получали определенную заработную плату. Шамиль им оставил два источника доходов: добровольные приношения, известная часть конфискованного имущества, а также часть штрафных сумм[2].

Однако какая именно часть и в каких пропорциях должна была оставаться наибу за его труды, не было точно определено и всецело зависело от добросовестности каждого из наибов. Следует, однако, особо подчеркнуть, что штрафные суммы, сосредотачивающиеся у наибов, не были предназначены в их пользование: назначение их было указано «низамом». И, тем не менее, редкий из наибов не обращал хотя бы часть из них в свою пользу. Мудиры получали такую же мзду, как и наибы, «с той только разницей, что некоторые из них управляли наибствами самостоятельно, без посредства наибов, а, следовательно, и получали, сколько следовало нескольким»[3]. Как бы то ни было, такая практика вела к лихоимству наибов. «Шамиль, – утверждает А. Руновский, – это знал, но смотрел на действия своих помощников сквозь пальцы, опасаясь предупреждением этой проделки вызвать усиленные аресты людей невинных»[4].

Эти утверждения пристава при Шамиле нуждаются в уточнении. На деле имам очень часто подвергал критике своих наибов, а нередко и довольно круто обращался с ними, снимал с должностей, отстранял от себя. Несмотря на предпринимаемые имамом довольно крутые меры, все же преодолеть своеволие наибов так и не удалось.

Выше упоминалось, что с определенного времени должностные функции муфтия и положение дибира и других лиц местной администрации были изменены, и этим изменилось соответственно и их содержание. Впрочем, говоря словами А. Руновского, они носили характер «не обременяющих население». Доходы их были различны и в зависимости от местных условий и степени благосостояния жителей данного района. В одних случаях им отводили только землю для хлебопашества, а в других (Гумбет и др.) население обрабатывало также их земельные участки. В Анди дибиры получали плату за погребение умерших, размер которой зависел от степени значительности покойного. В Чечне дибирам давали по 2 сабы с каждого двора. В ряде мест Дагестана – по 1 сабе.

По существу, делом этим управлял сложившийся в том или ином обществе адат. Причем Шамиль оставил существовавшие в обществах Дагестана адаты, «обратив свой низам против адата лишь в Чечне, выразившееся в том, что имам, во-первых, уменьшил доходы дибиров наполовину, а во-вторых, другую половину определил муфтиям, наблюдение же за исполнением этого наибам»[1].

Самому низшему звену управления тателям (тIадтель), в обязанностях которых были «наблюдение за исправным выполнением односельчанами их религиозных обязанностей», за нравственностью их, разрешалось пользоваться добровольными приношениями. Однако, по признанию самого имама, «приношения эти были не что иное, как взятки, предложенные за сокрытие преступления»[2].

В заключение, давая общую характеристику законодательной деятельности Шамиля, можно отметить, что опыт первых лет восстания горцев показал руководителям борьбы необходимость искоренения адатов из общественной жизни горцев как препятствующих в их антифеодальной и антиколониальной борьбе и консолидации освободительных сил, как не соответствующих раскрепощению и охране прав и интересов личности.

На смену адатам предводители борьбы вводили новые нормы шариата. Надо полагать, что имам настаивал не просто на внешнем их применении, а на искреннем следовании нормам человеческого поведения.

Успехи Шамиля на военной и государственно-правовой ниве объясняются настойчивостью, с которой он распространял шариат и утверждал его среди горцев на прочных основаниях.

Так, например, из мнения Нейдгардта, человека, которого

[1] *Ржевусский А. А.* 1845 год на Кавказе // КС. Тифлис, 1882. Т. VI. С. 409.
[2] АКАК. Т. XII. С. 1467.
[3] Там же.
[4] Там же.

[1] АКАК. Т. XII. С. 1487.
[2] Там же.

вряд ли можно подозревать в симпатии к горцам, мы узнаем, что «со времени разделения Чечни на участки, Шамилем введено там правильное законодательство.

Адат, как обычай, которым руководствовался своей повседневной жизнью горец, был уничтожен, вместо него внедрен шариат; и для разбирательства дел по шариату при каждом наибе находился постоянно по одному кадию; в Чечне убийства, воровство, насилие и другого рода преступления преследовались, и Шамилем были приняты самые строгие меры к искоренению из нравов чеченцев обычая кровомщения»[1]. Установление шариата было первой целью сторонников имама, к утверждению основ которого среди горцев Шамиль относился творчески.

Преследуя с такой настойчивостью адат, он осознавал, что в учении шариата заключается также много всякого рода противоречий, способных обратиться в источник зла, чуть ли не сильнейшего в сравнении с тем, какое может породить адат. Дело здесь в том, что почти каждое постановление шариата имеет свои толкования, «несколько собственных дорог»[2]. Некоторые из этих постановлений, написанных более 1000 лет тому назад, не вполне соответствовали быту горцев и переживаемым ими историческим условиям.

Понимая все это, Шамиль ясно видел, что при механическом перенесении шариата на регулирование общественных отношений среди горцев эффективность его применения представляется очень сомнительной. С одной стороны, при сохранении нескольких толкований положений шариата мусульманское духовенство будет блуждать, не находя наиболее верного. С другой, характер горцев давал право ожидать всяких злоупотреблений при малейшем послаблении закона, при намеке на самоуправство или насилие, а такие тенденции в шариате встречаются нередко.

Низамы Шамиля

С учетом всего этого Шамиль дополнил и изменил некоторые положения шариата, сообразно действительным, как ему казалось, потребностям страны. Имам ставил вопрос о более глубоком толковании норм и основ шариата применительно к ситуации Имамата.

Все, что таким образом было составлено, в горах называли «низамом», применяя этот термин к реформам Шамиля по всем

[1] ДГСВК. С. 403.

[2] ВС. Т. XIV. С. 331.

отраслям управления. Поэтому низамы «регламентировали всю административную, военную и обыденную жизнь горцев»[1]. Сам Шамиль утверждал, что низам – это собрание различных правительственных мер, касающихся только безопасности страны, благополучия народонаселения и усиления средств к сопротивлению внешним врагам.

Эти правила не имеют ничего общего с шариатом, которому они служат лишь дополнением. Однако в состав низамов вошли еще и другие правительственные меры, касающиеся не только судебной части и общественной жизни горцев, но и их домашнего быта, а потому стоит только вникнуть в смысл этих закономерностей, чтобы удостовериться, против каких именно положений шариата они направлены.

«Идея низама, – пишет А. Руновский, – и сущность каждой статьи его принадлежала одному ему *(Шамилю. - Ю. Д.)* без всякого участия в создании их со стороны какого-либо другого лица, и только каждую свою мысль предварительно обращения ее в статью низама он передавал на рассмотрение членов своего верховного совета (Дивана), которые были обязаны сообразить, не будет ли оно в чем-нибудь противоречить правилам Корана. И поэтому документ этот с полным основанием назван «Низамы Шамиля»[2].

Благодаря стараниям известного кавказоведа, Т.М. Айтберова, издавшего часть материалов личного архива М. Нурмагомедова-Араканского, мы имеем «Список членов специальной группы ученых», т.е. можем назвать поименно «тех 27 государственных мужей Имамата», которые принимали непосредственное участие в принятии «Постановления о введении нового государственного порядка *(низама. – Ю.Д.)* в Имамате Дагестана, Чечни и Черкесии»[3].

Следует особо подчеркнуть, что «многие положения низамов отличались от положений шариата». «Духовное значение Шамиля, – подчеркивал очевидец, – есть настоящая пружина быстрого его возвышения, и как распространение шариата есть в глазах правоверных законная, побудительная причина в войне с нами

[1] *Шарафутдинова Р.Ш.* Еще один низам Шамиля // Письменные памятники Востока. М., 1975. С. 170.

[2] АКАК. Т. XII. С. 1459.

[3] См.: Хрестоматия по истории права и государства Дагестана в XVIII-XIX вв. / Сост. *Айтберов Т.М.* Махачкала, 1999. Ч. I. С. 105-106.

(с царской Россией. - Ю.Д.), то Шамиль всеми мерами старается возвысить духовенство, чтобы в нем иметь опору и деятельных сподвижников». С этой целью во многих селениях открыты школы, которые посещаются большим числом учеников. В этих училищах юношам дают определенное направление в духе шариата и муридизма, способствуют созданию опоры и деятельных сподвижников, готовых встать в ряды повстанцев.

Повторимся, что, если в первое время правления Шамиля Имамат был государством, верховная власть в котором, говоря словами Н.И. Покровского, «принадлежала виднейшим представителям духовенства (а может быть, и духовенству совместно с делегатами населения), однако позднее, по мере роста ее господства над крестьянской массой, имам все меньше и меньше опирался на наибов, усиливает личный элемент в диктатуре и постоянно переходит к формам монархической власти»[1]. Однако дойти до этого имаму не пришлось, да и утверждение о «формах монархической власти» нам кажется небесспорным.

Исследуя сущность изданных Шамилем низамов, следует отметить их антиэксплуататорский характер. Возмущенный злодеяниями на местах, он утвердил комиссию для расследования этих злоупотреблений и на основе выводов комиссии написал обращение к народу, где, в частности, шестым пунктом «запретил наибам заставлять людей собирать и таскать для личного пользования дрова, сено, а также вводить по очереди повинность, выставлять лично для наиба и лошадей, и ослов, налагать на население то, что является для него тяжким», а седьмым пунктом запретил горцам «служить им так же, как это делали ханы».

Характерным принципом всей государственно-правовой политики Шамиля являлась гласность. В своей деятельности он опирался на поддержку широких слоев населения, и поэтому его политика объективно не могла быть оторванной от интересов народа и скрытой от них. Шамиль не боялся разоблачения перед народом порочной практики управления им же назначенных наибов. Принцип гласности был характерен для процесса судопроизводства, введенного Шамилем. Судебное производство исполняли при всем народе. Тут же приводились в исполнение решения и приговоры суда. Гласность в судопроизводстве исключала волокитство дел в судах и вносила большой воспитательный заряд в правовое воспитание населения.

[1] *Покровский Н.И.* Указ. соч. С. 352.

Военная, административная и духовная власть Шамиля была ограничена главным советом и съездом наибов и алимов, которые не всегда беспрекословно и целиком соглашались с указаниями имама. Если можно назвать Имамат монархией, то эта монархия была чрезвычайно своеобразна, где основные политические вопросы решались съездом, а законодательство и управление - Диван-Ханой. Общее развитие правовой системы Имамата усматривается из перечня законопроектов и других вопросов, обсуждавшихся и утвержденных на съезде народных правителей в 1847 г. в Андии: «6. Чтобы нам не выходить из пути людей добродетельных; 7. Чтобы оставить взаимную зависть, притеснения и быть рукою (помощью) один другого; 8. Чтобы второй не портил того, что сделал первый, и чтобы преемник был с предшественником в тех же отношениях, в коих был до смены его; 9. Чтобы взвешивать все, дабы еще более не сбиться с прежнего пути как в сей, так и в будущей жизни»[1].

В своих низамах Шамиль старался претворить на практике провозглашенный им лозунг равенства всех членов общества перед Аллахом и законом. Низамы наделили членов общества равными правами и возложили на них одинаковые обязанности.

Как отмечалось выше, абсолютного равенства между членами общества в классовом государстве объективно быть не может. Хотя все три имама ориентировались на социальные приоритеты на подвластной им территории, но отклонения определенного порядка появились и в правотворческой деятельности Шамиля. Так, при общей прогрессивной политике в отношении женщин, в судопроизводстве показания двух женщин-свидетельниц приравнивалось к одному мужскому.

Род потомков пророка Мухаммеда – курейшитов – в Дагестане сохранил все свои привилегии, установленные шариатом в виде доли от военной добычи, хотя род этот в военных действиях участия не принимал. Неравное отношение закона к различным категориям населения продемонстрировал низам Шамиля «О наказаниях, коим подвергаются сотенные начальники, десятские и рядовые», принятый в 1847 г. на съезде в Анди. В этом низаме определены различные наказания для наибов, низших начальников и рядовых за одни и те же проступки и преступления. Данный низам предусматривает только три вида наказания: понижение в должности, арест до 21 дня и наказание ударами палок до 39 раз.

[1] Низамы Шамиля. ССКГ. Вып. III. Тифлис, 1870. С.15.

Перечисленные виды наказания могли применяться как в отдельности, так и вместе в соответствии с указаниями низама при определенных составах преступления. При определении видов наказания за различные преступления законодатель руководствовался принципами гуманизации наказания и эффективности его для перевоспитания преступника.

Так, например, низамы не предусматривали наказание в виде членовредительства по шариату за воровство и заменяли его арестом и штрафом в доход казны за каждую ночь ареста. Аресту и штрафу подвергались также за уклонение от воинской повинности и умышленное прикосновение к женщине. При определении наказания низамы предусматривали также характеристику личности преступника. При отрицательной характеристике и при совершении повторного воровства преступника казнили, а при положительной – определяли другие виды наказания. Применяли казнь только после совершения третьего воровства. Более того, при квалификации вида преступления учитывались такие признаки преступления, как повторность, соучастие и умысел. При отмене членовредительства и введении штрафа как вида наказания законодатель руководствовался намерениями сократить число калек в государстве и пополнить казну поступлениями от штрафов[1].

Низамы предусматривали при определении наказания и отягчающие обстоятельства. Например, за ослушание и неповиновение старшему по положению в походе назначалась смертная казнь, а в мирной обстановке – тюремное заключение или телесное наказание.

Наказания могли назначать наиб и его командиры сотен, за исключением назначения смертной казни, определение которой законодатель оставлял исключительно за имамом, что и служило дополнительной гарантией справедливости наказания. Смертная казнь, кроме как неисправимым преступникам, назначалась еще за совершение особо тяжких государственных преступлений: измену, шпионаж, прелюбодеяния и т.д. Смертная казнь в Имамате была двух видов:

1. «Почетная», когда виновный становился на колени, молился, потом сам раскрывал рубашку и после молитвы наклонял голову, которую ударом секиры палач отсекал;

2. «Постыдная», когда голова снималась на плахе[2].

[1] ДГСВК. С. 404-405; Низамы Шамиля.// ССКГ. Т. III. С. 12-13.

[2] ЦГВИА. Ф. ВУА. Д. 6512. Л. 3-74; *Хашаев Х.М.* Указ. соч. С. 52.

Относительно смертной казни в Имамате Шамиль отмечал, что «хотя и привыкли горцы к зрелищу смерти, идя навстречу ей в сражениях или встречая ее каждый день неожиданным образом в своих беспрестанных ссорах, где иногда косой взгляд порождает смерть; но собственно казнь производит на них впечатление тяжелое, а вид отрубленной головы знакомого или незнакомого человека, воображение ожидания последней минуты, не оставляющей уже никаких надежд, и мысленное приближение этого состояния лично к себе – все это представляет единственное и самое верное средство для образумления горцев»[1].

Много усилий Шамиль приложил для искоренения обычая кровной мести – настоящего «стихийного» бедствия в общественной жизни горцев, из-за которого веками продолжалась кровная вражда между родами, уносившая много жизней. Для искоренения обычая кровомщения Шамиль определил наказывать за оскорбление арестом и денежным штрафом вместо самосуда и убийства оскорбителя, в связи с чем и вспыхивала кровная вражда.

Законодатель уравнивает шансы всех категорий населения в защиту своей чести и достоинства. С этой целью « судебные власти предпринимали меры для розыска преступника»[2], совершившего убийство. Хотя адаты и предполагали, что «если до 40-ка дней родственники похищенной убьют похитителя, то убийство не преследуется»[3], дополнительно к этому и низамы всячески старались регулировать это обстоятельство, но практика показывала обратное.

Положения низама о запрете кровомщения тому, кто, защищая свою семью или имущество, а также честь и достоинство, нанес увечье или смерть другому лицу, в качестве альтернативы определяли денежное возмещение родственникам убитого. В случае мести виновный подвергался преследованию государством и наказанию, а потерпевший получал защиту со стороны государства. Низам о запрете кровомщения ставил вне закона практиковавшиеся до этого случаи самосуда среди горцев в конфликтных ситуациях, что становилось причиной возникновения кровной вражды между родами.

За менее опасные преступления и проступки также подвергали наказаниям. Шамиль впоследствии признавался, что за мно-

[1] АКАК. Т. XII. С. 1405.

[2] *Голицын Г.С.* Указ. соч. С. 600.

[3] *Руновский А.* Указ. соч.С. 16.

гие преступления он применил бы ссылку, но в условиях Имамата некуда было ссылать.

Издав низамы, Шамиль наказал населению неукоснительно следовать им: «Я должен привести этот низам в исполнение без всякого послабления и лени, и нет по сему низаму пощады, заступничества и сострадания для тех, кои впадут в пучину этих наказаний»[1]. «Мы согласны во всем и все написанное обязываемся приводить в исполнение. Да поможет нам Аллах привести в действие шариат и предписания, касающиеся религии»[2].

Многих современников событий на Кавказе восхищала та ревностная последовательность и решительность, с которой Шамиль боролся за искоренение преступности в горах. Убийцы, грабители и другие общественно опасные лица всенародно подвергались смертной казни.

По свидетельству официальных источников, после 1859 г. в каждом селении Дагестана были избраны лица, в обязанности которых входил «разбор дел по адату, и от шамилевского шариата оставалось только одно воспоминание в названии во времени его власти временем шариата, для отличия от прежнего времени, называемого временем адата»[3].

Несмотря на то, что сам Шамиль порой допускал некоторые отклонения от шариата для облегчения народу исполнения его постановлений и стремился к уничтожению суда по адатам, который жестоко, в основном смертью наказывал провинившихся, однако конечной цели он не достиг. И все же кратковременное «господство достаточно было шариату для того, чтобы существенно повлиять на юридические воззрения дагестанских горцев»[4].

Подытоживая государственно-правовую деятельность Шамиля, мы можем говорить о том, что особое внимание в своей законотворческой деятельности Шамиль уделял устройству, укреплению и развитию созданной им государственной системы. По мнению А.А. Каспари, Шамилю «действительно *(удалось внести. – Ю.Д.)* законность и порядок там, где искони царило лишь кулачное право»[5]. Первым делом Шамиль, выступая в качестве «героя народного устройства», старался укрепить в Имамате единство и

[1] Низамы Шамиля // ССКГ. Вып. III. С. 13.
[2] Там же. С. 14.
[3] *Ковалевский М.М.* Закон и обычай на Кавказе. М., 1890. Т. 1. С. 234.
[4] Там же.
[5] *Каспари А.А.* Покоренный Кавказ. СПб., 1904. С. 404.

сплоченность государственных институтов власти, населения, научить их строгому и единообразному соблюдению положений низамов в своей деятельности, «взаимному послушанию в беседах и совещаниях , чтобы их последователи и воинство считали их *(наибов. – Ю.Д.)* как одного человека, больше того, как одну душу, и следовали бы за ними повинующимися, послушными»[1].

Для укрепления единства запрещалось порицание имама или каких-либо положений имама. А для достижения этой же цели «... горцы, – по мнению А. Руновского, – применяли к ним термин «низам», относя его к реформам по всем отраслям управления»[2] и работали на стратегическую цель: консолидировали население, способствовали его правовой собранности, определяли права и обязанности должностных лиц и лиц, им подчиненных.

До объявления положения о наибах «Шамилем, – как утверждал Амирхан Чиркеевский, – не было даваемо никаких письменных инструкций ни наибам, ни другим подчиненным лицам»[3]. В условиях Имамата очень важно было обеспечить строгую централизацию государственной власти без нарушения демократических устоев в гражданском управлении. На это была направлена ст. 1 «Положения о наибах», где сказано: «Должно быть исполнено приказание имама все равно – будет ли оно выражено словесно или письменно, или другими какими-либо знаками; будет ли оно согласно с мыслями получившего приказание, или несогласно, или даже в том случае, если исполнитель считал себя умнее, воздержаннее и религиознее имама»[4]. В таком же подчинении по отношению к наибу находились и его подчиненные.

Для контроля за исполнением его предписаний населением Имамата и органами власти Шамиль учредил институт мухтасибов. Мухтасибы гласно либо негласно надзирали за соблюдением законности и порядка во всех отраслях управления и общественной жизни, подчиняясь только имаму и «выходили с докладами прямо на имама»[5]. Так, например, мухтасибы по согласованию с Шамилем могли произвести перемещения в аппарате управления[6].

[1] См.: *Шарафутдинова Р.Ш.* Указ. соч.
[2] ВС. Т. XXIII. С. 329.
[3] ССКГ. Тифлис, 1870. Вып. III. С. 2.
[4] Там же. С. 7.
[5] *Абдурахман из Газикумуха.* Книга... С. 88.
[6] *Омаров Х.А.* Указ. соч. С. 44-45.

Низамы Шамиля регулировали и вопросы обеспечения безопасности, надежной обороны Имамата от внешней угрозы. Ст. 6 «Положения о наибах» касалась дела охраны страны и границ Имамата, а ст. 13 – сохранности государственных секретов.

Примечательна ст.7 «Положения». В ней сказано: «Не должны одобрительно относиться к мнению народа, клонющемуся к нарушению порядка в делах необходимых, как-то: в постройке оборонительных стен, в защищении границ, пресечении неприятелю путей и прочего. Виновный в этом наиб возводится на должность начальника сотни»[1]. Данная статья предписывает наибам пренебрегать мнением народа в случаях, когда оно может отрицательно сказаться на безопасности Отечества.

Шамиль следил за дисциплиной в войсках, строго карая за нарушение установленных правил, и руководил через своих осведомителей и «доверенных подателей»[2]. Так ст. 9 «Положения» регулировала порядок организации походов. В ст. 10 регулируется порядок проведения наступления и отступления при военных действиях, причем внимание акцентируется на недопустимости при этом беспорядке потерь командного состава. Ст. 12 перечисляет задачи каждого воинского формирования по охране порученных объектов. Ст. 11 Положения запрещает мародерство среди мюридов. «Когда остановятся в городе, селении или в провинции, то не должны грабить или другим изменческим образом завладеть какою бы ни было вещью»,[3] – сказано в ней.

При всей многогранности законотворческой деятельности Шамиля все же основой всех его законоположений следует считать те положения, которые создавали и закрепляли административные учреждения в Имамате. Они пунктуально регулировали все права и обязанности должностных лиц в Имамате, определяли их материальное содержание, ответственность за злоупотребление властью, распределяли их должностные функции, разрешали противоречия. «В Имамате впервые в истории Дагестана и Чечни деятельность органов управления стала регулироваться законом в истории»[4], хотя в известной степени отдельные положения низамов значительно отличались от положений шариата.

Основными должностными лицами после имама являлись мудиры и наибы. Они исполняли приговоры по всем делам, касающимся безопасности и благосостояния наибства. Им было представлено и военное управление, за исключением крупных военных операций, и гражданское управление, кроме введения новых административных мер, имевших форму и силу законов.

Последние функции вместе с правом наказания смертной казнью принадлежали исключительно имаму, как наиболее важные вопросы. Согласно низамам, приговаривать к смертной казни мог не только имам, но и мудиры, и наибы, однако с ведома и разрешения Шамиля. Основания для применения такой меры наказания законодательно не определялись, что открывало возможности для произвола наибов. С течением времени часть мудиров и наибов настолько использовали эту полноту власти и вызвали такое недовольство в управляемых ими массах, что «имам провел передачу судебных функций из рук наибов в руки специально назначаемых судей – муфтиев»[1].

Далее за мудирами и наибами следовали муфтии и кадии, права и обязанности которых закреплялись низамом «О делах, подлежащих ведению муфтиев и кадиев»[2], также принятом в 1847 г. на съезде народных представителей в Андии. Ведению муфтиев и кадиев подлежали все духовные и гражданские дела в наибстве и общинах. Исполнение судебных решений муфтия и кадия лежало на наибе. В каждом наибстве обычно находился один муфтий; его местонахождение – в том же селении, где находился наиб. Кадии жили в каждом отдельном селении. При вступлении в должность кадий обстоятельно знакомился с делами сельских властей, мечети, учебой мутааллимов. Он должен был заниматься преподавательской деятельностью, выполнять различные обряды, решать вопросы наследственного права, рассматривать жалобы, к нему обращались при разборе различных тяжб.

Жители селения «имели право непосредственно обращаться к муфтию, если не согласны с решением кадия»[3]. При аппеляции несогласных с решением духовных лиц жалоба разрешалась имамом и немедленно приводилась в исполнение согласно его предписанию.

Разграничение функций наибов и муфтиев приводится в ст.14. «Положения о наибах», где сказано: «(Наибы) должны оставить решение дел по шариату муфтиям и кадиям и не входить в разби-

[1] ССКГ. Тифлис, 1870. Вып. III. С. 8-9.
[2] *Омаров Х.А.* 100 писем Шамиля. С. 30.
[3] ССКГ. Тифлис, 1870. Вып. III. С. 9.
[4] *Ибрагимбейли Х.-М.О* Указ. соч. С. 178.

[1] *Покровский Н.И.* Указ. соч.С. 49.
[2] Низамы Шамиля // ССКГ. Вып.III. С. 11-12.
[3] *Абдурахман из Газикумуха.* Книга…С. 86.

рательство тяжб, хотя бы и были алимами. Им предоставляется вести дела только военные»[1].

В дополнении к ст.14 Положения говорится: «Сим низамом запрещается вручение одному лицу две должности (судебную и военную) для того, чтобы устранить всякое сомнение народа относительно наиба и пресечь всякие дурные и подозрительные помышления о нем. Виновный наказывается выговором при народе»[2].

Своим низамом Шамиль вменял в обязанность муфтиям и кадиям обучение населения грамоте и воспитание его на здоровых нравственных началах. Для этих целей в ведении духовенства сохранялись доходы мечетей от своих приходов.

Муфтии и кадии привлекались также к участию в военных походах. Так, например, в источнике это регламентируется следующим образом: «чтобы каждый – законовед, ученый, муфтий и кадий – был готов по первому же движению войска вступить в поход против неверных; если не будут сражаться руками, то пусть сражаются языками: наставляют, предостерегают, побуждают к тому, что Аллах обещал сражающимся». Скомпрометировавших себя хотя бы раз должностных лиц имам наказывал и запрещал им вторично занимать те же должности в тех же местах.

Как отмечалось выше, организация государственной казны являлась существенным шагом при создании нового централизованного государства. Для обеспечения военных потребностей, общественных расходов, содержания армии и аппарата управления в Имамате была утверждена финансовая система, средства от которой стекались в общественную казну – байтул-мал. Байтул-мал состоял как из денежных средств, так и из государственных фондов земель, материальных ценностей, арсеналов оружия, поголовья домашних животных. Источниками составления байтул-мала служили различные статьи доходов, которые Шамиль старался вводить, исходя из степени обеспеченности населения. Он законодательно «дифференцировал налоги с населения в общественную казну, чтобы бедные слои населения платили только по мере возможности»[3], причем в виде налогов можно было вносить любые товарно-материальные ценности.

С состоятельных слоев населения налог был определен в следующих размерах: один баран из ста баранов в год натурой и в

[1] Низамы Шамиля // ССКГ. Вып. III. С. 10.

[2] Там же.

[3] *Магомедов Р.М.* Указ. соч. С. 101.

среднем 50 копеек с 10 рублей дохода в год деньгами. Большинство людей обществ Хоточ, Хиндах, Тлох, Могох, Муни и Гуниб не знали тягот войны. Имам освободил их для заготовки селитры, наложил на каждую семью налог размером в полтора тумана (15 рублей) наличными в год[1]. По мнению А. Юрова, в большей степени от налогов страдали «зажиточные горцы , а их имения подвергались секвестру»[2]. Беднейшим слоям населения сам Шамиль оказывал материальную помощь из фондов байтул-мала, что является самым значительным предписанием шариата. Шамиль также давал соответствующие распоряжения по распределению закята между имеющими на него право, выявляя, кто из бедствующих нуждается более другого, и увеличивал его долю.

Низам предусматривал также перечисление в байтул-мал средств, пущенных в оборот в нарушение положений закона о гражданских делах. Села, освобожденные от воинской повинности, должны были сдавать в казну часть добытой соли и селитры. Кроме того, излишки этого товара они обязаны были продавать имаму по твердым ценам[3]. Впрочем, фискальные обязанности, например, четырех сел Тушинского участка, плативших харадж аварскому хану, оставались прежними, единственное отличие заключалось в том, что теперь налоги поступали в байтул-мал.

По официальным источникам, казна главным образом расходовалась:

1) на ученых-арабистов;
2) на бедных сирот;
3) на инвалидов;
4) на специальные расходы для нужд войны;
5) на лиц, бежавших от царской армии к нему *(Шамилю. – Ю.Д.)*[4].

Доходы местных мечетей оставались в полном распоряжении духовенства и расходовались на содержание мечетей, школ при них и на помощь калекам, сиротам, потерпевшим от военных действий. В этом Шамиль видел процесс нравственного воспитания населения.

[1] *Абдурахман из Газикумуха.* Книга...С. 112.

[2] *Юров А.* 1843 год на Кавказе // КС. Т. VI. С. 43.

[3] АКАК. Т. XII. С. 1398-1399.

[4] ЦГА РД. Ф. 133. Оп. 2. Д. 2. Л. 21; *Гаджи-Али.* Указ. соч. С. 74; *Покровский Н.И.* Указ. соч. С. 369-371; *Романовский Д.А.* Кавказ и Кавказская война. СПб., 1860. С. 345-346.

Низам о содержании административных лиц распространялся на наибов, маъзунов, муфтиев, кадиев и тадтелей – судебных исполнителей. На казенном содержании находились и определенные низамом категории военнослужащих. Твердого содержания для должностных лиц не было определено, источники содержания часто менялись, что приводило к частым злоупотреблениям судебным положением со стороны должностных лиц в корыстных целях. Против таких эксцессов была направлена ст. 8 «Положения о наибах», где написано: «Должны удерживать себя и сослуживцев своих от взяточничества, потому что взяточничество есть причина разрушения государства и порядка. Взятка отбирается, поступок оглашается и виновный арестовывается на 10 дней и 10 ночей»[1].

Для дальнейшего развития вновь складывающихся общественных отношений необходима была крепкая хозяйственная основа, опирающаяся на соответствующую правовую систему. Но хозяйственная жизнь в Имамате в период установленной царизмом экономической блокады была очень стесненной. Шамиль принимал все возможные меры для ее развития. Он привел в порядок законодательство о купле-продаже, обмене и залоге домашнего скота, определил срок предъявления претензий на купленную, променянную или проданную скотину в три дня.

Для развития торговых отношений и упрочения их Шамиль утвердил низам об обеспечении взаимных обязательств, суть которого сводилась к тому, что при возбуждении иска все, что находилось у хозяина дома, при нем или на нем, признавалось его собственностью от начала иска и до его конца. В торговле запрещалось сбывать неприятелю хлеб, железо и другие продовольственные товары. Для недопущения спекуляции хлебопродуктами в условиях их дефицита Шамиль ограничил цены на торговлю хлебом в Чечне, в соответствии с уровнем урожаев последних сезонов.

Все государственно-правовые мероприятия Шамиля подняли горцев на качественно новый уровень общественного развития и оставили существенный след в истории Дагестана и Чечни.

[1] Низамы Шамиля // ССКГ. Вып. III. С. 9

III. Государственная атрибутика и символика Имамата

(Столицы государства, гимн, знамена и флаги, наградная система, знаки и отличия)

Гимры – первая столица Имамата

Гимры – (по-аварски – Генуб) произошло от аварского слова «гени» – груша. Расположено селение на южном склоне Гимринского хребта.

Говорят, раньше (несколько веков назад) здесь был сплошной высокий смешанный лес. Начиная от местности, где сейчас находится старая часть аула, тянулась грушевая роща[1].

Археологические данные подтверждают, что на этом месте предки нынешних гимринцев жили как минимум более 1000 лет тому назад. Когда началась национально-освободительная борьба под руководством Газимагомеда, аул Гимры считался крупным аулом: здесь было около 600 хозяйств, 9 мечетей, три примечетских школы (мактабы), медресе, несколько оружейных мастерских, тюрьма.

В то время с учетом географических, климатических, военно-стратегических, экономических факторов аул Гимры имел преимущества перед другими населенными пунктами Койсубулинского вольного общества[2].

[1] По преданиям, на этом месте спустившиеся с Гимринского хребта вначале два, потом еще три охотника остановились немного отдохнуть. Это место им до того понравилось (прекрасный лес, рядом большая и быстрая река, обилие лесных ягод, кругом высокие горы, теплый климат, отсутствие ветров и т.д.), что, немного подумав и посоветовавшись со своими близкими, они решили остаться здесь жить. Они поселились здесь, обзавелись семьями, построили дома среди высоких диких грушевых деревьев. Вот так появилось, говорят, на земле Койсубулинского общества это аварское селение Генуб – название можно перевести как «среди грушевых деревьев».

[2] Гимры расположен в удивительно красивом месте, это уникальное ущелье, которое со всех сторон окружают высокие скалы, с одной стороны покрытые хвойными лесами, внизу течет быстрая река Аварское Койсу, дающая всегда необходимую влагу и пищу сочным, богатым гимринским садам. Гимринские сады, выращенные здесь груши, абрикосы, персики, виноград, хурма известны по своим вкусовым качествам, аромату не только в Дагестане и на Северном Кавказе, но и в России. Неоднократно продукция гимринцев выставлялась на ВДНХ в Москве. Климат здесь особый, характерный только для этого ущелья. Здесь всегда бывает жарко, иногда жара летом переваливает шкалу за 40, что создает парниковый эффект, смешиваясь с прохладой горного речного воздуха. И все это, в конечном счете, благоприятно влияет на созревание ароматных гимринских фруктов. Однако надо сказать, что за последние годы, после строительства Чиркейской, Миатлинской и Ирганайской ГЭС, климат в Гимрах немного изменился, даже изменился вкус некоторых фруктов, изменилась фауна, больше стало влажности.

Аул Гимры сыграл огромную роль в истории народов Дагестана, Чечни, Кавказа, России. Здесь, в этих каменных скалах и глубоких ущельях, суровых и гордых по своему виду и одновременно добрых и благородных по внутреннему содержанию, защищая свободу, погибли лучшие наши предки, сыновья разных национальностей из самых разных уголков Дагестана, России. Здесь погиб первый имам Дагестана Газимагомед, о котором ученый-алим и поэт Масъуд из Могоха[1] в своем стихотворении пишет: «Лев газавата, которому не достался саван и могила на отчей земле»; здесь совершил невероятный по храбрости и мужеству свой подвиг Шамиль.

С первых дней национально-освободительного движения горцев за освобождение захваченной царскими войсками своей земли столица государства находилась в селении Гимры – откуда родом были имамы Газимагомед и Шамиль. Тогда там не было специально построенных зданий, государственных учреждений, помещений для муртазиков, казны. Не было также специального помещения для проведения совещаний мюридов, наибов и других массовых мероприятий. Резиденция первого имама Газимагомеда размещалась в его доме, Шамиля – также в его доме[2].

Специальные сборы, совещания муридов, муртазиков, сторонников вооруженной борьбы за установление шариата и освобождение Дагестана от колониального ига проводились в самых разных местах, аулах, обществах, иногда недалеко от Гимры в ущельях, в садах и других безопасных местах.

Проповеди и выступления Газимагомеда, Шамиля и их сторонников можно было слышать в мечетях, годеканах, специально определенных старшиной или самим джамаатом (обществом) того или иного села, местах.

Первые годы начала национально-освободительной борьбы, особенно при Газимагомеде, когда шла массовая разъяснительная работа среди народов Дагестана и Чечни, резиденция имама находилась там, где приходилось останавливаться, выступать перед людьми, ночевать у того или иного горца, как любил говорить Шамиль, и «в седле его коня». Когда Газимагомед был избран

[1] Селение Могох находится в составе нынешнего Гергебильского района. Масъуд Могохский – известный арабист, руководитель медресе, в1930-х был арестован как представитель реакционного мусульманского духовенства. Умер в ссылке. Его учениками были Мансур Гайдарбеков-Геничутлинский, Магомедсаид Д. Саидов и другие видные ученые-арабисты Дагестана.

[2] *Гимринский Г.* Имам Газимагомед. Махачкала, 1992. С. 62. (на авар. яз.).

имамом, у него не было пока специально построенного места, здания, сооружения для проведения совещаний, сбора всех последователей мюридов, приема мухаджиров из разных уголков Дагестана, всего Кавказа. В начале 1830 г. имам Газимагомед после неудачной попытки овладеть Хунзахским ханством, занять крепость ханши Баху-бике, предпринимает первые шаги к укреплению аула Гимры, строительству своей резиденции.

Гасанилав Гимринский пишет, что «после возвращения из Хунзаха Газимагомед и его товарищи расположились в Гимрах, пониже аула на одном холме. Выкопали здесь землю, соорудили кельи, точно также сделали в земле мечеть, обнесли это место валом и засели тут в молитве и бдении (этот холм был собственностью всего тухума «Мадаи»); Газимагомед попросил всех родичей уступить эту землю ему. Пониже холма на канале ими был устроен небольшой бассейн так, что не приходилось ходить в аульную «къулгIа»[1].

Как указывает житель селения Гимры, историк-краевед Гасанилав, «люди аула Гимры посещали здесь их по разного рода вопросам»[2].

Другой краевед-гимринец М-Н.А. Ибрагимов (Ахмадил Мухаммад-Наби) отмечает, что место для своей первой резиденции имам Газимагомед и его товарищи выбрали во всех отношениях удачно. Это место было недалеко от селения Гимры и одновременно отдельно от села. В случае нападения противника мирные жители селения Гимры (женщины, дети, старики) не подвергались опасности, жители села всегда могли здесь укрыться, оказать помощь осажденным. Обзор местности, всех высот, горных ущелий, дорог и тропинок как нельзя лучше можно было осуществить из крепости. Эта местность, вернее, холм, возвышалась над садами, на ней была ровная площадка, рядом находился канал (арык), недалеко Аварское Койсу[3].

Гимринское ущелье, окруженное со всех сторон отвесными горными массивами, которые в то время считались трудно про-

[1] Специальные молельные комнаты, которые сооружались жителями в садах, чтобы сельчане могли помолиться во время работы, не возвращаясь для этого специально в сельскую мечеть.

[2] *Гимринский Г.* Имам Газимагомед // Материалы международной научной конференции 13-14 октября 1993 г. «Газимагомед и начальный этап антифеодальной и антиколониальной борьбы народов Дагестана и Чечни». Махачкала, 1997. С. 222.

[3] *Ибрагимов М. (Ахмадил Мухамаднаби).* Гимры – свидетель истории. Махачкала, 1997. С. 39-40. (на авар. яз.).

ходимыми, само являлось как защищенная валами крепость, горные цепи, как бы висящие со всех сторон над аулом Гимры, выступают здесь в роли первой заградительной полосы, или мощных защитных крепостных стен. Преимущество горцев перед наступающим врагом заключалось в том, что они всегда умело использовали суровый природный рельеф местности в свою защиту, превращали суровые горы в свою надежную опору[1].

Те, кто сегодня посещают исторические места в селении Гимры, воочию могут увидеть, что в тех условиях, 177 лет назад, исходя из всех военных, географических, политических условий, лучшего места для закладки своей резиденции имам Гази-Магомед вряд ли смог найти.

Строительство крепости Газимагомед осуществил в начале 1830 г. в короткие сроки. Интересно, что над холмом, где была крепость, не было видно высоких толстых крепостных стен, угловых и сторожевых башен, крепких железных ворот, не было площадок для орудий; основные сооружения находились под землей, внутри горы-холма. Крепость как бы зарывалась в гору.

Как отмечал Мухаммед-Тахир ал-Карахи, «после поражения в Хунзахской битве в начале 1830 г. Газимагомед и его товарищи осели в селении Гимры в пустынной местности и выкопали для себя, применяя кладку, подземные комнаты (худжра) и мечеть»[2].

В русских документах отмечалось, что в начале мая 1830 г. Газимагомед «укрепляет шанцами и завалами селение Гимры, в коем имеет место жительство»[3]. Особенности этой крепости заключались в том, что все подземные комнаты, сооружения были соединены между собой подземными туннелями, тайными ходами, имели между собой удобное сообщение в случае необходимости отражения нападения врага, обеспечения скрытности крепости от царских шпионов и лазутчиков. Подземные ходы имели выход к арыку, откуда легко можно было пробраться к реке, к секретным дозорам, сторожевым точкам, ближайшим дорогам и тропинкам.

[1] Место для своей крепости имам Гази-Магомед выбрал с учетом местных условий для ведения длительной борьбы за свои идеалы по установлению шариата среди народов, вытеснению колониальных войск из Дагестана и Чечни, хотя он не думал, что эта борьба будет продолжаться почти полвека, приобретет такие огромные масштабы, привлечет в свои жернова столько людей и средств с обеих сторон. Он и не представлял огромные силы и размеры Российской империи, ее экономический, военный, людской потенциал, и что она имела к тому времени под пятой почти всю Европу, стала мировым жандармом, одной из крупных колониальных держав.

[2] *Ал-Карахи.* Указ. соч. Ч. 1. С. 25.

[3] ДГСВК. С. 72.

От подземной мечети тайный ход был прорублен и к этому выходу. На крышах многих помещений крепости были установлены плиты, которыми по необходимости закрывали окна, откуда поступал свет в крепость. Это была первая крепость-резиденция имама Газимагомеда и его сподвижников, построена она была всего за несколько месяцев, и пользовался имам этой крепостью не так долго и часто, так как государство Имамат только начало формироваться, и с войсками имам больше передвигался по Чечне и Дагестану, чем оставался на одном месте. Практически эту крепость имам и его сторонники использовали только в течение года[1], даже в течение нескольких месяцев.

Укрепив свою столицу аул Гимры, Газимагомед предпринял меры и к укреплению границ Имамата, обеспечив защиту своей столицы еще на дальних подступах к ней. С учетом военно-стратегических соображений имам решил посмотреть укрепления, крепости дальше своей столицы, на северном склоне Гимринского хребта.

Одним из таких укреплений стала Агач-кала. Такие же укрепления были построены Газимагомедом в селении Ирганай, на северной и южной стороне Салатавского хребта и других местах. В начале (т.е. в марте) 1831 г. 8-тысячный отряд Газимагомеда спустился на плоскость и построил в качестве укрепления на северной стороне Гимринского хребта в урочище Чумескент («чум гесген» – кумыкск.). О начале подготовки крепости-укрепления Агач-калы (деревянная крепость) в этом месте так отмечал Мухаммед-Тахир ал-Карахи: «В месяце зул-хиджа в ночь Курбан-байрама из-за коварства Баху-бике на Газимагомеда напали русские. Произошел бой, после которого гимринцы отдали им в качестве залога и символа примирения двух мужчин из своей среды. Газимагомед не был, однако, согласен на это. Данное обстоятельство и толкнуло его на сооружение крепости Агач»[2].

Для строительства крепости были использованы толстые деревянные бревна, камень, глина и другие строительные материалы. Все источники показывают, что крепость была построена в начале 1831 г., и это место специально было выбрано и заранее обследовано Газимагомедом для постройки своей резиденции с планом развернуть национально-освободительную борьбу в перспективе на всем Северо-Восточном Кавказе.

Здесь он решил создать свой опорный пункт для действий

[1] *Ибрагимов М.* Указ. соч. С. 40.

[2] См.: *Ал-Карахи.* Указ. соч. Ч. 1. С. 25.

против царских колонизаторов и местных феодалов. Строительство крепости Агач-калы, а также воззвания имама к народам Дагестана и Чечни на борьбу против захватчиков нашли большой отклик даже среди многих феодальных владений. «С утверждением муридов в Чумискенте, – писал Романовский, – волнения потоком распространились по всему шамхальству»[1].

После строительства здесь крепости к имаму со всех сторон начали прибывать вооруженные партии горцев, его сторонники с южного, приморского Дагестана, Табасарана, Кайтага, Дербента, кумыкской равнины, почти из всех ханских, бекских и княжеских владений Дагестана, из многих сел и аулов предгорного Дагестана, почти из всех вольных обществ, из Северного Азербайджана, Закаталы, Белокан, из многих обществ Чечни, Ингушетии и т.д.

Описание этого периода, с политической точки зрения, в русских, дагестанских и зарубежных источниках не имеет существенных различий.

В первом томе «Истории Апшеронского полка» Л. Богуславский писал: «С началом 1831 г. Кази-Мулла с еще большей силой принялся за распространение мюридизма. Жители шамхальских селений добровольно или насильно приняли новое учение, чему русские власти в Дагестане не могли препятствовать за неимением под рукою достаточных средств. Постепенно увеличивая толпы своих последователей, Кази-Мулла решился перенести театр военных действий в пределы шамхальства».

Далее, как писал: Л. Богуславский, Газимагомед, «выбрав вблизи аула Темир-Хан-Шура труднодоступную высоту, известную под названием Чумкескент, построил на ней сильное укрепление и производил отсюда набеги на оставшиеся еще покорными нам плоскостные селения. По мере увеличения средств к борьбе с нами, имам не довольствовался уже мелкими предприятиями, и замыслы его значительно расширялись. Видя малочисленность наших войск и отлично зная, что помощи ждать им неоткуда, Кази-Мулла задумал весьма смелое предприятие: совершенно изгнать русских из Дагестана, взяв предварительно крепость Бурную, а затем Дербент»[2].

Вот как описал начало строительства и первую битву в крепости Агач-кале Мухаммад-Тахир ал-Карахи: «На шестом году вес-

[1] *Романовский Д.* Указ. соч. С. 79

[2] *Богуславский Л.* История Апшеронского полка. СПб., 1892. Т. 1. С. 404.

ной Газимухаммад с примерно 148 мужами выступил для сооружения крепости Агач: между ней и Казанищем около часа пути. Затем выступили Шамхал и Ахмедхан[1] вместе со всем населением равнины, но муриды нанесли им жесточайшее поражение. Подавляющее большинство населения равнины склонилось тогда на сторону Газимагомеда и подчинилось его приказам»[2].

Весной 1832 г. Газимагомед предпринял новый поход в кумыкскую плоскость, которая вместе с Чечней была охвачена восстанием. Хотя некоторые селения кумыков и присоединились к имаму, но былого размаха, как в 1831г., восстание не достигло. В июне этого же года Газимагомед пытался вновь утвердиться во владении шамхала Тарковского, но в сражении у урочища Эль-Сув, расположенного между селениями Эрпели и Каранай, где он занимал довольно крепкую позицию, потерпел поражение от отряда полковника Клюки фон Клюгенау и вынужден был отступить[3].

Укрепление Эль-Сув-Тау находилось в 5 верстах от Эрпели, которое было намного меньше размером крепости Агач-калы, но по планировке и строительству соответствовало точно ей[4]. Историки называют ее второй Агач-калой, так как была похожа на крепость Агач-калу и была построена после уничтожения в конце 1831 г. главной крепости.

Некоторые путают эти укрепления, имея в виду как одно укрепление, называя их одним и тем же названием. Местные, русские и иностранные источники убеждают, что крепость Агач-кала, построенная Газимагомедом после неудачи овладеть Хунзахским ханством в начале 1831 г., существовала до декабря 1831 г., а эта крепость, которую путают с первой, была построена потом в 1831 г. и существовала меньше. Если быть точнее, укрепление Эль-Сув-Тау существовало до второй половины июля 1832 г.

Как показывают источники, во второй половине 1832 г. царскими войсками под командованием Клюки фон Клюгенау вместе с шамхальской милицией крепость была осаждена. В десятки раз превосходящие силы наступающих, поставленная на пушечный вы-

[1] Сулейман-паша (1830-1836) – сын Махди-шамхала II. Ахмад-хан III Мехтулинский (1824-1843) – сын Хасан-хана, внучатый племянник Ума-хана Аварского (Справедливого). С 1836 г. этому Ахмед-хану, управляющему наследием предков – Мехтулой (сс. Охли Дженгутай, Дургели и т.д.), царская администрация по просьбе хунзахцев передала власть над Аварией.

[2] *Ал-Карахи.* Указ. соч. Ч. 1. С. 26.

[3] *Клюки фон-Клюгенау.* Война на Восточном Кавказе с 1824 по 1834 гг. в связи с мюридизмом // КС. 1892. Т. XVII. С. 107.

[4] *Богуславский Л.* Указ. соч. Т. 1. С. 420.

стрел артиллерия, которая производила сильную пальбу ядрами и картечью по деревянной крепости, вынудили защитников, пользуясь темнотой ночи, густым туманом, оставив крепость, отступить разными путями в южную сторону Гимринского хребта.

Как правило, в разных источниках царских чиновников встречаются разные данные о потерях в одном и том же сражении. Чем больше вышестоящий офицер докладывал царской администрации об итогах сражения, тем быстрее сокращались собственные потери, расли потери противника, поражения и неудачи превращались в победы и успехи. А, вот что сказано о взятии крепости Агач-калы у Л. Богуславского: «Взятие Агач-калы обошлось русским очень дорого: у нас убиты: 1 штаб-офицер, 1 обер-офицер и 82 нижних чинов, ранено 2 штаб-офицера, 4 обер-офицера и 312 нижних чинов. Апшеронцы лишились убитыми 24-х нижних чинов, ранены капитан Синельников (через день умер от ран) и прапорщик Тимошевский, нижних чинов 135»[1].

Так перестала существовать крепость первого имама Дагестана Газимагомеда Агач-кала, построенная в урочище Чумескент в начале 1831 г. Она служила имаму примерно около года – с начала и до конца 1831 г.

В дальнейшем крепость Агач-кала была восстановлена и расширена царскими войсками. Был сделан прочный фундамент, по углам укрепления были установлены 10-метровой высоты деревянные башни, с которых царские войска вели наблюдения за всеми перемещениями местных жителей, мюридов Шамиля, своевременно давали сигналы тревоги в случае необходимости в крепость Темир-Хан-Шуру, находящуюся в 9 км. от укрепления. Мюриды Шамиля и местные жители часто тревожили крепость до завершения Кавказской войны. В 1843 г. она была захвачена Шамилем, потом снова перешла в руки царских войск, здесь постоянно находилась рота царских солдат. Крепость играла важную роль для царских войск, вплоть до окончания Кавказской войны[2].

Так сложилась судьба этой резиденции первого имама Дагестана и Чечни Газимагомеда. Искра национальной освободительной и антифеодальной борьбы горцев, вспыхнувшая здесь, любовь к свободе и независимости стали фундаментом дальнейшей многолетней борьбы народов Дагестана и Чечни за свою свободу и независимость, одним из важных камней в деле строительства государства Шамиля – Имамата.

Газимагомед, как было отмечено выше, одержал ряд побед над регулярными царскими войсками, намного превосходившими численностью его отряды. Это разгром царских войск в предгорьях и горах Чечни и Дагестана, победа около крепости Агач-калы, штурм и захват в мае 1831 г. крепости Бурная (над аулом Тарки).

Осада крепости Внезапная у села Эндирей является образцом проведения военной операции. Затем Газимагомед, в отряде которого были и ауховцы, наголову разгромил отряд генерала Бековича. Газимагомед дал бой регулярной армии в местечке Чумли, что на правом берегу реки Акташ.

Успешными были и рейды в Южный Дагестан, осада Дербентской крепости, освобождение Табасарана, экспедиции в Чечню, Салатавию, захват города Кизляра, Гудермеса, окружение и штурм Владикавказа. Всего не перечислить. Постоянные схватки с превосходящими силами противника, лишения, которые терпели горцы каждодневно, истощили их.

Когда в 1832 г. произошла знаменитая битва в Гимрах, унесшая жизни многих мюридов, погиб и первый имам Газимагомед. Это одна из самых трагических страниц в истории национально-освободительной войны. Но ужасный октябрь 1832 г. известен не только как год смерти имама Газимагомеда, но и как год политического взлета Шамиля, когда он, как мужественный человек, талантливый предводитель стал еще более известен во всех уголках Дагестана.

В той битве аул Гимры защищали более трехсот воинов, их было в пятьдесят раз меньше, чем царских войск и тех горских отрядов, которые воевали на стороне царя. Отборным экспедиционным, хорошо вооруженным и обученным войскам противостояла горстка плохо вооруженных мюридов. Но они в десятки раз превосходили солдат своим мужеством.

Это было последнее сражение Газимагомеда в родном ауле Гимры, ставшим к тому времени известным в Дагестане, Северном Кавказе, Российской империи и других странах, как родной аул Газимагомеда, как первая столица начинавшего формироваться государства Имамат. Сражение в ауле Гимры за идеалы свободы и равенства, за родную землю, религию стало последним в жизни Газимагомеда и вошло в историю как начало героической борьбы

[1] Там же. С. 417.

[2] После пленения имама Шамиля, еще в течение почти 30 лет крепость использовалась царской колониальной администрацией для наблюдения за горцами, их действиями и перемещениями. В 1861 г. штаб-квартира 1-го дагестанского конного полка из Нижнего Дженгутая была переведена в Агач-калу, которая находилась здесь до 1876 г. С этого времени Агач-кала потеряла свою военную и стратегическую функцию, постройки и казармы были оставлены военными, постепенно пришли в упадок или были разрушены, к началу XX в. здесь не осталось заметных следов.

горцев, защищавших свою свободу, первую столицу нового государства.

Царские генералы не скрывали своей радости по поводу гибели первого имама Газимагомеда и разрушения его первой столицы аула Гимры. Хвалебным одам русскому оружию и царю не было конца, в унисон звучали угрозы и предупреждения в адрес всех обществ и народов, которые выступали против царских колонизаторов и местных феодалов.

Генерал барон Розен потом во все селения и общества разослал прокламации такого содержания: «Дагестанским и другим народам. Правосудие божье постигло возмутителя общего спокойствия изувера Кази-Муллу. Он, первые его последователи и множество обманутых людей истреблены победоносным российским воинством в известном своей неприступностью – в Гимринском ущелье. Гимринцы говорили, что «русские могут к нам только сойти дождем», но забыли, что и камни с гор ниспадают, и гром и молния поражают злодеев. Да и послужит сие примером для всех врагов спокойствия, да прибегнут они с раскаянием к могущественному Российскому правительству – и по милосердию Великого Государя будут прощены; но если кто впредь осмелится возбуждать злоумышления, тот подвергнется неминуемому строгому наказанию. Не спасут его ни горы, ни леса, ни ущелья, везде пройдут победоносные русские войска, везде непокорные изменники будут наказаны. Это испытали галагаевцы, ичкеринцы, чеченцы, гимринцы и другие. Имеющие уши – да услышат и уразумеют»[1].

После этого оставшиеся домостроения в ауле были разрушены, разграблены и сожжены дотла. Как отмечают источники, царские войска не оставили камня на камне, сады и виноградники были вырублены. Многие из жителей погибли в неравной борьбе. (Следует сказать, что за первые три десятилетия XIX в. аул Гимры трижды был сожжен и несколько раз разрушен царскими войсками)[2].

После взятия Гимры царские войска еще целую неделю про-

[1] *Богуславский Л.* Указ. соч. С. 54. / (Такие великодержавные обращения колонизаторов к народам Дагестана, защищавшим свою родную землю, религию, свободу и независимость у себя дома только вызывало враждебную реакцию малочисленных, но гордых и мужественных народов Дагестана и Чечни. Они еще больше сплачивались против врагов, вторгнувшихся на их землю, становились врагами всего того, что они приносили на их землю, в их жизнь и, в конечном счете, приводило к широкому выступлению народных масс против царских колониальных войск и устанавливаемых ими порядков).

[2] *Ал-Карахи.* Указ. соч. Ч. 1. С. 36; Ибрагимов М. Генуб (Гимры). Махачкала, 1997. С.19, 50. (на авар. яз.).

должали «покорение» мирных жителей, как писал Мухаммед-Тахир Ал-Карахи: «Им нужен был труп мученика за веру Гази-Мухаммада. Русским показали его те гимринские мунафики, которые были вместе с ними. Известный ученый Саид Араканский приказал им не дозволять погребение трупа на Гимринской земле, приводя в качестве аргумента следующее: «Если Гази-Мухаммед будет погребен в Гимрах, то муриды станут посещать его могилу, собираться вместе и устраивать смуту и беспорядок»[1].

Придерживаясь совета Саида Араканского и опасаясь в будущем паломничества на могилу имама, «они перенесли труп Гази-Мухаммада в Тарки, высушили его и в течение долгого времени сохраняли там, установив рядом караул. Затем, правда, они захоронили его»[2]. Потом, в эпоху своего могущества, Шамиль отправил из Дарго специальный отряд в Тарки, чтобы перенести останки имама Газимагомеда в Гимры и с почестями захоронить на главном кладбище. Это было сделано в 1843 г., «и над могилой Газимагомеда по приказу Шамиля был построен благословенный мавзолей»[3].

Гоцатль – вторая столица Имамата

В судьбе государства Имамат, особенно на первоначальном этапе его становления, важное место занимает такой известный аул Аварии, каковым является Гоцатль. В первой половине XIX в., когда народы Северного Кавказа боролись с царскими колониальными войсками и их сторонниками – феодальной верхушкой, аул Гоцатль по своей политической значимости занимал одно из важных мест в истории Аварии и Дагестана в целом. Он известен в Дагестане и за его пределами как родина второго имама Гамзатбека, как родина мужественных и гордых горцев, талантливых мастеров-умельцев, оружейников, прекрасных садоводов.

По данным историков-археологов, аулу не менее 700 лет, но поселения людей на этом месте возникли еще тысячи лет назад. По данным П. Г. Буткова и А. Неверовского, в конце XVIII в. аул Гоцатль имел свыше 300 дворов[4].

[1] *Ал-Карахи.* Указ. соч. Ч. 1. С. 36.

[2] Там же. С. 36

[3] *Казиев Ш.* Имам Шамиль. М., 2001. С. 56.

[4] *Бутков П.Г.* Сведения о Кубинском и Дербентском владениях. 1798 г. // ИГЭД. С. 210; *Неверовский А.А.* Краткий исторический взгляд на Северный и Средний Дагестан до уничтожения влияния лезгинов на Закавказье. СПб., 1848. С. 33

С конца 1832 г., после гибели первого имама Газимагомеда и избрания имамом Гамзат-бека, Гоцатль становится столицей начинающего формироваться государства Имамата. Мухаммад-Тахир ал-Карахи так описывал первые действия имама Гамзат-бека: «Когда Гази-Мухаммад пал мучеником за веру, ученые, а также видные люди назначили на его место халифом Гамзата. Он со своими товарищами вначале обошел селения и города давая наставления, проповедуя, отдавая приказы и устанавливая запреты»[1].

В местных, русских и зарубежных источниках сообщается, что в начале 1833 г. в мечети селения Корода народ присягнул второму имаму Гамзат-беку из селения Гоцатль. «Он был из эмиров, знатного происхождения, авторитетным среди людей, храбрым, разумным, предприимчивым, прозорливым, проницательным»[2].

С начала 1833 г. до середины августа родной аул Гамзат-бека – Гоцатль – становится столицей Имамата. Здесь у него был большой двухэтажный дом, доставшийся от отца Алисканди по наследству. Его отец был известный в Дагестане знатного происхождения человек. Алисканди был для того времени известным ученым арабистом, обладателем уникальной библиотеки в Дагестане. Одно время он был визирем Хунзахского хана, командовал объединенными войсками ханства, отличался полководческим талантом, умом дипломата, благородством, пользовался уважением у всех людей, богатых и бедных, разных общин и джамаатов Дагестана. В народе его называли некоронованным ханом плодородной Гоцатлинской долины, из-за чего возникали определенные трения с Хунзахским ханством[3].

Как отмечает известный писатель и журналист Гусейн Гаджиев, «слава о беке Гоцатлинской долины, министре-визире хана Аварии давно перешагнула не только горы Аваристана, но и просторы Прикаспия, земли всего Дагестана, Персии. Аварские ханы часто посылали его на переговоры в Персию, Турцию, Армению и

[1] *Ал-Карахи.* Указ. соч. Ч. 1. С. 40.

[2] *Абдурахман из Газикумуха.* Книга воспоминаний. Махачкала, 1997. С. 39.

[3] Алисканди (Али-Искандер-бек) Гоцатлинский был правой рукой Умахана Аварского, руководил военной стороной набегов на Грузию. Алисканди возглавил многонациональный отряд дагестанцев, который прибыл в Джаро-Белоканы на помощь восставшим джарцам. Он наголову разбил отряд полковника Гулякова, где сам Гуляков был убит. После странной гибели Султан Ахмед-хана (в 1823 г. хан упал в пропасть вместе с конем во время подготовки очередного набега на Грузию), Алисканди являлся опекуном детей хана при ханше Баху-бике.

каждый раз его мнение сопровождалось изменениями на всем Кавказе. Был особый дипломатический дар у этого человека»[1].

Аул Гоцатль, занимая стратегическое положение, расположен в живописной долине на правой стороне реки Аварское Койсу, на ближних подступах к Аварскому ханству, одновременно от него рукой подать до таких сильных и крупных вольных обществ, как Койсубулинское, Андалальское, Гидатлинское и других, жители которых были сторонниками освободительной борьбы; а с другой стороны Гоцатль находится в центре Нагорного Дагестана, окружен со всех сторон высокими скалами, что являлось немаловажным фактором в деле обеспечения защиты, создания укреплений как новой столицы Имамата.

С первых дней своего избрания Гамзат-бек сделал столицей Имамата свой родной аул. В Гоцатле были построены помещения для муртазиков, пороховой завод и другие постройки, необходимые для столицы, стали проводиться с юга и севера укрепительные стены и заграждения[2].

В тех условиях, когда аул Гимры был разрушен почти до основания, и многие гимринцы погибли в сражении вместе с первым имамом Гази-Магомедом и царским войскам особого труда не составляло в любое время вернуться через Гимринский хребет в бывшую столицу Гимры, Гамзат-бек принял правильное решение обосновать столицу в своем родном ауле.

«На окраине Гоцатля, где выдвинулась вперед невысокая отвесная скала, особняком выделялся большой просторный двухэтажный дом Алисканди. Достоинством его жилища была боевая арочная башня, обратившая свои глаза-бойницы на все четыре стороны света. Вход под аркой охраняли мощные ворота из ореха с большими медными кольцами на створках. Вокруг не было ни сада, ни огорода, будто дом этот выдавил из своего чрева мощный каменный монолит, уходящий основанием в глубь земли: вечный и прочный фундамент дома»[3]. Столицей Имамата Гоцатль был меньше двух лет.

В августе 1834 г. на Хунзахском плато разыгралась трагедия, в ходе которой были убиты сыновья Баху-бике Ума-хан, Абу-Ну-

[1] *Гаджиев Г.* Имам Гамзат. Махачкала, 1995. С. 14. (на авар. языке).

[2] Данные сведения были собраны в ходе полевых экспедиций автора по Шамилевским местам в1991-2001 гг.

[3] *Гаджиев Г.* Указ. соч. С. 7.

цал-хан и другие почетные люди Хунзаха. Та же участь постигла и ханшу. 14 августа 1834 г., после расправы над ханской семьей, Гамзат-бек с отрядом вошел в Хунзах и поселился в ханском дворце[1]. Как отмечают и современники Гамзата, и многие исследователи-ученые XIX и XX вв., это была роковая ошибка Гамзата стоившая ему жизни. Шамиль иногда говорил: «если тогда он *(Гамзат-бек. – Ю.Д.)* остался бы в Гоцатле, где у него был большой двухэтажный отцовский дом, то неизвестно, как сложилась бы его дальнейшая судьба, на все воля Аллаха»[2].

С 14 августа до 19 сентября 1834 г. (до убийства Гамзат-бека) Хунзах был столицей-резиденцией второго имама Гамзат-бека. Быть столицей Имамата Хунзаху было отведено судьбой всего чуть больше месяца.

Ашильта – Чирката – Ахульго: столицы Имамата

С конца 1834 г., после гибели второго имама Гамзат-бека и избрания имамом Шамиля, аул Гимры вновь становится столицей Имамата. В течение двух лет Шамиль уделяет особое внимание возрождению разрушенного аула, восстанавливает свою резиденцию, проводит укрепительные работы на важных подступах к аулу. Это был один из трудных этапов в формировании государства Имамат, так как после хунзахской трагедии в рядах сторонников национально-освободительной борьбы в Нагорном Дагестане ослабло единство, начался упадок, а феодально-ханская знать с поддержки царской администрации начала укреплять свои позиции, стала еще более, чем раньше, эксплуатировать народные массы, притеснять вольные общества и независимые общины и джамааты.

В этих условиях Шамилю пришлось вести очень упорную и жестокую борьбу, начиная со своих аульчан, с теми, кто намеревается предать идеи газавата, независимости и свободы и перейти на сторону местных феодалов и беков, которые, в свою очередь, опирались на поддержку царско-колониальной администрации.

По этим и другим причинам имам Шамиль вынужден был перенести свою столицу из родного аула Гимры в аул Ашильта, откуда была родом его мать.

[1] Таким образом, с 15 августа 1834 г. Аварское ханство перестало существовать, все наследники ханского престола, кроме маленького Булач-хана, отправленного в Гоцатль и оставленного в живых из-за его малолетства, были истреблены. В живых также была оставлена и жена Абу-Нуцал-хана ввиду ее беременности.

[2] *Гаджиев Г.* Указ. соч. С. 7

Как отмечал Мухаммад-Тахир ал-Карахи, выходя из Гимры, «Шамиль обратился к своему дому с речью: «*Я покидаю тебя*, так как для меня оказалось невозможным, живя внутри тебя, установить законы религии. Ну, ничего, лучшее творение Аллаха, пророк Мухаммед – да благословит Он его и приветствует! – тоже покидал лучшую из земель Всевышнего – Мекку, когда ему не удалось утвердить там свою религию. Если Всевышний Аллах предопределит установление тут законов религии, то я вернусь в твои стены»[1].

Основать в Ашильта свою столицу имаму было нелегко, проводить и внедрять законы шариата – еще труднее. Как отмечал ал-Карахи, Шамиль нашел «ашильтинцев буйными, подобными стаду ослов, выпущенных на пустошь. Он прочел им проповеди, дал приказы, установил запреты, после чего они стали как будто бы послушными и покорными»[2].

Шамиль достроил и, таким образом, расширил дом матери в Ашильта, превратил его в свою резиденцию. Здесь проводились совещания и сборы членов Государственного Совета, наибов, алимов, мюридов и других сторонников Шамиля, была специальная комната для казны, библиотека и комната приема посетителей, делегатов и мухаджиров из разных уголков Чечни и Дагестана.

После переселения в Ашильта в конце 1836 г. Шамиль, одновременно вместе с расширением дома матери, с разрешения и согласия ашильтинского джамаата начал строительство замка столицы Ахульго. Строительные работы велись с учетом того, чтобы на горе можно было жить, руководить борьбой горцев, и при необходимости защищать свою резиденцию от неприятеля [3].

К началу экспедиции Фези в Аварию, к лету 1837 г. на горе Ахульго была построена и функционировала резиденция Шамиля с четырьмя башнями, отдельно была построена мечеть на южном склоне горы «Новое Ахульго», а рядом – дом-резиденция Шамиля. Между «Старым Ахульго» и «Новым Ахульго» был натянут из толстых веревок канатный мост. На горе были также построены жилые помещения для муртазиков, мухаджиров и мюридов Шамиля.

Дом-резиденция Шамиля в селении Ашильта и крепость

[1] *Ал-Карахи.* Указ. соч. Ч. 1. С. 51-52.

[2] Там же. С. 52.

[3] *Батулил Магомед.* Шамиль в Ахульго. Махачкала, 1998. (на аварском яз.); *Шихмирзаев К.И.* Повести об Ахульго. Махачкала, 1999. С. 16-18. (на аварском яз.).

Ахульго, которая находилась рядом с селением, были неразрывно связаны между собой как две части четвертой столицы Имамата. Царские войска особо старались уничтожить селение Ашильта и крепость Ахульго. К полудню 12 июля 1837 г. к Ахульго были подведены два полевых орудия, начали громить его башни. Как писал очевидец, «славно было смотреть на эту стрельбу, которая была очень метка. Башни были сложены из камня без извести и поэтому легко рассыпались, каждый выстрел отваливал несколько камней и был сопровождаем радостным криком отряда. К вечеру одна башня была разрушена до основания»[1].

В июне 1837 г. в ходе карательной экспедиции под командованием генерала Фези (в источниках она называется аварской экспедицией на Кавказ) селение Ашильта было сожжено, большинство жителей, защищая свой аул, погибли. Как писал очевидец тех трагических событий Я. Костенецкий, «в Ашильта было свыше 500 добротных домов, вокруг были прекрасные сады, виноградники, посевы кукурузы и пшеницы; почти все дома были разрушены, сады вырублены, поля уничтожены и растоптаны; зажженная нами Ашильта пылала».[2]

Вместе с аулом Ашильта был до основания разрушен артиллерией и замок Шамиля на Ахульго[3], а скрывавшиеся там ашильтинские семьи, женщины, дети и старики убежали в Чирката[4]; русские же поднялись на Ахульго и сожгли все дома, которые там были. Со слов ал-Карахи, в дотла сожженном Чирката только дом Шамиля и дом его родственницы, который та завещала ему по назру, не сгорели. Также не сгорел дом Шамиля на Ахульго, хотя каратели жгли там все дома. «Книги Шамиля чуть было не попали в их руки *(в руки царских карателей. - Ю. Д.)* и спасены были лишь благодаря остроумию познавшего Аллаха богобоязненного аскета Мухаммада Ашильтинского»[5]. Столица Имамата находилась в селении Ашильта с 1836 г. до июня 1837 г., т.е. до взятия этого аула царскими войсками под командованием генерала Фези.

После захвата аула Ашильта царскими войсками имам перенес свою резиденцию в аул Чирката[6]. Столицей Имамата аул Чирката был до второй половины 1839 г., т. е. также до ее захвата царскими войсками[1].

[1] *Костенецкий Я.* Записки об аварской экспедиции на Кавказ 1837 года. СПб., 1851. Ч. 2. С. 96.

[2] Там же. С. 96.

[3] ДГСВК. С. 169.

[4] *Костенецкий Я.* Указ. соч. Ч. 2. С. 96.

[5] *Ал-Карахи.* Указ. соч. Ч. 1. С. 62.

[6] Сел. Чирката находится на левом берегу реки Андийское Койсу, напротив крепости Ахульго и аула Ашильта.

В течение 1838 г. и первой половины 1839 г. Шамиль на горе Ахульго восстановил свой замок, и к началу знаменитой кровавой битвы 1839 г. там не было высоких сооружений, служивших мишенями для артиллерии противника. Жилища, защитные фортификационные сооружения, все необходимые помещения, даже мечеть, были устроены внутри скал, в углубленных местах, как бы внутри горы, и сливались в одно монолитное целое вместе с горой, с его каменными скалами и выступами. С того времени, как подтверждают источники, Ахульго была первая, находящаяся, вне населенных пунктов построенная резиденция Шамиля, ставшая впоследствии одной из самых героических и трагических столиц в истории Имамата.

Утверждение некоторых историков России, стран СНГ и других стран о том, что первая столица Имамата была построена на горе Ахульго и что имам Шамиль не считал столицей своего государства аул Ашильта, не соответствуют действительности.

Многочисленные труды дагестанских историков, краеведов убедительно показывают, что селение Ашильта и крепость Ахульго были единой столицей государства Имамат. Аул и крепость следует рассматривать как одно целое не только из-за географического расположения, близости их друг другу, принадлежности горы Ахульго Ашильтинскому джамаату, но и прежде всего из-за того, что жители села всегда были преданы Шамилю, строили и укрепляли Ахульго, были в первых рядах защитников столицы и больше всех пострадали погибли в ходе борьбы с врагами.

Этот аул был один из самых верных имаму, жители всегда и во всем поддерживали Шамиля, на их долю в 1837-1839 гг. выпали самые тяжелые и трагические испытания, которые они выдержали с невиданным героизмом и отвагой. С Ахульго и Ашильтой тесно связана судьба аула Чирката. Эти три точки по обоим берегам Андийского Койсу стали столицами шамилевского государства (Имамата) в 1836-1839 гг.

Официальное упоминание селения Ашильта как столицы государства мы находим в высказываниях самого имама Шамиля. В 1836 г. в словесном споре в Ашильта с ученым муллой Али Кульзебским Шамиль говорил: «знай, что я – имам, подобный турецкому султану, а это селение для нас подобно Стамбулу»[2].

Имам Шамиль сам глубоко верил в свое предназначение быть

[1] С сентября 1839 г. до весны 1859 г. столица Имамата находилась на территории Чечни.

[2] *Ал-Карахи.* Указ. соч. Ч. 1. С. 55.

предводителем правоверных, руководителем их государства, и считал, как он начал бороться за установление шариата, то и мирская жизнь стала идти у него соответственно его желаниям.

Раздумывая над этим и находя этому объяснение, Мухаммад-Тахир ал-Карахи писал: «Удивительно то, что селение Гимры было сожжено три раза, но находящийся в нем дом Шамиля ни разу не сгорел. Русские при этом приложили огромные усилия для сожжения этого дома или хотя бы его поджога. Не сгорели также ни дом Шамиля в Ашильта, когда само село было сожжено, ни его обитель, находившаяся на Ахульго, когда русские поднялись туда первый раз, еще до великого сражения»[1].

В 1836-1838 гг., когда строилась и укреплялась крепость на горе Ахульго, селение Ашильта продолжало выполнять функции главной резиденции Шамиля – столицы Имамата. В Ашильтинской мечети и на годекане Шамиль, многие известные алимы, предводители горцев Дагестана выступали с проповедями, с призывами активизировать борьбу против царских колонизаторов, местных феодалов и их пособников, с требованиями принятия и соблюдения всеми мусульманами законов шариата, отказа от вредных и устарелых адатов, мешавших развитию народов Дагестана и других регионов. Проводились совещания и сборы наибов и мюридов, оглашались решения совета ученых. В селении Ашильта была сформирована личная гвардия Шамиля из муртазиков, построены пороховой завод, оружейная мастерская, налажено производство винтовок, созданы запасы провианта и продовольствия для военных нужд, осуществлялось наблюдение за главными дорогами и охрана границ территорий, контролируемых Шамилем.

Из селения Ашильта впервые была установлена регулярная почтовая связь со многими наибствами, селениями, сельскими общинами, их представителями и сторонниками Шамиля для проведения тех или иных сборов, оповещения и мобилизации горцев на борьбу с неприятелем. Началось управление государственной собственностью путем назначения ответственных лиц за сохранность байтул-мала в наибствах и общинах, селах, входящих в Имамат.

В резиденции Шамиля собирались ученые, известные предводители горцев, вырабатывалась тактика ведения борьбы с колонизаторами и местными феодалами, было организовано переписывание книг.

Село Чирката как столица сыграло огромную роль в период

[1] Там же. С. 51. (На наш взгляд, Мухаммед-Тахир ал-Карахи справедливо называет «великим сражением» длившуюся 80 дней битву за Ахульго летом 1839 г.).

борьбы горцев за свою свободу и независимость, оно дважды до основания разрушали и сжигали царские войска. Из этого селения вышли многие известные храбрецы, мужественные предводители, ученые и преданные имаму Шамилю мюриды.

Поэтому именно сюда переселился Шамиль после отступления из Ахульго в 1837 г. и основал свою резиденцию. С помощью жителей села и своих сподвижников Шамиль построил здесь дом для семьи, которая и стала временной резиденцией имама. Чиркатинцы рядом с домом-резиденцией построили имаму небольшую мечеть.

В то время в Чирката было свыше 600 хозяйств, люди строили добротные дома, отличались чистотой и аккуратностью. Чирката была в период Кавказской войны одним из самых надежных и преданных Шамилю аулов. В августе 1837 г. из Карата Шамиль вернулся в Чирката и в середине сентября того же года генерал Клюгенау находит его в Чирката. Летом 1838 г. Шамиль осуществляет поход из Чирката в селение Верхнее Инхело и возвращается в Чирката[1].

Шамиль, находясь в селении Чирката в 1838 г. и в первой половине 1839 г., продолжал работу по укреплению крепости Ахульго, а столица Шамиля находилась, таким образом, в селении Чирката с лета 1837 г. до июня 1839 г., т.е. целых два года. По сообщению коменданта Хунзахской крепости капитана Педяша, в 1838 г. в селении Чирката под руководством Шамиля состоялось заседание Государственного Совета с участием более 100 человек из числа наибов, алимов, предводителей обществ и других известных лиц. Среди других особое внимание было уделено вопросу усиления борьбы с царскими колониальными войсками. Генерал-майор Краков был послан в Чирката для организации борьбы против войск Шамиля [2]. Здесь в то время были прекрасные фруктовые сады, которые были вырублены царскими колонизаторами в июне 1839 г., перед началом битвы на Ахульго [3]. Как и ашильтинцы, почти все чиркатинцы погибли в кровавом сражении на Ахульго в 1839 г.

Из этого селения вышли такие мужественные и храбрые сподвижники имама Шамиля, как Алилав, который в одно время был

[1] *Шихмирзаев К.* Повести об Ахульго. Махачкала, 1989. С. 18

[2] МИДЧ. Т. 3. Ч. 1. С. 389, 393.

[3] Шамиль очень любил это селение, так как жители его всегда ему помогали в трудные времена. В Чирката было много сторонников первого и второго имамов Гази-Магомеда и Гамзат-бека, потом и самого Шамиля. Среди первых муртазиков Шамиля было десяток молодых чиркатинцев, очень предан-

членом Диван-Хана, Курбан-Магомед, Лабазан, Сулейман, Курахма, Иван Муртазали, Багадур-Кебед, Хадис, Падар-Али, Гаджимурад и многие другие[1]. Около 1000 чиркатинцев, в том числе женщины и дети, героически сражались и погибли на Ахульго в 1839 г., более 200 из них попали в плен. Из этого селения происходил известный предводитель чиркатинцев Хадис, любимец и кунак Шамиля. Он пленил в 1856 г. Таймасхана, сына генерал-адъютанта, князя Шамхал-хана Тарковского[2].

К июню 1839 г. Шамиль уже укрепил гору Ахульго, куда он отступил после сражения в Чирката. Ахульго был настоящий замок, с самыми необходимыми минимальными условиями для жизни и ведения оборонительной войны с многочисленными царскими войсками. Туда же была перебазирована и резиденция имама Шамиля.

Говорить об Ахульго необходимо чуть подробнее, так как столица Имамата известна в истории государства Шамиля, Кавказской войны исключительно героизмом горцев. Защитники Ахульго показали невиданный образец мужества, стойкости и отваги. Женщины, дети, старики, воины из самых разных уголков Дагестана, Чечни, представители всех национальностей защищали свою столицу в невероятно трудных условиях и доказали, что свобода и независимость являются самым главным богатством для горцев.

В переводе с аварского Ахульго означает «Набатная гора», «Тревожная гора», «Призывающая гора». Какая необыкновенная предопределенность судьбы! Невольно поверишь в таинство предсказаний. Сегодня на Ахульго почти не осталось былых строений, нет подземных ходов, каменных навесов, укрытий и хитроумных

ных имаму. Село находилось на стратегически важном месте, где переплетались дороги, идущие в сторону Хунзахского плато, Гумбета, Анди. Ботлиха и других важнейших обществ Нагорного Дагестана. Из Чирката шли две дороги в сторону стратегически и экономически важной для Шамиля Салатавии. Через Салатавский хребет, прямо в Чечню и Кумыкию, проходили важные дороги, другая - по каньону реки Сулак, выходила на равнину. Через Чирката шла дорога в сторону Акуша-Дарго, Нагорный Дагестан (Восточный), Гимры, далее в предгорье и равнину через Темир-Хан-Шуру. Поэтому не случайно имам Шамиль и его сторонники выбрали своей столицей аул Чирката, свою роль сыграли и близость к Ахульго, которую осенью 1837 г. начали укреплять снова, с учетом предыдущих сражений.

[1] *Шихмирзаев И.К.* Повесть об Ахульго. Махачкала, 1999. С.21.(на авар. яз.).

[2] *Абдурахман из Газикумуха.* Книга воспоминаний. Махачкала. 1997 . С. 133-134.

сооружений в скалах, нет тех домов и даже захоронений павших в жестоком сражении героев. Им стала братской могилой сама гора Ахульго.

Андийское Койсу, огибая с трех сторон подножие горы, образует полуостров с отвесными неприступными берегами. Река Ашильтинка, текущая с юга, делит этот каменный полуостров на две части: западная половина полуострова — это Старое Ахульго, восточная - Новое Ахульго. Вот тут-то и развернулись основные бои летом 1839 г. В ту пору обе части полуострова были соединены между собой узким бревенчатым мостом. Те, кто совершает хадж сегодня, поднимаются на Новое Ахульго. С юго-восточной стороны над ним высится каменистая вершина, называемая в народе «Шулалъул гох1» – «Укрепленная гора» или «Сурхаева башня» – по русским сводкам. Здесь можно увидеть небольшую, одиноко стоящую саклю, остатки террасы, построенные Малачихановым, служившим царю и имевшим звание полковника; видны остатки колодца, из которого в дни сражения брали воду защитники Ахульго; сохранились развалины взорванной мечети. Это под ее обломками были погребены раненые мюриды, женщины, дети, старики...[1] А вот дороги в Старое Ахульго практически нет. Бревенчатый мост через Ашильтинку был взорван по приказу Граббе в конце августа 1839 г.

В настоящее время от былой крепости на горе ничего не осталось. До нас, однако, дошло описание историков, что крепость была возведена по всем правилам фортификационных укреплений. Весьма удачно были использованы при строительстве природные условия в сочетании с инженерно-техническими достижениями того времени. В результате получили цитадель, как нельзя лучше сочетавшуюся с ландшафтом, особенностями самой горы и подступов к ней. Мюриды Шамиля с помощью пороха и самых простых строительных инструментов и приспособлений создали гигантские сооружения; устроили обширные пещеры в скалистой горе, соединенные крытыми ходами сообщения. Сами подступы к ущелью были перегорожены завалами и другими искусственными препятствиями. В середине горы рядом с мечетью была расположена в углубленном в землю месте резиденция Шамиля, небольшой дом.

Учитывая опыт войны с генералом Фезе в 1837 г., горцы не строили на Ахульго высокие каменные башни с бойницами, которые легко могла разрушить вражеская артиллерия. Шамиль укрепил не только подступы к горе Ахульго, но создал на ней целую

[1] *Дадаев Ю.У.* По тропам шамилевских сражений. Махачкала, 1997. С. 74; *Он же.* Ахульго – боль моя. Махачкала, 1998. С. 35-48. (на авар. яз.).

инженерно-оборонительную систему, возвел прочные земляные валы, наполовину зарыв в них башни, и многое другое.

Из исторических документов и других источников известно, что главным руководителем работ на Ахульго был Сурхай из аула Коло, кадий аула Ансалта. Иногда говорят, что в работах по укреплению Ахульго участвовали пленные русские и польские офицеры. Но это не так. Всеми работами, как уже отмечалось, руководили Сурхай, его сын, и несколько талантливых муридов из селения Ашильта. Они применили в строительстве крепости новый подход и, как уже говорилось, отказались от возведения высоких башен. В укреплении Ахульго были максимально использованы данные местности: горцы старались зарыться в землю. Крепость как бы слилась воедино с горой, с ее складками и утесами[1].

Мухаммед-Тахир ал-Карахи писал по этому поводу: «Мириды начали строить на нем завалы и укреплять его – пробивать отверстия в скалах, рассекать толстые холмики, а также возводить дома и мечеть в одном углубленном месте. Там они обосновались со всеми женщинами и детьми»[2]. Это была столица Имамата, которая в течение 80 дней воевала против 20-тикратно превосходящих сил, покрыв себя всемирной славой. После взятия Ахульго, в августе 1839 г. по приказу генерала Граббе оставшиеся сооружения, инженерные коммуникации, даже пещеры в скалах были взорваны, полностью разрушены, можно сказать, не оставив от Шамилевской столицы камня на камне. «Я не считаю дело конченным, хотя и сверх всякого вероятия сей возмутитель *(Шамиль. - Ю.Д.)* и успел спастись, – рапортовал Граббе на имя царя Николая I, – нет более ему веры в горах, нет более для него пристанища ни на утесах, ни в ущельях: нигде не может он найти место, недоступнее бывшего гнезда его Ахульго, и приверженцев, храбрейших тех, которые ныне жертвовали собою за него. Партия его истреблена вконец. Муриды его, оставленные своим предводителем, погибли один за другим и один возле другого»[3].

Ахульго – это не только бывшая столица государства Шамиля, не только географическое, военное и стратегическое понятие, а прежде всего место кровопролитного сражения, в котором

[1] *Дадаев Ю. У.* По тропам... С. 75-76; *Он же.* Ахульго... С. 192-275.

[2] *Ал-Карахи.* Указ. соч. Ч. 1. С. 63.

[3] АКАК. Т. IX. С. 333. / Дальнейшие события показали, как глубоко ошибался царский генерал П.Х. Граббе, и буквально через полгода весной 1840 г. в Чечне с новой силой разгорелось пламя национально-освободительной борьбы горцев, началась «Блистательная эпоха» Шамиля. Именно к этому периоду относятся многие государственные преобразования, осуществлен-

горцы защищали свою землю, проявляли невероятные, непостижимые человеческому разуму отвагу и мужество, высочайшие патриотические чувства. Это не только крепость, где дагестанцы показали всему миру, как надо бороться за свою родину, свободу и веру. Ахульго – это общедагестанская твердыня, которая одновременно является ярким символом дружбы и братства дагестанских народов. Ведь там плечом к плечу сражались представители всех национальностей нашего горного края. И для всех для них эта твердыня стада навеки родной и близкой. Как корни держат дерево, так и героическое прошлое дает нынешнему поколению силы, смелость, моральную и духовную основу, чтобы беречь и крепить нашу родину, дружбу народов, хранить заветы предков... Чем глубже вникаешь в историю битвы при Ахульго, тем сильнее желание узнать больше о наших предках, удивительных по своему героизму, стойкости и несгибаемости.

Дарго – Дарго-Ведено – столицы Имамата.

«Дарго, – писал современник, – лежит на правом берегу Аксая и в расстоянии полуверсты от этой реки. Оно состоит из 50 турлучных хижин, разбросанных в беспорядке. Жилище Шамиля ничем по наружному виду не отличается от прочих. Жители Дарго почти все абреки, т.е. выходцы из обществ, покорных России, которые были привлечены сюда святостью места и самого учения имама. Некоторые же с честолюбивыми целями оставили свою родину, отдав себя молитве и войне. Равнина, где находилось Дарго, плодородна, засеяна кукурузой, фасолью, тыквой. В верстах 4-х ниже его также на правом берегу Аксая, в ущелье расположен аул Большое Дарго, домов в 100, далее на Северо-восток Беной, домов в 200»[1].

Позже беглыми русскими солдатами для Шамиля был выстроен специальный дом по европейскому образцу. Здесь находилась библиотека имама. Жилище имама в Дарго, по сообщению очевидца, заключало «дворец и много других больших зданий, в коих помещались приверженцы его и разные заведения, кроме того, с западной стороны аула, за широким рукавом Аксая, устроены

ные гениальным Шамилем, в том числе строительство новых столиц своего государства. После этой битвы в дальнейшем ходе Кавказской войны на этой горе не было больше никаких сражений, Ахульго перестала быть столицей Имамата и постепенно стала местом паломничества.

[1] *Зиссерман А. А.* История 80-го пехотного Кабардинского ген.-фельд. кн. Барятинского полка (1726-1880). СПб., 1881. Т. 3. С. 139.

были с большими удобствами русские избы, служившие жилищем русским, бежавшим к Шамилю в разное время»[1].

Постепенно здесь были построены все необходимые помещения. Оружейный, пороховой заводы, большая мечеть, складские помещения, жилые дома мухаджиров и личной гвардии Шамиля из муртазиков, церковь для перешедших на сторону Шамиля солдат и офицеров. На западной стороне столицы русские избы со всеми удобствами, которые образовали целый городок. Имелась также школа для обучения царских солдат и их детей и многое другое.

Здесь столица Имамата существовала до июля 1845 г. Именно в это время, как отмечалось выше, предводитель горцев был осажден специальной армейской экспедицией во главе с генералом М.С. Воронцовым. Главнокомандующий на Кавказе нашел сожженную столицу Дарго, где не было ничего, кроме пепла и догорающих углей. Вскоре, однако, выяснилось, что царское войско было окружено и самому главнокомандующему ценой тяжелейших усилий, чудом удалось спастись от плена. Шамиль не стал восстанавливать сожженную дотла и разрушенную резиденцию. Он перенес свою столицу в западную часть Ичкерии Дарго-Ведено. (*Переводится с чеченского языка как «плоское место». – Ю.Д.*).

В конце июля того же 1845 г. Шамиль прибыл в Ведено и вблизи селения выбрал место для строительства своей резиденции. Место это было определено потому, что оно было расположено в стратегически важном месте между Дагестаном и Чечней. Строения аула были большей частью деревянными, обнесенными общим частоколом. В середине аула красовался двор Шамиля, также обнесенный частоколом, а в середине двора – его дом со всеми необходимыми службами, в том числе и кунацкой. В том же дворе было здание для двухсот мюридов, составляющих конвойную команду имама. Все они были из аварцев[2]. В укреплении расположились мастерская, арсенал, парк и мечеть. В мастерских столицы Имамата, на пороховом и оружейном заводах изготовлялись холодное и огнестрельное оружие, боеприпасы, военное снаряжение. Здесь были собраны мастера по самым разным видам промыслов – от литейщиков до часовых мастеров, которые обеспечивали удов-

[1] Шамиль. Иллюстрированная энциклопедия. М., 1997. С. 55.

[2] См.: *Волконский Н.А., фон Климан Ф., Бублицкий П.* Война на Восточном Кавказе с 1824 по 1834 гг. в связи с муридизмом // КС. Тифлис, 1891. Т. XV; *Волконский Н.А.* 1858 год в Чечне // КС. Тифлис, 1878. Т. III; *Он же.* Окончательное покорение Восточного Кавказа (1859-й год.) // КС. Тифлис, 1879. Т. IV.

летворение минимальных запросов граждан столицы и всего Имамата. Шамиль очень внимательно следил за тем, чтобы все проживающие в столице Имамата люди, независимо от веры, национальности, должности, были обеспечены всем для защиты государства, жизни и быта.

По личному указанию имама в Ведено была построена старообрядческая церковь для казаков-староверов, перешедших на сторону борющихся горцев. Здесь жило, около 800 русских, украинцев, поляков и венгров, перешедших к Шамилю. Они чинили орудия, подковывали коней, выполняли разные другие работы, получая жалованье из казны имама. Из бывших русских солдат были сформированы артиллерийские команды и отдельный Шамилевский батальон. Казаки же вместе с чеченцами служили в кавалерии[1].

Территория, на которой находился замок Шамиля, представляла большой (по отношению к самому Ведено) четырехугольник, окруженный высоким частоколом и рвом. Этот четырехугольник, имеющий только одни двойные ворота, заключал в себе внутренний и внешний дворы. Внутренний двор столицы Имамата по периметру был застроен зданиями, в которых жили семья Шамиля, некоторые должностные лица и прислуга. Здесь также находились хозяйственные пристройки. Там же были расположены дом Шамиля, особые помещения для проведения заседаний высшего Государственного Совета, отдельное помещение для суда, для казначейства и для части наибов, приезжающих по служебным делам. На внешнем дворе в случае необходимости и во время празднеств собирался народ. Недалеко от замка находился пороховой погреб, охраняемый гвардией имама[2]. В доме Шамиля была специальная большая комната, где происходили совещания наибов, там же размещалась и библиотека. Над этой комнатой находилось помещение, где хранились деньги и драгоценности Имамата. Кроме Шамиля в эту комнату имел доступ только казначей[3].

Дарго-Ведено, столица Шамиля, существовала до зимы 1859 г.

Знамена и флаги, ордена и медали, знаки отличия в Имамате Шамиля.

В Имамате Шамиля была утверждена своеобразная государственная символика – флаг, штандарт, ордена и медали, воинские знаки отличия, походные песнопения и др. При Шамиле даже чал-

[1] *Хожаев Д.* Указ. соч. С. 150.

[2] См.: *Руновский А.* Записки о Шамиле. Махачкала, 1989.

[3] *Волконский И.А.* Указ. соч. С. 138.

ма – головной убор из тонкого полотна, обворачивавшего вокруг папахи, – приобрела знак отличия, которое, по словам имама, отличалось в цвете. Кадиям, муллам и вообще ученым людям – «алимам» присвоен был зеленый цвет, хаджиям, т.е. побывавшим в Мекке пилигримам, – гранатовый; наибам – желтый; пятисотенникам и сотенным – пестрый, десятникам – красный. Сам Шамиль вместе с остальным населением носил белую чалму[1]. Каждый наиб имел свое знамя. Очевидец, русский офицер кн. Орбелиани, бывший в плену у горцев, в 1842 г. писал, что «каждое общество имело свой значок, наибы по два, Шамиль три, из коих один желтый, другой белый с красной каймой»[2].

Знамя всегда было важнейшим символом подразделения любой армии. В энциклопедическом объяснении знамя – это «кусок материи, прикрепленный к дереву, с эмблематическим изображением на ней». История же свидетельствует, что этот «кусок материи» есть нечто важное и даже святое для воинского подразделения, будь то полк или небольшой отряд. Тот же «кусок материи», расшитый шелком или выцветший от солнца и дождя ситец, являлся тем предметом, за который в бою отдавали жизнь. Воин, завладевший в сражении знаменем противника, становился героем.

Идея боевого знамени сугубо рациональна. Оно должно было служить ориентиром в гуще рукопашной схватки, где смешивались свои и чужие. Развевающееся над полем полотнище показывало, где дерутся свои, куда должен пробиваться воин, потерявший из виду своих товарищей. Естественно, каждая из сторон стремилась лишить неприятеля его ориентиров, потеря знамени всегда считалась большим позором. Сделать это было непросто, так как вокруг знамени сплачивались воины, и добраться до него атакующие могли, лишь истребив всех, стоящих на пути. «Знамена стали символами геройства и доблести. Прибитое к древку полотнище, которое нельзя бросить, как бы трудно ни было, за которым надо идти до конца, всегда напомнит воину о долге, чести, о святости уз товарищества»[3].

Знамена были у всех народов и, как знаки, появились еще в древности, практически одновременно с созданием армии как политического института. Немаловажную роль играли знамена и в политической, военной и религиозной жизни народов Кавказа, в

[1] АКАК. Т. XII. С. 1433.

[2] ДГСВК. С. 417.

[3] *Шевяков Т., Пархаев О.* Знамена и штандарты Российской императорской армии конца XIX в. – начала XX в. М., 2002. С. 4.

частности среди воинских подразделений армии горцев в Имамате Шамиля. Под гром барабанов и крики «Ура!» знамена вели в горы Кавказа царские отряды. Под пение «Ля илляха иллялах», со знаменами в руках бросались в атаку шамилевские мюриды.

Было бы неверным говорить, что изучение знамен горцев периода Кавказской войны не предпринималось. Отдельные сведения о них встречаются в исторических хрониках, воспоминаниях участников военных действий на Кавказе, исследованиях авторов досоветского периода.

Дагестанский объединенный историко-архитектурный музей – обладатель и хранитель довольно значительной коллекции кавказских знамен. Однако они туда попали не сразу[1].

Серьезную попытку описания горских знамен предпринял дагестанский ученый В.Г. Гаджиев[2]. Однако в его исследовании была использована только часть горских знамен, хранящихся в Дагестанском государственном объединенном историко-архитектурном музее, к тому же история их «участия» в боевых действиях автором не освещалась.

Основательную работу по изучению истории и аннотированию горских знамен выполнил другой дагестанский исследователь

[1] Захваченные в боях знамена Имамата хранились как трофеи в штабквартире подразделений, до тех пор, пока в 1883 г. в Тифлисе не был открыт военно-исторический музей, который назывался «Храм Славы», т. е. славы русского оружия. В музее были представлены живописные картины известных художников, посвященные сценам завоевания Кавказа, военные трофеи, оружие, награды, фотографии. Туда же были переданы многие трофейные знамена горцев. Тифлис в то время был административным и культурным центром Кавказа, здесь жил Наместник, отсюда отдавались приказы. Однако вскоре музей пострадал от пожара, восстановить его не смогли, и спасенные экспонаты на неопределенное время были законсервированы. В 1925 г. в Дагестане был создан краеведческий музей. Часть экспонатов к этому времени уже была собрана, и, конечно же, дирекция музея сделала запрос в Грузию с просьбой передать в новый Дагестанский музей предметы, касающиеся непосредственно истории Дагестана. Ответ не заставил себя долго ждать. По акту от 5.02.1925 г. в Дагестан было передано немало ценных экспонатов: картины, оружие, знамена и др. Помимо этого, большая коллекция кавказских редкостей поступила из Марьино, бывшего имения князей Барятинских, что под Москвой. С тех пор кавказские реликвии нашли приют в Дагестане. По ныне сохранившимся знаменам можно представить, что собой представляли знамена в армии Имамата Шамиля.

[2] *Гаджиев В. Г.* Военная организация и воинские знаки отличия в государстве Шамиля // Государства и государственные учреждения в дореволюционном Дагестане. Тематический сборник ИИЯЛ ДагФАН СССР. Махачкала, 1989. С. 93-109.

Х.М. Доного, издав каталог с довольно подробным научным описанием знамен, иллюстрациями, приложением, с переводом надписей на знаменах и т.д. Данное издание является полезным и необходимым подспорьем для специалистов в деле изучения символики, военной организации и воинских знаков отличия в Имамате Шамиля. Опираясь на вышеназванные труды, а также на другие исторические описания и исследования, попытаемся показать роль горских знамен в войне, а также изучить особенности их использования и применения в военных действиях.

Знамена имамов Газимагомеда, Гамзат-бека, Шамиля и наибов, хранящиеся в Дагестанском музее – это трофейные знамена царских частей, переделанные в Имамате. Они были захвачены в боях, подобраны на полях сражений, отбиты в стычках. Почти все они выполнены из простой материи, исписанные или расшитые аппликацией. Встречаются знамена прямоугольной, треугольной, двухконечной, трехконечной формы.

Какое именно знамя было у главы государства Имамат, предводителя и главнокомандующего горской армией имама Шамиля? Здесь вряд ли можно ответить однозначно. Видимо, у имама было не одно знамя. Во всяком случае, если судить по воспоминаниям очевидцев и современников, их было у него на протяжении двадцатипятилетней борьбы несколько.

Немец фон Бюнтинг, служивший в русских частях и являвшийся свидетелем обмена сына Шамиля Джамалуддина на пленных грузинских княгинь, так пишет об увиденном в 1855 г.: «Шамиль и два пожилых мюрида сидели с поджатыми ногами на небольшом ковре. Шамиль на подушке, несколько выше между двумя стариками. Над головой его держали зонтик, а позади стояло большое черное знамя с серебряными надписями из Корана, над которыми виднелся полумесяц, вылитый, как казалось, из массивного серебра»[1].

В следующем описании говорится еще об одном знамени Шамиля: «Каждая сотня имела свой значок. Наиб имел знамя, очень похожее на штандарт, значок же такой формы, как у наших жолнеров *(жолнер – польский ратник. – Ю. Д.)*. У Шамиля было свое знамя красного цвета, прочие же различных цветов»[2].

Заслуживают внимания сведения о знамени Шамиля, переданном им как будто после сдачи Гуниба князю А.И. Барятинскому. «Во время сражений Шамиль всегда выезжал со своим знаменем, никогда не расставаясь с ним, и вот после взятия Гуниба, когда Шамиль сдался, он это знамя в знак покорности передал князю Барятинскому. Во всех литографированных картинах того времени, запечатлевших этот сюжет, изображается сцена, как Шамиль, сдаваясь, передает Барятинскому свое знамя. Вечером, позвав к себе генерала Р.А. Фадеева, А.И. Барятинский сказал ему, что он дарит генералу Фадееву это знамя, так как взятие Гуниба во многом обязано его советам. Знамя это после смерти Р.А. Фадеева находилось у его сестры Надежды Андреевны Фадеевой, а в последнее мое свидание с нею она мне его вручила. Теперь это знамя находится у меня и висит в моей библиотеке»[1], – писал С.Ю. Витте.

Доказательство важного значения знамен в политических и международных отношениях служит тот факт, что турецкий султан, внимательно следивший за борьбой кавказских горцев против царских частей (однако так и не оказавший серьезной помощи горцам), всячески «поддерживал» Шамиля: посылал знамена, подарки, письма, в которых ободрял имама, присваивал Шамилю титулы, награды.

Об этом Джамал ад-Дин, старший сын Шамиля, в одном из своих писем писал: «В мае Абдул-Меджид *(султан. – Ю. Д.)* прислал Гази-Магоме знамя с изображением звезды под луной и вокруг сияние; луна со звездой и сияние белое, а остальная часть знамени светло-зеленая. Так как оно оказалось менее здешних значков, то обшили с трех сторон широкой красной каймой»[2].

Из сохранившихся на сегодняшний день знамен одно принадлежало самому имаму (знамя прямоугольной формы, из белого материала, размеры: 104x90). Оно было захвачено 2-м батальоном Кабардинского пехотного полка при штурме крепости Ахульго 22 августа 1839 г. и упоминается в воспоминаниях непосредственных участников штурма. «Рано утром 17 августа царская артиллерия открыла со всех батарей ураганный огонь по укреплениям горцев. 1-й Кюринский батальон спустился ко рву перед Новым Ахульго и занял переднюю площадку. Горцы защищались упорно, несколько раз бросались в шашки. Однако силы были неравными. Шамиль, потеряв уже надежду удержать Новое Ахульго, поспешил выста-

[1] *Ein Besuch.* Schamil Brief eines Preussen. Berlin, 1855.

[2] *Ильин П.* Историческое описание о Шамиле, называвшемся «Имамуль Аъзам». М., 1859. С. 8.

[1] *Витте С.Ю.* Избранные воспоминания 1849-1911 гг. М., 1991 // *Доного Х.М.* Знамена Кавказской войны. Махачкала, 1997. С. 111.

[2] Письмо от 5 и 6 октября 1855 г. барону Л. Николаи // Русская Старина. СПб., 1882. Т. XXXVI. С. 276-277.

вить белый флаг в знак перемирия, – писал Милютин, – и выслал немедленно своего сына в аманаты»[1]. Вероятнее всего, именно этот «флаг» сохранился до наших дней.

Генерал Граббе охотно согласился на перемирие, тем более что и русские войска были утомлены тяжелой осадой и штурмами. До вечера обе стороны убирали тела убитых и переносили раненых.

В своих скупых дневниковых записях генерал Граббе, командующий русскими войсками при взятии Ахульго, также упоминает о белом флаге: «17-го августа. В 6 часов утра приступ двумя батальонами Кюринского полка.

Замок занят, и горцы, устрашенные большой потерей и несомненным успехом, выставили белый флаг. Шамиль выслал ко мне в залог покорности сына. Штурм остановлен. Переговоры до утра. У нас урон убитыми и ранеными человек полтораста»[2].

Данный флаг, описываемый выше, следует считать не как флаг, с точки зрения военной регалии, а как предмет, символизирующий сдачу, в данном случае – прекращение военных действий для переговоров.

Эпопея Ахульго дала истории многих отважных героев, среди которых наиб Шамиля Али-бек, руководивший обороной укрепления. Его двухконечное знамя белого цвета с наконечником в виде шара было захвачено русскими войсками при штурме Ахульго в июне 1839 г. В военных сводках русского командования говорилось, что после выстрелов артиллерии, наносимых большой вред горцам, «сын Шамиля ранен картечью, а известному Али-беку, главному сподвижнику Шамиля, ядром оторвало руку, и он умер от раны»[3].

У каждого наиба Шамиля в своем подчинении находилось

[1] Утром 18 числа начальник штаба генерал-майор Пулло со свитой поднялся на Ахульго для встречи и переговоров с Шамилем. Оба сидели на большом камне, покрытым ковром, и говорили около получаса. Шамиль настаивал на том, чтобы ему было позволено жить в горах, а сын его, отданный в аманаты, находился в Чиркее под присмотром старосты Джамала. Помимо этого, Шамиль просил, чтобы осада была снята, а русские войска отведены от Ахульго, для чего он выдал своего сына генералу Граббе. Три дня шли переговоры. Обе стороны не пришли к единому мнению, и эти переговоры, от которых ожидали успеха, остались бесполезными / См.: *Милютин Д.А.* Описание военных действий 1839 года в Северном Дагестане. СПб., 1850. С. 115.

[2] См.: *Доного Х.М.* Указ. соч.

[3] РГВИА. Ф. ВУА. Д. 6361. Л. 261-266.

воинское подразделение, и, разумеется, одним из отличительных знаков его было знамя. Сохранившееся двухконечное знамя наиба Ташев-Хаджи Эндиреевского было окрашено в красный и зеленый цвета (размеры: 161х96), древко с наконечником в виде трезубца[1].

Оно было захвачено первым батальоном Кабардинского пехотного полка 10 мая 1839 г. у селения Мискит близ Ахмет-Тала. Здесь весной 1839 г. Ташев-Хаджи со своими сподвижниками построил укрепление, цель которого заключалась в том, чтобы иметь вблизи от Кумыкской плоскости и Сунжи передовой опорный пункт, из которого отряды мюридов могли совершать набеги.

В своем походном дневнике генерал Граббе так описывает момент взятия укрепления и захвата знамени: «10-го мая. Передовой отряд из двух батальонов Кабардинского полка, при двух горных орудиях, под начальством полковника Лабинцева, взял приступом укрепление и башню Ташев-Хаджи, который бежал. Все сравнено с землей. Взяты знамя, лафет, разное оружие»[2]. А из рапорта генерала Граббе военному министру Чернышеву о военных действиях при Ахмет-Тала становится ясным, что трофейное знамя наиба Ташев-Хаджи было в свое время подарено ему первым имамом Гази-Магомедом[3]. В связи с этим можно сделать вывод, что знамена были своего рода и реликвиями, передаваемыми из рук в руки.

Интерес своим внешним видом представляет знамя известного сподвижника Шамиля Сурхай-кади. Оно двухконечное, из бумажной материи белого цвета с надписью на арабском языке, которая плохо читается, с деревянным наконечником в виде шара с резьбой (размеры: 104х43). Это знамя также упоминается в исторических хрониках. По пути следования к Ахульго отряду генерала Граббе попадались другие укрепленные селения, у каждого из которых завязывался бой. Одно из жестоких сражений произошло при ауле Аргвани 31 мая 1839 г.

Генерал Граббе в своем дневнике сделал следующую запись: «Шамиль, главные его муриды и несколько тысяч засевших насмерть защищали крепость. Исполинский бой. Совершенный успех. Все кончилось только к рассвету следующего дня. Шамиль ушел, как говорят, раненый. Долго будут помнить в горах этот громовой удар. Сотни тел остались в наших руках, кроме увезен-

[1] *Доного Х.М.* Указ. соч. С. 38.

[2] Записная книжка графа *П.Х. Граббе.* М., 1888. С. 103.

[3] РГВИА. Ф. ВУА. Д. 63. Лл. 81-84.

ных по обычаю. Человек 25 взято в плен. Булава Шамиля и два значка с надписями из Корана взяты. Наш урон велик»[1].

Сурхай-кади из селения Коло, легендарный защитник Ахульго, чье знамя было захвачено кюринцами (о чем упоминает генерал Граббе в своем дневнике), один из самых преданных Шамилю мюридов, был и одним из организаторов обороны Аргвани.

Были знамена и у Даниял-бека, султана Элисуйского, который в 1844 г. перешел на сторону имама Шамиля. Царское командование на Кавказе было в шоке от поступка Даниял-бека (Даниял-Султана). Ведь не рядовой, даже не офицер, а генерал-майор русской службы, получавший жалованье, награжденный орденами, вдруг бросил все и перешел на сторону Шамиля.

Шамиль хорошо принял султана. Даниял-бек стал одним из влиятельных людей в Имамате, у него было свое войско, он имел право награждать от своего имени орденами отличившихся в боях горцев.

На одном из знамен (прямоугольной формы из белого материала с широкой полосой по всем сторонам, в центре изображения полумесяца и круга из цветной ткани, размеры: 140x126), принадлежавших Даниял-беку, которое было захвачено поручиками Болганским и Араратским (отряд генерала Аргутинского-Долгорукого) 25 июля 1846 г. у горного хребта Тли, имеется надпись на арабском языке: «Во имя Аллаха, Милостивого, Милосердного! Мы раскрыли тебе истину, чтобы Аллах простил тебе грехи и даровал блага и направлял на правильный путь. Победа Аллаха и скорое завоевание! Это знамя – дар беднейшего из бедных Асвара, ахтынца, призывавшего тебя к прочной вере в Аллаха. Да направит тебя Аллах на верный путь и да дарует тебе победу!» Судя по надписи, можно предположить, что знамя, по всей вероятности, исполненное неким Асваром из Ахты, было подарено Даниял-беку.

На двух следующих знаменах Даниял-бека надписи религиозного содержания: «1. Знамя двухконечное, белого цвета с красной окантовкой, наконечник металлический, плоский: «Един Аллах! Победителям он дает победу»; 2. Знамя такой же формы, только наконечник в виде шара: «Аллах нам сила, покров и убежище»[2].

Достаточно символичным является надпись на другом знамени этого наиба (двухконечное, белого цвета, с красной окантовкой) с металлическим четырехгранным наконечником: «Не каждый воин достоин ездить на коне. Не каждая рука достойна держать копье. Достоин похвалы тот храбрый воин, который бросается в битву с пылкостью льва».

[1] Записная книжка графа *П.Х. Граббе.* М., 1888. С. 107.

[2] *Дошго Х.М.* Указ. соч. С. 59-60.

Тем не менее, как полководец, Даниял-бек, султан Элисуйский, не удался. Это отметил сам Шамиль, уже находясь в калужской ссылке – у него не было крупных побед. На военном поприще он себя ничем не проявил. Попавший в водоворот сложных событий, метавшийся из стороны в сторону, он в результате заслужил довольно нелестную оценку в летописях и истории того времени.[1]

Сохранились описания целого ряда знамен выдающегося военного деятеля Имамата, уважаемого в народе наиба Бук-Мухаммада, родом из Кази-Кумуха. Направленный имамом Шамилем в поход в Кайтаго-Табасаран, он проявил себя как храбрый воин, до последнего сражавшийся с превосходящими силами противником. Обосновавшись в селении Шеляги, 18 января 1852 г. Бук-Мухаммад со своими сподвижниками принял там последний свой бой, в результате чего противником были захвачены несколько знамен горцев.

1. На древке одного из них сохранилась бумажная наклейка позднего времени: «Значок Кюринского жителя Ия Хаджи, отбитый 18 января 1852 г. при штурме сел. Шеляги в Кайтаге, отрядом генерал-майора Суслова». Знамя прямоугольной формы, серого цвета с окантовкой полосой лилового цвета, размеры: 130x106, древко с металлическим наконечником и шаром[2].

Остальные знамена, захваченные русскими войсками у горцев Бук-Мухаммада во время сражения при селении Шеляги, представляют собой следующее:

2. Знамя прямоугольной формы, состоящее из центральной части и широкой полосы с 4-х сторон, две из которых голубого цвета с растительным орнаментом, окантованное со всех сторон тонким шнуром (132x95);

[1] Гасан Алкадари пишет о нем так: «Одним из высших военачальников Шамиля-эфенди был Даниял-Султан. Этот человек происходил из Элисуйских владений, прежде был генерал-майором на русской службе и был правителем своего владения. Потом он перешел на сторону Шамиля-эфенди и долгое время находился в Дагестане в его подчинении. Он выдал также свою дочь за сына Шамиля-эфенди и тем укрепил свою близость к нему, а когда Шамиль-эфенди сдался Российской державе, он был этой державой амнистирован, ему снова был пожалован прежний чин, и ежегодно ему выдавалось жалованье до трех тысяч рублей. Потом он переселился в Турцию и там умер...». (См.: *Алкадари Г.* Указ. соч. С. 135).

[2] *Дошго Х.М.* Знамена Кавказской войны. Махачкала, 1997. С. 71.

3. Знамя прямоугольной формы, с двух сторон окантованное широкими полосами красного цвета, древко с железным наконечником (71x52);

4. Знамя прямоугольной формы, лилового цвета, окантованное со всех сторон широкой полосой желтого цвета, древко с железным наконечником и шаром (106x145);

5. Знамя двухконечное, белого цвета, наконечник остроконечный с кистью. Имеется надпись на арабском языке: «Не теряй смелости. Отнесись равнодушно к опасностям войны. Никто не умрет ранее предопределенного часа смерти»[1]. Надпись на последнем знамени символична для деятельности и гибели наиба Бук-Мухаммада.

В основном надписи на знаменах горцев были религиозного содержания: цитаты из Корана, молитвы, свидетельства. Это и понятно: освободительная борьба шла под религиозными лозунгами, Имамат Шамиля являлся теократическим государством, где религия занимала главенствующее положение. Например, на двухконечном знамени белого цвета с четырехгранным наконечником следовала надпись на арабском языке: «Нет Бога кроме Аллаха и пророк его Мухаммад», на двухконечном знамени желтого цвета с остроконечным наконечником следовала мольба, обращенная к Аллаху: «О Ты, дарующий победу! О Ты, защитник!»

На прямоугольном знамени белого цвета, с синей окантовкой и желтыми треугольниками в углах, которое было захвачено казаками на берегу реки Сунжи в бою, где был убит генерал Слепцов 10 декабря 1851 г., следовала надпись такого содержания: «Рука Аллаха выше всех рук!»[2].

Несомненный интерес представляют знамена Хаджимурада – знаменитого наиба Шамиля. Одно из них (двухконечное, белого цвета, на обоих концах пришиты куски малинового цвета, древко с металлическим шаром и с трехгранным наконечником, размеры: 137x93) было захвачено отрядом Казикумухской и Кюринской милиции под командованием генерала Аргутинского-Долгорукого 1 июля 1844 г. На нем сохранилась следующая надпись: «Во имя Аллаха, Милостивого, Милосердного! Помощь от Аллаха и близкая победа, владыка славы и величия. Во имя Аллаха, лучшее имя – его имя. Не все, о чем молодец мечтает, он достигает. Трусость не спасает его, смелость не губит его. С твоего могущества, Аллах! О,

[1] Там же. С. 74.

[2] Там же. С. 86-87.

Аллах! Помоги войскам мусульман крепкой помощью и открой им верную победу с помощью Твоего могущества, Всемогущий, потому что Ты – Всемогущ. На все воля Аллаха, Великого и Могущего. Обновлено в 1260/1844 г.»[1].

Другое знамя, захваченное Дагестанским полком во время осады укрепления аула Гергебиль 23 июня 1848 г., представляет собой полотнище прямоугольной формы, серого цвета, обшитое с трех сторон бордовой полосой с аппликацией из трех окружностей – красного, зеленого и красного цветов в центре. Вокруг окружностей – роспись растительным орнаментом, в двух углах знамени аппликация из четырех полос (красная, зеленая, оранжевая, зеленая), размеры: 82x127.

Знамя для горцев являлось почетным символом, оно было обязательным участником военных походов, сражений. За него рубились насмерть. Интересен эпизод из стычки, приведенный путешествующим по Кавказу известным романистом А. Дюма: «Майор схватил знамя Хаджи-Мурата и при этом ранил его саблей, однако Хаджи-Мурат успел убить его из пистолета. Умирая, майор имел еще возможность перебросить знамя своим солдатам. Прибыла пехота, только 50 драгун уцелели, но зато знамя осталось в их руках, у меня есть лоскут этого знамени, дали мне его граф Ностиц и князь Дондуков-Корсаков»[2].

Одно из знамен Шамиля представляет собой белое полотнище из простой хлопчатобумажной ткани с глубоким треугольным вырезом. Древо завершается наконечником, напоминающим правильный шар с заостренным выступом. На левой стороне полотнища 5 строк на арабском языке. По очередности: 1 строка – «Во имя Аллаха, Милостивого, Милосердного. Помощь исходит от Аллаха, победа близка»; 2 строка – «Имя Аллаха лучшее из имен. Все, на что человек надеется, он достигнет, он достигнет»; 3 строка – «О, Аллах, помоги войску мусульман. Всевышней помощью и своим ясным откровением открой (укажи) ему путь. Воистину ты всякою всемогущ»; 4 строка – «Нет более силы и могущества, кроме как у Аллаха Высокого и Великого». И, наконец, 5 строка – «Дата изготовления знамени – 1260 хиджры» (1844 г.).

Другое знамя – «шелковое полотнище красного цвета, окаймленное белой бахромой, с кисточкой с небольшим треугольным

[1] Там же. С. 92.

[2] *Дюма А.* Кавказ. Тбилиси, 1988. С. 77.

вырезом, посередине полотнища полумесяц и пятиконечная звезда желтого цвета»[1]. Всего в музее хранится 5 знамен Шамиля.

Из всего перечисленного можно сделать вывод, что единого государственного знамени Имамата не было, а знамена выполняли функцию воинского символа, знака отличия. У каждого наиба, правившего на определенной территории, было свое знамя, а уж как оно было изготовлено, решал вкус самого наиба. Большинство наибских знамен, сохранившихся на сегодня, – скромной отделки с металлическими или деревянными наконечниками. Практически все знамена скромны по внешнему виду. Необходимо отметить и такую деталь, что так называемые мусульманские символы, т.е. полумесяц и звезда, встречаются на знаменах очень редко, а в основном это разного цвета куски материи, сшитые между собой. Тем не менее, знамена в Имамате Шамиля выполняли свою функцию боевых регалий по всем правилам военного искусства и по сей день являются предметом изучения военных историков.

В Имамате существовали и значки, размерами и формой отличавшиеся от знамен, и их носили сотники.

В музее хранятся:

1. Значок, треугольной формы, зеленого цвета, наконечник остроконечный;
2. Значок, треугольной формы, желтого цвета, окантованный красной полосой, наконечник остроконечный;
3. Значок треугольной формы, белого цвета, окантованный синей полосой, наконечник остроконечный;
4. Значок треугольной формы, лилового цвета, окантованный белой полосой, наконечник остроконечный;
5. Значок треугольной формы, белого цвета, окантованный желтой полосой, наконечник остроконечный;

Наградная система.

Знаки отличия.

Как отмечалось выше, с 1840 г. горцы под предводительством имама Шамиля достигают больших успехов. Были одержаны крупные победы над отдельными частями царской армии, взято 13 укреплений. В это время имам работает над организацией структуры своего войска, вводит командно-должностные звания, создает сотни, назначает к ним командиров, создает систему военных наград и знаков отличия. О том, что это государство обретало черты высокой организованности, свидетельствуют его административное устройство, система органов власти и управления, его вооруженных сил и т.д. Только в сложившемся устойчивом организме государства могли быть учреждены знаки и ордена. «Их предназначение было не только в том, чтобы установить необходимую для всякого государства административную и военную иерархию, а главным образом в том, чтобы поддерживать в борющемся обществе высокий дух патриотизма, самоотверженности, готовность пожертвовать собой во имя общего дела»[1].

Наградная система, учрежденная Шамилем – это источник, который еще полностью не изучен. Впереди еще огромная собирательская и исследовательская работа. До нас ее начали И.Г. Спасский («Иностранные и русские ордена до 1917 г.»), дагестанские ученые В.Г. Гаджиев («Военная организация и воинские знаки отличия в государстве Шамиля») и Х.М. Доного («Ордена Шамиля»). Безусловно, их исследования ценны и полезны.

Наградная система в Имамате была объектом пристального интереса у царского командования на Кавказе в начале 40-х гг. XIX в. Документ, относящийся к этому периоду, подготовленный на основе разведданных, донесений лазутчиков, где описывается наградная система имама Шамиля, представляет значительный интерес в деле изучения орденов Шамиля:

«Мало известно, в чем состояло у Гази-Магомета и Гамзата поощрение преданных им людей, показавших услуги шариату. У Шамиля вначале выдавались подарки: оружием, лошадьми, баранами, различными вещами и даже делались денежные вознаграждения. Получить от Шамиля рублей 30 серебром почиталось великою милостью и почтением, но с 1841 года с завершением образования муртазигетов (буквально – «наемные воины», добровольцы, личная гвардия Шамиля) явились медали и различные знаки отличия, но, кажется, только в виде опыта, ибо знаки отличия только видны между мюридами под управлением Шуайба и частью Ахверды-Магомы, в Аварской и Лезгинской области такие знаки еще не появились.

Первый знак отличия есть круглая серебряная медаль, ее может получить только сотенный командир, муртазигетов и даже на-

[1] Гаджиев В.Г. Военная организация и воинские отличия в государстве Шамиля. // Государства и государственные учреждения в дореволюционном Дагестане. Тематический сборник ИИЯЛ Даг. ФАН СССР. Махачкала. 1989. С. 102.

[1] *Доного Х.М.* Ордена Шамиля. Махачкала, 1997. С. 5.

ибской милиции. Чтобы быть сотенным командиром, нужно сделаться известным своею храбростью, и потому на медали написано по-арабски: «За храбрость сотенному командиру»[1].

Треугольная медаль

Второй знак отличия - треугольная серебряная медаль, ее может получить только трехсотенный командир, и потому надпись на медали гласит: «За отличную храбрость трехсотенному командиру», ибо, чтобы командовать тремя сотнями, надо оказать особенное отличие[2].

Серебряные эполеты и темляки

Третий знак отличия – серебряные небольшие эполеты и темляк. Их могли получить только пятисотенные командиры, коих весьма мало. Означенные эполеты отличаются от наших тем, что делаются не из канители *(канитель - тонкая винтообразно витая золотая, серебряная или мишурная проволока, употреблявшаяся для вышивания украшений для одежды, в данном случае для эполетов. – Ю.Д.)*, а из кованого серебра, притом весьма небольшие[3].

Чинопроизводство

В конце 1842 г. Шамиль учредил род военной иерархии, и в достоинство, соответственно званию генерала, возведены были тогда Ахверды-Магома, Шуаиб Мулла и Уллубий-Мулла, прочие же наибы и помощники первых – на степень капитанов[4].

Полузвезды

Лица, возведенные в звание генералов, получали два серебряных знака отличия, имеющих вид полузвезд, так что, если их вместе сложить, составляют нашу Орденскую звезду, и носят их по одной на каждой стороне груди, зубцами наружу. Прапорщик *Орбелиани* говорил, что видел на Шуаибе две звезды, только пятиугольные[5].

Наибские медали и знаки отличия

Все же прочие наибы и помощники первых, называющиеся капитанами, получают знаки отличия, похожие на овальную медаль. Помощники же наибов, капитанов и вообще все старшины селений носят серебряные пластинки.

[1] РГВИА. Ф. 482. Оп.1. Д.128. Л. 6.
[2] Там же.
[3] Там же.
[4] Там же. Л. 6 (об).
[5] РГВИА. Ф. 482. Оп. 1. Д. 128. Л. 7.

Военный знак отличия

Но высшею наградою признается у горцев военный знак отличия. Он имеет вид овальной медали, с вырезками, так что несколько походит на крест. Этот знак отличия установлен с тою же целью, как наш военный знак отличия, однако с тою же разницей, что тот, кто получил его, Имамом жалуется пенсионом по 3 руб. серебром в месяц; менее же храбрым нашивается на чалму четырехугольный кусочек зеленой материи.

Ахверды-Магома, кроме общих отличий, носит у правого эполета большую серебряную бляху с надписью на арабском языке: «Нет другого молодца, как Ахверды-Магома, и лучшей шашки, как его шашка»[1].

В некоторых случаях представители царской администрации на Кавказе могли воочию удостовериться в наличии наградных знаках, имевших место в имамате. В рапорте командира Отдельного кавказского корпуса генерал-адъютанта Нейдгардта Военному министру генерал-адъютанту князю Чернышеву от 28 ноября 1843 г. говорится о захваченных русскими трех знаков отличия после боя у селения Эндирей[2] : « В дополнение к рапорту моему от 8-го ноября № 1930 имею честь представить при сем Вашему Сиятельству три знака отличия, снятые с убитых горцев при поражении скопищ Шамиля 30-го числа минувшего сентября месяца у дер. Андреевой. № 1939, 11 ноября 1843 г. Тифлис»[3].

Данный рапорт был послан из Тифлиса в Петербург с приложением из трех знаков, скрепленных между собой тесьмой и приколотые к бумаге с гербовой печатью, которые в настоящее время хранятся в фонде архива в качестве приложения к вышеназванному документу.

На основе собранной информации и имеющихся данных можно представить, как выглядела наградная система в Имамате. Знак полкового дивизионного командира (пятисотники и тысячники) – состоял из круглой серебряной пластины, разделенной в окружности на три отделения. В первом отделении надпись, двустишие на арабском языке: «Если ты предался войне, то малоду-

[1] Там же. Л. 7(об).
[2] В подлинном тексте документа – дер. Андреевой. – *Ю.Д.*
[3] РГВИА. Ф.ВУА. № 6484. Л. 263 об.

шие в сторону. Терпи все ее невзгоды: нет смерти без назначения» *(т. е. кому не предназначена смерть, тот не умрет. - Ю.Д.)*. Во втором круге пластины изображено два символа мусульманской веры: «Нет бога кроме Аллаха, и Мухаммад его пророк». Эти слова размещены в четырех противоположных местах круга. В центральном круге изображено звание командира, т. е. начальник ли он, тысячник или пятисотенный. Знаки тысячника и пятисотника имели и другие надписи. На одном из них цитировалась первая сура Корана, на второй: «Сила и мощь у великого Аллаха». Знак сотника и двухсотника представлял треугольную серебряную пластину с надписью: «Свидетельствую, что нет Бога кроме Аллаха, и Мухаммад посланник его». В знаке трехсотника – круглая пластина с надписью: «О боже! Благослови Мухаммада» и его сподвижников. Знак четырехсотника - тоже круглая пластина с надписью: «Нет Бога кроме Аллаха. Аллах велик. Хвала Аллаху. Да простит меня Аллах».

Другой знак сотенного командира состоял из серебряной же пластины, имеющей вид полумесяца, нижняя часть которого имела вид изогнутой линии, напоминающей лук. На одной его стороне - надпись со званием командира. Знаки сотника имели и другие формы. Один из них представлял собой серебряную пластину в виде пятиконечной звезды, концы которой несколько округлены, и в них надпись: «Это начальник сотни войска нового устава». Другой третий вид знака сотника, дошедший до нас в нескольких экземплярах, представляет из себя круглую серебряную бляху, в центре которой в зубчатой обводке надпись: «Во времена имама Шамиля», вдоль края: «Это начальник сотни и глава отряда». Пожаловал эти звания Даниял-Султан в году 1262 (1845-1846). Знак пятидесятника - серебряная треугольная пластина с надписью. Знак капрала состоял из медного продолговатого четырехугольника с оконечностями вроде фестона[1].

Следующие три документа - рапорты царских генералов, также представляют большой интерес в деле изучения наградной системы в Имамате Шамиля.

Рапорт генерал-адъютанта Граббе управляющему военным Министерством Клейнмихелю о знаках отличия, введенных Шамилем для отличившихся воинов от 14 мая 1842 г., сообщает о том,

[1] *Казем-бек М.* Мюридизм и Шамиль // Избранные произведения. Баку, 1985. С. 57-58; *Спасский И.Г.* Иностранные и русские ордена до 1917 г. М., 1963. С. 127-128.

что, «когда Кази-Мулла возмущал покорных нам горцев, Андреевской деревни житель Чагай Акаев бежал в Чечню и поселился на р. Мичик в дер. Карасу» и что «этот абрек более 10 лет жил в Чечне и в последнее время находился в тесной связи с одним из храбрейших и известнейших чеченских наездников по имени Оздемир, который пользовался доверенностью Шамиля и им сделан был начальником пятисот человек. Недели две тому назад Чагай Акаев убил сказанного Оздемира, бежал с семейством из Чечни и прибыл в дер. Аксай. Причины, побудившие его к убийству этому, неизвестны; он сам говорил, что хотел тем сделать полезное для нас дело и желал возвратиться на родину. При убийстве Оздемира он снял с него данные им Шамилем знаки отличия. Давно уже до меня доходили слухи, что Шамиль для поощрения наиболее отличившихся в скопищах своих раздает им знаки отличия вроде наших орденов и старается вводить некоторую правильность между своими полчищами.

Хотя по сие время еще незаметно, чтоб они имели какое-либо правильное устройство, но представляемые при сем знаки отличия убитого недавно начальника пятисот человек вновь устраиваемого войска Оздемира, с одной стороны, могут служить любопытным фактом желания и стремления Шамиля к достижению этой цели, а с другой, доказательством его ума, которым он возвысился до такой степени, что полудикие горцы, не привыкшие подчинить себя такой власти, уважают только некоторые личные достоинства и, обращая внимание только на материальные выгоды, теперь слепо повинуются приставленным над ними Шамилем начальникам и считают честью носить выдуманные им знаки отличия»[1].

Далее дается «опись знаков отличия, данных Шамилем Оздемиру, с переводом надписей на них. 14 мая 1842 г.»:

№ 1. Кисти к шашке вроде темляка. Надпись: «Нет Оздемира храбрее, нет сабли его острее». *Примечание:* Этот знак отличия дает право на получение жалования по 3 руб. серебр. в месяц.

№ 2. Знак, обозначающий звание того лица, которому он дан. Надпись: «Нет силы без помощи Божьей. Начальник пятисот человек вновь устраиваемого войска».

№ 3. Знак за особенное какое-либо отличие. Надпись: «Храбр и мужественен»[2].

[1] РГВИА. Ф. ВУА. Д. 6468. Лл. 3-4.

[2] Там же. Л. 5.

Небезынтересен также рапорт генерал-майора Клюки фон Клюгенау генерал-адъютанту Нейдгардту об управлении, введенном Шамилем на подвластной ему территории: «Все наибы носят на правом плече серебряные пластинки, которые им служат вместо эполет. Пятисотенный и сотенный начальники носят на груди медали с надписью «Нет силы без помощи Божьей». Храбрейшие из пятисотенных и сотенных начальников имеют на шашках кисти вроде темляка. Десятники особенного знака отличия не имеют, но выбираются из более достойных. Шамиль раздает различные знаки отличия. За усердие – звезды четырехугольного вида и круглые медали (Местерухский мулла имеет медаль, которая вылита им из пяти рублей серебром). За храбрость – знак треугольной формы для ношения на груди с надписью «храбр и мужественен», кисть на шашке вроде темляка, а за особенное мужество и неустрашимость даются именные надписи к шашке: «Нет такого-то храбрее, нет сабли его острее». Подобную надпись имеет Ахверды-Магома, а может быть и другие, но об этом неизвестно».

И третий документ – это рапорт генерал-адъютанта Нейдгардта генерал-адъютанту Чернышеву от 12 декабря 1842 г. об управлении, введенном Шамилем на подвластной ему территории: « Шамиль недавно ввел (первые сведения получались в 1841 г.) знаки отличия, как для почетнейших званий военных, так и в награду заслуг, командиры сотенные и пятисотенные имеют на плече круг с надписью их звания. На знаках за заслуги пишут хвалебные изречения действий, за которые даются. Кисть на шашке вроде темляка, даваемая за особую храбрость»[1].

В год пленения Шамиля (1859) в Москве неким П. Ильиным было издано «Историческое описание о Шамиле, называвшемся «Имамуль А'зам», где помимо истории мюридизма, описания биографии Шамиля, автором дается информация о знаках отличия в войске имама. На основании каких данных представлены эти сведения, неизвестно, во всяком случае, многие моменты награждения не всегда совпадают с описанием в документах из РГВИА: «Шамиль жаловал отличившихся в делах знаками с арабскими надписями из Корана, облекая их в достоинство сотника, двухсотника, 3-сотника, 4 и 5-сотника, а на шашку давал шелковый, различных цветов, темляк, формою вроде нашего кавалерийского. Сотник носил на правой стороне груди близко к плечу треугольник из серебра на сафьяновом кружке, 2-хсотник – этот же знак на обеих

[1] Там же. Лл. 7-10.

сторонах груди, 3-хсотник – на правой стороне груди треугольник, а на левой – круг с текстом из Алкорана, 4-хсотник – на обеих сторонах груди широкие круги с текстами, 5-тисотник носил то же, что и 4-хсотник, только текст другой. Достоинство наиба означалось теми же кругами, но гораздо большей величины и с надписью полной молитвы»[1].

К тексту был приложен эскиз одного ордена Шамиля с арабской надписью: «Это медаль имама нашего великого Шамиля». В данном случае награда именуется как «медаль», русское слово, написанное арабскими буквами. В связи с этим возникает вопрос: с кого брал пример имам Шамиль, вводя у себя в государстве наградную систему? Известно, что сам «Шамиль, – по показаниям очевидца Загурского, – распустил слух, что образцы этих блях прислал ему турецкий султан»[2].

Однако это был только слух, но для чего Шамиль прибегал к такой уловке, следует объяснить. По свидетельству прапорщика Орбелиани, имам, пропагандируя свою близость с турецким султаном, пытался поднять свой престиж и возвыситься в глазах простых горцев.

Он пытался уверить горцев, что турецкий султан и египетский паша принимают непосредственное участие в его деятельности, оказывают ему не только моральную, но и материальную помощь. И чтобы придать более достоверности этим рассказам, «он иногда запирается на несколько дней и приказывает объявить, что получил важные письма, или принимает тайных послов от помянутых владетельных особ, или занят написанием к ним ответов и подготовкой своих послов»[3].

Однако, как пишут специалисты, известно, что в самой Оттоманской империи, да и в шахском Иране, наградная система в виде орденов и медалей сложилась лишь во второй половине XIX в.[4], во всяком случае, позже, чем в государстве Шамиля. Скорее всего, правящие круги Имамата заимствовали это у своего противника. Об этом красноречиво говорят и сами названия наград.

Орден называли «нишан», «знак» («аламат») или, по-русски, «медаль». И это понятно, так как горцы воочию видели нагрудные

[1] *Ильин П.* Историческое описание о Шамиле, называвшемся «Имамуль А'зам» («Наместник пророка»). М., 1859. (Кстати, П. Ильин неправильно дал перевод. Должно быть: «Величайший имам»).

[2] РГВИА. Ф. ВУА. Д. 6478. Л. 157-163.

[3] ДГСВК. С. 417.

[4] *Спасский И.Г.* Иностранные и русские ордена до 1917 г. Л.: Изд. Гос. Эрмитажа, 1963. С. 126.

знаки царских войск, знали также, что орденами и медалям награждались и феодальные владетели Дагестана. До перехода к Шамилю чин генерала и ряд орденов носил Даниял-Султан. Здесь уместно напомнить свидетельство историографа Имамата ал-Карахи о том, что бежавшие к Шамилю ломали или разрывали русские почести[1]. О непосредственном влиянии русской наградной системы на горскую говорит и то, что в ряде надписей встречается слово «медаль» и награда в виде темляка – по образцу Аннинского или Георгиевского темляков[2].

Если при организации самой наградной системы использовали русский опыт, то при составлении содержащихся на них надписей, как отмечалось выше, использовали в качестве источников изречения из Корана и жития мусульманских святых. Немало среди них и оригинальных надписей. Но как бы то ни было, наградная система Шамиля представляла собой «своеобразие и яркое явление вообще в истории наградного дела»[3]. Кроме того, наиболее влиятельные наибы также имели свои награды, которыми награждали своих подчиненных. Такие награды давали, например, как отмечалось выше, Даниял-бек и Талхик. Так, на медали Талхика было написано: «Проявившему храбрость и мужество в войске Талхика». Сохранился целый ряд орденов и должностных знаков, которыми награждал своих подчиненных наиб Даниял-Султан. На двух одинаковых орденах читаем надпись: «Этот знак выдан Даниял-Султаном тому, кто проявил храбрость. 1263 г.» (1846-1847 гг.). Существует еще несколько одинаковых награждений, связанных с именем Даниял-Султана: «Во времена имама Шамиля. Это начальник сотни и глава отряда. Пожаловал это звание Даниял-Султан в 1262 г.»(1845-1846). Из этих примеров видно, что наиб Даниял-Султан имел немалые возможности не только награждать отличившегося воина, но и назначить его на новую должность, в данном случае на должность командира сотни.

Есть и орден (инвентарный №56), пожалованный самому Даниял-Султану. Об этом можно судить по тексту, адресованному наибу: «Этот орден нападающему. Аллах дал Даниял-Султану и его войску силу, помощь и победы»[4].

[1] См.: *ал-Карахи.* Указ. соч.

[2] *Спасский И.Г.* Указ. соч. С. 130.

[3] Там же. С. 126.

[4] Интересна оценка деятельности самого Даниял-Султана, данная ему Шамилем в беседе пленного имама с приставом А. Руновским в Калуге: «Даниял-Султан воин плохой, советник хороший, исполнитель никуда не годный». / См.: АКАК. Тифлис, 1904. Т. XII. С. 1451.

Ордена, медали и другие знаки отличия различались по статусу и достоинству, их насчитывалось около 150 видов. Они делались в основном из серебра и имели соответствующие их статусу и достоинству надписи: «Обладатель храбрости и великодушия», «Знак храбреца», «Кто думает о последствиях, тот не храбрец», «Это храбрец, который не убегает от сражений и живет среди опасностей»[1] и т.д.

В казне Шамиля, как показывает эпистолярный материал, были круглые ордена из золота и серебра, генеральские и полковничьи эполеты, а также оружие, печати, браслеты[2]. Шамиль создал высокоорганизованную армию с крепкой дисциплиной, единоначалием, знаками отличия и хорошо продуманной структурой комплектования подразделений на уровне лучших традиций армий европейских стран.

Ордена и знаки отличия в имамате не предназначались для того, чтобы сформировать особую касту избранных и привилегированных и потому стоящую над народом. Подобных наград удостаивались талантливые военачальники и люди, прославившиеся личным мужеством. Практика награждения соответствовала духу и характеру поистине общенародного образования – государства юридически равноправных и свободных граждан, в котором каждый мог отличиться только в меру своих личных заслуг, а не по факту своего происхождения.

Особенностью этой системы было то, что в государстве Шамиля знаки изготовлялись не в массовом порядке, а чеканились каждый раз по определенному поводу или для определенного человека. Изготовляли их местные ювелиры различной квалификации и различных вкусов. Своеобразны были и размеры этих знаков, их композиция и орнамент.

При всем этом значительная часть этих знаков, изготовляемых, в основном, из серебра, имела круглую форму и реже форму полумесяца или близкую к треугольнику. Особый интерес представляют начертанные арабской вязью надписи на этих знаках. В них присутствует одна тема – храбрость.

Выше уже было сказано о том, что прапорщик, князь Орбелиани, находясь в плену у Шамиля, видел на наибе Шуаибе ордена. Вероятнее всего, это устные воспоминания пленника, потому

[1] Шамиль – ставленник... С. 218; *Абдурахман из Газикумуха.* Книга... С.110; *Рамазанов А.Х.* Указ. соч. С. 20.

[2] *Абдурахман из Газикумуха.* Книга... С. 97; ДГСВК. С. 405, 417.

что в своей рукописи он описывает все несколько иначе. После освобождения из плена Илья Орбелиани решил подробно изложить о своем пребывании у Шамиля. Рассказ частично печатался в газете «Кавказ» в 1849 г. (№ 1-5), а полностью рукопись была обнаружена в Санкт-Петербурге в архиве Воронцова, и называлась она так: «Восемь месяцев из моей жизни. Рассказ офицера, бывшего в плену у Шамиля в 1842 году с 22 марта».

В одной из глав своего повествования «Управление Шамиля в духовном, административном и военном отношении» автор кратко описывает награждения орденами: «В походах и бою он *(Шамиль. – Ю.Д.)* окружен телохранителями своими, которые не спускают с него глаз, палач с секирою находится также неотлучно при нем. Когда он подъезжает к войскам или они проходят мимо него, то приветствуется ружейными выстрелами. За отличную храбрость Шамиль награждает подарками, в Чечне Шуаиб и Уллу-бей жалуют за подвиги медали и звезды с надписью из Алкорана «Ля хавля валя куввата илля биллах» («Нет силы, и нет мощи, кроме у Аллаха»)»[1].

Полезной деталью в деле изучения орденов Шамиля являются воспоминания К., автора мемуаров о левом фланге Кавказской линии в 1849 г., об одном из сподвижников имама Шамиля Атабае.

В 1848 г. с 10 по 25 августа Атабай находился «в качестве добровольного беглеца» от Шамиля в русском лагере Урус-Мартан: «Перед рассветом 10 августа к нам на Урус-Мартан выселился бежавший от Шамиля один из наибов Малой Чечни Атабай. Это был человек средних лет, небольшого роста, плотный, коренастый, широкоплечий, с красивым, но угрюмым лицом. Он ходил всегда в белой черкеске, в белом башлыке и в черной папахе с белой верхушкой. На груди, на серебряной цепочке, висел дорожный компас в серебряной оправе, и красовались две треугольные серебряные медали с арабскими надписями. Обе медали, или, правильнее, оба знака отличия, были совершенно одинаковы, неодинаковы были только надписи на них, на первой значилось: «Герой, опытный в боях и, как лев, бросающийся на неприятеля», надпись второго знака отличия, если только истинный смысл ее не искажен в переводе, наталкивает на размышления: «Только тот может называться храбрым, кто не думает о последствиях»[2].

[1] См.: Литературная Грузия. Тбилиси, 1969. № 9-10.

[2] КС. Тифлис. 1887. Т. XI. С. 315.

Описания орденов содержатся и в сведениях участника событий на Лезгинской линии, когда генерал-майор барон Вревский в 1858 г. с отдельным отрядом совершил ночью нападение на лагерь горцев в районе селений Бежта и Хотчерхота. Атака была неожиданной, и большинство горцев было перебито, в том числе погиб и наиб, имя которого неизвестно.

В отряде барона Вревского находился немецкий художник Теодор Горшельт, прибывший на Кавказ из Мюнхена и поступивший здесь на временную службу. Помимо огромного количества зарисовок уголков природы, строений, утвари, военных стычек, портретов горцев и солдат, Горшельт вел дневник, который является ценным документом в изучении событий того времени. После ночной атаки художник делает запись в своем блокноте:

«...В числе захваченной добычи было множество прекрасного оружия... Также интересны были по своим надписям два ордена Шамиля, вроде брошек, принадлежавшие убитому начальнику. Но я запомнил только одну из надписей: «Этот знак жалует Шамиль наибу (тут следует множество имен) в награду за его храбрость и в поощрение, чтобы он и впредь отличался между своими воинами, как лев между зверями»[1].

Данная заметка художника об орденах интересна и тем, что позволяет удостовериться: и в отдаленных районах действовала наградная система, свидетельствующая о том, что влияние имама Шамиля распространялось на значительные расстояния.

Орденами награждались и бывшие русские солдаты, офицеры, бежавшие в горы. Например, перебежчик-драгун Нижегородского полка Родимцев за свои смелые действия был награжден имамом орденом «За храбрость».

Ордена Шамиля упоминаются не только в царских донесениях, исторической литературе, в воспоминаниях участников Кавказской войны. Они даны на одеждах наибов Шамиля. Более всего встречаются портреты знаменитого наиба Хаджимурада. В одном из номеров «Русского Художественного Листка», издаваемом в Санкт-Петербурге, репродуцировался портрет Хаджимурада (работа художника В. Тимма), к правой стороне груди которого прикреплен орден, представляющий собой круглую выпуклую бляху с ажурным ободком. На других портретах Хаджимурада работы художников Г. Грачева, Е. Лансере и других также изображены

[1] Письма и записки *Т. Горшельта* // Пчела. 1877. № 20. С. 306.

ордена на черкеске наиба. После взятия штурмом русскими войсками аула Гуниб 25 августа 1859 г. и пленения Шамиля многие наибы сложили оружие и прекратили борьбу.

В Тифлисе был издан большой лист с изображением Шамиля, его сыновей и девяти сподвижников. Два наиба были показаны с орденами: один из них Эски Хулхулинский с двумя круглыми знаками, украшенными полусферами, другой – наиб Кади-Мухаммад Чамалальский с одним орденом на левой стороне груди, представляющий собой 8-угольную выпуклую пластину с шестиконечной звездой в центре.

На литографии «Хаджи-Мурат – наиб Шамиля», выпущенной в Темир-Хан-Шуре в 1910-х гг., показана лихая атака горцев под предводительством известного наиба. Обычно такие атаки сопровождались громким распеванием молитв и возгласами «Хаджи-Мурат идет!». И здесь мы видим на черкеске героя повести Л.Толстого два круглых ордена, на которых, вероятно, выгравированы надписи типа: «Кто думает о последствиях, тот не герой».

«В год сдачи имама Шамиля царскому командованию во многих городах России издавались всевозможные портреты-лубки пленника. Они продавались на ярмарках, в книжных лавках и были доступны всем, желающим их купить. Так, например, в слободе Мастера Владимирской губернии в типографии И.А. Голышева была издана литография «Шамиль-имам Чечни и Дагестана и его сын Кази-Магома».

Обращает на себя внимание вид сына Шамиля: эполеты, орден, галуны. Так как в то время Кази-Магома считался наследником власти имама и имел большое влияние среди горского населения, то автор рисунка (зная об этом) «украшает» его одежду таким образом эполетами. Художник изображает на эполетах полумесяцы – мусульманские символы, а на левой стороне груди – орден (более похожий на русскую награду), представляющий собой выпуклую восьмиугольную бляху, в центре которой укреплена полусфера, украшенная крученой нитью[1].

Многие обладатели орденов находились в составе конвоя Шамиля, всюду его сопровождая. Достаточно реально воспроизведена эта сценка в повести Л.Н. Толстого «Хаджи-Мурат» и проиллюстрированная художником Е. Лансере:

[1] *Доного Х.М.* Ордена Шамиля. Махачкала, 1997. С. 34.

«Был полдень, когда Шамиль, окруженный партией мюридов, джигитовавших вокруг него, стрелявших из винтовок и пистолетов и не переставая поющих: «Ля илляха иль Аллах», подъехал к своему месту пребывания. Вообще на имаме не было ничего блестящего, золотого или серебряного, и высокая, прямая, могучая фигура его, в одежде без украшений, окруженная мюридами с золотыми и серебряными украшениями на одежде и оружии, производила то самое впечатление величия, которое он желал и умел производить в народе»[1]. Известно изображение ордена Шамиля в качестве декоративного элемента. В одном из номеров «Русского художественного листка» был помещен портрет князя Барятинского в папахе и бурке, сидящего на фоне горного пейзажа. Под портретом следовала надпись: «Главнокоманд. Кавказск. армии наместник Кавказский генерал-адъютант князь А.И. Барятинский», а по обе стороны работа была «украшена» своеобразным кавказским орнаментом, состоящим из знамен, пистолетов, шашек, кинжалов, пороховниц и одного ордена, на котором отчетливо можно разобрать восьмиконечную звезду поверх широкого полумесяца, где виднеется изображение шашки и арабская надпись.

В родовом имении Барятинских Марьино была собрана богатая различных вещей времен Кавказской войны. Домашний музей Барятинских в то время по собранию подобных экспонатов, может быть, уступал только военно-историческому музею «Храму Славы» в Тифлисе. Собирателем кавказской коллекции был князь А.И. Барятинский, бывший главнокомандующим Кавказской армии и наместником Кавказа. Для своего времени Барятинский был национальным героем России, так как при нем состоялась сдача Шамиля и почти завершилась многолетняя Кавказская война.

Неудивительно, что коллекция «победителя Шамиля» пополнялась «такими редкими вещами, как личная шашка Шамиля, богатое кавказское оружие, ордена Шамиля, а также картины И. Айвазовского, Т. Горшельта, Н. Сверчкова и преподнесенные в дар или выполненные по заказу для князя, в которых был запечатлен Кавказ»[2].

На фотографии (конец XIX в.) одного из залов дворца в Марьино можно видеть, как экспонировались ордена Шамиля, всего их насчитывалось тогда 88 штук. После Октябрьской революции 1917 г. ордена вместе с другими экспонатами были национализи-

[1] *Толстой Л.Н.* Хаджи-Мурат. Краснодар, 1968. С. 90.
[2] *Доного Х.М.* Ордена Шамиля. Махачкала, 1997. С. 37.

рованы. Некоторое время они находились в Военно-историческом музее Наркомпроса, а затем были переданы в Дагестанский краеведческий музей. В архиве музея сохранился акт передачи 88 орденов[1], часть из них впоследствии была передана в музеи Грозного, Кизляра и других городов, и в настоящее время в собрании Дагестанского объединенного музея хранится 74 ордена.

Даты на сохранившихся по сей день орденах охватывают период от 1841 до 1859 гг. (в собрании музея - период от 1845 до 1859 гг.). Уже через год (!) после крупнейшего сражения в Ахульго (1839 г.), когда войско горцев было почти полностью разбито, а сам имам чудом спасся с горсткой своих людей, Шамиль начинает создавать новую армию, работает над упорядочением организационной структуры войска, вводит командно-должностные звания и систему наград.

«Награды Шамиля были исключительно военными, служившими идее газавата – священной войны. Связь между орденами и чинами подчеркивается установлением, одновременно с первыми, особых воинских должностных знаков. Поскольку решающим качеством при назначении командиров считалась храбрость, должностные знаки, внешне очень сходные с наградами, по сути, мало отличаются от последних»[2].

Исключительным правом Шамиля оставалось только награждение командной верхушки военно-административного аппарата государства, тогда как право награждения знаками среднего и низшего значения он поручил наибам. Наградной деятельностью последних и объясняется разнообразие знаков, которое при первом знакомстве с ними способно даже вызвать неверное представление об отсутствии какой бы то ни было системы. Вероятно, лишь наиболее влиятельные или инициативные наибы Шамиля широко пользовались этим правом.

[1] Акт. 1923 г., октября 31 дня составлен настоящий акт в том, что на основании предписания Отдела по делам Музеев и охраны памятников искусства и старины Главнауки Наркомпроса от 17 октября 1923 г. за № 901 и доверенности совнаркома Дагестанской Советской Социалистической Республики от 25 августа за № 6419, из Военно-Исторического музея Наркомпроса, поступившее в Музей по акту № 553-130 от 17 декабря 1920 г., переданы представителю Дагестанской Советской Социалистической Республики тов. Скачко Анатолию Евгеньевичу: ордена Шамиля – 88 блях с насечкой или золота, или черни с арабскими надписями.

[2] *Спасский И.* Иностранные и русские ордена до 1917 г. С. 127.

«Даже кажущаяся столь странной децентрализация наградного дела, отражая реальное соотношение сил, складывавшееся в верхушке государства Шамиля, может рассматриваться как результат влияния русских порядков, поскольку горцы имели практически правильное представление о том, что у русских награды могут исходить и от наместника, и от его наибов – генералов»[1].

Поэтому как отмечалось выше, характерной особенностью наградной системы, учрежденной Шамилем, было то, что в имамате наградные знаки изготовлялись нецентрализованно.

Известны два ордена, которыми наградил отличившихся наиб Гаирбек из Буртуная. Причем надписи на орденах отличаются друг от друга, хотя смысл один: «Кто думает о последствиях, тот не герой. Он проявил мужество, подчиняясь наибу Гаирбеку» и «Кто думает о последствиях, тот не герой. Этот орден даровал наиб Гаирбек из Буртуная».

Знаменитый сподвижник имама Идрис-Эфенди в 1850-1851 гг. вручил неизвестному храбрецу орден, на котором красовалась непростая надпись: «Это герой. В битве он нападает как лев. Героев много, но подобных ему нет. Даровал это Идрис-Эфенди в 1267 г.». На большинстве сохранившихся знаков не упоминается имя награжденного. Лишь несколько орденов могут поведать о своих хозяевах. Эту особенность можно, видимо, объяснить так: существовало целевое награждение, т.е. орден изготовлялся мастером специально для конкретного человека, отличившегося в военном деле; в связи с этим на знаке гравировалось имя героя. В другом случае мастером (мастерами) исполнялся целый ряд орденов заранее, и затем, при подходящем случае, ими награждались горцы, проявившие храбрость в бою или в военном походе.

Поскольку знаки отличия имели индивидуальный характер, и об этом свидетельствуют надписи на них, приведем несколько названий, которые приводятся в различных опубликованных (и неопубликованных) источниках:

«Владелец этого герой»; «Этот человек тот, кто показывает в войне геройство и воюет с львиной храбростью, 1272 г. (1855/56 гг.)»; «Известный наиб, способствующий имаму – возобновителю ислама, восстановителю порядка, пресекающего преступления, да одарит Аллах богатством долговечного мужества», «Этот герой искусный в войне и бросающийся на врага, как лев» (орден, обнаруженный в 1847 г. в доме наиба Дуба); «Храбрость этого мужа

[1] Там же.

усовершенствовалась в войне и в сражениях, поражает противника точно так же, как поражает лев»; «Этот герой совершенен на войне, натиск его в схватке, а в бою он бросается вперед»; «Как прежде иди вперед, победа лежит впереди. 1273 г. (1857 г.)» (орден был приобретен Северо-Кавказской исторической экспедицией Государственного исторического музея в 1936 г. в селе Чох у родственника владельца ордена, бывшего в одно время наибом в Чохе); «О твоей храбрости говорила твоя сабля, пусть этот знак говорит о том же. Герою нужны отличия» (орден был обнаружен в селе Согратль в 1937 г. в доме Абдуллы-Хаджи Идрисова, участника восстания 1877 г.); «Слава ищет храбреца» (орден обнаружен в 1938 г. в селе Ахалчи у внука наиба Атабая Мухаммада); «Пусть на твоем сердце лежит этот знак твоей доблести, он будет щитом для сердца, подобного львиному» (запись сделана этнографом Е. М. Шиллингом с ордена, принадлежащего Хаджи-Тахиру); «Храбрецу, чей взор ищет врага, а сабля разит его» (орден был приобретен сотрудниками музея народов СССР в 1934 г. в селе Ругуджа); «Имам Шамиль награждает этого храбреца орденом, ибо видел его мужество. Да поможет ему Аллах в будущем. 1268 г. (1850/51 гг.) (орден был обнаружен в 1936 г. в селе Урада); «Пусть он будет тебе щитом, увеличивающим твою силу среди таких же храбрецов» (орден был обнаружен в 30-х гг. в селе Анди у Париды Мавраевой); «Аллах возблагодарит тебя, народ сохранит память, военачальник найдет в тебе друга, будь таким всегда, пока не угаснет твой взор. Аминь» (орден был обнаружен в 30-х гг. в селе Гоцатль у Нурмухаммада Андиева); «Страх приносит несчастье, честь обязывает наступать, хитрость не спасает человека от его судьбы»; «Человек не может умереть ни раньше, ни позже назначенного ему времени»; «Это орден высокосановного, достойного. Дарован имамом»; «Это молодец. Совершенна сила его на войне и нападает он, как лев»; «Имам Шамиль даровал этот высокий знак отличия храброму наибу, всегда руководимому Аллахом»; «Обладатель храбрости и великодушия»; «Даровал его Даниял тому, в ком обнаружились признаки храбрости» и т. д.

Были и ордена с именами награжденных: «Инквачилав, который подобен льву» (орден был приобретен писателем П. Павленко в 1935 г. в селе Кубачи у мастера Абдуллы Хартумова. Орден имел след от попавшей в него пули); «Это отличие из отличий Хаджи-Мухаммада ал-Асама» (орден хранится в музее этнографии в С.-Петербурге); «Нет другого молодца, как Ахверды Мухаммад и лучшей шашки, как его шашка»; «Это знак храброго, совершенного и льву подобного. Дарован Идрису-Эфенди» и др. В собрании Дагестанского музея также имеется несколько именных орденов, принадлежавших Бейтату, Абакару-хаджи, Мухаммаду, Даниял-Султану, Джават-Хану. Для последнего, знаменитого чеченского наиба, был изготовлен оригинальный знак сложной формы и длинной надписью на нем: «Установитель Низама, очиститель Сунны, установитель новшеств Джават-Хан. Да продлит Всевышний его счастье. Сила и мощь только у Аллаха».

Существует еще два подобных по своей сложной форме и надписи знака отличия, однако, без имени награжденного.

На некоторых знаках имеется маленькое клеймо в виде упрощенного широкого полумесяца, на котором читается имя «Шамиль» арабскими буквами. Можно считать, что данные награды исходили непосредственно от самого Шамиля для рядовых отличившихся горцев. Как во всякой наградной системе, и у Шамиля существовали ордена различного достоинства. Почти все ордена и должностные знаки имеют форму слегка выпуклой круглой пластины. Некоторые из них украшены зернью, полусферами или чеканными звездами. Впервые отличившийся воин получал орден за храбрость более скромного внешнего вида. Наиб, командир отряда или просто горец, ранее отличавшийся в делах, награждался знаком, выполненным более искусно, с богатой отделкой.

«Непременным признаком любых видов остается выполненная чернью надпись. Подавляющее большинство надписей наградных знаков знает только одну тему – храбрость, которую они удостоверяют или пропагандируют. Именно надписям принадлежит роль определяющего элемента, указывающего путь к систематизации знаков. Весьма устойчивые в группе более простых низших и средних наград, они еще позволяют проследить наличие нескольких эпиграфических шаблонов Но уже исходившие от наибов и «шамилевские» именные наибские знаки приобретают все более индивидуальный характер, который в наибольшей мере присущ самым высоким знакам»[1].

Особо надо отметить знак в виде простого серебряного полумесяца, обращенного концами вверх, с арабской надписью, и изображением шашки. По надписи «Это – храбрецы, которые не бегут от боя и живут среди опасностей» можно сделать заключение, что им был награжден какой-то отряд, отличившийся в бою или походе. Крепился знак, по всей вероятности, на отрядном знамени.

[1] *Спасский И.* Указ. соч. С. 128.

Помимо духовно-нравственного предназначения, в знаках отличия воплотилась традиция декоративно-прикладного искусства Дагестана, хотя они и лишены декоративной рафинированности. Этими художественно-эстетическими качествами они соответствуют духу своей эпохи, эпохи суровой, мужественной и трагической, пропитанной духом беспримерно высокого героизма народных масс. Что касается изобразительного элемента в оформлении орденов, то в основном изображается шашка – оружие, которым всегда пользовались в битвах. В некоторых случаях имеется изображение одного пистолета и пистолета с шашкой. Любопытно, что ни разу мастера не выгравировали на наградах изображение кинжала.

Знаки воинских отличий, ордена и медали представляют собой своеобразный исторический источник, при умелом использовании которого можно получить дополнительную и необходимую информацию о военных операциях, о системе внутреннего управления и военной администрации, о военачальниках Шамиля, для изучения мировоззрения, мироощущения Шамиля и его окружения, а также истории развития горского медальерного искусства.

Кто был инициатором наградной системы Имамата, мы конкретно не знаем. Но учитывая, что инициатором многих нововведений был сам Шамиль, можно, без боязни ошибиться, сказать, что им, по всей вероятности, был сам третий имам. Наградная система Шамиля представляет своеобразное и яркое явление в истории наградного дела.

Не оставлялись без внимания в войсках Шамиля и проявления малодушия или трусости. Тем, кто проявил в сражении трусость или малодушие, обшивали правый рукав черкески войлоком или пришивали на спину кусок материи - знаки, подчеркивающие неблаговидный поступок. Эти знаки носились до тех пор, пока виновный не исправится, т.е. не отличится в бою.

IV. Вооруженные силы и военная реформа Имамата

Формирование регулярной армии и ополчения. Конница Шамиля. Муртазеки – гвардия Шамиля. Наибские мюриды. Артиллерия Имамата. Производство оружия и боеприпасов.

История создания армии Шамиля привлекала внимание многих отечественных, западноевропейских и восточных ученых. Можно безошибочно сказать, что, по существу, не было ни одной работы, в которой эта тема не присутствовала бы. И, тем не менее,

еще рано полагать, что кавказоведы различных стран исчерпали ее. Можно согласиться, что «Имамат вырос из восстания узденьской массы Нагорного Дагестана, аульская верхушка только присоединилась к этому восстанию, хотя позднее и обрела власть. Поэтому военная организация Имамата имеет чисто демократический характер. Армия сороковых годов – это народное ополчение, и в первое время имам просто пытается лучше организовать его, придать более четкие формы стихийному массовому крестьянскому восстанию»[1]. Иначе говоря, предводители борьбы и особенно Шамиль вкладывали всю свою силу и знания в организацию дееспособной военной силы, которая могла бы вести боевые действия с царской регулярной, хорошо по тем временам оснащенной и обученной, армией. И это до некоторой степени им удавалось.

Необходимость реформирования воинских организаций возникла в 40-е гг. XIX в. Острая надобность появилась не только в увеличении численности вооруженных сил Имамата, но и в организации новых подразделений. Имам намечал устройство каждой из них, разрабатывал правила, кто может поступить в тот или другой род ополчения, на какой срок и на каком основании[2]. В крайне сложных военных условиях и при весьма ограниченных средствах и ресурсах, талантливому организатору Шамилю удалось создать довольно внушительную воинскую силу. Для этого он обязал население Имамата выставлять каждому наибу по 300 человек конных. И, в зависимости от наличного числа населения наибства, оно обязано было выставлять воина с каждых 10 дворов. Остальные 9 дворов обязаны были вооружить и содержать его. Это обязанность натурой – около 10 четвертей зернового хлеба и 10 арб сена и деньгами (примерно по 10 руб. серебром в год)[3].

По данным С. Сафарова, в 40-х годах численность вооруженных сил Имамата составляла 5475 воинов[4]. В отдельных кампаниях численность воинов пеших и конных доходила до 30-40 тыс. человек. Позже сам Шамиль признавал, что численность его воинских сил, расположенных во всем Имамате, доходила до 60 тыс. человек[5]. Сбор больших партий производился следующим обра-

---

[1] *Покровский Н.И.* Указ. соч. С. 372.

[2] РГВИА. Ф. ВУА. Д. 6512. Л. 34; *Бушуев С.К.* Борьба горцев… С. 124.

[3] *Bodenstädt.* Die Volker des Kaukasus... Berlin, 1855. Bd. 1, 2.

[4] ССКГ. Тифлис, 1872. Вып. VI. С. 3-4.

[5] *Казем-Бек А.М.* Мюридизм и Шамиль // Избранные произведения. Баку: Эльм, 1985. С. 57.

зом: имам приказывал наибам, а те, в свою очередь, рассылали к маъзунам мюридов с приказом о сборе и заготовлении на известное число дней провианта. Те отправляли муртазиков к сотенным начальникам, а сотенные, уже собрав свою сотню, обязаны были явиться на сборный пункт, где над собравшейся партией принимал командование наиб; о заготовлении же провианта муртазики обращались к десятникам, имеющимся в деревнях, в обязанности которых входило наблюдение за исправным отбыванием повинностей. Маъзуны после того собирали своих муртазиков и, явившись с ними к наибу, как говорится в источнике, «командуют ими в продолжение похода, и они употребляются со своею конницей в действии» по усмотрению наиба. Место маъзуна в его отсутствие занимал один из оставленных им муртазиков.

Иногда наибы, не довольствуясь сбором в партию с каждого семейства по одному человеку, приказывают выходить всем, кто только в состоянии носить оружие, оставляя в каждой деревне 5 или 6 вооруженных человек. Такого рода сборы бывали очень редко[1].

Как правило, в период правления Шамиля в Имамате ополчение собиралось в особо важных случаях: против больших наступательных операций Кавказского командования в 1845 г., при попытке предводителя горцев расширить территорию Имамата походом в Кабарду в 1846 г. и т.д. Согласно установившемуся порядку, формирование ополчения проходило следующим образом: каждое семейство обязано было выставить одного вооруженного пешего или конного по назначению, сделанному наибом, и «снабдить его нужным провиантом»[2], а также винтовкой, пистолетом, шашкой, кинжалом, т.е. вооружить отправляющегося на войну горца. Вопреки распространенному в исторической науке мнению, собрать готовых к вооруженной борьбе горцев не так было легко. Близко знакомый с горской действительностью офицер Д.В. Пассек свидетельствовал о том, что «у редкого горца есть шашка и пистолет и у немногих хорошее оружие и кинжал»[3]. Особую заботу имам проявлял о способной к быстрым и долгим переходам кавалерии. «И неслучайно поэтому ввел правило осматривать лошадей каждого всадника. Если чья-то лошадь по осмотру признавалась неспособной выдержать большого пути, то оставлялась дома вместе с всадником»[1]. Шамиль добивался того, чтобы все ополчение было конное. В 1841 г. он приказал «всем лезгинам *(дагестанцам. - Ю.Д.)*, способным носить оружие, завести по лошади, кто не имеет на то денег, должен был продать часть земли или имущества, а в противном случае сажался в яму»[2].

Однако это требование оказалось неисполнимым. И поэтому кавалеристами, как правило, в войсках имама были, в массе своей, более или менее зажиточные уздени. А пехота сплошь состояла из бедных обитателей страны гор.

В Имамате, как видно, своеобразной была и интендантская служба. Ее заменял лишь очень простой по своему характеру низам, согласно которому горец, вступивший в ополчение, имел «свое собственное продовольствие». Но когда военные действия были более частыми и продолжительными, возникала необходимость значительно увеличить срок продовольственного снабжения. С этой целью в законодательстве государства было предусмотрено приобретение хлеба и мяса, «покупного за счет суммы «ибн-сабиль». При этом Шамиль обязывал население продавать наибам свои запасы «по ценам настоящим», «чеченским», а не по русским». При этих условиях наибы приобретали на 1 руб. 12-16 мер (саб) муки[3]. В Дагестане, как указывалось выше, имам «обложил постоянной податью стада частных людей, полагая по 1 барану со ста».

«Налог этот, – пишет А. Руновский, – вполне удовлетворяя военные нужды, нисколько не был обременительным для населения, тем более, что действие низама распространялось только на людей зажиточных. А когда собранного таким путем продовольствия не хватало, Шамиль обращался к патриотизму населения районов, где проходили военные действия. И, как признавал впоследствии имам, его просьба никогда не встречала отказа или равнодушия. Более того, почти всегда размеры пожертвований превышали действительную потребность. Усердствуя в общем деле, богатые горцы присылали не только баранов, но и деньги»[4].

---

[1] ДГСВК. С. 403-404.

[2] Адаты Кавказских горцев / Составитель *Ф.И. Леонтович.* Одесса, 1883. Вып. 2. С. 108.

[3] *Пассек Д.В.* Записка... // Рук. фонд ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф.1. Д. 2. Л.18.

[1] *Дубровин Н.Ф.* История войны и владычества русских на Кавказе. СПб., 1888. Т. I. С. 487-488.

[2] Там же.

[3] АКАК. Т. XII. С. 1479. / Надо полагать, что известный под названием «ибн-сабиль» (в переводе с арабского языка – «сын пути, путник») военный фонд составлял немалую сумму. По мнению А. Руновского, «ее можно определить не менее как сто тысяч рублей серебром: войско, защищавшее Ведено, содержалось за счет одной этой суммы. В продолжение всей осады из нее истрачено было 40 тыс. руб.» / См.: АКАК. Т. XII. С. 1479.

[4] Там же. С. 1479.

Вся военная сила имама делилась на кавалерию, которая называлась арабским словом «фаварис» (араб. – «конники»), и пехоту – «низам» или «мешшат» (араб. «маша» – «ходить пешком»). По мнению профессора Санкт-Петербургского университета М.А. Казем-Бека, эти названия встречаются в речи самого имама. «Численное соотношение пехоты и кавалерии, – пишет он, – было, как пять к семи. Каждый полк у него состоял из тысячи человек («альф» – араб. «тысяча») и заключал в себе два батальона или дивизиона по пятьсот человек («хамса миа» – араб. «пятьсот») в каждом батальоне или дивизионе по пятьсот человек.

В каждом батальоне или дивизионе было пять рот или эскадронов по сто человек («миа» – араб. «сто»); рота делилась на два взвода на пятьдесят человек («хамсун» – араб. «пятьдесят»); и каждый взвод по пять капральств («кашара» – араб. «десять»). Полковой командир назывался «раисуль-альф», т.е. начальник тысячи или тысячник; дивизионный или батальонный – «раисуль-хамс-миа» – пятисотенник; ротный командир – «раисуль – миа» – сотник; взводный – «раисуль-хамсин» – пятидесятник, «раисуль – кашара» – десятник[1].

Указанные армейские чины имели специальные знаки отличия. Знаки полкового и дивизионного отличия состояли из круглой серебряной пластины, разделенной на три отделения. В первом отделении помещена арабская надпись: «если ты предаешься войне, то малодушие в сторону. Терпи все ее невзгоды; нет смерти без назначения (т.е. кому не назначено, тот не умрет)». Эти же надписи были и на ряде знамен Имамата. Во втором круге изображены первые два символа ислама: «Нет бога кроме Аллаха, Мухаммед – его пророк». В центральном круге изображалось звание командира, т.е. начальник ли он тысячи или пятисотенный. Знак сотенного командира состоял из серебряной пластины, имеющий вид полнолуния. На одной стороне этой пластины изображалось звание командира. Подобную же надпись имел знак пятидесятника – серебряная треугольная пластина с тупыми вогнутыми углами.

Знак десятника состоял из медного четырехугольника с оконечностями. Современники сообщают, что «пятисотенные начальники носят на груди медали с надписью «Нет силы без помощи божьей».

Сам Шамиль тоже носил отличительный знак, который представлял из себя серебряную пластинку сложной формы, описанную чередующимися шестью большими и шестью маленькими дугами, в которых помещены жуковины. Такие же жуковины увенчивали 6 лепестков большой розетки, наложенные на рифленое и продолговатое основание. Знак и розетка были окаймлены имитацией зерни. На лепестках розетки надпись: «Единственный наместник (Мухаммеда) Султан величайший и первый из возвеличенных (эмир правоверных) Шамиль, да продлит всемогущий Аллах его государство»[1]. Каждый наиб, командующий отдельным подразделением, имел и свое знамя.

[1] *Казем-Бек М.* Указ. соч. С. 57.

Для выполнения поставленных задач армия должна быть не только хорошо вооруженной, она должна быть и крепко дисциплинированным организмом. Этим, пожалуй, и объяснялось, что третий имам на всем протяжении своей жизни пытался организовать из массового народного ополчения нечто подобное регулярной армии. И все же в специфических условиях Дагестана не представлялось возможным содержать постоянную армию, и поэтому ее собирали по мере надобности. В связи с этим часто менялся и персональный состав, что не могло не оказывать чувствительное воздействие на характер армии. В этих условиях, говоря словами профессора Н.И. Покровского, «армия не могла представлять собой единого целого, а зачастую являлась механической суммой включенных в нее бойцов. Попытки организационного оформления народного ополчения в армию шли при активном участии и руководстве Хаджи-Юсуфа, бывшего прежде офицером египетской армии и строившего чечено-дагестанское войско по системе турецкого. Но создать действительно крепкую постоянную армию не удалось»[2].

Муртазеки – гвардия Шамиля

Имам Шамиль был не только главой созданного им государства Имамат, но и главнокомандующим всех войск этого государства. В чрезвычайно сложной обстановке (после трехмесячной осады и последующего взятия укрепления Ахульго войсками генерала Граббе в 1839 г., когда Шамилю с несколькими сподвижниками и своей семьей удалось спастись и перебраться из Дагестана в Чечню), имам начинает создавать свои вооруженные силы.

[1] Гаджиев В.Г. Военная организация и воинские отличия в государстве Шамиля // Государства и государственные учреждения в дореволюционном Дагестане. Тематический сборник ИИЯЛ Даг. ФАН СССР. Махачкала. 1989. С. 93-100.

[2] *Покровский Н.И.* Указ. соч. С. 375.

Многолетнее сопротивление сильному противнику, а в некоторых случаях и сокрушительный разгром царских отрядов (Дарго, 1845 г.), свидетельствует о том, что армия имама Шамиля была неплохо организована, по отзывам же современников – превосходно организована и дисциплинирована. В первую очередь это касается муртазеков, наиболее воинственных и организованных подразделений армии Шамиля.

Муртазек – правильно: «муртазикатун» в переводе с арабского – «избранный», «обеспеченный», еще это слово можно перевести как «наемный воин». Муртазеки составляли предмет особых забот и внимания имама, они были всегда в полной боевой готовности. О муртазеках было наслышано и царское командование на Кавказе. Из донесений лазутчиков была составлена характеристика этого рода войск горцев.

Вот что известно из рапорта генерал-майора Клюки фон Клюгенау от 22 марта 1843 г.: «...Шамиль, желая иметь постоянно в готовности к действию часть горцев, учредил муртазеков или муртазикатов, как они называются жителями Нагорного Дагестана. Цель учреждения муртазеков двояка, прямая и косвенная. Прямая цель – привязать к себе некоторое число горцев, которые всегда были бы готовы жертвовать своею жизнью. Косвенная цель – наблюдение в деревнях, не заслуживающих еще полного доверия, за исполнением правил шариата и постоянная готовность к действиям по первому требованию Шамиля. В постоянное войско набирается из каждых десяти семейств один всадник. Муртазеки получали прежде жалование по полтора руб. серебром в месяц. В настоящее же время они денежное содержание не получают, а жители должны им давать хлеб, баранов, продовольствовать их лошадей, обрабатывать их поля и снимать посевы. Таким образом, муртазеки имеют хорошее довольствие, и требования их в деревнях иногда бывают громадны, а сверх того, они освобождены от домашних работ. Он *(Шамиль. – Ю.Д.)* имеет между ними весьма много приверженцев, которые действительно готовы жертвовать за него жизнью во всякое время. Муртазеки участвуют во всех делах и там, где их будет находиться более (более, чем народного ополчения), то дело непременно будет упорным»[1].

«Создание частей муртазеков удачно разрешало двоякую задачу: во-первых, эти всадники с их высокой боеготовностью представляли собой значительную силу, способную не только противостоять русской армии, но и разбираться с внутренними врагами, не требуя дополнительной статьи расходов казны. Во-вторых, они образовали большую группу привилегированного, а значит, заинтересованного в сохранении имамского режима населения, на которое имам мог смело положиться в управлении своим непокорным народом»[1].

[1] ДГСВК. С. 382.

Каждые десять семейств в ауле (соразмерно народонаселению) обязаны были содержать одного муртазека. Эти воины находились в непосредственном ведении наиба. Наиб иногда назначал одного общего начальника для руководства муртазеками. Он назывался маъзуном. Иногда избиралось несколько маъзунов не столько по степени храбрости, сколько по преданности мюридизму, т.к. на них возлагалось и внутреннее управление селами. Эти данные были собраны полковником Фрейтагом. По сведениям же генерала-майора Клюки фон Клюгенау, наиб сам начальствовал над муртазеками и избирал только сотенных командиров. В этих же сведениях говорится о том, что, кроме распределения на сотни, Шамиль с 1841 г. ввел и другие подразделения между муртазеками, начиная от 5 до 100 человек.

Разница в этих собранных данных объясняется тем, что показанный полковником Фрейтагом порядок начальства над муртазеками существовал в Чечне, а последний – в Дагестане.

Муртазеки не смешивались с временными ополчениями, а всегда оставались в составе отдельных частей под начальством своих наибов. На содержание муртазеков, своей стражи имам Шамиль собирал подать, которая называлась закят из десятой части всего произведенного, кроме того, собирался хумс – пятая часть добычи, пленных, трофеев.

У муртазеков было особое обмундирование. Для этого имам приказал с каждого дома собрать по одному рублю серебром и три сабы (мерки) ячменя или кукурузы с тем, чтобы на вырученные средства муртазекам были сшиты желтые черкески, а на папахи зеленые чалмы. У начальников были черкески из черного сукна, чалмы также зеленые. Во время походов, вступая в сражения, муртазеки распевали священные гимны. Долгое время муртазеками руководил Муртаза-Али из селения Уркачи (нынешнего Хунзахского района).

«Давшие присягу погибнуть за Шамиля получают от него по 2,5 сабы муки в месяц и носят на чалме прямоугольную нашив-

[1] *Гиммер М.* Указ. соч. С. 310.

ку из материи зеленого цвета. Бежавшие от неприятеля имеют также свой знак отличия, но им пришивается на спине медная четырехугольная бляха»[1].

Сбор большой партии муртазеков для выхода в поход или перед сражением производился следующим образом. Наиб рассылал к маъзунам мюридов с приказом о сборе и заготовке на положенное число дней провианта. Те, в свою очередь, рассылали муртазеков к сотенным начальникам, и сотенные уже обязаны были, собрав свою сотню, явиться с ней на сборный пункт, где над собравшейся партией принимал командование сам наиб. О продовольствии для муртазеков должен был беспокоиться десятник, бывший в каждом ауле, в обязанности которого входило наблюдение за исправным отбыванием повинностей.

Маъзун, после сбора своих муртазеков, явившись с ними к наибу, командовал ими в продолжении всего похода и принимал участие в боевых действиях со своими подопечными по усмотрению наиба. Место же маъзуна в его отсутствие занимал один из оставленных им муртазеков.

При выступлении в поход каждый горец должен был иметь с собой запас продовольствия на несколько дней. Когда запас кончался, в дело шла захваченная добыча или соседние аулы доставляли им все необходимое. Иногда Шамиль отпускал на это деньги.

Помимо этого, при имаме Шамиле состояла стража из отборных горцев, выставляемых для службы от 300 семейств. Семейства эти были в основном из аулов Чиркей и Гимры (родина Шамиля). Они последовали за Шамилем и были поселены им в столице Дарго и его окрестностях, а после падения Дарго в 1845 г. – в Ведено. Семьи эти были преданы Шамилю и поклялись ему не оставлять имама, не увлекаться грабежами и добычею, быть примерными исполнителями шариата. В благодарность за это Шамиль давал им полное содержание, оружие, лошадей, деньги. Постоянно при имаме бывало около 200 верных стражников из этих семей.

Все вышеизложенное говорит о постоянной работе имама Шамиля над организацией своей армии, над установлением порядка, дисциплины в вооруженных силах имамата.

[1] РГВИА. Ф. ВУА. Д. 6468. Л. 12-18 об.

Наибские мюриды

Наряду с муртазиками, находящимися в ведении маъзунов и которых считали ядром Шамилевской армии, была, если так можно сказать, когорта или дружина, находящаяся под непосредственным начальством наибов. Эти неопределенной численности отряды были не везде одинаковыми. Но все они были лично преданными своему сюзерену и готовы пойти в огонь и в воду за него. Их еще называли наибскими мюридами. За верную службу они получали от своего наиба все, что было необходимо для безбедного существования, в том числе вооружение и снаряжение. Так, как верой и правдой служили мюриды своему наибу, показывают известные события, связанные с популярным Хаджимурадом.

Это было перед оставлением поста хунзахским наибом. Он, выбрав самых преданных и смелых своих мюридов, объявил им, что они будут жить с ним в селении Батлаич и станут бороться с Шамилем, почему он и приглашает их следовать за ним в Батлаич. Большинство хунзахской молодежи пошла за Хаджимурадом. Естественно, что вновь назначенный хунзахский наиб Фатали-хан об этом тотчас же донес имаму. Тогда Шамиль приказал своим наибам собрать своих дружинников для борьбы с Хаджимурадом. Собранное таким образом войско расположилось в селении Тануси. Возникший конфликт между имамом и его наибом хотел использовать генерал Аргутинский, но он не достиг своей цели. Хаджимурад ответил: «Хотя у меня лишь маленькая сила, между нами произойдет то, что суждено Богом». Прошло много дней в ожидании схватки. Шамилевское войско не решалось начать наступление на селение Батлаич, а наиб не выходил из селения. В это время собралось много алимов и старейшин, и они добились заключения мира между сторонами[1]. Следует, однако, сказать, что приведенный факт является нетипичным. Имам Шамиль за свое правление отстранил не одного наиба, который по тем или иным причинам не соответствовал своей должности.

С организацией наибами своих дружин верхушка Имамата достигла своих целей; во-первых, они служили опорой их реального господства над подвластным населением; во-вторых, с помощью своих мюридов намного легче было заниматься накопительством имущества; кроме того, численность мюридов делала своего патрона более независимым по отношению к центральной власти.

[1] *Ясулов Г.* Хаджи-Мурат / Записки. Буйнакск, 1928. С. 37.

Современники событий обращали внимание на все более и более возрастающие противоречия между верхушкой государства Шамиля и широкими народными массами. Чем сильнее был нажим со стороны верхушки, тем сильнее расходились их интересы. И поэтому наибы все чаще и чаще прибегали к помощи своих мюридов. Чем чаще они пользовались их помощью, тем меньше становилось самостоятельное значение народного ополчения в военных силах Имамата. И если еще в начале 1840 г. основной опорой всей шамилевской системы было ополчение, то через несколько лет кавказское командование отмечает понижение боеспособности массовых отрядов. И наоборот, когда развертывается партизанская борьба, участники боев вынуждены были признать храбрость и инициативность врага[1].

Таким образом, со временем в Имамате возникли и дружины отдельных руководящих лиц. Согласно утверждению профессора Н.И. Покровского, образование их связано с тем, что зажиточные уздени хорошо понимали, что с определенного времени действия господствующих слоев постепенно расходятся с интересами трудовых масс. Поэтому в то время, когда проводятся общие реформы (реформы управления, упразднение сословий и т.д.), идут попытки создания, наряду с ополчением, и другой армии, на которую можно было бы опереться не только в борьбе с завоевателями, но и стремлением узденской верхушки на эксплуатацию узденской массы. Это и привело к возникновению наибских дружин[2]. Первоначально эти дружины, широко известные под названием «муртазики» («муртазикатун»), находились уже при маъзунах и отличались от обычных воинов тем, что муртазики содержались на пайке.

Артиллерия Имамата.

Шамилю удалось также создать свою артиллерию. До этого, как известно, горцы Дагестана не пользовались артиллерийским оружием[3]. Даже когда горцам от «завоевателя вселенной» Надир-шаха достались орудия, они не использовали их. Точно так же мюриды, захватив в 1830 г. в Чаре *(Джаро-Белоканы. – Ю.Д.)* пушку, не пытались даже использовать ее, а «прилагали все ухищрения разломать эту пушку, но не могли ничего сделать»[4]. Так что Шамиль был первым, кто использовал в бою орудия. Первым предложил имаму создать свою артиллерию Хидатли-Магома, заведовавший у имама производством пороха и патронов. Он предлагал выковать из нескольких железных полос орудийный ствол и сверху для большей прочности обшить его несколькими слоями буйволиной кожи.

Однако Шамиль не согласился осуществить эту идею и будто бы сказал при этом: «Пожалуйста, брат, не хлопочи о своей пушке: и голова твоя для меня дорога, да и не хочется мне, чтобы русские над нами посмеялись и назвали бы нас с тобою дураками»[1]. Лишь в 1840 г. была сделана попытка изготовить собственное орудие. С этой целью в селении Дарго была оборудована мастерская, в которой трудились Джабраил Унцукульский и Муса Казикумухский[2]. Рассказывают, что «несколько отлитых ими пушек разорвались и разрушились». Тогда имам поклялся: «Клянусь, мы отольем-таки ее, хотя бы мне пришлось продать свою лошадь и ружье, дабы не посмели сказать отступники: «Шамиль взялся сделать дело и не мог завершить его»[3]. Все же, в конце концов, орудия были отлиты. Мухаммад ал-Карахи, характеризуя пушку, пишет: «Легко ее передвижение и велико от нее поражение». Понятно, что это несколько преувеличенная оценка. Пушка, изготовленная горцами, не могла конкурировать с орудиями русского изготовления, но все же теперь Шамиль заимел свою артиллерию. По данным прапорщика Орбелиани, «вся артиллерия Шамиля состоит из единорога и фальконета: порох изготовляют горцы сами, но в свинце терпят большой недостаток, а потому употребляют медные пули или глиняные, облитые свинцом»[4].

Со временем в войсках Шамиля появились пушки русского производства. Во время военных действий Шамиля в 1843 г. в течение короткого времени удалось занять несколько русских укреплений, и он сумел захватить 10 орудий. Тогда же он стал использовать в качестве артиллеристов русских солдат-перебежчиков. Точнее, вначале артиллерийскую прислугу составляли только беглые солдаты, впоследствии этому ремеслу были обучены мюриды, и

[1] *Покровский Н.И.* Указ. соч. С. 379.
[2] Там же. С. 377.
[3] Выдержки из записок Абдурахмана... С. 23.
[4] Хроника... С. 44.

[1] *Руновский А.* Шамиль // ВС. 1860. № 2. С. 579.
[2] Хроника... С. 151.
[3] Там же. С. 152.
[4] ДГСВК. С. 416.

instituteofhistory.ru

она была укомплектована из горцев[1]. Оказавшийся в плену у Шамиля русский офицер сообщал, что в Дарго имеется до 500 человек беглых солдат, которые употребляются им *(Шамилем. – Ю.Д.)* для прислуги при орудиях, на дворе шамилевского дома льются ядра и картечи»[2]. Орудия отливались самых различных размеров. По некоторым данным, у Телетлинского наиба была пушка размером всего около 70 см. Необходимые для этой пушки снаряды были так малы, что один человек мог нести до 20 снарядов»[3]. За все время правления Шамиля было отлито 40-50 орудий[4]. Наибольшая часть артиллерии Шамиля, по общему признанию, состояла из русских трофейных пушек.

Установить точно численность артиллерии в армии Шамиля не так-то легко. Известно, что в 1851 г., по свидетельству Хаджи-Мурата, у Шамиля было до 30 орудий русского производства[5]. Орудия имелись и у целого ряда наибов, «два орудия с упряжью» были подарены имамом наибу Кибит-Магомеду[6]. Кроме того, они находились в некоторых хорошо укрепленных аулах. Так, например, в Ирибе имелось 9 орудий[7]. В Гунибе во время взятия в плен имама у него было 2 пушки. Известно также, что в 1856-1859 гг. русскими войсками было взято у горцев 60 орудий.

В Дагестане во времена Шамиля для изготовления пороха было несколько специальных мастерских в Ведено, Унцукуле, Гунибе. В 1849 г. была даже устроена мастерская с пороховой мельницей, работающей с помощью водяного колеса. Сера и селитра в эти мастерские доставлялись жителями селений Тлох, Муни, Гуниб, Хоточ, Хиндах, Могох и т.д., Койсубулинского и Андалальского обществ, которым эта обязанность зачитывалась вместо воинской повинности[8].

Нетрудно понять, что нелегким делом было и изготовление артиллерийских снарядов. И качество их изготовления горцами

[1] *Пржецлавский П.Г.* Несколько слов о военном и гражданском устройстве // Кавказ. 1863. № 92.

[2] ДГСВК. С. 365.

[3] Выдержки из записок Абдурахмана... С. 28.

[4] *Руновский А.* Указ соч. С. 580.

[5] *Потто Н.* Хаджи-Мурат // ВС. 1870. № 11. С. 180.

[6] РГВИА. Ф. ВУА. Д. 6514. Л. 43.

[7] *Фадеев Р.А.* Указ. соч. С. 132.

[8] Выдержки из записок *Абдурахмана.* С. 23; *Романовский Д.А.* Указ. соч. С. 343; Хроника... С. 223.

было сравнительно невысоким. В связи с этим муриды предпочитали свои запасы ядер пополнять за счет трофеев, захваченных у царских войск. Особенно большие запасы снарядов достались горцам во время успешных боев в 1843 г. В укреплении Цатаних горцами было взято 30 тыс. различных снарядов, которые по указанию имама были перевезены в Гидатль, где они хранились в специально для этого устроенном складе[1]. Высоко ценя каждое ядро, после каждого боя горцы собирали ядра, пущенные русской артиллерией, и сдавали воинам Шамиля. Любопытно, что для некоторых селений подобный промысел со временем превратился как бы в установленный налог[2].

Как отмечалось выше, орудия обслуживали в основном беглые русские солдаты. Сами горцы привлекались в качестве орудийной прислуги в сравнительно небольшом количестве. Те же из них, кто попадал в это число, освобождались от всех видов повинностей. Горцев этому обучал беглый русский фейерверкер, назначенный на эту должность самим имамом[3]. Однако среди артиллерийских начальников были и горцы. Особенно популярным среди них был Яхъя-Хаджи ал-Чиркави (Чиркеевский). Он был начальником всей артиллерии и трагически погиб при взрыве порохового погреба[4]. Заимствуя опыт русской армии, Шамиль стремился вооружить свое войско также ракетами.

В Ведено, «в слободе», расположенной поблизости дома самого имама, где проживали в основном русские солдаты, перешедшие на сторону Шамиля, изготовлялись ракеты. Первоначально этим делом занимался Урус-Хассан. Он же обучил этому ремеслу горцев, и вскоре изготовлением ракет стали заниматься местные жители. Однако полностью освоить это оружие, «в то время еще недостаточно разработанное даже в европейских странах, горцы, конечно, не смогли, и, насколько можно судить по имеющимся у нас данным, боевое применение ракет со стороны горцев окончилось полной неудачей. В ночь с 18 на 19 февраля 1853 г. они впервые использовали ракеты против лагеря царских войск. Ракеты не причинили никакого вреда, так как они «то подымались сажен на пять и с этой высоты падали, или обратно спускались к горцам,

[1] *Потто А.* Указ. соч. С. 180.

[2] Ученые записки ИИЯЛ. Махачкала, 1963. Т. XI. С. 166.

[3] Там же. С. 167.

[4] Хроника... С. 183, 200, 210.

или разрывались, освещая на мгновение лагерь»[1]. Не имели успеха и последующие испытания ракет.

Как бы то ни было, имам Шамиль очень дорожил своей артиллерией не только потому, что создание ее было сопряжено с большими трудностями, но и потому, что наличие пушек в его войсках придавало имаму в глазах подвластного населения большую славу и тем самым способствовало укреплению его власти в стране. Поэтому, выделяя орудия в распоряжение наибов, Шамиль предписывал им беречь их «как зеницу ока». Когда один из наибов позволил себе небрежно использовать орудия, имам тут же сделал ему внушение[2].

Подытоживая деятельность имама по организации своей армии, мы можем сказать, что, ведя тяжелую и неравную борьбу с царизмом, Шамиль понимал, что без четкой организации вооруженных сил на регулярной основе и крепкой материальной базы ничего не сможет добиться, и он, по мере распространения шариата и укрепления его положения, начал создавать регулярную армию. Материальной базой для этого вначале служило конфискованное имущество феодальной знати и военная добыча, а впоследствии это стало делом государственной важности.

Масштабные военные реформы заняли центральное место в преобразовательной деятельности Шамиля. Эти реформы должны были превратить армию Имамата в боеспособную настоящую организацию со структурой, соответствующей современным требованиям военного искусства. Военной реформой Шамиля восхищались его современники.

Армия Имамата – высокая мобильная сила – всегда была готова к сражению. Организация массового отпора царизму, наряду с ликвидацией власти феодальной верхушки, которую проводило руководство Имамата, и объясняет активную поддержку народом мероприятий, проводимых Шамилем. Возглавив борьбу, Шамиль предложил горским обществам наилучшие «формы консолидации народных устремлений, политической, военной и идейной организации масс, которые позволили сплотить разрозненные, разноязычные общества в единый военно-политический организм»[3].

[1] *Вилибахов В.* Указ. соч. С. 168.

[2] *К.* Левый фланг Кавказской линии в 1848 г. // КС. Тифлис, 1887. Т. XI. С. 346.

[3] *Магомедов Р.М.* На весах истории // Дагестанская правда. Махачкала, 1988. 17 ноября.

В отличие от своих предшественников, которые ограничивались эпизодическим набором военных сил, Шамиль в конце 30-х гг. XIX в. заложил фундамент для мощной регулярной армии. Ему удалось продемонстрировать всему миру силу воинов, воодушевленных идеей освобождения и веры. Особую заботу и внимание Шамиля вызывали военное устройство и вооружение горцев. Благодаря его неутомимой деятельности при ограниченных средствах и ресурсах в Имамате была создана армия и образована экономическая база, способная в течение 25 лет отражать натиск регулярных царских войск.

Создавая свою армию, Шамиль перенимал все лучшее, что находил в организации царских войск и управлении ими, и она состояла из трех родов войск: пехоты, конницы и артиллерии, которая и была характерной структурой для постоянной армии. Кроме того, имелись еще временно мобилизуемые ополченцы, игравшие немаловажную роль в боевых действиях горцев против царских войск.

Большой гордостью Шамиля была конница – основное ядро армии. Хотя Шамиль и придавал большое значение кавалерии, известно, что коневодство широко в регионе не было распространено, и поэтому кавалеристами могли быть главным образом зажиточные уздени. Горские конники были искусными и виртуозными наездниками, отлично владели оружием. Лучшими войсками конников с вооружением и одеждой была признана конница Гази-Магомеда.

Пехота комплектовалась из аульчан по призыву Шамиля от 15 до 50-летнего возраста. Пехотинцы были организованы в 1000, 500, 100, 50 и 10 бойцов[1]. Высший командный состав, представленный наибами, был неоднородным. Шамиль, сохранив общинно-родовое деление страны, фактически не имея выбора, был вынужден назначить часть наибов в командующий состав, а другая часть наибов была выдвинута благодаря своим личным качествам и самой жизнью, которой приходилось командовать полиэтническими подразделениями. Высокий нравственный уровень и боеспособность армии Имамата были результатом воспитательной работы в войсках и значимости оборонительного характера борьбы.

Одну из основополагающих ролей в воспитании солдат Имамата играло духовенство в лице Шамиля и его учителей. Именно их деятельностью и объясняется бесстрашие мюридов.

[1] *Рамазанов А.Х.* Реформаторская деятельность великого имама Шамиля. С. 19; *Гаммер М.* Указ. соч. С. 311.

В исторической литературе встречаются разные данные о численности вооруженных сил Шамиля. А.Х. Рамазанов без ссылки на имеющиеся данные отмечает, что в лучшие годы армия Шамиля достигала 60000 человек. При этом автор не приводит данных о постоянном войске Шамиля и об ополчении[1]. Р.М. Магомедов отмечает, что «в отдельных кампаниях против завоевателей число участвовавших в войне горцев доходило до 30-40 тысяч. Численность же постоянных войск Шамиля, находившихся на содержании населения, не превышала 15-20 тысяч»[2]. Последний, исходя из показаний Хаджимурада графу Воронцову и других сведений, дает, на наш взгляд, более достоверные данные.

По свидетельству официальных источников, мичиковцы могли «поставить до 2000 вооруженных людей, ауховцы до 1500, Большая Чечня до 2500 и Малая Чечня до 4000»[3]. В муртазики отбирались физически подготовленные и мужественные люди, готовые пожертвовать жизнью за независимость горцев. За преданную службу в армии муртазики пользовались большим уважением односельчан. Они заботились о семьях муртазиков, помогали им пахать, сеять и убирать урожай, заготавливать сено, пасти скот и т.д.

Создание частей муртазиков удачно разрешало двойную задачу: во-первых, они, благодаря своим боевым качествам, могли противостоять не только царской армии, но и внутренним врагам. Во-вторых, они образовали большую группу привилегированного и заинтересованного в сохранении имамского режима населения. «Во время войны, – пишет К.И. Прушановский, – они составляют самую надежную и лучшую часть сборищ горцев. Держатся с отчаянной решительностью, соблюдают отличную подчиненность. Малое число их опаснее, чем целое скопище горцев»[4]. Генерал М.С. Воронцов после взятия Салты в сентябре 1847 г., отмечая мужество защищавших его в течение 2,5 месяцев горцев, в своих мемуарах писал: «В долголетнем опыте мне редко случалось видеть неприятеля более упорного и стойкого, как гарнизон укрепления Салты, который составлен был из лучших и храбрейших людей Дагестана. Упрямые сопротивления этого

[1] *Рамазанов А.Х.* Указ. соч. С.19; *Он же.* Военное искусство Шамиля. Махачкала, 1999. С.10.

[2] *Магомедов Р.М.* Указ. соч. С. 98.

[3] ДГСВК. С. 404.

[4] *Прушановский К.И.* Указ. соч. Л. 76.

гарнизона превосходят все, что европейской войне может быть известно»[1].

В исторической литературе, да и в источниках, прослеживается мысль о том, что муртазики являются чуть ли не основой постоянной армии. Это мнение ошибочное. Некоторые представители официальных властей отводили муртазикам сугубо официальную, т.е. караульную, службу, охрану границ, личную охрану имама и т.д.[2]

В каждом воине Шамиля было заложено стремление к славе, к получению наград, и они проявляли усердие, чтобы их получить, жертвуя своей жизнью. Так, например, по сведениям местных источников, «из жителей андийских сел каждый раз в бою погибало от 10 до 20 воинов. Такое же количество жителей погибало из Гумбета, Аварии, Унцукуля, Согратля и Чоха. В Чечне храбростью известны жители Гехи, Мартана и Шубута Такие же храбрые жители обществ Ичкерия, Нахбак, Аух...»[3].

Если воин погибал в бою, его тело не обмывали и не служили над ним погребальную молитву, хоронили его в его запачканной кровью одежде, предварительно очистив его от прочих нечистот. Этот способ захоронения, в отличие от кончины в своей постели, являлся нормой шариата. Разница этих двух способов погребения состоит в том, что «Аллах Всевышний желает встретить павшего за веру шахида в Судный день («Йавм ал-кийама») в том виде, в каком он скончался. Этим он оказывал ему честь»[4].

Шамиль прекрасно вооружил свою армию. Владея секретами получения стали хорошего качества, горские мастера изготовляли холодное оружие высокого класса, научились делать нарезное огнестрельное оружие. Для этой цели Шамиль приглашал специалистов со стороны[5]. В Имамате было налажено производство пороха с помощью Джафара, потребности в котором возросли в связи с созданием артиллерии.

[1] *Каспари А.А.* Покоренный Кавказ. СПб., 1904. С. 489-490.

[2] ДГСВК. С. 381-386; *Юров А.* 1840, 1841 и 1842 годы на Кавказе. С. 472; *Дубровин Н.Ф.* История войны и владычества русских на Кавказе. СПб., 1888. Т. 1. Ч. 1. С. 488-489.

[3] *Абдурахман из Газикумуха.* Книга воспоминаний. С. 111. /Относительно «Нахбак» и «Аух» в «Книге воспоминаний...» Абдурахмана даются неточные данные о месте их расположения. Они находятся в Дагестане, ныне – Казбековский район РД.

[4] *Абдурахман из Газикумуха.* Книга... С. 112.

[5] *Шарафутдинова Р.Ш.* Арабоязычные документы эпохи Шамиля. М., 2001. С. 127-129.

В армии Шамиля использовались трофейные оружие и боеприпасы, нехватку в которых он испытывал постоянно[1]. В артиллерии Шамиля было более ста пушек, из которых около 30 были трофейными. Собственные пушки делались меньшего калибра, были более удобными, мобильными и точными по сравнению с трофейными. Литьем пушек и изготовлением огнестрельного оружия занимались искусные мастера из Кубачи, Харбука, Кумуха, Унцукуля. В Ведено был организован завод по производству пушек и другого огнестрельного оружия[2]. В Имамате изготовлением холодного и огнестрельного оружия занимались при помощи перешедших на сторону горцев солдат царской армии.

Впервые в истории Дагестана были отлиты пушки и ядра к ним, налажено также изготовление пуль[3]. Непосредственный участник борьбы утверждает, что «свинец доставили *(горцы. – Ю.Д.)* тайно из русских крепостей контрабандно»[4]. Большой спрос на оружие стимулировал производство, уровень которого постоянно повышался.

В Имамате появились военные предприятия, принадлежащие государству. В Ведено, по сведениям Граббе, были «люди, которые делают порох»[5], а в 1840 г. он же рапортовал в Петербург о наличии в горах производства пушек, организации и введении в действующую армию нового рода войск – артиллерии. Шамиль организовал учебу артиллеристов, а также разработал особую инструкцию по артиллерии. Горцы, по сведениям М. Гаммера, получали исключительно хорошие комплименты от русских за то, как они использовали артиллерию, за ее меткость и особенно за быстроту маневров[6]. Результаты были настолько велики, что это искусство было взято на вооружение царской армией.

Интенсивные усилия царских войск захватить орудия имама в сражениях заканчивались неудачей. Причиной того, что горцы не так часто использовали артиллерию, как это можно было бы ожидать, была в монополии Шамиля над этим оружием. По утверждению представителя официальных властей, только некото-

[1] АКАК. Тифлис, 1885. Т. X. С. 527.

[2] *Магомедов Р.М.* Указ. соч. С. 103.

[3] АКАК. Т. XII. С. 1399; ЦГВИА. Ф. ВУА. Д. 6528. Л. 55; *Елецкий О.* Статистическое описание Закавказского края. СПб., 1835. С. 68.

[4] *Абдурахман из Газикумуха.* Книга… С. 109.

[5] Там же. С. 100-109; *Рамазанов Х.Х., Рамазанов А.Х.* Указ. соч. С. 12.

[6] *Гаммер М.* Указ. соч. С. 16.

рые из его заместителей, обычно мудиры, покупали одну или две пушки[1].

Впервые в истории гор Шамиль приступил к серьезной разработке недр Дагестана и Чечни, изготовлению пороха из добываемой в горах серы, выплавке железной и медной руды для отливки артиллерийских орудий и другого оружия. Значительную помощь Шамилю в изготовлении вооружения оказывали «русские перебежчики-солдаты и офицеры, которых у Шамиля было много, и он очень ценил их»[2]. Способности беглых и пленных Шамиль проверял сам и определял: «кого кузнецом, кого артиллеристом. Более надежным доверял заведование заводами (пороховыми), конями, ремонтом конницы и т.п.»[3].

В Имамате была поставлена на довольно-таки высокий уровень работа разведки и контрразведки. В обязанности отдела разведки входили не только сбор информации о продвижении отряда неприятеля, выяснение всего необходимого о нем, но и проведение диверсионных мероприятий в глубоком тылу врага. Официальные источники, отдавая должное контрразведке Шамиля, отмечают, что «чрезвычайно трудно иметь положительные сведения, даже и хорошие лазутчики не могут верно ничего узнать»[4]. Этим Шамиль вносил путаницу в ряды противников.

Шамиль придавал большое значение оперативной связи, благодаря которой он был в состоянии регулировать и командовать своей армией. Связь поддерживалась через гонцов-оповестителей письменными обращениями.

Шамиль также придавал большое значение медицине. Благодаря его стараньям в горах был открыт стационар. Дагестанские знахари хорошо знали принципы и метод использования отваров из трав, ягод, грязе- и водолечение, массаж, мумие, прижигание, кровопускание, иглоукалывание[5]. Н.И. Пирогов, побывавший в Дагестане, отметил, что местные хакимы действительно имеют «большую наглядность и опытность в лечении огнестрельных ран. Искусство лечения наружных повреждений у кавказских племён есть чисто наследственное и переходящее от отца к сыну»[6], а профессор Л.А. Оганесян писал, что «хирургия кавказской народ-

[1] *Ржевусский А.А.* 1845 год на Кавказе // КС. Т. VI. С. 448.

[2] См.: *Вердеревский Е.А.* Плен у Шамиля. СПб., 1856.

[3] *Шульгин С.* Указ. соч. С. 30.

[4] ДГСВК. С. 386.

[5] См.: *Рамазанов Х.Х., Рамазанов А.Х.* Указ. соч. С. 13-14.

[6] *Пирогов Н.И.* Отчёт о путешествии по Кавказу. М., 1952. С. 69

ной медицины стояла почти на уровне научной медицины. Они производили даже такие операции, как трепанация черепа»[1]. Дагестанские народные лекари лечили не только у себя на родине, но и в Чечне, Осетии и в других областях.

Таким образом, Шамиль осуществил военные реформы, позволившие ему создать армию, которая по своей организационной структуре, дисциплине, мобильности, храбрости не уступала армиям передовых стран Европы. Военное устройство армии Шамиля вызывало восхищение современников. Русский офицер, принимавший участие в церемонии обмена грузинских князей на сына Шамиля Джамалутдина, писал: «Среди горцев господствовал строгий порядок, и в целом они имели сходство с нашей кавалерией: они были расставлены по отделениям, с интервалами, в две шеренги; каждое отделение имело свое знамя; начальники стояли перед фронтом и держали ружья, как муриды... На правом фланге я видел две пушки, снятые с передков; позади их – арбы со снарядами»[2].

V. Наука и образование в Имамате

Система образования в имамате. Письменность. Библиотека Шамиля. Ученые – соратники Шамиля. Ученые – противники Шамиля.

Тема науки и образования в Имамате Шамиля является одной из самых неисследованных.

Прежде всего, следует отметить борьбу 2-х культур – арабской и русской, или же исламской и европейской, в процессе длительной борьбы которых та сторона, которая в итоге одержала вверх, сделала все, чтобы стереть былую память, заслуги и все прошлое побежденной стороны, т.е. русская культура и процесс завоевания географического и духовного пространства на территории Дагестана сделали все, чтобы искоренить предшествующую ей дагестано-арабскую и, более того, добились умалчивания в течение долгих лет «побежденной» культуры: всячески отрицалась та положительная роль, которую играла в жизни народов Дагестана арабо-дагестанская культура.

Российские ученые пытались представить горцев в глазах мировой и отечественной интеллигенции безграмотными, дикими людьми, не способными к самосовершенствованию в духовном плане, значение арабского языка освещалось с антинаучных позиций, считалось, что он играл религиозную роль, что Россия имеет дело «с народами, к которым враждебная нам *(царизму. – Ю.Д.)* письменность привита прочно тысячелетними непрерывными усилиями мусульманского духовенства»[1].

Известный исследователь этнографии и языков народов Дагестана барон П.К. фон Услар, иронично писавший об исламском образовании в Дагестане, все же был вынужден признать, что «если об образовании народном судить по соразмерности числа школ с массою народонаселения, то дагестанские горцы в этом отношении опередили даже многие просвещенные европейские нации. Учение доступно каждому горскому мальчику»[2].

Т.А. Павленко в статье «Дагестанский опыт» утверждал, что «в Дагестане в XIX в. грамотность мужчин составляла 5% и 1% женщин, да и то на арабском языке»[3].

Как пишет Х.Х. Рамазанов, «в работах отдельных историков и философов, изданных в 90-х гг. XIX в., можно встретить утверждение, что вековой фанатизм окутал Дагестанские горы»[4].

Другие утверждали, что с присоединением Дагестана Россия предприняла ряд мер, объективно способствовавших развитию культуры народов Дагестана[5].

---

[1] *Оганесян Л.А.* Истории медицины в Армении с древнейших времён до наших дней. Ереван, 1946. Ч. III. С. 188.

[2] *Вердеревский Е.А.* Плен у Шамиля. СПб., 1856. С. 19.

[1] *Услар П.К.* О распространении грамотности между горцами // ССКГ. Тифлис, 1870. Вып. III. С. 7. (Репринтное переиздание: М.: МНТПО «Адир», 1992)

[2] Там же. С. 3.

[3] *Рамазанов Х.Х.* Эпоха Шамиля. Махачкала, 2004. С. 211.

[4] Там же.

[5] И среди них, в первую очередь, заслуживает быть отмеченным открытие в области светских школ. Правда, соглашаются они, правительство, открывая школы, ставило целью подготовку послушных прислужников самодержавия, готовыми верой и правдой служить царизму / См.: История Дагестана в 4-х томах. М., 1968. Т. 2. С. 337./ Далее говорится, что открытие светских школ и создание в связи с этим возможности для молодой страны гор обучаться в русской средней и высшей школе имело огромное пророссийское влияние. Так, «первым учебным заведением, открытым правительством в Дагестане, было Дербентское городское училище на 35 мест, основанное в 1837 г.» / Там же. С. 338./ Однако численность воспитанников, обучавшихся в училище, росла очень медленно и к 1848 г. составила 57 человек, и к тому же среди них почти не было выходцев из нагорного Дагестана. Но обучались горцы и в основанных еще в 1842 г. училищах Петровска и Низового. Царское правительство продолжает открывать в Дагестане светские школы, которые должны были составить конкуренцию учебным заведениям, в частности,

Царские власти выделяли для светского образования горцев Дагестана «казенные вакансии в пансионах»: в Темир-Хан-Шуринском реальном училище – 45 мест; в Ставропольской гимназии - 30; в Бакинском реальном училище – 10. Всего 85 вакансий. [1]

Что касается системы образования в Имамате Шамиля, то полагаю, что это тема заслуживает подробного изучения на основе анализа малочисленных отрывочных сведений из источников и литературы, и подобное изучение позволило бы более объективно оценить процессы, происходившие в Дагестане в период Кавказской войны: «пролило бы хоть немного света» на эту темную и неизведанную страницу нашей с вами истории.

в системе образования Имамата в целом. В 1856 г. была открыта школа в Темир-Хан-Шуре, которая вскоре же в связи с переводом Апшеронского полка была переведена в укрепление Ишкарты. В том же 1856 г. по инициативе М.С. Костемеровского была открыта школа при Дагестанском конном полку. Весть об открытии школы быстро распространилась в Дагестане и вызвала огромный приток желающих поступить учиться. Естественно, не все желающие могли попасть в школу: контингент обучающихся был весьма ограничен, и в самые лучшие времена число их не превышало 30 человек, что еще раз доказывает, что у горцев была сильная тяга к наукам и образованию. Учащиеся в школе обучались русскому языку, чистописанию, арифметике, пению, начальным сведениям по истории и географии, знакомились с принципами изготовления бумаги, стекла, устройства железных дорог, книгопечатания и т.д. По подсчетам Г.Ш. Каймаразова, «к концу 90-х годов XIX в. в дагестанской области было открыто 26 русских школ (14 в городах и 12 в селениях), в которых обучалось 1896 учащихся, из них 495 девочек. В сельской местности, на которую приходилось 95% населения, в школах обучалось 493 ученика (из них 25 девочек), т.е. 26% от общего числа учащихся в Дагестанской области» / См.: *Каймаразов Г.Ш.* Очерки истории культуры народов Дагестана. М., 1971. С. 66-67/. Приведенные материалы наглядно демонстрируют политику колониальных властей в области народного образования. Открывая в области школы, прогимназии и училища, царское правительство преследовало две цели. Во-первых, этими мерами обеспечивалась подготовка местных кадров мелких служащих и должностных лиц, способных выполнять административные функции в низовых звеньях аппарата «военно-народного» управления. Во-вторых, учебные заведения области давали возможность местным административным и военным властям дать своим детям начальное и среднее образование/См.: *Булатов Б.Б., Лугуев С.А.* Духовная культура народов Дагестана в XVIII-XIX вв. (аварцы, даргинцы, лакцы). Махачкала, 1999. С. 26-27./. В этом плане весьма характерен циркуляр министра просвещения империи об ограничении поступления в гимназии и прогимназии «детей кучеров, лакеев, поваров, прачек, мелких лавочников и т.п. Людей вовсе не следует выводить из среды, к коей они принадлежат, и через то приводит к недовольству своим бытом и озлоблению против существующего и неизбежного по своей природе вещей первенства имущественных положений» / См.: *Каймаразов Г.Ш.* Указ. соч. С. 74./.

[1] См.: ЦГА РД. Ф. 2. Оп. 2. Д. 64[5]. Л. 65/.

Как мы отмечали выше, широкое распространение грамотности в Дагестане связано с проникновением ислама. В горных районах Центрального в XI-XV вв. а в Северо-западного Дагестана ислам утвердился на много позже. Утверждение ислама сопровождалось интенсивным строительством мечетей. При мечетях, как правило, открывались школы-мектебы и медресе.

В период Кавказской войны Шамиль огромное внимание уделял распространению знаний среди народов руководимого им государства Имамат, на территории которой действовали сотни мечетей, во многих из них были медресе, существовали также и десятки форм частного обучения.

В мектебе занимались мальчики в возрасте от 8 до 11 лет, как правило, уже умеющие читать. Этому детей, в том числе и девочек, обучали дома, «делал это кто-либо из родителей, родственников, односельчан, соседей»[1]. В мектебе учащиеся приступали к изучению отдельных глав Корана в определенном порядке. Со временем для облегчения чтения «текст Корана был огласован»[2].

Занятия продолжались с утра до заката солнца, с небольшими перерывами для приема пищи. Занятия не проводились в разгар сельскохозяйственных работ, а также во время поста Рамазана и Навруз-Байрама. Детям разъясняли понятия добра и зла, воспитывали чувство долга, милосердия, великодушия. Их учили совершать праведные поступки, быть вежливыми, уважительно относится к родителям, старшим, учителям. Особо подчеркивалось недопустимость злословия в адрес человека за его спиной, что это считается в исламе непростительным грехом – клеветник в рай не войдет[3]. Мектебы функционировали в большинстве селений, а медресе – лишь в некоторых, наиболее крупных, при мечетях или в доме преподавателя – мударриса.

По распоряжению имама во всех аулах, подвластных государству Имамат, открывались подобные школы. В программу обучения медресе входили арабский язык, логика, диалектика, риторика, стилистика, мусульманское право, толкование Корана, хадисы, догматическое богословие, математика, медицина, астрология, география, философия, поэзия и т.д. Срок обучения здесь был большим и составлял 10 лет и более.

В ходе исследования данной темы удалось установить насе-

---

[1] *Абдуллаев М.А.* Из истории научной и педагогической мысли досоветского Дагестана. Махачкала, 1986. С. 25.

[2] *Булатов Б.Б., Лугуев С.А.* Указ. соч. С. 22.

[3] *Рамазанов Х.Х.* Указ. соч. С. 202.

ленные пункты, где функционировали подобные учебные заведения, хотя не все они входили в состав Имамата: Дусрах, Унчукатль, Куппа, Цуруг, Миатли, Чох, Урада, Чиркей, Аргвани, Кудутль, Могох, Усиша, Анди, Муги, Харахи, Кумух, Куяда, Мехельта, Эндирей, Балхар, Акуша, Рича, Уркарах, Обода, Орота, Хунзах, Общество Гидатль, Мекеги, Карахи, Кудали, Ахты, Тукита, Казанище, Дженгутай, Карата, Тинди, Араканы, Согратль, Унцукуль, Алмак, Гимры и т.д.

Конечно же, это не полный перечень аулов, где находились медресе и мектебы. В каждом наибстве был человек, ответственный за организацию их работы и оказание им необходимой материальной помощи.

Обучение детей в коранических школах (иначе – в неприметчетских, где преподавали частные лица) или в мектебе считалось обязательным, причем как для мальчиков, так и для девочек.

В этом вопросе социальной и имущественной градации не было. Занятия продолжались по 5-6 часов в день, проходили они в доме обучающего, во дворе, в пристройке, на лоджии и т.д. Дети, сидя на корточках, располагались перед учителем на соломе, на кусках войлока, на паласах, шкурах и другом, учитель восседал перед ними, зорко следил за дисциплиной, поощрял словесно старательных и наказывал нерадивых.

Окончивший медресе мог продолжать учебу, если имел определенные склонности и материальное обеспечение, у известных ученых-алимов Дагестана и стран мусульманского Востока.

Обучение в примечетских школах, конечно, имело существенные недостатки, объясняемые многими обстоятельствами, прежде всего, состоянием войны. Но прогрессивным в них было то, что неграмотные дети учились читать и писать, т.е. становились грамотными. В Имамате по существу впервые была предпринята попытка всеобщего начального образования по инициативе государственной власти, но осуществить это в ходе войны оказалось чрезвычайно сложным и трудным делом.

При Шамиле повсеместно в крупных аулах или для нескольких аулов в одном участке создавались (на средства байтул-мала) школы повышенного типа (медресе) и другие учебные заведения, где изучались самые различные науки. Учеников медресе в исторической и другой литературе называют «мутааллимами»[1]. Как термин, «оно употребляется для обозначения «ищущего знаний» и только. Например, «если в каком-нибудь селении есть большой ученый или знающий кадий, вокруг них собираются несколько человек учащихся для получения знаний, полезных в вере, земной и загробной жизни»[1].

[1] От арабского глагола «та'аллама» - учиться, изучать. Правильно: мута'аллим – «учащийся, изучающий, образованный» / См.: Белкин В.М. Карманный арабско-русский словарь. М., 1970. С. 190, 530

Мута'аллимы, приехавшие для учения в мектебе или медресе из соседних селений, жили обычно при мечетях. «Питаются они за счет закята (закят – десятая часть урожая, которую каждый мусульманин обязан выделять ежегодно по окончании жатвы в пользу бедных и в мечеть, на содержание в ней мутааллимов), которым распоряжается кадий. Кадий (имеет право) исключить из мутааллимов кого захочет или оставить (кого по своему усмотрению)»[2].

«Когда мута'аллим приходит в избранное селение, он останавливается в мечети или у своего кунака, затем идет к кадию и просит включить его в группу мутааллимов. Если кадий согласен, то определяет его к себе, и он остается здесь, получая знания и питание, если же кадий ему скажет: "Нет у меня для тебя пропитания для зачисления", то мута'аллим отправляется к другому ученому, кто примет его при себе и устроит мута'аллимом. Вот так устанавливается (состав) мута'аллимов, которые восстанавливают между собой общий порядок, распределяют постоянные места в мечети для ночлега, отдыха, чтения»[3]. Спали мута'аллимы на жестких подстилках, укрываясь от холода, чем попало[4].

«Также они устанавливали обязанности каждого в приготовлении пищи в зависимости от степени учености и возраста. Самого старшего по знаниям и возрасту муталима освобождали от всех работ; ему оставалось только приходить к столу вместе с кадием. Затем (после еды) расходились в мечети, садились вокруг светильника, открывали книги и углублялись в глубокое созерцание. Одни переписывали (тексты), одни учились, другие учили. Иногда между ними начинался диспут, разгорались бурные прения. Когда же приходило время сна, то тогда мечеть переполнялась их голосами. Каждый готовил себе постель внутри мечети. А для кадия и старшего муталима постель стелили самые младшие из уважения к ним.

В пятницу мутааллимы не занимаются, отдыхают, а в ночь на пятницу младшие мутааллимы ходят по селению с хурджинами, обходят дома сельчан, прося у них то, что они пожелают дать. Эта

[1] *Абдурахман из Газикумуха.* Указ. соч. С. 92.
[2] Там же.
[3] Там же.
[4] *Булатов Б.Б., Лугуев С.А.* Указ. соч. С. 22.

ночь у них считается праздничной, так как они получают двойную порцию пищи»[1].

Считалось недопустимым, с точки зрения традиционных моральных норм, стремление родителей облегчить условия жизни своих детей-мутааллимов, снабжая их деньгами, продуктами, теплой постелью и прочим. Здесь господствовал принцип «всем или никому». Родители могли принести или привезти всем мутааллимам, всей обучающейся группе хлеб, мясо, сыр, подарить им теплые носки и прочее, но именно всем, никого не выделяя и не отделяя из них.

Даже в последнем случае от родителей требовались такт и сдержанность: чрезмерно частая благотворительность по отношению к одной и то же группе обучающихся могла быть оценена и осуждена общественным мнением как завуалированное стремление облегчить участь своего ребенка. Считалось (и, надо полагать, не без оснований), что жесткие условия жизни, быта и обучения с малолетства закалят ребенка, сделают его менее восприимчивым к житейским невзгодам, сформируют в нем твердость духа, настойчивость, жизнеспособность.

Мектебы и медресе содержались за счет того селения, наибства, где они функционировали. «Как мектебы, так и медресе содержались на средства жителей, самопожертвования, вакуфные земли и закяты», – пишет А.К. Селимханов[2]. Об этом свидетельствует и расходная ведомость одного из участков имамата Дагестана, где указано, «какая часть подати пошла на содержание учеников»[3].

Муллы, дибиры и кадии, обучающие мутааллимов, ничего за это не получали. В школах, которые велись частными лицами, вне мечети, родители обучающихся время от времени угощали учителей хорошим обедом, делали им необременительные для семьи подарки продуктами, материей, одеждой и прочим. «Учение доступно каждому, – писал о мусульманских школах П.К. Услар. – В каждом ауле найдется один-два человека, которые учат детей читать и писать из-за куска хлеба, при каждой мечети находится школа, где желающие учиться могут продолжить свое учение»[4].

Изучению арабского языка уделялось первостепенное внимание, так как успехи в освоении многих дисциплин во многом зависели именно от этого факта.

Среди учителей было немало просвещенных для своего времени личностей, владеющих несколькими языками, в том числе арабским и турецким, знакомых с литературой, историей, философией Востока, с математикой, астрономией и другими науками. Единых программ обучения не было[1].

Особенно сильными центрами науки и образования в государстве Шамиля были такие аулы, как Согратль, Урада, Араканы, Хунзах, Аргвани, Чиркей, Обода, Кудутль, Могох[2], Миатли, Унцукуль, Мехельта, Карата, Балаханы, Ведено и многие другие.

Наибольшую известность имело Согратлинское медресе во главе с разносторонне развитым Абдурахманом-Хаджи, который получил высшее образование в Египте, понимал пользу науки и исламской культуры. Аул Согратль прославился на весь Дагестан, туда приезжали из разных мест жаждущие знаний мута'аллимы, чтобы приобщиться к наукам, подвергая себя риску сурового наказания со стороны колониальных властей. «Селение Согратль – родник ученых, благочестивых, поклоняющихся, смельчаков, ювелиров, потомственных кузнецов. В Дагестане во всех этих делах нет селения, равного ему»[3]. В Согратлинском медресе учительский состав отличался высоким научным уровнем, педагогическим талантом и воспитательным мастерством. В учебном процессе использовались универсальные, сложные учебники, книги, пособия, а также труды выдающихся ученых Востока, таких, как «Новые астрологические таблицы и введение к ним» Улугбека, «Хуласа ал-Хисаб» Баха ад-Дина ал-Атили и других[4]. Хорошую репутацию имело столичное медресе в Дарго-Ведено, где учились чеченцы и дагестанцы.

Мута'аллимы, кроме изучения обязательных дисциплин, устраивали дискуссии, диспуты, состязания в чтении стихов, сказаний, религиозных текстов. Часто проводились встречи мута'аллимов медресе разных аулов – так называемые межмедреские фору-

---

[1] *Абдурахман из Газикумуха.* Указ. соч. С. 94.

[2] *Селимханов А.К.* Из истории просвещения в Дагестане в XIX в. // УЗ Даг. Женск. Пединститута. Махачкала, 1957. С. 144.

[3] *Айтберов Т.М.* Хрестоматия по истории права и государства Дагестана в XVIII-XIX вв. Ч. I. Махачкала, 1999. С. 109-110.

[4] *Услар П.К.* О распространении грамотности между горцами // ССКГ. Тифлис, 1870. Вып. 3. С. 3.

[1] Так, например, в Салатавии было 10 медресе и религиозных школ. В Чиркее особое внимание уделялось толкованию Корана, хадисов пророка, изучению логике, естественных наук, в Дылыме – морфологии и синтаксису арабского языка, народной медицине, в Зубутли – основам законоведения, толкованию Корана и т.д.

[2] В Могохском медресе учился и автор «Книги воспоминаний» Абдурахман Газикумухский / См. указ. соч. С. 91./.

[3] Абдурахман из Газикумуха. Указ. соч. С. 83.

[4] *Рамазанов Х.Х.* Указ. соч. С. 203.

мы. Мута'аллимы выступали перед аульчанами, где присутствовало большое количество мужчин, женщин и детей.

Деятельность школ контролировалась государством Имамата. В каждом наибстве был ответственный за организацию мактабов и медресе, который в возможной мере занимался вопросами их материальной поддержки. И это все впервые в Дагестане. Вопросами образования занимался Государственный Совет Имамата (Диван-Хана), интересовались ими Шамиль и его наибы.

Самое широкое распространение в Дагестане получили гуманитарные науки. Это теснейшим образом было связано с распространением арабского языка и арабоязычной культуры. Но, как отмечают специалисты и исследователи, арабоязычная наука и литература вовсе не означали продолжение или дублирование средневековой арабской культуры. Иная социальная и этническая среда, иная эпоха предопределили в творчестве дагестанских арабистов индивидуальные, местные, самобытные черты[1]. Это относилось к философии и логике, истории и географии, к юриспруденции, поэзии, риторике и другому. Гуманитарные и естественные науки, их сочетание, рассматривалось как неотъемлемая часть, составная часть философии вообще.

В мусульманских школах, при явной их схоластичности и подчеркнутой религиозности, учащиеся осваивали арабскую и аджамскую грамоту, естественные, гуманитарные и философские дисциплины. Многие из них приобщались к высокой для своего времени арабо-мусульманской культуре и несли ее достижения в народные массы.

Существуют документы, доказывающие, что русские сами признавали наличие образовательных учреждений в селах Имамата и подчеркивали, что они играют важную политическую и идейно-духовную роль для юношей и молодежи. В рапорте генерал-адъютанта Нейдгардта генерал-адъютанту Чернышеву, датированном 20. XI.1843 г., говорится, что «духовенство получило значительную силу и все в Чечне со времени Шамиля; для распространения познаний, необходимых для вступления в духовное звание, Шамиль в разных селах при мечетях учредил школы. Мера эта весьма важна в политическом отношении. Наставники в этих школах выбраны из людей, преданных Шамилю, и дают благоприятное для него направление умам юношества. Для решения же дел, касающихся до управления, и верховных дел в Даргах, главном месте пребывания Шамиля, по предложению Джамал-Эдина, учрежден в 1841 г. совет (Диван-Хана), в котором присутствуют люди духовного звания, известных ученостию и преданностию к Шамилю и мюридизму»[1].

[1] *Крачковский И.Ю.* Избр. соч. М. 1960. Т. VI. С. 614.

Прапорщик Орбелиани, после своего освобождения писал, что «Шамиль всеми мерами старается возвысить духовенство, чтобы иметь в нем опору и деятельных сподвижников для поддержания фанатизма и мюридизма. Для чего учредил во многих селениях школы, которые и посещаются многими учащимися. Этими училищами усиливается духовенство и число приверженцев Шамиля, потому что в них дают детям и молодежи направление в духе имама, т.е. шариата и мюридизма: всякий мулла или грамотный человек пользуется между горцами большим уважением»[2].

Антиколониальная борьба горцев в 20-50 гг. XIX в., проходившая под религиозно-политическим флагом мюридизма, не могла не отразиться на системе образования и воспитания подрастающего поколения.

Высоко оценивая роль и значение духовенства в формировании умонастроений масс, особенно молодежи, Шамиль окружал себя учеными, приближал их, оказывал им почести, всемерную поддержку. Вопросы воспитания и обучения подрастающего поколения постоянно находились в сфере пристального внимания имама и его окружения.

Шамиль прекрасно понимал, что будущее Дагестана зависит от молодежи, старался в ходе освободительной войны к минимуму свести жертвы, чтобы напрасно не погибали молодые люди. Он, как мог, оберегал талантливую молодежь, старался, чтобы его воины были грамотными.

В своих письмах алимам медресе Согратля, Аргвани, Анди, Хунзаха, Чиркея, Унцукуля, Ахты, Араканы, Зубутли, Тануси и многих других Шамиль указывал, что нужно уделить больше внимания обучению юношей, наряду с религиозными науками, и таким предметам, как астрономия, математика, народная медицина, логика и другие, которые принесут пользу им самим и нашему Дагестану.

Упор также делался на привитие подрастающему поколению мужества, отваги и самоотверженности в борьбе с врагом, воспитанию поколения искусных воинов, в совершенстве владеющих оружием и конем. Каждый из наибов на местах обязан был организовать военную школу для мальчиков и юношей, выискивая необходимые для этого средства и привлекая прославившихся воинов.

[1] ДГСВК. С. 403.
[2] Там же. С. 412.

В одной из столиц Имамата, в Ведено, таких школ было несколько[1]. Подобные школы функционировали в Кидеро, Ботлихе, Агвали, Карата, Кудияб-Росо, Анцухе, Гидатлях и т.д[2]. Именно из этих и им подобных школ набирались воины в войско Шамиля, требовавшего постоянного пополнения. Большое значение придавали имам и наибы идеологической работе с молодежью, требуя от преподавателей мектебов и медресе привития подрастающему поколению преданности идеям ислама и шариата, воспитания у него непримиримости к чужеземному гнету. В условиях военного времени, острейшего дефицита материальных средств, руководство Имамата изыскивало возможность для поддержки мута'аллимов, мулл, ученых-теологов. Весь закят шел по-прежнему на их содержание. В их пользу выделялось 1/3 добычи и трофеев, захваченных у противника[3].

Следующие 2 письма говорят о том, что Шамиль лично помогал ученикам в получении образования:

1. «От правителя верующих Шамиля своему брату заведующему казной Магомеду бин Ибрагиму аль-Уради. Мир Вам. Затем: Чтобы расходы на этого мальчика, носителя письма, ученика, он же сын нашего друга Раджаба и друга того ученика – Шамхала, были из Бейт-уль-маль (т.е. казна) до праздника Ураза Байрам.
Ва-с-салам. 2 шаабана 1268 / начало мая 1852 г.».
2. «От правителя верующих Шамиля своему брату, знающему ученому и проницательному Муртада аль-Кудали салам Всевышнего Аллаха Вам. Затем: Носитель этого письма Шамхал истинный ученик и человек науки, и он желает получить от тебя хорошие знания, так как ты глубок к науке, и он /Шамхал/ поистине жаждет знаний. Я вправе писать тебе, и поэтому мы приказываем взять под особое внимание и предоставить ему почетное место и не оставлять его вне внимания. Ва-с-салам. Вторник 30 шавваля 1262 / середина сентября 1846 г.»[4].

Шамиль стремился помочь в учебе и малолетним мухаджирам. Об этом свидетельствует его письмо от 14 января 1854 г. кадию аула Ансалта Хадису относительно даргинских детей Шафи,

[1] *Магомедов Р.М.* Борьба горцев за независимость под руководством Шамиля. Махачкала, 1939. С. 67.

[2] *Булатов Б.Б., Дугуев М.А.* Указ. соч. С. 24.

[3] Там же. С. 25.

[4] *Бадерхан Фасих.* Письма имама Шамиля // Наш Дагестан. Махачкала,1992. С. 26.

Исагаджи, Зульфукара, Абдурахмана и Усмана. Имам просил выделить этим учащимся «довольствие на 3 месяца из трети закята его наибства».[1]

В школах Имамата занятия не проводились, когда аулы оказывались в зоне длительных боев. У мута'аллимов учение прерывалось: они то учились, то сражались. В числе убитых и раненых оказывались и мута'аллимы. Так, талантливый мута'аллим Магомед Хандиев был ранен в бою под Кутишами[2].

В Имамате одаренные выпускники медресе могли получить высшее образование. Специфика его получения заключалась в том, что государство не несло материальных затрат, не создавало специальных школ для этого.

Выпускники медресе, желающие получить высшее образование, договаривались с известными учеными об условиях учебы и продолжительности обучения. Мута'аллим учился у одного алима одной науке, затем переходил к другому ученому для изучения другой науки и так дальше. Это так называемый «ступенчатый тип образования».

У пытливых мута'аллимов была возможность последовательно получить образование, обучаясь у крупных ученых, которые использовали опыт высшей школы на мусульманском Востоке. Многие из них почти всю жизнь совершенствовали свои знания.

Передача знаний, умений и навыков совершалась от поколения к поколению, от старших к младшим, причем и передаваемое наследие, и сама система, механизмы передачи улучшались, обогащались, совершенствовались. Возникшая, в силу конкретных исторических условий мусульманская школа оставила неизгладимый след на мировоззрении горцев Дагестана, на их оценочных критериях и ориентация. Обучение детей во внемечетских школах, в мектебах, медресе было основано на зубрежке, на механическом усвоении знаний, навыков, чтения и письма.

Тем не менее, было бы ошибкой и преуменьшать роль мусульманских школ в деле образования и просвещения горцев. Система образования была такова, что подавляющее большинство жителей гор умело писать и читать, и не только, а также не столько тексты религиозные, сколько тексты повседневно-бытового, эпистолярного характера: письма, записки, обращения, просьбы, предложения и т.д.

Иначе говоря, значительная часть населения Дагестана к началу XIX в. было грамотным. Обучение в мусульманской школе

[1] *Услар П.К.* Указ. соч. С. 19.

[2] *Рамазанов Х.Х.* Указ. соч. С. 204.

было бесплатным и обязательным. То и другое можно как угодно объяснить (видеть в этом тонко рассчитанную и далеко идущую идеологическую подоплеку, например), но сам факт доступности и обязательности в его, так сказать, «голом виде», – явление гуманное и, следовательно, прогрессивное[1].

Никак нельзя сбросить со счетов и факт приобщения общественности Дагестана к самобытной и высокой культуре стран мусульманского Востока.

Письменность

Вопрос возникновения и развития письменности в горах Дагестана окончательно еще не решен. В отношении ранних этапов этой проблемы предположительного и дискуссионного гораздо больше, чем предметного и доказательного.

История возникновения и развития письменности связана, скорее всего, с историей античной Албании, в состав которой входила часть территории Дагестана[2]. Исторические данные позволяют предполагать, что «в I в. н. э. потребности духовенства и знати обслуживал албанский, местный алфавит»[3]. Вероятно, алфавит этот был вытеснен уже другим, созданным в 405-406 гг. армянским монахом, ученым и просветителем Месропом Маштоцем (361-440 гг. н. э.).

Возможно, что фрагменты этого алфавита сохранились, в частности, в виде символов, меток, оставленных на изделиях гончарами Урцекинского городища[4]. Специалистам удалось расшифровать надписи на могильных камнях в районе г. Мингечаури, на р. Куре, составленные из знаков этого алфавита[5]. Установлено, в частности, что «албанский алфавит обслуживал язык удинов, т.е. один из языков дагестанской группы»[6]. Табличка, «содержащая около 40 знаков, близких по начертанию с древнеисламскими письменами, обнаружена была в недавнем прошлом в окрестностях с. Верхний Лабкомахи (Левашинский район)»[7].

[1] *Булатов Б.Б., Лугуев С.А.* Указ. соч. С. 32.

[2] История Дагестана. Т. I. С. 105-107.

[3] *Булатов Б.Б., Лугуев С.А.* Указ. соч. С. 145.

[4] Там же.

[5] *Казиев С.М.* Новые археологические находки в Мингечауре // Докл. АН. Аз. ССР. Баку, 1949. Т. V.

[6] История Дагестана. Т. I. С. 226.

[7] *Булатов Б.Б., Лугуев С.А.* Указ. соч. С. 145.

Можно говорить также, относительно этого же периода, о распространении на территории Южного Дагестана пехлевийского (среднеперсидского) письма, развивавшегося на основе персидско-армянского алфавита[1]. Об этом свидетельствуют надписи на крупных блоках оснований Дербентской стены, выполненные с большим мастерством. Это обстоятельство позволяет говорить исследователям о распространении грамотности «и среди ремесленного люда, в данном случае – среди каменщиков и резчиков по камню»[2].

По отдельным сведениям, дошедшим до нас, какой-то сугубо местной письменностью пользовались в эпоху средневековья жители Зирихгерана, т.е. кубачинцы. Остается неизвестным, какой язык обслуживала эта письменность, на какой графической основе она строилась. Ряд средневековых авторов свидетельствует лишь, что, «исполняя погребальный обряд, местные жители делали какие-то надписи на мешочках с костями умерших родственников»[3].

Проникновение письменности в сферу общественного быта и повседневной жизни горцев Дагестана связано с распространением ислама. Вместе с новой религией в гущу народа проникало и арабское письмо. Об этом свидетельствуют многочисленные этнографические памятники горного Дагестана, относящиеся к XII-XV вв., главным образом куфические надписи[4].

Завоевательные войны восточных стран и распространение ислама способствовали втягиванию Дагестана в орбиту культурного влияния мусульманского Востока. Это влияние способствовало распространению письменности, развитию культуры, науки и общественно-политической мысли. Знание арабского языка и грамоты позволяло известной части горцев приобщаться к культуре арабов и через них – к культуре многих других народов мира.

Значительное распространение у горцев Дагестана, главным образом у аварцев, получило также и грузинское письмо. История его проникновения связана «с распространением в крае христианства с IV в. через Грузию и Армению»[5]. Древнегрузинские надписи

[1] *Магомедов Р.М.* История Дагестана. Махачкала, 1968.

[2] *Булатов Б.Б., Лугуев С.А.* Указ. соч. С. 145.

[3] Очерки истории Дагестана. Махачкала, 1957. Т. I. С. 87-88.

[4] *Шихсаидов А.Р.* Эпиграфические памятники Дагестана X-XVIII вв. как исторический источник. М., 1984.

[5] *Саидов М.-С.Д.* Возникновение письменности у аварцев // Языки Дагестана. Махачкала, 1948. Вып. I. С. 41.

сохранились на тесаных камнях в основе строений, их стенах, на каменных крестах. Большинство подобных находок сделано «именно на территории Северо-Западного Дагестана»[1].

Большая часть дошедших до нас текстов и обозначений состоит из уставных заглавных букв, встречается также письмо и скорописью. Можно предполагать, что уже в средних веках делались весьма продуктивные попытки создания аварской письменности на грузинской графической основе[2]. Об этом говорят двуязычные тексты (билингвы) на грузинском и аварском языках. Возможно, что грамотность была распространена среди самых широких слоев населения. По сообщениям грузинских исторических хроник, грузинские миссионеры организовали в Аварии специальные школы, где местные дети обучались писать и говорить по-грузински[3]. Не случайно ряд авторов высказывает предположение о существовании раннеаварского средневекового письма на основе грузинского алфавита[4].

В X-XII вв., и особенно в период позднего средневековья, позиции ислама в Дагестане все больше укрепляются. К XIX в. здесь уже не было ни одного более или менее значительного селения, в котором не было бы мечети. При мечетях содержались мектебы, где подрастающее поколение обучалось чтению и письму по-арабски и заучивало молитвы и суры Корана.

К периоду позднего средневековья дагестанские просветители и богословы разработали особую систему дополнительных знаков, значительно облегчавших перевод арабских текстов на языках народов Дагестана.

Поэтому не выдерживают никакой критики утверждения некоторых ученых, что до 1917 г. в Дагестане не существовало письменности. Этот факт можно признать с маленькой оговоркой – если речь идет о письменности на русском языке. Но была очень распространена среди горского населения другая письменность – на основе арабской графики. Исследования дагестанских ученых показывают, что письменность в Дагестане появилась еще в XII-XIV вв. У многих народов Дагестана, в частности, у аварцев, был свой алфавит, созданный на основе арабской графики, и они им успешно пользовались[5].

[1] *Булатов Б.Б., Лугуев С.А.* Указ. соч. С. 146.

[2] Там же.

[3] Там же. С. 147.

[4] Там же.

[5] *Алексеев М.Е., Атаев Б.М.* Аварский язык. М., 1998. С. 20.

Стабильную систему аварского чтения на основе арабской графики «аджам» разработал Дибиркади[1] из Хунзаха (1742-1817). Этой системой пользовались вплоть до 1926 г., хотя и предпринимались некоторые усовершенствования, например, обозначение с помощью 3-х подстрочных точек под «Л» литерального «Лъ», введенное «по предложению имама Шамиля и установленное специальной комиссией, в которую входили Лачинилав из Хунзаха, Али из Кульзеба и другие ученые»[2].

Но существует также версия, что «эта попытка была встречена с настороженностью духовенством, и на нее не отреагировал имам, поэтому она не имела успеха»[3] и быстро сошла на нет.

В одном из своих последних научных трудов известный дагестанский ученый, профессор Х.Х. Рамазанов пишет, что «еще в середине века на основе арабской графики в Дагестане была создана оригинальная («аджамская») письменность. Арабский алфавит был приспособлен к фонетическим особенностям дагестанских языков (в частности, аварского, лакского, даргинского), для этого использовались дополнительные над-подстрочные (диактрические) знаки»[4].

Таким образом, многовековая история культуры горцев Дагестана характеризовалась, в частности, складыванием и совершенствованием со времен раннего средневековья местной письменной традиции. Алфавит и письмо, в силу определенных исторических условий, горцы заимствовали у народов, с которыми были связаны вековыми торгово-экономическими, военно-политическими и культурными взаимоотношениями. Важно при этом отметить, что усвоение алфавита, письменности происходило с ярко выраженной тенденцией охвата грамотностью самых широких слоев местного населения.

Такое положение вещей характерно, вероятно, для общества с вековыми традициями преобладания демократических и общественных структур и взаимоотношений. Кроме того, «такая тенденция свидетельствует о характерной для людей рассматриваемых обществ тяге к грамотности, просвещению»[4]. Усвоение, рас-

[1] Первые попытки создания аварского письма на основе арабской графики были предприняты еще в XV-XVI вв. (Гасан-старший Кудалинский, Шамхалил Магомед Ободияв, Мусалав Кудутлинский и др.).

[2] *Алексеев М.Е., Атаев Б.М.* Указ. соч. С. 21.

[3] *Услар П.К.* Этнография Кавказа. Языкознание. Тифлис, 1888. Т. II. С. 39.

[4] *Рамазанов Х.Х.* Эпоха Шамиля. Махачкала, 2004. С. 153.

[5] *Атаев Б.М.* Аварцы: история, язык, письменность. Махачкала, 1996. С.

пространение в общественном и повседневном быту письма пришлого народа-завоевателя со временем «достигли таких границ, что Дагестан стал считаться одним из наиболее культурных центров мусульманской периферии»[1].

Широкое распространение в Дагестане также получила практика переписывания и художественного оформления книг. В условиях отсутствия типографий тиражированием трудов занимались профессиональные переписчики. Как и в странах Востока, это считалось весьма почетным занятием. Этой деятельности, требовавшей огромного труда, терпения, длительной выучки, хорошего знания арабского языка, многие алимы посвящали всю свою жизнь. Во многих дагестанских селениях: Акуша, Кубачи, Кумух, Хунзах, Согратль, Ихреке, Башлы, Эндирей и других – работали профессиональные переписчики книг – катибы, достигшие высокого мастерства в арабской каллиграфии.

Переписывались целые книги, отдельные произведения на арабском и на языках народов Дагестана. Такие школы были в Ахтах, Курахе, Кумухе, Цудахаре, Дербенте, Рутуле, Цуруге, Ихреке, Шиназе и т.д.[2] В селении Ботлих в XVI в. существовало медресе, в котором переписывались арабские книги[3].

Удалось также установить имена самих переписчиков.

Муса Хаджи из Усиша, Дауд, сын Али из Акуша, Мухаммад, сын Мухаммеда аль-Гинти, Мухаммад, сын Али из Мекеги, Нурмухаммад, сын Нахил-Мухаммада из Килятли, Мухаммад из Арага, Курбан Хаджи из Куппа, Зейделах из Цугура, Султан, сын Абдурахмана из Миатли, Али, сын Клыча из Чоха, Муртазали из Урада, Курбан из Аргвани, Мухаммед, сын Мусы из Кудутля, Чаран, сын Мухаммада из Могоха, Мухамад, сын Чарана из Могоха[4], Давуд, сын Мухаммеда из Усиша, Исмаил из Тукита, Умар аль-Кукни, Нурали, сын Муртазали из Анди, Мухаммед, сын Сайида из Муги, Мухаммед Тахир ал-Карахи, Мухаммед из Чоха, Ибрагим ал-Ашты, Мухаммад, сын Хасана, сын Исмаила из Кумуха, Мухаммад Амин ал-Акташи, Исмаил, сын Ибрагима из Мекеги, Хусайн Кури ибн Мухаммад, Давуд ан-Нукуш ал-Карахи[1], Абдулвахаб из Акнада[2].

Такое количество имен вполне достаточно, чтобы доказать, что письменность в Дагестане не только существовала, но и была широко распространена.

Библиотека Шамиля

В образовательном процессе Имамата трудно переоценить роль библиотеки, книжных коллекций. Имамат стал маленькой библиотечной державой. Он имел сто личных и примечетских (вакуфных) библиотек. Многие ученые в богоугодных целях добровольно жертвовали свои труды в пользу мечети. Вакуфные библиотеки, в отличие от частных, были широко доступны для тех, кто хотел работать над книгами и рукописями[3].

В библиотеке обоих типов находились рукописи, книги, связанные с религией и различными отраслями знаний. В мечетских и частных коллекциях в том или ином количестве были рукописи по грамматике арабского языка, риторике, мусульманскому праву, философии, догматике, суфизму, поэзии, лексикографии, математике, астрономии, медицине, истории. Потребность грамотных людей в книгах удовлетворялось рукописями местного происхождения или поступившими из мусульманских стран. В Имамате, как и в Дагестане в целом, изготовлялись рукописные книги с использованием бумаги местного кустарного производства. Технология ее производства была весьма сложной. Чернила тоже готовили кустарным способом.

Книжные коллекции, насчитывающие сотни и тысячи томов, имели крупные алимы, муршиды, имамы и почти все наибы. Абдурахман-хаджи имел богатую библиотеку, где находились рукописные сочинения крупных мыслителей Дагестана и восточных стран. Большие личные библиотеки были у наибов Кебед-Мухаммада, Мухаммад-Амина, Доного Мухаммада из аула Гоцоб, Даниялбека, который в 1852 г. просил Хаджи-Юсупа передать деньги Хаджи Ибрагиму, чтобы тот купил в Стамбуле книги и переслал их с доверенным лицом[4].

---

[1] *Булатов Б.Б., Лугуев С.А.* Указ. соч. С. 148.

[2] *Баркуев К., Ахмедов М-К., Шихсаидов А.Р.* Исторические сведения о Дагестане из арабских рукописей // Ученые записки ИЯЛИ ДФ АН СССР. Серия историческая. Махачкала, 1963. Т. XI. С. 173.

[3] *Хашаев Х.-М.* Общественный строй Дагестана в XIX веке. М., 1961.С. 128.

[4] *Шихсаидов А.Р., Магомеддадаев А.М.* Сокровища Могоха // Истина. №№ 64-65(14803-14804) от 04.04.1998г.

[1] *Тагирова Н.А.* Арабская грамматическая литература в коллекции Фонда Восточных рукописей ИИАЭ ДНЦ РАН // Вестник Дагестанского научного центра. Махачкала, 2000. № 7. С. 92-94.

[2] *Рамазанов Х.Х.* Эпоха Шамиля. Махачкала, 2004. С. 205.

[3] *Рамазанов Х.Х.* Указ. соч. С. 205.

[4] Там же.

О библиотеках Газимагомеда, Гамзат-бека, Джамалутдина Казикумухского нет никаких сведений. Известно, что Мухаммед Ярагский вывез из родного аула Вини-Яраг вместе с семьей и библиотеку в Табасаран. А что было дальше, неизвестно. К сожалению, заслуживающих доверия данных о его библиотеке нет. Пока ничего неизвестно о документах, собранных Казанфаром Зульфукаровым, проливающих свет на жизнь и деятельность Мухаммада Ярагского[1].

Необычайна судьба библиотеки Шамиля[2]. Его библиотека кочевала вместе с ее владельцем, неся значительные «походные потери». При уходе Шамиля и его сподвижников из Ахульго, Шамилю пришлось оставить там часть своей библиотеки. Он с болью в сердце прощался с любимым конем и книгами. «Он взял в руки книгу «Инсан ал-уйун»[3], переписанную Саидом-эфенди Араканским, хлопнул по ней другой рукой и с большим сожалением сказал: «В руки какого же врага ты достанешься?»[4]. По словам М.-Т. ал-Карахи, книги Шамиля «чуть не попали в руки русских, но были спасены при помощи находчивости благочестивого Мухаммада из Ашильты».

В доме Шамиля в Ведено был специальный кабинет, все четыре стены которого занимали стеллажи с книгами. В свободное время он работал в кабинете, который являлся и библиотекой. Данный пример исключительный, навряд ли среди известных полководцев мира был такой, который, как Шамиль, ведя тяжелую войну, штудировал книги и рукописи, т.е. занимался исследовательской деятельностью.

В 1859 г. при отступлении из Ведено к Гунибу книги везли на 17 лошадях. Книги вместе с вещами подвергались нападению грабителей. Часть книг оказалась у кунака казначея Шамиля в Карахе, который впоследствии вернул сыну Гази-Магомеду лишь небольшое количество книг. А после пленения все имущество Шамиля уместилось в пяти переметных сумах, проверка которых вызвала всеобщее удивление, потому что они были в основном наполнены книгами.

[1] Там же. С. 43.

[2] Часть библиотеки Шамиля обнаружена в США (благодаря проф. А.Р. Шихсаидову) и Франции.

[3] Популярная поздняя биография Пророка Мухаммада (а.с.), составленная *ал-Халаби*, иначе называемая «ас-Сира ал-Халабийа». / См.: *Крачковский И.Ю.* Новые рукописи истории Шамиля Мухаммеда Тахира ал-Карахи // Избранные сочинения. М.-Л., 1960. Т.VI. С. 598 (сноска № 4).

[4] *Ал-Карахи.* Указ. соч. Ч. 1. С.78.

После пленения Шамиль не жалел о потерянном богатстве, имуществе, оружии, но с большим сожалением говорил о разграбленных горцами книгах. Часть из них была найдена в разных аулах Дагестана и возвращена владельцу. 5 января 1860 г. вместе с семейством Шамиля в Калугу прибыла отдельная тройка лошадей, полная книг. Увидев свою библиотеку, имам обрадовался, как никогда[1].

Разбирая свою библиотеку, Шамиль обнаружил недостачу 48 книг, которые он хотел разыскивать при содействии князя Барятинского. Видимо, потом часть этих книг была возвращена владельцу разными путями, хотя они и составляли незначительную часть его богатой коллекции. В институте рукописей в Тбилиси хранится перечень сочинений, составляющих коллекцию Шамиля (Фонд Вейденбаума).

О душевном состоянии Шамиля в период посещения своего дома в Петербурге профессор Казем-Бек писал: «Два раза меня поразил его (Шамиля) глубокий вздох. Первый раз у меня, когда при обзоре моей восточной библиотеки он вспомнил, что у него была большая библиотека, которую совершенно разграбили его мюриды. Второй раз – у него, когда он описал смерть своего старшего сына Джамалутдина от боли в груди и кашля»[2].

Им был составлен каталог разыскиваемых книг, рукописей. Из Калуги его библиотека была вывезена в город Киев. Шамиль с симпатией относился к украинскому народу, называл Киев «Храмом православного мира».

Казем-Бека более всего поражала в нем любовь к разговору о науках, доступных дагестанским ученым. Шамиль со своим сыном расспрашивали его об ученых арабистах, их сочинениях, о том, какими книгами руководствуется он в преподавании восточных дисциплин.

Уезжая из Петербурга в Калугу, Шамиль попросил у ученого на время 15 сочинений из его библиотеки, чтобы «взять их с собой в Калугу, чтобы они служили мне там утешением»[3]. Казем-Бек выслал Шамилю не только эти книги, но и несколько других

[1] См.: *Руновский А.* Указ. соч.

[2] *Казем-Бек.* Указ. соч. С. 2.

[3] Там же. С. 4.

редких восточных рукописей, за которые Шамиль выразил ему искреннюю благодарность. В знак своего уважения к земляку ученый подарил ему несколько книг, в том числе свою работу «Мухтасаруль-викаят» (краткое изложение основ мусульманского законоведения), за которые Шамиль вновь выразил свою признательность в письме из Стамбула.

О безграничной любви к книгам, неуемной читательской энергии имама свидетельствуют его многочисленные встречи, беседы с учеными не только в период войны, но и после пленения в ссылке, с представителями русской интеллигенции, дворянства, многими образованными людьми России и за рубежом. Как известно, 26 сентября 1859 г. Шамиль прибыл в Санкт-Петербург, где ему показывали достопримечательности города: Невский проспект, 1-й кадетский корпус, где воспитывался его сын Джамалутдин, театр, Эрмитаж, Кронштадт и т. д.

«Из кадетского корпуса Шамиль отправился в Императорскую публичную библиотеку, где был встречен директором ея, бароном М.А. Корфом. Когда ему указано было на Остромирово Евангелие, как на древнейшую русскую рукопись, то он просил, чтобы ему открыли книгу, и рассматривал ее с особым вниманием. Директор вручил ему в дар богато украшенный ал-Коран, один из многих буклетов библиотеки. Шамиль чрезвычайно был тронут этим подарком, несколько раз прикладывался к книге и говорил, что прежде, когда он был богат, у него было много ал-Кораноов»[1].

В отделении иностранных писателей о России Шамилю показано было 22 сочинения о нем, изданных в разное время на языках: русском, польском, французском, немецком, английском, итальянском, голландском, шведском, венгерском и латышском. Это, очевидно, польстило его самолюбию, и он долго рассматривал свой портрет с автографом, помещенный в одном английском издании.

При прощании директор спросил: что ему более всего понравилось в библиотеке? «Осмотр мой, – отвечал Шамиль, – был слишком быстр, чтобы я мог сказать, что здесь всего примечательнее: но более всего меня поразила возможность собрать в одном месте столько источников знания, а более всего я благодарен за необыкновенное радушие и ласку, с которым был принят»[2].

Если верить версии, в Киевской Шамилевской библиотеке насчитывалось свыше 1000 томов. Книги, рукописи библиотеки

[1] «Шамиль в Санкт-Петербурге». Записки художника Тима // Русский художественный листок. СПб., 1859. № 31.

[2] Там же.

Шамиля обнаружены в ряде стран Востока, Европы и Америки. Основная часть книг, видимо, находится в Турции, Саудовской Аравии и других странах, где проживали сыновья, внуки, правнуки и последующие потомки имама, и также в России, Грузии и в Дагестане.

В библиотеке Шамиля были сочинения по грамматике арабского языка, логике, риторике, юриспруденции, этике, поэзии восточных авторов, суфизму, хадисам, жизнеописанию пророка Мухаммада, рассказы о его вознесении, трактат о родителях пророка, труды дагестанских авторов, в частности, Магомеда Ярагского, Саида Араканского, Джамалутдина Газикумухского, Абдурахмана Согратлинского и многих других. Среди его книг несколько сочинений, переписанных молодым Шамилем еще в 1823 г.

Сегодня книги из библиотеки имама Шамиля еще не собраны в одном месте. Часть из них находится в России, т.е. в Дагестане, Чечне, другая часть в библиотеке Принстонского университета США, отдельные книги в Турции, Сирии, Иордании, Израиле, Венгрии и Франции, и в частных коллекциях дагестанцев и чеченцев.

Важно очень досконально изучить историю этой библиотеки, выяснить, где и как, в каком состоянии находятся эти уникальные книги, и, безусловно, постараться собрать их в одном месте.

Ученые – соратники Шамиля

В Имамате отношение к крупным ученым было подчеркнуто благосклонным, и в этом огромная роль самого Шамиля. В Диван-Хане (высший Государственный Совет) было создано специальное учреждение – орган, который занимался науками, медресе, другими учебными заведениями и самими учеными, перспективными молодыми горцами, проявившими склонность к образованию и наукам, осуществлял государственную дотацию крупным ученым, выплачивал им жалование из казны Имамата.

Как отмечают многие исследователи, в период правления Шамиля в его государстве Имамат особенное развитие получили такие науки, как философия, история, математика, астрономия, народная медицина, законоведение, обработка металла, языкознание, логика, литература и особенно поэзия, которая в основном носила военно-патриотический характер, воспевала героизм и мужество горцев, их нечеловеческие страдания, неисчислимые потери.

Шамиль постоянно оберегал ученых, талантливых алимов, стараясь не привлекать их к военным действиям, не нагружать другими обязанностями, кроме как воспитанием и обучением молоде-

жи. Многие из них и их семьи были освобождены от налогов и повинностей, а также от военной службы. И все это впервые в истории Дагестана[1].

Еще одна своеобразная привилегия для ученых. Когда вставал вопрос, кого первым выкупить из вражеского плена или обменять – алима или неалима, – у Шамиля не бывало двух мнений. Характерным является следующий пример.

В 1842 г., при втором сражении в Кази-Кумухе с царскими войсками, «воины отступили, а затем, испугавшись, побежали, подобно диким ослам. Остались лишь спавшие в Кази-Кумухе. В числе тех, кто остался там, были ученый Хаджи Абдурахман Согратлинский, ученый Хаджияв Чиркеевский, сын Шахмардана, и ученый Чухалав Магарский. Они были взяты в плен и отправлены в Тифлис»[2].

Об удивительном и огромном уважении Шамиля к ученым говорит тот факт, что Шамиль обменял ученых на 2-х русских пленных офицеров. Между тем, он мог потребовать возврата своего сына из Петербурга или получить большой выкуп за пленных офицеров. Шамиль сказал окружающим его, что «умом любит ученых, а потому не хочет, оставив ученых в плену, получить взамен двух русских начальников ни сына, ни богатства»[3].

Имаматские ученые, когда это нужно было, участвовали в боях с врагом. В 1839 г. среди храбрых защитников Аргвани находился алим Курбанали Хваршинский, бурка которого была продырявлена в пяти местах. Он принимал участие в отражении четырех вражеских штурмов. По словам генерала Граббе, до штурма Аргвани никогда еще «не было такого ужасного побоища», как при Аргвани.

Ученые Имамата пользовались большим авторитетом и всеобщим уважением. Как признается Абдурахман из Газикумуха, он был лично знаком со многими из них. Он писал, что «одни из них были известны своей ученостью, деятельностью, происхождением: другие – без последнего (качества, но не все) они были столпами веры, как горы являются опорой земли. Для народа они подобны зрячему, являющемуся поводырем слепого, они были предводителями, как пастух в стаде, они были божьей милостью для народа, словно дождь для растений; они были их предводителями и

[1] *Рамазанов Х.Х.* Указ. соч. С. 206.

[2] См.: *Ал-Карахи.* Указ. соч. Ч. 1. С. 106-107.

[3] Там же. С. 107.

светом для них, их верой, их святыми. Имам любил их и уважал. *Если бы не они, не было бы у дагестанских имамов ни сабли, ни защитников веры*»[1]. Многие из них успешно работали во властных структурах советниками, наибами, муфтиями, кадиями, командирами воинских подразделений.

Шамиль привлекал известных ученых для разработки низамов. Так, в 1848 г. группа ученых из 27 человек приняла участие в составлении постановления о введении государственного порядка в Имамате. Имена всех 27 ученых установлены[2]. В состав названной группы ученых входили: Хаджи Абдурахман, Хаджи Дибир, Галбац, Халид, Юсуф, Мухаммад, Газияв, Мухамматилав, Мухаммадамин, Муса, Курбанали, Лаченилав, Аслан, Шамхал, Хадис, Хасан, Дибир – сын Хаджиява, Мухаммад, Давудхаджияв, Мухаммад Большой из Муни, Дибир, сын Инквачилава, Мухаммад, сын Хедилава, Дибир Буцринский, Хаджи Усман, Алихаджияв, Хаджияв, Кебед-Мухаммад[3].

Шамиль старался установить связи с известными учеными всего Дагестана. Примером могут служить его письма лезгинским ученым Хаджи Алискеру Цехюльскому, Алимухаммаду и Хаджи Насрулле Капирскому, которые начинали со слов «дорогим братьям»[4]. Насрулла Капирский прибыл в Имамат, принимал активное участие в боях и погиб в 1859 г. в Гунибе.

Шамиль добился широкого применения в Дагестане и такой практики, как взаимный обмен между разными учеными. Так, Мухаммад-Наби из Ахты, известный ученый, был приглашен на преподавательскую деятельность в столицу Имамата Дарго и одновременно назначен помощником кадия[5].

Ученые Имамата изучали вопросы философии, истории, математики, языкознания, законоведения, занимались поисками полезных ископаемых. Многие из них встречались друг с другом, обсуждали интересующие их проблемы. На своеобразных научных форумах часто проходили диспуты по острым вопросам философии, права, морально-этическим вопросам и т.д. Шамиль очень интересовался такими диспутами, а иногда сам организовывал их.

[1] *Абдурахман из Газикумуха.* Указ. соч. С. 83.

[2] *Айтберов Т.М.* Хрестоматия по истории права и государства Дагестана в XVIII-XIX вв. Махачкала, 1999. Ч. 1. С. 25-26.

[3] Там же. С. 105-106.

[4] Там же. С. 26.

[5] *Шихсаидов А.Р.* Памятники письменности Дагестана в XVIII-XIX вв. Махачкала, 1989. С. 5.

В силу сложившейся конкретной ситуации Шамиль ставил пред алимами и знатоками мусульманского права вопрос о более глубоком толковании отдельных норм шариата. Характерным является следующий пример. В осажденной крепости Салта Шамиль созвал совет алимов и попросил их обсудить вопрос: можно ли в критических обстоятельствах приурочить исполнение обязательных молитв к единому и удобному времени или должно совершать каждую молитву в свое назначенное время. Все сказали, что шариат не дозволяет пропускать молитву в свое время. Только один известный алим Загалав сказал, что можно соединить молитвы. Шамиль показал ему книгу Ибн-Хаджара, где говорится, что нельзя соединить молитвы. Загалав сказал: «Если бы в то время, когда Ибн-Хаджар писал сию книгу, налетали к нему вот эдакие штучки (указывая на летевшую по воздуху бомбу), поверь, он написал бы, что не только можно соединить две молитвы, но и написал бы, что при таких обстоятельствах целый год можно даже и совсем не молиться»[1]. Однако Шамиль и алимы решили придерживаться по данному вопросу предписаний шариата.

Непререкаемый авторитет в вопросах шариата имел Муртазали Гидатлинский (умер в 1866 г.). Абдурахман из Газикумуха называет его «совершенным, сведущим во всех науках ученым»[2]. Его называли также «главой ученого класса»[3]. Для обсуждения самых трудных вопросов шариата ученые собирались у него. Под его председательством обсуждались эти вопросы. При разногласиях между учеными он высказывал свое мнение, с которым все соглашались. Гидатлинский знал наизусть почти все основные книги о шариате.

Имам Шамиль постоянно общался с ученым миром Дагестана. Он часто писал письма алимам, кадиям, в которых касался широкого круга вопросов, связанных с образованием, наукой, нравственным воспитанием населения. Этим письмам, являвшимся образцом высокой человеческой мысли, свойственна четкость, ясность, точность, но отнюдь не категоричность. Шамиль никогда не прибегал в своих письмах к повелительной манере обращения к ученым, показывая им свое высокопочтительное отношение.

Он также добивался результативности науки. Эго видно из

[1] *Омаров Абдулла.* Дагестан: время и судьбы. Махачкала, 1990. С. 174-175.

[2] *Абдурахман из Газикумуха.* Указ. соч. С. 80.

[3] *Рамазанов Х.Х.* Указ. соч. С. 208.

следующего его высказывания: «Избавь меня, Аллах, от той науки, от которой нет пользы» или «Общение с учеными – целое наслаждение», «За ученого молятся на небе и на земле»[1].

Гасан Алкадари в «Асари-Дагестан» приводит имена более 20 мыслителей и ученых Дагестана за период с XVI до начала XX вв. Не зря в исламском мире Дагестан назывался «Бахр-аль-Ильм», т.е. «Море науки»[2].

Абдурахман из Газикумуха в своей книге «Воспоминания» посвятил целую главу ученым, многие из которых являлись и наибами.

Один из них Абдурахман-хаджи (1792-1882) из Согратля, «поклоняющийся, благочестивый, чистый»[3] учитель и политический советник Шамиля, окончивший египетский университет Аль-Азхар. Он был учеником Мухаммада Ярагского и Джамалутдина Казикумухского, а его генеалогия восходила к роду пророка. Как один из истинных лидеров, он отчетливо представлял, что идет против империи-исполина, не испугался предстоящих трудностей и с честью выполнил выпавшую на его долю историческую миссию. Будучи незаурядной, энциклопедических знаний личностью, он сыграл важную роль в подготовке и проведении в Имамате разносторонних реформ, в деятельности Государственного Совета, общеимаматских съездов, в подборе кадров на административные, военные, судебные должности. Абдурахман-Хаджи принимал участие в боевых действиях. Царское командование многократно пыталось перетянуть его на свою сторону, но он был неподкупен.

Ташев-Хаджи родился в Эндирее, учился у разных алимов, в том числе у Магомеда Ярагского, хорошо изучил ислам, был в Мекке, служил муллой своего родного аула. Был влиятельным сподвижником всех трех имамов, активно участвовал в военных действиях, пользовался огромным авторитетом в Дагестане и Чечне, где также были родственники.

В 1834 г. после гибели Гамзат-бека среди кандидатур на пост имама был и Ташев-Хаджи. Он был в числе немногих, с кем Шамиль советовался в делах. Большую роль в восстании 1840 г. в Чечне сыграл именно он. Он захватил в Герзель-ауле 8 пушек противника, его наибство продолжалось до 1843 г. Обстоятельства его

[1] Там же.

[2] Дагестан на рубеже веков: приоритеты устойчивого и безопасного развития. М., 1898. С. 204.

[3] *Абдурахман из Газикумуха.* Указ. соч. С. 82.

смерти неизвестны, похоронен в Чечне, в селении Саясан. По одной из версий, он отошел от вооруженной борьбы в связи с преклонным возрастом и посвятил себя до самой смерти религии.

Ахверди-Магома родился в Хунзахе в узденской семье, был учеником Магомеда Ярагского. С 1835 г. стал активным, предприимчивым сподвижником Шамиля. В 1839 г. во главе чечено-аварского отряда самоотверженно сражался в Ахульго. С 1840 г. – наиб в Чечне. В официальных русских документах его нередко называли вторым Шамилем. В 1842 г. главнокомандующий Кавказской армией Головин приказал организовать его убийство и назначил вознаграждение за это. В 1843 г. Ахверди-Магома скончался от ран, похоронен в Чечне.

Мухаммад-Тахир родился в 1809 г. в ауле Цулда, прошел обычный путь пытливого мутааллима, расширяя и углубляя свои знания по различным предметам, обучаясь у известных алимов Кородa, Моксоха, Гидатля. Он стал одним из авторитетных ученых своего времени. Судьба связала его с Шамилем, семь лет он работал в резиденции Шамиля Ведено его секретарем, с его помощью написал ценную работу по истории борьбы горцев Дагестана и Чечни. Он был не только историком, но и правоведом и поэтом.

Очевидец Абдурахман из Газикумуха писал, что Мухаммад-Тахир ал-Карахи был самым безупречным из наших ученых (по части) знаний и дел, самый набожный, самый богобоязненный, самый далекий от взяток, самый справедливый в решениях, за что его очень любил Шамиль[1].

Шуаиб-мулла родился в 1803 г. в Чеченском ауле Большола. Отец его был состоятельным, славился своей ученостью. Шугаиб-Мулла с детства проявил большие способности к учебе. В 1838 г. сблизился с Ташев-Хаджи, завоевал его доверие умом, храбростью. В 1840 г. во главе отряда воинов явился к Шамилю, стал наибом Мичиковского участка, отличался твердостью характера, умением обращаться с подвластным населением, четко исполнял предписания. О нем говорили, что он пользуется хорошим отношением имама, его чеченцы уважают и боятся[2]. Он сильно отличился в сражении с генералом Граббе в 1842 г. в Ичкерии, захватил много трофеев. В 1844 г. погиб в ауле Центорой.

В Имамате было немало алимов, которые занимались историческими сюжетами, создавали свои труды на арабском языке и

[1] См.: *Абдурахман из Газикумуха.* Указ. соч.

[2] *Рамазанов Х.Х.* Указ. соч. С. 87.

на языке «аджам», т.е. на дагестанских языках, но на основе арабского письма. Дагестанские исследователи называют Гасана Кудалинского (старшего), Шабана из Обода, Дауда из Усиша, Дибиркади из Хунзаха, Мухаммада из Яраги, Гасана из Кудали, Муртазали из Урада, Джамалутдина из Газикумуха, Зейда из Куркли, Курбана из Аргвани, Мухаммад-Тахира ал-Карахи и др.[1]

Некоторые ученые занимались даже астрономией и имели в этой области определенные успехи: Дамадан Мегебский, Махад Эфенди Чохский, Абдулла Согратлинский, Сулейман Кумухский и другие[2].

Крупный ученый Хаджиали из Аргвани был автором комментариев по основам веры. Другом и сподвижником Шамиля был выдающийся тарикатский деятель Нурмагомед из Инхо. Известный этнограф Маркграф писал: «Нигде арабская грамота и Коран не имеют таких толкований, как в Дагестане»[3].

Будучи выразителями интересов узденских масс, эти ученые-мыслители поддерживали антифеодальные действия имамов и их наибов. Они ненавидели феодалов, которые, «не стыдясь бога, совершали беззаконие и произвол по отношению к горцам». Истребление Гамзат-беком и Шамилем ханов, беков и «другой преступной знати», по мнению Мухамеда-Тахира ал-Карахи, было прогрессивным актом.

Они также выступали с резкой критикой Саида Араканского, Юсуфа Яхсайского (Аксаевского) и других представителей высшего духовенства, которые, по их мнению, говорили о нереальности и бесперспективности борьбы с царизмом, пытались расколоть движение горцев.

Ученые – противники Шамиля

Царское военное командование широко применяло против горцев параллельно с военными методами так называемые «гибкие средства»[4]. Среди них значительное место занимала «работа с местным духовенством, всегда представлявшимся одним из главных тормозов в деле умиротворения края»[5]. Цель заключалась в

[1] Арабская рукописная книга в Дагестане. Махачкала, 2001. С. 10.

[2] *Абдуллаев М.А.* Из истории научной и педагогической мысли досоветского Дагестана. Махачкала, 1986. С. 72.

[3] *Рамазанов Х.Х.* Указ. соч. С. 210.

[4] Там же. С. 109.

[5] *Леонтович Ф.И.* Адаты кавказских горцев. Одесса, 1882. Вып. I. С. 34.

создании оппозиции из духовных деятелей руководству борьбы горцев путем подкупа, заигрывания, установления пенсий. Военному командованию удалось завербовать тех духовных деятелей, которые стали на путь предательства национальных интересов своих народов.

Царские власти учли при вербовке национальный момент для лучшей организации подрывной работы в многонациональном крае. Колониальной военщине активно помогали Зухум-Кади (даргинец), Саид Араканский (аварец), Мирза-Али Ахтынский (лезгин), Гаджи-Юсуф Аксаевский (кумык), Сулейман-Эфенди (чеченец), Тажудин Мустафин (татарин) и другие.

Выплаты из казны производились не просто: взамен требовали открыто выступить против восставших горцев и всячески дискредитировать их вождей по принципу «кто платит, тот и музыку заказывает». Между тем, отдельные публицисты и историки, игнорируя давно и хорошо известные факты измены и продажности этих лиц, утверждают, что они «заботливо хотели отвести от дагестанцев ужасы войны» с царскими войсками.

В 1819 г. генерал Ермолов отстранил неугодного кадия в Акушах, назначил на его место Зухума-Кади и определил ему жалование в 600 рублей в год. Зухум-Кади обожал генерала Ермолова, несмотря на погром, учиненный им даргинцам в 1818-1819 гг., и ликвидацию уцмийства Кайтагского, и писал ему верноподданные письма. Из рапорта командующего Кавказской армией генерал-адъютанта Нейдгардта военному министру России Чернышову от 23. III. 1844 г. видно, что у акушинцев конфисковали «14 тыс. баранов, около 147 кобылиц и 100 штук другого скота» на зимних кутанах шамхальства. Весь скот распределили, кроме 3600 баранов, принадлежавших бывшему акушинскому кадию Зухуму, который «постоянно действовал и действует в нашу пользу и сообщает тайно генерал-майору фон Клюгенау и генерал-майору князю Аргутинскому о происходящем между соплеменниками его»[1]. Таким образом, Зухум-Кади свыше 25 лет «сотрудничал» с царскими войсками, т.е. являлся платным агентом.

В 1844 г. Шамиль отправил письмо акушинцам с просьбой более активно участвовать в борьбе. Оно было оглашено всему обществу. При обсуждении письма Зухум призывал земляков не выступать против царских войск.

[1] ДГСВК. Махачкала, 1959. С. 456-457.

В полной мере старался удовлетворить своих «заказчиков» завербованный Ермоловым крупный алим Саид Араканский, который был учителем всех трех имамов. Это была большая победа Ермолова. По словам генерала, Араканский «совершенно оправдывал» пенсионное жалование[1].

В 1833 г. Саид Араканский написал письмо Аслан-хану Казикумухскому, где говорится, что имам Гамзат-бек «отошел от магометанского шариата», разрушил его дом, ограбил библиотеку из 700 томов, уничтожил все посевы и сады лишь на том основании, что он (Гамзат-бек) отстаивает шариат». Далее в письме говорилось: «Ты являешься вроде души в моем теле»[2]. Трогательная душевная близость жестокого и свирепого хана и завербованного царского агента[3].

Араканский сообщал преемнику генерала Ермолова фельдмаршалу Паскевичу подробности избрания Гази-Магомеда имамом: «он молод, энергичен, смел и воинствен и находится в родственных отношениях с «возмутителем спокойствия» муршидом Ярагским»[4], который живет в Койсубулинском участке Аварии. «Сотрудничество» Араканского продолжалось с преемником Паскевича бароном Розеном[5]. Он неоднократно сообщал генералам секретные сведения о предстоящих военных походах горцев. В 1832 г. Араканский послал своих гонцов к генералу Клюки фон Клюгенау сообщить о предстоящем походе Гази-Магомеда в Эрпели и Каранай. По словам Розена, Араканский ревностно старается вооружить общество против Кази Муллы, особенно же увеличил он к этому усилия, получив уведомление о высочайшем пожаловании ему пенсии. При личной встрече Араканский получил от Розена

[1] *Рамазанов Х.Х.* Указ. соч. С. 111.

[2] ДГСВК. С. 129.

[3] Саид Араканский принимал деятельное участие в «ханском восстании» 1819 г., призывал дагестанцев к газавату. Но после смерти Гасан-хана Мехтулинского и Султан-Ахмед-хана Аварского разуверился в возможности сопротивления царизму, тайно встречался в селении Казанище с ген. Ермоловым при посредничестве тарковского шамхала / См.: *Гаммер М.* Указ. соч.

[4] Имам Гази-Магомед был женат на Хафсат, дочери М. Ярагского. Хафсат – мать известного ученого Гасана-эфенди Алкадарского. Со слов Нурмагомедова М.-Араканского, Хафсат была беременна, когда был убит первый имам. О том, что у имама есть сын, все тщательно скрывали от царских властей. Да и самому Гасану Алкадари не было резона «открываться» перед властями, тем более он работал наибом при царизме. Именно поэтому данные о дате рождения в его метрике были изменены.

[5] См.: *Рамазанов Х.Х.* Указ. соч.

задание подробно сообщать о ближайших планах имама и заодно кошелек в счет настоящей и будущих «услуг». В 1832 г. в войсках Розена, сражавшихся в Гимрах против имама, был Араканский. Когда имам Гази-Магомед погиб в сражении, то, по совету Араканского, барон Розен не разрешил хоронить его в родном ауле Гимры, боясь, что его могила станет местом паломничества горцев. Он был похоронен в Тарках.

В 1846 г. Шамиль направил к западным горцам в качестве наиба Сулеймана Эфенди, который активно и успешно руководил их борьбой. Вскоре он перешел на сторону царизма, выступил в газете «Кавказ» со статьями против учения Шамиля. «Опровержения Шамиля», написанные Сулейманом-Эфенди, срочно отпечатали в тысячу экземпляров и распространили в Дагестане и Чечне[1].

В первой половине XIX в. цудахарский кадий Арслан получал жалование из царской казны[2]. В 1847 г. Магомед-Кади Акушинский написал письмо Шамилю, где говорилось: «Ты, кажется, сбился с пути, творишь наибезобразнейшее из безобразных вещей, создал в Дагестане бойню. Дагестан не в силах воевать с русскими и изгнать их из Дагестана даже в том случае, если все народы Дагестана душой и языком объединятся»[3].

Осуждал действия Шамиля и его наибов поэт Мирза-Али Ахтынский, который в свое время учился у Саида Араканского теории поэзии и основам юриспруденции. В 1839 г. он стал кадием Самурского округа, т.е. официальным царским чиновником, и рьяно поддерживал колониальную политику русского царизма.

Враждебное отношение к справедливой борьбе горцев и их вождям проявил Юсуф из Аксая, который яростно защищал царизм и его политику на Кавказе, получая за это пенсию от царя. Он имел 2500 десятин земли, три зависимых аула и рабов, которые убежали в Имамат и были там освобождены Шамилем. Юсуф учился у Саида Араканского, знал несколько языков, сочинял стихи. Талантливый ученик, как и талантливый учитель, дружно поставили звонкую царскую монету выше национальных интересов дагестанских и кавказских народов.

[1] Имеется и другая версия: Сулейман-Эфенди был убит царскими властями, а от его имени публиковались статьи. Никто не видел Сулеймана, неизвестно, где он похоронен.

[2] *Магомедов Р.М.* Общественно- экономический и политический строй Дагестана в XVIII – начале XIX веков. Махачкала, 1957. С. 138.

[3] ДГСВК. С. 561-562.

Как бы то ни было, агентом из духовных лиц так и не удалось подорвать позиции муршидов, имамов и наибов. Их деятельность оказалась в целом бесплодной. Руководители горцев, как большие знатоки ислама, мусульманского права, легко парировали аргументы и суждения незадачливых оппонентов и показали, что они выполняют всего лишь заказ русского царизма за плату.

Профессор Х.Х. Рамазанов пишет по этому поводу: «Считаем нужным высказать свое мнение относительно того, что будто бы в период борьбы горцев «Дагестан раскололся». В качестве аргумента ссылаются на позицию купленной кучки духовных лиц и отдельных алимов. Нам представляется, что не Дагестан раскололся, а завербованные русским царизмом антипатриоты объединились, боясь лишиться «царского пенсиона». Дагестан не был политическим целым. Как известно, раскалывается единое целое на части. Что же касается дагестанских народов, то они принимали, несмотря ни на что, участие в борьбе против колонизаторов в той или иной форме»[1].

Обобщив весь вышеизложенный материал, можно сделать следующие выводы.

Во-первых, образование и наука занимали значительное место во внутренней политике Шамиля. Им уделялось много внимания и средств. Шамиль старался их материально поддержать и ставил подобную задачу и перед своими наибами.

Во-вторых, были достигнуты положительные перемены в указанных областях. Своеобразным примером может служить хотя бы Мухаммед-Амин, который силой слова и ума, как говорится, без «единого выстрела» сумел объединить 12 идеологически чуждых ему народов Западного Кавказа и возглавить их борьбу против колониальной политики царизма.

В-третьих, развитие культуры происходило в период непрерывной оппозиции сильному противнику. И тут можно говорить о своеобразной идеологической борьбе двух культур – западной и восточной, и в случае поражения второй, полагаю, Кавказская война закончилась бы намного раньше, а может быть, даже и не началась бы.

В-четвертых, уникальным следует считать то, что в труднейшие годы войны в Имамате получил развитие культ знаний. Это редчайший факт в мировой истории. Знания, образование, наука были возведены в ранг святости, всячески поддерживалась

[1] *Рамазанов Х.Х.* Указ. соч. С. 115.

талантливая молодежь, создавались все возможные условия, чтобы она занималась науками: ученые были освобождены от налогов; государство осуществляло дотацию крупным ученым. Впервые была предпринята попытка ввести всеобщее начальное образование по инициативе государства.

В-пятых, если взять в комплексе все нововведения в области культуры и всей социально-экономической и политической жизни народов, то правомерно говорить о своеобразной имаматской цивилизации.

VI. Интернациональная политика и толерантное отношение к иноверцам

Известно, что в движении горцев под предводительством Шамиля принимало участие немало беглых царских офицеров и солдат. Согласно показаниям бежавшего из плена рядового Максимова, в Дарго было до 500 человек беглых солдат,..., которые употреблялись Шамилем для прислуги при орудиях...[1] (эти данные относятся к периоду до 1845 г. – Ю.Д.). Кроме того, по свидетельству современников, у имама был целый батальон, состоящий из русских и польских солдат. Имеющиеся в нашем распоряжении фактические материалы убедительно подтверждают, что имам высоко ценил и всячески оберегал русских солдат и офицеров, перешедших на сторону борющихся горцев. Если раньше они жили в семьях горцев или в отдельных аулах под присмотром наибов, то в Дарго и новой столице Дарго – Ведено Шамиль старается создать для них все возможные условия жизни. Он выделил им землю, помогал строить дома, церковь, школу. Само собой понятно, что русские солдаты и офицеры отвечали имаму взаимностью. Пристав при Шамиле был очевидцем, как в Калуге к имаму приходили бывшие у него в плену солдаты. Один из них, увидев Шамиля, бросился к нему, схватил его руку и поцеловал. «Скажи, пожалуйста, зачем ты поцеловал у Шамиля руку? Ведь же не твой хозяин... В горах, может быть, вас и принуждали к тому, ну а здесь для чего ты это сделал?» - «Не, ваше благородие, - отвечал бывший пленник, - нас не принуждали целовать у Шамиля руку, а я это сделал так, по душе», - «Как это по душе?» - «Да, так, ваше благородие, что человек то он стоющий: только там пленным и бывало хорошо, где Шамиль жил, али где проезжал он. Забиждать нас не приказывал нашим хозяевам, а чуть бывало дойдет до него

[1] РГВИА. Ф. ВУА. Д. 6539.Л.8

жалоба, сейчас отнимет пленного и возьмет к себе, да еще, как ни на есть и накажет обидчика. Я это сам видал сколько раз». «Так он хорош был для вас, для пленных? – «Хорош, ваше благородие, одно слово – душа! И дарма, что во Христа не верует, одначе стоющий человек!»[1]

В своем письме наибам из новой столицы Дарго в 1840 г. об отношении к перебежчикам Шамиль писал: «Знайте, что те, которые перебежали к нам от русских, являются верными нам и вы тоже поверьте им. Эти люди являются нашими чистосердечными друзьями. Явившись к правоверным, они стали также чистыми людьми. Создайте им все условия и возможности к жизни».[2] Впервые в истории на Северо-Восточном Кавказе появляются новые поселения, вернее столица нового государства Дарго, – в котором веротерпимость, межнациональные браки между представителями разных религий становятся реальностью, более того охраняются законом. И тогда в государстве, прежде всего, столице Шамиля, самым главным становится социальная справедливость, свобода, независимость и права каждого человека.

Слава о Шамиле, о его справедливом и демократичном государстве доходила и до царских крепостей и укреплений, и многие солдаты и офицеры, прошедшие через жестокие и кровопролитные сражения с горцами, видевшие их героизм, отвагу, любовь к свободе и своей отчизне в душе симпатизировали им, болели за них, поддерживали их и считали справедливой их борьбу против царских колониальных войск. Особенно ярко такие настроения появились среди русских офицеров и солдат после битвы на Ахульго, где горцы проявили невиданные чудеса храбрости, героизма и стойкости, защищая свои бедные и суровые каменные скалы и горы.

С началом нового этапа борьбы горцев за свою свободу в 1840 г. и растет число перебежчиков из царских крепостей и укреплений на сторону свободолюбивых народов Дагестана и Чечни. Это серьезно беспокоило царское командование. Об этом свидетельствуют многочисленные документы. Чтобы не быть голословными, приведем один из них.

В рапорте начальника левого фланга Кавказской линии генерал-майора Ольшевского генералу-лейтенанту Граббе о мерах предотвращения дезертирства нижних чинов от 9 января 1842 г.

[1] АКАК. Т. XII. С.1301; Руновский А. Записки о Шамиле. Махачкала. 1989. С.62-63.

[2] ДГСВК. С.291-292.

под грифом «весьма секретно» отмечается: «Вашему превосходительству (в тексте В.пр. –Ю.Д.) известно, что до сих пор наши военные дезертиры считались у чеченцев ясырами и принуждены были исполнять самые трудные работы. Каждый военный дезертир составлял собственность того чеченца, которым был пойман.

Ныне Шамиль изменил этот народный обычай и постановил давать свободу всем военным дезертирам. Он собрал уже до 80 человек[1] беглецов, из коих некоторых, если они находились у сильных людей купил, а остальные насильно отобрал. Шамиль составил при себе из этих людей стражу, дал им оружие и отвел им землю в Даргах для поселения, но пока они выстроят себе дома, Шамиль дозволил им жить у кунаков.

Дурное обращение чеченцев с нашими военными дезертирами удерживало многих неблагонадежных солдат и в особенности поляков от набегов; но если теперь они узнают, что Шамиль дает свободу дезертирам, то я боюсь, что побеги увеличатся. Я помню, что в экспедиции за Кубанью в 1834 г. чрезвычайно много бежало поляков, но побеги уменьшились, кода поляки узнали, что шапсуги дурно с ними обращаются, и изнуряют тяжелыми работами.

Если мои опасения окажутся справедливыми, то я полагал бы для удержания солдат от побегов первых пойманных дезертиров расстрелять. О чем имею честь представить на благоразумие в пр. доношу, что я с сим вместе предписал все частным начальникам усугубить надзор за ненадежными солдатами и доложить мне тот час о тех, кои учинят побег».[2]

Царское командование принимало самые жестокие меры к солдатам и офицерам, переходившим добровольно на сторону Шамиля. После 1840 г. к Шамилю бежали не только русские и поляки, венгры, финны, но и многие дагестанцы, служившие у феодальных владетелей, ханов и беков, в том числе и сами состоятельные владетели и беки. Если к последним Шамиль не испытывал большого доверия, а русским, полякам и другим перебежчикам из царских крепостей доверял во всем, помогал им всеми способами обустроить свою жизнь в столице Дарго и других населенных пунктах. Они, в свою очередь, отвечали ему верной службой и, как показала жизнь, среди них редко бывали предатели.

[1] По нашим данным, собранным в ходе полевых экспедиций и из источников на чеченском, аварском и других языках народов Дагестана к началу 1843 г. на территории Имамата в разных аулах, прежде всего, в столице Дарго было не 80, а свыше 500 беглых русских солдат и офицеров. (См.: ДГСВК. С.365)

[2] ДГСВК. 1959. С.329-330.

Командование царских войск на Кавказе по указанию императора Николая I шло на любые меры с целью приостановить массовый переход своих солдат и офицеров на сторону горцев. Дело дошло до того, что в августе 1842 г. Николай I издал специальный указ за № 847, в котором он «повелевать соизволил: дабы местное начальство требовало возвращения воинских чинов, скрывающихся у горцев, изъявивших нам покорность, но отнюдь, не выкупая их, старалось соглашать непокорных к выдаче дезертиров за соль».[1]

Когда Шамилю поступили такие предложения, он сказал примерно следующее: «Мы сильно нуждаемся в соли, терпим многие неудобства из-за того, что в горах мало соли, вынуждены через царские крепости на равнине доставать ее за огромные деньги. Но мы обойдемся без соли, и можем даже умереть от голода, чем предавать наших русских, перешедших добровольно к нам на помощь».[2]

Говорят, что после этого поток русских перебежчиков к Шамилю еще усилился. К 1845 г. в столице Дарго и других местах у Шамиля было уже около 1000 беглых солдат и офицеров, среди которых были, кроме русских, поляки, венгры, финны и другие.

В ходе работы в архивах Москвы, Санкт-Петербурга, Махачкалы и других городах России и также за рубежом дагестанские ученые-кавказоведы, сотрудничающие с Культурно-Историческим Обществом «Фонд Шамиля» не обнаружили ни одного факта, чтобы Шамиль согласился на обмен своих русских солдат и офицеров на соль.[3] Более того, он приказал своим наибам создавать все возможные условия для их нормальной жизни, сам оберегал их, строго наказывал тех, кто допускал малейшее неуважение им,

[1] ДГСВК. С.356-357

[2] Данные собраны в ходе полевых экспедиций по селам Дагестана и Чечни 1990-2005 годы

[3] Культурно-историческим обществом «Фонд Шамиля», созданного в 1990 г. для изучения истории Кавказской войны, в том числе эпохи Шамиля и его наследия, за эти годы издано с выше 100 монографий, сборников документов, книг и брошюр, введено в научный оборот значительное количество архивных документов. Под девизом «Дайте Кавказу мир, не ищите земного рая на Евфрате. Он здесь», проведено большое количество культурно-массовых мероприятий, научно- практических конференций, семинаров и симпозиумов. В Дагестане в городах России, ближнего и дальнего зарубежья установлено свыше 200 памятников, мемориальных досок, открыто сотни уголков, посвященных Кавказской войне, сохранению мира и стабильности на Кавказе, как мощного фундамента единства и нерушимости России.

неправомерные действия в отношении кого-нибудь из них. Они жили намного в лучших условиях, чем дагестанские и чеченские семьи, и не хуже чем гвардейцы Шамиля муртазеки.

По указанию Шамиля в Ведено была построена церковь, старообрядческий скит для гребенских казков, перешедших на сторону горцев. С левой стороны столицы рядом с древним курганом построена была русская часть столицы, т.е. «Русская слобода» в центре которого была построена церковь со школой для русских детей, бывших безграмотных крепостных солдат.

В школе, за счет казны государства, бывшие царские офицеры обучали грамоте своих соплеменников. Недалеко был польский квартал из нескольких домов с аккуратным деревянным костелом для поляков-католиков, чуть ниже, примыкая к лесу, был квартал гребенских и других старообрядцев, перешедших на сторону Шамиля в количестве 30 семей. За счет казны Шамиль помог им построить красивейший скит. На левой стороне от столичного базара, где размещались торговые лавки 8 еврейских семей (таты, горские евреи), имевших специальные грамоты – разрешение Шамиля на свободное ведение торговли на территории Имамата, была построена синагога. Особую заботу о них проявлял не только Шамиль, но и его самый близкий друг Юнус из Чиркея, жена которого Зайнаб была еврейкой. Здесь же жило около 800 русских, украинцев, поляков, венгров, финнов, перешедших к Шамилю, они чинили орудия, подковывали коней, исполняли разные другие работы, получая жалованье из казны Имамата. Всем перебежчикам к Шамилю давали свободу и право гражданина государства. «Из бывших русских солдат были сформированы артиллерийские команды и отдельный шамилевский батальон. Казаки же вместе с чеченцами служили в кавалерии».[1]

В селении Гендерен Ножайюртовского района в августе 1994 года мы записали рассказ 82-летнего Нажмудина Темиргереева, участника Великой Отечественной войны 1941-1945 гг., инвалида 2 группы. Его прадедушка Хату был наибом Шамиля. Абдурахман писал о нем: «В районе Аух наибом был Хату. Это был авторитетный человек, управлял он справедливо. После его смерти на его место вступил его брат Хати, храбрый, распорядительный и умелый».[2]

Темиргереев Нажмудин поведал нам о том, «что наиб Хату

[1] Долхан Хожаев. Чеченцы в русско-кавказской войне. Грозный. 1998. С.150
[2] Абдурахман из Газикумуха. Книга воспоминаний. Махачкала. 1997. С.74.

по поручению имама Шамиля ездил к барону Николаи в Герзель-аул вместе со священником отцом Алексеем и они привезли разную церковную утварь и духовые инструменты для вновь построенной церкви в столице Дарго-Ведено. Это Алексей был среди чеченцев с начала кавказской войны, он свободно владел чеченским, и кумыкским языками. Некоторые чеченцы называли его «русский мулла», он пользовался большим уважением и авторитетом среди христиан, католиков, иудеев и мусульман, живших в столице, за его высокую порядочность, доброту и любовь к людям. Шамиль уважал и оберегал его, и всегда помогал церкви из казны. Как сложилась его судьба в дальнейшем нам не удалось узнать».[1]

Дарго-Ведено была самой многонациональной, многоконфессиональной столицей свободного и интернационального государства на территории Северо-Восточного Кавказа. Как в одной семье здесь жили представители всех народов Дагестана: аварцы, даргинцы, лакцы, лезгины, кумыки, азербайджанцы, агулы, рутульцы, ногайцы; другие северокавказские народы – чеченцы, ингуши, черкесы, кабардинцы, карачаевцы, а также представители других государств: турки, арабы, грузины, армяне, узбеки, казахи, таджики, татары, башкиры и многие другие. Они жили наравне с горцами и при своей вере, вместе строили и защищали свою столицу.

Дарго-Ведено была по настоящему интернациональной столицей Имамата, равной которой не было за всю историю на Кавказе. В государстве Шамиля, в первую очередь в столице, малейшее проявление национализма считалось преступлением, а интернационализм, веротерпимость, уважение прав и свобод человека было возведено в высший ранг, считалось самым главным инструментом существования Шамилевского государства. В Государственном Совета (Диван-хана), который являлся высшим органом исполнительной власти, наряду с другими органами было создано и успешно функционировало управление по делам христиан, покровительству веротерпимости. Сам Госсовет был одновременно интернациональным по своему составу. Среди 32 членов Государственного Совета кроме аварцев, чеченцев, лакцев в разное время были кумыки, даргинцы, лезгины, ингуши, кабардинцы, ногайцы, азербайджанцы, рутульцы и представители других наций. Шамиль уделял особое внимание сохранению веры, обычаев и традиций каждого народа, заботился об этом

[1] Из полевого дневника автора, записанного в селении Гендерген Ножайюртовского района Чеченской Республики в августе 1994 года.

повседневно. В его доме была специальная комната, где проходили важные совещания и хранилась уникальная библиотека. Шамиль помогал иноверцам приобретать нужные книги, учебники для школ, духовые инструменты и утварь для исполнения религиозных обрядов. Здесь можно было достать газеты «Русский инвалид», «Кавказ» и даже журналы, которые Шамиль читал с переводчиком, а после отдавал в библиотеку или русской школе. Особое внимание Шамиль уделял семьям солдат и офицеров, добровольно ставших гражданами государства Имамат. Он помогал строить дома, создавать свой быт, выделял землю, деньги на приобретение необходимого инвентаря и скота, каждый житель столицы, независимо от национальности и вероисповедания чувствовал на себе заботу Шамиля и его сподвижников. Это было государство, в котором не было места национализму и религиозно-расовым ущемлениям.

При строительстве церквей, костелов, школ, оружейных и пороховых заводов, административных зданий и жилых домов все помогали друг другу. Например, при строительстве медресе в строительстве участвовали русские солдаты, польские офицеры. Необходимые для школы инвентарь, книги, бумагу, чернила, карандаши привозили из-за кордонной линии евреи-купцы, а руководителем медресе, основным преподавателем был известный ученый лезгин из аула Ахты Мухаммеднаби, «он же был одновременно помощником столичного кадия Талхата из Буцры».[1] Когда сын Шамиля Джамалудин в 1855 г. строил себе жилой дом в русском стиле, в столице, строительством руководил бывший царский офицер, принявший ислам Идрис, а на строительстве работали горцы, чеченцы, бывшие царские солдаты. Как писал Абдурахман: «Дом построили по русскому образцу, с большими застекленными окнами, дверьми и печами, дверные и оконные ручки были из бронзы. Эти и другие материалы для дома через письма на русском языке он попросил у генерала барона Николаи посылая серебро».[2]

«Принявшие ислам солдаты могли жениться на горянках, остальные устраивали быт по своему желанию. Православные добывали себе жен в набегах. А порой сюда являлись целые семейства казаков с просьбой принять их на жительство. Шамиль принимал всех, помогал обустраиваться, давал работу и землю. Мастеровые получали от Шамиля хорошее жалованье».[1] Шамиль

[1] Абдурахман из Газикумуха. Указ.соч. С.79.
[2] Там же. С.175.

выделял из казны деньги евреям-купцам, которые привозили в столицу все необходимые промышленные товары, вплоть до металла, свинца, оружия и книг. Еврейскую общину в столице возглавлял, по преданию, известный в Дагестане и Чечне и на Кавказе Шими-Яхья из Тарки.

«Понимая, что жизнь без развлечений превратит Ведено в подобие монастыря, Шамиль учредил соревнования в борьбе, стрельбе, метании камня, прыжках и других видах горских состязаний. Главным же зрелищем были скачки, к которым горцы питали врожденную склонность. Призы лучшим джигитам Шамиль установил из собственных средств. Победители получали десять, пять или три рубля серебром, а если победителем становился мюрид – то ему полагался бык. Кроме природного пристрастия, Шамиль видел в скачках средство побуждения горцев к более тщательному уходу за лошадьми.

В окрестностях Ведено регулярно проводились учения, испытания новых орудий и снарядов.[2]

VII. Внешняя политика Имамата

Внешние связи и сотрудничество с народами Северо-Западного Кавказа. Контакты со странами Европы: Англией, Францией, и Востока: Турцией, Египта.

Установлено, что уже в 1831 г. первый имам Гази-Магомед предусматривал создание единого государства всех народов Северного Кавказа. Однако эту идею он не успел даже поставить в порядок дня. Гамзат-бек, как известно, таких планов не вынашивал. Только Шамиль поставил и решился реально осуществить эту очень сложную, но чрезвычайно важную задачу.

Первым лицом, командированным на Северо-Западный Кавказ, был Хаджи-Магомед. Он прибыл к абадзехам в мае 1842 г. и тотчас же приступил к выполнению поставленной перед ним задачи: принялся за агитацию принципов мюридизма[3], энергичное и успешное распространение шариата[4]. Он декларировал не только

[1] Шапи Казиев. Имам Шамиль. Москва. 2003. С.175
[2] Там же. С.175.
[3] *Соколов Д.* Хаджи-Магомед – сподвижник Шамиля (историческая справка) // Кубанский сборник. Екатеринодар. 1904. Т. XI. С. 53.
[4] *Рамазанов Х.Х.* Эпоха Шамиля. Махачкала, 2004. С. 249.

религиозное, но и социальное равенство, освобождение рабов и зависимых, замену адата шариатом, организацию постоянных отрядов и так называемых «муртазиков»[1]. Тем более, что складывающаяся обстановка объективно способствовала успехам мероприятий Хаджи-Магомета.

В августе 1842 г. царскими войсками была предпринята экспедиция на реку Сунжу с целью уничтожения посевов и разорения абадзехских аулов. Эти действия кавказского командования убедили Хаджи-Магомета в том, что даже одно сильное адыгское подразделение не в состоянии бороться с русским войском и что закубанские народы могут состязаться со своим могущественным противником, отстаивая свою независимость, только тогда, когда между ними будет согласие. «Это заставило Хаджи-Магомета изменить план действий, и он решил избегать сражений с царскими войсками»[2]. Главная причина несогласия между горскими народами Северо-Западного Кавказа, по мнению посланника имама, состояла в характере общественной жизни горцев и несходстве их обычаев. Поэтому он решил сконцентрировать свою деятельность на ломке старого общественного уклада. Однако он недооценил особенностей социальной структуры племенных образований Западного Кавказа.

Эти особенности заключались в неразвитости феодальных отношений. У большинства адыгских этносов и субэтносов эксплуататорскую верхушку составляли не столько феодальные элементы, сколько близкая им знать сельских общин. Освобождение рабов и крепостных наносило удар не только по феодалам, но и по верхушечной прослойке «крестьянских родов», представляющей собой одновременно и общинную администрацию.

«Слабость меновых связей обуславливала племенную раздробленность. В этих условиях борьба с адатом была более трудным делом. Все эти обстоятельства учитывало царское правительство, уверенное в безопасности для себя миссии Хаджи-Магомеда»[3]. Неслучайно ведь на эти обстоятельства указал в июле 1842 г. генерал Анреп. «Хаджи-Магомед, – писал он, – может произвести волнения в этом народе *(натухайцев. – Ю.Д.)*, может возбудить их предприимчивость, которая увеличится в случае какой-либо неудачи с нашей стороны, но вообще это обстоятельство может

[1] *Фадеев А.В.* Убыхи в освободительном движении на Западном Кавказе// Исторический сборник. М.:-Л., 1935. Т. IV. С. 162-163.

[2] *Соколов Д.* Указ. соч. С. 53.

[3] Там же. С. 57.

быть только поводом к временному усилению враждебных действий, а по всей вероятности не сделается постоянною причиною общего соединения противных действий»[1]. Тем не менее, полной уверенности в том, что Хаджи-Магомед не сможет объединить адыгов, у царских генералов не было.

Командующий на Кавказе генерал Нейдгардт в январе 1843 г. доносил военному министру Чернышеву: «Относительно волнения между натухайцами нельзя теперь сказать ничего положительного. В половине прошлого месяца по прибытии к ним Хаджи-Магомед начал возбуждать их к восстанию против нас, употребляя для сего частью угрозы, а частью распространяя нелепые слухи, между которыми, как обыкновенно, первое место занимало известие о скорой помощи от турецкого султана и Паши Египетского. Неизвестность, до какой степени распространится между натухайцами влияние Хаджи-Магомеда и какие последствия оно повлечет за собою, не позволяет еще теперь сказать что-либо определенное о мерах, которых надобно будет принять в этой части. По мнению генерал-майора Будберга, прибытие Хаджи-Магомеда к натухайцам будет иметь неизбежным следствием совершенное нарушение покорности, изъявленной ими в прошлом году»[2].

Успехи Хаджи-Магомеда всерьез беспокоили военного министра и царя, и вскоре эмиссар Шамиля умер при загадочных обстоятельствах [3]. Известно, что за него была обещана тысяча червонцев[4].

Вторым по счету посланником Шамиля на Северо-Западный Кавказ был Сулейман-Эфенди. Ф.А. Щербина писал, что в конце февраля в 1845 г. из-за Кубани было получено известие о том, что к абадзехам явились два посланника от Шамиля. «Они остановились в аулах по реке Белой, назначили здесь для абадзехов и шапсугов народный съезд. В конце мая выяснилось, что главой их оказался Сулейман-Эфенди»[5], которому Шамиль поручил собрать ополчение из кубанских адыгов, двинуть их к центру Кавказской линии на соединение с отрядом имама Дагестана и Чечни, который, в свою очередь, предпринял попытку вытеснить царские войска из Кабарды. Царское правительство сознавало стратегический замысел имама.

[1] Там же. С. 60.

[2] АКАК. Тифлис, 1884 Т. IX. С. 898-899.

[3] *Рамазанов Х.Х.* Указ.соч. С. 249.

[4] *Смирнов Н.А.* Муридизм на Кавказе. М., 1963. С. 193.

[5] *Щербина Ф.А.* История Кубанского казачьего войска. Екатеринодар, 1913. Т. II. С. 540.

Прибыв к абадзехам, Сулейман-Эфенди обнародовал послание Шамиля, в котором имам подбадривал адыгов и призывал к борьбе против еретиков. Однако абадзехи согласились выполнить просьбу имама, если требуемых воинов поставят также шапсуги и натухайцы. В связи с этим Сулейман-Эфенди отправился в указанные районы. На требования посланника натухайцы, живущие между Анапой и Новороссийском, готовы были выставить только 30 всадников, а остальные натухайцы и все шапсуги – по 10 всадников с каждого большого и по 5 с малого ущелья. Естественно, царские власти делали все, чтобы помешать горцам в сборе войск. Узнав о решении собрания натухайцев выставить отряд воинов, контр-адмирал Серебряков выступил с отрядом, насчитывающим 1220 человек пехоты и 330 кавалерии, и с 6 орудиями в ущелье близ аула Хаказ, встретил горцев и стал их уговаривать. Однако последние не отказывались от своего намерения. И все-таки войско в помощь Шамилю не было собрано.

Шамиль не терял надежды, что ему удастся объединить горцев Северного Кавказа. В конце 1848 г. по просьбе закубанских адыгов Шамиль направил на Северо-Западный Кавказ третьего посланника. На этот раз наибом имама был Магомед-Амин, который оказался более удачливым, чем его предшественники. Достаточно сказать, что Магомед-Амин находился у закубанских народов более 10 лет, тогда как первый и второй пробыли у них всего 4 года. Магомед-Амин достиг существенных успехов в организации наибства, довольно успешно сопротивлявшееся Кавказскому командованию[1].

Магомед-Амин Асиялав – духовный и политический представитель имама Шамиля на Северо-Западном Кавказе

Как писал еще в 1860 г. царский генерал и историк Николай Карлгоф, «из последних деятелей падшего уже на Кавказе мюридизма особенное внимание заслуживает и по справедливости должен занимать первое после Шамиля место Магомет-Амин. Он не

[1] Подробнее о Магомед-Амине и его деятельности см.: *Магомеддадаев А.М.* Мухаммад-Амин и народно-освободительное движение народов Северо-Западного Кавказа в 40-60 гг. XIX века. (Сборник документов и материалов). Махачкала, 1998; *Он же.* Магомед-Амин – наиб Шамиля в Черкесии и предводитель освободительной борьбы народов Западного Кавказа в середине XIX века // Вестник ДНЦ РАН. Махачкала, 1999. № 3. С.112-115; *Он же.* Магомед-Амин – наиб Шамиля в стране адыгов // Информационно-аналитический Вестник АРИГИ. Майкоп: «Меоты», 2002. С. 198-201.

может быть поставлен наряду с другими наибами Шамиля, мы на него должны смотреть как на особого политического деятеля»[1]. Магомед-Амин, направленный Шамилем на Западный Кавказ, в течение 11 лет (1848-1859 гг.) руководил борьбой адыгов против колониальных захватчиков.

Согласно собственноручно написанной автобиографии, Магомед-Амин родился в Дагестане, в аварском селении Гонода (Honoda) нынешнего Гунибского района[2]. Он потерял отца, воспитывался матерью Асият. По некоторым данным, его мать звали Айза, а Асият была родственницей, от имени которой его звали «Асиялав»; именно под таким именем он был первоначально известен в Дагестане. Магомед-Амин получил традиционное для дагестанских детей образование в сельском медресе, затем учился у своего дяди Даитбека, кадия селения, и завершил свою учебу у знаменитого Абдурахмана-хаджи Согратлинского[3], был «хафизом», т.е. знал наизусть весь Коран[4]. В 17-летнем возрасте он стал мюридом Шамиля, а в 30-летнем – наибом в Черкесии.

Активное участие в борьбе принял Магомед-амин с 17-летнего возраста и стал выдающимся соратником и сподвижником Шамиля. Переломным в его жизни стал 1848 г., когда его, участника Самурского похода, Шамиль направил в качестве наиба к горцам Западного Кавказа, борьбу которых он возглавлял до конца 1859 г., т.е. 11 лет.

Об обстоятельствах этого дела пишет историк Абдурахман: «От населения Абадзеха к Шамилю начали поступать тайные письма, где просили прислать к ним надежного человека, который возглавил бы их. Шамиль на своем совете обсудил вопрос, кого послать и кто достоин такого важного назначения. Каждый из присутствовавших называл полюбившегося ему человека из своих друзей, зная, что это в его интересах. Мухаммад-Амин в это время писал письма для имама, и Шамиль хотел послать его, считая, что он достоин управлять. Тогда секретарь Шамиля Амирхан из Чиркея выступил: «Что же получит население Абадзеха от Асиялава? Он ученый человек и искренний мюрид, но не воин». Тогда мой

[1] *Карлгоф Н.* Магомет-Амин // Кавказский календарь на 1861 г. Тифлис, 1860. С. 77.

[2] См.: *Казем-Бек М.* Мохамед-Амин // Русское слово. СПб., 1860. № 6. С. 237.

[3] Абдурахман-хаджи из селения Согратль являлся муршидом накшбандийского ордена (братства) тарикатистов в Дагестане. Он был духовным лидером общедагестанского восстания 1877 г.

[4] *Казем-Бек М.* Указ. соч. С. 238, 232.

отец сказал: «Целесообразно (как раз) его послать, так как он истинно набожный человек, он не посрамит его (Всевышнего Аллаха) никогда, напротив, сделает его человеком совершенным во (всех) делах». Мнения Шамиля и моего отца совпали, и Шамиль послал его. Мухаммад-Амин, как известно, достиг больших успехов в подчинении себе непослушных из черкесов, но через великие трудности»[1].

Мухаммед-Амин (Асиялав) прибыл к западным горцам, не имея оружия, денег, не зная ни одного языка местных народов, условия их быта и жизни. К тому же Западный Кавказ был политически страшно раздроблен, в нем царили распри и анархия, всячески подогреваемые агрессивными кругами иностранных держав. Но несмотря на все это, Мухаммед-Амин, говоря образно, с Кораном в одной руке и посохом в другой, благодаря своим личным качествам, таланту, организаторским способностям добился, казалось, невозможного.

Западные горцы называли его шейхом, вторым Шамилем. Он стал крупным и признанным вождем народов, талантливым дипломатом, который многократно встречался с военно-политическими деятелями Турции, Англии, Франции, вел с ними трудные переговоры с целью получить от них реальную военную помощь, что удавалось очень редко. Заслуга его в том, что он, впервые объединив народы обширного региона, заложил основы их государственности, провел ряд административных, социальных и военных реформ, возглавил сопротивление народов против царского колониализма.

Приезд Магомед-Амина в Черкесию был осуществлен в 1848 г. с соблюдением всех возможных мер предосторожности: он прибыл «... за Кубань, скрытый в арбе, заложенной разными товарами, и неожиданно появился за Лабою»[2]. Первыми беспрекословное свое подчинение и верность Магомед-Амину изъявили абадзехи, из числа которых наиб сформировал себе гвардию («муртазеков»). Главнокомандующий на Кавказе М.С. Воронцов писал военному министру России А.И. Чернышеву, что Магомед-Амин «с неимоверной быстротой подчинил своей власти все закубанские племена и что он готовится к наступлению против русских линий»[3]. О своих достижениях Магомед-Амин информировал своего

[1] *Абдурахман из Газикумуха.* Указ. соч. С. 81-82.

[2] *Сталь.* О появлении Мухаммед-Амина в Черкесии // Кавказский сборник. Тифлис,1900. Т. XXI. С. 171.

[3] Там же. С. 237.

имама[1], который пристально следил и руководил всем ходом борьбы горцев Северного Кавказа. Шамиль не раз отмечал талант и мужество Магомед-Амина, крупные успехи, достигнутые под его руководством черкесами в неравной борьбе с царизмом. Эхо борьбы раздавалось далеко за пределами Кавказа. «Храбрые черкесы снова нанесли русским несколько серьезных поражений. Народы, учитесь у них, на что способны люди, желающие остаться свободными», – писал Карл Маркс в пробном номере «Коммунистического журнала»[2].

Обращаясь к имени и делам Магомед-Амина, А.И. Барятинский в своем письме Александру II от 28.11.1854 г. писал, что «хотя Магомет-Эмин и не пользуется, подобно Шамилю, всесветною известностью, но все-таки и Турция, и наши западные соседи хорошо знают это внушительное имя»[3].

Английский официоз – газета «Times» – назвала Магомед-Амина «виднейшим черкесским вождем»[4]. Высоко отзывались о политических и полководческих способностях и достижениях современники движения горцев Кавказа и последующие его исследователи. «Наиб – заместитель или представитель – Шамиля приобрел исключительное влияние на умы до сих пор разъединенных народов, хотя он не черкес, а дагестанец»[5], «он предпринял покорение черкесов, имея только посох»[6], смог «несколько раз атаковать причерноморское укрепление и правый фланг кордонной линии, удерживал здесь значительные военные силы»[7].

В истории движения народов Северо-Западного Кавказа с именем Магомед-Амина связана не только героическая борьба за независимость, но и создание единой государственной системы, осуществившей целый ряд военных, административно-гражданских и социально-экономических преобразований. «В тяжелых условиях Магомет-Эмин смог объединить разрозненные адыгейские этносы, включить их в политическую систему имамата, установил

[1] 100 писем Шамиля / Факсимильное издание. Расшифровка, пер., коммент. *Х.А. Омарова.* Махачкала, 1997. С. 281-287.

[2] Коммунистический манифест.1923 // Коммунистический журнал: пробный номер. Лондон, 1847. Сентябрь.

[3] *Зиссерман А.Л.* Фельдмаршал А.И. Барятинский // Русский Архив. СПб., 1889. Т. 5. С. 113.

[4] Times. 1854. № 21816.

[5] *Уркарт Д.* Наиб Шамиля // Times. 1854. № 21838.

[6] *Осман-бей.* Воспоминания 1855 года. События в Грузии и на Кавказе // Кавказский сборник. Тифлис, 1877. Т. 2. С. 179.

[7] *Магомедов Р.М.* Два столетия с Шамилем. Махачкала, 1997. С. 22

в Западной Адыгее государственные формы правления. Не надо забывать, что наряду с этим он вел и успешную борьбу с превосходящими силами врага, нанося ему неоднократно тяжелые поражения»[1], «он не знал ни усталости, ни скуки и почти никогда не отдыхал»[2]. «Опасность быть покоренными русскими и энергия наиба Мохаммед-Эмина привели адыгейский народ к неизвестному еще дотоле единению»[3].

Магомед-Амин был первым политическим деятелем в Закубанском крае, которому удалось соединить в одно целое многочисленные народы от Лабы до Бзыби. Идеи, принципы мюридизма Шамиля здесь получили признание и были адаптированы во многом благодаря проникновенным проповедям Магомед-Амина («Златоуста»), который слыл искусным оратором. Простой народ – «тхвохотли» – был основной социальной и политической силой, на которую опиралась государственная система Магомед-Амина.

В состав «религиозно-политического государства Мухаммед-Эмина входило пространство, ограниченное течением реки Лабы от ее верховьев до впадения ее в Кубань, низовьев Кубани и Черноморской прибрежной полосы вплоть до самой Абхазии и Сванетии»[4]. По подсчетам русских офицеров, предположительный военный потенциал армии Магомед-Амина составлял 80 000 человек[5].

Внутреннюю политику Магомед-Амин осуществлял при помощи совета старшин и муфтиев. Власть наиба была ограничена этим советом[6]. Близкие сподвижники и соратники Магомед-Амина пользовались уважением среди своих этносов и субэтносов[7]. «Мюридизм, проповедующий равенство, особенно расположил в пользу Мухаммед-Эмина довольно многочисленный класс подвластных и рабов, видевших в нем провозвестника своего скорого освобождения»[8], и одновременно восстановил против него черкесских князей и дворян[9].

[1] *Хавжоко Ж.* Магомет-Эмин // Тарих. 1996. № 2-3. С. 86.

[2] *Хавжоко Ш. Муфти.* Герои и императоры в черкесской истории. Нальчик, 1994. С. 189. (пер. с англ.).

[3] *Лапинский Т. (Теффик-бей).* Горцы Кавказа и их освободительная борьба против русских. Нальчик, 1995. С. 222 (пер. с нем. яз.).

[4] АКАК. Т. XI. С. 941.

[5] АКАК. Тифлис, 1885 Т. 10. С. 684.

[6] Кавказский сборник. Т. 10. С. 521.

[7] АКАК. Т. 10. С. 286, 594, 606.

[8] Кубанский сборник. Т. X. С. 58.

[9] АКАК. Т. 10. С. 601; Кавказский сборник. Т. 30. С. 46.

Весть о падении Имамата Шамиля произвела на Магомед-Амина, обессиленного тяжелой борьбой с объединенными силами русской армии и черкесской аристократии, колоссальное впечатление. «С падением Шамиля иссяк источник его власти»[1].

20 ноября 1859 г. Магомед-Амин вместе с 2000 всадниками и старшинами абадзехов явились в русский лагерь в урочище Хомасты[2] и дали генералу Филипсону присягу на верность русскому царю «на вечные времена». Первым принял присягу Магомед-Амин, заявив, что «закон Магомета не препятствует мусульманам быть подданными христианского государя»[3]. Магомед-Амин в договоре с Филипсоном обговорил ряд условий, в связи с чем небезызвестный генерал Р.А. Фадеев считал этот договор для России «бременем»[4].

Политическая дальнозоркость Магомед-Амина, его ум, богатый опыт борьбы и личная преданность делу освободительной борьбы черкесов даже при тех обстоятельствах, в которых он оказался, – отсутствие всякой поддержки извне, разобщенность черкесских народов, обостренные классовые противоречия в обществе, предательство черкесского дворянства, покорение Северо-Восточного Кавказа и большей части Северо-Западного Кавказа – ориентировали его на настойчивые попытки заключить с Россией мир и принять русское подданство на наиболее выгодных условиях, пока еще абадзехи представляли собой значительную силу, с которой Россия была вынуждена считаться.

Соблюдение условий, оговоренных Магомед-Амином, обеспечивало свободу и независимость абадзехского народа. И здесь он не отступил от своих принципов, добившись от царских генералов при заключении мирного договора признания неприкосновенности общественного порядка абадзехов, их земель, веры и обычаев, а также освобождения их от каких бы то ни было налогов и военной службы. Как известно, условия эти оказались более выгодными, чем это удалось сделать Шамилю. Хотя следует сказать, что на деле в значительно большей степени условия этого договора соблюдались именно в Дагестане, а в Черкесии договор оказался не нужным: адыгов вскоре (в 1863-1865 гг.) выселили и этим «закрыли» проблему.

[1] *Фадеев Р.А.* Собр. соч. СПб., 1889. Т. 1. Ч. 1. С. 133.

[2] Там же. С. 139-140.

[3] АКАК. Т. XII. С. 828.

[4] *Фадеев Р.А.* Собр. соч. Т. 1. Ч. 1. С. 141.

«Государь! Я весьма счастлив сообщить Вам о великом событии. Магомет-Эмин покорился, и если он изъявит намерение отправлю в Петербург», – писал А.И. Барятинский 28 ноября 1859 г. самодержцу Александру II [1].

В апреле 1860 г. Магомед-Амин был принят Александром II[2], а 28 апреля 1860 г. посетил своего имама в Калуге[3] и, погостив у него три дня, уехал через Одессу в Турцию. «Этот уход в Турцию, где он дважды арестовывался, должен быть правильно оценен. Он не предал тех, кто шел за ним более 10 лет»[4]. Царские дипломаты в Турции всеми силами старались очернить Магомед-Амина в глазах северокавказских мухаджиров, опасаясь серьезных намерений Магомед-Амина продолжить вооруженную борьбу против колониальных захватов России на Северном Кавказе[5]. Обстоятельная исследовательская работа о жизни и деятельности Магомед-Амина еще впереди.

Магомед-Амин умер в 1317 г. хиджры (1899 г.) в Турции и похоронен в селении Армут-кёй, недалеко от областного центра – города Бурса. Потомки его и сейчас живут в этом селении[6].

И все же попытка Шамиля через своих наибов расширить фронт освободительного движения не увенчалась успехом. Произошло то, что по логике вещей и должно было произойти. В конце 40-х гг. с падением надежды организовать общегорское государство и ростом противоречий внутри Имамата, все сильнее и сильнее проявляется тенденция искать спасения у Халифа правоверных[7]. По мнению Мухаммад-Тахира ал-Карахи, это происходило потому, что народ неоднократно советовал имаму попросить помощи у султана Османской империи, которого все мусульмане считали своим заступником и халифом. «Но имам не хотел помощи ни от кого, кроме лишь от Господа». Но когда к имаму Шамилю пришло письмо от Хаджи-Юсуфа (проживавшего среди черкесов и прибывшего к ним от Ибрагим-паши Египетского) «с предложением быть посредником между имамом и султаном Абд

[1] *Зиссерман А.Л.* Фельдмаршал кн. А.И. Барятинский. Т. 2. С. 323.

[2] *Карлгоф Н.* Указ. соч. С. 102.

[3] *Руновский А.* Записки о Шамиле. Махачкала, 1989. С. 170.

[4] *Тотоев Ф.* Он был человеком долга // Кавказ. 1992. № 1. С. 9-10.

[5] *Хавжоко Ж.* Указ. соч. С. 86.

[6] *Магомеддадаев А.М.* Мухаммад-Амин и народно-освободительное движение народов Северо-Западного Кавказа в 40-60 гг. XIX в. Махачкала, 1998. С. 37.

[7] *Покровский Н.И.* Указ. соч. С. 395.

ал-Маджидом в их переписке, Шамиль согласился»[1]. Имам решился послать в Стамбул своих верных сподвижников: Амирхана и Шайха из Чиркея (ал-Чиркави) и Мусу из Балахани *(авар. – Балахьуни)*. Они добрались до Абадзехии, встретились там с Хаджи-Юсуфом, при его помощи добрались «до берега моря, между русской крепостью в Анапе и крепостью Сухум (Сухуми), и ждали корабль, на котором они могли бы добраться до берегов Турции». В связи с усиленным контролем со стороны России, эти трое гонцов Шамиля (Амирхан Чиркеевский был назначен Шамилем старшим в группе), после нескольких месяцев тщетных попыток, сумели отправить Шайха из селения Чиркей с письмами Шамиля, который доставил их по назначению и, при возвращении из хаджа, умер. Амирхан Чиркеевский и Муса Балахунинский уговорили Хаджи-Юсуфа поехать с ними в Дагестан[2].

Согласно дошедшим до нас сведениям, Шамиль через того же чеченца Хаджи-Юсуфа попытался было связаться с султаном. В 1846 г. Шамиль составил письмо к султану Турции и Египетскому паше, в котором в силу «несоразмерности сил своих в сравнении с русскими, неусыпного ведения с ними войны в защиту мусульманства просил себе покровительств и помощи». В августе 1848 г. большое по объему письмо на имя шейхул-ислама Османской империи написал муршид Дагестана Джамалутдин Казикумухский. После принятого в таких случаях обращения он писал: «Долго боролись дагестанские народы. Но ввиду малочисленности народов, ограниченности боеприпасов и отсутствия помощи, поддержки со стороны государств, располагающих сокровищами и распоряжающихся силами и делами, неверующие построили в Дагестане укрепления, наложили на дагестанцев подати и повинности. Борьба, которая шла много лет, продолжается и в настоящее время». И далее Джамалутдин продолжал: «О, любимый, превосходный и славный брат, я удивляюсь вами и учеными возвышенного султанского дивана, почему вы все молчите и не уговариваете султана, его заместителей, вельмож и главарей, ведь вы знаете, в каком тяжелом положении мы находимся. Имеете ли право после этого молчать и чем вы ответите Аллаху. О, ученый брат, не скрою, мы о вас плохого мнения. Не пора ли выполнять, что обещано было вами?»[3].

Известно, что и это письмо, как и другие, не возымело долж-

[1] *Ал-Карахи.* Указ. соч. Ч. 1. С. 110.

[2] Там же. С. 111-113.

[3] ДГСВК. С. 575-577.

ного воздействия на султанский двор. Этим, пожалуй, и объяснялось, что не только муршид, но и сам Шамиль были крайне недовольны поведением султана, о котором третий имам открыто говорил находящемуся в плену прапорщику Орбелиани: «Неужели вы всерьез думаете, что султан строго соблюдает законы Мухаммада, и турки – истинные мусульмане? Они хуже гяуров. Попадись они мне в руки, я разорвал бы их на 24 части, начиная с самого султана. Он же видит, как мы, его единоверцы, сражаемся с русскими за Аллаха и за веру. Почему он нам не поможет?»[1].

Как признает современный историк и политолог из США Поль Хенце, «длительная война Шамиля снискала ему огромную славу, им восхищались не только турки, но и европейцы, американцы. Однако, несмотря на подобное отношение, Шейх Шамиль *не получил помощи от турок и англичан даже в самый разгар* Крымской войны, когда такая возможность была»[2]. Однако нельзя отрицать того, что Шамиль и его окружение неоднократно обращались[3] за помощью к третьим странам: ничего зазорного или удивительного в этом нет – в международной практике такие просьбы не единичны. Все просьбы Шамиля отклонялись из-за «невозможности выполнить просимое»[4].

Только в 1853 г., перед началом Крымской войны, султан, когда ему самому понадобилась помощь горских народов Северного Кавказа, сразу же вспомнил о борющихся многие годы с Россией горцах Дагестана, Чечни и Адыгеи и обратился с обращением к Шамилю. Халиф правоверных Абдул-Меджид писал имаму: «Ставлю тебя в известность, что русские власти во главе с царем хотят причинить нам тяжелые страдания, которые мы не в силах будем перенести. Видимо, тяготы будут таковы, которые и не дадут моему государству возможность самостоятельно существовать. Поэтому мы не должны допустить этого...». И, обращаясь к имаму, он подчеркивал: «Ты от рождения проникнут благоговением к религии, ты до сих пор праведно воевал за нее по своей воле без

[1] *Орбелиани.* Рассказ офицера, бывшего в плену у Шамиля в 1842 г. // Кавказ. 1849. № 1-5; *Он же.* Показания прапорщика князя Орбелиани, находившегося в 1842 году в плену у Шамиля // РГВИА. Ф. ВУА. Д. 6478; ДГСВК. С. 422; Дневник Руновского // АКАК. Тифлис, 1904. Т. 12. С. 1521.

[2] *Хенце Поль Б.* Россия и чеченцы // Наш Дагестан. 1995. № 174–175. С. 36.

[3] *Гаммер Моше.* Победитель Наполеона на Кавказе // Наш Дагестан. № 172–173. С. 51 (пер. с англ. яз.)

[4] *Бушуятов З.М.* Османо-кавказские отношения. (Новые документы Баш Векалет Аршиви) // Наш Дагестан. 1994. № 167–168. С. 37–38 (пер. с турец. яз.).

всякого вознаграждения, не получая ни от кого помощи, кроме Бога» *(подчеркнуто мною. - Ю.Д.)*.

И далее, без всякого зазрения совести он обещает привлечь к нему своим приказом «население вместе с ханами и беками Тифлиса, Эривани, Нахичевани, Ленкорани, Талыша, Сальяна, Баку, Карабаха, Казаха, Гянджи, Шеки, Ширвана, Чар, Илису, Ахты, Кубы, Дербента, Табасарана, Кайтага, Акуша, Кази-Кумуха, Кумух-шамхала, Эндирея»[1], объединить свои силы с дагестанскими силами. И выражает надежду, что имам справится с этим наставлением[2]. Известно, что имам с собранными в единый кулак силами направился в сторону Грузии, но так и не дождался встречи с турками. По всей вероятности к Шамилю прибыли из Турции только гонцы. Именно с одним из них – Гаджи-Исмаилом, жителем Ахалциха – Шамиль отправил ответное письмо в Турцию в мае 1854 г., в котором писал: «Прибыли через самые горы в то время, когда все дороги через эти горы были закрыты, и никто не мог по ним пройти, Мы ожидали вас, думая, что вы придете, но после того как не подошли, мы не стали ожидать вас, вступили в бой с грузинами. Мы забрали у них много пленных и заняли много крепостей»[3].

Крымская война между Россией, коалицией европейских держав и Высокой Портой разрушила надежды Шамиля на то, что единоверная Османская Империя окажет действенную помощь борющимся горцам Дагестана и Чечни. Более того, освободившееся от войны Российское государство все свое внимание могло теперь сосредоточить против непокорных горцев Северо-Восточного Кавказа. «Теперь все русские силы, – писал Шамиль французскому послу в Стамбуле, – сосредоточены против нас. Они хотят нас окружить, отнять наши семьи и лишить нас нашей земли. Они уже взяли несколько селений и построили там крепости. Улемы, равно как и почетные лица страны, просили меня обратиться к державам с ходатайством, чтобы во имя человечности они положили конец этим беспримерным в истории жестокостям, чтобы во имя спра-

[1] Эти территории, упоминающиеся еще в первой половине XIX в., были присоединены к России, и султан никак не мог распоряжаться ими. Тем более, Эдирнинское соглашение 1829 г. было подписано султанским двором. Но отправитель послания или не знал реально существующую обстановку в Дагестане и в Закавказье, или просто лукавил, обещая все это имаму Дагестана и Чечни.

[2] ДГСВК. С. 627-628

[3] Там же. С. 663.

ведливости они освободили их от этой тирании. У нас нет ни оружия, ни всего необходимого для продолжения войны против неприятеля»[1]. И действительно, против Имамата были на Кавказ стянуты значительные силы с модернизированной техникой и, прежде всего, нарезным оружием. И вскоре эта в несколько раз превышающая силы горцев вооруженная сила стала приносить успехи кавказскому командованию. Впрочем, можно согласиться с профессором Н.И. Покровским, который утверждал, что не этот фактор имел решающее значение в судьбе Имамата.

В заключение данного параграфа мы можем утверждать, что, исследуя многогранную деятельность Шамиля как имама и крупного государственного деятеля, никак нельзя обойти вниманием его деятельность как умного и мудрого дипломата, строившего внешнюю политику своего государства на принципах гуманности, миролюбия и подлинного интернационализма. В этом плане одной из целей создания Имамата было стремление Шамиля создать государство, которое позволило бы народам Северо-Восточного Кавказа вместе выступить на международной арене, привлечь внимание мировой общественности к справедливой борьбе горцев за свою независимость.

В советской историографии придавалось огромное внимание внешним связям Шамиля, главным образом для его дискредитации. Возьмем хотя бы, к примеру, документальный сборник «Шамиль – ставленник султанской Турции и английских колонизаторов», специально изданный для этой цели. Невозможно представить, на наш взгляд, чтобы имам не обратился за помощью к западным державам. Хотя следует отметить, что, кроме моральной поддержки, Шамиль ничего не получил. Воюя с огромной империей, горцы нуждались в помощи извне, но эта мнимая помощь не всегда доходила до адресата. Судя по сведениям официальных властей, корабли с военным провиантом были перехвачены российским властями, и, вероятнее всего, этот провиант в руках царских солдат был направлен против горцев. Значит, получается, что иностранные державы больше приносили пользы царизму в борьбе с горцами, нежели последним.

В своей внешнеполитической деятельности Шамиль стремился к обеспечению мирного развития построенного им государства, добрососедских отношений с народами и государствами, наиболее благоприятных внешнеполитических условий для ускоренного развития общественной жизни народов, населяющих Имамат.

Борьба, которую вел с царизмом Имамат, даже в начале сороковых годов XIX в. была неравной борьбой. С одной стороны – Российская империя, с другой – Дагестан и Чечня. Но пока был жив энтузиазм массового восстания 1840-1843 гг., сохранялась надежда отстоять независимость Северо-Восточного Кавказа.

Известно, что Имамат был образован в суровом горном крае. Без внешнеэкономических связей обеспечение необходимых жизненных условий было сопряжено со многими трудностями. К тому же население Имамата состояло из множества этнически различающихся народностей, в связи с войной насильно оторванных от других родственных народностей, с которыми веками складывались экономические, политические, культурные и родственные связи. И представители всех народностей Дагестана и Чечни принимали участие в освободительной борьбе. А через своего наиба Магомед-Амина «Шамиль руководил освободительным движением и Северо-Западного Кавказа: убыхов, натухайцев, адыгейских племен и других малых народностей»[1]. Деятельность Магомед-Амина была связана непосредственно с реализацией плана Шамиля привлечь на свою сторону население Западного Кавказа и объединить усилия всех народов Северного Кавказа в борьбе против царских колонизаторов. Магомед-Амин ввел среди горцев Западного Кавказа такие же порядки и такое же устройство армии, какие имелись у горцев Дагестана и Чечни, что вызывало беспокойство царских властей. Правда, не все народности в одинаковой степени участвовали в борьбе горцев, так как царские войска заблокировали равнинные и предгорные дагестанские аулы, что исключало возможность их соединения с горцами, но и они не упускали случая ударить по врагу.

«Влияние Шамиля распространялось на большинство племен Дагестана, Чечни, Ингушетии. Его имя гремело по всему Кавказу и миру. Деятельность Шамиля росла вширь, он всячески сплачивал многоплеменной состав горцев в единое целое»[2]. Эти меры были необходимы ему и потому, что с присоединением к Имамату новых регионов экономическая, социальная и военная база государства неизменно расширялась и усиливалась, освободительная борьба развивалась вширь и вглубь.

---

[1] ДГВСК. С. 664-665.

[1] *Халилов А.М.* Шамиль в истории и памяти народа // Советский Дагестан. 1988. № 5.

[2] *Бушуев С.К.* Указ. соч. С. 95.

Вполне закономерен вывод профессора А.Х. Рамазанова, который утверждает, что «целью Шамиля и его военной политики было не одержание полной победы над огромной империей, что было объективно невозможно».[1] При всей политической прозорливости и проницательном уме Шамиль не мог не понимать, что война с царской Россией предстоит долгая и кровопролитная. У него не было планов ввергнуть ее в пучину изматывающей войны, вся его деятельность была направлена на достижение благополучия в родном крае. Поэтому он стремился с самого начала создания Имамата добиться с Россией твердых дипломатических отношений, построенных на равной добровольной и взаимоуважаемой основе и принципах невмешательства во внутренние дела друг друга.

Царские колониальные власти старались сыграть в дипломатическую карту в угоду своих захватнических интересов. Так, на попытки царской колониальной администрации расколоть силы горцев путем заключения договоров с отдельными обществами горцев Шамиль писал Розену: «Если вы захотели мира и согласия с нами, то мы хотим иметь его с вами. Поэтому заключайте мир со всеми по-хорошему без обмана и коварства. Если же вы хотите войну, то знайте, что мы мужчины, которые не отказываются от войны»[2]. А 26 июня 1836 г. Шамиль послал письмо генералу Клюки фон Клюгенау с объяснением причин возобновления военных действий после заключения перемирия между ними, в котором говорилось: «Если бы русские не желали нарушить мир вероломством, они дали бы спокойствие иметь и горцам до самой Аварии, взамен чего и я равномерно сохранял бы спокойствие для них; но если они уже желают против него, то и я имею надежду на силу и мудрость всемогущего бога»[3].

И в последующем Шамиль пытался установить посредством переговоров и переписки мирные отношения с Россией, но великодержавные устремления царизма были направлены на обязательный захват Дагестана любыми средствами, вплоть до самых подлых, которые в устах царских генералов назывались «политическими».

Тогда Шамиль, как умный политик, начал искать союзников в войне с превосходящими силами царизма. Естественно, взор

[1] *Рамазанов А.Х.* Указ. соч. С. 24.
[2] ДГСВК. С. 224.
[3] Там же.

его обратился к политическому противнику России – султанской Турции. Это дало повод А. Багирову и его сторонникам сделать совершенно неправомерный вывод о службе Шамиля в интересах Турции и Англии. Абсурдность таких утверждений следует из того, что Шамиль ни разу за время своего имаматства не имел возможности напрямую связаться ни с Турцией, ни с какой-либо другой страной, ни послать своих представителей.

Эти попытки найти себе союзников в неравной борьбе с царизмом говорят о том, что Шамиль не падал духом перед трудностями, а искал достойный выход из сложившегося положения, старался уменьшить страдания и лишения своего народа. Эта мера была вынужденной для горцев, и, вопреки измышлениям Багирова и его сторонников, она не означала их желания войти под протекторат Турции, потому, как писали К. Маркс и Ф. Энгельс, «перспектива присоединения к Турции не приводит их в восторг»[1]. Горцам нужна была только помощь в борьбе с царизмом. Однако, говоря о взаимоотношениях горцев с Турцией[2], Ф.Энгельс с сожалением отмечал невозможность доставки англичанами, сотрудничавшими с турками, оружия и боеприпасов через море Шамилю[3], что свидетельствует о наличии между ними определенной связи.

В некоторых источниках имеются также следующие доказательства символической связи между Шамилем и Турцией:

1. В 1848 г. муршид Джамалутдин в своем письме упрекает турецкого султана за то, что он не оказал помощи горцам;

2. В 1853 г. султан пишет Шамилю: «Ты воевал правдивым до сих пор по своей воле без посторонней помощи»[4];

3.«Боевые действия горцев не были согласованы с турецким командованием, о чем свидетельствуют даже официальные царские историки»[5].

Шамиль делал шаги навстречу Турции, способствовал возможным выступлениям турецких войск, но с турками он не встречался и помощи от них не получал, что давало ему повод для негодования – «турки хуже гяуров . Он *(султан. – Ю.Д.)* видит, что

[1] *Маркс К.* Англо-французская война против России // К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. Т. 11. С. 522.
[2] *Энгельс Ф.* Священная война // Там же. Т. 9. С. 45.
[3] *Энгельс Ф.* Война // Там же. Т. 10. С. 239.
[4] Материалы Краеведческого музея РД. Инв. оп. № 1361.
[5] *Ибрагимбейли Х.-М.О.* Кавказ в Крымской войне 1853-1856 гг. М., 1971. С. 185.

мы, единоверцы, ведем столько лет борьбу с русскими за бога и за веру, что же он нам не помогает»[1].

О характере взаимоотношений горцев с новоявленными союзниками в лице Турции и Англии предельно ясно написал наместник царя на Кавказе Н.Н. Муравьев: «При большой опытности и лучшем знании народов, с коими союзники вступили в сношения, они должны бы рассудить, что горцам, воюющим с нами за независимость, равно противно было всякое иго, и что введение порядков, которых они могли ожидать от наших врагов, столько же было для них тягостно, как и наше владычество. Шамиль, руководствуясь такими же подобными мыслями, имел к союзникам нового рода едва ли не больше еще отвращения, ибо он мог ожидать, что мнимые благотворители – союзники, хотя бы то были единоверные ему турки, потребуют от него покорности»[2].

Следует особо подчеркнуть, что, по сравнению с царской Россией, национальная политика Шамиля была намного прогрессивнее. В Имамате никто не был ущемлен в своих правах в связи с национальной принадлежностью. Шамиль не проводил шовинистической, националистической политики, которая была бы направлена против какого-либо народа, в том числе и русского.

Итак, внешнеполитическая деятельность Имамата строилась на основе воссоединения родственных дагестанских и остальных сочувствующих освободительной борьбе народностей. О желании дагестанских народностей присоединиться к Имамату говорит тот факт, что из подвластных царизму территорий много людей целыми семьями убегали в Имамат, хотя жизненные условия там были намного тяжелее.

Одновременно и Шамиль предпринимал встречные меры к воссоединению дагестанских народов, совершал походы в разные части Дагестана и при помощи местного населения устанавливал там свою власть.

[1] ДГСВК. С. 422.
[2] *Муравьев Н.Н.* Война за Кавказом. СПб., 1877. Т. 1. С. 293.

VIII. Падение Имамата

Процесс распада Имамата начался еще в конце 50-х гг. XIX в.[1] Известно, что в итоге четырехкратного наступления царские войска заняли Малую Чечню, которая, являлась «житницей» всего Имамата. Тщетные попытки имама восстановить сильно пошатнувшееся положение ни к чему не привели. Мало того, в итоге кровавых боев к 1852 г. Большая и Малая Чечня были заняты русскими войсками. Эти и другие военные неудачи оказали моральное давление на целый ряд неустойчивых лиц из окружения самого Шамиля. Известно, что во время наступления Шамиля на Джаро-Белоканы, когда имам проявил несвойственное ему колебание, воевавший с царскими войсками Елисуйский султан, примкнувший к имаму во время удач Шамиля, начал переговоры, чтобы добиться прощения и возвращения к русским[2]. Со временем дрогнули и другие наибы.

В 1856 г., едкогда стал ясно ощущаться развал Имамата, пошатнулись даже его руководители. В частности, популярный в Имамате Кебед-Магомед тайно связался с Агалар-ханом Казикумухским и стал вести с ним переговоры. Но имам, узнав об этой проделке своего наиба, вызвал его в свою столицу и оставил у себя. В это же время в Имамате появились стихи, критикующие Шамиля. О двух из них упоминает А. Руновский: «Идрис, – писал он, – слышал стихи, в которых выставлены все слабые стороны Шамиля и его управления, а также и слабые стороны его сыновей. Подобного же рода стихи сочинил и Хаджи Алиляу»[3]. В это время некоторые ближайшие советники предлагали имаму прекратить газават. И, кажется, одними из первых это предложили сыновья духовного главы движения Джамалудина. Из вышесказанного видно, что и сам имам хорошо представлял, что Имамат «находится на исходе сил»[4].

И, тем не менее, Шамиль продолжал борьбу в надежде, что ему удастся еще раз, так сказать, выйти из критического положения. Но в душе нередко задумывался о своей судьбе. Ал-Карахи слышал от казначея имама, что после одного из своих отступлений имам неоднократно собирал свою семью и домочадцев и по-

[1] *Покровский Н.И.* Указ. соч. С. 469.
[2] Русский архив. 1888. Кн. 2. № 6. С. 196.
[3] РГВИА. Ф. ВУА. Д. 1293. Ч. 1. Л. 180.
[4] Там же. Ч. 2. Л. 56.

учал их, говоря следующее: «Истинно, это государствование уже продлилось для нас так долго, как оно не длилось для тех, кто нам предшествовал. Так не превозноситесь же в одеждах и пище. Будьте благонамеренными, может быть оно (государствование) близко от того, чтобы уйти от нас и повернуться к нам спиной»[1]. Он даже однажды сказал: «Поистине, я боюсь попасть к ним в руки»[2].

Недовольство проявляли, и особенно в последние годы, и народные массы. Довольно едкую характеристику этого периода дал Магомед-Тахир. Он писал: «И в то время не было у глав и правителей ничего, кроме удаления и гордости, у имама – кроме ощущения узды правления и подтверждения, у семьи имама – кроме расширения за пределы дозволенного имамом и припятывание, у простого народа – кроме недовольства правителями и неодобрения этого припрятывания»[3]. С утверждением ал-Карахи о том, что имам последние годы якобы отпустил «узды правления», можно поспорить. Но то, что трудящиеся массы были недовольны своим положением, не только роптали, но и оказывали даже сопротивление, никак нельзя опровергнуть. Деспотизм наибов, самоуправство муртазиков, доносы и тайная служба мухтасибов давали о себе знать[4]. В своем рапорте ген. Клюки фон Клюгенау еще в 1849 г. писал главнокомандующему на Кавказе ген. Нейдгардту, что некоторые общества Нагорного Дагестана, недовольные своим положением, готовы были «принять русских»[5].

Поднявшиеся в огне социальных боев с самодержавием выходцы из гущи народа со временем изменили свои взгляды и превратились в «новую аристократию», именно из их числа, в основном, выдвигались наибы, которые становились полными хозяевами вверенных им округов[6].

Дальновидный и решительный в своих действиях Шамиль хорошо знал о неприглядных действиях своих наибов и довольно круто обращался с теми, которые были замечены в коррупции и других грехах, особенно к концу его правления. Известно, что за четвертьвековое правление на высокий пост имамом были назначены более 200 лиц. Большая часть из них были преданные имаму,

[1] Хроника... С. 241.
[2] Там же.
[3] Там же.
[4] *Хашаев Х.-М.* О. Указ. соч. С. 59.
[5] КС. 1902. Т. XXIII. С. 66.
[6] РГВИА. Ф. ВУА. Д. 12. Л. 18.

смелые, отчаянные борцы за народное дело. Однако не все из них выдерживали «бремя управленца», а некоторые из них, хотя и в тайне, стали заниматься коррупцией и злоупотреблениями. Со временем, писал Р.А. Фадеев, «власть, основанная мюридизмом, оселась. Поборники ее сделались значительными людьми и заняли место аристократии»[1].

В тех или иных документах встречаются упоминания случаев неповиновения наибов и даже открытых восстаний против имама[2]; есть примеры, когда наибы отказывались подчиняться приказам командиров, назначенных руководить операциями; бывало и открытое соперничество между ними, и тайные интриги[3]. Многие наибы, не спрашивая разрешения имама и даже не ставя его в известность, вступали в сношения с русскими; некоторые были у русских на содержании; другие не брезговали тем, чтобы выдать русским подробности запланированного другим наибом набега[4].

Довольно схожее с этим утверждением царского историка и генерала высказал очевидец событий, хорошо известный нам Гаджи-Али Чохский: «Некоторые из наибов притесняли народ, думали о жизни бренной, старались обогатиться за счет народа, все они (наибы) вообще начали копить богатство и убивать напрасно мусульман, не различая между позволенным и запрещенным, между истиной и ложью»[5].

В сборнике писем Шамиля (и к Шамилю), подготовленном старшим научным сотрудником Центра востоковедения Института ИАЭ ДНЦ РАН Х.А. Омаровым, мы можем ознакомиться с письмом Абд ар-Рахмана Ас-Сугури на имя Шамиля, где Абд ар-Рахман жалуется на действия наиба Кебед-Мухаммада[6]. Если на политику некоторых наибов жаловался даже такой авторитетный человек, как ас-Сугури, то можно представить себе положение рядовых дагестанцев. Однако не все наибы Шамиля были такими, как Кебед-Мухаммад.

Образно описали деятельность наибов Хаджи-Мухаммед,

[1] *Фадеев Р.А.* Указ. соч. С. 36.
[2] См.: *Ал-Карахи.* Указ. соч.
[3] ДГСВК. С. 501–503, 587.
[4] *Баратов Б.* Описание нашествия скопищ Шамиля в Кахетию в 1854 году // КС. Т. 1. С. 240–241, 246–247.
[5] *Гаджи-Али.* Указ. соч. С. 34.
[6] См.: *Омаров Х.А.* Образцы арабоязычных писем Дагестана XIX в. (хрестоматия по чтению, переводу и комментированию). Махачкала, 2002. С. 105-108.

сын Абд ар-Рахмана ас-Сугури из Согратля и зять имама Абдурахман Казикумухский. «Наибы его, – писал первый из них, – оказались наибами порока. Подлинно они были бедствиями для народа. Назначил он их над народом как пастухов, они оказались подобно волкам над стадами. А они умножили несправедливости, притеснения. Наибы лишили народ сил для джихада. Наибы погубили две вещи, отданные Шамилю на хранение: подданных и соблюдение справедливости»[1]. В одном из дошедших до нас писем указывается, что власть предержащие наибы и их пособники измывались над населением. «Наибы назначают сотенных по своему усмотрению, чтобы они покрывали их произвол. Невозможно перечислить их насилия»[2]. И действительно, некоторые наибы сильно разбогатели и насильничали над вверенным им населением. Иногда дело доходило до того, что они обращались с осмелившимися высказать недовольство по своему усмотрению. В этих случаях население деревни смотрело на стеснения сограждан довольно равнодушно[3].

Складывающуюся политическую ситуацию ал-Карахи охарактеризовал следующим образом: «Увеличение угнетения со стороны управителей и наибов было фактом. И они (наибы) постепенно переставали повиноваться. А ведь известно, что государство продолжает существовать при неверии, но не может продолжаться при угнетении».

Профессор Х.Х. Рамазанов, много лет отдавший изучению народно-освободительного движения, пишет: «Ни Шамиль, ни его наибы не были феодалами до начала движения горцев и не стали ими в период борьбы горцев. Как они *(Шамиль и его наибы. – Ю.Д.)* могли, являясь феодалами, возглавить движение, направленное против феодально-колониального гнета? Сложившийся в имамате правовой механизм регулирования земельных отношений исключал возможность превращения узденей в феодалов. Ни у кого из них не было зависимых крестьян, которые бесплатно работали бы в их хозяйствах. Эти хозяйства всецело базировались на вольнонаемном труде»[4].

Желая продлить существование Имамата, Шамиль, как и следовало ожидать, усилил репрессии. Было также запрещено куре-

[1] Хроника... С. 269-271.
[2] *Хашаев Х.-М.* Указ. соч. С. 58.
[3] АКАК. Т. XII. С. 1448.
[4] *Рамазанов Х.Х.* Указ. соч. С. 201.

ние табака, употребление спиртных напитков. но, будучи строгим пуританином, Шамиль отверг даже громкое чтение «зикр», установленное муллой Магомедом. Со всеми недовольными в Имамате поступали довольно сурово. Сам имам к наибам и другим чиновникам, замеченным в нарушениях правил шариата и сложившихся в государстве правил, занимающимся коррупцией, относился не только крайне отрицательно, но и, можно сказать, довольно жестоко.

Нарушителей внутреннего режима государства он расценивал как изменников святого дела. Особенно ожесточил эту борьбу в 50-е гг., когда над Имаматом сгущались тучи. Беспощадно наказывал чиновников и смещал с занимаемых постов наибов. Глухое брожение, начавшееся в 50-е гг., усилило репрессивные формы, проводимые Имаматом. «Экзекуция, – свидетельствует А. Руновский, – можно сказать, существовала в Чечне постоянно, почти не было ни одной деревни, которая не видела бы у себя экзекуции хотя бы один раз. Экзекуционными войсками всегда были тавлинцы *(горцы. - Ю. Д.)*, они располагались в домах непослушных обитателей, как в собственных, и действовали очень скоро»[1].

Довольно продолжительное время некоторые кавказоведы, не жалея сил, пытались представить третьего имама страшно жестоким человеком. Доказывали даже, что он нагнал страх на горские народы Северо-Восточного Кавказа и использовал их, против их воли, в качестве лишь силы во имя захватнических целей правящих кругов Турции и Англии[2].

Ныне эти утверждения «ученых мужей» могут вызвать только недоумение. Однако, говоря о жестокости третьего имама, было бы неправильно не учитывать обстановку, в которой ему приходилось бороться с самодержавием. А ситуация была такова: многочисленное и разноязычное горское население, заблокированное кордонными линиями со всех сторон, вело неравную борьбу один на один с державой, перед которой содрогались такие государства, как Великобритания, кайзеровская Германия, наполеоновская Франция, Османская Империя, шахский Иран, Австро-Венгерская Империя.

После окончания Крымской войны. как указывалось, против Шамиля было направлено чуть ли не все освободившееся русское воинство. Вместе с хорошо вооруженной и оснащенной Кав-

[1] АКАК. Т. XII. С. 1448.
[2] Шамиль – ставленник.... Предисловие. С. IV.

казской армией против Шамиля с оружием в руках воевали также многочисленные отряды местных феодальных владетелей. Кроме того, царские власти широко использовали подкуп, вели и разнузданную пропагандистскую кампанию, и четко спланированную диверсионно-провокационную работу.

Чрезвычайно сложная внутренняя обстановка и борьба с могущественной Российской империей требовали крайнего напряжения сил, железной дисциплины, пристального наблюдения за внутренним врагом и, в случае активизации его, подавления силой оружия. И ничего удивительного не было в том, что казавшийся монолитом Имамат все чаще стал давать сбои.

Устоять против наступающей армады у горцев не было сил. В тяжелых боях в 1857-1858 гг. Шамиль потерял почти всю Чечню. Летом 1858 г. главнокомандующий на Кавказе распорядился начать наступление на Дагестан с трех сторон и таким образом сжать Имамат «железным кольцом».

Зимой 1859 г. кавказское командование направило против столицы Имамата Дарго такие силы, которым, по словам ал-Карахи, «нельзя было противостоять никому». Горцы перевезли свои «семьи и пожитки в Маарух»[1]. Казна имама, его семья, семьи некоторых его товарищей и все снаряжение имама – пушки, порох и прочее – были перевезены в Ичичали. Царские войска приблизились к Дарго с четырех сторон. В Дарго укрепился сын Шамиля Газимагомед, и горцы были полны решимости оборонять свою столицу.

Однако слишком уж неравны были силы воюющих сторон. Мучительными усилиями, при сильном морозе, горцы самоотверженно оборонялись около 2-х месяцев. Однако царские войска начали такое наступление, что у них не было никаких сил противостоять штурмующим. Тогда они вынуждены были ночью покинуть Дарго, которая была столицей Имамата с июля 1845 г. по апрель 1859 г.

Очевидец, зять имама Шамиля, следующим образом описывает падение Дарго: «Когда столица оказалась окруженной войсками, многие наибы, знатные люди и другие авторитетные мужи просили имама удалиться из Ведено со своим сыном Газимагомед в ближний лес в сторону Баян. Все войско с великой спокойностью пойдет на смерть. Они преданно хранят его от опасностей и

[1] «Магlарухъ» – авар. «у горцев»; «там, где живут «магlарулал», т.е. горцы.

спокойны. После долгих бесед и после намерения сына Газимагомеда отстоять крепость Ведено от врагов, имам согласился с советами своих асхабов и заявил, что его сын должен быть жертвой раньше всех наибов»[1].

Шамиль поручил оборону Ведено Газимагомеду. Сам отправился в лес, расположенный в 3-х верстах от селения, с его мюридами и Даниял-беком Елисуйским и наибом Доного Мухаммадом (отец Нажмуддина Гоцинского) со своими отрядами. Что касается отряда Даниял-бека, то он находился в подчинении другого наиба из-за слабости его в военном деле. Что касается семьи имама, то она до этого отправилась в Дагестан. Она находилась в селении Ичичали, имея при себе казну имама.

Газимагомед очень серьезно отнесся к своему новому положению. В его распоряжении было тогда четырнадцать наибов со своими отрядами, численность которых составляла примерно пять тысяч воинов. Пять наибов оставлены были в селении, остальные со своими пушками были размещены на восточном холме перед селением, со стороны Баяна. Газимагомед со своими мюридами и некоторыми близкими людьми – около ста пятидесяти человек – остались в доме своего отца Шамиля.

Размещение наибов на вышеназванном холме Газимагомед считал сильным препятствием для русских при попытке захватить Дарго. Если бы это не было предпринято, то русские могли бы захватить без боя селение и лес, в котором находился Шамиль[2].

Здесь следует напомнить, что еще до начала двухмесячного сражения за Дарго-Ведено большая часть Чечни уже находилась под контролем царских войск. Еще летом 1858 г. многие чеченские общества одно за другим перешли на сторону царизма, отошли от Имамата. Наибы один за другим уходили от Шамиля и переходили на службу в царские войска. Имамат, сжатый со всех сторон – с севера, юга, запада и востока – железным кольцом царскими войсками под общим командованием Барятинского, «распадался не по дням, а по часам»[3]. Как показывают источники, царские войска 18 марта 1859 г. приступили к осаде столицы Дарго-Ведено, окружив его в десятки раз превосходящими силами, состоящими из

[1] *Абдурахман из Газикумуха.* Книга воспоминаний. Махачкала, 1997. С.156

[2] Там же. С. 157

[3] *Бушуев С.И.* Борьба горцев за независимость под руководством Шамиля. Махачкала, 1939. С. 157.

14 батальонов, 24 артиллерийских орудий и множества других сил.

Осада столицы была тщательно подготовлена, и 1 апреля начался мощный артиллерийский обстрел, который продолжался с раннего утра беспрерывно до позднего вечера. В журнале военных действий царских войск левого крыла Кавказской линии с 20 марта по 2 апреля 1859 г. отмечается: «В 9 часов вечера дом Шамиля был зажжен, вслед за ним запылали многие другие сакли и не занятые нами редуты, вся же покатость горы Леня-Корт, обращенная к Ведено, покрылась множеством костров отступающего неприятеля. К 10 часам вечера ни в ауле, ни в редутах не осталось ни одного защитника»[1]. Под натиском превосходящих сил противника и массированным артиллерийским огнем сын Шамиля Гази-Мухаммад приказал вечером 1 апреля сжечь столицу и отступить в горы.

После этого еще в течение 5 дней царские войска занимались «разрушением всех домов, построек в самом ауле и инженерных оборонительных сооружений вокруг него»[2]. Так в апреле 1859 г. перестала существовать столица Имамата. После падения Дарго-Ведено весной 1859 г. было завершено окончательное покорение Чечни, к тому же времени уже были покорены и многие «вольные» общества Дагестана, границы Имамата сужались такими же быстрыми темпами, как они расширялись в 1840-1845 гг. Становилось ясно, что дни государства сочтены. Основную надежду Шамиль теперь связывал с Нагорным Дагестаном, большая часть которого уже признала царскую власть.

С апреля по август 1859 г., до своего пленения и окончательного падения Имамата Шамиль, по существу, не имел такой столицы, как Дарго-Ведено.

Обстановка к этому времени сильно изменилась. Многие бывшие наибы имама и другие сподвижники отвернулись от него, без боя сдавали крепости, изъявляли покорность царским властям. Как отмечает источник, «26 июля к барону Врангелю явились депутаты от чиркатинцев, артлухцев, данухцев, жителей Нижнего Инхо, аргванцы и депутаты от верхних Койсубулинских аулов – Игалей и Тлоха. В тот же день прибыли в лагерь наиболее приближенные к Шамилю наибы: гумбетовский Абакар-Дибир, гоцобский Доного-Магома, салатавский Раджаб, а накануне явились известный по

[1] АКАК. Т. XII. С. 1136-1137.
[2] РГВИА. Ф. ВУА. Д. 6607. Л. 72.

своему влиянию в горах Шахмардан-Хаджи и бывший первый мирза Шамиля Абдул-Керим». Как пишет Л. Богуславский, «Гумбет, Койсуболу, Авария, безусловно, покорились и передали нам свои крепости, орудия и запасы. Жители Карата и Богуля изъявили покорность»[1].

29 июля 1859 г. один из авторитетных деятелей государства Шамиля наиб Кебед-Магома объявил о своей покорности царским войскам. В вышеуказанной книге Абдурахмана ал-Газигумуки «Хуласат...» о нем говорится следующими стихами:

Кебед-Мухаммед был опорой
для веры, судебных решений и руководства.
Он помогал имаму всеми силами...
Едва только имам назначил его управляющим,
Он изменил делу и начал противодействие...
Он начал газават с усердием,
а стал в последствии, как сатана»[2].

В тот же день, т.е. 29 июля, укрепленный аул Чох с тремя орудиями и значительным количеством снарядов сдал чохский наиб Исмаил, на сестре которого был женат сын имама Магомед-Шафи. Когда Шамилю доложили, что его наиб Исмаил, сын Инкав-хаджи Чохского, сдал царским войскам Чохскую крепость, «эти известия были неприятны для Шамиля, и скорбь покрыла его тело при этом, как панцирь. Он убедился, что не избежать Божьей воли, хочешь или не хочешь. И он произнес слова: «Мы принадлежим Аллаху и к нему возвратимся», – эти слова соответствовали сложившимся обстоятельствам. И имам стал декламировать, и дыхание его участилось, а сердце запылало от сильной боли по поводу падения крепости:

Клянусь братьями (по вере),
которых я считал панцирями,–
Они были таковыми, однако, для врагов.
Я считал их меткими стрелами –
и они стали ими, – однако в мое сердце.

Наиб Исмаил был один из самых любимых наибов Шамиля и самых верных ему. Однако если вино превратилось в уксус, не помогут тут никакие старания. Если испортилось мясо и стало не-

[1] *Богуславский Л.* Указ. соч. С. 302.
[2] *Абдурахман ал-Газигумуки.* Хуласат... С. 68-69.

пригодным, обрабатывается оно солью. Но как быть, если стала непригодной сама соль?»[1].

2 августа Даниял-бек Элисуйский сдал барону Врангелю со всеми орудиями, снарядами укрепленную крепость Ириб, за что получил от Барятинского все свои прежние феодальные привилегии. О Даниял-Султане в книге «Хуласат...» говорится следующее:

«...Предатель Даниял, который прежде был с русскими, но ничего не приобрел. Бежал от них к имаму и пользовался у него почетом.

А на деле он оказался шпионом»[2].

Хотя Шамиль и боролся беспощадно с коррупцией и другими негативами наибов, но этот процесс невозможно было остановить, исходя из комплекса обстоятельств и, прежде всего, из материально-психологического влияния России на вновь назначаемых наибов. Отсюда неизбежное противостояние наибов и простого люда.

Абдурахман ал-Газигумуки в своей книге пишет: «Когда имам потерял надежду на своих друзей после того, как убедился в отсутствии мужества и их верности, а они отдалились от него, он продекламировал:

Большинство из тех, кого ты встречаешь, радуют тебя словами,
Но мало тех, кто радует тебя на деле.
Нет добра в дружбе непостоянного человека,
Куда подует ветер, туда склоняется и он»[3].

Аспирант Центра востоковедения ИИАЭ ДНЦ РАН из Египта Мухаммад Гани ал-Махди (его научный руководитель – проф. А.Р. Шихсаидов) в своей работе пишет: «Тех, кто выступал против него или предавал его, Шамиль предупреждал, что он будет противостоять им до самой смерти, подобно Хусейну б. Али (да будет доволен им Аллах) в его борьбе за Халифат против Язида б. Муавия, которая кончилась мученической смертью Хусейна (да будет доволен им Аллах). Сказав это, Шамиль прочел:

[1] *Абдурахман ал-Газигумуки.* Хуласат ат-тафсил...(Краткое изложение...). С. 54.

[2] Там же. С. 70.

[3] *Абдурахман ал-Газигумуки.* Хуласат ат-тафсил... С. 56. / Арабский вариант. Л. 14б.

Я смою с себя позор мечом, и как решит Аллах,
И проясню божью волю, оседлав коня[1].
Я покину свой дом и разрушу его,
Ради собственной чести,
Чтобы не дать тому,
Кто состязается в дурном поступке.
А если вы разрушите вероломно мой дом,
То он ведь – наследие благородного,
Который не думает о последствиях[2],
И не боящегося трудностей,
Но который не пожелает помощника тому,
Кто замышляет подобное дело.
Он полон решимости осуществить задуманное,
И гонит прочь мысль о последствиях.
И полагается он лишь только на себя,
И защитником его будет только меч[3].

Будучи уже на Гунибе и готовясь к последнему сражению, имам продекламировал следующие стихи, чтобы как-то подбодрить своих муридов:

«Тяжелые, когда они встречаются с врагом,
Легкие, когда к ним взывают,
Малочисленны, когда их покидают,
Многочисленны, когда сплачивают их (ряды)»[4].

Свое отношение к отдельным шейхам накшбандийского тариката, которые выступали против него, Шамиль также высказал стихами, которые запечатлел в своей книге зять имама:

Я выполняю свой долг мечом,
а шейхи – как будто они безбородые
и закрылись покрывалами /вуалями/[5].

[1] *Ал-Махди Г. М.* Яркие мгновения из жизни имама Шамиля. Махачкала, 1998. С. 26.

[2] Как известно, на одном из орденов, учрежденных имамом Шамилем, были выгравированы слова: «Тот не мужчина, кто думает о последствиях» (См.: *Донго Х-М.* Ордена Шамиля. Махачкала, 1995), взятые из стихотворения арабского поэта, которого любил цитировать Шамиль. Но как можно здесь убедиться, смысл этих слов на ордене был иной, чем его преподносят некоторые «кавказоведы» Блиевско-Виноградовской школы.

[3] *Абдурахман ал-Газигумуки.* Указ. соч. С. 50-51.

[4] Там же. С. 73.

[5] Там же.

О самом Шамиле Абдурахман сочинил следующее:

Имам подобен черной туче,
Которой боятся и на которую уповают,
Ждут от нее дождя и боятся молний... [1].

В первых числах августа, пройдя 4-х дневной путь из крепости Килатль через селения Кванхидатль, Карата, Ассаб, Телетль, Бец-ор, Ругуджа, Шамиль поднялся ранним утром на Гунибское плато, где его встретил сын Магомед-Шафи. «Ранним утром, когда мы достигли Гуниба, – пишет Абдурахман, – нас встретил верхом Магомед-Шафи, второй сын имама. Он переселился сюда год тому назад. В Гунибе мы нашли много мухаджиров, которые прибыли раньше нас»[2]. Гунибское плато, как стратегическое место для обороны, давно имел в виду Шамиль. Еще 16 ноября 1841 г. генерал Клюки фон Клюгенау в письме генералу Головину сообщал: «Гунибцы охотно приняли предложение неприятеля. Они согласились дозволить неприятелю укрепить деревню свою, обеспечить ее значительным запасом хлеба, транспорты которого уже начали прибывать в деревню»[3]. В том же 1841 г. мюриды по приказу наиба Кебед-Мухаммада производили на Гунибском плато укрепительные работы, завезли туда запас продовольствия и оружия.

Вот что писал в своем докладе Барятинский перед штурмом Гуниба: «Не ограничиваясь природной крепостью Гуниба, Шамиль употребил все средства сделать его совершенно неприступным; он подорвал все скалы порохом, куда представлялась малейшая возможность добраться, он заградил все тропинки, ведущие на Гуниб от Кара-Койсу, Ругуджа и Хиндаха толстыми стенами, башнями, двух- и трехъярусными оборонительными постройками, везде заготовил огромные кучи камней для скатывания на атакующих»[4].

В течение 18 лет не было необходимости Шамилю и мюридам подниматься на эту гору. Теперь, когда вся Чечня и весь Дагестан покорились царскому командованию, оплотом 25-летней войны за независимость оставался этот маленький клочок земли. Сюда поднялся Шамиль вместе с семьей и детьми. С ним было всего 400

[1] Там же.
[2] Там же. С. 164.
[3] ДГСВК. С. 309.
[4] РГВИА. Ф. ВУА. Д. 6609. Л. 22-23.

человек вместе с жителями Гуниба и 4 орудия. Вся мощь государства Имамат, еще недавно вызывавшего страх и у огромной царской империи, теперь ограничилась этой горой и горсткой мужественных защитников, окруженных могущественной, полумиллионной царской армией, сосредоточенной на Кавказе.

На Гунибском плато была последняя резиденция Шамиля. Нельзя сказать, что это была столица того мощного централизованного государства народов Северного Кавказа, как Дарго-Ведено. Шамиль провел здесь все три недели, точнее 22 дня, это были самые трудные дни его жизни. Это место в горах Дагестана стало по иронии судьбы последней его столицей, которая просуществовала ровно столько дней, сколько он провел на Гунибском плато.

Более 140 лет назад закончилась кровопролитная война на Гунибском плато, но для народов Дагестана, Чечни, Кавказа, всей России Гунибское плато было и сегодня остается последней резиденцией Шамиля, столицей государства Имамат.

Таким образом, на Гунибском плато завершилась многолетняя борьба, принесшая огромную славу народам Северного Кавказа, их предводителю Шамилю. Здесь, как показала история, было положено начало мирной жизни Дагестана в составе России. История подтвердила правильность выбора пути Шамиля.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Весь проанализированный в настоящей работе конкретно-исторический материал убедительно показывает, что происходивший на Северо-Восточном Кавказе комплекс геополитических, социальных, внешнеполитических и других процессов способствовал возникновению здесь чрезвычайно сложной обстановки.

Именно эта почва и подготовила взрывоопасную ситуацию, которая в 1829 г. дала явственно о себе знать. Однако было время, когда некоторые «кавказоведы», не считаясь с исторической правдой и вопреки фактам, объявили народно-освободительную борьбу горцев инспирированной извне, реакционным движением, а самого предводителя – ставленником султанской Турции и английских колонизаторов[1]. К счастью, эта идея после кропотливой работы предана забвению и окончательно забыта, большинство отечественных и зарубежных кавказоведов, как отмечалось выше, считают, что движение, о котором идет речь, является закономерным явлением общественного развития, имело глубокие социальные корни. И основными причинами, вызвавшими эту борьбу, были антифеодальные и антицарские устремления.

Однако имеются некоторые исследователи, которые возникновение движения объясняют по-своему. «Кавказская война своим происхождением, – пишут М.М. Блиев и В.В. Дегоев, – обязана, прежде всего, тем однотипным общественным организмам («вольные» общества Дагестана, тайпы Чечни, «демократические» племена Черкесии), которые локализовались в сходных эколого-географических нишах – горных районах Кавказа. Замкнутый образ жизни в жестокой среде обитания, способствовавший консервации ранних форм общественной организации, обусловил длительный характер перехода к классовым отношениям. Слабость экономической базы привела к гипертрофии набеговой системы – известного почти у всех народов в «определенном возрасте» социально-хозяйственного института. За счет добычи (скот, другие ценности), а также стимулируемой ею мирной производственной сферы (скотоводство, земледелие, ремесла и торговля) происходило не только «доращивание» скудного общественного продукта до жизненно необходимого минимума, но и первоначальное накопление собственности в виде появлявшихся у предводителей и других участников набегов излишков»[1]. Эта обширная цитата приведена специально, чтобы читатели яснее представили суть авторской постановки вопроса. Они пытаются убедить читателей в том, что Кавказская война – «это не что иное, как производное явление, подготовленное так называемой набеговой системой»[2].

[1] Шамиль... Тбилиси, 1953.

Известно, что набеги, грабежи сопутствуют всем эпохам древности и средневековья, но почему-то эта ситуация не приводила к войнам, подобным Кавказской войне. Более того, начиная с XVI в., в течение не одного столетия между народами Северо-Восточного Кавказа и России происходило последовательное сближение, в итоге которого большинство феодальных владений были приняты в подданство Российской империи. Между тем, указанные авторы утверждают, что «до активизации России на Кавказе набеговая система существовала как социально-хозяйственный и военный институт»[3], что противоречит всему поступательному ходу исторического развития региона. Следует также подчеркнуть, что идея, выдаваемая за новую, совершенно не нова. Эту антинаучную версию довольно широко использовали, эксплуатировали чуть ли не с самого возникновения борьбы горцев.

Введенная в оборот еще царскими генералами в XIX в., эта идея была подхвачена авторами в 30-е гг. XX в. Один из них – А. Скачко в своей работе «Дагестан» утверждал, что «Кавказская война началась и велась горцами для сохранения «набегового производства», которое будто бы терялось с включением окружающих Дагестан территорий в состав России»[4]. Это положение А. Скачко было в свое время подвергнуто резкой, но справедливой критике в центральной и местной печати[5]. «По историку Скачко, – писал Ю. Шовкринский, – все горцы, населяющие Дагестан, являлись разбойниками и грабителями, для которых набеги являлись хозяйственной системой, способом производства. Это то же самое, что говорили генералы русской армии, скрывавшие таким путем действительные мотивы войны против горцев»[6]. Кажется, в наше время никто из авторитетных кавказоведов, кроме М. М. Блиева и В.В. Дегоева, не ставил на такую плоскость вопрос о происхождении так называемой Кавказской войны.

[1] *Блиев М.М., Дегоев В.В.* Указ. соч. С. 583.
[2] Там же.
[3] Там же.
[4] Там же.
[5] Дагестанская правда. 1932. № 19.
[6] *Шовкринский Ю. Н.* Об искажении ленинизма в вопросах истории Дагестана // Историк-марксист. 1932. №1-2. С. 165.

Мало того, чуть ли не все ведущие, и не только отечественные, кавказоведы подвергли довольно резкой критике мнение указанных авторов. Об этом красноречиво свидетельствуют публичные выступления многих кавказских историков нашей страны[1] – акад. РАН Г.Г. Гамзатова, профессора Р.М. Магомедова, Т.Х. Кумыкова, Х.Х. Рамазанова, А.Х. Рамазанова, Х.-М. Ибрагимбейли и М.Ш. Шигабудинова, Д.М. Шигабудинова, У.А. Раджабова, М.Р. Гасанова, А.Х. Касумова, Б.М. Мужухоева, Б.Г. Алиева, М.А. Агларова, А.М. Магомеддадаева и многих других.

Комплексное изучение имеющихся в нашем распоряжении документов убедительнейшим образом показывает, что многолетняя борьба горцев Северного Кавказа была вызвана не одной-единственной причиной. Это многомерное явление подготовила совокупность всех социально-экономических и внешнеполитических причин. Можно также с уверенностью сказать, что это своеобразное явление было закономерно обусловлено историческим ходом общественного развития, оказало большое влияние на дальнейшее историческое развитие северокавказского края.

Из истории Дагестана известно, что на его территории еще в древности имелся целый ряд так называемых «царств». Известно раннесредневековое царство Серир – «название государства, а не города и народа»[2]. Государственными образованиями были многоязычное царство Лакз, Кайтаг, Табасаран, Дербент, Филан, Шандан. И в период новой истории Дагестан был разбит на мелкие и мельчайшие феодальные образования. Попытка создать объединенное государство вынашивалась государственными деятелями, но осуществить давнюю мечту удалось только выдающемуся политическому деятелю третьему имаму Дагестана и Чечни Шамилю.

Это объединение, создав своеобразную систему внутреннего управления, более четверти века оказывало мощное сопротивление могущественной Российской империи, и только своим существованием оказывало не только влияние на соседствующие народы Кавказа, но и на зарубежные страны, не только на Восток, но и на Западную Европу, особенно на Англию, Францию, Польшу и другие страны. Этим, пожалуй, и объяснялась попытка иностран-

[1] Народно-освободительное движение горцев Дагестана и Чечни в 20-50 гг. XIX в. Махачкала,1994 // Материалы всесоюзной научной конференции 20-22 июня 1989г.; Газимухаммед и начальный этап антифеодальной и антиколониальной борьбы народов Дагестана и Чечни // Материалы международной научной конференции 13-14 октября 1993 г. Махачкала, 1997.

[2] Очерки Истории СССР (III-IXвв.). М., 1953. С. 860.

ных держав связаться с Шамилем. Но более всего Имамат, естественно, оказывал влияние на народы Кавказа. Государство Шамиля, можно даже сказать, революционизировало обстановку. Именно этим и объяснялось обращение к Шамилю жителей Центрального и Северо-Западного Кавказа и то, что немалое число мухаджиров со всего Кавказа вело в составе войска Шамиля вооруженную борьбу.

Движение горцев под предводительством Шамиля, как ныне признает все большее число кавказоведов, было, безусловно, освободительным. И поэтому восставшие горцы в своих целях использовали все возможные и невозможные действия, в том числе и обращение за помощью к исламским государствам – султанской Турции, паше Египетскому, даже к Франции.

Однако ни одна страна так и не оказала конкретной помощи горцам, и поэтому они вынуждены были продолжать неравную борьбу с Россией. Наступательные действия российской армии усилились после Крымской войны 1853-1856 гг. Кавказская армия была значительно увеличена и начала решительную непримиримую борьбу. Естественно, что сдерживать эти повсеместные наступательные действия российской армии малочисленные горские отряды оказались не в состоянии. Фронтальное наступление царских войск оказало решительное влияние на горское крестьянство, вызвало переход наибов и других представителей верхушки Имамата на сторону России. Все эти внутренние и особенно внешние причины привели к завершению борьбы и пленению в 1859 г. Шамиля.

Внимательное изучая исторический опыт, мы должны признать, что горские народы с раннего средневековья были связаны с русскими. И оглядываясь на этот довольно долгий и тернистый путь, мы не можем не заметить, какую роль в жизни горцев сыграли русский народ и Россия. Юридически горцы Дагестана были включены в состав России в 1813 г. – согласно Гюлистанскому договору, подтвержденному в 1828 г. Туркманчайским договором, а затем и Эдирнинским (в 1829 г.) договором. Если это так, то горцы, как подчеркивает проф. Р.М. Магомедов, не выступали против России. Вооруженное же сопротивление горцев началось не раньше, чем стала чувствоваться тяжесть двойного гнета – гнет местных феодалов усугублялся гнетом царской администрации[1].

[1] *Магомедов Р.М.* Народно-освободительная борьба горцев под руководством Шамиля в Советской историографии // Народно-освободительное движение горцев Дагестана и Чечни в 20-50-х гг. XIX в. Махачкала, 1994. С. 6.

Можно также согласиться с профессором Р.М. Магомедовым, который считает необходимым более четко определить противника: против русских, как народа, горцы не выступали никогда. Они воевали против русского царизма, против его армии, его администрации, его политики. Отсюда недопустимо отождествлять самодержавие России и ее народ[1].

Возросшие масштабы Имамата, сложность стоящих перед государством экономических, военных, политических и социальных задач, естественно, требовали и создания соответствующих органов государственного управления и власти. Гений и реформаторский талант Шамиля проявлялся в том, что на общегосударственном съезде Дарго в сентябре 1841 г. учредил Государственный Совет (Диван-Хана) на постоянной основе с конкретными функциями и задачами[2].

Этой же точки зрения придерживался историк Н.И. Покровский, который отмечал: «26 сентября 1841 г. в Дарго имам собрал большой съезд наибов и представителей от различных обществ». О постановлениях этого съезда, как, впрочем, и вообще о таких съездах, мы знаем очень немного.

Государственный Совет (Диван-Хана) выступает объективно в роли исполнительного органа съезда по всем вопросам. В его компетенцию входили все вопросы государственной власти, он был уполномочен решать вопросы коллективно, демократично. Госсоветом рассматривались, прежде всего, законодательные, исполнительные, военные, судебные и иные вопросы, возникающие в новом государстве. Государственный Совет руководствовался решениями общегосударственных (общеимаматских) съездов и осуществлял на территории Имамата управление всеми государственными делами. Государственный Совет избирался или утверждался на демократических принципах, он был коллективным органом управления (Советом) по осуществлению всей государственной власти на территории Имамата.

С первых дней появления Государственный Совет во главе с Шамилем был первый коллективный, демократический орган государственной власти централизованного многонационального государства на территории Северного Кавказа. Создавая или избирая Государственный Совет, Шамиль сделал невиданный до сих

[1] Там же. С. 7.

[2] Встречаются некоторые мнения, что Госсовет был создан в 1842 и даже в 1843 г.

пор на этой территории прогрессивный и демократический прорыв в развитии государственности, ускорении социального и политического развития народов. Созданный им орган государственной власти по своей социальной, политической и демократической сущности на сотни позиций превосходил существовавшие в то время формы государственного управления в ханско-феодальных владениях, вольных обществах Дагестана, Чечни и других регионов Кавказа, а также крепостной России и государств Азии и Ближнего Востока.

Удачно найденная Шамилем система государственного управления в тех специфических условиях, как никогда ранее, отвечала социальным и политическим условиям развития народов Северного Кавказа, в определенной степени соответствовала их нуждам и могла мобилизовать народные массы на борьбу против колонизаторов, на защиту свободы и независимости. Это был крупный и прогрессивный шаг вперед за всю историю развития и становления государственности у народов Северного Кавказа, да и Российской империи.

Анализ исторических документов показывает, что Государственный Совет не был случайно или одномоментно учрежденным органом. Его возникновение и становление тесно связано со всеми процессами, происходившими в государстве Имамат с самого начала возникновения национально-освободительной борьбы народов Северного Кавказа, и первые ростки появления этого Совета мы видим уже на начальном этапе возникновения и становления государства Имамат. При первых имамах создаются народные собрания, советы ученых, известных предводителей вооруженных отрядов, джамаатов, представляющие разные территории и общества Северо-Восточного Кавказа. Эти советы и собрания начинают выполнять функции государственных органов управления.

Впервые о Совете мы находим упоминание у самого Шамиля и также у Мухаммад-Тахира ал-Карахи. Но этот Совет (до 1841 г.) не имеет специального положения, в нем нет четко выделенных государственных структур и управлений, он еще не утверждается общегосударственным съездом. Мы не знаем еще до сих пор, как он действовал, каков был порядок работы, кто входил в состав Совета, кроме Шамиля и близких сподвижников; работал ли Совет постоянно или собирался от случая к случаю, или по мере необходимости. Известно, что Советом руководил сам Шамиль и он был учрежден после тщательного изучения экономического, политического и военного положения в Дагестане и Чечне, с участием

видных ученых, предводителей джамаатов, регионов, сельских общин, наибов и других известных лиц.

В пользу того, что основы Государственного Совета, правившего Имаматом в период наивысшего его расцвета и до падения, были заложены еще до 1840-х гг., говорит и тот факт, что первые советы ученых, народные собрания, совещания представителей самых разных обществ, джамаатов были созданы при первом имаме Гази-Магомеде и получили дальнейшее организационно-техническое развитие при втором имаме Гамзат-беке. А Шамиль предпринимает невиданные до сих пор мудрые и талантливые шаги по совершенствованию, развитию того, что создали его предшественники. Ему удается то, что до сих пор не удавалось никому на Кавказе. Имам ясно представлял себе трудности, связанные с созданием объединенного государства горцев. Его предшественникам не удалось осуществить эту грандиозную задачу, однако они успели заложить корни, основу будущей государственности.

По нашему мнению, с учетом военно-политической ситуации того времени (1837 г.), членами первого Совета (но не Госсовета) могли быть утверждены, кроме самого Шамиля, Ташев-Хаджи Эндиреевский, Кебед-Магомед Телетлинский, Ахбердил Мухамад, Газияв Андийский, ученый Загалав из Хварши, ученый Сурхай из Коло, ученый Алибек из Хунзаха, Саид из Игали, Муса из Балаханы и другие, которые вместе с Шамилем руководили всеми отрядами по отражению натиска царских войск в Нагорном Дагестане.

Возможно, в состав первого Совета входили и другие известные ученые, предводители вооруженных отрядов или известные наибы. К этому времени в составе Имамата было свыше двадцати наибств, в отдельные наибства входили целые сельские общины, джамааты имели четко определенные границы, свою территорию; другие объединяли два-три и более аулов, имели значительно меньше населения и территорию, чем первые; были случаи, когда крупный аул имел своего наиба. Поэтому сказать, входили ли в состав Совета наибы, и наибы каких территорий, очень трудно. Вероятно, отдельные наибы крупных наибств входили в состав Государственного Совета.

Государственный Совет с 1841 г. превращается из периодически действующего органа государственной власти в постоянно действующий, более расширенный, представительный, законодательный и исполнительный орган государственной власти, куда

входили люди высокообразованные, опытные, проявившие себя как талантливые организаторы народных масс, вооруженных отрядов, пользовавшиеся высоким уважением и авторитетом среди населения по своим моральным и человеческим качествам.

Всего в состав Государственного Совета в 1841 г. было избрано 32 человека, среди которых были известные наибы, ученые, муфтии и т.д. Состав Государственного Совета изменялся в зависимости от событий, военных сражений, вместо погибших или умерших включали новых, и каждую кандидатуру Шамиль всесторонне обсуждал с постоянными членами Государственного Совета. Известны и постоянные члены Государственного Совета: Магомед Эфенди Казикумухский, Раджабил-Магома Чиркеевский, Яхья-Хаджи, Джамалутдин Казикумухский (тесть имама), Ахбердил-Магомед, Юнус Чиркеевский, Шуайб-Мулла Чеченский, Хаджи-Дибир Каранайский и другие.

В состав Совета, учрежденного общегосударственным съездом в Дарго 1841 г., входили, кроме других, по нашему мнению, Ахбердил Мухаммед, считавшийся вторым человеком после Шамиля, Шуайб-мулла бывший уже мудиром, Джаватхан из Дарго и другие. Отсутствие в составе Совета Кебед-Магомеда из Телетля, который был с Шамилем еще в 1837 г., объясняется тем, что он в конце 1830-х гг. отошел от Шамиля, а к началу 1841 г. вновь присоединился к нему, став наибом над несколькими аулами Телетлинского общества. В тот период он еще не пользовался полным доверием у имама, но со временем стал мудиром, членом Государственного Совета. Не был вначале членом Государственного Совета и мудиром известный наиб Хаджимурад. Он только что (т.е. в конце 1840 г.) перешел на сторону Шамиля, и у имама было достаточно оснований пока не доверять ему. Дальнейшие события показали, что Шамиль был прав.

Отсутствие в составе Государственного Совета Ташев-Хаджи Эндиреевского и Галбац-дибира можно объяснить тем, что в начале 1840-х гг. первый сошел с политической сцены, а второй скомпрометировал себя участием в андийском (антиимамском) выступлении. На наш взгляд, в составе Государственного Совета был и ряд других известных ученых, наибов из Нагорного Дагестана, Чечни, были представители самых разных народов, в том числе из числа известных мухаджиров. Однако историкам до сих пор не удалось обнаружить документы, характеризующие полный состав Государственного Совета, начавшего работать с 1841 г.

Данные, приводимые Абдурахманом из Казикумуха отно-

сительно состава Государственного Совета и постоянных его членов, относятся к концу 50-х гг. XIX в., когда многих первых соратников Шамиля не было в составе Совета: к этому времени были убиты Ахбердил Мухаммед (1843 г.), Шуаиб-мулла (1844 г.), у Абдурахмана и Ал-Карахи нет данных о Ташев-Хаджи Эндиреевском (с 1843 г.), Хаджи-Мурад предал Шамиля (в 1851 г.), а некоторых Шамиль снял с должностей наибов и вывел из состава Государственного Совета.

Необходимо отметить, что, несмотря на большие потери и сменяемость членов, Государственный Совет стал чрезвычайно важным инструментом государственного управления в Имамате.

Дальнейшая работа Шамиля и его соратников показала, что создание Государственного Совета было совершенно необходимым реформаторским шагом, направленным на создание и совершенствование государственного механизма Имамата. Именно с создания обновленного Государственного Совета в 1841 г. начинается полномасштабное становление и расцвет государства Имамат. При решении военных и гражданских вопросов голос Шамиля был вполне самостоятелен, все же прочие дела решались в Совете большинством голосов. Существовало и специальное «Уложение о правах великого имама и его ближайших соратников» (которое необходимо найти).

Абдурахман, современник Шамиля, в своих записках четко определил функции и порядок работы Государственного Совета, указал даже, как работал Государственный Совет в течение недели по дням. «Занятия в главном Совете имама были распределены следующим образом: понедельник, вторник, среда и четверг посвящались, главным образом, общим вопросам управления, причем в понедельник и вторник обсуждались дела обществ, ближайших к резиденции имама, как-то: Чечни, Ичкерии, Анди и др., а в среду и четверг дела более отдаленных обществ Дагестана, которыми управляли мудиры Газимагомед и Даниял-бек. В эти же дни выслушивались письменные донесения наибов и устные доклады их, если они по вызову имама являлись лично. По обсуждающимся вопросам Совет не только принимал решения, но и указывал сейчас же, кем и как это решение должно быть исполнено.

Суббота и воскресенье были предназначены для приема отдельных посетителей и для разбора их жалоб и претензий, пятница назначалась исключительно для молитв и отдохновения. О распределении занятий в Совете все население государства оповещалось через летучую почту»[1].

Для характеристики первых шагов Государственного Совета еще раз вернемся к Абдурахману из Газикумуха. По его словам, «делами края имам занимался при общем собрании членов своего Совета ежедневно, кроме пятницы. В экстренных случаях он собирал свой Совет несколько раз в день». Во время совещаний решения имама не встречали возражений только в тех делах, которые касались собственно жалоб по притеснениям и вообще на неправильные действия наибов. Здесь голос его был вполне самостоятелен.

Все прочие дела частных людей между собой решались в Совете по шариату и решения эти, определяемые одним из присутствовавших, исполняющего должность кадия, утверждались прочими членами Совета и имамом. Что же касается управления страной вообще, то все дела по этой части решались присутствующими с общего согласия, и голос имама не имел здесь особенного значения: имам излагал только существо дела и высказывал свое мнение. Члены же Совета могли одобрить или опровергнуть его. Настойчивость имама могла иметь место в отношении только военных предприятий. Впрочем, нередко случалось, что и в других делах он видел необходимость поступать вопреки не всегда дальновидных мнений своих советников.

Многочисленные источники показывают, что в Государственном Совете с 1841 г. начинается полномасштабный процесс создания специальных структур и управлений, налаживается вертикальная исполнительная власть от руководителя Государственного Совета до самых низов – до дибиров и старшин на местах, также формируются органы управления по отраслям, территориям, говоря другими словами, создаются и вертикальные и горизонтальные структуры управления.

Государственный Совет, прежде всего, являлся коллективным органом руководства государством. Шамиль являлся главой исполнительной власти, предводителем правоверных («амир алму'минин»), а члены Государственного Совета исполняли функции его заместителей. Важная заслуга Шамиля заключается в том, что в этих условиях (война, блокада, низкий уровень развития Дагестана и Чечни) ему удалось четко разделить и разграничить государственную власть на исполнительную, законодательную и су-

[1] См.: *Абдурахман из Газикумуха.* Указ. соч.

дебную. Он добился этого на всех уровнях: начиная от высших органов до самых низких. Четкое подразделение всех функций на всех уровнях с широким использованием местных особенностей – это и есть гений Шамиля.

Шамиль был также главой законодательной власти, а члены Государственного Совета выступали в качестве законодателей: готовили предложения по тем или иным вопросам; возглавляли комиссии по выработке низамов, новых законов, отдельных нормативных актов. Имам выступал в качестве Верховного судьи, а члены Государственного Совета, вместе с муфтиями, кадиями на местах осуществляли правосудие, обеспечивали на территории государства законность и порядок в соответствии с нормами шариата. В Государственном Совете был главный кадий или муфтий, который принимал решения по тому или иному вопросу и выносил на утверждение Государственного Совета. Государственный Совет выступал в качестве коллегии Верховного суда или Президиума Верховного суда, также в качестве Конституционного и Арбитражного суда. То, над чем мы бьемся сегодня в России, чего нет у многих стран, у Шамиля было четко решено. Это было гениальное решение в тех условиях, и большим шагом в развитии цивилизации и прогресса в государственном устройстве.

С первых дней существования Имамата все вопросы решались в Государственном Совете путем голосования, и не всегда мнение Шамиля находило поддержку у членов Совета. Об относительной демократичности и прогрессивности введенного Шамилем государственного управления говорит тот факт, что члены Совета имели вместе с Шамилем одинаковые права.

Анализ исторических документов показывает, что Государственный Совет не был застывшим, учрежденным навсегда органом. Он динамично развивался с каждым годом, расширял свои функции, контролировал большой круг вопросов, в его составе происходили существенные изменения, как персонального, так и качественного содержания.

Если в самом начале своего создания мы видим в составе Госсовета одно или, в лучшем случае, две-три структуры, то к концу сороковых годов, в период наивысшего подъема Имамата, Государственный Совет имеет четко выраженную структуру управления, и каждое управление выполняет свои определенные функции, отвечает перед Государственным Советом за конкретную отрасль деятельности.

В период наивысшего подъема в составе Государственного

Совета были следующие управления или министерства, если выразиться нынешней формой языка:

1. *Административное управление* государства заключалось в том, что вся территория Имамата делилась на *мудирства*, которые возглавляли мудиры. Мудирства делились на *наибства* во главе с наибами. В состав каждого мудирства входили 4-5 и, в редких случаях, более наибств. Каждое наибство являлось составной частью мудирства в территориальном, административном и военном отношении, а каждый наиб считался заместителем мудира. Наиб имел одного или двух-трех заместителей, которые назывались маъзунами и командовали сотнями (500, 300, 200, 100). Им подчинялись одно, два или несколько селений, где были избранные и назначенные государством старшины селений. Последние, в свою очередь, руководили сельскими общинами.
2. *Шариатское управление* возглавлял главный муфтий Имамата, ему подчинялись муфтии в мудирствах и наибствах, им, в свою очередь, кадии в селах и сельских общинах.
3. *Управление вооруженными силами и производством вооружения и боеприпасов* осуществлял главнокомандующий, у которого заместителями были мудиры в чине генералов. Главнокомандующему прямо подчинялись командир полка муртазиков, командующий артиллерией, руководитель разведки и контрразведки. Мудирам подчинялись наибы, а они, в свою очередь, имели в своем подчинении маъзунов, пятисотников, сотников, десятников и т.д. В зависимости от состояния и численности вооруженных сил и самого государства, менялось количество мудиров, наибов, пятисотников, сотников. До учреждения и после упразднения должности мудиров наибы прямо подчинялись главнокомандующему и Государственному Совету. В составе управления вооруженными силами были и структуры, ответственные за производство оружия и боеприпасов.
4. *Управление собственностью* или экономическое управление осуществляло рациональное использование государственной собственности, сбор и распределение налогов, контроль за пополнением и расходованием казны (байтул-мал), материальное и финансовое обеспечение государства.
5. *Управление по науке и учебным заведениям* занималось организацией в государстве работы примечетских школ, медресе, заботилось об ученых и учителях в государстве.

6. *Управление по делам христиан, покровительству им и веротерпимости* (само название говорит, в чем заключалась деятельность этого управления: церкви, скиты, костелы, синагоги, перебежчики, пленные, мухаджиры и т.д.).
7. *Контрольное управление* (служба мухтасибов).
8. *Управление связи и информации* состояло из летучей почты при Госсовете, из ответственных должностных лиц в наибствах и селениях за четкое функционирование летучей почты.
9. *Управление законодательства* под руководством имама Шамиля разрабатывало законы, низамы и другие нормативные правовые акты, которые рассматривались и утверждались на заседании Государственного Совета или на общегосударственных съездах.

В монографии показана работа всех ветвей государственной власти Имамата: исполнительной, законодательной, судебной.

Показана также структура вооруженных сил государства Имамат, дана карта территорий, входивших в Имамат.

БИБЛИОГРАФИЯ

I. ИСТОЧНИКИ

а) ДОКУМЕНТЫ ЦЕНТРАЛЬНЫХ И МЕСТНЫХ АРХИВОВ

РГВИА

1. Ф. 400. – Д. 918. Ф. ВУА. – Д. 482, 1293, 1528, 4290, 4311, 4334, 4648, 4819, 4974, 5953, 6164, 6210, 6281, 6286, 6294, 6379, 6391, 6438, 6442, 6448, 6468, 6482, 6512, 6514, 6528, 6550, 6589, 6696, 12933, Ф.13454. – Д. 14, 1186, 18474, 18502, 18503, 19264; Ф. 38. – Д. 371.

РГИА СПб

1. Ф. 1100. Д. 33.
2. Ф. 1268 Оп. 1 Д. 545.

ЦГИА

1. Кавказский комитет. Ф. 1268. Оп. 1. Д. 122, 125, 138, 171, 172, 173, 174, 437, 439, 648, 650.

ЦГИА РГ

2. Военно-исторический отдел Кавказского военного округа. Ф. 2. Д. 1311, 2415, 3108; Ф. 16. Д. 3333, 3742; Ф. 154. Д. 901, 2572, 6411; Ф. 416. Д. 451; Ф.1087. Д. 346, 348, 358, 1244.
3. Ф. 79. Д. 16.
4. Ф. 1086. Оп. 1. Д. 345.

ЦГА РД

1. «...Пожалование пенсий и единовременных пособий жителям Прикаспийского края, пострадавшим в период восстания под руководством Шамиля от 3 августа 1855 г. до 17 декабря 1856 г.» Ф. 3. Оп. 9. По реестру 9.
2. Дело об отводе для пастбища лошадям Дагестанского местного батальона. Ф. 170. Оп. 1. – По реестру 607.
3. Из журнала комитета кумыкского округа для разбора личных и поземельных прав туземцев о прекращении зависимых отношений салатавцев от 22 февраля 1862 г. Ф. 105. Оп. 1. Д. 1, 2, 4. 6; Ф. 105. Оп. 3. Д. 1; Ф. 105. Оп. 12. Д. 12.
4. Канцелярия военного губернатора Дагестанской области, гор. Темир-Хан-Шура Ф. 2. Д. 142, 198.
5. Коллекция документов по истории движения горцев под руководством Шамиля Ф.133. Оп. 1. Д. 1, 33. Оп. 2. Д. 1, 2, 3, 4; Оп. 3. Д. 1, 2; Оп. 4. Д. 2. 4, 5, 6. 7, 8, 9, 10, 12, 12а, 13, 14, 15.
6. Командующий войсками и управляющий гражданской частью в Прикаспийском крае. Ф. 3. Оп. 1. Д. 5, 23, 43; Оп. 2. Д. 2; Оп. 10.Д.1.
7. Комиссия по изучению истории гражданской войны в Дагестане при

6. Командующий войсками и управляющий гражданской частью в Прикаспийском крае. Ф. 3. Оп. 1. Д. 5, 23, 43; Оп. 2. Д. 2; Оп. 10.Д.1.
7. Комиссия по изучению истории гражданской войны в Дагестане при Дагестанском ВКП(б) г. Махачкалы. Ф. 175. Д. 3, 13, 15.
8. Материалы о поземном устройстве населения Дагестанской области. Ф. 90. Д. 30. Оп. 2.
9. Рапорт Шамсутдина Шамхала Тарковского о прибавлении ему жалования в связи с повышением его в чине. От 1 января 1859 г. Ф. 3. Оп. 1. По реестру 9. Л. 10; Оп. 3. Ед. хр. 3.

б) МАТЕРИАЛЫ РУКОПИСНОГО ФОНДА ИНСТИТУТА ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ ДНЦ РАН

1. Агларов М.А. Общественный строй народов Дагестана. Ф. 3. Оп. 3. Д. № 208. Л. 34-36.
2. Адаты селения Урада // Ф. 5. Оп. 1. Д. 57.
3. Гайдарбеков М. Антология дагестанской поэзии. Д. № 129, 162; № 236 (историческая хроника).
4. Гарданов Б.А. Покорение Черкесии и выселение черкесов в Турцию. Ф. 1. Оп. 1. Д. 147. Л. 7.
5. Документальные материалы истории Дагестана досоветского периода. Ф.1. Оп. 1. Д. 16, 35, 46.
6. Каяев А. Биографии дагестанских ученых. Д. 1678 (на тур. яз).
7. Краткий отчет начальника Дагестанской области со времени его образования по 1.11.1869. Ф. 1. Оп. 1. Д. 150.
8. Назир из Дургели. Нузхат ал-азхан фи тараджим 'улама'и Дагистан (Услада умов по части биографий ученых Дагестана). Ф. 3. Оп. 1. № 108.(Ф. 30. Оп. 2. Д.108). / Эта работа Назира из Дургели переведена на немецкий язык и издана в Берлине М. Кемпером и А.Р. Шихсаидовым.
9. Название. Ф. 1. Оп. 1. Д. 87. Л. 8; Д. 471.
10. Опись знаков отличия, данная чеченскому старшине Оздемиру // ЦГВИА. Ф. ВУА.
11. Та'рих – Кадиласул Мухаммад ал-Гигатли. Вака'ил – имам Шамиль: Рукопись на арабском языке М.Г.Нурмагомедова / Перевод с арабского языка М.Г. Амирова, Ш.-Д.М. Исаева. Ф. 1. Оп. 1. Д. 588. № 7555.

в) ОПУБЛИКОВАННЫЕ ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ

1. Адаты келебских селений / Памятники обычного права Дагестана. М.: Наука, 1965. С. 75.
2. Айтберов Т.М. Хрестоматия по истории права и государства Дагестана в XVIII-XIX вв. Махачкала, 1999. Ч. 1. 122 с.; Ч. II. 119 с.
3. Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссиею / Под ред. А. Берже. Т. I-XII. Тифлис, 1866-1904.
4. Алексей Петрович Ермолов. Материалы для его биографии. М., 1864.

5. Алкадари Г.-Э. Асари Дагестан (исторические сведения о Дагестане). Махачкала: Изд-во Даг. НИИ, 1929. 184 с.
6. Арабоязычные письма эпохи Шамиля / Составление, перевод с арабского, введение, комментарии, примечания и указатели Р.Ш. Шарафутдиновой. М.: Восточная литература РАН, 2001. 264 с.
7. Аргутинский А.М. Экономический быт государственных крестьян Телавского уезда Тифлисской губернии // Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян Закавказского края. Тифлис, 1887. Т. 5.
8. Архив Маркса и Энгельса / Под ред. В. Адоратского. М.: Партиздат, 1933. Т. 1. 456 с.
9. Бутков П.Г. Сведения о Кубинском и Дербентском владениях. 1798 г. // ИГЭД.
10. Буцковский А.М. Выдержки из описания Кавказской губернии и соседних горских областей. 1812 г. // ИГЭД. С. 243.
11. Всеподданнейший рапорт ген. Ермолова от 14 мая 1818 г. // АКАК. Т. V. Док. 795. С. 447- 448.
12. Ген. Головин Е.А. Очерк положения военных дел на Кавказе с начала 1839 по конец 1842 годов // АКАК. Т. IX. Ч. 1. С. 304.
13. Геничутлинский Хайдарбек. Историко-биографические исторические очерки. Махачкала, 1992. С.176.
14. Гидатлинские адаты. Махачкала, 1957. С. 15.
15. Глиноецкий Н. Поездка в Дагестан // ВС. 1862. Т. XVIII. С. 396-397.
16. Голицын Г.С. Адаты Дагестанской области и Закавказского округа. Судоустройство и судопроизводство. Тифлис, 1899. 622 с.
17. Государство Имамат 1828-1852. Научно-справочный иллюстративно-картографический буклет. Автор-составитель: Умукусум Набиева. Соавтор текста Ахмед Рамазанов. Махачкала, 1997. С. 11.
18. Губчинский Н.П. Поземельная собственность и общественное землепользование на кумыкской плоскости. (Краткий исторический очерк, составленный по официальным источникам). Владикавказ, 1909.
19. Гюлистанский мирный договор между Россией и Персией 12 октября 1813 г. // Русско-дагестанские отношения в XVIII-начале XIX вв.: Сборник документов / Отв. ред. В.Г. Гаджиев. М.: Наука, 1988. С. 306-309.
20. Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20-50-х гг. XIX века: Сборник документов / Сост. В.Г. Гаджиев. Х.Х. Рамазанов. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1959. 786 с.
21. Дневник полковника Руновского, состоявшего приставом при Шамиле во время пребывания его в гор. Калуге с 1859 по 1862 гг. // АКАК. Т. XII. Ч. 2. С. 1395-1528.
22. Докладная записка ген.-м. Граббе гр. Паскевичу от 24 декабря 1829 г. // АКАК. Т. VII. Док. № 466. С. 512-514.
23. Документальная история образования многонационального государства Российского: Россия и Северный Кавказ в XVI-XIX веках: В 4 кн. Кн.1 / Под ред. Г.Л. Бондаревского, Г.Н. Колбая. М., 1998.725с.
24. Донесение Г. Кастильона французскому министру иностранных дел Гизо // Историк-марксист. 1936. № 5. С. 118.

25. Донесение Маркиза Паолуччи военному министру от 9 февраля 1846 года // АКАК. Т. XII. Док. № 224. С.156-160.
26. Зиссерман А.Л. Фельдмаршал А.И. Барятинский // Русский Архив. СПб., 1889. Т. 5.
27. История, география и этнография Дагестана XVIII-XIX вв.: Архивные материалы / Под ред. М.О. Косвена, Х.-М.О. Хашаева. М., 1958. 71 с.
28. Комаров А. Народонаселение Дагестанской области // Записки Кав. отделен. рус. геогр. общества. Тифлис, 1864 г.
29. Крачковский И.Ю. Арабская рукопись воспоминания о Шамиле // Записки Института востоковедения. 1933. Вып. I-II. С. 14.
30. Леонтович Ф.И. Адаты кавказских горцев. Материалы по обычному праву Сверного и Восточного Кавказа. Вып. I. Одесса, 1882. 437 с.
31. Магомеддадаев А.М. Дагестанская диаспора в дальнем зарубежье: история и современность. (По материалам полевых и архивных документов): Сборник полевых и архивных документов по проблеме диаспоры. Махачкала, 1997. 160 с.
32. Материалы Краеведческого музея РД Инв. оп. № 1361.
33. Материалы по истории Дагестана и Чечни (МИДЧ). Т. 3. Ч. 1. С. 389, 393.
34. Мехтулинские ханы // ССКГ. Вып. II. Тифлис, 1869. С.1-17.
35. Мочульский Г. Война на Кавказе и в Дагестане. (Копия с рукописи). 1844 г. Ч. 1: Рукописный фонд ИИЯЛ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 115.
36. Мухаммед-Амин и народно-освободительное движение народов Северо-Западного Кавказа в 40-60 гг. XIX века // Сборник документов и материалов. Махачкала, 1998. 278 с.
37. Народно-освободительная борьба Дагестана и Чечни под руководством имама Шамиля. Сборник документов. М.: Эхо Кавказа, 2005. / Составители: В.Г. Гаджиев, Ю.У. Дадаев, Х.Х. Рамазанов.
38. Орбелиани. Показания прапорщика князя Орбелиани, находившегося в 1842 году в плену у Шамиля // ЦГВИА. Ф. ВУА. Д. 6478.
39. Отношение бар. Розена к гр. Чернышеву от 21 июня 1832 г. // АКАК. Т. VIII. Д. 568. С. 667-671.
40. Отношение ген. Сухозонета к ген. Муравьеву от 3 марта 1856 г. // АКАК. Т. II. Д. 57. С. 73-74.
41. Отношение гр. Ермолова к гр. Гуреву от 5 марта 1818 г. // АКАК. Т. V. Д. 23. С. 19-20.
42. Отношение гр. Паскевича к гр. Нессельроде от 27 марта 1830 г. // АКАК. Т. VII. Д. 496. С. 535-537.
43. Отношение гр. Паскевича к гр. Нессельроде от 27 марта 1830 г. // АКАК. Т. VII. Д. 496. С. 535-537.
44. Отношение гр. Паскевича к гр. Нессельроде от 3 сентября 1828 г. // АКАК. Т. VII. Д. 4262. С. 507-511.
45. Отношение кн. Воронцова к кн. Чернышеву от 30 апреля 1841 г. // АКАК. Т. X. Д. 400. С. 440-441.
46. Паскевич Нессельроде // АКАК. Т. VIII. Тифлис, 1878. С. 530.
47. Письмо кн. Аргутинского к ген. Нейдгардту от 27 ноября 1843 г. // АКАК. Т. IX. Ч. 2. Д. 670. С. 489-490.

48. Письмо от 5 и 6 октября 1855 г. барону Л. Николаи // Русская Старина. СПб., 1882. Т. XXXVI. С. 276-277.
49. Показания прапорщика Орбелиани // ДГСВК. Махачкала, 1959.
50. Предписание ген. Головина ген. Граббе от 16 марта 1842 г. // АКАК. Т. IX. Ч. 1. Д. 335. С. 337-380.
51. Предписание ген. Ермолова // АКАК. Т. VI. Ч. 2. 1875. С. 63.
52. Предписание кн. Ермолова ген.м. барону Вреде от 17 марта 1819 г. // АКАК. Т. VI. Ч. 2. Д. 15. С. 8-9.
53. Приказ кн. Воронцова по Отдельному Кавказскому корпусу от 15 февраля 1852 г. // АКАК. Т. VII. Д. 565. С. 617-618.
54. Приказ кн. Воронцова по Отдельному Кавказскому корпусу от 15 января 1852 г. // АКАК. Т. VII. Д. 479. С. 430-432.
55. Рапорт ген. Головина гр. Чернышеву от 21 марта 1839 г. // АКАК. Т. IX. Ч. 1 Д. 247. С. 239-240.
56. Рапорт ген. Головина графу Чернышеву от 17 июля 1840 г. // АКАК. Т. IX. Ч. 1. Д. 333. С. 373-375.
57. Рапорт ген. Головина кн. Чернышеву от 15 декабря 1838 г. // АКАК. Т. IX. Ч. 1. Д. 24.5 С. 227-236.
58. Рапорт ген. Пестеля ген. Ермолову от 20 ноября 1818 г. // АКАК. Т. VI. Ч. 2. С. 57-59.
59. Рапорт ген.-л. Вельяминова барону Розену от 21 октября 1831 г. // АКАК. Т. VIII. Д. 418. С. 539-540.
60. Рапорт кн. Бебутова к кн. Воронцову от 31 декабря 1846 г. // АКАК. Т. X. Д. 399. С. 435.
61. Рукописный фонд Государственной публичной библиотеки им. М.Е.-Салтыкова-Щедрина. Ф. 100. Оп. 2. Д. 121. Л. 1-31.
62. Рукописный фонд ИИЯЛ ДНЦ РАН. Д. 1678, 2189, 2308.
63. Русско-дагестанские отношения в XVIII-начале XIX вв.: Сборник документов / Под ред. В.Г. Гаджиева. М.: Наука, 1988. 360 с.
64. Собственноручное письмо Николая I гр. М.С. Воронцову от 17/XI-1844 г. Архив РАН. Ф. 100. Оп. 1. Д. 130. Л.1.
65. Статистические сведения о кавказских горцах, состоящих в военно-народном управлении // ССКГ. Вып. I. Тифлис, 1868. С. 1-14.
66. УЗ ИИЯЛ Даг. ФАН СССР. Т. 5. С. 146.
67. Феодальные отношения в Дагестане XIX-начало XX вв.: Сборник архивных материалов / Сост. Х.-М.О. Хашаев. М.: Восточная литература РАН, 1969. 396 с.
68. Хрестоматия по истории международных отношений. Африка и передняя Азия / Сост. С.Ю. Абрамова, В.И. Киселева, Н.Н. Сосина-Сенотрусова, Г.А. Нерсесов, А.А. Попова. Вып. 2. М.: Высшая школа, 1972. 258 с.
69. Хрестоматия по истории СССР (1682-1856) / Сост. С.С. Дмитриев, М.В. Нечкина. Т. 11. 2-е изд. М.: Госучпедиздат МП РСФСР, 1949. 960 с.
70. Хрестоматия по истории СССР. XIX в. / Сост. П.П. Епифанов, О.П. Епифанова. М.: Просвещение, 1991. 288 с.
71. Хроника Мухаммеда Тахира ал-Карахи о дагестанских войнах в период Шамиля / Комментированный перевод с арабского Т.М. Айтберова. Ч.1. Изд-во библиотеки фонда Шамиля. Махачкала, 1990. 146 с.

72. Хроника Мухаммеда-Тахира Ал-Карахи. (О дагестанских войнах в период Шамиля) / Пер. с арабского А.М. Барабанова. М.-Л., 1941. 336 с.
73. Шамиль – ставленник султанской Турции и английских колонизаторов: Сборник документальных материалов / Под ред. Ш.В. Цагарейшвили. Тбилиси: Изд-во МВД Грузии, 1953. 562 с.
74. Шихалиев Ш.Ш. Из истории появления в Дагестане последователей накшбандийского и шазилийского тарикатов // Государство и религия в Дагестане. Информационно-аналитический бюллетень. Махачкала, 2003. №1 (4). С. 39-57.
75. Эмиграция дагестанцев в Османскую империю: Сборник документов и материалов / Сост. А.М. Магомеддадаев. Кн. 1. Махачкала: Изд-во ДНЦ РАН, 2000. 434 с.; Кн. 2. Махачкала: Изд-во ДНЦ РАН, 2001. 212 с.

II. ЛИТЕРАТУРА

2. КНИГИ

1. Абдулатипов Р.Г. Дагестан в час испытания: уроки агрессии и подвига. Махачкала, 2000. 224 с.
2. Абдулатипов Р.Г., Кадиев З.М. Русско-дагестанские межнациональные отношения. Исторические очерки. Махачкала: Дагучпедгиз, 1990. 128 с.
3. Абдуллаев М.А. Али Каяев. Дагестан: время, судьбы. Махачкала, 1993.
4. Абдуллаев М. Казем-бек-ученый и мыслитель. Махачкала,1963.156 с.
5. Абдуллаев М.А. Из истории научной и педагогической мысли досоветского Дагестана. Махачкала, 1986. С. 25.
6. Абдуллаев М.А. Из истории философской и общественно-политической мысли народов Дагестана в XIX в. М., 1968.
7. Абдуллаев М.А. Хасан Алкадари. Жизненный путь возрождения, историческое наследие. Махачкала: ИПЦ ДГУ, 1994. 68 с.
8. Абдуллаев М.А. Суфизм и его разновидности на Северо-Восточном Кавказе. Махачкала, 2000.
9. Абдуллахи Ахмед Ан-Наим. На пути к исламской реформации (гражданские свободы, права человека и международное право). М.: Музей и общественный центр имени Андрея Сахарова, 1999. 283 с.
10. Абдурахман из Газикумуха. Книга воспоминаний. Махачкала, 1997.
11. Абдурахман ал-Газигумуки. Краткое изложение подробного описания дел имама Шамиля. Махачкала, 1996. С. 50-51.
12. Абдурахман ал-Газигумуки. Хуласат ат-тафсил... С. 56. / Арабский вариант. Л. 14 б.
13. Абрамов Н.П. Грозный имам Кавказа Шамиль в Калуге. К 50-летию покорения Кавказа. Калуга, 1909. 29 с.
14. Абрамов Я. Кавказские горцы. Краснодар, 1927.
15. Агаев А.Г. Магомед ал-Ярагский. Мусульманский философ: поборник веры, свободы, нравственности // Философия совести. Махачкала, 1995.
16. Агаев А.Г. Магомед Ярагский. Мусульманский философ. Духовный вождь дагестанского освободительного движения XIX века. Махачкала: ИПЦ ДГУ, 1996. 216 с.
17. Агларов М.А. Этногенез в свете политантропологии этнонимии в Дагестане. Махачкала, 1998. С. 74-77.
18. Агларов М.А. Сельская община в Нагорном Дагестане в XVII-XIX вв. М., 1988.
19. Айтберов Т.М. Хрестоматия по истории права и государства Дагестана в XVIII-XIX вв. Ч. I. Махачкала, 1999.
20. Алексеев М.Е., Атаев Б.М. Аварский язык. М., 1998. С. 20.
21. Алиев Б.Г. Союзы сельских общин Дагестана в XVIII-первой половине XIX в. Махачкала, 1999.
22. Аликберов А.К. Эпоха классического ислама на Кавказе. М., 2003.
23. Ал-Йараги Мухаммад. Асар аш-шайх ал-Йараги. Темир-Хан-Шура, 1910.
24. Алкадари Г.-Э. Асари Дагестан (исторические сведения о Дагестане) / Пер. и примечания Али Гасанова (Алкадари). Махачкала: Юпитер, 1994.
25. Ал-Карахи. Блеск дагестанских сабель в некоторых шамилевских битвах. Махачкала, 1990. Ч. I.
26. Ал-Куфи А. Книга завоеваний / Пер. с арабского З.М. Буниятова. Баку, 1981.
27. Ал-Махди Г.М. Яркие мгновения из жизни имама Шамиля. Махачкала, 1998.
28. Алферов П. Кази-Мулла и муридизм в истории покорения Кавказа. Популярное чтение. Казань, 1909. С. 41.
29. Алферьев П. Очерки жизни Шамиля. М., 1905. 46 с.
30. Амирханов М.А. Мир ислама. Махачкала, 1996.
31. Аннемари Шиммель. Мир исламского мистицизма (пер. с англ.). М., 2000.
32. Антонян Г.Г. Реакционное движение Шамиля и некоторые вопросы армянской общественной мысли XIX века. Баку, 1952. 48 с.
33. Анфимов А.М. Крестьянство Северного Кавказа и Дона в период капитализма. Ростов-на-Дону, 1990. 256 с.
34. Арабская рукописная книга в Дагестане. Махачкала, 2001. С. 10.
35. Асиятилов С.Х. Историко-этнографические очерки хозяйства аварцев (XIX-первая половина XX вв.). Махачкала, 1967. 172 с.
36. Атаев Б.М. Аварцы: история, язык, письменность. Махачкала, 1996. С. 91.
37. Ахлаков А.А. Героико-исторические песни аварцев. Махачкала: Изд-во ФАН СССР, 1968. 226 с.
38. Бакиханов А.К. Гюлистан-и Ирам. Баку, 1991.
39. Бартольд В. В. Ислам и культура мусульманства. М.: Изд-во МГУ, 1992. 143 с.
40. Бартольд В.В. Место прикаспийских областей в истории мусульманского мира. Т. 2. Ч. 1. М., 1963. 780 с.
41. Бартольд В.В. Сочинения. М., 1957.
42. Батулил Магомед. Шамиль в Ахульго. Махачкала, 1998, 107 с. (на аварском языке).
43. Белинский В.Г. Полн. собр. соч. Т. 3. М.: Изд-во АН СССР, 1954.

44. Беляев Е.А. Мусульманское сектантство. М., 1957.
45. Беляев С. Десять месяцев в плену у чеченцев. Грозный, 1991.
46. Березин Н. Путешествие по Востоку. Путешествие по Дагестану и Закавказью. Казань-Москва-Петербург, 1849. 334 с.
47. Березин Н. Путешествие по Дагестану и Закавказью. 2-е изд. Казань, 1850.
48. Берже А. П. Выселение горцев с Кавказа // Русская Старина. СПб., 1882. Т. XXXVI.
49. Берже А.П. Материалы для истории завоевания Кавказа. Т. 2. СПб., 1886. 116 с.
50. Берже А.П. Чечня и чеченцы. Тифлис. 1858. 140 с.
51. Бертельс Е.Э. Избранные труды. Суфизм и суфийская литература. М., 1965.
52. Бестужев-Марлинский А.А. Соч.: В 2 т. Т. 1, 2. М., 1958.
53. Блиев М.М., Дегоев В. В. Кавказская война. М., 1994. 592 с.
54. Бобровников В.О. Мусульмане Северного Кавказа. Обычай, право, насилие. М., 2002.
55. Богуславский Л. История Апшеронского полка 1700-1892. Т. 1: Репринтное воспроизведение издания 1892 г. (Изд-во Атаева К.Г. Дагестанская Республика, 1993 г. 538 с.; Т. II. 567 с.
56. Богуславский Л. История Апшеронского полка. СПб., 1892. Т.1.
57. Боденштедт Ф. Народы Кавказа и их освободительная борьба против русских. Махачкала, 1996. 40 с.
58. Боцвадзе Т.Д. Народы Северного Кавказа во взаимоотношениях России с Грузией. Тбилиси, 1974.
59. Брешко-Брешковский Н.А. Дикая дивизия. Рига: Книгоиздат «Мир», 20-е годы. 104 с.
60. Брик Б. Шамиль. Поэма. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1990. 152 с.
61. Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. М., 1823. Ч. I.
62. Булатов Б.Б. Дагестан на рубеже XIX-XX вв. Махачкала, 1996. 288 с.
63. Бурджалов Э.Н. Борьба горцев за независимость под руководством Шамиля. М., 1940.
64. Бурлацкий В. Политические взгляды Добролюбова. М., 1954.
65. Бутаев Б. Перстень наиба. Махачкала, 1991. 160 с.
66. Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722-1803 г.. Т. I. СПб., 1869.
67. Бушуев С.К. Борьба горцев за независимость под руководством Шамиля. М.:-Л.: Изд-во АН СССР, 1939. 178 с.
68. Бушуев С.К. Из истории внешнеполитических отношений в период присоединения Кавказа к России. М., 1955.
69. Вагнер Мориц. Кавказ и земля казаков в 1843–1846 гг. Лейпциг: Дрезден, 1848. Т. 2. (пер. с нем.).
70. Васильев В. Бестужев-Марлинский на Кавказе. Краснодар, 1939.
71. Вердеревский Е.А. Плен у Шамиля. Правдивая повесть о восьмимесячном и шестидневном (в 1854-1855 гг.) пребывании в плену у Шамиля семейств покойного ген.-м. кн. Орбелиани и подполк. кн. Чавчавадзе, основанная на показаниях лиц, участвовавших в событии. СПб., 1856. 2 с.

72. Вердеревский Е.А. Плен у Шамиля. СПб., 1856.
73. Вейденбаум Е.И. Путеводитель по Кавказу. Тифлис: Типография канцелярии Главноначальствующего гражданской частью на Кавказе, 1888. 416 с.
74. Виноградов В.Б., Умаров С.Ц. Вместе к великой цели. Грозный, 1983.
75. Витте С.Ю. Избранные воспоминания 1849-1911 гг. М., 1991 //
76. Воспоминания графа Бенкендорфа о Кавказской летней экспедиции 1845 года. СПб., 1911.
77. Вуткевич Н. Мусульманский вопрос на Кавказе. М., 1877.
78 Гаврилов П. Устройство поземельного быта горских племен Северного Кавказа. Тифлис, 1869. 78 с.
79. Гаджи-Али. Сказание очевидца о Шамиле. Махачкала, 1990.
80. Гаджиев Б.И. У подножья Салатау. Махачкала, 1973. 131 с.
81. Гаджиев Б.И. Шамиль от Гимр до Медины. Махачкала, 1992. 175 с.
82. Гаджиев В.Г. Влияние присоединения Дагестана к России на развитие просвещения и культуры. Махачкала: Дагучпедгиз, 1966. 62 с.
83. Гаджиев В.Г. Движение кавказских горцев под руководством Шамиля в исторической литературе. Махачкала, 1956. 36 с.
84. Гаджиев В.Г. Роль России в истории Дагестана. М.: Наука, 1965. 397 с.
85. Гаджиев В.Г. Социально-политические корни народно-освободительной борьбы горцев Дагестана и Чечни в первой половине XIX в. // Наука Дагестана сегодня: уровень и масштабы поиска. Махачкала, 1998. С. 185.
86. Гаджиев В.Г. Сочинения И. Гербера «Описание стран и народов между Астраханью и рекою Курой находящихся» как исторический источник. М.: Наука, 1979. С. 263.
87. Гаджиев В.Г., Пикман А.М. Российские демократы о борьбе горцев Дагестана и Чечни в 20-50 гг. XIX в. Махачкала, 1998. 120 с.
88. Гаджиев В.Г., Пикман А.П. Великие русские революционные демократы о борьбе горцев Дагестана и Чечни. Махачкала: Даг. ФАН СССР, 1972. 76 с.
89. Гаджиев Г. Имам Гамзат. Махачкала, 1995. С.295. (на аварском языке).
90. Гаджиев С.Ш. Семья и брак у народов Дагестана в XIX-начале XX вв. М.: Наука, 1985. 360 с.
91. Гамзатов Г.Г. Преодоление, становление советской литературы. Махачкала, 1986.
92. Гамзатов Р. О бурных днях Кавказа. М.: Современник, 1989. 415 с.
93. Гаммер М. Шамиль. Мусульманское сопротивление царизму. Завоевание Дагестана и Чечни. М., 1998.
94. Гаммер М. Шамиль. Мусульманское сопротивление царизму. Завоевание Чечни и Дагестана. М.: Крон-Пресс, 1998.
95. Гаммер М. Шамиль – правитель государства и его дипломатия. Махачкала, 1997.
96. Гамрекели В.Н. Торговые связи Восточной Грузии с Северным Кавказом. Вып. I. Тбилиси: Мецниереба, 1968. 110 с.
97. Ал-Алкадари Гасан Эфенди Диван-ал-Мажнун. Темир-Хан-Шура, 1913.

98. Гасаналиев М.М. Первая Кавказская война: 1817-1864. Кн. II. Газават: 1829-1839 гг. Махачкала, 2003. С. 198.
99.Гасаналиев М.М. Первая Кавказская война 1817-1864. Кн. I. Сатрап. 1817-1828. Махачкала, 2001. С. 172.
100. Гасанов М.Р. Исторические связи Дагестана и Грузии. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1991. 104 с.
101. Газимухаммед и начальный этап антифеодальной и антиколониальной борьбы народов Дагестана и Чечни: Материалы международной научной конференции 13-14 октября 1993г. Махачкала, 1997. 240 с.
102. Гвоздецкий Н.А. Физическая география Кавказа. М., 1954.
103. Ген. Головин Е.А. Кавказцы или подвиги замечательных лиц, действовавших на Кавказе. СПб., 1859. 450 с.
104. Герцен А.М. Полн. собр. соч. Т. 10. М., 1947.
105. Гизетти А.П. Сборник сведений о потерях войн. Кавказо-горской, персидской, турецких и в Закавказском крае. Тифлис, 1901. 222 с.
106. Гимринский Г. Газимагомед и начальный этап антифеодальной и антиколониальной борьбы народов Дагестана и Чечни. Махачкала, 1997. с 181-237.
107. Гимринский Г. Имам Газимагомед. Махачкала, 1992. С. 62 (на аварском языке).
108. Гольштейн А. Башни в горах. М., 1977.
109. Городецкий Б.М. Библиография Дагестана с древнейших времен до 1920 г. Махачкала, 1933.
110. Государство и государственные учреждения в дореволюционном Дагестане. Махачкала, 1989. С. 102.
111. Грибоедов А.С. Полн. собр. соч. Петроград, 1917. Т. 3. С. 34.
112. Гусейнов Г.Г. Из истории общественной и философской мысли в Азербайджане в XIX в. М., 1949.
113. Дагестан на рубеже веков: приоритеты устойчивого и безопасного развития. М., 1898. С. 204.
114. Дагестан в составе России: Исторические корни дружбы народов России и Дагестана: Тематический сборник ИИЯЛ Даг. ФАН СССР / Составитель Н.А. Магомедов. Махачкала, 1990. 190 с.
115. Дадаев Ю.У. Тропою непокорных. Махачкала, 1995. 51 с.
116. Дадаев Ю.У. Ахульго - боль моя. Махачкала, 1998. С. 477. (на аварском языке).
117. Дадаев Ю.У. От Ахульго до Дарго. Махачкала, 1995. С. 75.
118. Дадаев Ю.У. По тропам шамилевских сражений. Махачкала, 1997. С. 248.
119. Данилевский А. Кавказ и его горские жители в нынешнем положении. М., 1846.
120. Даниялов А.Д. Об извращениях в освещении движения муридизма и Шамиля. Махачкала, 1950.
121. Даниялов Г.-А.Д. Имам Шамиль. Махачкала, 1996. С. 224.
122. Даниялов Г.-А.Д. Имамы Дагестана. По долинам и скалам Дагестана. Махачкала: Юпитер, 1996. 140 с.
123. Даниялов Г.-А.Д. Исторический путь развития народов Дагестана до вхождения его в состав России. Т. 1. Махачкала: Дагучпедгиз, 1995. 253 с.
124. Даниялов Г.-А.Д. Классовая борьба в Дагестане во второй половине XIX-начале XX вв. Махачкала: 1961. 291 с.
125. Даниялов Г.-А.Д. О движении горцев Дагестана и Чечни под руководством Шамиля. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1966. 36 с.
126. Движение горцев Северо-Восточного Кавказа 20-50 гг. XIX в. под руководством Шамиля // Доклады и решения научной сессии Дагестанского филиала АН СССР 4-7 октября 1956 г. / Под ред. Г.-А. Д. Даниялова. Махачкала, 1956. С. 251.
127. Дегоев В.В. Имам Шамиль: пророк. властитель, воин. М., 2001. 375 с.
128. Джахиев Г.А. Россия и Дагестан в начале XIX века. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1985. 96 с.
129. Дзагуров Г.А. Переселение горцев в Турцию: Материалы для истории горских народов. Ростов-на-Дону, 1925. 201 с.
130. Договоры России с Востоком. Политические и торговые. СПб., 1869. С. 208-214.
131. Долгушин А. Переселение в Тверскую область из внутренних губерний России. Владикавказ, 1907.
132. Доного Х.М. Знамена Кавказской войны. Махачкала, 1997. С. 112.
133. Доного Х.М. Ордена Шамиля. Махачкала, 1997.
134. Доного Х.М. Феодал. Доного Мухамад Гоцинский. Махачкала, 2002. 40 с.
135. Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. (Очерк Кавказа и народов его населяющих). Т. 1. СПб., 1871. 640 с.
136. Дубровин Н.Ф. Обзор войн России от Петра великого до наших дней. СПб., 1892. Т. II. С. 221.
137. Дугричилов М.М. Последний газават. Махачкала, 1990. 104 с.
138. Дурманов Н.Д. Понятие преступления. М.-Л., 1948. С. 230.
139. Дюма А. Кавказ. Тбилиси, 1988. С. 77.
140. Егорова В.П. И.С.Костемеровский (1813-1891 гг.) – представитель русской интеллигенции в Дагестане. Махачкала: ИПЦ ДГУ, 2000. 80 с.
141. Елецкий О. Статистическое описание Закавказского края. СПб., 1835.
142. Ермович Г.К. Взятие аула Ахульго в Дагестане. СПб., 1911. 21 с.
143. Заичкин И.А., Почкаев И.Н. Русская история от Екатерины Великой до Александра II. М.: Мысль, 1994. 768 с.
144. Зайончковский А.М. Восточная война 1853-1856 гг. в связи с современной ей политической обстановкой. Т. 1: Приложение. СПб., 1908.
145. Захарьин (Якунин) И.Н. Встреча с сыном Шамиля и его рассказы об отце. СПб., 1902.
146. Захарьин (Якунин) И.Н. Кавказ и его герои. СПб., 1902.
147. Зиссерман А.А. История 80-го пехотного Кабардинского ген.-фельд. кн. Барятинского полка (1726-1880). СПб., 1881. Т. 3.

148. Зиссерман А.П. История 80 пехотного Кабардинского генерала-фельдмаршала кн. Барятинского полка. Т. 1. СПб., 1881.
149. Зиссерман А.П. Двадцать пять лет на Кавказе (1842-1867). Ч. 1-2. СПб., 1879. 424 с.
150. Зиссерман А.П. Фельдмаршал кн. А.И. Барятинский. Т. 3. М., 1888-1891.
151. Зиссерман А.П. Фельдмаршал князь А.И. Барятинский. Т.2. М., 1890.
152. Зубов П. Картина Кавказского края. СПб., 1835.
153. Ибрагимбейли Х.-М. Кавказ в Крымской войне 1853-1856 гг. и международные отношения. М.: Наука, 1971. 404 с.
154. Ибрагимбейли Х.М. Россия и Азербайджан в первой трети XIX в. М.: Наука, 1969. 287 с.
155. Ибрагимбейли Х.-М. Страницы истории боевого содружества. Баку, 1970. 240 с.
156. Ибрагимов Г.Х. Участие цахурцев в Кавказской войне.
157. Ибрагимов М. (Ахмадил Мухамаднаби). Гимры – свидетель истории. Махачкала, 1997. С.94. (на аварском языке).
158. Ибрагимова М. Имам Шамиль. М., 1991. 602 с.
159. Иваненко А. Гражданское управление Закавказьем. Тифлис, 1901. С. 228-230.
160. Иванов Р.И. Хаджи-Мурат. Документы. Письма. Очерки. Факты. М., 1999. 256 с.
161. Из рапорта командующего войсками на Кавказской линии и в Черномории П.Х. Граббе военному министру гр. Н.И. Чернышеву о действиях против Шамиля от 29 августа 1839 г. // МИДЧ
162. Из взаимоотношений Дагестана с Россией и с народами Кавказа: Сборник статей ИИЯЛ Даг. ФАН СССР / Отв. ред. В.Г. Гаджиев. Махачкала, 1982. 201 с.
163. Из истории взаимоотношений Дагестана с Россией и с народами Кавказа // Сборник статей ИИЯЛ Даг. ФАН СССР. Махачкала, 1982. 201 с.
164. Извлечение из рапорта ген. Нейдгардта кн. Чернышеву от 26 сентября 1843 г. // АКАК. Т. IX. Ч. 2. Д. 653. С. 766-767.
165. Извлечение из рапорта кн. Аргутинского ген. Нейдгардту от 24 апреля 1844 г. // АКАК. Т. IX. Ч. 2. Д. 695. С. 825-828.
166. Ильин П. Историческое описание о Шамиле, называвшемся «Имамуль А'зам» («Наместник пророка»). М., 1859.
167. Иоаннисян А.Р. Присоединение Закавказья к России и международные отношения в начале XIX столетия. Ереван, 1958.
168. Исаев А.А. Дагъиста имамтачила ва наибуначила даргантала далуйти (Даргинские песни об имамах и наибах Дагестана). Махачкала, 2002.
169. Исторический очерк кавказских войн от их начала до присоединения Грузии к 100-летию занятия Тифлисса русским войском / Под ред. В.А. Потто. Тифлис, 1889. 323 с.
170. История Азербайджана. Т. 2. Баку, 1960.
171. История Дагестана: М.: Наука, 1967. Т. 1.
172. История Дагестана: М.: Наука, 1968. Т. 2. 368 с.

173. История добровольного вхождения чеченцев и ингушей в состав России и его прогрессивное последствие. Грозный, 1988.
174. История Кабардино-Балкарской АССР с древнейших времен до наших дней. М.: Наука, 1967. 472 с.
175. История Кабарды: с древнейших времен до наших дней. М.: Изд-во АН СССР, 1957. 395 с.
176. История народов Северного Кавказа (конец XVIII в.-1917). М.: Наука, 1988. 660 с.
177. История Северо-Осетинской АССР. 2-е изд. Т. 1. М., 1987. 528 с.
178. История СССР / Под ред. проф. М.В. Нечкиной. М., 1949. Т. 2. 871 с.
179. История СССР с древнейших времен до наших дней: В 12 т. М.: Наука, 1968. Т. 4. 466 с.
180. История СССР. М., 1954. Т. 2. 650 с.
181. Минорский. История Ширвана и Дербенда. X-XI вв. М., 1963.
182. Йакуби. История / Текст и перевод с араб. П.К. Жузе. Баку, 1927.
183. К 50-летию образования Дагестанского научного центра Российской академии наук: Тезисы докладов Региональной научной конференции молодых ученых, посвященной гуманитарным исследованиям ДНЦ РАН ИИЯЛАЭ, ИСЭИ НИИГН Чеченской Республики. Махачкала, 1995. 246 с.
184. Казбек. Кюринцы в Чечне и Дагестане 1834-1861 гг. Тифлис: Типография А.А. Михельсона, 1885. 484 с.
185. Казем-бек М.-А.К. Муридизм и Шамиль. Махачкала, 1990. 66 с.
186. Казиев Ш. Имам Шамиль. М., 2001. 378 с.
187. Казиев Ш. Имам Шамиль. М., 2003.378 с.
188. Каймаразов Г.Ш. Очерки истории культуры, народов Дагестана. От времен присоединения к России до наших дней. М.: Наука, 1971. 476 с.
189. Каспари А.А. Покоренный Кавказ. СПб., 1904. 460 с.
190. Кашкаев Б.О. Вечен в сердце народа: исторический очерк. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1987. 155 с.
191. Керимов Г.М. Ал-Газали и суфизм. Баку, 1969.
192. Керимов Г.М. Шариат и его социальная сущность. М.: Наука, 1978. 223 с.
193. Кидирниязов Д.С. Отношение ногайцев к народно-освободительному движению.
194. Киняпина Н.С. Внешняя политика России в первой половине XIX в. М., 1963.
195. Киняпина Н.С., Блиев М.М., Дегоев В.В. Кавказ и Средняя Азия во внешней политике России. М.: Изд-во МГХ, 1984. 328 с.
196. Киреева Л.С. Горская тематика в исторических песнях терских казаков: Сборник работ аспирантов / Отв. ред. А.Х. Акимов. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1974. С. 178-183.
197. Климович Л. Ислам в царской России. М., 1936. 105 с.
198. Ключевский В.О. Курс русской истории. Ч. V. М.: Мысль, 1989. 439 с.
199. Ковалевский Е.П. Война с Турцией. Разрыв с западными державами в 1853 и 1854 годах. СПб.: Типогр. бр. Глазуновых, 1871. 345 с.

200. Ковалевский М.М. Закон и обычай на Кавказе. Т. 1-2. М., 1890. 304 с.
201. Ковалевский П.И. Восстание в Чечне и Дагестане. СПб., 1912.
202. Ковалевский П.И. История завоевания Кавказа. СПб., 1915. 270 с.
203. Кодекс Шамиля / Отв. ред. А. Гасанов. Махачкала, 1992. 52 с.
204. Козловский Н. П. Лекции по новой истории России. Варшава, 1911. Т. II. С. 722.
205. Козубский Е.И. История Дагестанского конного полка. Петровск, 1909. С. 23.
206. Козубский Е.И. Памятная книжка Дагестанской области. Темир-Хан-Шура, 1895.
207. Колониальная политика Российского царизма в Азербайджане. Ч. 2. М.:-Л., 1936.
208. Корганов А.С. История 45-го Драгунского полка. Тифлис, 1884. 437 с.
209. Костенецкий И. Записки об аварской экспедиции на Кавказе 1837 года. СПб., 1851.
210. Котлов Л.Н. Становление национально-освободительного движения на Среднем Востоке. М., 1975.
211. Крачковский И.Ю. Избранные сочинения. Т. 3. М.:-Л.: Изд-во АН СССР, 1956. 470 с.
212. Крачковский И.Ю. Новые рукописи истории Шамиля Мухаммед-Тахира ал-Карахи // Избранные сочинения. М.-Л., 1960. Т. IV. С. 580-599.
213. Крачковский Н. Ю. Избранные сочинения. М.:- Л., 1960. Т. VI. С. 571, 617.
214. Лавров Л.И. Новое о Зирих-Гиране и газикумухских шамхалах // Из истории дореволюционного Дагестана. Махачкала, 1976.
215. Лавров Л.И. Эпиграфические памятники Северного Кавказа. М., 1966.
216. Лапинский Т. (Теффик-бей). Горцы Кавказа и их освободительная борьба против русских. Нальчик, 1995. С. 222.(пер. с нем.).
217. Ленин В.И. «Крестьянская реформа» и пролетарско-крестьянская революция // Полн. собр. соч. М., 1974. Т. 20. С. 173.
218. Ленин В.И. Критические заметки по национальному вопросу // Полн. собр. соч. М., 1974. Т. 4. С. 288.
219. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 27. С. 379.
220. Лермонтов М.Ю. Валерик // Избранные сочинения. М.: Худ. лит., 1987. С. 149-155.
221. Лермонтов М.Ю. Кавказские поэмы. М., 1990. 240 с.
222. Лорер Н.И. Записки декабриста. М., 1931. 259 с.
223. Магомеддадаев А.М. Мухаммад-Амин и народно-освободительное движение народов Северо-Западного Кавказа в 40-60 гг. XIX в. Махачкала, 1998.
224. Магомедов М.Б. Борьба горцев Дагестана и Чечни в 20-50-х годах XIX века (по материалам основных сражений). Махачкала, 2001. 243 с.
225. Магомедов М.Б. Историко-правовые аспекты Кавказской войны 20-50-х годов XIX века. М., 2000. 215 с.
226. Магомедов М.Б. Имамат: государственное строительство и его правовые аспекты. М.: Изд-во МГУ, 2001. 50 с.

227. Магомедов М.Б. Историко-правовые проблемы освещения борьбы горцев Северо-Восточного Кавказа в исторической литературе (1980-1994 гг.). М.: Изд-во МГУ, 2001. 52 с.
228. Магомедов М.Б. Кавказская война 20-50-х годов XIX века: историко-правовые аспекты. М., 2003. 675 с.
229. Магомедов М.Г. История Дагестана с древнейших времен до конца XIX века. Ч. 1. Махачкала, 1997. 295 с.
230. Магомедов Р.М. Борьба горцев за независимость под руководством Шамиля. М., 1939. 132 с.
231. Магомедов Р.М. Борьба горцев за независимость под руководством Шамиля. Махачкала, 1991. 136 с.
232. Магомедов Р.М. Даргинцы в дагестанском историческом процессе. Махачкала, 1999. Т. 419 с.
233. Магомедов Р.М. Два столетия с Шамилем. Махачкала, 1997. 76 с.
234. Магомедов Р.М. Имам Шамиль. Дагкнигоиздат, 1941.
235. Магомедов Р.М. История Дагестана. Махачкала, 1968.
236. Магомедов Р.М. Легенды и факты о Дагестане. Из записных книжек историка. Махачкала, 1969.
237. Магомедов Р.М. О движении Шамиля. Махачкала, 1949.
238. Магомедов Р.М. Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII начале XIX вв. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1957. 408 с.
239. Магомедов Р.М. Шамиль в отечественной истории. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1990. 104 с.
240. Магомедов Р.М. Шамиль. Махачкала, 1940. 28 с.
241. Магомедов Ш.Б., Идрисов М.М. Интернациональный характер борьбы горцев Северо-Восточного Кавказа в 20-50-е годы XIX века. Махачкала: ИПЦ ДГУ, 1994. 84 с.
242. Мансуров Ш.М. Салатавия (Социально-экономическая и политическая история в конце XVIII – первой половине XIX в.). Махачкала, 1995. 252 с.
243. Маркграф О.В. Очерки кустарных промыслов Северного Кавказа. М., 1882.
244. Марков Е. Общий очерк Кавказа в прошлом и настоящем. Живописная Россия. Т. 9. М.-СПб., 1883.
245. Марков Е. Очерки Кавказа. Картины кавказской жизни, природы и истории. СПб., 1887.
246. Маркс К. Персидская экспедиция в Афганистане и русская экспедиция в среднюю Азию. – Дания. – Военные действия на Дунае и в Азии. – Унганские углекопы // Там же. С. 463-468.
247. Маркс К. Турция и Россия. Бюджет // Там же. С. 145-150.
248. Маркс К. Энгельс Ф. Соч. Т. 12. С. 119.
249. Маркс К., Энгельс Ф. (Приложение) Коммунистический манифест. М., 1930.
250. Мартиросян Г.К. История Ингушетии: Материалы. Орджоникидзе, 1933. 320 с.
251. Маршаев Р.Г. Бутаев В. История лакцев. Махачкала, 1992. 210 с.
252. Маршаев Р.Г. Лакцы в народно-освободительном движении горцев в 20-50 гг. XIX в.

253. // Народно-освободительное движение горцев Дагестана и Чечни в 20-50 гг. XIX в. Махачкала. 1994 // Материалы всесоюзной научной конференции 20-22 июня 1989 г.
254. Массэ А. Ислам. М., 1963. С.137.
255. Материалы (неопубликованные) Международной научной конференции, посвященной 200-летию со дня рождения имама Шамиля. 21-23 октября 1997 года. Махачкала, 1997.
256. Мехтиев В. Первый и последний бой Шамиля. Махачкала, 1991. 16 с.
257. Межвузовская научная конференция по вопросам истории стран Азии и Африки в Советской историографии. 20-22 декабря 1966 года: Тезисы докладов института восточных языков при МГУ / Отв. ред. Э.П. Стижина. М.: МГУ, 1996. 72 с.
258. Милютин Д.А. Воспоминания. Томск, 1919. Т. 1. С. 287-292.
259. Милютин Д.А. Описание военных действий 1839 года в Северном Дагестане. СПб., 1850. С. 295.
260. Мир Халид Сайфуллах б.Хусайн Башлар ан-Ницубкри ал-Гази-Гумуки ан-Накшбанди ал-Кадири аш-Шазили аш-Шафии ад- Дагистани. Мактубат Халид Сайфуллах ила Фукараи ахл Аллах. Дамаск, 1998. (на арабском языке).
261. Мориц Вагнер. Кавказ и земля казаков в 1843–1846 гг. Лейпциг: Дрезден, 1848. Т. 2. С. 210. (на немецком языке).
262. Муравьев Н.Н. Война за Кавказом. СПб., 1877. Т. 1. С. 293.
263. Муртиросян Г.К. История Ингушетии: Материалы. Орджоникидзе, 1933. 320 с.
264. Мусаев Г. М-С. Участие рутулов в Кавказской войне. С. 233-235
265. Мухаммед Тахир ал-Карахи. Блеск дагестанских сабель в некоторых шамилевских битвах / Комментированный перевод Т. Айтберова. Махачкала, 1990. Ч. 1. 147 с.; Ч. 2. 127 с.
266. Мухаммед Тахир. Три имама. Махачкала, 1927.
267. Мухаммед Тахир. Три имама. Махачкала, 1990. 100 с.
268. Набиева У.Н., Рамазанов А.Х. Государство Имамат. 1828-1859. Махачкала, 1997. 19 с.
269. Надеждин П.П. Кавказский край, природа и люди. Тула, 1895.
270. Надеждин П.П. Опыт географии Кавказского края. Тула, 1891.
271. Нахшунов И.Р. Экономические последствия присоединения Дагестана к России. (Дооктябрьский период). Махачкала: Дагкнигоиздат, 1956. 158 с.
272. Народно-освободительное движение горцев Дагестана и Чечни в 20-50-х годах XIX в. // Всесоюзная научная конференция. 20-22 июня 1989 года ИЯЛИ, ИИАЭ ДНЦ РАН: Тезисы докладов и сообщений. Махачкала: Изд-во Даг. ФАН СССР, 1989. 194 с.
273. Народно-освободительное движение горцев Дагестана и Чечни в 20-50 годах XIX в.: Материалы Всесоюзной научной конференции. 20-22 июня 1989 года ИЯЛИ, ИИАЭ ДНЦ РАН / Отв. ред. Г.Г. Гамзатов. Махачкала, 1994. 360 с.
274. Народно-освободительное движение горцев Дагестана и Чечни в 20-50-х гг. XIX века // ВИ. 1990. № 1.
275. Неверовский А.А. Истребление аварских ханов в 1834 г. СПб., 1848. С. 12.

276. Неверовский А.А. Краткий взгляд на Северный и Средний Дагестан в топографическом и статистическом отношении. СПб., 1847.
277. Неверовский А.А. Краткий исторический взгляд на Северный и Средний Дагестан до уничтожения влияния лезгин на Закавказье. СПб., 1848. 42 с.
278. Неверовский А.А. О начале беспокойств в Северном и Среднем Дагестане. СПб., 1847. 36 с.
279. Немирович-Данченко В.И. Горные орлы. (Исторический роман из времени Кавказской войны). СПб., 1904.
280. Нечкина М.В. История СССР. Россия в XIX веке. М.: Госполитиздат, 1949. Т. 2. 871 с.
281. Никитин С.А. Источниковедение истории СССР XIX в. до начала 90-х г. М., 1940.
282. Обозрение Российских владений за Кавказом в статистическом, этнографическом, топографическом и в финансовом отношении. СПб., 1836. Ч. IV. С. 187.
283. Образцы арабоязычных писем Дагестана XIX в. / Введение, издание текстов, переводы комментарии и статьи Х.А. Омарова. Махачкала, 2002. 278 с.
284. Оганесян Л.А. Истории медицины в Армении с древнейших времён до наших дней. Ереван, 1946. Ч. III. С. 188.
285. Оганесян Ю. Абд-Аль-Кадыр. М., 1960.
286. О движении горцев под руководством Шамиля: Материалы сессии Даг. ФАН СССР. 4-7 октября 1956 года / Отв. ред. Г.-А.Д. Даниялов. Махачкала, 1957. 251 с.
287. Ольшевский М.Я. Кавказ с 1841 по 1866 гг. СПб., 1894.
288. Омаров Абдулла. Дагестан: время и судьбы. Махачкала, 1990. С. 174-175.
289. Омаров Х.А. 100 писем Шамиля. Махачкала, 1997.
290. Омаров Х.А. Образцы арабоязычных писем Дагестана XIX в. (Хрестоматия по чтению, переводу и комментированию). Махачкала, 2002.
291. Оразаев Г. М-Р. Историческая литература кумыков о событиях и деятелях периода Кавказской войны.
292. Острогорский М. Завоевание Кавказа. Рассказ из Отечественной истории (1801-1864гг.). СПб., 1880. 32 с.
293. Очерк истории Дагестана: Махачкала: Дагкнигоиздат, 1957. Т. 1. 393 с.
294. Очерк Чечено-Ингушской АССР (с древнейших времен до наших дней). Грозный: Чечкнигоиздат, 1972. 360 с.
295. Очерки Истории СССР (III-IXвв.). М., 1953. С. 860.
296. Очерки Карачаево-Черкесии. Ставрополь: Ставропольккнигоиздат, 1967. 600 с.
297. Павленко П.А. Кавказская повесть. М., 1958.
298. Павленко П.А. Шамиль. Махачкала: Дагучпедгиз, 1990. 222 с.
299. Пашаева Ш.Ю. Мухаммад ал-Яраги и кавказский мюридизм. Махачкала, 2003.
300. Переписка А.С. Пушкина: Сборник писем: М.: Художественная литература, 1982. Т. 1. 490 с.
301. Переписка Л.Н. Толстого с сестрой и братьями: Сборник писем /

Ред. В.Э. Вацуро. М.: Художественная литература, 1990. 544 с.
302. Песни горцев. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1990. 368 с.
303. Петров А. История 83 пехотного Самурского полка. Петровск, 1892. 345 с.
304. Петрушевский И. Джаро-Белоканское вольное общество в первой четверти XIX в. Тбилиси, 1934.
305. Петрушевский И.П. Джаро-Белоканские вольные общества в первой половине XIX в. Махачкала, 1993. 166 с.
306. Петрушевский И.П. Джаро-Белоканские вольные общества в первой трети XIX столетия. Внутренний строй и борьба с российским колониальным наступлением. Тифлис, 1934.
307. Пикуль В. Миниатюры. Л., 1983.
308. Пирогов Н.И. Отчет о путешествии по Кавказу. М., 1952.
309. Погодин М. Алексей Петрович Ермолов. Материалы для его биографии. М., 1963.
310. Пожидаев В.П. Горцы Северного Кавказа. Ингуши, чеченцы, хевсуры, осетины и кабардинцы: Краткий историко-этнографический очерк. М.-Л., 1926.
311. Покровский М.В. Из истории адыгов в конце XVIII-первой половине XIX века. Краснодар: Краснодаркнигоиздат, 1989. 319 с.
312. Покровский М.Н. Дипломатия и война царской России в XIX столетии. М.: Красная новь, 1923. 392 с.
313. Покровский М.Н. Избранные произведения. М.: Мысль, 1965. Кн. 2. 604 с.
314. Покровский Н.И. Кавказские войны и Имамат Шамиля. М.: РОССПЭН, 2000.
315. Покровский Н.И. По поводу одной даты // Исторические записки Т. 10. С. 300-301.
316. Политико-правовые ценности: историзм и современность / Под ред. В.С. Нерсесянца. М.: Эдиториал УРСС, 2000. 256 с.
317. Попов А.В. Декабристы-литераторы на Кавказе. Ставрополь, 1963.
318. Попко И. Терские казаки со стародавних времен. СПб., 1880. С. 122.
319. Попова О.И. Грибоедов – дипломат. М., 1964. 663 с.
320. Потто В. Исторический очерк Кавказских войн от их начала до присоединения Грузии и 100-летию занятия Тифлиса русскими войсками. Тифлис, 1889. 323 с.
321. Потто В. История 44-го Драгунского Нижегородского полка. СПб., 1893. Т. 1. 138 с.
322. Потто В.А. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях // Собр. соч.: В 5 т. СПб., 1895.
323. Потто В.А. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. СПб., 1887. Т. I-II. Вып. 1-4. 700 с.
324. Потто В.А. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях: СПб., 1889. Вып.1-2. 320 с.
325. Потто В.А. Утверждение русского владычества на Кавказе. Тифлис, 1901. Т. 1. 319 с.

326. Потто В.А. Кавказская война. Ставрополь: Кавказский край, 1994. Т. 5. С. 56.
327. Пржецлавский П.Г. Шамиль в Калуге. СПб., 1877.
228. Проблемы социально-экономического и политического развития Дагестана // Межвузовский научно-технический сборник. Махачкала, 1991. 120 с.
329. Прозрителев Г.Н. Кавказское оружие // Сабли рая (Горское оружие в Кавказской войне). Грозный, 1992.
330. Прозрителев Г.Н. Посольство от Шамиля к абадзехам. Махачкала: Изд-во Даг. НИИ, 1924. 24 с.
331. Пронштейн А.П. и др. Дон и степное Предкавказье XVIII-первая половина XIX вв. (социальные отношения, управление и классовая борьба). Ростов-на-Дону: Изд-во РГУ, 1977. 207 с.
332. Прушановский К.И. Исторические записки // Там же.
333. Пушкин А.С. Путешествие в Арзрум // Соч. М., 1936. Т.4. 564 с.
334. Пушкин А.С. Стихотворения. Поэмы. М.: Современник, 1974. 304 с .
335. Рамазанов А.Х. Военное искусство Шамиля. Махачкала, 1999.
336. Рамазанов А.Х. Государство и право Имамата. Махачкала: ИПЦ ДГУ, 2003. 56 с.
337. Рамазанов А.Х. Международные экономические связи и культурное развитие Дагестана в составе России в XIX-начале XX вв. Махачкала: Юпитер, 1997. 111 с.
338. Рамазанов А.Х. Реформаторская деятельность великого имама Шамиля. Махачкала, 1996. 56 с.
339. Рамазанов А.Х. Семья имама Шамиля. Махачкала: Дагучпедгиз, 1996. 24 с.
340. Рамазанов Х.Х. Колониальная политика царизма в Дагестане в первой половине XIX в. Махачкала, 1996.
341. Рамазанов Х.Х. Эпоха Шамиля. Махачкала, 2004. 343 с.
342. Рамазанов Х.Х., Рамазанов А.Х. Военное искусство Шамиля. Махачкала: Юпитер, 1999. 72 с.
343. Рамазанов Х.Х., Рамазанов А.Х. Мухаммед Ярагский – идейный вождь освободительной борьбы народов Кавказа. Махачкала: ИПЦ ДГУ, 1998. 64 с.
344. Рамазанов Х.Х., Рамазанов А.Х. Шамиль – исторический портрет. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1990. 96 с.
345. Рамазанов Х.Х., Шихсаидов А.Р. Очерки истории Южного Дагестана. Махачкала, 1964. 223 с.
346. Ризванов Р. Дело имама Шамиля: Документальные материалы и свидетельские показания. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1992. 224 с.
347. Романовский Д.А. Кавказ и Кавказская война. СПб., 1860. С. 120.
348. Романовский Д.И. Генерал-фельдмаршал А.И. Барятинский и Кавказская война. 1815-1879 гг. СПб., 1882. 72 с.
349. Романовский Д.И. Кавказ и Кавказская война. Публичные лекции. СПб., 1860. 460 с.
350. Румянцев И.Н. В плену у Шамиля. СПб., 1877. 48 с.
351. Руновский А. Взгляд на сословные права и на взаимоотношения сословий в Дагестане (со слов Шамиля). СПб., 1862.

352. Руновский А. Записки о Шамиле. М., 1860. 175 с.
353. Руновский А. Записки о Шамиле. М., 1989.
354. Руновский А. Кодекс Шамиля. Махачкала, 1992.
355. Русская старина. 1872. Т V. С. 438.
356. Русская старина. СПб., 1882, ноябрь. С. 283.
357. Русские поэты XIX века (вторая половина) / Сост. Т.П. Кызымова. М.: Просвещение, 1989. 576 с.
358. Русско-дагестанские отношения в XVIII - нач. XIX вв. М., 1988.
359. Сагитов Л.Д. Чеченская республика (население, экономика, история). Все о Чечне и ее народе. Грозный, 1995. 47 с.
360. Саидов М.-С.Д. Возникновение письменности у аварцев // Языки Дагестана. Махачкала, 1948. Вып. I.
361. Сборник работ аспирантов. Гуманитарные факультеты / Отв. ред. А.Х. Акимов. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1974. 200 с.
362. Сборник статей студентов, аспирантов и преподавателей университета. (Гуманитарные и естественно-технические науки) / Ред. кол. В.Г. Алиев и др. Махачкала: ДГУ, 1993. 201 с.
363. Сборник статей студентов, аспирантов и преподавателей университета. (Гуманитарные науки) / Ред. кол. В.Г. Алиев и др. Махачкала: ДГУ, 1992. 112 с.
364. Селимханов А.К. Из истории просвещения в Дагестане в XIX в. / / УЗ Даг. Женск. Пединститута. Махачкала, 1957.
365. Семенов Н. Туземцы Северо-Восточного Кавказа, кумыки. СПб., 1895.
366. Семейный быт народов Дагестана // Дагестанский этнографический сборник ИИЯЛ Даг. ФАН СССР / Отв. ред. М.-З.О. Османов. Махачкала, 1980. 120 с.
367. Сергеенко А.П. «Хаджи-Мурат» Л. Толстого. М., 1983.
368. Сидельников Н. Турецкая кампания 1877-1878 гг. СПб., 1878. Т. I-II. 416 с.
369. Симонович И.О. Воспоминания полномочного министра. М., 1967.
370. Скитский Б.Н. Очерки истории горских народов. Орджоникидзе, 1972. 225 с.
371. Служивый (Дубенский Д.Н.). Очерки покорения Кавказа. СПб., 1901. 172 с.
372. Смирнов Н.А. Кабардинский вопрос в русско-турецких отношениях XVI-XVIII вв. Нальчик: Кабардинское государственное издательство. 1948. 118 с.
373. Смирнов Н.А. Муридизм на Кавказе. М.: Изд-во АН СССР, 1963.
374. Смирнов Н.А. Политика России на Кавказе в XVI-XIX вв. М.: Соцэкгиз, 1958. 244 с.
375. Смирнов Н.А. Религиозная сущность движения муридизма и Шамиля на Кавказе. М., 1952. 24 с.
376. Смирнов Н.А. Характерные черты идеологии муридизма. М., 1956.
377. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. М.: Мысль, 1988. Кн. I. Т. I. 797 с.
378. Сотавов Н.А. Крах «Грозы Вселенной». Махачкала, 2000. 195 с.
379. Сотавов Н.А. Северный Кавказ в кавказской политике России. Ирана и Турции в первой половине XVIII века. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1989. 228 с.
380. Спасский И. Г. Иностранные и русские ордена до 1917 г. М., 1963.
381. ССКГ. Тифлис, 1873. Вып. VII. С. 2. (Переиздано в Махачкале в 1995 г.: Гаджи-Али. Сказание очевидца о Шамиле. Махачкала, 1995).
382. ССКГ. Тифлис, 1870. Вып. III. С. 4.
383. ССКГ. Тифлис, 1872. Вып. VI. С. 3-4.
384. Степанянц М.Т. Мусульманские концепции в философии и политике XIX-XX вв. М., 1982.
385. Степанянц М.Т. Философские аспекты суфизма. М., 1987.
386. Сумбат-заде С.М. Кубинское восстание 1837 г. Баку: Изд-во Акад. наук. Аз. ССР, 1961. 124 с.
387. Сыдык Гюмюш М. Признания английского шпиона и враждебная деятельность англичан против ислама. Изд-во Вакифа Ихласа 2, 1995. 143 с.
388. СЭС. М., 1984. С. 945.
389. Тарле Е.В. Запад и Россия. Статьи, документы из истории XVIII-XX вв. Петроград: Былое, 1918. 219 с.
390. Тарле Е.В. Крымская война. 2-е изд. М., 1950. Т. 2. 577 с.
391. Тахнаева П.И. Чох в блистательную эпоху Шамиля 1840-1850 гг. Махачкала, 1997. 160 с.
392. Тезисы докладов V конференции молодых ученых Даг. ФАН СССР. 28-29 июня 1985 года. Махачкала, 1985. 142 с.
393. Ткачев Г.А. Гребенские, Терские и Кизлярские казаки. Владикавказ: Электропечатня Типографии Терского областного правления, 1911. 238 с.
394. Товарно-денежные отношения в дореволюционном Дагестане: Тематический сборник ИИЯЛ ДНЦ АН СССР / Отв. ред. В.Г. Гаджиев. Махачкала, 1991. 174 с.
395. Толстой Л.Н. Собрание художественных произведений. М., 1948. С. 250-251.
396. Толстой Л.Н. Хаджи-Мурат. М.: Художественная литература, 1985. 96 с.
397. Толстой Л.Н. Хаджи-Мурат. Краснодар, 1968. С. 90.
398. Торнау Н. Изложение начал мусульманского законоведения. СПб., 1850. 645 с.
399. Тресков И. Творческое содружество. Нальчик, 1956.
400. Тримингем Дж. Суфийские ордены в исламе / Пер. с англ., под ред. и предисл. О.Ф. Акимушкина. М., 1989.
401. Увайсов У. Аулы – крепости Салта и Гергебиль 1847-1848 гг. Махачкала, 2000. 100 с.
402. Укрепление Ахты. Мужественная защита укрепления в 1848 году и геройская оборона укрепления в 1877 году. СПб., 1898. 96 с.
403. Услар П.К. Этнография Кавказа. Языкознание. Тифлис, 1888. Т. II. С. 39.
404. Ученые записки ИИЯЛ. Махачкала, 1963. Т. XI. С. 166.
405. Фадеев А.В. Россия и Восточный кризис 20-х годов XIX в. М., 1958. С. 111-112.
406. Фадеев А.В. Дореволюционная Россия (1800-1867). М., 1960.

407. Фадеев А.В. Кавказ в системе международных отношений 20-50 гг. XIX в. М., 1957. 350 с.
408. Фадеев А.В. Мюридизм как орудие агрессивной политики Турции и Англии на Северо-Западном Кавказе в XIX столетии // ВИ. 1951. № 9.
409. Фадеев А.В. Очерки экономического развития степного Предкавказья в дореформенный период. М.: Изд-во АН СССР, 1957. 259 с.
410. Фадеев А.В. Россия и Восточный кризис 20-х гг. XIX в. М., 1958. 396 с.
411. Фадеев А.В. Россия и Кавказ в первой трети XIX в. М., 1960.
412. Фадеев Р.А. Шестьдесят лет Кавказской войны. // Соч., СПб., 1889. Т. 1. С. 3.
413. Фадеев Р.А. 60 лет Кавказской войны. Тифлис: В военной походной типографии Главного штаба Кавказской армии, 1860. 146 с.
414. Федоров Г.С. Все мы из рода Дагестанского. Махачкала, 2005. С. 56.
415. Фон Ганстгаузен А. Закавказский край. СПб., 1857.
416. Фонвиль А. Последний год войны Черкесии за свою независимость. (С предисловием С. Эсадзе). Краснодар, 1927.
417. Хавжоко Ш. Муфти. Герои и императоры в черкесской истории. Нальчик, 1994. С. 189. (Пер. с англ.).
418. Доного–Коркмас. Хаджи Мурад (М.М. Коркмасов). Портреты Шамиля в Европе. Махачкала, 1990. С. 5–29.
419. Геничутлинский Хайдарбек. Историко-биографические и исторические очерки. Махачкала, 1992. 176 с.
420. Халилов А.М. Национально-освободительное движение горцев Северного Кавказа под предводительством Шамиля. Махачкала: Дагучпедгиз, 1991. 191 с.
421. Халилов А.М. Общественный строй в Дагестане в XIX веке. М., 1990.
422. Халилов А.М. Шамиль и Кавказская война. Махачкала, 1998.
423. Ханбабаев К.М. Суфизм и борьба горцев // Кавказская война: спорные вопросы и новые подходы. Махачкала, 1998. С. 55-58.
424. Ханбабаев К.М. Муридизм в Дагестане в начале XIX в. // Ислам в Дагестане. Межвузовский научно-тематический сборник статей. Махачкала, 1994. С. 31-35.
425. Хачапуридзе Г.В. К истории Грузии первой половины XIX века. Тбилиси, 1950. 112 с.
426. Хашаев Х.-М.О. Движущие силы муридизма в Дагестане. Махачкала, 1956. 36 с.
427. Хашаев Х.-М. О. Занятия населения Дагестана в XIX в. Махачкала, 1959. 250 с.
428. Хашаев Х.-М.О. Общественный строй Дагестана в XIX веке. М.: Изд-во АН СССР, 1961. 262 с.
429. Хашгулгов Б.М. Ингушетия в период борьбы северокавказских горцев против насаждения российской административной системы.
430. Хисматуллин А.А. Суфизм. СПб., 2001.
431. Хрестоматия по истории Халифата / Сост. и перев. Л. Надирадзе. М., 1968. С. 33-52.

432. Целостность и внутренняя организация в произведениях русской литературы XIX-начала XX века // Межвузовский научно-тематический сборник. Махачкала, 1993. 126 с.
433. Чернышевский Н.Г. Кормило кормчему // Полн. собр. соч. Т. 14. М., 1961.
434. Чернышевский Н.Г. Рассказы о Крымской войне по Кинглеку. М., 1935.
435. Чернявский. Кавказ в течение 25-летнего царствования государя императора Александра II. 1855-1880. СПб.: Военная типография (в здании Главного штаба), 1898. 61 с.
436. Чихачев П.А. Великие державы и Восточный вопрос. М., 1970.
437. Чичагова М.Н. Шамиль на Кавказ и в России. Биографический очерк. СПб., 1889. 207 с.
438. Шамиль. Иллюстрированная энциклопедия. М., 1997. С. 55.
439. Шарафутдинова Р. Арабоязычные документы эпохи Шамиля. М., 2001.
440. Шарафутдинова Р.Ш. Еще один низам Шамиля // Письменные памятники Востока. М., 1975. С. 170.
441. Шевяков Т., Пархаев О. Знамена и штандарты Российской императорской армии конца XIX в. – начала XX в. М., 2002. С. 4.
442. Шенк В.К. Краткая хроника казачьих войск и иррегулярных частей. СПб., 1912. 462 с.
443. Шигабудинов Д.М. Ахульго. Махачкала: Изд-во ДГУ, 1992.
444. Шиллинг Е.М. Кубачинцы и их культура: Историко-этнографические этюды. М.:-Л.: Изд-во АН СССР, 1946. С. 24.
445. Шихмирзаев К.И. Повести об Ахульго. Махачкала, 1999. С. 16-18. (на аварском языке).
446. Шихсаидов А.Р. Распространение ислама в Дагестане // Ислам и исламская культура в Дагестане. М., 2001. С. 4-32.
447. Шихсаидов А.Р. Эпиграфические памятники Дагестана. М., 1984.
448. Шихсаидов А.Р. Закария ал-Казвини о Дагестане // Источниковедение истории досоветского Дагестана. Махачкала, 1987.
449. Шихсаидов А.Р. Ислам в средневековом Дагестане (VII-XV вв.). Махачкала, 1969.
450. Шихсаидов А.Р. Ислам в средневековом Дагестане. Ближний Восток и Грузия. Тбилиси, 1991.
451. Шихсаидов А.Р. Памятники письменности Дагестана в XVIII-XIX вв. Махачкала, 1989.
452. Шихсаидов А.Р. Эпиографические памятники Дагестана X-XVIII вв. как исторический источник. М., 1984.
453. Шихсаидов А.Р., Омаров Х.А. Памятники письменности Дагестана. Абдурахман из Газикумуха: Книга воспоминаний Сайида Абдурахмана, сына устаза шейха тариката Джамалуддина ал-Хусейни, о делах жителей Дагестана и Чечни. Махачкала, 1997. 868 с.
454. Шишов А.В. Полководцы Кавказских войн. М., 2001. 559 с.
455. Шортанов А. Горцы. М., 1978.
456. Шульгин С.Н. Из дагестанских преданий о Шамиле и его сподвижниках. Тифлис, 1910.

457. Шейх Мансур и освободительная борьба народов Северного Кавказа в последней трети XVIII века: Тезисы докладов и сообщений Международной конференции. Грозный, 1992. 50 с.
458. Щербин М.П. Биография генерал-фельдмаршала князя Михаила Семеновича Воронцова. СПб., 1858.
459. Щербина Ф.А. История Кубанского казачьего войска. Екатеринодар, 1913. Т. II. С. 540.
460. Щербина Ф.А. История Кубанского казачьего войска. Екатеринодар, 1913.Т. 2. 846 с.
461. Щербина Ф.А. Шамиль. Екатеринодар, 1913.
462. Эмиров Н. Установление советской власти в Дагестане и борьба с германо-турецкими интервентами. М., 1949. 188 с.
463. Эсадзе Б.С. Боевые подвиги кавказской армии. Тифлис, 1908. Вып. I. 299 с.
464. Эсадзе С. Историческая записка об управлении Кавказом. Тифлис, 1907. Т. 1. 616 с.
465. Эсадзе Б.С. Покорение Западного Кавказа и окончание Кавказской войны. Тифлис, 1914. 182 с.
466. Эсадзе С. Покорение Западного Кавказа и окончание Кавказской войны: Исторический очерк Кавказско-горской войны и Черноморского побережья. Майкоп, 1993. 120 с.
467. Эсадзе С. Штурм Гуниба и пленение Шамиля: Исторический очерк Кавказской войны в Чечне и Дагестане. Тифлис, 1909. 208 с.
468. Юзефович Т. Договоры России с Востоком. СПб., 1869.
469. Яндаров А.Д. Суфизм и идеология национально-освободительных движений. Алма-Ата: Наука, 1975. 175 с.

3. СТАТЬИ И ТЕЗИСЫ

1. Абдулла Омар-оглы. Воспоминания муталима // ССКГ. Тифлис, 1868. Вып. I. С. 13-64.
2. Абдуллаев М.А. Важный источник средневекового суфизма // Вопросы философии. 1986. № 7.
3. Агларов М.А. Авары. Ранние формы самоуправления // Возрождение. Махачкала, 1995. № 2. С. 16.
4. Адабуль-Марзия. Правила должностных приличий // Соч. шейха Джэмалэддина Казикумухского / Пер. с арабского // ССКГ. Тифлис, 1869. Вып. II. С. 1-22.
5. Адамов Е., Кутаков Л. Из истории происков иностранной агентуры во время кавказских войн // ВИ. 1950. № 11.
6. Аджемян Х.Г. Об исторической сущности кавказского мюридизма. Дискуссия о движении Шамиля // ВИ. 1947. № 1.
7. Ал-Газигумуки Абдурахман. Краткое изложение подробного описания дел имама Шамиля. Калуга,1281г.х. «Хуласат ат-тафсил ан ахвал ал-имам Шамуил» / Пер. с арабского, введение, комментарии и указатели Н.А.Тагировой. М., 2002.
8. Алиев Б.Г. Теократия в Дагестане // Iran & Caucasus:Research Papers from the Caucasian Centre for Iranian Studies. Yerevan.Vol-s III-IY. Millennium Edition. 1999-2000. P.102.
9. Алиев Б.Г., Умаханов М-С. Абакар-Хаджи Акушинский – сподвижник Шамиля // Вестник ДНЦ. №12. Махачкала, 2002.
10. Алиев Б.Г., Умаханов М.С. К. Участие даргинцев в народно-освободительном движении горцев Дагестана и Чечни 20-50 гг. XIX в. // Народно-освободительное движение горцев Дагестана и Чечни в 20-50 гг. XIX в. Махачкала, 1994. С. 222-227.
11. Амиров М. Среди горцев Северного Дагестана // ССКГ. Тифлис, 1873. Вып. VII.
12. Амиров М.Г. Исторические сочинения и авторская поэзия (на примере дагестанских исторических хроник XIX в.): Тезисы докладов республиканской научной конференции молодых ученых Дагестана по проблемам гуманитарных наук. Махачкала, 1993. С. 25.
13. Аммаев М.А. Политика России на Кавказе в конце XVIII-первой половине XIX века и Аварское ханство: Актуальные проблемы всеобщей истории // Кавказ в геополитике великих держав: Кафедральный сборник №1. Махачкала, 2000. С. 18-33.
14. Андреев В. Ермолов и Паскевич // КС. Т. I. Тифлис, 1875. С. 197-236.
15. Асиятилов С.Х. Борьба горцев Дагестана и Чечни за свободу и независимость под руководством Шамиля в 20-50-е гг. XIX в.: Программа к спецкурсу. Махачкала, 1989. 26 с.
16. Атаев М.М. Баху-бике // Тарих. 1997. № 4. С. 21-25.
17. Ахриев Н.Г. О некоторых вопросах истории движения кавказских горцев в первой половине XIX в. // Ученые записки ИИЯЛ Даг. ФАН СССР. Т. 2. Махачкала, 1957. С. 52-63.
18. Ахриев. Чох. Приложение. Похороны и поминки у горцев // ССКГ. Тифлис, 1870. Вып. III. С. 28-32.
19. Ахшамуров Н. Смерть Слепцова. Кавказская быль // Русский вестник. 1888. № 10. С. 52-74.
20. А.К. Казикумухские и кюринские ханы (с приложениями и родословною таблицею) // ССКГ. Тифлис, 1869. Вып. II. С. 1-44.
21. Багиров М.Д. К вопросу о характере движения муридизма и Шамиль. // Большевик. 1950. № 13. С. 21-37.
22. Бадерхан Фасих. Письма имама Шамиля // Наш Дагестан. 1992. С. 26.
23. Баратов Б. Описание нашествия скопищ Шамиля в Кахетию в 1854 году // КС. Т. 1. С. 240–241, 246–247.
24. Баркуев К., Ахмедов М-К., Шихсаидов А.Р. Исторические сведения о Дагестане из арабских рукописей // Ученые записки ИЯЛИ ДФ АН СССР. Серия историческая. Махачкала, 1963. Т. XI.
25. Беннигсен А. Народное движение на Кавказе в XVIII в. («Священная война» Шейха Мансура (1785-1791 гг.). Малоизвестный период и соперничество в русско-турецких отношениях) / Вступительная статья, подстрочные примечания и общая редакция проф. В.Г. Гаджиева. Махачкала, 1994.
26. Берже А.П. Краткий обзор горских племен на Кавказе // КК на 1858 г. Тифлис, 1857. С. 229-404.

27. Берже А.П. Материалы для описания Нагорного Дагестана // КК на 1860 г. Тифлис, 1859. С. 1-260.
28. Бирюков А.В. Российско-чеченские отношения в XVIII-середине XIX века // ВИ. 1998. № 2. С. 44-57.
29 Блиев М.М. Историография проблемы присоединения народов Северного Кавказа к России // Великий Октябрь и передовая Россия в исторических судьбах народов Северного Кавказа: Материалы Всероссийской научной конференции. 2-3 октября 1979 г. Грозный, 1982.
30. Блиев М.М. Кавказская война: социальные истоки, источники и сущность // История СССР. 1983. № 2. С. 55-73.
31. Блиев М.М., Дегоев А.В., Киняпина Н.С. Современная буржуазная историография политики России на Кавказе и в Средней Азии в XIX в. // ВИ. 1988. № 4.
32. Бобровский П. Император Александр II и его первые шаги к покорению Кавказа (Эпизод из истории Великой Кавказской войны) // ВС. 1897. № 4.
33. Бобровников В.О., Сефербеков Р.И. Абу Муслим у мусульман Восточного Кавказа (к историографии и этнографии культов святых) // Подвижники ислама. Культ святых и суфизм в Средней Азии и на Кавказе. М., 2003. С. 154-214.
34. Брак и свадебные обычаи у народов Дагестана в XIX-нач. XX вв. / Составитель Б.М. Алимова: Сборник статей ИИЯЛ Даг. ФАН СССР. Махачкала, 1986. 141 с.
35. Брюханов П.А. Государственное устройство и административное управление вольных обществ Дагестана в первой четверти XIX в. // Сборник трудов Пятигорского государственного педагогического института. Вып. 1. Ставрополь, 1947.
36. Буниятов З.М. Османо-кавказские отношения. (Новые документы Баш Векалет Аршиви) // Наш Дагестан. 1994. № 167–168. С. 37–38 (пер. с тур.).
37. Бурчуладзе Е.Е. Крушение англо-турецких захватнических планов в Грузии в 1855-1856 годах // ВИ. 1952. № 4.
38. Бушуев С.К. Государственная система Имамата Шамиля // Историк-марксист. 1937. № 5-6. С. 79-80.
39. Бушуев С.К. О кавказском мюридизме // ВИ. 1956. № 2. С. 72-79.
40. Вестник АН СССР. М., 1950. № 11. С. 104-106.
41. Виноградов В.Б. История с директивной «историей» // Народно-освободительное движение горцев Дагестана и Чечни в 20-50 годах XIX в.: Махачкала: Дагкнигоиздат, 1990. С. 62-66.
42. Виноградов В., Бабик В.О. О памяти, о подвигах и славе. Грозный, 1972.
43. Воззвание ген.-майора Граббе к Салатавцам от 19 мая 1839 года // КС. Тифлис, 1885. Т. IX. С. 11.
44. Волконский Н. Война на Восточном Кавказе с 1824 по 1834 г. в связи с мюридизмом // КС. Тифлис. 1886. Т. X. С. 145.
45. Волконский Н.А. Война на Восточном Кавказе с 1824 по 1834 гг. в связи с мюридизмом // КС. 1887. Т. 11. С. 123.
46. Волконский Н.А. Война на Восточном Кавказе с 1824 по 1834 гг. в связи с муридизмом // КС. Тифлис, 1887. Т. X. С. 1-224; Тифлис, 1887. Т. XI. С. 1-185; Тифлис, 1888. Т. XII. С. 1-126; Тифлис, 1889. Т. XIII. С. 152-334; Тифлис, 1890. Т. XIV. С. 81-211.
47. Волконский Н.А. Лезгинская экспедиция (в Дилойское общество) в 1857 г. // КС. Тифлис, 1877. Т. II. С. 215-386.
48. Волконский Н.А. Окончательное покорение Восточного Кавказа (1859-й год.) // КС. Тифлис, 1879. Т. IV. С. 69-439.
49. Волконский Н.А. Погром Чечни в 1852 г. // КС. Тифлис, 1880. Т. V. С. 1-234.
50. Волконский Н.А. Трехлетие в Дагестане. 1847 г. Осада Гергебиля и взятие Салты // КС. Тифлис, 1882. Т. VI. С. 447-682.
51. Волконский Н.А. Трехлетие в Дагестане. 1848 г. Взятие Гергебиля и геройская защита укрепления Ахты // КС. Тифлис, 1883. Т. VII. С. 481-612.
52. Волконский Н.А. Трехлетие в Дагестане. 1848 г. Осада укрепления Чох // КС. Тифлис, 1889. Т. VIII. С. 341-405.
53. Волконский Н.А. 1858 год в Чечне // КС. Тифлис, 1878. Т. III.
54. Волконский Н.А., фон Климан Ф., Бублицкий П. Война на Восточном Кавказе с 1824 по 1834 гг. в связи с муридизмом // КС. Тифлис, 1891. Т. XV.
55. Вопросы истории Дагестана (досоветский период): Тематический сборник. Вып. 3. Махачкала, 1975. 320 с.
56. Вопросы истории. 1950. № 11.
57. Воронов Н.И. Из путешествия по Дагестану // ССКГ. 1868. Вып. I. С. 13–35.
58. Воронов Н.И. Из путешествия по Дагестану // ССКГ. Тифлис, 1870. Вып. III. С. 1-40.
59. Воронцов М.С. Выписки из дневника светлейшего князя М.С. Воронцова с 1845 по 1854 гг. // Старина и новизна. Т. V.
60. Воронцов М.С. Письма князя Михаила Семеновича Воронцова к Алексею Петровичу Ермолову // Русский архив. 1890. №2.
61. Воспоминания гр. К. К. Бенкендорфа о Кавказской летней экспедиции 1845 г. // Даргинская трагедия 1845 г. Воспоминания участников Кавказской войны XIX в. СПб., 2001. С. 110.
62. Выдержки из записок Абдурахмана // Кавказ. 1862. № 72.
63. Выдержки из записок Абдурахмана сына Джамал-Эдинова о пребывании Шамиля в Ведено. Тифлис, 1862. С. 9.
64. Выписки из путевого журнала ген. штаб-кап. Прушановского (Исторические записки о начале и развитии духовной войны или превратного тариката, учение о нравственном элементе человека в Дагестане) с 1823 по 1843 гг. // КС. Тифлис, 1902. Т. 23. С. 1-73.
65. Высочайшая инструкция императора Александра I, данная генералу Ермолову о целях и задачах его посольства в Иране. С.-Петербург, 29 июля 1816 г. // ССКГ. Тифлис, 1871. Т.V.
66. Гаврилов П.А. Устройство поземельного быта горских племен Северного Кавказа // ССКГ. 1869. Вып. 2.
67. Гагарин А.И. Записки о Кавказе // ВС. 1906. № 2.
68. Гаджи-Али. Сказание очевидца о Шамиле. Махачкала, 1990. 80 с.

69.Гаджи-Али. Сказание очевидца о Шамиле. Махачкала, 1995. 196 с.
70.Гаджи-Али. Сказание очевидца о Шамиле // ССКГ. Тифлис, 1873. Вып. VII. С. 1-76.
71.Гаджиев В.Г. Actis testantibus // Тарих. 1997. № 4. С. 52-64: №5. С. 62-83.
72.Гаджиев В.Г. История народов Кавказа в русской медалистике // Тарих. 1996. № 2-3. С. 47.
73.Гаджиев В.Г. К вопросу об освобождении феодально-зависимых крестьян Дагестана в ходе борьбы горских народов Северо-Восточного Кавказа в 20-50 гг. XIX в. // Ученые записки ИИЯЛ Даг. ФАН СССР. Махачкала, 1958. Т. 5. С. 145-161.
74.Гаджиев В.Г. Перечень доходов шамхалов. (Опыт источниковедческого анализа) // Источниковедение истории досоветского Дагестана: Сборник статей ИИЯЛ Даг. ФАН СССР. Махачкала, 1987. С. 25-38.
75.Гаджиев В.Г. Присоединение Дагестана к России // Ученые записки ИИЯЛ Даг. ФАН СССР. Махачкала, 1956. Т. 1. С. 7-40.
76.Гаджиев В.Г. Шамиль (историко-политический портрет) // Российский ежегодник. 1989. Вып. 1. С.
77.Гаджиев В.Г. Шамиль // Российский ежегодник. 1989. Вып. 1. С. 134-149.
78.Гаджиев В. Г. Военная организация и воинские знаки отличия в государстве Шамиля // Государства и государственные учреждения в дореволюционном Дагестане. Тематический сборник ИИЯЛ ДагФАН СССР. Махачкала, 1989. С. 93-109.
79.Гаджиев В.Г. К вопросу о социально-экономической базе государства Шамиля // Товарно-денежные отношения в дореволюционном Дагестане. Махачкала, 1991. С. 104.
80. Гаджиев В.Г. Начальный этап в истории народно-освободительной борьбы Дагестана и Чечни как исследовательская проблема // Газимухамад и начальный этап антиколониальной борьбы народов Дагестана и Чечни. Махачкала, 1997. С. 12.
81.Гальцев В.С. Из истории колонизации Северного Кавказа // Известия Северо-Осетинского НИИ. Орджоникидзе, 1957. Т. 19.
82.Гамзаева Г.Ш. О присоединении феодальных владений Дагестана к России // Сборник статей студентов, аспирантов и преподавателей университета. Махачкала: ДГУ, 1993. С. 21-26.
83.Гамзат-бек – второй имам Чечни и Дагестана. Смерть Ханши Баху-Бике. Заговор о Гамзат-беке // КС. Т. XXXI.
84.Гамзатов Г.Г. Воссоздать правдивую историю Кавказской войны // Народно-освободительное движение горцев Дагестана и Чечни в 20-50-х гг. XIX в.: Сборник Даг. ФАН СССР. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1990. С. 50-59.
85.Гамзатов Г.Г. К вопросу о мотивах извращения истории Кавказской войны // Вестник ДНЦ РАН. Махачкала, 1998. Т. 1.
86.Гаммер М. Победитель Наполеона на Кавказе // Наш Дагестан. № 172–173. С. 51. (Пер. с англ. яз.).
87.Гарданов В.К. Обычное право как источник для изучения социальных

отношений у народов Северного Кавказа в XVIII-начале XIX в. // Советская этнография. 1960. № 5. С. 21.
88.Гашимов Р.Р. Первые попытки фальсификации борьбы горцев Северо-Восточного Кавказа 20-50-х годов XIX века // Кавказ в геополитике великих держав. Актуальные проблемы отечественной и всеобщей истории: Кафедральный сборник № 2. Махачкала, 2001. С. 67-71.
89. Ген. Вельяминов и его значение для истории Кавказской войны // КС. Тифлис, 1883. Т. VII. С. 1-480.
90. Гидулянов П.В. Сословно-поземельный вопрос и райятская зависимость в Дагестане. Ч. II. М., 1901.
91.Гимринский Г. Имам Газимагомед // Материалы международной научной конференции 13-14 октября 1993 г. «Газимагомед и начальный этап антифеодальной и антиколониальной борьбы народов Дагестана и Чечни». Махачкала, 1997. С. 222.
92.Глиноецкий Н. Поездка в Дагестан // ВС. СПб., 1862. Т. XXIII. С. 396-397.
93. Головин Е.А. Очерки положения военных дел на Кавказе с начала 1839 до конца 1842 года // КС. Тифлис, 1877. Т. II.
94. Горчаков Н. Вторжение Шамиля в Кабарду в 1846 г. // КС. Тифлис, 1879. Т. IV. С. 19-38.
95. Горчаков Н. Экспедиция в Дарго (1845 г.) (Из дневника офицера Кюринского полка) // КС. Тифлис, 1877. Т. II.
96. Гордлевский В.А. Дагестанлы Сейид Ахмед // Избранные сочинения. М., 1962. Т. III. С. 137.
97. Грабовский Н.Ф. Свадьба в горских обществах Кабардинского округа // ССКГ. Тифлис, 1869. Вып. II. С. 1-24.
98. Грабовский Н.Ф. Экономический и домашний быт жителей горского участка Ингушского округа // ССКГ. Тифлис, 1870. Вып. III. С. 1-27.
99. Граф Добровольский-Евдокимов. Экспедиция 1850-го года на лезгинскую линию // КС. Тифлис, 1883. Т. VII. С. 620.
100. Гржегоржевский И. Генерал-лейтенант Клюки фон Клюгенау: Очерк военных действий и событий на Кавказе, 1818-1850 // Русская старина. 1842. № 11. С. 508-515.
101. Гржегоржевский И. Очерк военных действий и событий на Кавказе Клюки фон Клюгенау // ВС. Т. XV. 1876. № 1, 2, 3, 6. С. 158-380.
102. Грибоедов А.С. Письмо к издателю «Сына Отечества» из Тифлиса // Дагестан в русской литературе. Махачкала, 1960. С. 50-52.
103. Далгат Э.М. Жалобы крестьян как источник для изучения социально-экономических отношений в дагестанском ауле в конце XIX-начале XX вв. // Источниковедение истории досоветского Дагестана: Сборник статей ИИЯЛ Даг. ФАН СССР. Махачкала, 1987. С. 53-61.
104. Даниялов Г.-А.Д. К вопросу о социальной базе и характере движения горцев под руководством Шамиля // Ученые записки ИИЯЛ Даг. ФАН СССР. Махачкала, 1956. Т. 1. С. 140-205.
105. Даниялов Г.-А.Д. О движении горцев Дагестана и Чечни под руководством Шамиля // ВИ. 1966. № 10. С. 17-28.
106. Даниялов Г.-А.Д. О движении горцев под руководством Шамиля

против царизма и местных феодалов // ВИ. 1956. № 12. С. 67-72.
107. Даниялов Г.-А.Д. Об извращениях в освещении муридизма и движения Шамиля // ВИ. 1950. № 9. С. 3-18.
108. Де-Саже. Покорение Галашек. Из истории Кавказской войны // ВС. 1902. № 2. С. 47-54.
109. Десимон Ф.А. Исторические сведения о Самурском округе 1839 г. // История, география и этнография Дагестана XVII-XIX вв. М.: Изд-во воен. лит., 1958. С. 362-668.
110. Джахиев Г.А. К вопросу «Дагестан в русско-турецких отношениях в начале XIX в.» // Вопросы истории и этнографии Дагестана: Сборник научных сообщений. Махачкала, 1974. Вып. 5. С. 114-130.
111. Джахиев Г.А. К историографии вопроса «Дагестан в кавказской политике Ирана, Турции в первой трети XIX века» // Вопросы истории и этнографии Дагестана: Сборник научных сообщений. Махачкала, 1970. Вып. 2. С. 72-82.
112. Джахиев Г.А. Кавказ в геополитике мировых держав в конце XVIII-первой трети XIX в. // Кавказ в геополитике великих держав. Актуальные проблемы отечественной и всеобщей истории: Кафедральный сборник № 1. Махачкала, 2000. С. 52-65.
113. Джахиев Г.А. Роль Астрахани в становлении и развитии российско-дагестанской торговли в конце XVIII-первой трети XIX века // Астраханский край: история и современность (к 280-летию образования Астраханской губернии): Материалы Всероссийской научной конференции. 26-27 ноября 1997 года. Изд-во АГПУ, 1997. С. 72-74.
114. Дзагуров Г.А. Переселение горцев в Турцию // Материалы по истории горских народов. Ростов-на-Дону, 1925.
115. Дискуссия о движении Шамиля // ВИ. 1947. № 1.
116. Добровольский-Евдокимов. Из Кавказской жизни 1848 г. в Дагестане. // КС. Тифлис, 1882. Т. VI. С. 663-727.
117. Добровольский-Евдокимов. Экспедиция в Салатавию в 1858 г. // КС. Тифлис, 1874. Т. IV.
118. Добровольский-Евдокимов. Экспедиция 1850-го года на Лезгинскую линию // КС. Тифлис, 1883. Т. VII.
119. Добровольский-Евдокимов. Экспедиция 1854 года на правом берегу Кавказской линии // КС. Тифлис, 1884. Т. VIII. С. 307-334.
120. Добролюбов Н.А. О значении наших последних подвигов на Кавказе // Полн. собр. соч. / Под ред. П.И. Лебедева-Полянского. Т. 4. М., 1937. С. 140-157.
121. Дроздов И. Начало деятельности Шамиля (1834-1836 гг.) // КС. Тифлис, 1899. Т. XX.
122. Егорова В.П. Из народных традиций Дагестана // Вопросы истории и этнографии Дагестана: Сборник научных сообщений. Махачкала, 1970. Вып. 2. С. 83-94.
123. Егорова В.П. К вопросу о сельском управлении в Дагестане после присоединения к России // Вопросы истории и этнографии Дагестана: Сборник научных сообщений. Махачкала, 1970. Вып. 1. С. 101-110.
124. Елецкий О. Статистическое описание Закавказского края. СПб., 1835. С. 68.
125. Закс А.Б. Северо-Кавказская историко-бытовая экспедиция Государственного исторического музея 1936-1937 гг. // Труды Государственного исторического музея. М., 1941. Вып. XV. С. 151-185.
126. Записки Абдурахмана // Кавказ. 1859. № 94; 1862. № 73.
127. Записки Абдурахмана // Кавказ. 1856. № 94.
128. Записки А.П. Ермолова с приложением. М., 1868.
129. Записки Абдурахмана // Кавказ. 1862. № 73.
130. Записки Ермолова 1798 – 1828 гг. / Сост. В.А. Федоров. М.: Высшая школа, 1991. 464 с.
131. Записки художника Тима «Шамиль в Санкт-Петербурге» // Русский художественный листок. СПб., 1859. № 31.
132. Записная книжка графа П.Х. Граббе. М., 1888. С. 103.
133. Захарьин (Якунин) И.Н. Встреча с сыном Шамиля и его рассказы об отце // Русская старина. 1901. № 8.
134. Ибрагимбейли Х.М. Народно-освободительная борьба горцев Северного Кавказа под руководством Шамиля против царизма и местных феодалов // ВИ. 1990. № 6. С. 151-160.
135. Ибрагимбейли Х.М. Некоторые вопросы истории народно-освободительной борьбы горцев Северо-Восточного Кавказа против царизма и передовая Россия (20-50-е гг. XIX в.) // Дагестан в составе России: исторические корни дружбы народов России и Дагестана: Региональная научная конференция. 26-27 ноября 1987 г. Махачкала, 1987. С. 36-52.
136. Ибрагимбейли Х.-М. Россия и Кавказ XVI-первой половины XIX в. в освещении буржуазной историографии // История СССР. 1982. № 2. С. 185-200.
137. Идрисов М.М. Борьба народов Дагестана против царских колонизаторов // Сборник статей студентов, аспирантов и преподавателей университета. Махачкала: ДГУ, 1992. С. 89-93.
138. Идрисов М.М. К вопросу о политических предпосылках Кавказской войны // Шейх Мансур и освободительная борьба народов Северного Кавказа в последней трети XVIII века: Тезисы докладов и сообщений Международной конференции. Грозный, 1992. С. 21-22.
139. Из горской криминалистики (извлечение из дел Кавказского Горского Управления) // ССКГ. Тифлис, 1868. Вып. I. С. 57-72.
140. Из горской криминалистики // ССКГ. Тифлис, 1870. Вып. III. С. 1-28.
141. Из дневника и записной книжки графа П.Х. Граббе // Русский архив. СПб., 1889. № 1. С. 661.
142. Имам Шамиль и его сподвижники: Материалы (неопубликованные) научной конференции, посвященной 200-летию со дня рождения имама Шамиля. Дылым, 1997.
143. Иоаннисян Р.З. Кавказ во внешней политике России в начале XIX в. // Ученые записки МГПИ. Т. 37. Вып. 3. 1946.
144. Ипполитов А.П. Учение «зикр» и его последователи в Чечне и Аргунском округе // ССКГ. Тифлис, 1869. Вып. II. С. 1-17.
145. Историческая наука. М.,1986.
146. Исторический очерк распространения русского владычества на Кавказе // КК. 1851. Отдел III. С. 43 – 51.
147. К вопросу о характере движения муридизма и Шамиля // Вестник АН СССР. 1951. № 1. С. 110-117.

148. К дискуссии о характере движения горцев под руководством Шамиля // ВИ. 1957. № 1. С. 195-196.
149. К. Зимняя экспедиция 1852 г. в Чечне // КС. Тифлис, 1889. Т. XIII.
150. К. Летучий отряд в 1850 и 1851 гг. // КС. Тифлис, 1889. Т. XII.
151. К. Левый фланг Кавказской линии в 1848 г. // КС. Тифлис, 1887. Т. XI. С. 346.
152. К. Обзор событий на Кавказе в 1851 г. // КС. Тифлис, 1898. Т. XIX.; Тифлис, 1900. Т. XXI.
153. Кавказская война: XIX век (неизвестные страницы) // Родина. 1994. № 3-4. 161 с.
154. Казбекова З. Грани самопознания. Кавказ и его история в западноевропейской литературе // Наш Дагестан. № 1 (159). С. 32–38.
155. Казбекова З. Дагестан в «вояжной» литературе. Из книги «Грани самопознания» // Наш Дагестан. Махачкала, 1992. № 2 (160). С. 23.
156. Казем-Бек М. Мохамед-Амин // Русское слово. СПб., 1860. № 6. С. 237.
157. Казем-бек. Мюридизм и Шамиль // Русское слово. 1859. № 12. С. 225.
158. Казем-бек М. Мюридизм и Шамиль // Избранные произведения. Баку, 1985. С. 57-58.
159. Казиев С.М. Новые археологические находки в Мингечауре // Докл. АН. Аз. ССР. Баку, 1949. Т. V.
160. Карлгоф Н. Магомет-Амин // КК на 1861 г. Тифлис, 1860. С. 77.
161. Кастильон Г. де Виконт. Письма к Гизо // Историк-марксист. 1936. № 5. С.118.
162. Кипиянина Н.С. Административная политика царизма на Кавказе и в Средней Азии // ВИ. 1983. № 4. С. 35-47.
163. Клюки фон Клюгенау Ф.К. Война на Восточном Кавказе в связи с муридизмом // КС. Тифлис, 1895. Т. XVI.; Тифлис, 1896. Т. XVII.
164. Клюки фон Клюгенау. Война на Восточном Кавказе с 1824 по 1834 гг. в связи с мюридизмом // КС. 1892. Т. XVII. С. 107.
165. Кныш А.Д. Шамиль // Новая Энциклопедия Ислама. Лейден, 1997. Т. 9. С. 286. (на английском языке).
166. Ковальченко И.Д. Некоторые вопросы методологии истории // Новая и новейшая история. 1991. № 5. С. 3-9.
167. Ковальченко И.Д. О тенденциях в исторической науке // Новая и новейшая история. 1991. № 5. С. 64-70.
168. Ковалевский. Переписка о Керченском и Таганрогском портах. 1820 г. // Сборник исторических материалов. СПб., 1876. Вып. I. С. 340.
169. Кокиев Г. Из истории колонизаторской политики царизма на Кавказе // Юный коммунист. 1936. № 9. С. 39-46.
170. Комаров А.В. Адаты и судопроизводство по ним: Материалы для статистики Дагестанской области // ССКГ. Тифлис, 1868. Вып. I. С. 1-88.
171. Константинов И.О. Джаро-белоканцы до XIX столетия // Кавказ. 1846. № 2. С. 8
172. Коршунов Н.С. Декабрист В.Д. Сухоруков на Кавказе (1834-1839 гг.) // Вопросы истории и этнографии Дагестана: Сборник научных

сообщений. Махачкала. 1976. Вып. 7. С. 117-128.
173. Кравцов И.С. Кавказ и его военачальники. Н.Н. Муравьев. кн. А.И. Барятинский и гр.Н.И. Евдокимов. 1854-1864 // Русская старина. 1886. № 7.
174. Крачковский И.Ю., Генко А.Н. Арабские письма Шамиля в Северной Осетии: Библиотека ИВ АН СССР // Советское востоковедение. Центральная Азия и Индия. М., 1977. № 46. С. 36-58.
175. Крачковский И.Ю. Новые рукописи истории Шамиля Мухаммеда Тахира ал-Карахи // Избранные сочинения. М.:-Л., 1960. Т. 4.
176. Крачковский И.Ю. Арабская литература на Северном Кавказе. С.1-20; Неизвестное письмо Шамиля. С. 551-558; Арабская рукопись воспоминаний о Шамиле // Избранные произведения. М.:-Л., 1960. Т. 4. С. 571.
177. Крачковский И.Ю. Новые рукописи истории Шамиля Мухаммеда Тахира ал-Карахи // Избранные сочинения. М.-Л.:, 1960. Т. VI. С. 607.
178. Кублинский П. Война на Восточном Кавказе с 1824 по 1834 гг. в связи с муридизмом // КС. Тифлис, 1897. Т. XVIII. С. 288-351; Тифлис, 1899. Т. XX. С. 97-141.
179. Литвинов М. Кавказ. Военно-географический очерк // ВС. 1884. № 2. С. 304-320; № 3. С. 149-164; № 4. С. 328-346.
180. Лобанов-Ростовский. Начало мюридизма на Кавказе // Русский архив. М., 1865. № 11. С. 1379-1394.
181. Лубский А.В. Классическая парадигма исторического исследования // История: научные поиски и проблемы. Ростов-на-Дону. 2000. С. 27.
182. Магомед-Бек М. Пленение Шамиля // Дагестанские лирики. Л., 1971. С. 97.
183. Магомеддадаев А.М. Магомед-Амин – наиб Шамиля в Черкесии и предводитель освободительной борьбы народов Западного Кавказа в середине XIX века // Вестник ДНЦ РАН. Махачкала, 1999. № 3. С. 112-115.
184. Магомеддадаев А.М. Магомед-Амин - наиб Шамиля в стране адыгов // Информационно-аналитический Вестник АРИГИ. Майкоп: Меоты, 2002. С. 198-201.
185. Магомедов М.Б. Историко-правовые аспекты реформаторской деятельности в Имамате // Кавказ в геополитике великих держав. Актуальные проблемы отечественной и всеобщей истории: Кафедральный сборник №2. Махачкала, 2001. С. 55-66.
186. Магомедов Р.М. Движение горцев под руководством Шамиля в советской историографии // Известия Северо-Кавказского научного центра высшей школы. Общественные науки. 1989. № 3. С. 43-54.
187. Магомедов Р.М. Методологические вопросы вхождения народов Северо-Восточного Кавказа в состав России // Вопросы истории исторической науки Северного Кавказа и Дона: Материалы Всероссийской научной конференции. 21-22 сентября 1978. Грозный, 1980.
188. Магомедов Р.М. Присоединение Дагестана к России – закономерный итог исторического процесса // Дагестан в составе России: исторические корни дружбы народов России и Дагестана: Региональ-

ная научная конференция. 26-27 ноября 1987 года. Махачкала, 1987. С. 4-12.
189. Магомед Тагир. Три имама // СМОМПК. Вып. XXXXV. Махачкала, 1926. С. 53-192.
190. Магомедов Р.М. Народно-освободительная борьба горцев под руководством Шамиля в Советской историографии // Народно-освободительное движение горцев Дагестана и Чечни в 20-50-х гг. XIX в. Махачкала, 1994.
191. Магомедов Р.М. У истоков Имамата // Гази-Мухаммад и начальный этап антифеодальной и антиколониальной борьбы народов Дагестана и Чечни. Махачкала, 1997. С. 23.
192. Магомедов Ш.Б. Дагестан в творчестве российских и зарубежных художников XIX в.: История и современность // Сборник статей студентов, аспирантов и преподавателей университета. Махачкала: ДГУ, 1993. С. 69-71.
193. Магомеданов М. Истинные и ложные последователи тариката / / ССКГ. Кавказ. 1859. Вып. IV. № 82.
194. Магомеданов М. Истинные и ложные последователи тариката / / ССКГ. Тифлис, 1870. Вып. IV.
195. Мазитова Н.А. Изучение наследия А.М.Казем-бека в советской историографии // Межвузовская научная конференция по вопросам истории стран Азии и Африки в советской историографии. 20-22 декабря 1966 года: Тезисы докладов / Отв. ред. Э.П. Стижина. М.: МГУ, 1966. С. 57-58.
196. Максименко В. Война и мир в Чечне // Научный Альманах Высоких Гуманитарных Технологий. М., 2003. № 2. С. 97.
197. Маркс К. Англо-французская война против России // К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. Т. 11. С. 522.
198. Маркс К. Арест Делеклюза. – Дания. – Австралия. – Таймс о перспективах войны с Россией // К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. 2-е изд. М.: Госполитиздат, 1957. Т. 9. С. 440-442.
199. Маркс К. Действия союзного флота. Положение в дунайских княжествах. – Испания. – Внешняя торговля Англия // К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. 2-е изд. М.: Госполитиздат, 1958. Т. 10. С. 495.
200. Маркс К. Лорд Пальмерстон // Там же. С. 357-425.
201. Маркс К., Энгельс Ф. Англо-французская война против России // К.Маркс, Ф.Энгельс. Соч. 2-е изд. М.: Госполитиздат, 1958. Т. 11. С. 521-526.
202. Маркс - Энгельсу в Манчестер (Лондон, около 11 марта 1854 г.) // К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. 2-е изд. М.: Госполитиздат, 1962. Т. 28. С. 277.
203. Маршаев Р.Г. К вопросу об освобождении феодально-зависимых крестьян Дагестана в ходе борьбы народов Северо-Восточного Кавказа в 20-50-е гг. XIX в. // Ученые записки ИИЯЛ Даг. ФАН СССР. Т. 5. Махачкала, 1958. С. 145-161.
204. Маршаев Г.Г. К вопросу о социальном строе Ахтынарынского «вольного» общества в XVIII-начале XIX века // Ученые записки ИИЯЛ Даг. ФАН СССР. Т. III. Махачкала, 1957.

205. Матвеев В.А. Сепаратизм на Северном Кавказе: границы, явления на рубеже XIX XX вв.: Исследования по прикладной и неотложной этнологии // ИЭА РАН. № 146. М., 2002. 30 с.
206. Н.Ш. Генерал Вельяминов и его значение для истории Кавказской войны // КС. Тифлис, 1883 Т. VII. С. 1-150.
207. Неверовский А.А. Истребление аварских ханов // Наш Дагестан. 1993. № 163-164.
208. Низам Шамиля // ССКГ. Тифлис, 1870. Вып. III. С. 10. / Репринтное издание: М.: МНТПО «АДИР», 1992.
209. Никифоров В.Н. Проблема азиатского способа производства в советской историографии // Межвузовская научная конференция по вопросам истории Азии и Африки в советской историографии. 2-22 декабря 1966 года: Тезисы докладов / Отв. ред. Э.П. Стижина. М.: МГУ, 1966.
210. Николаи А.П. Эпизод из истории Кавказской войны. 1855-1857 / / Русская старина. 1882. № 11.
211. Новые документы о совещании историков в ЦК ВКП(б) (1944 г.) // ВИ. 1991. № 1.
212. Об антимарксистской оценке движения муридизма и Шамиля в трудах научных сотрудников Академии // Вестник АН СССР. 1950. № 11. С. 101-106.
213. Обзор управления левым флангом Кавказской линии, представленный генерал-адъютантом Граббе корпусному командующему и на высочайшее воззрение в 1839 году // КС. Тифлис, 1885. Т. IX. С. 27-28.
214. Обсуждение вопроса о характере движения горских народов Северного Кавказа в 20-50-х годах XIX века // ВИ. 1956. № 12. С. 188-198.
215. Окольничий А. Перечень последних военных событий в Дагестане (1843 год) // ВС. 1859. № 1. С. 122.
216. Ольшевский М.Я. Князь Александр Иванович Барятинский на левом фланге Кавказской линии, 1851-1853 // Русская старина. 1877. № 7.
217. Омаров А. Воспоминания муталима // ССКГ. Вып. II. Тифлис, 1869. С. 1-70.
218. Омаров А.И. Административная политика царизма в Дагестане в 30-40-х гг. XIX в. (К 50-летию образования Дагестанского научного центра Российской академии наук): Тезисы докладов Региональной научной конференции молодых ученых, посвященной гуманитарным исследованиям ДНЦ РАН ИИЯЛАЭ, ИСЭИ НИИГН Чеченской республики. Махачкала, 1995.
219. Омаров А.И. Идеология и история Кавказской войны: к вопросу деятельности научной и творческой интеллигенции // Сборник статей студентов, аспирантов, преподавателей университета. Махачкала: ДГУ, 1992. С. 101-109.
220. Омаров А.С. Изменения в праве и суде после присоединения Дагестана к России // Ученые записки ИИЯЛ Даг. ФАН СССР. Махачкала, 1970. Т. 20. С. 176-204.
221. Омаров А.С. К вопросу о формах государственности и права,

сложившихся в ходе движения горцев Дагестана и Чечни в 20-50-х гг. XIX в. // Ученые записки ИИЯЛ Даг. ФАН СССР. Махачкала, 1969. Т. 19. С. 225-272.
222. Орлов-Давыдов А.В. Частное письмо о взятии Шамиля // Русский архив. 1896. № 6.
223. Ортабаев Б.Х., Тотоев Ф.В. Еще раз о Кавказской войне, о ее социальных истоках и сущности // История СССР. 1988. № 4. С. 78-96.
224. Освобождение бесправных рабов в Дагестане // ССКГ. Тифлис, 1868. Вып. I. С. 47-56.
225. Освобождение зависимых сословий во всех горских округах Терской области // ССКГ. Тифлис, 1868. Вып. I. С. 37-46.
226. Осман-бей. Воспоминания 1855 года. События в Грузии и на Кавказе // Кавказский сборник. Тифлис, 1877. Т. 2. С. 179.
227. Османов Г.Г. О социальном строе Дагестана в конце XVIII начале XIX в. // Ученые записки ИИЯЛ Даг. ФАН СССР. Махачкала, 1959. Т. 7. С. 118-119.
228. Отношение барона Розена графу Чернышеву от 22 октября 1832г. – 303 // КС. Т. XXXII. С. 86-87.
229. Отношение графа Чернышева барону Розену от 13 марта 1832г. – 423 // КС. Т. XXXII. С. 155-164.
230. Переписка горских обществ Дагестана с генералами Гурко и Клюгенау в июне 1843-го года: Приложение к статье 1843-й год на Кавказе // КС. Тифлис, 1882. Т. VI. Д. 8. С. 10-24.
231. Перечень последних событий в Дагестане (1843г.) // КС. Т. V. С. 339.
232. Пикман А.М. О борьбе кавказских горцев с царскими колонизаторами // ВИ. 1956. № 3. С. 75-84.
233. Письма Анны Михайловны Панкратовой // ВИ. 1988. № 11.
234. Письма и записки Т. Горшельта // Пчела. 1877. № 20. С. 306.
235. Письмо барона Розена графу Чернышеву от 19 декабря 1831 г. // КС. Т. XXXII. С. 81.
236. Покровский Н.И. Краткий обзор истории Имамата и Кавказской войны // Революция и горец. 1933. № 6-7.
237. Покровский Н.И. Муридизм // Ученые записки исторического факультета Ростовского госинститута. Т. 1. Ростов-на-Дону, 1941.
238. Покровский Н.И. Муридизм у власти // Историк-марксист. 1936. № 5. С. 118.
239. Покровский Н.И. Муридизм у власти // Историк-марксист. Кн. 2. М., 1934. С. 30-75.
240. Покровский Н.И. Обзор источников по истории Имамата // Проблемы источниковедения. М., 1936.
241. Покровский М.В. О характере движения горцев Западного Кавказа в 40-60-х гг. XIX в. // ВИ. 1957. № 2. С. 62-74.
242. Полиевктов М.А. Проект хозяйственной эксплуатации оккупационных в XVIII в. Россией Прикаспийских областей Кавказа // Материалы по истории Грузии и Кавказа. Вып. 4. Тифлис, 1937.
243. Положение дела освобождения зависимых сословий в горских округах Кубанской области // ССКГ. Вып. I. Тифлис, 1868. С. 53-56.

244. Поляков Ю.А. Слово о Северном Кавказе // Северный Кавказ: геополитика, история, культура. Материалы Всероссийской конференции. Ставрополь, 2001. С. 7.
245. Пономарев Б.Н. Задачи исторической науки и подготовки научно-педагогических кадров в области истории // ВИ. 1963. № 1.
246. Потто Н. Хаджи-Мурат // ВС. 1870. № 11. С. 180.
247. Предание о Хаджи-Мурате // Дагестанский сборник. Вып. 3. Махачкала, 1927.
248. Предисловие // ССКГ Вып. I. Тифлис, 1868. С. 1-8.
249. Пржецлавский П.Г. Несколько слов о военном и гражданском устройстве // Кавказ. 1863. № 92.
250. Принятие русского подданства Шамилем // ВС. СПб., 1866. Т. XX. С. 225-228.
251. Прушановский К.И. Кази-Мулла (Гази-Магомет) // Кавказ. Тифлис, 1847. № 30.
252. Прушановский К.И. Кази-Мулла (Гази-Магомет). Из записок капитана Прушановского // Сборник газеты «Кавказ». 1847. Т. II. С. 22-39.
253. Прушановский К.И. Уничтожение Аварского ханства и убийство Гамзат-бека // КС. Т. XXIII.
254. Прушановский К.И. Уничтожение Аварского ханства и убийство имама Гамзат-бека // Р.М. Магомедова «Борьба горцев за независимость под руководством Шамиля». Махачкала, 1991. 136 с.
255. Рамазанов Х.Х. Новая книга о Шамиле: клевета или результат невежества автора? // Дагестанская панорама, от 14 марта 2002 г.
256. Рамазанов Х.Х., Шигабудинов М.Ш., Шихсаидов А.Р. Борьба горцев Дагестана и Чечни за независимость // Народно-освободительное движение горцев Дагестана и Чечни в 20-50-х годах XIX в.: Сборник докладов Даг. ФАН СССР. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1990. С. 12-29.
257. Ржевусский А.А. 1845 г. на Кавказе // КС. Тифлис, 1882. Т. VI. С.221-479.
258. Рогов А. О потомках Шамиля, Хаджимурата, Зелимхана и Арсланбека Шерипова // Революция и горцев. 1932. № 6-7. С. 92.
259. Россия и Северный Кавказ в XVI-XIX веках // Документальная история образования многонационального государства Российского / Ред. кол. Г.Л. Бондаревский, Г.Н. Колбая: В 4 кн. М.: НОРМА, 1998. Кн. 1. 725 с.
260. Рощин М.Ю. Дегоев В.В. Имам Шамиль: пророк, властитель, воин. // Восток. 2002. № 5. С. 186-189.
261. Рощин М.Ю. Рецензия на монографию В.В. Дегоева. Имам Шамиль: пророк, властитель, воин. М.: Русская панорама, 2001. 372 с. / / Восток. 2002. №5. С. 186, 189.
262. Руновский А. Кодекс Шамиля // ВС. СПб., 1862. Т. XXIII. Ч. 2. С. 370-375.
263. Руновский А. Шамиль // ВС. 1860. № 2.
264. Руновский А. Шамиль: Биографический очерк // КК на 1861 г. Тифлис, 1860. С. 1-75.

265. Руновский А.И. Кодекс Шамиля // ВС. 1862. Т. XXIII.
266. Русский архив. 1888. Кн. 2 . № 6. С. 196.
267. Саймонов К. Заметки о Чечне // Пантеон. СПб., 1855. Т. 23. № 9.
268. Сивков К.В. О проекте окончания Кавказской войны в середине XIX в. // История СССР. 1958. № 3.
269. Смирнов Н.А. К вопросу об изучении муридизма как реакционного движения на Кавказе // Вестник Московского университета. Серия общественных наук. Вып. III. 1951. № 7.
270. Соколов Д. Хаджи-Магомед - сподвижник Шамиля (историческая справка) // Кубанский сборник. Екатеринодар, 1904. Т. XI. С. 53.
271. Солтан В. Занятие Салатау в 1857 году // КС. Тифлис, 1894. Т. XV.
272. Солтан В. Обзор действий в Дагестане в 1852-1853 гг. // КС. Тифлис, 1885. Т. IX.
273. Солтан В. Обзор событий в Дагестане в 1855 и 1856 годах // КС. Тифлис, 1889. Т. XII.
274. Сталин И.В. О Северном Кавказе // Соч. М.: Госполитиздат, 1951. Т. 14.
275. Сталин И.В. О статье Ф. Энгельса «Внешняя политика русского царизма» // Большевик. 1941. № 9. С. 5-16.
276. Стенограмма совещания по вопросам истории СССР в ЦК ВКП(б) в 1944 г. (Вступительная статья Ю.М. Аминатова) // ВИ. 1996. № 2.
277. Стенограмма совещания по вопросам истории СССР в ЦК ВКП(б) в 1944 г. // ВИ. 1996. № 9. С. 56.
278. Тагирова Н.А. Арабская грамматическая литература в коллекции Фонда Восточных рукописей ИИАЭ ДНЦ РАН // Вестник Дагестанского научного центра. Махачкала, 2000. № 7. С. 92-94.
279. Тамбиев И. Политическое и экономическое завоевание Карачая русским царизмом // Революция и горец. 1932. № 6-7.
280. Тотлебен Э.И. Осада и бомбардирование укрепления Чох в Дагестане в 1849 году // Сборник описаний осад и оборон крепостей и укреплений. Т. I. СПб., 1869.
281. Тотлебен Э.И. Осада укрепленного селения Гергебиль в Дагестане в 1848 году // Сборник описаний осад и оборон крепостей и укреплений. Т. I. СПб., 1869.
282. Тотоев Ф. Он был человеком долга // Кавказ. 1992. № 1. С. 9-10.
283. Тульчинский Н.П. Поземельная собственность и общественное землепользование на кумыкской плоскости / Краткий очерк, составленный по официальным источникам. Владикавказ, 1903.
284. Услар П.К. Кое-что о словесных произведениях горцев // ССКГ. 1868. Вып. I. С. 37–39.
285. Услар П.К. О распространении грамотности между горцами // ССКГ. Тифлис, 1870. Вып. III. Ч. IV. С. 7. (Репринтное переиздание: М.: МНТПО «Адир», 1992)
286. Фадеев А.В. Антиколониальное движение народов Северного Кавказа // Преподавание истории в школе. 1957. № 6. С. 36-45.
287. Фадеев А.В. Возникновение мюридистского движения на Кавказе и его социальные корни // История СССР. М., 1960. № 5.
288. Фадеев А.В. К вопросу об уровне экономического развития кавказских горцев в середине XIX в. // Исторические науки. 1951. № 1. С. 70-71.
289. Фадеев А.В. Мюридизм как орудие агрессивной политики Турции и Англии на Северо-Западном Кавказе в XIX столетии // ВИ. 1952. № 9.
290. Фадеев А.В. О внутренней социальной базе мюридического движения на Кавказе // ВИ. 1995. № 6. С. 67-76.
291. Фадеев А.В. О судьбе одной книги // ВИ. 1963. № 1. С. 121-130.
292. Фадеев А.В. Убыхи в освободительном движении на Западном Кавказе // Исторический сборник. М.-Л., 1935. № 4. С. 135-181.
293. Фадеев Р.А. 60 лет Кавказской войны // Собр. соч. СПб., 1889. Т. 1. Ч. 1. С. 8-90.
294. Фадеев Р.А. Записки о Кавказских делах // Собр. соч. СПб., 1889. Т. 1. Ч. 2.
295. Фадеев Р.А. Наш военный Восточный вопрос // Собр. соч. СПб., 1889. Т. 2. Ч. 2.
296. Фадеев Р.А. Письма с Кавказа // Собр. соч. СПб., 1889. Т. 1. Ч. 1. С. 8-90.
297. Фонд арабских рукописей Даггосуниверситета. Д. 5 // М.А. Абдуллаев. Из истории философской и общественно-политической мысли народов Дагестана в XIX в. М.: Наука, 1968. С. 90.
298. Фон Климан Ф. Война на Восточном Кавказе с 1824 по 1834 гг. в связи с муридизмом // КС. Тифлис, 1894. Т. XV. С. 506-576; Тифлис, 1895. Т. XVI. С. 405-480; Тифлис, 1896. Т. XVII. С. 323-409.
299. Фрунзе М.В. Европейские колонизаторы в Марокко // Избранные произведения. М., 1934. (Приложение к с. 250).
300. Хавжоко Ж. Магомет-Эмин // Тарих. 1996. № 2-3. С. 86.
301. Халилов А.М. Восстанавливая правду истории: Круглый стол // Дагестанская правда. 1988. 6 ноября.
302. Халилов А.М. Развитие национального и интернационального сознания советских народов в период развитого социализма // Научный коммунизм. 1984. № 2. С. 67-68.
303. Халилов А.М. Шамиль в истории и памяти народа // Советский Дагестан. 1988. № 5.
304. Халфин Н.А., Семенов Л.С. Восточный вопрос во внешней политике России. Конец XVIII – начало XIX в. // Народы Азии и Африки. 1979. № 6. С. 203-208.
305. Ханыков Н. О мюридах и мюридизме // Сб. газеты «Кавказ». Тифлис, 1847. Т. 1. С. 136-156.
306. Хасанилав Дибир. Сказание о Газимагомеде // Имам Газимагомед. Махачкала, 1992. (на аварском языке).
307. Хасбулатов А.И. К вопросу об освещении ленинской оценки вовлечения народов Северного Кавказа в капиталистическое развитие России в исторической литературе // Вопросы истории исторической науки Северного Кавказа и Дона: Материалы Всероссийской научной конференции. 21-22 сентября 1978 года. Грозный, 1980.
308. Хачапуридзе Г.К. К вопросу о культурных связях России и Грузии в первой половине XIX в. // ВИ. 1946. № 5-6. С. 76-89.
309. Хашаев Х.-М.О. К вопросу о тухумах, сельских общинах и «воль-

ных» обществах Дагестана в XIX в. // Ученые записки ИИЯЛ Даг. ФАН СССР. Махачкала, 1956. № 1. С. 42-79.
310. Хенце Поль Б. Россия и чеченцы // Наш Дагестан. 1995. № 174–175. С. 36.
311. Ходжаев Д. Военно-политическая и административная деятельность наиба Шоаипа-муллы Центароевского // Материалы всесоюзной научной конференции 20-22 июля 1989 г.: «Народно-освободительное движение горцев Дагестана и Чечни в 20-50-х годах XIXв.». Махачкала, 1994. С. 137.
312. Церетели Г.В. Вновь найденные письма Шамиля // Труды Института востоковедения АН СССР. М.-Л., 1937. Вып. XXIV. С. 95-112.
313. Чернозубов Ф. Очерк Терской старины. Побеги к непокорным горцам. Жизнь у Шамиля (1832-1859 гг.) // Русский архив. 1912. № 1.
314. Шамиль и современность // Материалы (неопубликованные) научно-практической конференции, посвященной 200-летию со дня рождения имама Шамиля. 9-10 октября 1997 года. Махачкала, 1997.
315. Шамиль и Чечня // ВС. 1859. № 9. С. 136.
316. Шарафутдинова Р.Ш. Арабские письма Шамиля из архива Б.А.-Дорна // Ежегодник. 1970.
317. Шарафутдинова Р.Ш. Арабские письма Шамиля из архива Б.А.-Дорна // Письменные памятники Востока. Историко-филологические исследования. Ежегодник. 1974. С. 204-225.
318. Шарафутдинова Р.Ш. Еще один низам Шамиля: // Письменные памятники Востока. Ежегодник. 1975.
319. Шилдер Н. Граф Эдуард Иванович Тотлебен. Его жизнь и деятельность. Биографический очерк. Т. I. СПб., 1885.
320. Шихсаидов А.Р. Арабский халифат и Северный Кавказ (проблемы исламизации Дагестана – пути, реальные силы, последствия) // Взаимодействие и взаимовлияние цивилизаций на Востоке. Тезисы докладов и сообщений. М., 1988. Т. 2.
321. Шихсаидов А.Р. Неопубликованные материалы о Шамиле // Бартольдовские чтения 1993. Тезисы докладов и сообщений. М., 1993. С. 43.
322. Шихсаидов А.Р., Магомеддадаев А.М. Сокровища Могоха // Истина. №№ 64-65.
323. Шихсаидов А.Р. Ахмад ал-Йамани // Ислам на территории бывшей Российской империи. М.,1999. Вып. 2.; Махмуд из Хиналуга. События в Дагестане и Ширване XIV-XV вв. (Пер. с арабского, составление, предисловие, комментарии, приложения А.Р. Шихсаидова). Махачкала, 1997.
324. Шихсаидов А.Р. О некоторых памятниках средневековой культуры Дагестана // Художественная культура средневекового Дагестана. Махачкала, 1987.
325. Шишкевич М.М. Покорение Кавказа // История русской армии и флота. М., 1911. № 6. С. 98.
326. Шовкринский Ю. Н. Об искажении ленинизма в вопросах истории Дагестана // Историк-марксист. 1932. № 1-2. С. 165.
327. Шульгин С.Н. Рассказ очевидца о Шамиле и его современниках // СМОМПК. Тифлис, 1903. Вып. II. С. 10-24.

328. Энгельс Марксу от 23 мая 1851 г. // К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. 2-е изд. М.: Госполитиздат, 1961. Т. 21. С. 746.
329. Энгельс Ф. Война // К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. Т. 10. С. 239.
330. Энгельс Ф. Горная война прежде и теперь // К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. 2-е изд. М.: Госполитиздат, 1958. Т. 12. С. 111-119.
331. Энгельс Ф. Письма к Марксу от 7.06.1864 г. // К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. 2-е изд. М.: Госполитиздат, 1963. Т. 30. С. 333-335.
332. Энгельс Ф. Преобразования в русской армии // Там же. С. 200-203.
333. Энгельс Ф. Священная война // К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. 2-е изд. М.: Госполитиздат, 1957. Т. 9. С. 449-453.
334. Энгельс Ф. Священная война // К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. Т. 9. С. 45.
335. Энгельс Ф. Ход войны // К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. 2-е изд. М.: Госполитиздат, 1958. Т. 11. С. 177-181.
336. Энгельс Ф. Ход турецкой войны // Там же. С. 469-475.
337. Энгельс Ф. Шансы войны // К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. 2-е изд. М.: Госполитиздат, 1960. Т. 17. С. 200-205.
338. Юров А. 1840, 1841, 1842 гг. на Кавказе // КС. Тифлис, 1886. Т. X. С. 225-405; Тифлис, 1887. Т. XI. С. 188-301; Тифлис, 1889. Т. XII. С. 335-424; Тифлис, 1890. Т. XIV. С. 303-444.
339. Юров А. 1843 год на Кавказе // КС. Тифлис, 1882. Т. VI. С. 1-220.
340. Юров А. 1844 год на Кавказе // КС. Тифлис, 1883. Т. VII. С. 157-373.
341. Юров А. Три года на Кавказе. 1837–1839 // КС. 1884. Т. VIII, 1885. Т. IX. С.1-240
342. Ясулов Г. Хаджи-Мурат / Записки. Буйнакск, 1928 . С. 37.

4. ЛИТЕРАТУРА НА ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКАХ

1. Baddeley J.F. The rusian conquest of the Caucasus. London, 1908. P. 239.
2. Baddeley J.F. The Russian Conquest of the Caucasus. L.,–N.Y., 1908. P. XXXIV.
3. Blanch Lesley. The sabres of Paradise. London, 1960. Бланч Лесли. Сабли рая. Махачкала, 1991. С. 4.
4. Bodenstädt. Die Volker des Kaukasus. Berlin, 1855. Bd. 1, 2.
5. Don Juan Van Halen. Narrative of Don Juan van Halen's Imprisonment in the Dungeons of the Inguisition at Madrid, and His Escape in 1817 and 1818; to which are added, His journey to Russia, His Campaign with the Arme of the Caucasus, and His Return to Spain in 1821. L., 1827. V. 2. P. 184.
6. Don Juan Van Halen. Op. Cit. V. 2. P. 177–180; LWR, 1837. P. 204. А по расчетам П.А. Гаврилова, в некоторых горских общинах на каждую душу населения в среднем приходилось по 65 овец и 4 единицы крупного рогатого скота.
7. Ein Besuch. Schamil Brief eines Preussen. Berlin, 1855.
8. Freygang W. et Fr. Lettres sur la Georgie Suivies d'une relation d'un Voyage en Perse en 1812. P. 49; Don Suan Van Halen. Op. Cit. V. 2. P. 180.
9. Gamba J. F. Voyage dan la Russie meridionale, et particulierement dans les

province situll au-dela du Caucase. fait depuis 1820 jusguen 1824. Paris, 1826. Vol. 2. P. 104.
10.Kirzioglu F. Tarihte Kars. Ankara, 1985; Ал-Махди М.Г. Яркие мгновения из жизни имама Шамиля. (С предисловием д.и.н., профессора А.Р. Шихсаидова).
11.Levesque P.-Ch. Histoire de differents peuples soumis a la domination des Russes, ou Suite del' Histoire de Russie. P., 1783. T. 2. P. 405.
12.Layall R. Travels in Russia, the Krimea, the Caucasus, and Georgia. L., 1825. V. 2. P. 75.
13.Mackie J.M. Life of Schamil; and Narrative of the Circassian War of independence against Russia. Boston, 1856. P. 170–173.
14.Maine F. Op. Cit. P. 110.
15.Maine F. The Life of Nicolas I Emperor of Russia; with a short account of Russia and the Russians. L., 1855. P. 112.
16.Reineggs J. and Bieberstein M. Op. Cit. V. I. P. 213–214; 218–219.
17.Reineggs J. and Bieberstein M., Op. Cit. V. I. P. 94–95.
18.Reineggs J. and Bieberstein M.General, Historical, and Topographical Description of Mount Caucasus (Transl. by Ch. Wilkinson). L., 1807. V. I. P. 94–95; Spenser Ed. Turkey, Russia, the Black and Circassia. L., 1855. P. 360.
19.Schamil... // WR. 1854. № 10. April. P. 500
20.Schamil... // WR. 1854. № 10. April. P. 499.
21.Schamyl.../ WR, 1854. № 10. April. P. 486.
22.Smith E., Dwight H.G. Researches in Armenia: including a journey to Asia Minor, and into Georgia and Persia. Boston – N.Y., 1833. V. I. P. 251.
23.Times. 1854. № 21816.
24.Агларов М.А. Les Avars du Caucase, quelques aspects de leur histoire ethnique at politique //»Les Questions fondamentales du penplement du bassin des Carpates du VIIIe an Xe siecle» Conference internationel 1971 a Szeged-Budapest, 1972. p.p. 151-152.

5. ДИССЕРТАЦИИ

1. Асхабалиев Р.Х. Государство Имамат и роль ислама в его становлении и развитии: Дис. ... канд. ист. наук. Махачкала, 2002. 198 с.
2. Бегизов В.Д. Крестьянские движения в Юго-Осетии в первой половине XIX века: Дис. ... канд. ист. наук. Тбилиси, 1952. 143 с.
3. Гашимов Р.Р. Борьба горцев Северо-Восточного Кавказа 20-50-х годов XIX века в советской историографии: Дис. ... канд. ист. наук. Махачкала, 2002. 194 с.
4. Идрисов М.М. Влияние движения горцев Дагестана и Чечни в 20-50-е гг. XIX в. на развитие антиколониальной и антифеодальной борьбы на Кавказе: Дис. ... канд. ист. наук. Махачкала, 1993. 223 с.
5. Калмыков Ж.А. Система административно-политического управления в Кабарде и Балкарии во второй половине XIX-начале XX вв.: Дис. ... канд. ист. наук. Нальчик, 1976. 191 с.
6. Магомеддадаев А.М. Дагестанская диаспора в Турции и Сирии: генезис и проблемы ассимиляции: Дис. ... канд. ист. наук. Махачкала, 1996. 241 с.

7. Мирко В.П. Отношение России и Кабарды в первой трети XIX века: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1973. 204 с.
8. Мужухоева Э.Д. Административная политика царизма в Чечено-Ингушетии во второй половине XIX-начале XX века: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1989. 191 с.
9. Рамазанов А.Х. Политические, социально-экономические и культурные взаимовлияния России и Дагестана в XIX-начале XX веков: Дис. ... д-ра. ист. наук. Махачкала, 1998. 398 с.
10. Шигабудинов Д.М. Россия и Северо-Восточный Кавказ в 20-50 гг. XIX века. (Проблемы и опыт взаимоотношений в период народно-освободительного движения горцев): Дис. ... д-ра. ист. наук. Махачкала, 2004. 668 с.

6. АВТОРЕФЕРАТЫ

1. Агаев А.Г. Некоторые теоретические проблемы народности как этнической общности. Особенности развития социалистических народностей СССР: Автореф. дис. ... д-ра. филос. наук. Ереван, 1966. 44 с.
2. Габуния Г.Р. Критика религиозно-философской концепции суфизма: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. Махачкала, 1971.
3. Гамрекели В.Н. Вопросы взаимоотношений Восточной Грузии с Северным Кавказом в XVIII в.: Автореф. дис. ... д-ра. ист. наук. Тбилиси, 1972. 38 с.
4. Идрисов М.М. Влияние движения горцев Дагестана и Чечни в 20-50-е гг. XIX в. на развитие антиколониальной и антифеодальной борьбы на Кавказе: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Махачкала, 1993. 27 с.
5. Карпенкова Т.В. Политика самодержавия в отношении мусульманского населения России (Вторая половина XIX века - февраль 1917 года): Автореф. дис. ... д-ра. ист. наук. М., 2004. 35 с.
6. Магомедов Ш.Б. Проблемы социально-экономического строительства в Дагестане (1920-1940 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Махачкала, 1993. 46 с.
7. Рамазанов А.Х. Политические, социально-экономические и культурные взаимовлияния России и Дагестана в XIX-начале XX веков: Автореф. дис. ... д-ра. ист. наук. Махачкала, 1998. 39 с.
8. Хоруев Ю.В. История печати на Тереке: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Махачкала, 1966. 27 с.

instituteofhistory.ru

АКАК	– Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссиею. Тифлис.
ДГСВК	– Движение горцев Северо-Восточного Кавказа. В 20-50 гг. XIX в. Махачкала.
ВВ	– Военный вестник. СПб.
ВИ	– Вопросы истории. М.
ВС	– Военный сборник. СПб.
ГИПЛ	– Государственное издательство политической литературы.
КС	– Кавказский сборник. Тифлис.
Л.	– Ленинград.
М.	– Москва.
МИДЧ	– Материалы по истории Дагестана и Чечни. Махачкала
М.:-Л.	– Москва:-Ленинград.
НОБДЧ	– Народно-освободительная борьба Дагестана и Чечни под руководством имама Шамиля.
ОИАМ	– Объединенный историко-археологический музей.
РА	– Русский архив. СПб.
РГВИА РФ	– Российский государственный военно-исторический архив.
РГИА	– Российский государственный исторический архив.
ССКГ	– Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис.
СМОМПК	– Сборник материалов для описания местностей и племен на Кавказе. Тифлис.
СПб.	– Санкт-Петербург.
ВУА.	– Военно-ученый архив.
ЦГИА РГ	– Центральный государственный исторический архив Республики Грузия.
ЦГА РД	– Центральный государственный архив Республики Дагестан.
ЦГА КБР	– Центральный государственный архив Республики Кабардино-Балкария.
ЦГА РСО-А	– Центральный государственный архив Республики Северная Осетия-Алания.

НАИБЫ ШАМИЛЯ

1. **Абулкадыр из Гигатля** (Цумадинский район). Был человеком мужественным, решительным. Умело командовал и смело действовал в бою. Особо проявил себя в бою в Гергебиле. Он сын известного наиба Кадилисул Магомы из Гигатля. (Народно-освободительная борьба Дагестана и Чечни под руководством имама Шамиля. М. Эхо Кавказа. 2005 г.)
2. **Абу-Бакар** – сборник документов (нац.-осв. борьба Дагестана и Чечни под руководством имама Шамиля. 2005 С.448.
3. **Абдурахим, сын известного Баширбека из Казикумуха.** Он был зятем Даниял-султана. Любил веселый образ жизни, друзей. И большее время проводил в развлечениях. Был наибом до пленения Шамиля благодаря влиянию отца и тестя.
4. **Абакар Дибир Мухский.**
5. **Абдула Цахкар.**
6. **Абакаргаджи, сын Магомедкади из Акуша.** Был наибом в Гергебиле. О нем Абдурахман из Газикумуха писал: «Он был герой, алим. Это был справедливый, богобоязненный и храбрый человек. В боях не был удачливым. Шамиль выбрал Абакархаджи из акушинских мухаджиров, так как по происхождению он был родовит и пользовался авторитетом». (См. Абдурахман из Газикумуха. Указ. соч. С. 62).
7. **Адалав** – наиб Анкратля.
8. **Аджи Магмад Торалишвили.** Дидойский наиб. (Сборник документов. Тбилиси. 1953)
9. **Айдемир из Чиркея.** Сын известного предводителя чиркеевцев Джамала. Был наибом Салатавии. Погиб в неравном бою в горах Салатавии 24 июня 1857 года в местности Джансой коль (Жазусалул кlкlал).
10. **Агабек Рутульский.** Наиб Шамиля с 1837 г. Его база была в селении Ахты. Под его командованием в Южном Дагестане было более 2500 воинов. Его называют также наибом Самурским.
11. **Алил Мухаммед** – наиб, назир (Народно-освободительная борьба Дагестана и Чечни под руководством имама Шамиля. М.: Эхо Кавказа. 2005 г. С. 425)

12. **Ахмадхан Дышнинский.** Наиб Дишни –мохка. Погиб в 1840 г. (ДГСВК. С. 247)
13. **Амирасул Мухамад из Кудали.** Наиб Шамиля. Был предан Шамилю до конца. Погиб 24 августа 1859 г. на Гунибе.
14. **Арсануло (Арсануко) – выходец из селения Эзихой.** С 1840 г. наиб Дышни-мохка.
15. **Альбури –** двоюродный брат Хаджи-Мурада, назначенный по его просьбе наибом над жителями Хунзаха, Ободы, Ахалчи, Генечутля, Батлаича, Каха и Гоцатля в июле 1851 г., когда Хаджи-Мурад получил отставку. Был убит кровником в 1853 г.
16. **Астемер –** пятисотенный наиб, чеченец. Погиб. (Далхан Хожаев. Чеченцы в русско-кавказской войне. Грозный, 1998. С.211-217.
17. **Атабай –** наиб чеченский (ДГСВК. С.498, 518, 521)
18. **Али Табасаранский.** Наиб Шамиля
19. **Арсико-Махомад-оглы.** Наиб горной Чечни. (Кистинский наиб).
20. **Ахмад Автуринский.** Выходец из селения Автуры, тайп гуной. С 1847 до 1849 гг. наиб округа в Большой Чечне. Убит в сентябре 1852 г.
21. **Алибек из Хунзаха,** герой Ахульго (см. ДГСВК. С.155, 156, 170. 211)
22. **Алисултан –** Улляхский наиб.
23. **Абакардибир из Аргвани.** Сын Магомеда. В одно время был наибом Салатавии и Гумбета. Потом был в отдельности наибом Гумбета. Многогранная личность. Умер в 1877 г. в Аргвани, похоронен там же. В период войны участвовал во многих сражениях. Одни были удачными, другие нет. Одно время был мудиром, помощником имама Шамиля.
24. **Абдурахман из Караха.** Был наибом в Карахском обществе.
25. **Ахбердил Магома (Мухаммад)** – был наибом в Гехи. Население Гехи очень любило Ахбердил Мухаммада за справедливость и смелость. Один из самых талантливых наибов Шамиля. В 1839 г. вместе с Шамилем вырвался из Ахульго. Был мудиром. Погиб в 1843 г. около укрепления Шитили. Похоронен в Гушкерте.
26. **Абдула из Согратля.** Был наибом Согратля и близлежащих сел. Особо себя не проявил. Он был кротким, мягкохарактерным человеком, за что и был смещен с должности наиба.
27. **Ахкарш –**представитель тейпа садой, наиб Шамиля в Чеберлое.
28. **Ахбулат –** наиб Чеберлоя. Погиб осенью 1853 г. во время похода в Закаталы.
29. **Ахмед-хан-бек** (См. сборник документов НОБДЧ. С. 302)

30. **Алдын Нашхинский -** наиб округа Нашха. (ДГСВК. С. 625, 651)
31. **Амирхан Хатат –** (хатат – означает писарь), выходец из селения Дарго, тайп Белгатой, наиб селения Дарго. В 1845 г. был наибом селения Дезбу между реками Аргун, Мартан и главной дорогой Атаги –Урус-Мартан.
32. **Анзоров Мухаммад-Мирза –** один из влиятельных узденей Малой Кабарды. В августе 1846 г. назначен наибом округа Гехи, в Малой Чечне сменил получившего повышение Атабая. 4 марта 1849 г. назначен мудиром Малой Чечни. В сентябре начальник округов Гехи, Арштхой и Галай. 19 июня 1851 г. умер от ран.
33. **Атабаймула Атаев –** выходец из аула Чунгури. Ученый, наиб округа территории между реками Мартан, Сунжа, Асса и Черными горами, где сменил в 1845 г. умершего Иссу. В октябре 1846 г. мудир Малой Чечни. До 1860 г. скрывался в лесах Харсеноя, был одним из руководителей восстания 1860-1861 гг., сослан в Сибирь.
34. **Аслан** – наиб округа Шарой.
35. **Батуко Шатоевский** – был наибом в Чечне, а именно в Шутубе. В его наибство входило 12 аулов, раненый сдался царским войскам.
36. **Батыр из Мехельта –** был с Шамилем на Ахульго. Мужественный и храбрый человек. Был наибом Гумбета. Погиб в Табасаране в 1851 г. во время похода под руководством Хаджи-Мурада.
37. **Букмухаммад из Газикумуха.** Был предан и верен имаму до конца. Погиб в бою. Был мужественным человеком. Наиб общества Магар (Мукар) (Чародинский район). Совершил знаменитый поход в Кайтаг и в Табасаран. В одном из боев был тяжело ранен, в 1852 г. раненый, в беспамятстве, попал в плен. На 3-й день скончался в Дербенте. Его считали одним из лучших наибов и любимцем Шамиля.
38. **Баширбек из Казикумуха.** Был наибом в Хуштада и близлежащих хуторах. Он был учителем и наставником сына Шамиля Газимагомеда. Имам Шамиль доверял ему. Он погиб в бою в Чечне. Враги отрубили ему голову.
39. **Батырхан из Гимры** – дядя Шамиля, помощник в его делах, был молчаливым, добрым и храбрым человеком. Погиб в 1839 г. на Ахульго. Участвовал в переговорах с генералом К. Клюгенау в 1837 г.
40. **Бабал-Магомед Игалинский** – погиб на Ахульго, был комендантом на Новом Ахульго.
41. **Байсунгур Беноевский.** Он был мужественным и одаренным

человеком. Даже в последнем бою в 1859 г. 25 августа сумел уйти из окружения. Был одноглаз, одноног и однорук. Перед боем его поднимали и привязывали к лошади, чтобы в бою он не упал. Был предан своими близкими родственниками. Его арестовали в 1861 г. и повесили в Хасавюрте.

42. **Бисанин Гелаг** – выходец из селения Хьайбах. Наиб общества Нашха.
43. **Булат-Мирза** - наиб Ауха, с октября 1840 г. сменил Ташав-Хаджи. В конце 1840 г. убит ауховцами.
44. **Богатар – наиб.** (ДГСВК. С. 559)
45. **Бурсак** – выходец из Генчумского села Хули. Наиб Шамиля.
46. **Бады-мулла** – наиб Шамиля с 1837 г., чеченец. В 1839 г. принимал активное участие против карательных войск под командованием генерала Граббе. Его отряд базировался в селения Шали.
47. **Батракмухаммадали из Белоканы (Батракмуртазали).** Он был наибом в Анкратле, пользовался большим авторитетом среди поселенцев (мухаджиров). Имел величественную внешность. Имам его уважал, а тот отвечал ему искренней дружбой. Или Бакракали. Одно время (1853 г.) был наибом Джурмутского общества (НОБДЧ. С. 427).
48. **Вахсан из Кванада.** После смерти Малача был назначен наибом общества Чамалал. Вахсан скомпрометировал себя захватом общинных земель, за счет байтул-мала построил себе дом.
49. **Гаджи Чохский** (ДГСВК. С. 558, 591, 619, 652. 658).
50. **Гадис – или Хадис - из Чирката** (НОБДЧ. С. 449).
51. **Гаджияв Андийский.** Наиб Шамиля.
52. **Гаджи-Али из Чоха.** Был наибом, казначеем, начальником разведки, дипломатом.
53. **Гасан Кусурский** (ДГСВК. С. 661).
54. **Герей** – наиб Андийский.
55. **Газияв** – наиб Анди.
56. **Гусейн** –наиб Салтинский.
57. **Газияв из Караты.** Наиб при имаме Гамзат-беке.
58. **Гитинав из Гидатля.** Был наибом над жителями Гидатля. Был другом и близким человеком Гази-Магомеда. Был убит рядом с Буртунаем от шальной пули в 1858 г. Похоронен в селении Хотода
59. **Гамзат Залмеев –** наиб Чантинский (КС 1879 г. III. 477…), в 1859 г. перешел на сторону русских.
60. **Газимагомед** – сын Шамиля. Был наибом в Каратинском обществе. Был мудиром. Умер в 1902 г. в Турции. Руководил

обороной Ведено в 1859 г., был уважаемым человеком среди горцев, возглавлял вместе с Шамилем, Даниял-беком поход в Кахетию в 1854 г.

61. ***Галбацдибир из Караты.*** Он был ученым, пользовался уважением среди народа. В одно время Галбацдибир был мудиром. Он был человек здравомыслящим, решительным, усердно защищавшим шариат и устанавливающим его устои серьезно и основательно. Он остался преданным Шамилю до конца, был с ним на горе Гуниб. Он умер по пути в Хадж.
62. **Гусейн** - наиб из Гергебиля. (ДГСВК. С. 610. Письмо Шамиля жителям селении Цатам и Бацал мари в 1852 г.)
63. **Гада из Чарбили.** Был наибом над тадбуртрийцами, известными как чарбильцы (чеченцы Введенского района ЧР). В сражениях он был смел, алимом не был и не отличался умом.
64. **Гебек из Дылыма.** Молодой наиб. Был мужествен, а также талантливым алимом. Сын известного наиба Гаджибека. Наибом был в Салатавии с начала 1856 г. В одном из боев был тяжело ранен, через 3 дня, т.е. в сентябре 1857 г., умер от ран. Похоронен в селении Гендерген в Ножайюртовского района Чечни.
65. **Гамзат-Хаджи Шотродинский.**
66. **Гаирбег из Буртуная.** Человек мужественный и смелый. Был другом и наставником сына Шамиля Газимагомеда. Его ценил и уважал как народ, так и сам Шамиль. Был наибом в Салатавии. Был убит, попав в ловушку в январе 1856 г. рядом с кр. «Внезапная» (около селения Эндирей).
67. **Газияв Андийский.** Был назначен в 1843 г. наибом над андийцами.
68. **Гасан Буртунайский** – короткое время был наибом Салатавии, долгое время был помощником наиба. В 1857 г. погиб в боях за Салатавию.
69. **Гойтемир** – выходец из селения Юрт-Аух в 1844-1847, 1850-1853 гг. наиб Ауха. С 1850 г. – начальник кавалерии Имамата. В 1853 г. погиб в бою.
70. **Гумалатан Геха** – житель селения Гуни, чеченец. Наиб. Командовал внутренними войсками в Имамате. После окончания войны помощник пристава Веденского наибства.
71. **Газимухамад из Телетля** – наиб Гидатлинский, был снят с должности за предательство.
72. **Гаджи Магомед Кудуки** (см. НОБДЧ. С.365,378).

73. **Гаджимагомед** – наиб из Согратля. После того как имам убедился, что тот встречался с казначеем Агалар-хана, был смещен с наибства.
74. **Гитинав (Гитин) из Дануха.** Был очень молодым наибом и любимчиком Шамиля. Был мужественным человеком. Погиб в 1845 г. при разгроме войск Воронцова. Похоронен в селении Белготой Введенского района Чечни. Был наибом в Гумбете.
75. **Гаджибег из Дылыма.** Наиб в Салатавии 1843-1845 гг. Был мужествен и умен. В бою был непреклонен. Два его брата Даци и Султанбек погибли за веру и свободу. Гаджибег погиб в июле 1845 г. при преследовании отступающих войск под командованием Воронцова. Похоронен в селении Саясан Ножайюртовского района Чечни.
76. **Дударов** – наиб в Галахшках. По-видимому, осетинский (тагаурский) алдар Казимагомед Дударов, в апреле 1841 г. перешедший на сторону Шамиля.
77. **Дибирхаджиясул Хаджияв** – наиб Караха.
78. **Даниялбек (Даниял-султан) Елисуйский.** Противоречивый человек, был наибом в Ирибе. Управление Ирибом досталось Даниял-Султану с мухаджирами. Он перешел на сторону Шамиля в чине генерал-майора. Шамиль приблизил его к себе. Был сперва наибом, а потом и мудиром. Все свое имущество он тратил на газават. Он выдал свою дочь Каримат за сына Шамиля Газимагомеда. В 1859 г. он предал имама и перешел на сторону русских. Умер и похоронен в Турции.
79. **Дага** – наиб с 1845 г. заменил Дубу, ставшего мудиром, возглавил Шатоевское общество с горными и предгорными аулами Большой и Малой Чечни.
80. **Дауд Хаджи** – в 1853 г. наиб округа Шали.
81. **Дауд мулла Бахнодинский** (Бежтинский) (ДГСВК. С. 566).
82. **Дибир из Анди** – наиб Шамиля.
83. **Дуба Вашенодоронский.** Был наибом в Малой Чечне. В 1859 г. сдался царским войскам.
84. **Джамал** - наиб Ауховского общества.
85. **Дибир Аварский из Хунзаха.** Сын известного Инквачилава из Хунзаха. Был наибом в Аварии. Вел переговоры от Шамиля с Барятинским перед сдачей в плен в августе 1859 г. Был всегда верен имаму.
86. **Доного Мухаммад из Гоцо.** Был наибом в Гимрах, Араканы и Кайсубулах. Он считался у Шамиля наиболее выдающимся

авторитетом за верность на службе, храбрость и ум, хотя до перехода на сторону Шамиля он служил у русских. После кавказской войны служил наибом.
87. **Джаватхан (Жаватхан) из Арсеноя.** Был наибом в Чечне в Шубуте и Чеберлое. Был верен и предан имаму, храбр и мужественен. Погиб в 1843 г.
88. **Давудхаджияв из Цилитмы.**
89. **Жаннин Бук** – наиб общества Курчалай.
90. **Зубаир**. По другому его называли Хусро. Был наибом в Анцухе и близлежащих селах. Был с имамом до последнего дня войны, т.е. на горе Гуниб.
91. **Закарияхаджияв из Хуштады.** Он происходил из рода известнейших алимов Мусалава. Сам тоже был алимом. Был наибом в Хуштаде. Как пишет Абдурахман, «он был уравновешанным, верным и справедливым человеком среди своих людей».
92. **Наиб Закари из Чоха.** Он прославился после окончания войны. Участвовал в сооружении укреплений на Гунибе в августе 1859 г.
93. **Исмаил из Чиркея.** Он сын известного алима Джамал шейха и брат наиба Айдемира. Был наибом в Салатавии. В 1857 г., предав имама, перешел на сторону русских с семьей. Буквально через 3 месяца он со своей семьей резко заболел, тогда и умерли все члены его семьи.
94. **Исса из Гендергена.** Был наибом в Большой Чечне. Умер в 1845 г.
95. **Идрис из Гергебиля.** Был человеком мужественным и отважным, один из молодых наибов Шамиля. Погиб в сражении за крепость Салта (1847 г.). Похоронен на окраине селения Салта.
96. **Ибрагим** – двоюродный брат Шамиля, был наибом над аулами Аракани и Гимры, сын дяди Шамиля Батырхана, павшего при битве за Ахульго. Умер и похоронен в Медине.
97. **Ибрагим Мокохский** был наибом над дидойцами и иланхеевцами (ДГСВК. С. 428, 429).
98. **Иманали из Ботлиха.**
99. **Ибайдула** – наиб Анцухский (ДГСВК. С. 675).
100. **Идиль Веденский** – наиб Ичкерии в 1843 г. В 1859 г. перешел на сторону русских.
101. **Иманмухаммад из Гигатля (Цумадинский район).** Был наибом Гигатля. После пленения Шамиля служил у русских. Он был наибом в Ботлихе, Гумбете при русских. Последние годы своей жизни был при губернаторе Дагестана начальником одного из отделов.

102. **Идрис Эфенди из Эндирея.** После смещения Микрик Муртазали из Чиркея с наибства был поставлен на его место наибом. С 1847 г.- наибом Ауха. В начале 50-х гг. был смещен. С начала 1857 г. сменил убитого наиба Хазу. Он был красноречив, но несмел, неповоротлив, нераспорядителен в делах. Но, поскольку он был ученым, имам не захотел умолять его авторитета. Но, в конце концов, учитывая все, был смещен с должности (Абдурахман. Указ. соч. С. 74).
103. **Инкавхаджи (Аль-хаджи аль -Асамм) из Чоха.** Был наибом в Чохе. Был авторитетен. Являлся тестем сына Шамиля Мухаммадшафи. Был одним из лучших наибов Шамиля. Его прозвище было «Глухой Гаджи». Командовал артиллерией Шамиля. Участник многих сражений. Присутствовал при сдаче Шамиля. Был до последнего с имамом, потом переселился в Турцию, затем вернулся и умер у себя на родине.
104. **Исмаил** – сын Инкавхаджи.
105. **Инквачил Дибир из Геничутля.** Считался самым справедливым наибом. Был верен имаму. Участвовал во многих боях, где показал мужество и отвагу.
106. **Исмаил из Ботлиха.** Наибом стал Технуцальского общества в 1853 г. Как пишет Абдурахман, «он был героем, любимцем в своей общине, приятелем Газимухаммеда сына Шамиля». (Указ.соч. С. 54). Погиб в бою в 1857 г. под селением Буртунай.
107. **Исмаил из Шамгода.**
108. **Кади из Ичичали.** Он был наибом над аулом Ичичали. Он считался алимом, «обладал своим мнением», был храбр и пользовался уважением в своем ауле. Шамиль любил его за решительность и верность. (См.: Абдурахман из Газикумуха... Указ.соч. С. 54).
109. **Киха из Арсении.** Был наибом в Ичкерии. Впоследствии за погрешность был смещен.
110. **Карапаплав из Чоха.** Наиб Каракайтага.
111. **Кебед Мухаммад из Телетля.** Был наибом еще со времен второго имама Гамзата до 1859 г. Шамиль считал его своим лучшим наибом. Был мудиром. По окончании войны служил у русских, так как в конце войны испортились отношения Кебедмухаммада и Шамиля. Затем совершил хадж. Жил в Турции и умер там.
112. **Кикюров – Каратлинский.** Наиб (Шамиль-ставленник султанской Турции и английских колонизаторов. Тбилиси, 1953. С. 264).
113. **Курбанали** – наиб Гумбетовский.

114. **Курбанил Магомед из Бежта.** Был наибом в Согратле и близлежащих селах. А также он был наибом Каралала. Но в конце войны предал Шамиля, разграбил его казну.
115. **Курбанил Мухамад из Бацады.** Был человеком красноречивым и образованным. Он не был воином, распорядителем в делах народа, и его прозвали Генебихъ (резатель груш пополам), так как в его ауле груш было много, и до наибства он занимался их продажей. Он наибствовал в Согратле и близлежащих селах.
116. **Кур-Эфенди из Гуймы** (Он же Магомед из Гуймы, лакец).
117. **Кади-Магома из Гигатля.** Наиб Чамалалский. В 1859 г. перешел к русским.
118. **Кур-Магома** - Каратинский наиб (см. НОБДЧ. С. 418).
119. **Лабазан** – Андийский наиб. «Он был смелым, умным, красноречивым, справедливым, правосудным и в своем вилайате. Количество казненных в вилайате Анди за время его наибства достигло ста. Ни один не был казнен без вины (см. Абдурахман из Газикумуха. Книга воспоминаний. Махачкала, 1997. С. 52-53).
120. **Мухамадали из Чиркея.** Сын известного Таймасхана из Чиркея. Наибом был короткое время. Перешел на сторону русских. Быстро умер и похоронен в Костеке.
121. **Муртазали** - наиб из Телетля. Брат прославленного мудира Кебед-Мухаммада.
122. **Малачи, наиб из Гигатля (Цумадинский район).** Сын известного наиба Кадила. Активное участие в боях не принимал. Больше занимался снабжением. Умер и похоронен в Гигатле.
123. **Магомед наиб Гоцобский.** (ДГСВК. С. 585).
124. **Магомед –Али** (ДГСВК. С. 624-625, 628).
125. **Магомед наиб из Согратля** (ДГСВК. С. 502,532).
126. **Магома Омар Канодольский** (Сборник документов. Шамиль Ставленник... С. 315). Участвовал в военных событиях на Лезгинской линии. Погиб в мае 1850 г. при атаке горцами укрепления Белоканы.
127. **Магомед-Султан из Игали.**
128. **Мухаммад-Амин из Гигатля (Цумадинский район).** Участвовал в боях, был мужественен.
129. **Мукарский Могома** (ДГСВК. С. 661).
130. **Муртазали из Орота** – наиб Гидатлинский.
131. **Мелкум Раджаб** – лезгинский наиб, погиб в 1850 г. (ДГСВК. С. 597-598).

132. **Мааш Зумсоевский.** С 1840 г. наиб Зумсоевского общества. Погиб.
133. **Магомедкадий** – наиб общества Андалал.
134. **Мусса** – наиб обществ вокруг сел Топли (на р. Аргун) до р. Хулхуло (в месте падения р. Мичик). Упоминается до 1854 г.
135. **Магоме –** наиб Шубутовского (Кистинского участка) (НОБДЧ. С. 298).
136. **Магомед-Амир Хиндалальский.**
137. **Магомедбек –** наиб (НОБДЧ. С. 357).
138. **Мухаммад из Бактлуха.** Был наибом над жителями Бактлух. Был богословом, алимом. Он долго управлял людьми. Не выделялся большой храбростью и особым умом, однако Шамиль любил его за обходительность со своими людьми и за справедливость.
139. **Мухамадхаджияв из Кудутля.** Был алимом, наибствовал в Унцукуле, некогда он получил прозвище «коротиш». Любимец имама. Он заикался, когда говорил. Погиб в бою.
140. **Мухаммад из Ингушетии.** Был короткое время наибом в Аухе.
141. **Мухаммад из Тануси.**
142. **МусахIажи из Чоха.** Был наибом в крепости Чох. Впоследствии за упущенные недостатки его сняли.
143. **Мухаммадали из Мехельта.** Был наибом в Гумбете. Был смещен в 1859 г.
144. **Миклык Мутазали из Чиркея.** Был наибом в Аухе. Это был высокомерный деспот, взяточник. Впоследствии за недостойное поведение его сняли с наибства и конфисковали имущество. Незаконно присвоенное имущество передали для нужд войск в государственную собственность (байтул-мал) (См. Абдурахман. Указ. соч. С. 74).
145. **Мухаммад из Телетля.** Был назначен наибом в Телетлинском обществе в 1843 г.
146. **Муса из Балахуни.** Один из ближайших соратников имама. Был безжалостен к своим людям, особенно по делам веры. Участвовал в битве на Ахульго в 1839 г., был ранен. Вместе с Шамилем и другими соратниками много сделал для создания государства Имамат.
147. **Мухаммад из Анди.**
148. **Мухаммадамин наиб Аракани (из Харахи).**
149. **Миканл из Гакварн.** Был одним из справедливых наибов. Наибствовал над чамалинлцами. Был человеком не только храбрым, но и богобоязливым. От тяжелой раны, полученной в бою, скончался дома.
150. **Накаев Магомед из Нижнее Гакварн.** Наиб общества Чамалал.
151. **Мухаммад Кади –** наиб Тиндальский (АКАК. Т.12. С.1142).
152. **Гаджардибир из Гагатля (Цумадинский район).** Он был алимом, храбрецом, пал в битве с русскими. Руководил группой делегатов от имени имама в Турции, правда безуспешно.
153. **Мухаммад из Кудали.** Был одним из верных и справедливых наибов. До последнего был предан имаму. Был с имамом и в последнем бою на Гунибе, где и погиб.
154. **Мухаммад-амин из Гонода.** Один из близких и доверенных лиц имама. Был его советником и верным другом. Был наибом, посланником на Западном Кавказе. Добился блестящих успехов в организации борьбы народов Западного Кавказа за свою свободу и независимость. Встречался с имамом после его пленения. Умер и похоронен в Турции.
155. **Мухамадамин из Харахи.** Был наибом с 1845 г., впоследствии был смещен за жестокость в отношении каратинских сел, также был наибом в обществе Гид (Гидатль), Аракани, Харадерихском наибстве. Он был алим, не трус. Долго оставался наибом. Впоследствии смещен, когда в 1859 г. Шамиль переехал в село Ичичали.
156. **Магомед Мусанаев** – чеченец, наиб Ичкерии с 1843 г.
157. **Мухаммадхаджияв из Кудутля.** Шамиль ценил и любил его за его знания в области религии. Он больше был алимом, чем воином. Наибом он был в Унцукуле.
158. **Мухаммадшафи йал Хаджал из Чоха.** Показал себя мужественным человеком. После пленения имама поехал в Турцию, но вернулся, разочаровавшись от того, что там жизнь не устроилась. Умер в Чохе, там же и похоронен.
159. **Мухаммад-шафи** – сын имама Шамиля. Участвовал в защите Гуниба в августе 1859 г. После пленения Шамиля впоследствии стал генералом царской армии. Умер в 1905 г. Похоронен в 30 км от Кисловодска в местечке Учкен, в селении Первомайское.
160. **Муртаза из Оркачи –** был предан Шамилю до конца, поднялся на Гуниб.
161. **Мухаммад из Хунзаха.** Сын Хаджи. Мухаммад был храбрым воином. Но был убит из-за клеветы.

162. **Нурмагомед из Согратля,** он же Хаджи Хурш, он же Хуршил Мухаммад. Он управлял своим народом справедливо, верно и храбро.
163. **Нурмагомед из Карата.** Был известным ученым, наибствовал в Ахвахском обществе. Погиб в бою.
164. **Нурмагомед Чиркеевский.** Наиб Герменчука, из числа мухаджиров.
165. **Нурис-мулла Ауховский.**
166. **Нурмухаммад** –наиб Хидатлинский.
167. **Нурмухаммад из Караха.** Он являлся потомком известных улимов и набожных людей.
168. **Нухмагомед –** (письмо Шамиля 23 апреля 1850 г.) ДГСВК. С. 593)
169. **Нурали из Арадериха.** Старый соратник имама. Сражался на Ахульго, вместе с Шамилем прибыл в Чечню. Шамиль ценил и уважал его за смелость и справедливость, Был одно время наибом Чеберлоя и Шубута.
170. **Насрудин из Курала,** лезгин-мухаджир, мужественный и справедливый наиб.
171. **Омар – наибствовал в Анкратле** (ДГСВК. С. 383, 388).
172. **Оздемир** – чеченский наиб. Убит предателем в мае 1842 г. (ДГСВК. С. 341-342).
173. **Омар-бек –** наиб (НОБДЧ. С. 302).
174. **Омарил Магомед Тлянадальский -** наиб Карахский (ДГСВК)
175. **Омар-наиб Джурмутский** (ДГСВК. С. 595).
176. **Наиб Османилав** (ДГСВК. С. 559).
177. **Омар-Али -** наиб Тиндинского общества (НОБДЧ. С. 2912).
178. **Омар из Салта.** Наибствовал в Гоцатле. Был красноречив и храбр. Особо проявил себя в битве за с.Салта (см. Абдурахман из Газикумуха)
179. **Омар-Хаджи Согратлинский.** (Оцо Омар). Наиб Андалальского общества
180. **Омар Майртупский** – в 1859 г. наиб округа между реками Хулхуло и Гумме (в горной зоне). После отступления Шамиля из Чечни ушел вместе с ним в Дагестан. Принимал активное участие в сражении на Гунибском плато. Потом сдался в плен.
181. **Рамазан (Рамадан из Анди).** Был жестоким и суровым человеком. В 1858 г. он сдался русским. После пленения был наибом от царской администрации. Он был поставлен вместо смещенного Галбацдибира и себя не оправдал.

182. **Раджаб из Зубутли.** Был наибом Салатавии в конце войны. В одно время был наибом Салатавии и Ауха вместе. Мужественный, справедливый человек (ДГСВК. С. 669).
183. **Саадула – чеченец из Дарго.** Наибствовал в Гехи. Мудир Малой Чечни. Впоследствии был смещен за допущенные недостатки. В начале 1859 г. перешел на сторону царских войск, воевал против горцев.
184. **Сагатало Мухаммад-наиб.** (Кавказский сборник. 1879 г. Т. 4. С. 300, 301).
185. **Сулайман-чеченец из Дарго.** Был наибом в Чечне.
186. **Сурхай из Коло.** Был наибом в 1839 г. в Койсубулинском обществе. При сражении на Ахульго героически погиб. Самоучка-строитель, автор и исполнитель укрепления ШулалъулгохI (Сурхаевой башни).
187. **Сулейман мулла –** выходец из селения Сольжа, жил в селении Герменчук. С 1845 г. по апрель 1846 г. наиб Черкесии. В мае 1846 г. смещен. В 1847 г. в Малой Чечне перешел на сторону царского командования.
188. **Саид Энгенойский** – наиб надтеречных чеченцев. Участвовал в сражении на Валерике в 1840 г.
189. **Саду Мичиковский.** Мичиковский наиб. Сдался в 1859 г. царскому командованию.
190. **Суаиб-чеченец из Арсеноя.** Наибствовал в Чечне и Дарго. Погиб в июле 1845 г. в бою с войсками Воронцова. Иногда встречается его имя как Сухаиб.
191. **Сулейман –** наиб из Цилика.
192. **Саид из Инхо.** В 1845 г. он участвовал в качестве наиба в боях против войск под командованием М.С. Воронцова. Был также в качестве мудира, управлял в короткое время 4 наибствами.
193. **Саид –** наиб Дусараратский (ДГСВК. С. 661).
194. **Салимдибир из Хуштада.** Был ученым человеком. Погиб в бою в Чечне. Наибствовал в Хуштада.
195. **Сакитил Мухаммад из Сильди.** Он был наибом в аулах силдийцев на границе с Тушетией и общинной Грузии (См. Абдурахман из Газикумуха. Указ. соч. С. 54-55).
196. **Тапи (Тепи) –** наиб Гехинский (Кавказский сборник. 1882. Т. 6. С. 403. ДГСВК. С. 247).
197. **Ташав Хаджи –**чеченец, выходец из Эндирея. Был наибом в Чечне.
198. **Турарасул Магомед** –Цунтинский наиб (Хаджимухаммад).

199. **Толхибат наиб** (ДГСВК. С. 526).
200. **Таиб-Верхнегойтинский – чеченец.** С 1843 по 1845 гг. наиб села, расположенных между реками Аргун, Мартан и главной дорогой Атаги-Урус-Мартан. В 1845 г. смещен Шамилем за слабое управление.
201. **Табако** – Шовотинский наиб.
202. **Тарам-чеченец,** в 1847 г. наиб Сунженского наибства, был одно время мазуном.
203. **Талгик (Талхик) – чеченец.** Был наибом в с. Хулхуло и близлежащих селах. Шамиль взял его дочь замуж за своего сына Джамалутдина. Был мудиром. В 1859 г. перешел на сторону царских войск.
204. **Турач –** наиб Карата.
205. **Таймасханил Мухамали** – наиб из Чиркея.
206. **Хочбар из Шото. Сын Гаджи.** Был назначен наибом в Хунзах в 1844 г.
207. **Хаджи Мухаммад Дидойский.** (КС. Т. 9. С. 317-318).
208. **Халид** – наиб общества Чамалал. Был родом из селения Нижнее Гаквари.
209. **Халид Апанди** – наиб Каратинский. После окончания Кавказской войны служил у русских.
210. **Хаджимурад из Хунзаха.** Интересна, сложна и трагична судьба этого легендарного человека. Он был мужествен, храбр. Был наибом в Аварии, мудиром, считался одним из самых прославленных полководцев Шамиля. В 1851 г. перешел на сторону царских войск, при попытке уйти обратно в Дагестан, был убит в том же году.
211. **Хаджияв – сын Дибирхаджи.** Был человеком кротким, щедрым, мягкой души. Его верность и ученость пленяли имама. Хаджияв был также исключительно честным человеком.
212. **Хату – чеченец из Гендергена.** Был наибом в Аухе, Чечне. Шамиль ценил его за храбрость и преданность. Иногда его имя встречается как Гату. Будучи наибом в Аухе, он пользовался большим авторитетом. Его любили за справедливость. В 1859 г. перешел на сторону русских. Участвовал в военных действиях против горцев. В награду получил 50 десятин земли и чин офицера.
213. **Хазу – брат наиба Ауха Хату.** Наиб Ауха с 1854 г. по февраль 1857 г. Погиб в бою.

214. **Хириясул Алибек из Хунзаха.** Один из первых и прославленных наибов Шамиля. Геройски погиб на Ахульго в 1839 г.
215. **Хадживя из Шотрода.** Наибствовал над обществом Технуцал (Ботлихский район). Он был алимом, но человеком мягким и очень много разглагольствующий на собраниях.
216. **Хара Ибрагим.** Наиб Анцухский (КС. 1847. Т. 1 С. 237).
217. **Хаджияв из Орота.** Известен как казначей Шамиля. В одно время был наибом, проявил себя хорошо. С 1847 г. он действовал в качестве мудира в Шубуте (общество Шатой в Чечне), а с ликвидацией этой должности в 1852 г. был назначен наибом в Анди (См. Абдурахман. Указ.соч. С. 191).
218. **Хаджиясул Мухаммад из Аварии.** Был известен как мужественный человек, особо проявлявший себя в битвах. Он был назначен наибом Аварии после смещения Хаджимурада. Трагически сложилась его судьба. Был убит из-за клеветы.
219. **Хаджияв из Карата.** Был наибом в Каратинском обществе. Приближенный имама Шамиля, с которым разделил участь военнопленного. Был казначеем у имама в Калуге. Вернувшись в Дагестан, служил русским, был убит бандитами в горах.
220. **Хаджи-Мухаммед –** чеченец из селения Герменчук. Наиб Черкесии с 1842 г. по май 1844 г.
221. **Хандакай** - житель селения Центорой. В 1850 г. наиб Ичкерии.
222. **Хосров Мулла Токхский,** наиб Анцухский (КС. 1879. Т. 4. С. 294).
223. **Хусейн** – Араканский наиб.
224. **Хентинг** – наиб Дишниведенский.
225. **Хаджиявдибир из Тлондода.** Был наибом в Хуштаде и соседних населенных пунктов. В некоторых источниках он проходит под именем Газиявдибир из Тлондода.
226. **Худанатил Мухаммад из Гоцатля.** Он был советником Шамиля. Именно он уговорил, убедил Шамиля назначить его наибом. Наибствовал в Чечне, Игали, Гоцатле.
227. **Хаджар-Дибир из Гигатли.** Наибствовал в обществе Чамалал. Славился как мужественный человек. Погиб в бою в 1847 г. при битве за Гергебиль.
228. **Хаджи-Герей.** Был наибом на Западном Кавказе.
229. **Чанка Булат –** наиб Шамиля.
230. **Уцуми из Мехельта.** Сначала он был муфтием в Гумбете. Затем после перехода Шамиля из Чечни в Дагестан был назначен наибом над Гумбетовскими селениями.

231. **Уди Мулла – чеченский наиб** (ДГСВК. С.165).
232. **Умахан –** чеченский наиб.
233. **Умарил Яхья-Хаджи.** Наиб Кази-Кумуха.
234. **Усман из Жалки (Джалки).** Был наибом над жителями Жалка. Имам его любил за усердие при несении военной службы. Был предан и верен имаму и религии, был храбр.
235. **Улубий мулла из Ауха.** Наибствовал в Аухе. Был талантливым мудиром и человеком набожным и уважаемым в государстве Шамиля.
236. **Ума-чеченец из Зумса.** Был наибом Киял и близлежащих сел.
237. **Умалат из Алмака.** Был наибом в Аухе, Чечне. Сдался в 1859 г. царскому командованию. Был одним из доверенных людей Шамиля. С врагами в бою был жесток. Был остроумен.
238. **Шамсудин.** Был наибом Араканским.
239. **Шейх-мулла –** наиб Ахтынский.
240. **Шангерей из Гимры –** наиб.
241. **Шахав из Анцуха.** Наибствовал в Анцухе и в близлежащих селах. Был алимом. Впоследствии отошел от Шамиля.
242. **Шахумилав мухаджир из Шовкры.** Был наибом Рис-оре (Чародинский район). Славился храбростью.
243. **Шуаны** жил в верховьях р. Гойта. Наиб Гойтинского округа в 1850 г.
244. **Шуайб** – чеченец. Был человеком состоятельным, но все свое сбережение и богатство отдал газавату. Был верен и предан имаму. «Он был самым близким помощником имама во всех военных делах» (Абдурахман. Указ. соч. С. 73). Человек он был мужественный, богобоязненный, набожный. За умелые действия против врага в лесах его называли лесным маршалом. С 1840 г. наиб Мичиковского округа. С мая 1843 г. мудир Восточной Чечни. Убит в марте 1844 г.
245. **Шахмарданил Хаджияв из Чиркея.** Он был алимом, тонким, общительным. Он был наибом в Ботлихе. С 1854 г. он отошел от имама. Был похоронен в Старом Чирке, а когда аул был покинут для затопления его водохранилищем, останки его с изящной надмогильной плитой были перенесены благодарными потомками на место нового поселения. Ныне его могила находится в селении Чиркей Буйнакского района.
246. **Шамхал из Аргвани.** Был наибом в Аухе и Гумбете. Он в большей степени был алимом.
247. **Чоха Карабатыров.** Наиб с. Элистанжи и близлежащих сел.

248. **Шамхалдибир из Хелетури.** Был алимом. Наибствовал в аулах сильдицев (Цумадинский район) на границе с Тушетией и общиной Грузии. Погиб в бою с неверными летом 1858 г. рядом с Буртунаем.
249. **Шейхулислам из Орота.** Наибствовал в селении Харахи и аулах вокруг нее. В период наибства он вел себя как воин, как администратор себя не показал. Шейхулислам был ученым.
250. **Шамурзаев Бата.** Выходец из сел. Дади-юрт, тайп харочой. В плену воспитывался у барона Розена, бежал в Чечню. Наиб округа в Большой Чечне, мичиковский наиб. В 1851 г. перешел на сторону царских войск. Участвовал в военных действиях против Имамата в качестве капитана туземной милиции и переводчика князя Барятинского.
251. **Юсуф–хаджи.** С 1843 г. наиб Малой Чечни. Вскоре Шамиль увидел, что Юсуф Хаджи не в состоянии управлять огромной территорией, и разделил ее на две части. Юсуф Хаджи стал управлять восточной частью, заключенную между реками Аргун и Рошни. В 1844 г. был назначен наибом в Западный Кавказ к адыгам, вскоре перешел на сторону царизма.
252. **Эндирей Умаяев** - жил на хуторе в ущелье р. Рошни. Наиб в Малой Чечне. Перешел на сторону царского командования в 1854 г.
253. **Эльмурза Ханцов** с 1851 г. Гехинский наиб. Погиб в бою в 1852 г.
254. **Эски – чеченец.** Был наибом в Чечне. Он в большей степени был воином. В бою показал себя мужественным. Особо проявил себя в 1850 г. Но в последствии в июле 1857 г. предал Шамиля и перешел на сторону русских.
255. **Эльдар (Элдар) – чеченец.** Был наибом. Героически погиб при преследовании войск Воронцова, отступающих из Дарго в июле 1845 г.
256. **Фатали** – сын Сурхайхана Аварского, убитого вторым имамом Гамзатом и внук брата Умахана Аварского. В 1851 г. Шамиль отстранил от наибства Хаджимурада и передал селения Сиух, Хориколо, Тануси, Гозоколо наибу Фатали. Впоследствии в 1877 г. возглавил восставших аварцев в сражении с царскими войсками под селением Кутиша в октябре 1877 г.
257. **Фет-Али –** наиб Чеченский.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....3

Глава I. Историография проблемы, источниковая база, методология исследования.....6

I. Источниковая база работы. Архивные документы 6

II. Историография проблемы. Русская дореволюционная и зарубежная литература..... 24

Советская и современная историография..... 39

Глава II. Социально-экономическое и военно-политическое положение Северо-Восточного Кавказа в конце XVIII - начале XIXвв.....56

I. Социально-экономическое и политическое положение Дагестана и Чечни на рубеже XVIII-XIXвв.....56

II. Колониальная политика России на Северо-Восточном Кавказе в начале XIX в. Возникновение антиколониального, антифеодального, национально-освободительного движения народов Дагестана и Чечни под лозунгами мюридизма.....79

III. Начальный этап становления Имамата и национально-освободительной борьбы. Роль шариата в объединении народов Северо-Восточного Кавказа в борьбе против царских колонизаторов и местных феодалов.....90

IV. Шамиль – имам Дагестана и Чечни. Начало «блистательной эпохи» Шамиля.....107

V. Деятельность Шамиля как имама и создание государства Имамат.....126

Глава III. Социально-экономическая политика Имамата.....162

I. Территория, границы расселения народов, вошедших в государство Имамат.....162

II. Вольные общества аварцев и чеченцев – ведущие социально- экономические и политические силы государства Имамат...170

III, Экономическое положение в Имамате 181

IV. Социальные реформы в Имамате..... 203

Глава IV. Административно-территориальное устройство и государственно-правовое управление в Имамате.....213

I. Формирование и становление важнейших атрибутов государственного устройства Имамата. Коллективные органы управления в Имамате 213

II. Право в Имамате. Судебно-правовая структура Имамата. Борьба с коррупцией. Наказания. Низамы Шамиля.....252

III. Государственная атрибутика и символика Имамата: столицы государства, гимн, знамена и флаги, наградная система, знаки отличия.....275

IV. Вооруженные силы и военная реформа Имамата.....328

V. Наука и образование в Имамате..... 346

VI. Интернациональная политика и толерантное отношение к иноверцам.....380

VII. Внешняя политика государства Имамат.....387

VIII. Падение Имамата.....405

Заключение **418**

Библиография **431**

Сокращения..... **474**

Приложение. **Наибы Шамиля** **475**

Ю.У.ДАДАЕВ

ГОСУДАРСТВО ШАМИЛЯ

Социально-экономическое положение,
политико-правовая и военно-административная
система управления

Редактор: Б.Г. Алиев

Художник: Х.-М. Доного

Верстка и дизайн: А. Ханова
Н. Шихалиева
М.Муртазалиева

Лицензия ПД № 01220 от 18.09.2001 г.
Подписано в печать 30.05.2006 г. Формат 84x60/ $^{1}/_{16}$.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 31,2625
Тираж 1000 экз. Заказ №119

Исламская типография "ИХЛАС"
367012 РД, г. Махачкала, ул. Левина, 9

Электронная библиотека Института истории, археологии и этнографии Дагестанского НЦ РАН

instituteofhistory.ru

Дадаев Юсуп Усманович родился в 1951 г. в селении Дылым Казбековского района Дагестана. В 1973 г. с отличием окончил Куйбышевский (Самарский) плановый институт. Трудовую деятельность начал инженером-экономистом в проектном институте «Дагестангражданпроект».

После службы в рядах Советской Армии прошел большую школу общественно-политической работы в комсомольских и партийных органах республики. Был председателем районного собрания, председателем райисполкома, главой администрации Советского района города Махачкалы. Дважды избирался депутатом Парламента Республики Дагестан, работал председателем Комитета Народного Собрания Республики Дагестан по экономической политике, советником Председателя Народного Собрания Республики Дагестан. Ныне работает консультантом Комитета Народного Собрания Республики Дагестан по собственности, одновременно преподает в Дагестанском государственном университете. Лауреат Государственной премии Республики Дагестан за 1999 г. в области литературы.

С 1998 г. Ю.У. Дадаев возглавляет культурно-историческое общество "Фонд Шамиля" который работает под девизом "Дайте Кавказу мир и не ищите земного рая на Евфрате".

За 15 лет существования "Фонд Шамиля" стал заметным явлением в общественно-политической жизни Дагестана, Северного Кавказа и России, объединяет в своих рядах более 200 ученых, писателей, творческих работников России и зарубежных стран.

Ю.У. Дадаев автор более 50 научных работ, в том числе 9 монографий.